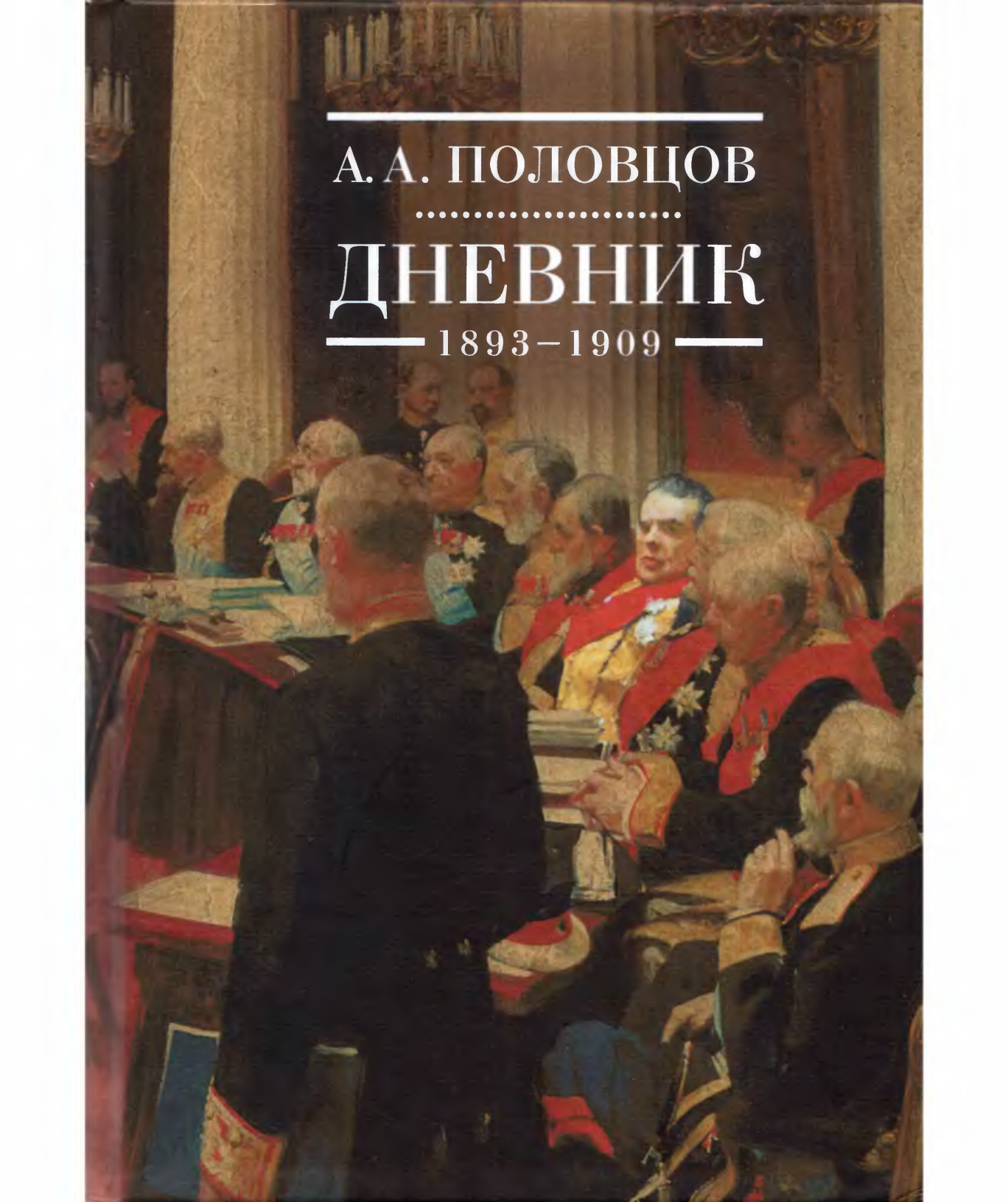

А. А. ПОЛОВЦОВ

.....

ДНЕВНИК

— 1893—1909 —

женский проект

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

А. А. Половцов

**ДНЕВНИК
1893 – 1909**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2015

УДК 82-94+94(47)"1893/1909"

ББК 63.3(2)5

П 521

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Составитель:

Ольга Юрьевна Голечкова

Половцов А. А.

П 521 Дневник. 1893–1909 / сост., коммент. вступ. ст.
О. Ю. Голечковой. – СПб.: АНО «Женский проект»: Алетейя,
2015. – 704 с.

ISBN 978-5-91419-978-1

Дневник А. А. Половцова 1893–1909 гг. является уникальным историческим источником по истории Российской империи конца XIX – начала XX века. Участник или свидетель многих важных событий политической жизни государства автор дневника, как правило, оставлял подробные записи по их свежим следам. На страницах дневника он описывал представителей высшей бюрократии, членов Императорской фамилии, обычно подробно передавал содержание бесед с ними. Часто Половцов рассказывал о заседаниях Государственного совета, детально и со свойственным ему сарказмом фиксировал петербургские сплетни и слухи.

Полностью дневник этого периода публикуется впервые.

Издание, снабженное вступительной статьей, комментариями и указателями, адресовано историкам-специалистам, а также широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей.

УДК 82-94 + 94(47) "1893/1909"

ББК 63.3(2)5

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета
7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения».
Портрет участвовавшего в этом заседании А. А. Половцова
размещен на лицевой обложке и выделен*

ISBN 978-5-91419-978-1

9 785914 199781

- © О. Ю. Голечкова, составление,
вступ. статья, комментарии,
указатели, подготовка текста, 2014
- © АНО «Женский проект», 2014
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

Источниковедческие и археографические проблемы реконструкции дневника А. А. Половцова (1893–1909 гг.)

Имя Александра Александровича Половцова стало известно широкому кругу исследователей благодаря публикации его дневника П. А. Зайончковским. В 1960-е гг. ученый проделал колоссальную работу по анализу этого источника за 10 лет (1883–1892 гг.)¹. Материалы дневника использовались в фундаментальных исследованиях, в которых рассматривается указанный период отечественной истории².

Благодаря этим изданиям Половцов получил известность как одна из политических «акул» эпохи Александра III, деятельности же бывшего государственного секретаря в качестве обычного члена Государственного совета не уделялось особого внимания. Сложилось мнение, что все свои главные деяния Половцов совершил на посту государственного секретаря (1883–1892 гг.), а после утратил политическое влияние, стал больше времени уделять истории и искусству, часто болел и вообще достиг возраста, когда участие в закулисных интригах и активная государственная и общественная деятельность были ему не по силам. Отсюда делался вывод, что вся наиболее интересная информация содержится в дневниках именно за 1883–1892 гг. Подобный взгляд представляется не совсем верным. Без сомнения, время пребывания Половцова на посту государственного секретаря можно считать вершиной его карьеры как государственного деятеля. В 1883–1892 гг. он находился в эпицентре

¹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. 1883–1886 гг. Т. 2. 1887–1892 гг. Редакция, биографический очерк и комментарии П. А. Зайончковского. М., 1966. Переиздан в 2005 г. с предисловием Л. Г. Захаровой. Рецензии на первое издание: *Эйдельман Н. Я.* В предчувствии краха // Новый мир. 1967. № 7. С. 261–266; *Захарова Л. Г.* Дневник государственного секретаря А. А. Половцова // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 177–179.

² *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973; Кризис самодержавия в России, 1895–1917 гг. Л., 1984; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996; *Корелин А. П., Степанов С. А.* С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999; *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999 и др.

политической жизни империи: играл ведущую роль в обеспечении работы Государственного совета, имел доступ к императору. Но следует учитывать, что и в 1890–1900-е гг. Половцов продолжал внимательно следить за всем происходившим и тщательно фиксировать свои наблюдения и полученную информацию в дневнике. После отставки с должности государственного секретаря Половцов оставался одним из немногих членов Государственного совета, способных, как он сам признается в дневнике, «произносить речи» и «принимать участие в прениях»¹. Половцов участвовал в работе Финансового комитета, в 1901–1905 гг. заседал в Департаменте законов. В 1905–1906 гг. он присутствовал на совещаниях по разработке учреждения Государственной думы и реорганизации Государственного совета. Широкое признание получила деятельность Половцова во главе Императорского русского исторического общества и издание им «Русского биографического словаря».

В Государственном архиве Российской Федерации фонд А. А. Половцова состоит из 74 единиц хранения и представлен разнообразными материалами (письма, записки, записные книжки, проекты речей). Самым обширным из них является его дневник с 1859 по 1909 год². Журналы (так автор называл свои дневники) за 1883–1892 гг., как уже говорилось, были опубликованы П. А. Зайончковским, а за 1894–1908 гг. частично печатались в «Красном архиве».

В полной мере документальное наследие А. А. Половцова и его разнообразная деятельность остаются неисследованными. Вышло лишь несколько биографических статей³, авторы которых пользовались преимущественно дневником, изданным П. А. Зайончковским. В 2008 г. в статье опять же биографического характера С. А. Никитин дал более подробную характеристику Половцову, но не привел каких-либо принципиально новых данных. По всей видимости, названный исследователь

¹ ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 69. Л. 118–119 (далее – ссылки только на номера дел и листы). Все ссылки на дневник Половцова даются по архивным делам.

² В биографическом очерке о Половцове П. А. Зайончковского в качестве крайней даты ошибочно указан 1908 г.: *Зайончковский П. А.* А. А. Половцов. Биографический очерк // Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. М., 2005. С. 16 (здесь и далее ссылки на издание 2005 г.).

³ Половцов А. А. // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 773–774; *Бартенев П. И.* А. А. Половцов // Русский архив. 1909. Вып. 11. С. 351–352; *Нелепин И. Г.* Этот Половцов удивительный человек // Уральский следопыт, 1993. № 9. С. 75–76; *Прохоренко Г. Е.* Сановник, меценат и коллекционер Александр Александрович Половцов // Наше наследие. 2006. № 77. С. 24–27; биографическая статья в справочнике: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи, 1802–1917: биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 597–600.

также анализировал преимущественно дневник 1883–1892 гг., поскольку в статье он ошибочно указал, что «дневник Половцова полностью расшифрован по подлиннику и издан заново»¹. Есть работы, посвященные культурной деятельности Половцова². Его деловая активность также не была подвергнута серьезному изучению. Интересно, что практически все авторы работ о Половцове находят его финансовые дела крайне неутешительными, но при этом оперируют одной и той же цитатой из мемуаров С. Ю. Витте³.

Поэтому важной источниковедческой задачей становится анализ дневника Половцова с 1893 г., то есть с того места, на котором завершается издание П. А. Зайончковского, и до кончины автора в 1909 г. Журналы этого периода гораздо менее систематичны, чем за 1883–1892 гг. Нередко записи отрывочны, целыми месяцами Половцов ничего не фиксирует. Правда, иногда через некоторое время возвращается к пропущенным месяцам и делает заметки о происшедшем в форме воспоминаний. Часто записи за один и тот же год встречаются в нескольких тетрадах. Если же учесть, что опись фонда Половцова в ГА РФ не полностью соответствует его содержанию, а машинописные копии дневника частично датированы неверно, трудоемкость работы с этим источником становится очевидной. Например, если исследователя заинтересует информация за 1898 г., то он, просмотрев опись, решит воспользоваться делом № 50, тогда как на самом деле обширные записи за указанный год содержатся в деле № 44, крайние даты которого в соответствии с описью – 26 ноября 1892–1893 г. Подобный пример не единичен. Датировка некоторых разделов машинописных копий не соответствует действительности, поэтому есть вероятность использования историками информации, не относящейся к исследуемому ими периоду. Кроме того, часть дневника, вероятно, не сохранилась. Отсюда возникает еще одна задача – реконструировать дневник за 1893–1909 гг. как целостный документ с привлечением других материалов фонда Половцова (писем, речей, записок и др.).

¹ *Никитин С. А.* Александр Александрович Половцов // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 39–54, 53.

² *Житнева Н. В.* Особняк А. А. Половцова (Санкт-Петербургский дом архитектора). СПб., 1997; *Меньшикова М. Л.* Половцовы как коллекционеры прикладного искусства Китая // Материалы научно-практических конференций. Самара, 1997. С. 175–184; *Прохоренко Г. Е.* Указ. соч. В 2007 г. по телеканалу «Культура» в цикле передач «Дворцовые тайны» была показана передача А. Д. Марголиса «Особняк Половцова».

³ *Зайончковский П. А.* А. А. Половцов. Биографический очерк // Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. С. 9–10; *Прохоренко Г. Е.* Указ. соч. С. 25; *Непеин И. Г.* Указ. соч. С. 75; *Меньшикова М. Л.* Указ. соч. С. 175.

Дневник Половцова эпохи Николая II – уникальный исторический источник, в котором содержится разнообразная информация: описываются политические интриги, приводятся меткие суждения об известных политических фигурах, даются яркие портреты представителей высшей бюрократии обоих – александровского и николаевского – царствований, фиксируются последние сплетни и слухи. Дневниковые записи выглядят взвешенными и продуманными. Это обстоятельство подтверждает предположение П. А. Зайончковского о том, что дневник, по-видимому, явился беловым вариантом сделанных ранее кратких заметок¹.

Очевидно, что Половцов пишет для потомков, возможно, даже с расчетом на публикацию. Так, например, в записи от 22 мая 1901 г. говорится: «Самые подробности смерти императрицы (Марии Александровны. – О. Г.)

¹ *Зайончковский П. А.* А. А. Половцов. Биографический очерк // Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. С. 17. В фонде Половцова сохранилось несколько тетрадей с записными книжками интересующего нас периода: за 1900, 1901 и 1903 гг. Обычно они представляют собой краткие заметки – будущей план для подробного описания произошедшего в тот или иной день. В некоторых случаях Половцов ограничивается несколькими словами, иногда запись занимает 1–2 страницы и выглядит более подробной. Например, в записи за 17 января 1903 г.: «Засед[ание] в соед[иненных] д[епартамента]х. Куропаткин. Кадетские школы. Разногласия <...>» (Д. 58. Л. 9). Иногда дневник практически дублирует заметку. Так, в записной книжке за 3 января 1903 г. помечено: «Заезжаю к В[ладимиру] А[лександровичу]. Рисовальное училище. Шидловский. А[лексей] Оболенский. Баллотировка Ламздорфа. Приезд германского наследного принца» (Д. 58. Л. 2). В дневнике: «<...> заезжаю узнать о положении Владимира Александровича, больного воспалением легких, но благодаря вражде ко мне его супруги мне не удастся его видеть. Осматриваю выставку ученических работ в нашем ученическом училище. Дело растет и движается, несмотря на косность среды, в коей приходится трудиться. В новом клубе баллотируется министр иностранных дел Ламздорф, не без опасности быть забаллотированным. Приезжает наследный германский принц» (Д. 56. Л. 13 об.). Дневниковая запись за 17 января 1900 г. также практически полностью дублирует информацию из записной книжки, не получили распространения только последние заметки: «<...> заезжаю к Витте. Его рассказы о финансовом положении, о нашей воинствующей политике, о жел[езных] дорогах» (Ср.: Д. 52. Л. 5–5 об., д. 68. Л. 273–274). Нередко напротив несколько слов заметки превращаются в десятки страниц в дневнике. Например, фраза «в 10 ч[асов] у Плева. Его заявление. Иллюстрация» (Д. 58. Л. 3) за 5 января 1903 г. была распространена до трех страниц (Д. 56. Л. 13 об. – 15 об.). Разговор с В. К. Плева изложен очень подробно. Многие любопытные заметки не получили развития в дневнике, либо эти дневниковые записи не сохранились. Так, в записной книжке за 1903 г. (18 января) читаем: «<...> вечером у Куропаткина. Его записки. Отношения к Государю. Мир с Витте. Шансы войны. Деятельность В[оенного] М[инистерст]ва» (Д. 58. Л. 9 об.). Дневниковой записи за этот день в нашем распоряжении нет.

таковы, что я не могу не записать их, надеясь, что таким образом сохранится еще одно свидетельское о том показание» (Д. 53. Л. 5). Кроме того, автор делает уточнения о занимаемых должностях, родственных связях и иных деталях подобного рода, которые совершенно не обязательны в личном дневнике. Вот характерная с этой точки зрения запись: «Уезжаю из Петербурга вместе со старшим сыном; едем до станции Грязи, где я сворачиваю по Царицынской линии и еду до станции Поворино <...> где меня ожидает младший сын¹ – студент горного института» (1893 г. Д. 46. Л. 1). Маловероятно, чтобы уточнение статуса младшего сына автор дневника делал для себя. Даже своих родственников, в том числе внуков и детей, Половцов называет не уменьшительными именами, а официально – например, «графиня Бобринская»².

Дневник Половцова – это дневник именно государственного деятеля. Информации личного характера в нем практически нет, о семье встречаются лишь краткие упоминания. Например, 24 декабря 1908 г. автор записывает: «После смерти жены моей, последовавшей 9 июля 1908 г., я в августе месяце уехал во Францию и на короткое время в Англию <...>»³. О смерти внучки⁴ – тоже всего несколько предложений⁵. Личных переживаний совсем не встречается, Половцов предельно сдержан, хотя нередко возмущается поведением представителей высшего общества или действиями правительства. Обычно он не стесняется в выражениях: «<...> предлагаю на первое время учредить <...> коллегия Гос[ударственной] канцелярии. Все соглашаются со мной в необходимости такого учреждения, но никто не решается его создать. Нерешительность и вялость, свойственные бездарности!»⁶ Или: «Кабинет Горемыкина – сходбище ничтожных людей, которые ожидают событий, но не в состоянии ни их предвидеть, ни их направлять»⁷. О заседании общего собрания Государственного совета 23 февраля 1904 г. записано: «<...> это не гос[ударственные] речи, а ребяческий лепет»⁸.

Половцов подробно описывает свои встречи с политическими деятелями, дает им яркие, меткие характеристики и при этом практически ни о ком не отзывается одобрительно. На протяжении всех

¹ Имеется в виду П. А. Половцов.

² Имеется в виду Н. А. Бобринская.

³ Д. 69. Л. 198.

⁴ Речь идет о второй внучке Половцова, Надежде Алексеевне Бобринской, скончавшейся 7 мая 1896 г. в возрасте 11 лет.

⁵ Д. 69. Л. 86.

⁶ Там же. Л. 121.

⁷ Там же. Л. 135.

⁸ Там же. Л. 13.

рассматриваемых 17 лет положительной оценки удостоились всего несколько человек, среди которых – близкий друг Половцова А. Б. Лобанов-Ростовский и А. П. Извольский. Автор лично способствовал в 1895 г. назначению Лобанова на пост министра иностранных дел и при всяком упоминании его не скупится на похвалы: «<...> по счастью, внешняя политика попала в руки моего приятеля князя Лобанова, который в один год поставил Россию в исключительное положение могущества и славы»; «<...> то был последний мой разговор с этим превосходнейшим человеком»¹ и т. д. О министре иностранных дел в 1906–1910 гг. Извольском Половцов пишет более сдержанно: «<...> министром иностранных дел назначен Извольский, замечательный по уму и способностям, на место постыдного, бездарнейшего Ламздорфа, виновника наших политических бедствий»².

Критические же высказывания выглядят подчас весьма резкими. Например, об И. Н. Дурново: «<...> что за пошлое подобострастное ничтожество, подкупающее тех, кто выше его, своим подобострастием и лакейством»³. Или: «<...> министр иностранных дел Гирс, гораздо более похожий на разлагающийся труп, чем на живого человека»⁴; «Коковцов, со свойственным ему павлиньим чванством, высказывает много общих мест и закругленных фраз, довольно бессодержательных»⁵, «председатель Департамента экономии Сольский, полуразвалившийся телесно и духовно, вместо чем играть роль умерителя не довольно обдуманых порывов Витте, раболепно ему повинуется»⁶ и т. д.

Половцов обладал обширными связями, в том числе среди членов императорской Фамилии (особенно близкими были его отношения с великими князьями Владимиром Александровичем и Михаилом Николаевичем) и представителей высшей бюрократии. Делая запись в дневнике, он, как правило, указывал источник информации: сам был свидетелем или узнал от кого-либо. Например: «Витте сообщает <...>»⁷; «на обратном пути Хилков рассказывает <...>»⁸ и т. д. К Половцову заезжают посоветоваться,

¹ Д. 46. Л. 80–81; Д. 68. Л. 258. Подробнее о назначении князя Лобанова на этот пост см.: *Голечкова О. Ю.* Пустующее министерство, или Борьба вокруг назначения князя А. Б. Лобанова-Ростовского на пост министра иностранных дел // Клио. 2013. № 4 (76). С. 50–54.

² Д. 69. Л. 126.

³ Д. 46. Л. 9 об.

⁴ Красный архив. Т. 6. 1934. С. 174.

⁵ Д. 69. Л. 135.

⁶ Д. 46. Л. 79 об.

⁷ Д. 51. Л. 31.

⁸ Д. 68. Л. 292.

некоторые лоббируют назначения: «<...> в 10 ч. приходит ко мне Витте, повторяя свою просьбу относительно способствования назначению министром путей сообщения Иващенко¹» (3 января 1895 г.)²; «<...> заезжает Нольде³ просить о содействии проведению в государственные секретари Кауфмана⁴» (6 февраля 1904 г.)⁵; «<...> Витте уведомляет меня запиской, что Сольский обещал ему включить в число кандидатов на должность государственного секретаря Алексея Оболенского и просит меня поддержать эту кандидатуру перед [великим] к[нязем] Мих[аилом] Ник[олаевичем]»⁶ (8 февраля 1904 г.).

Часто Половцов подробно описывает заседания Государственного совета, детально и со свойственным ему сарказмом фиксирует петербургские сплетни. Приводимая им информация подтверждается другими источниками⁷. Например, 3 февраля 1904 г. Половцов реагирует на слух о возможном назначении В. А. Шильдера министром народного просвещения «по ходатайству Мещерского»⁸. Об этом же днем раньше в своем дневнике сообщает А. Н. Куропаткин: «Витте рассказывал, что Государь предлагал Мещерскому быть мин[истром] народн[ого] просвещения. Отказался. Указал на г[енерал]-м[айора] Шильдера, директора Псковск[ого] кад[етского] корпуса»⁹.

Еще одна особенность журналов Половцова – присутствие в их тексте внешних источников, как правило, переписанных от руки. Автор приводит собственные речи, записки, а также письма, имеющие, по его мнению, историческую ценность.

Дневник Половцова за рассматриваемый период представлен в ГА РФ шестнадцатью делами, из которых тринадцать – тетради в переплете,

¹ Имеется в виду А. П. Иващенко.

² Д. 47. Л. 75.

³ Имеется в виду Э. Ю. Нольде.

⁴ Речь идет о П. М. Кауфмане.

⁵ Д. 69. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Информация о тех же фактах, о которых сообщает Половцов, встречается в дневниках и воспоминаниях других представителей высшей бюрократии. См.: *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000; *Кокковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 1, 2. М., 1992; *Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989; *Витте С. Ю.* Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1, 2. М., 2003; *Дневник А. Н. Куропаткина* // Красный архив. 1922. Т. 2. М., 1922; *Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2001 и др.

⁸ Д. 69. Л. 5. Слухи не оправдались – назначение В. А. Шильдера министром народного просвещения так и не состоялось.

⁹ Дневник А. Н. Куропаткина. С. 111.

три – машинописные копии оригинала (машинописные копии появляются впервые в описи 1952 г.). Очевидна необходимость всестороннего анализа этого материала с целью реконструкции текста дневника как целостного, выстроенного в хронологической последовательности документа. К тому же в нашем распоряжении оказались небольшие отрывки из записей Половцова конца 1880-х – начала 1890-х гг.¹, которые не вошли в публикацию П. А. Зайончковского.

Одна из проблем, с которыми пришлось столкнуться, – это определение крайних дат дневника. П. А. Зайончковский, по-видимому, ориентируясь на не всегда корректно составленную опись, указывает, что дневник заканчивается 1908 г. (по описи крайние даты – 1837–1908 гг.)². Но в деле № 69 имеются записи за январь 1909 г. Неверная датировка машинописной копии исключается, так как многие даты можно проверить³. Кроме того, во всех актах передачи и проверки документов фонда крайними датами названы 1837–1909 гг. (по делу фонда № 583). В более поздних актах временной диапазон не указан. Вероятно, появившаяся в современной описи дата – 1908 г. – более поздняя ошибка. Это предположение подтверждается старыми описями фонда. В первой описи (1922 г. Д. 75) крайние даты единиц хранения указаны верно, и лишь в третьей описи (1952 г. Д. 77) возникает 1908 г.

Старые описи фонда помогают уточнить и некоторые вопросы о несохранившихся материалах. Так, оригиналы дневника за 1905–1909 гг.,

¹ Д. 39. Подробнее это дело будет описано ниже.

² Кроме того, необходимо уточнить некоторые замечания, сделанные П. А. Зайончковским в биографическом очерке о Половцове в издании дневника за 1883–1892 гг. Так, сообщая о записях за 1895 г., исследователь указывает, что они относятся к январю, началу февраля, 8 марта, пяти дням сентября и одному дню октября (речь идет об информации из дел №№ 46 и 47). Получается, что дело № 48, в котором содержатся записи за 29 и 30 марта, а также за апрель, не было учтено П. А. Зайончковским, хотя заметки, сделанные 29 марта и 21 апреля, опубликованы в «Красном архиве» (Красный архив. 1931. Т. 3. С. 110–111). За 1896 г. имеются четыре записи (12 марта, 17 и 30 апреля, 7 мая), а не три, как отмечает исследователь (*Зайончковский П. А. А. Половцов. Биографический очерк. С. 17*). Кроме того, в биографическом очерке говорится, что за 1897 г. Половцовым сделана «лишь одна запись, в форме воспоминаний, озаглавленная „Весна, 1897 год“» (*Зайончковский П. А. А. Половцов. Биографический очерк. С. 17; Д. 44. Л. 19–38 об.*). Но заметки за этот год содержатся также в деле № 49 (с 1 января по 6 февраля 1897 г.). По описи оба эти дела датированы неверно (Д. 44–1892–1893 гг., Д. 49–1896 г.). Поэтому создается впечатление, что П. А. Зайончковский дело № 44 учел, а дело № 49 – нет. (Снова заметим, что записи за 2, 6, 11 января и 6 февраля 1897 г. опубликованы в «Красном архиве».)

³ См., например, запись за 6 января 1909 г. – о переменах в составе Государственного совета (Д. 69. Л. 205–206).

в настоящее время отсутствующие в ГА РФ, судя по первой описи 1922 г., входили в состав фонда¹. Вторая опись (д. 76) не содержит интересные нас дела 1905–1909 гг. и три других дела (записки без указания года и автобиографические записки). Эта опись не датирована, и не исключено, что именно на момент ее составления дела 1905–1909 гг. были перемещены, а в дальнейшем утеряны. Это косвенно подтверждается актом проверки наличия и состояния документов от 5 сентября 1950 г., где говорится, что одиннадцать единиц хранения из заявленных в описи отсутствуют, и приводятся номера ненайденных дел². В третьей описи (д. 77), составленной в 1952 г., впервые появляется информация о машинописных копиях (д. 61–69 по старой описи дела № 77). Именно здесь возникают и некоторые значительные расхождения в крайних датах единиц хранения. Эта опись, не считая некоторые позднее включенные в нее дела (не дневники), является на сегодняшний день последней по времени составления. То есть основные неточности появились раньше, затем не были исправлены и перешли в третью опись. С целью их выявления и оценки содержащейся в дневнике 1893–1909 гг. информации нами проанализированы все единицы хранения, относящиеся к рассматриваемому периоду. Ниже приведены основные результаты проделанной работы, которая и послужила основой для последующей реконструкции текста дневника. Представляется целесообразным привести краткие описания дел, затрагивающих период 1893–1909 гг.

Дело № 39 не полностью относится к интересующему нас времени, преобладающая часть содержащейся в нем информации датирована более ранними годами³. Эту единицу хранения следует охарактеризовать подробно, так как в публикации П. А. Зайончковского приводимых ниже сведений нет.

В ходе работы с материалами дела № 39 пришлось столкнуться со значительными трудностями. В описи крайними датами указаны 1890–1894 гг., но при анализе текста выяснилось, что это не так. Дело состоит из разрозненных листов – отрывков из дневников разных лет, в большинстве своем неполных и недатированных. Кроме того, не все листы в деле разложены по порядку, и для реконструкции текста приходилось практически построчно сравнивать их друг с другом. При этом удалось атрибутировать некоторые даты.

¹ По первой описи: д. 65 – 1905 г., д. 66 – 1906 г., д. 67 – 1907 г., д. 68 – 4 мая 1907 г., д. 69 – июнь 1907 г., д. 70 – 1908 и 1909 гг.

² Дело фонда № 583. Л. 5–6.

³ Материалы данного дела опубликованы в конце книги в качестве приложения.

На первом листе (отрывочном)¹ сначала идет окончание недатированной записи о заседании Государственного совета: «<...> увольнение от обязанностей военного министра, или сойдет с ума². После заседания великий князь Владимир Александрович заходит пить чай и долго болтает о современных пустяках с отличающими его умом и незнанием жизни». Далее (на том же листе) – несколько записей за разные дни. Поскольку приводятся конкретные числа (20, 22, 23), легко установить год и месяц событий. Так, в деле говорится: «20, пятница, спуск корабля „Память Азова“»³. Эту дату можно проверить: спуск крейсера «Память Азова» был приурочен к 200-летию ботика Петра I и состоялся 20 мая 1888 г. Приведенная и последующие датировки на первом листе подтверждаются участием в описываемых событиях известных представителей высшей бюрократии – Н. И. Шебеко (Шабеко), И. А. Вышнеградского, В. А. Железникова, Д. А. Толстого, К. И. Палена. Толстой занимал пост министра внутренних дел в 1882–1889 гг., Шебеко – должность товарища министра внутренних дел с апреля 1887 по июль 1895 г. Вышнеградский был назначен управляющим Министерством финансов в январе 1887 г., а на министерском посту находился в 1888–1892 гг. Статс-секретарь Департамента законов Государственного совета Железников скончался в ноябре 1889 г. Сопоставив эти данные, получаем, что дневниковые записи должны относиться к 1887, 1888 или 1889 г. События действительно, скорее всего, имели место в мае, так как «князь Михаил Николаевич уже переехал на дачу в Стрельну»⁴, но еще не начались летние вакации, и продолжаются заседания Государственного совета⁵. В публикации П. А. Зайончковского записи за 20–23 мая 1887 и 1888 г. отсутствуют⁶, а за 22 и 23 мая 1889 г. имеются⁷.

Следующий лист – отдельный, отрывочный, недатированный и не связанный с предыдущим. Здесь приведен фрагмент разговора (начало отсутствует) с императрицей Марией Федоровной. Речь идет в том числе о наследнике: «<...> я перевел разговор на цесаревича и воспользовался случаем высказать о близком ей члене семейства самые лестные отзывы, без тени лжи или подобострастия»⁸. Беседа происходит, пока Половцов, бывший в то время государственным секретарем, ожидает своей

¹ Д. 39. Л. 1–1 об.

² По-видимому, речь идет о П. С. Ванновском – военном министре в 1882–1897 гг.

³ Д. 39. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. С. 49, 103.

⁷ Там же. С. 214.

⁸ Д. 39. Л. 2.

очереди «чтобы войти в кабинет Государя, где многоречивый Вышнеградский занимает хозяина своим еженедельным докладом»¹. Далее передан разговор Половцова с императором Александром III – о скором отъезде государственного секретаря и о деле по ограничению судебной ссылки в Сибирь².

Следующий лист тоже не связан с только что описанным сюжетом. Однако если проанализировать дело подробно, станет очевидным, что далее по смыслу должны следовать листы из конца дела (л. 16–18). Здесь продолжается разговор с императором об ограничении ссылки и о несовершенствах российской судебной системы. Заканчивается запись информацией о чрезмерно пышных путешествиях великого князя Владимира Александровича и датой – 6 июня 1888 г. Получившийся отрывок (записи за 20, 22, 23 мая и 6 июня) – это листы из не сохранившегося полностью дневника за 1888 г. В публикации П. А. Зайончковского сведения, датированные июнем 1888 г., отсутствуют.

Вернемся к листам 3–15. Здесь имеется отрывок черновика записки Александру III об устройстве музея для рабочих³. Начало отсутствует, почти все зачеркнуто. На обороте – письмо императору о заседании Департамента экономии 6 декабря 1890 г., несколько писем из переписки Половцова с великим князем Владимиром Александровичем. Далее – опять с нового листа – письма К. П. Победоносцева, которые Половцов счел «любопытными»⁴. Внесены в дневник они были уже при Николае II, как отмечает сам автор дневника: «<...> бумаги эти были посланы им (Победоносцевым. – О. Г.) нынешнему Государю Николаю II»⁵. Как видно из сопроводительной записки⁶, датированной 2 ноября 1890 г., императору переданы письма Победоносцева к фрейлине Е. Ф. Тютчевой с 1 марта по 29 декабря 1881 г., а также корреспонденция Александра III Победоносцеву за 1881 г., последнее из посланий от 31 декабря 1881 г.⁷ Но в действительности в деле имеется лишь письмо Победоносцева к Тютчевой

¹ Там же.

² Имеется в виду законопроект 26 февраля 1888 г., предполагавший прекращение общеуголовной судебной ссылки в Сибирь (его исполнение в итоге было признано неосуществимым). Дело слушалось в Государственном совете с 26 февраля по 14 июня 1888 г. См.: Отчет по Государственному совету за 1888 г. СПб., 1889. С. 747; *Опись дел архива Государственного совета*. Т. 10. Дела Государственного совета с 1883 по 1888 г. СПб., 1913. С. 339.

³ Д. 39. Л. 3–5.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 13–14 об.

⁷ Там же. Л. 14–14 об.

от 1 марта 1881 г., которое оборвано на полуслове¹, хотя очевидно, что Половцовым были внесены в дневник и другие письма, либо часть из них. Интересно, что подобная информация содержится в деле № 47, в записи за 13 декабря 1894 г.: «Победоносцев сообщает мне несколько любопытных писем и записок, полученных им от покойного Государя в первый год царствования»². После чего следуют письма из переписки Александра III с Победоносцевым с 6 марта 1881 г. по 12 марта 1889 г. В том числе в этой тетради есть письмо от 31 декабря 1881 г., о котором, по-видимому, идет речь в сопроводительной записке Победоносцева Николаю II. Учитывая эти данные, можно предположить, что материалы дела № 39 были внесены в дневник в декабре 1894 г.

Перейдем к следующим единицам хранения. В соответствии с описью дело № 44 должно содержать дневник с 26 ноября 1892 г. по 1893 г. на 107 листах, тогда как в действительности в нем хранится дневник за осень – зиму 1892 г. (с 26 ноября по 31 декабря 1892 г. и за 1, 2, 4 января 1893 г.). Далее в тетради – недатированная запись весны 1897 г. в форме воспоминаний³, а также за 19 апреля и 6–17 августа 1898 г. Всего в деле 64 листа. Эти материалы важны для восстановления полного текста дневника, так как по описи «Журнал Половцова» за 1897 г. отсутствует.

На обложке дела № 46 указано, что в нем – дневник с осени 1893 г. по осень 1895 г. При подробном анализе текста оказалось, что это не совсем так. Сначала следует дневник конца 1893 г. – с 17 сентября по 23 декабря⁴. Далее – первая половина 1894 г. – с 16 января по 1 мая⁵. На л. 54–77 об. – дневник осени 1895 г. Первая запись начинается со слов «проведя часть лета в Париже»⁶ и не датирована, следующая – помечена 14 сентября. Заканчивается дневник за этот год 5 октября, после чего сразу следует 12 марта 1896 г., затем – 17 и 30 апреля, 7 мая 1896 г.⁷ Подробно описаны ходыньские события⁸, главным виновником которых Половцов считает великого князя Сергея Александровича. Это дело продублировано в машинописной копии⁹.

Содержание дела № 47 соответствует описи. В нем – дневник с 27 октября по 29 декабря 1894 г. и с 1 января по 6 марта 1895 г. Эти

¹ Там же. Л. 14 об.–15 об.

² Д. 47. Л. 50 об.

³ Д. 44. Л. 19–38 об.

⁴ Д. 46. Л. 1–28.

⁵ Там же. Л. 28 об.–53.

⁶ Там же. Л. 55.

⁷ Там же. Л. 77 об.–92.

⁸ Там же. Л. 87–92.

⁹ Д. 68. Л. 1–50; копия – л. 51–100.

записи имеются также в машинописной копии¹. Дневник 1894 г. из этого дела издан в «Красном архиве»². В записях за 1895 г. подробно изложены интриги вокруг назначения преемника министра иностранных дел Гирса. Здесь же, узнав 25 января о смерти А. А. Абазы, Половцов счел нужным дать пространную характеристику его жизни и деятельности, так как эта «личность выдается среди <...> современников»³. Автор дневника приводит скандальные обстоятельства отставки Абазы с поста председателя Департамента экономии, которые описаны и в других источниках⁴.

Дело № 48 по описи должно содержать только запись за 29 марта 1895 г. В действительности здесь представлен более обширный материал. На обложке тетради указано: «1895 г., март», — но внутри записи с 29 марта по 24 апреля 1895 г.⁵ Заметки, датированные 29 марта и 21 апреля, опубликованы в «Красном архиве», но не полностью⁶. Далее (без заголовка) следует записка Половцова от 8 сентября 1895 г. по крестьянскому вопросу⁷. Затем Половцовым переписано письмо совещательного члена Морского министерства М. И. Кази Николаю II от 27 августа 1895 г., сопровождающее записку о преобразованиях русского флота⁸. Заканчивается дело № 48 письмом Половцова императору от 4 сентября 1897 г. с просьбой прочесть «прилагаемую книгу»⁹ «любимца покойного Бунге»¹⁰ П.-П. Леруа-Болье¹¹. Это дело (правда, со значительными пропусками и опечатками) продублировано в машинописной копии¹².

Дело № 49 начинается с недатированной записи октября 1896 г. в форме воспоминаний: «<...> вот уже целый год, как я ничего не писал на этих страницах <...>»¹³. Здесь излагаются события апреля — мая 1896 г., о многих из которых Половцов уже рассказывал в другой тетради¹⁴. Затем

¹ Там же. Л. 185–229.

² Красный архив. 1934. Т. 6. С. 169–186.

³ Д. 47. Л. 88 об.

⁴ Ср.: д. 47. Л. 90–90 об.; *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 204–212; *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 187.

⁵ Д. 48. Л. 2–22.

⁶ Красный архив. 1931. Т. 3. С. 110–111.

⁷ Д. 48. Л. 22 об.–37.

⁸ Там же. Л. 37–42.

⁹ Там же. Л. 42.

¹⁰ Там же. Л. 42 об.

¹¹ Там же. Л. 42–43 об.

¹² Д. 68. Л. 100–127.

¹³ Д. 49. Л. 2.

¹⁴ Ср.: д. 46. Л. 77 об.–92.

говорится об июне¹ и августе 1896 г. вплоть до того момента, когда Половцов получил известие о смерти А. Б. Лобанова (умер 18 августа 1896 г.), после чего автор дает подробную характеристику жизни и деятельности скончавшегося министра иностранных дел². Далее несколько листов пропущено, затем с нового листа следуют записи с 1 января по 6 февраля 1897 г.³ Подавляющая часть имеющейся в этом деле информации за 1897 г. опубликована в «Красном архиве»⁴.

Дело № 50 по описи должно содержать дневник за 1898 г. Материал начинается пространной недатированной записью о событиях лета – осени 1898 г.⁵ Значительную часть занимает описание беседы Половцова с государственным секретарем В. К. Плеве, которая имела место в августе по поводу поздравления великого князя Михаила Николаевича с пятидесятилетием службы⁶. Информация подана в свойственной автору комической манере. Плеве предстает перед читателем аморальным ограниченным человеком. Заканчивается изложение ироничной ремаркой: «<...> после этих слов едва ли стоило передавать дальнейший разговор, так характерны слова этого человека, не имеющего ни чести, ни совести»⁷. В другой тетради содержится практически такая же запись (за 15 августа 1898 г.), в которой изложен тот же самый разговор с Плеве⁸, но более подробно. Характерно, что здесь передан и «дальнейший разговор»: о вероятном назначении Плеве статс-секретарем Великого княжества Финляндского, которое состоялось 1 января 1900 г. Далее в деле № 50 приводится подробная детективная история об ограблении Половцова в гостинице Монте-Карло и о последующем расследовании случившегося⁹. Затем идет дневник с 4 января по 17 июля 1899 г.¹⁰ Частично данные за 1899 г. опубликованы в «Красном архиве»¹¹. В конце тетради, с оборотной стороны, – письмо Половцова императору из Монте-Карло по поводу Исторического общества и состояния здоровья автора от 29 января 1898 г.¹²

¹ Д. 49. Л. 4–4 об.

² Там же. Л. 4 об.–11 об.

³ Там же. Л. 12–35.

⁴ Красный архив. 1931. Т. 3. С. 112–118.

⁵ Д. 50. Л. 1–17 об.

⁶ Там же. Л. 4–7 об.

⁷ Там же. Л. 7–7 об.

⁸ Д. 44. Л. 51–55.

⁹ Д. 50. Л. 8–17 об.

¹⁰ Там же. Л. 17 об.–54 об.

¹¹ Ср.: д. 50. Л. 17 об. – 54 об.; Красный архив. 1931. Т. 3. С. 118–124.

¹² Д. 50. Л. 55–55 об.

Дело № 51 (по описи – 1900 г.) начинается с выписок из книги У. Лекки «Демократия и свобода»¹ (л. 2–21). Далее идет письмо Николаю II о злоупотреблениях в России и во Франции², которое оборвано на полуслове и перечеркнуто карандашом. Затем помещены заметки для Государственного совета, датированные 19 февраля 1899 г., по делу о заповедности³. Следующие несколько дней – это краткие дневниковые записи начала марта 1899 г. После них в тетради находятся записки за 1900 г., с 12 января по 15 августа⁴, которые выборочно опубликованы в «Красном архиве»⁵.

В деле № 53 представлена дневниковая запись за 22 мая 1901 г., которая занимает 19 листов. Здесь изложены соображения Половцова по делу о завершении поземельного устройства единоверцев и старообрядцев в северо-западных и белорусских губерниях «в дополнение того, что изложено в департаментском журнале»⁶. Далее следует развернутый очерк царствования Александра II, в том числе подробно описаны обстоятельства последних дней жизни императрицы Марии Александровны. Половцов отмечает, что должен обязательно записать эти события, «надеясь, что таким образом сохранится еще одно свидетельское показание» всего произошедшего. В этой тетради рассказывается о последних месяцах правления Александра II, в том числе описаны обстоятельства женитьбы императора на княжне Долгорукой. По мнению Половцова, в последние годы Александр II, «поставив крест на заботах о ходе внешних и внутренних дел государственных», «сосредоточил свои интересы на княжне Долгорукой и прижитых с нею детях»⁷, а действительная власть перешла в руки Лорис-Меликова⁸. Затем автор дневника рассказывает о ревизии Киевской и Черниговской губерний и излагает петербургские сплетни первых дней правления Александра III. После этого Половцов подробно анализирует реформы

¹ Уильям Эдвард Хартпол Лекки (William Edward Hartpole Lecky) опубликовал двухтомный историко-политический труд “Democracy and Liberty” в 1896 г., в 1899 г. вышло новое дополненное издание.

² Д. 51. Л. 21–22.

³ Там же. Л. 22 об. 23 об. Речь идет о заповедных имениях – дворянских имениях, которые являлись собственностью рода и не могли разделяться между наследниками.

⁴ Д. 51. Л. 26–89.

⁵ П. А. Зайончковский ошибочно указывает, что дневник опубликован по 13 августа, так как и в оригинале, и в «Красном архиве» эти две записи следуют не по хронологии (сначала 15 августа, а затем – 13-е). – *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 16.

⁶ Д. 53. Л. 1–2.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 8.

императора-освободителя, а также характеризует основных политических фигур эпохи Великих реформ.

Содержание дела № 54 совпадает с описью. Здесь дневник с 17 февраля 1901 г. по 31 мая 1902 г.¹

Материалы дела № 56 – важное звено в восстановлении полного текста дневника Половцова. Эта единица хранения ошибочно датирована в описи 30 августа 1902 г. В действительности здесь содержится гораздо больший объем информации: дневниковые записи второй половины 1902 г. (с 30 августа по 31 декабря)², а также с 1 по 11 января 1903 г.³

По описи в деле № 57–248 листов, но на самом деле в нем всего 33 листа. Это специальная тетрадь для ведения дневника с напечатанными числами, православным календарем и памятными датами. В ней представлены записи с 29 января по 4 июня 1903 г.

Дело № 59, как и предыдущая единица хранения, является специальным дневником на 1904 г. с отмеченными числами. Первая запись датирована 3 января, последняя – 17 июля 1904 г. Это дело выборочно перепечатано в машинописной копии⁴. В 1904 г. автор регулярно обращается к теме русско-японской войны. В частности, пересказывает любопытные мнения на сей счет представителей высшей бюрократии: П. С. Ванновского, великого князя Владимира Александровича, С. Ю. Витте, А. М. Безобразова и др. Например, в записи от 8 февраля 1904 г. Половцов так комментирует слова великого князя Владимира Александровича: «Рассуждает весьма здраво о наших неудачах; не сомневается, что, хотя бы ценой огромных жертв, мы победим Японию, но что в результате никакой для России пользы и выгоды Европой допущено не будет»⁵.

Дело № 67 по описи – машинописная копия дневника за 1892 г. В действительности здесь помещены материалы с 1892 г. по 1898 г., в том числе записная книжка Половцова за 1892 г. Сначала приведена копия дневника с 1 марта по 3 июля 1892 г.⁶ Затем с новой страницы – 2 экземпляра дела № 44 (осень – зима 1892 г. и отрывки за 1893, 1897 и 1898 гг.)⁷. Далее следует записная книжка за 1892 г.⁸ в трех экземплярах. Заканчивается дело копией дневника с 1 марта по 3 июля 1892 г. (копия дела 43. Л. 161–202).

¹ 17 февраля – 30 декабря 1901 г. Д. 54. Л. 1–34 об.; 1 января – 31 мая 1902 г. Д. 54. Л. 34 об. – 88 об.

² Д. 56. Л. 1–12.

³ Там же. Л. 12 об.–18.

⁴ Д. 69. Л. 1–33, 34–66.

⁵ Д. 69. Л. 7.

⁶ Д. 67. Л. 1–42.

⁷ Там же. Л. 43–72, 73–102.

⁸ Там же. Л. 103–159.

В деле № 68 сначала идут две копии единицы хранения № 46, то есть отрывков из дневника за 1893–1896 гг.¹ Затем – копия дела № 48 (отрывки из дневника 1895 г.)². Далее следует дневник за февраль 1889 г., который неожиданно обрывается (вероятно, один или несколько листов пропущены). После помещена запись (не сначала) за 16 марта 1891 г. и затем – дневник вплоть до 16 июня 1891 г.³ После находятся записи за период с 27 октября 1894 г. по 6 марта 1895 г.⁴ – то есть дело № 47. На следующих страницах перепечатано дело № 53 (запись в форме воспоминаний от 22 мая 1901 г.), но в странной последовательности: сначала вторая половина дела, а затем – первая. То есть начинается этот раздел со слов «1 марта 1881 г. поздно вечером»⁵. Далее – начало дела⁶. Затем листы 230–242 скопированы еще раз⁷. Потом идет дело № 49⁸. В следующем разделе – письмо Половцова Николаю II от 29 января 1898 г.⁹ и частично дело № 51 начиная с заметок, озаглавленных «Для Совета»¹⁰. Этот раздел скопирован еще раз¹¹.

Наиболее трудоемкой оказалась работа с делом № 69 – машинописной копией за 1904–1908 гг., как указано в описи и на обложке дела. Оказалось, что машинописные копии тетрадей расположены не в хронологическом порядке. Более того, некоторые разделы датированы ошибочно. Крайние годы дела также указаны неверно, так как в него включен дневник за 1903 г., а повествование заканчивается 1909 г. Материалы этой единицы занимают особое место в реконструкции дневника Половцова, так как оригинал за 1905–1908 гг. не сохранился.

Дело начинается с двух копий единицы хранения № 59, то есть дневника за 1904 г., с 13 января по 17 июля¹². Не совсем понятно, по какому принципу отбирались записи для копирования. Например, в оригинале дневник за январь 1904 г. представлен 3, 5–21, 23–31 числами, тогда как в копии – только 13, 15, 16, 19, 21, 23, 27 и 29 января (8 дней из 27, то есть скопировано менее трети дней).

¹ Д. 68. Л. 1–50, 51–100.

² Там же. Л. 100–127.

³ Там же. Л. 130, 133–184.

⁴ Там же. Л. 185–229.

⁵ Ср.: Д. 53. Л. 11–19; Д. 68. Л. 230–235.

⁶ Ср.: Д. 53. Л. 1–11; Д. 68. Л. 235–242.

⁷ Д. 68. Л. 243–254.

⁸ Там же. Л. 255–269.

⁹ В деле № 68 ошибочно указан 1899 г.

¹⁰ Д. 68. Л. 270–304.

¹¹ Там же. Л. 305–336.

¹² Д. 69. Л. 1–33, 34–66.

Далее под заголовком «1904 г.» помещены два экземпляра дневника за январь – июнь 1903 г.¹, которые копируют оригинал (д. 57). Ошибочность датировки рукописи исключается, так как многие даты легко проверяемы. Например, дневник заканчивается июнем 1903 г., заметкой «похороны Дурново»². Речь идет о смерти председателя Комитета министров И. Н. Дурново, скончавшегося 29 мая 1903 г. В записи за 27 февраля говорится: «<...> в газетах манифест, обещающий исполнять программу Александра III. Это на 9 году царствования?»³. Очевидно, что имеется в виду манифест Николая II от 26 февраля 1903 г.

Затем следует новый заголовок – «1905 г.»⁴ Но на самом деле этот раздел содержит дневник за 1906 г., с 30 января по 10 августа. Приведем некоторые примеры атрибутирования дат. 11 марта – подробная запись о заседании Комитета финансов с конкретным указанием на датировку: «<...> началось с речи Витте, который настаивал на том, что важнейший теперь вопрос должен иметь предметом заключение займа, так как за 1905 год у нас дефицит в 188 мил[лионов], в 1906 необходимо израсходовать 488 мил[лионов] на ликвидацию войны»⁵. 25 апреля – информация о формировании нового кабинета Горемыкина⁶, который в апреле 1906 г. получил пост председателя Совета министров. Вообще в апрельском дневнике одной из основных тем стала Государственная дума: «<...> заседание общего собрания Г[осударственного] с[овета]. Торопливо разрешаются 45 дел ввиду быстро приближающегося открытия Государственной думы»⁷. 27 апреля – подробная информация об открытии Государственной думы⁸ и далее – описания заседаний реформированного Государственного совета и Государственной думы вплоть до указа о ее роспуске в июле 1906 г.⁹

В следующем разделе обложка озаглавлена – «1906–1908 гг.» Но с первых же строк дневника очевидно, что события относятся к 1905 г.: «15 сентября, четверг. В 8 час[ов] утра возвращается Витте, успешно заключивший мир с Японией»¹⁰. Здесь находим информацию и об октябрьских событиях: 17 октября – сведения об обсуждении

¹ Там же. Л. 67–87, 88–109.

² Д. 57. Л. 33.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Д. 69. Л. 110–144.

⁵ Там же. Л. 115–116.

⁶ Там же. Л. 126.

⁷ Там же. Л. 122.

⁸ Там же. Л. 127–128.

⁹ Там же. Л. 129–140.

¹⁰ Там же. Л. 145.

манифеста, 18 октября: «<...> в „Правительственном вестнике“ напечатан манифест, выражающий намерение Государя положить конец смуте, и, как средство к тому, учреждение объединенного министерства и назначение Витте первым министром»¹ и т. д. Эти сведения опубликованы в «Красном архиве»².

На следующих листах представлены отрывки из дневника за 1908 год, с марта (первая запись не датирована, следующая – 5 марта) по 31 мая³. В ГА РФ тетради с дневником за 1908 г. нет. Судя по манере изложения, записи за 30–31 мая – вероятно, копия записной книжки. Так, в заметке, датированной 31 мая, читаем: «Рез[ультат] ты свидания. Амурск[ая] дорога. Дума и Совет. Паралич Семенова. Петергофские похождения. Вечернее заседание. Грубость и невежество Акимова. Рассказ Хилкова. Отказ Гончарова»⁴. В ГА РФ записная книжка за 1908 г. также отсутствует. Записи за 5 марта – 30 мая с некоторыми сокращениями опубликованы в «Красном архиве»⁵.

Далее следуют записи за 4, 6 и 7 мая 1907 г.⁶ и два экземпляра дневника за май 1907 г., с 4 по 31 мая⁷. По манере изложения большинство записей за 4–27 мая напоминает записные книжки. Дневника за 1907 г. в ГА РФ нет, но описанные события подтверждают датировку. 31 мая Половцов записывает, что ему минуло 75 лет⁸. Он родился 31 мая 1832 г.

С нового листа – дневник за 1–26 июня 1907 г.⁹ Почти ежедневно Половцов приводит факты, связанные с роспуском II Думы: «Государственная дума распущена к великому удовольствию всей публики»¹⁰ (1 июня); «Обедает у нас, между прочим, Горемыкин, участвовавший в суждениях Совета министров относительно последнего роспуска Думы. Г[оремыкин] поражен нерешительностью и трусливостью членов кабинета»¹¹ (3 июня); «Навещаю Горемыкина, который сетует на теперешние порядки. В особенности на ту непростительную быстроту, с которой было написано положение о выборах. Писал его товарищ м[инистра] в[нутренних] д[ел] Крыжановский, который громогласно заявляет, что

¹ Красный архив. 1923. Т. 4. С. 77–78.

² Там же. С. 63–89.

³ Д. 69. Л. 174–182.

⁴ Там же. Л. 182.

⁵ Красный архив. 1923. Т. 4. С. 122–128.

⁶ Д. 69. Л. 183.

⁷ Там же. Л. 184–187, 188–191.

⁸ Там же. Л. 187.

⁹ Там же. Л. 192–197.

¹⁰ Там же. Л. 192.

¹¹ Там же.

вся работа стоила ему один день и две ночи»¹ (14 июня); «<...> к последнему роспуску Думы население вполне равнодушно»² (26 июня) и др.

Также в деле представлены дневники за 24–31 декабря 1908 г. и 1–23 января 1909 г., после чего следует копия этих листов, которая завершает тетрадь³. Оригиналы названных дневников отсутствуют. Многие из событий, о которых идет речь, можно легко датировать. Например, в записи за 24 декабря содержится прямое указание на дату описываемых событий: говорится о смерти жены Половцова, скончавшейся, как уже отмечалось выше, 9 июля 1908 г.⁴

Отдельно стоит остановиться на издании отрывков из дневника в «Красном архиве». В 1920–1930-е гг. вышло четыре публикации: в 1923 г. – за 1901–1903 гг. (т. 3)⁵ и 1905, 1906, 1908 гг. (т. 4)⁶, в 1931 г. – за 1895–1900 гг.⁷, в 1934 г. – за конец 1894 г.⁸

Первая публикация 1923 г. содержит значительную часть дневника за 1901 г. (17 февраля – 30 декабря), 1902 г. (1 января – 29 декабря) и за 1–10 января 1903 г. В 1923 г. также были изданы записи за 15 сентября 1905 г. – 10 августа 1906 г. и 1 марта – 5 мая 1908 г. Публикация 1931 г. охватывает период с 29 марта 1895 г. по 15 августа 1900 г. Но напечатаны выборочно несколько дней: в соответствующих архивных материалах записей гораздо больше. В «Красном архиве» представлены 29 марта и 25 апреля 1895 г., 2, 6, 11 января и 6 февраля 1897 г., 4 января, 13 февраля, 16 марта, 11 июня и 17 июля 1899 г., 12 и 14 января, 4, 8, 10, 12, 14, 24 апреля, 1 мая, 13 и 15 августа 1900 г. Публикация 1934 г. содержит отрывки из дневника за 1894 г., в частности, события осени – зимы – с 27 октября по 29 декабря (отрывки из дела № 47). То есть в публикации вообще не вошли 1893, 1896, 1898, 1904, 1907 и 1909 гг. Большинство дневников за другие годы опубликовано не полностью.

Достоинством публикаций является наличие в каждом томе журнала именного указателя с краткими сведениями о личностях, упоминаемых в воспроизводимых фрагментах⁹. Но здесь встречаются опечатки. Например, в комментариях к отрывкам из дневника за 1894 г.

¹ Там же. Л. 195.

² Там же. Л. 197.

³ Там же. Л. 198–225.

⁴ Там же. Л. 198.

⁵ Красный архив. 1923. Т. 3. С. 75–172.

⁶ Там же. 1923. Т. 4. С. 63–128.

⁷ Там же. 1931. Т. 3. С. 110–132.

⁸ Там же. 1934. Т. 6. С. 168–186.

⁹ См.: Красный архив. 1934. Т. 6. С. 168; Там же. 1923. Т. 3. С. 319–326; Там же. 1923. Т. 4. С. 435–442.

указано: «И. И. Кази, помощник морского министра»¹. Речь идет о Михаиле Ильиче Кази (1835–1896), общественном деятеле и совещательном члене Морского министерства.

Выборочные отрывки печатались в «Красном архиве» без ссылок на оригинал в тех случаях, когда они приводились не полностью. В публикации пропущены слова, предложения, иногда целые абзацы, либо из длинной записи воспроизведено лишь несколько строк. Нередко неточное изложение источника: ошибки в окончаниях, замена отдельных слов и т. д.

Для примера обратимся к записи за 22 июля 1901 г. Здесь рассказывается о «возлюбленном» министре внутренних дел Николая II – Сипягине – и о том, что некая группа лиц, имеющих доступ к императору, начала «гонение» против Витте – критикует его деятельность на посту министра финансов. В «Красном архиве» напечатано: «<...> во главе этого гонения ничтожный начальник охраны Гессе², сколько слышно, честный, но ограниченный пехотный офицер <...> теперь сделавшийся чем-то вроде министра внутренней политической оппозиции». В оригинале: «<...> политической полиции»³. Запись за 26 июля 1901 г. гласит: «<...> при Александре III Островский усиленно играл на ноте патриотизма, как будто патриотизм может быть частной собственностью и оружием (в оригинале: «орудием». – *О. Г.*) личного повышения»⁴. 2 января 1897 г. описано заседание Финансового комитета: «Нас проводят в угловую голубую гостиную, посреди коей стоит обеденный (в оригинале: „обычный“». – *О. Г.*), покрытый зеленым сукном стол»⁵. 1 января 1903 г. Половцов, рассказывая о назначении Э. Я. Фукса⁶ членом Государственного совета, отмечает: «<...> тот самый Фукс <...> который попал, вероятно, вследствие дружеских сношений с Плеве, которому он мог понадобиться и для того, чтобы провести начальника почтового управления Петрова – дутую (в оригинале: «битую». – *О. Г.*) бездарность»⁷.

В «Красный архив» преимущественно отбиралась информация, дискредитирующая самодержавную власть и всех, которые имели к ней хотя бы какое-то отношение. Поэтому в предисловии к публикации 1931 г. автор дневника представлен сановником с неудавшейся карьерой, озлобленным на всех и вся: «Накопившуюся горечь Половцов изливал в своем

¹ Там же. 1934. Т. 6. С. 136.

² Речь идет о П. П. Гессе.

³ Красный архив. 1923. Т. 3. С. 99. Ср.: Д. 54. Л. 26.

⁴ Там же. С. 101. Ср.: Д. 54. Л. 27 об.

⁵ Красный архив. 1934. Т. 6. С. 112. Ср.: Д. 49. Л. 14.

⁶ Имеется в виду Э. Я. Фукс.

⁷ Красный архив. 1923. Т. 3. С. 167. Ср.: Д. 56. Л. 12 об.

дневнике», где и разоблачал тайны двора¹. Между тем он, напротив, неоднократно сообщает в дневнике о своих отказах от назначений на должности. Так, 13 января 1900 г. Половцов записывает, что намеренно опаздывает на заседание Государственного совета, на котором должен обсуждаться вопрос о его назначении председателем Департамента законов, так как «под этим кроется интрига Плеве»². Через несколько дней, 17 января, он едет к великому князю Михаилу Николаевичу и просит назначить его рядовым членом Департамента законов³. В феврале 1900 г. министр юстиции Н. В. Муравьев предлагает Половцову председательствовать в комиссии для рассмотрения проектов изменений в судебных уставах, подготовленных Министерством юстиции. Половцов отказывается, считая, что его участие повредило бы реформе, подготавливаемой Муравьевым, так как «катковы, мешерские, толстые убедили Государя Александра III» в том, что он либерал, и эта репутация сохранилась и в нынешнее царствование⁴. 19 февраля 1901 г. великий князь Михаил Николаевич предлагает автору дневника председательствовать в Департаменте гражданских дел Государственного совета. Половцов снова отказывается «категорически и энергичически» на том основании, что «никогда не занимался серьезно судебными делами», и считает, что с его стороны было бы «недобросовестно принимать на себя <...> обязанности», для которых он непригоден⁵.

Видя свою задачу в обличении «хищнического строя»⁶, издатели «Красного архива» считали, что дневники Половцова имеют историческую ценность, так как именно в них автор выступает в качестве летописца-разоблачителя, которому не хватило смелости «раскрыть подлинное лицо царизма» в своих исторических трудах⁷. Поэтому в публикации большое место отведено слухам, сплетням и скандалам. В предисловии к одному из фрагментов дневника прямо заявляется, что издателей интересовали «встречи (Половцова. — О. Г.) с С. Ю. Витте, А. Н. Куропаткиным, В. К. Плеве, К. П. Победоносцевым, Романовыми, беседы с ними, слухи и сплетни о них и других представителях бюрократического Олимпа»⁸. Стремление показать уровень моральной деградации правящего класса нередко становится критерием отбора материала для публикации. Так, в издании дневника

¹ Там же. 1934. Т. 6. С. 167.

² Д. 68. Л. 273.

³ Там же. Л. 273–374.

⁴ Там же. Л. 276.

⁵ Красный архив. 1923. Т. 3. С. 77.

⁶ Там же. 1934. Т. 6. С. 167.

⁷ Там же.

⁸ Там же. 1923. Т. 3. С. 75.

за 1900 г. пропущены сведения о заседаниях Департамента законов, пространное изложение взглядов Половцова по дворянскому и крестьянскому вопросам и др.¹ Зато опубликована запись за 4 апреля – о заседании Финансового комитета, где, по-видимому, ключевым, с точки зрения издателей, является описание поведения великого князя Константина Константиновича. Он «все время молчит и забавляется тем, что зажигает спички и любит этим увеселительным огнем или катает круглый карандаш по листу бумаги»². Далее включена запись за 10 апреля: великую княгиню Александру Петровну и великого князя Николая Николаевича Старшего «перессорила из личных видов игуменья Митрофания, известная скандальными процессами»; Николай Николаевич вступил в связь с танцовщицей Числовой, а Александра Петровна – со священником своей дворцовой церкви и т. д.³ В то же время пропущено несколько апрельских записей, в частности, от 17 числа, где приводится любопытная информация о заседании Государственного совета по поводу представления министра государственных имуществ об «урегулировании землепользования». Здесь Половцов пытается доказать, «что провозглашение, что земля должна быть казенной на веки, а крестьяне должны только пользоваться ей, противно обещаниям, данным правительством при освобождении крестьян»⁴.

В некоторых случаях пропущены сведения, дискредитирующие революционные силы. Так, дневник за 1905 г. напечатан практически полностью, но, например, в записи за 17 сентября опущен лишь один абзац: «<...> во время перерыва заседания Фриш рассказывает, что получил из Риги письмо, сообщающее ему невероятный пример анархистического зверства. Бедняга ремесленник, кормивший трудом свое семейство, за отказ прекратить работу был вытаснен на улицу, посредине которой ему отрубили обе руки»⁵.

Из публикации «Красного архива» нередко оказываются изъятыми отдельные слова и выражения, зачастую – характеристики, описывающие представителей верхов с положительной стороны. Запись за 17 июля 1899 г.⁶, которая уже упоминалась выше, является ярким примером подобной редакторской цензуры. По содержанию она представляет собой подборку кратких характеристик некоторых великих князей и представителей высшей бюрократии (И. Н. Дурново, А. Н. Куропаткина,

¹ Д. 68. Л. 274–276.

² Красный архив. 1931. Т. 3. С. 125.

³ Там же. С. 126.

⁴ Д. 68. Л. 288.

⁵ Д. 69. Л. 145. Ср.: Красный архив. 1923. Т. 4. С. 63–64.

⁶ Красный архив. 1931. Т. 3. С. 121–124.

М. Н. и Н. В. Муравьевых, Н. П. Боголепова и др.). В резкой форме Половцов отзывался о каждом из них: в голове у председателя Комитета министров И. Н. Дурново «пусто, как в колокольне»¹, министр государственных имуществ А. С. Ермолов – «полнейшее ничтожество»², великий князь Сергей Александрович «в полном смысле слова дрянной человек, в душе коего нет ни единого возвышенного, чистого чувства»³ и т. д. Естественно, какие-либо положительные характеристики представителей «бюрократического Олимпа» нарушили бы стройность картины, так ярко демонстрирующей разложение правящего класса. Видимо, по этой причине такие комментарии не попали в «Красный архив». Эта пространная запись напечатана полностью, за исключением трех определений: «юный император [преисполненный лучших душевных свойств]»⁴, великий князь «Александр Михайлович <...> это ребенок [хотя и с добрыми намерениями]»⁵ и «[мой добрый] Михаил Николаевич»⁶.

Запись за 29 марта 1895 г. также опубликована не полностью. Здесь опять пропущена положительная характеристика. В оригинале читаем: «Бывший товарищ министра финансов [известный своей прямоотой и честностью] Николаев рассказывал мне не одну грязную проделку Вышнеградского»⁷. Также исключено уточнение автора о том, что 29 марта – это среда на Страстной неделе⁸. Кроме того, полностью пропущены последние два абзаца записи. Не совсем понятно, по какой причине, так как за исключением нескольких положительных слов в адрес С. Ю. Витте, Н. В. Муравьева и В. К. Плеве в целом здесь представлена информация, компрометирующая правительство. Возможно, причина в том, что Половцов противопоставляет «пронырливых негодяев» «без прошлого, без образования, без политических видов, без нравственных начал», которые пришли к власти в эпоху Александра III, «людям иного пошиба», которые получили назначение при Николае II, – министру иностранных дел А. Б. Лобанову, министру путей сообщения М. Н. Хилкову, послу в Германии Н. Д. Сакену⁹, членам Государственного совета И. Я. Голубеву и Н. В. Шидловскому и др.¹⁰

¹ Красный архив. 1931. Т. 3. С. 122.

² Там же. С. 123.

³ Там же. С. 122.

⁴ Д. 50. Л. 47 об. Ср.: Красный архив. 1934. Т. 6. С. 121.

⁵ Д. 50. Л. 48. Ср.: Красный архив. 1934. Т. 6. С. 122.

⁶ Д. 50. Л. 48 об. Ср.: Красный архив. 1934. Т. 6. С. 122.

⁷ Д. 47. Л. 3–3 об. Ср.: Красный архив. 1931. Т. 3. С. 110.

⁸ Ср.: Д. 47. Л. 2. Красный архив. 1931. Т. 3. С. 110.

⁹ Речь идет о Н. Д. Остене-Сакене.

¹⁰ Д. 47. Л. 4 об.–5.

В «Красном архиве» в некоторых случаях пропущены документы, включенные автором в состав дневника. В первой публикации 1923 г.¹ отсутствуют речь, произнесенная статс-секретарем Половцовым на собрании Центрального училища технического рисования барона Штиглица 9 января 1902 г.², и рескрипт Половцову в честь 50-летия службы³. Письмо Половцова императору, сопровождающее биографии для словаря, напротив, напечатано полностью⁴. Возможно, потому что здесь Половцов, излагая свои взгляды на крестьянский вопрос, предупреждает императора, что за студенческими и фабричными беспорядками могут последовать аграрные, даже мысль о которых «страшна»⁵.

Необходимо остановиться на проблеме материалов, не относящихся непосредственно к основному тексту дневника, но включенных автором в его состав из-за их исторической ценности. Некоторые из них помогают реконструкции дневника. Например, как уже отмечалось выше, переписка К. П. Победоносцева с Александром III способствовала установлению примерной датировки похожих материалов из дела № 39. Подобные материалы можно разделить на три основные группы: письма Половцова, письма других людей (Половцову или разным лицам, но представляющие, по мнению автора дневника, историческую ценность), записки и речи Половцова, а также иные документы⁶.

Обратимся к письмам Половцова. В нашем распоряжении есть отрывок черновика письма императору об устройстве музея для рабочих. Он не датирован, не закончен, судя по тексту, письмо адресовано Александру III. Половцову представляется важным, чтобы «высокохудожественные образцы сделались <...> доступными русскому рабочему»⁷.

Интересно письмо Половцова Александру III о заседании Департамента экономии от 6 декабря 1890 г.⁸ Здесь много зачеркиваний и исправлений — очевидно, что это черновик. Он написан на обороте черновика записки Александру III об устройстве музея для рабочих. Затем в тетради переписаны два связанных между собой письма: великого князя Владимира Александровича Половцову и ответ, оба небольшие, о денежном долге⁹.

¹ Красный архив. 1923. Т. 3. С. 75–172.

² Д. 54. Л. 37–38.

³ Там же. Л. 17 об.—18.

⁴ Ср.: Красный архив. 1923. Т. 3. С. 97–99; Д. 54. Л. 23 об.—25.

⁵ Красный архив. 1923. Т. 3. С. 98.

⁶ Далее проанализирована большая часть источников, входящих в состав дневника исследуемого периода.

⁷ Д. 39. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 5 об.—10 об.

⁹ Там же. Л. 10 об.—12 об.

Еще одно письмо – от 4 сентября 1897 г. Николаю II из Царского Села¹ – продолжает дневник 1895 г. Половцов советует императору прочесть книгу П.-П. Леруа-Болье «по части финансов и политической экономии». В письме говорится, что в этой книге Леруа-Болье «резюмировал прежде им сказанное, применяя выводы науки экономической к течению жизни политической»².

В конце тетради с дневником за 1898–1899 гг. с обратной стороны приведено письмо Половцова Николаю II из Монте-Карло об Историческом обществе от 29 января 1898 г., о котором уже говорилось выше³.

В деле № 51 перед тем, как начинается дневник за 1900 г., содержится черновик письма Николаю II, датированный 29 января 1899 г., о злоупотреблениях чиновничества⁴. Как видно из текста послания, император спрашивал Половцова о том, где больше злоупотреблений – во французском чиновничестве или в русском. По мнению автора дневника, «уровень одинаковый», но «в высших французских правительственных сферах взяточничество сильнее», чем в России⁵. Черновик перечеркнут и не закончен.

В записи за 20 июня 1901 г. Половцов приводит свое письмо Николаю II, которое сопровождает посылаемые императору материалы для биографического словаря⁶. В этом письме автор излагает собственные взгляды на крестьянский вопрос. По его мнению, позиции крупного землевладельческого дворянства, которое «в течение ряда славных <...> столетий» было опорой правительства, поколебались реформой 1861 г. Поэтому крестьянская масса, некогда ведомая и поддерживаемая дворянством, попала под влияние «всяких пестрых лихих личностей, преследующих преимущественно свои личные, корыстные и в большей части случаев противоправительственные интересы». Для решения крестьянского вопроса Половцов предлагает «расчлнить» «темную, густую крестьянскую массу» путем выдвижения оттуда трудолюбивых людей, которые станут особой прослойкой – опорой правительства, в противовес «падким на аграрную путаницу, буйным группам населения»⁷. Подобные взгляды уже высказывались автором в дневнике. Интересно, что в ходе одного из заседаний Государственного совета, которое было описано Половцовым 22 ноября 1893 г.,

¹ Д. 48. Л. 42–43 об.

² Там же. Л. 43.

³ Д. 50. Л. 55–55 об.

⁴ Д. 51. Л. 21–22 об.

⁵ Там же. Л. 21 об.

⁶ Д. 54. Л. 23 об.–25.

⁷ Красный архив. 1923. Т. 3. С. 98.

он использовал в своей речи практически те же формулировки, что и в письме Николаю II¹.

В записи за 29 декабря 1902 г. приведена записка Половцова императору по поводу издания дипломатической переписки 1814–1816 гг. Эта дневниковая запись напечатана в «Красном архиве» полностью².

В тексте содержится значительное количество писем, написанных другими людьми. В дневнике за 1893 г. имеется письмо Александра III великому князю Владимиру Александровичу от 27 апреля 1881 г., в котором идет речь о знаменитом манифесте 29 апреля 1881 г. По словам Половцова, письмо это, несмотря на то, что «со дня получения <...> не вышло из ящика письменного стола (великого князя Владимира Александровича. – *О. Г.*)», каким-то образом попало в лондонскую печать³.

Как уже упоминалось, в дело № 39 помещено письмо К. П. Победоносцева Николаю II от 2 ноября 1894 г. и отрывок из его же письма Е. Ф. Тютчевой от 1 марта 1881 г.⁴ В первом (сопроводительном) письме Победоносцев говорит, что пересылает свою корреспонденцию, адресованную Тютчевой, Николаю II, а также ряд писем Александра III Победоносцеву. В послании Тютчевой описаны события убийства Александра II и личные переживания Победоносцева в связи с этим «страшным днем»⁵. Более полная подборка переписки Александра III с Победоносцевым была включена Половцовым в записку за 13 декабря 1894 г.⁶ Всего здесь 11 писем и записок, девять из которых написаны императором, остальные два – Победоносцевым⁷. Последние – с пометками, сделанными Александром III.

Выше говорилось, что в дневник за весну 1895 г. включено письмо М. И. Кази Николаю II от 27 августа 1895 г., сопровождающее записку

¹ См.: Д. 46. Л. 18–28.

² Красный архив. 1923. Т. 3. С. 106.

³ Д. 46. Л. 17.

⁴ Д. 39. Л. 14–15 об.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Д. 47. Л. 50 об.–58.

⁷ Преимущественная часть переписки Александра III с К. П. Победоносцевым была издана в 1920-е гг., но отдельные письма, которые приводит Половцов (Д. 47. Л. 50 об.–56), не попали в публикацию. Ср.: Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полутом 1. М.–Пг., 1923. С. 44–68. Записка от 23 ноября 1881 г. Письмо Александра III Победоносцеву от 12 марта 1889 г. (Д. 47. Л. 57–58) не вошло в это издание. Ср.: Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полутом 2. Не опубликовано также единственное в подборке Половцова письмо Победоносцева Александру III от 13 мая 1882 г. (Л. 56 об.–57). Ср.: *Победоносцев К. П.* Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. М., 1925.

о преобразованиях русского флота¹. Половцов не указывает, каким образом это письмо попало к нему, а лишь копирует текст. Любопытно, что Кази практически никак не комментирует саму записку, в письме почти ничего нет о флоте. По его словам, он просто излагает свои «соображения» относительно задач, стоящих перед Российской империей и, следовательно, перед ее флотом. Взгляды Кази едва ли можно назвать оригинальными: говорится о необходимости сохранения в России монархической формы правления, об исключительности русского самодержавия, «которое одно способно обеспечить ей (России. — О. Г.) все блага будущего развития ее жизни»². Интересно, что в другой тетради, в записи за 3 января 1895 г., Половцов, описывая визит к нему Кази, вкратце пересказывает его размышления относительно реформирования флота³. Автор дневника отмечает, что даже ему, «столь мало <...> знакомому с подобными вопросами, ясно, что на подобные теории можно бы премного возразить»⁴.

Последняя группа источников представлена разными документами. Интересна пространная записка по крестьянскому вопросу, написанная Половцовым, судя по отметке, 8 сентября 1895 г. в Царском Селе. Она следует сразу после записи за 24 апреля 1895 г. и не озаглавлена, состоит из трех частей (пронумерованы: I—III)⁵. Записка не подписана, но можно с точностью говорить об авторстве Половцова, так как в другом деле в записи за 16 сентября того же года читаем: «<...> посылаю В[ладимиру] А[лександровичу] наскоро написанную мной записку, выражающую мой взгляд на необходимость направления крестьянского дела, в особенности землевладельческого вопроса»⁶. В тексте записки действительно содержится фактически программа аграрных преобразований, а также проанализирована крестьянская реформа 1861 г.

14 мая 1901 г. Половцов получил от императора рескрипт по случаю 50-летия службы. В «Красном архиве» запись за 14 мая 1901 г. напечатана полностью, но рескрипт пропущен⁷.

В дневнике за 1902 г. содержится текст речи, произнесенной Половцовым на годовом собрании Центрального училища технического

¹ Д. 48. Л. 37–42. Записка о состоянии и перспективах развития русского флота была составлена М. И. Кази по личной просьбе Николая II.

² Там же. Л. 26.

³ Д. 47. Л. 77–78.

⁴ Там же. Л. 78.

⁵ Д. 48. Л. 22 об.–37.

⁶ Д. 68. Л. 63.

⁷ Красный архив. 1923. Т. 3. С. 92.

рисования барона А. Л. Штиглица 9 января 1902 г.¹ Запись за этот день напечатана в «Красном архиве», но без речи².

В записи за 20 апреля 1906 г. Половцов приводит пришедший ему «в голову проект речи, которую <...> придется произнести (императору. – О. Г.) при созыве Государственной думы и Государственного совета»³.

К этой же группе можно отнести заметки Половцова для Государственного совета от 19 февраля 1899 г.⁴

В качестве итога проделанной работы ниже приведена сводная хронологическая таблица-реконструкция дневника за 1893–1909 гг.

№	год	дата	Оригинал, № дела, листы	Машино- писная копия, № дела, листы	Публикация в журнале «Красный архив»
1	2	3	4	5	6
1.	1888	20, 22, 23 мая	Д. 39, л. 1–1 об.	–	–
		6 июня	Д. 39, л. 2–2 об., 16–18	–	–
2.	1893	1–4 января	Д. 44, л. 15 об. – 17	–	–
		17 сентября – 23 декабря	Д. 46, л. 1–28	Д. 68, л. 1–19, 51–69	–
3.	1894	16 января – 4 мая	Д. 46, л. 28 об. – 53	Д. 68, л. 19–33, 69–83.	–
		27 октября – 29 декабря	Д. 47, л. 2–73	Д. 68, л. 185–218	27 октября – 29 декабря
		декабрь (?)	Д. 39, л. 3–15	–	–

¹ Д. 54. Л. 37–38.

² Ср.: Красный архив. 1923. Т. 3. С. 110.

³ Д. 69. Л. 125.

⁴ Д. 51. Л. 22 об.–23 об.

1	2	3	4	5	6
4.	1895	1 января – 10 марта	Д. 47, л. 73 об. – 102 об.	Д. 68, л. 218–229	–
		29 марта – 24 апреля	Д. 48, л. 2–22	Д. 68, л. 100–127	29 марта, 21 апреля (не полностью)
		Осень 1895 г. Первая запись не датирована, следующая – за 14 сентября, заканчивается 5 октября	Д. 46, л. 54–77 об.	Д. 68, л. 33–44, 83–94	–
5.	1896	12 марта, 17 и 30 апреля, 7 мая	Д. 46, л. 77 об. – 92	Д. 68, л. 44–50, 94–100	–
		Октябрь	Д. 49, л. 2–11 об.	Д. 68, л. 255–259	–
6.	1897	1 января – 6 февраля	Д. 49, л. 12–35	Д. 68, л. 259–269	2, 6, 11 января и 6 февраля (не полностью)
		Весна (недатированная запись)	Д. 44, л. 19–38 об.	–	–
7.	1898	19 апреля и 6–17 августа	Д. 44, л. 40–64 об.	–	–
		Лето (недатированная запись в форме воспоминаний)	Д. 50, л. 1–17 об.	–	–

1	2	3	4	5	6
8.	1899	4 января – 17 июля	Д. 50, л. 17 об. – 54 об.	–	4 января, 13 февраля, 16 марта, 11 июня, 17 июля (не пол- ностью)
		19 февраля, начало марта – 8 марта	Д. 51, л. 21–23 об.	Д. 68, л. 270–272, 305–306	–
9.	1900	12 января – 15 августа	Д. 51, л. 26–89	Д. 68, л. 273–304, 307–336	12 января – 15 августа (не пол- ностью)
10.	1901	17 февраля – 30 декабря	Д. 54, л. 1–34 об.	–	17 февраля – 30 декабря (не пол- ностью)
		22 мая	Д. 53, л. 1–19	Д. 68, л. 235–242, 230–235, копия л. 247–254, 243–247	–
11.	1902	1 января – 31 мая	Д. 54, л. 34 об. – 88 об.	–	1 января – 31 мая (не пол- ностью)
		30 августа – 31 декабря	Д. 56, л. 1–12	–	30 августа – 31 декабря
12.	1903	1–11 января	Д. 56, л. 12 об. – 18	–	1–10 января
		29 января – 4 июня	Д. 57, л. 21–33	Д. 69, л. 67–87, 88–109	–

1	2	3	4	5	6
13.	1904	3 января – 17 июля	Д. 59, л. 3–41	Д. 69, л. 1–33, 34–66 (выборочно)	–
14.	1905	15 сентября – 25 ноября	Оригинал отсутствует	Д. 69, л. 145–173	15 сентября – 25 ноября
15.	1906	30 января – 10 августа	Оригинал отсутствует	Д. 69, л. 110–144	30 января – 10 августа (не пол- ностью)
16.	1907	4, 6 и 7 мая	Оригинал отсутствует	Д. 69, л. 183	–
		4–31 мая (4–27 мая – записные книжки)	Оригинал отсутствует	Д. 69, л. 184–187, 188–191	–
		1–26 июня	Оригинал отсутствует	Д. 69, л. 192–197	–
17.	1908	Март (первая запись не датирована), 5 марта – 31 мая	Оригинал отсутствует	Д. 69, л. 174–182	5 марта – 30 мая (не пол- ностью)
		24–31 декабря	Оригинал отсутствует	Д. 69, л. 198–204, 212–218	–
18.	1909	1–23 января	Оригинал отсутствует	Д. 69, л. 204–211, 218–225	–

А. А. Половцов (краткий биографический очерк)

Александр Александрович Половцов родился 31 мая 1832 году в небогатой дворянской семье. Он получил хорошее по тем временам образование – закончил в 1851 г. Императорское училище правоведения. В том же году Половцов поступил на службу в Сенат в чине титулярного советника, где начал весьма успешную карьеру. Уже в 1873 г. он был назначен сенатором. В 1880 г. он проводил ревизию в Киевской и Черниговской губерниях, о чем подробно рассказал на страницах дневника.

В 1861 году он женился на воспитаннице барона А. Л. Штиглица Н. М. Июневой. От этого брака родилось четверо детей – Анна, Надежда, Александр и Петр. Старшая дочь Анна вышла замуж за князя А. Д. Оболенского, младшая – за графа А. А. Бобринского. Сын Петр прославил имя Половцовых, став известным военачальником. Старший сын Александр служил в Министерстве внутренних дел. В 1906–1907 гг. занимал должность генерального консула в Бомбее, 1 января – 14 марта 1917 г. – товарища министра иностранных дел.

В 1866 г. автор дневника стал одним из основателей Императорского Русского исторического общества. В 1866–1879 гг. выполнял функции его секретаря, а с 1879 г. и до конца жизни – председателя. Половцов посвятил много времени организации деятельности общества. В дневниках 1893–1900 гг. встречаем информацию о подготовке ежегодных заседаний общества. Половцов, как правило, обсуждал вопросы организации очередного заседания с Николаем II. В большинстве случаев император, живо интересовавшийся делами общества, полностью соглашался с председателем, делая лишь небольшие уточнения. Эти аудиенции, как правило, описаны подробно в дневнике.

В 1869 г. Половцов был избран почетным членом Императорской Академии художеств. Много времени и средств Половцов потратил на организацию и содержание Центрального училища технического рисования имени А. Л. Штиглица. Свидетельством этому служат его многочисленные дневниковые записи о длительных зарубежных поездках, во время которых он приобретал редкие вещи для музея. Записи Половцова изобилуют заметками о просмотрах различных коллекций, о визитах к антикварам и переговорах с ними о покупке различных

произведений искусства. В 1881 г. состоялось торжественное открытие музея Училища технического рисования имени А. Л. Штиглица. Вскоре музей превратился в уникальное собрание прикладного искусства и приобрел самостоятельное значение. При училище постепенно сформировались художественно-промышленный музей и библиотека, что тоже во многом стало результатом усилий Половцова.

В 1884 г. он был избран почетным членом Императорской Петербургской Академии наук.

Пиком карьеры Половцова можно считать 1883–1892 гг., когда он занимал пост государственного секретаря. С назначением на эту должность он также получил звание статс-секретаря его величества. Как отмечает Половцов в дневнике, такое серьезное продвижение по служебной лестнице стало для него полной неожиданностью. Накануне он зашел к М. Х. Рейтерну, и когда разговор коснулся «служебных передвижений», «выразил весьма искреннюю надежду», что на должность государственного секретаря будет назначен П. А. Марков¹. 1 января к Половцову приехал председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич и сообщил ему «сюрприз». Как отметил новоиспеченный государственный секретарь, для него это был «громовой удар», но пост он принял².

Половцов энергично взялся за дело, деятельность его на этом посту также подробно описана в дневнике. В обязанности секретаря входило управление Государственной канцелярией, но вместе с этим Половцов получал уникальную возможность влияния на императора. Главным способом воздействия стало составление извлечений из меморий Государственного совета, которые готовились «для облегчения его (императора. — О. Г.) в многочисленных его занятиях». Такое положение составляло «секрет»³, и вместе с тем особую привилегию государственного секретаря, обеспечивавшую не только прямой доступ к императору, но и возможность писать эти извлечения по собственному усмотрению.

Кроме того, Половцов в этот период состоял членом Комитета финансов, привлекался к работе в различных совещаниях и комиссиях⁴. В 1883 г. он принимал участие в заседаниях комитета, рассматривавшего вопрос об уничтожении гражданских чинов, в 1885–1886 гг. — в комиссии по пересмотру Учреждения об Императорской фамилии.

¹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. С. 23.

² Там же.

³ Там же. С. 24.

⁴ *Зайончковский П. А.* А. А. Половцов. Биографический очерк // Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. С. 9.

В апреле 1892 г. Половцов подал в отставку. Объясняя причины ухода, он писал, что его положение сделалось «невыносимым», поскольку великий князь Михаил Николаевич не был ни на что «способен», не защищал Государственный совет от «выходок» министров, стремившихся превратить этот орган в «пассивное место регистрации законодательных импровизаций»¹. Императору Половцов мотивировал свой уход плохим состоянием здоровья.

После отставки бывший государственный секретарь был назначен членом Совета, где стал одним из самых активных участников обсуждения проектов. Он сам себя причислял к категории членов, способных «произносить речи» и «участвовать в прениях». В марте 1895 г. Куропаткин записал со слов Витте, что Половцов играл «огромную и не полезную [?] роль в Государственном Совете»². Многие свои речи Половцов подробно записал на страницах дневника. К выступлениям в Совете он готовился, о чем свидетельствуют многочисленные заметки (например, в 1899 г. – наброски для выступления по поводу законопроекта об учреждении срочно-заповедных имений).

Освободившись от многочисленных обязанностей в Государственной канцелярии, Половцов стал больше времени проводить за границей, особенно на французских курортах и в Монте-Карло. Зимой 1893–1894 гг. он был в Париже. Лето 1894 г. и 1895 г. провел по большей части на французских курортах Экс-ле-Бене и Эвиан-ле-Бене. В 1895 г. Половцов был увлечен интригами с целью назначения своего друга князя А. Б. Лобанова-Ростовского министром иностранных дел. В 1896 г. у него случился особенно сильный припадок подагры, и автор дневника провел во Франции и Монте-Карло еще и зиму³. В том же году за многолетнюю деятельность Половцов получил орден святого Владимира I степени. Также в 1896 г. он начал издавать на собственные средства «Русский биографический словарь». Интересно, что Николай II принимал непосредственное участие в работе над словарем. Половцов посылал императору готовые варианты словаря по буквам, а также отдельные статьи. Особо строгой цензуре подвергались биографии царских родственников. Статьи о них составлялись лично Половцовым. Так, например, 28 февраля 1900 г. имела место аудиенция по поводу очередного собрания Исторического общества, на которой обсуждался вопрос о биографии великого князя Николая Константиновича. Половцов предложил

¹ Там же. С. 477.

² РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1852. Л. 34 об.

³ ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 46. Л. 77 об.

статью для прочтения императору, при этом попросил ее «цензировать» и «как можно строже»¹.

За 1897 г. в нашем распоряжении имеются всего несколько дневниковых записей (1 января – 6 февраля и недатированная запись весны). В 1898 г. Половцов пережил очередной жестокий припадок подагры, и снова провел, как он отмечает, зиму во Франции, вернувшись в Петербург только в середине апреля².

В январе 1900 г. Александр Александрович получил предложение быть назначенным председателем Департамента законов, затем в феврале того же года – председателем Комиссии для рассмотрения проектов изменений в судебных уставах, но отверг оба предложения под разными предлогами. В Департамент законов он попросился простым членом, куда и был назначен. Заседал в этой комиссии с 1901 по 1905 г. В феврале 1901 г. он отклонил еще одно предложение – стать председателем Департамента гражданских дел Государственного совета. В 1902 г. Половцов был назначен присутствовать в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В 1905 г. он принимал участие в создании Совета министров, в 1905–1906 гг. – в совещаниях по разработке учреждения Государственной думы и реорганизации Государственного совета в верхнюю палату. После реформы он вошел в состав преобразованного Совета, где и заседал вплоть до своей кончины. Умер А. А. Половцов 24 сентября 1909 г.

¹ Там же. Д. 47. Л. 37.

² Там же. Д. 44. Л. 40.

От составителя

Дневник печатается в соответствии с современной орфографией и пунктуацией. Текст публикуется без сокращений, многоточия принадлежат автору. Абзацы даны согласно оригиналу. Подчеркивания, сделанные автором, выделены в тексте курсивом.

Заголовки дневниковых записей унифицированы. Названия месяцев, как правило, опущенные автором, восстановлены без уточнений. Дни недели приведены при условии их наличия у А. А. Половцова. Унифицируется написание числительных и слова «час». В отдельных случаях производится без оговорок изменение в порядке записей (если записи даны не по порядку в дневнике).

Общепринятые и очевидные сокращения раскрываются без примечаний, инициалы не раскрываются. Не оговаривается также исправление явных описок.

Пропущенные слова воспроизведены в прямых скобках, неразобранные – отмечаются многоточием, заключенным в квадратные скобки, с соответствующим примечанием под строкой. После слова, прочтение которого вызывает сомнение, ставится вопрос в квадратных скобках.

Стиль автора сохранен. Не приводились в соответствие с современной орфографией некоторые слова и выражения, соответствующие эпохе или присущие лично автору (присутствование, воспособление и др.), географические названия и названия мест (в Вильне, Ватерлоское поле, Троицко-Сергиевская лавра), имена собственные и фамилии (например, Сакен, а не Остен-Сакен). Сохранены также отдельные грамматические формы: на защиту (вместо в защиту), томы (вместо тома). Иногда Половцов изменяет окончания в несклоняемых фамилиях и не изменяет в склоняемых («письма Нессельрода», Дурново – Дурновым, Дурнову). Кроме того, без изменений воспроизведены различия в написании автором некоторых слов (feldjoger, feldjager¹) или имен собственных, фамилий.

Перевод иностранного текста, а также текстологические примечания даны в подстрочных сносках звездочками. В отдельных случаях (по усмотрению составителя) в угловых скобках воспроизведены фрагменты, зачеркнутые автором в первоначальном тексте. Как правило, это

¹Фельдъегерь (нем.).

моменты, которые могут уточнять представленную автором информацию, либо характеризовать его отношение к упоминаемому лицу.

Особенностью «журналов» Половцова можно считать наличие в тексте дневника внешних источников, как правило, переписанных от руки. Автор приводит собственные речи, записки, письма, а также письма других лиц, имеющие, по его мнению, историческую ценность. Подобные документы опубликованы в составе дневника в том виде, в котором они даны в оригинале. Кроме того, в тетрадях с журналами Половцова встречаются некоторые дополнительные материалы, например, заметки к заседаниям Государственного совета или выписки из книг. В том случае, если эти источники не включены автором в текст дневника и не относятся непосредственно к основному повествованию, они приведены в комментариях с соответствующим уточнением.

Комментарии к публикуемому тексту имеют общую нумерацию и даны в конце книги. Все даты приведены по старому стилю. К сожалению, ряд мест в тексте не удалось разъяснить вследствие отсутствия необходимых сведений.

В именном указателе приведены краткие биографические сведения о всех личностях, которые фигурируют в дневнике. В тексте упомянуты некоторые эпизодические персонажи, личность которых не удалось идентифицировать, либо информация о них не была найдена. Фамилии этих персон приведены в указателе с соответствующим примечанием. Также в приложениях имеется указатель географических названий, мест и сооружений и указатель государственных учреждений, административных единиц, обществ и должностей.

Текст, комментарии и указатели подготовлены О. Ю. Голечковой. Составитель выражает глубокую благодарность сотрудникам ГА РФ С. В. Мироненко, Е. Л. Луначарскому, К. Б. Ульяницкому за помощь в работе с оригиналами дневниковых записей, А. А. Лазаревой, а также научному руководителю Д. А. Андрееву за консультации при подготовке настоящего издания.

О. Ю. Голечкова.

1893

ЯНВАРЬ

1 января. Пятница. В 11 часов обычный выход¹ в Зимнем дворце. Островский не скрывает своего неудовольствия по поводу назначения председателем Департамента законов. Еще в прошлый понедельник Островский имел свой обычный еженедельный доклад у Государя в Гатчине, на докладе ему не было сказано ни единого слова о его перемещении,

¹Выходом называлось торжественное шествие членов императорской фамилии из внутренних апартаментов в дворцовую церковь или в Тропный зал (в Зимнем дворце – Георгиевский). Выходы разделялись на большие и малые. Их порядок был установлен «Положением о выходах при высочайшем дворе, о входе за кавалергардов, о представлении Их Императорским Величествам, о приглашениях на балы и другие при дворе собрания и о старшинстве придворных чинов и званий» (см.: *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900. С. 130–136). Большие выходы назначались по случаю «больших церковных праздников и в торжественные дни», когда процессия направлялась в собор Зимнего дворца, малые – в те же дни (по назначению), а также «в обыкновенные праздники и воскресные дни» – в Малую церковь дворца. К числу праздников относились именины членов императорской фамилии. Во время пребывания царской семьи в других дворцах большие и малые выходы следовали в церкви этих дворцов. В Зимнем дворце перед началом шествия члены императорской фамилии собирались в Малахитовом зале, затем по старшинству (в соответствии с правом на престолонаследие) шли в церковь. В малых выходах в шествии принимали участие только члены императорской фамилии, в больших – еще придворные чины, кавалеры и дамы. Кроме непосредственных участников процессий, на выходы приглашался точно установленный круг лиц. На малых выходах присутствовали придворные дамы, первые чины двора, генералы и офицеры свиты, а из вторых чинов двора – лишь некоторые (среди них обер-церемониймейстер и гофмаршал). До 1908 г. приглашались также члены Государственного совета, министры и находившиеся в Петербурге генерал-губернаторы и командующие военными округами. Круг приглашаемых на большие выходы был значительно шире. В залах по пути шествия собирались по особым повесткам в строгом соответствии с рангами лица, имевшие высшие гражданские звания, генералы и офицеры свиты, гвардии, армии и флота, а также гражданские сановники первых пяти классов. Их жены и дочери могли присутствовать на выходе, если были представлены императрице. В особо торжественных случаях приглашались высшее духовенство и дипломатический корпус.

а затем, в среду, председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич поехал в Гатчину и оттуда приехал прямо к Островскому с объявлением высочайшего повеления о его перемещении¹.

Нельзя сказать, чтобы такой образ действия мог почестся любезностью.

Крупная награда дана одному Вышнеградскому – бриллиантовые александровские знаки². Как видно, появление сопровождавшего это пожалование рескрипта³ было небыстрое, не исполненное предупредительной поспешности. Утверждены министрами Кривошеин и Витте⁴. Последний расхаживает с важностью чуть не екатерининского фаворита.

Поклонившись проходившим в церковь Величествам и Высочествам, сажусь в карету и объезжаю великокняжеские передние, записывая свое имя в книге швейцаров⁵.

Присутствие на выходах по бытовавшему мнению считалось изнурительным, поэтому имели место случаи, когда обязанные участвовать в церемонии уклонялись от этого. См.: Шепелев. С. 178–180. Половцов здесь упоминает очередной выход в честь Нового года, который происходил в Зимнем дворце. Он совершался ежегодно, за исключением особых случаев. Например, 1 января 1892 г. торжественного выхода не было из-за болезни императрицы Марии Федоровны. См.: Половцов. Т. II. С. 433.

¹ Речь идет об отставке М. Н. Островского с поста министра государственных имуществ.

² Имеется в виду орден святого благоверного великого князя Александра Невского – один из высших орденов Российской империи (по иерархии орденов, которая сложилась к середине XIX в., занимал четвертое место после орденов святого апостола Андрея Первозванного, святого великомученика и Победоносца Георгия первой степени и святого равноапостольного великого князя Владимира первой степени). В полном варианте каждый из орденов состоял из трех главных элементов: креста (знака), звезды и ленты. Звезда ордена носилась на груди, лента – через плечо, а концы ее скреплялись орденским знаком. В центре креста (знака) помещался круглый медальон с изображением святого, в данном случае – святого Александра Невского. Знак ордена мог быть инкрустирован бриллиантами, что считалось особо почетным. Орден святого Александра Невского имел золотой крест с двуглавыми орлами, красную ленту и серебряную звезду. См.: Шепелев 2. С. 340–342.

³ Рескрипт в России в XVIII – начале XX вв. – публикуемое письмо монарха высокопоставленному лицу (учреждению) с каким-либо поручением или объявлением благодарности, сообщением о награждении, новом назначении и т. д.

⁴ 1 января 1893 г. С. Ю. Витте был утвержден в должности министра финансов (с 30 августа 1892 г. – управляющий министерством), А. К. Кривошеин – в должности министра путей сообщения (с 15 февраля 1892 г. – управляющий).

⁵ Книги швейцаров – журналы в знатных домах XIX – начала XX в., в которые записывались посетители в праздничные дни. Чаще визиты наносились людям более высокого положения (начальникам, членам императорской фамилии,

2 января. Суббота. Продолжительное обсуждение с директором ниточной мануфактуры¹ Гамершмитом трудности иметь оседлых и искусных [?] для этого дела рабочих.

4 января. Понедельник. Завтрак у великого князя Владимира Александровича, который не едет в Государственный совет, потому что принимает у себя бухарского эмира². В Совете по обыкновению ничтожные дела, тем не менее новый председатель Департамента законов находит случай отличиться, отстаивая против своих товарищей предложение военного министра о том, чтобы ташкентскому генерал-губернатору дано было неограниченное право высылки³.

СЕНТЯБРЬ

17 сентября. Уезжаю из Петербурга вместе со старшим сыном⁴; едем до станции Грязи, где я сворачиваю по Царицынской линии и еду до станции Поворино, где сажусь в коляску, чтобы, проехав на лошадях 45 верст, достигнуть Ильменского [?] хутора, где меня ожидает младший сын⁵ – студент Горного института.

родственникам старшего возраста). Постепенно личный визит стал необязателен и нередко заменялся формальной записью в книге, так как это позволяло выразить почтение к хозяину дома и вместе с тем сэкономить время.

¹ Невская ниточная мануфактура была основана Половцовыми в 1888 г. В конце 1890-х гг. фабрика стала собственностью крупного английского ниточного треста.

² Имеется в виду правитель Бухарского эмирата в 1885–1910 гг. Сейид Абдул Ахад Бахадур Хан. Он прибыл в Москву 27 декабря 1892 г. для встречи со своим братом – принцем Сейид Мир-Мансуром. После этого эмир направился в Петербург, где встречался с Александром III.

³ С 16 декабря 1892 по 15 марта 1893 г. в общем собрании Государственного совета в Департаменте законов рассматривалось дело «О предоставлении туркестанскому генерал-губернатору права высылать на родину из пределов Бухарского и Хивинского ханств неблагонадежных и порочных русских подданных». См.: Опись дел архива Государственного совета. Т. II. Дела Государственного совета с 1889 по 1894 гг. Пг., 1914. С. 274 (также в описи имеется примечание о том, что дел общего собрания за 1893 г. в архиве Государственного совета нет).

⁴ Речь идет об А. А. Половцове.

⁵ Имеется в виду П. А. Половцов.

Уже при выходе из вагона чувствую подагрическую боль в ногах. Боль эта вскоре усиливается до того, что ложусь в постели, где и остаюсь тринадцать дней подряд. На тринадцатый день меня сажают в носилки и обносят четыре этажа вновь построенной паровой мельницы, которая и была одной из главных целей моего путешествия [?].

На обратном пути останавливаюсь на один день в тамбовском имении (Кулики близ Моршанска), чтобы присутствовать при опытах Перье, изобретателя усовершенствованного производства спирта, и в среду 6 октября приезжаю в Петербург, еще с трудом опираясь на распухшие ноги.

Петербург застаю еще весьма пустым. Их Величества в Копенгагене¹. Члены Государственного совета, присутствующие в департаментах, уже съехались, и при посещении меня некоторыми из них узнаю кое-какие правительственные сплетни. Всего более занимает моих сотоварищей положение, созданное себе моим приемником, государственным секретарем² Муравьевым. С закрытием Кодификационного отдела³ служившие в нем лица перечислены в Государственную канцелярию, Муравьеву предоставлены все права и обязанности Фриша, то есть казенная квартира (которую он немедленно расширил), II класс должности, всеподданнейший доклад, присутствие в Комитете министров, участие в обсуждении дел Государственного совета под предлогом кодификационных справок. Ответственность в этой реформе Муравьев сваливает на меня, но не совсем справедливо. Дело было так: в начале моего секретарства, после смерти председателя Департамента законов князя Урусова⁴ и назначения, если не ошибаюсь, на его место Старицкого с передачей Кодификационного отдела Фришу, был собран комитет под председательством великого князя Михаила Николаевича из Победоносцева, Сольского, Перетца, Бреверна и меня. В заседании этого комитета решено было закрыть Кодификационный отдел⁵ после того, как

¹ Осенью 1893 г. Александр III, императрица Мария Федоровна и цесаревич Николай Александрович посетили Копенгаген. Они пробыли там с 29 августа по 6 октября 1893 г.

² А. А. Половцов занимал этот пост с 1883 по 1892 г.

³ Кодификационный отдел Государственного совета был упразднен именованным указом от 18 сентября 1893 г. в связи с передачей дела кодификации законов в ведение Государственной канцелярии.

⁴ С. Н. Урусов скончался 13 января 1883 г.

⁵ Половцов подробно описал эти события в дневнике за 1883 г. Упомянутое совещание у великого князя Михаила Николаевича собралось 2 марта. В нем приняли участие Половцов, Э. Т. Баранов, М. Х. Рейтерн, Д. М. Сольский, Е. П. Старицкий, Е. А. Перетц, Д. Н. Набоков и Е. Г. Бреверн. Все присутствовавшие говорили о невозможности соединения должностей государственного секретаря

окончено будет новое издание Свода законов¹. Я писал журнал этого заседания и не упустил включить то, что говорилось о Кодификационном отделе. Вот и все мое участие. При этом мое предположение было: чиновников на время их занятий разместить в обширных оставшихся пустыми комнатах Мариинского дворца, а дом на Литейной² продать.

Покуда сижу в кресле с вытянутыми ногами, меня посещают товарищи по Совету.

Князь Имеретинский, умный, бойкий, способный человек, отличившийся в войне, неумолкаемо и остроумно рассказывающий анекдоты, в которых сильно достается ближним. На этот раз Имеретинский повторяет уже слышанный, но довольно любопытный рассказ.

Во время стояния в Сан-Стефано³ великий князь Николай Николаевич призвал Имеретинского и сказал ему следующее: «Я очень хорошо чувствую, что потерял доверие брата, поезжай в Петербург, доложи Государю

и управляющего Кодификационным отделом. При этом Сольский высказал мысль, что после издания Свода законов не будет необходимости для самостоятельного существования Кодификационного отдела. На это Половцов возразил, что, принимая во внимание предстоящую обширную деятельность отдела, «не может идти речи» об его объединении с Государственной канцелярией. Подробнее см.: Половцов. Т. I. С. 60–62, 64–65, 67.

¹Свод законов Российской империи – официальное собрание действующих законодательных актов Российской империи, расположенных в тематическом порядке. Первое издание было подготовлено II отделением Государственной канцелярии в 1832 г. Это и последующие издания 1842 и 1857 гг. состояли из 15 томов. Между изданиями Свода законов выходили ежегодные и сводные (за несколько лет) продолжения Свода законов с указанием на упраздненные и измененные статьи. После 1857 г. Свод законов полностью не переиздавался, а выходили лишь отдельные тома (так называемые неполные издания Свода законов).

Половцов имел в виду неполное издание 1892 г. (в нем был добавлен 16 том – Судебные уставы 1864 г.).

²Речь идет о здании Государственной канцелярии, которое располагалось на Литейном проспекте, в доме № 44.

³Стояние в Сан-Стефано – заключительный период в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Успешные военные действия русской армии подтолкнули турецкое правительство к началу мирных переговоров, в результате которых был подписан предварительный договор в Адрианополе (19 января). Между тем Англия, опасаясь усиления России на Балканах, направила эскадру в Дарденеллы. В дальнейшие планы британского правительства входило ввести войска и в Константинополь. В ответ русское командование по согласованию с турками заняло местечко Сан-Стефано близ столицы Османской империи. Туда же была перенесена Главная квартира. Русское правительство, чтобы опередить англичан, начало переговоры с турецкими властями о занятии Константинополя. В итоге конфликт с Англией был урегулирован, но России не удалось закрепиться в этом регионе.

о положении дел, объясни ему, что нельзя было сделать ничего иного, как то, что я сделал, и если в заключение доклада убедишься, что тебе не удалось его разуверить, то скажи ему, что я нездоров и прошу увольнения от обязанностей главнокомандующего»¹.

«В эту минуту, как я собирался уйти», – говорит Имеретинский, великий князь меня остановил, прибавил: «Да, еще поручение: скажи

¹ Об этих событиях писали в дневниках Д. А. Милютин и М. А. Газенкамф. Милютин, занимавший пост военного министра, участвовал в совещаниях на высшем уровне, где обсуждались военные проблемы. Газенкамф был одним из приближенных Верховного главнокомандующего. В дневнике он передавал подробности происходившего в Главной квартире русской армии и приводил письма и телеграммы из корреспонденции великого князя Николая Николаевича. В марте 1878 г., во время стояния в Сан-Стефано, в правительственных кругах утвердилась идея о необходимости занятия Босфора. Великий князь Николай Николаевич находил, что в той ситуации подобные планы никак не могли быть реализованы из-за позиции Англии, готовой в любой момент начать войну против России. Ситуация усугублялась тем, что турецкое правительство усиливало оборону Константинополя. Главнокомандующий имел основания полагать, что турецкие власти могли в разорвать мирный договор и выступить в войне на стороне Англии. К тому же, описывая состояние русских войск, великий князь Николай Николаевич отмечал изнеможение солдат, их нежелание возобновлять боевые действия. Между тем, по сообщению Газенкамфа, великий князь не высказался категорично против захвата Босфора: «Не решившись сразу <...> отвергнуть фантастический план захвата Босфора, он дал этому плану возможность развиться и укрепиться в Петербурге» (Газенкамф. С. 540). В результате, когда 17 марта великий князь получил от военного министра телеграмму с приказанием разместить артиллерию на берегах Босфора (с. 540), он не исполнил сразу требование, понимая ошибочность такого шага. После того, как было приказано осуществить «фантазию» о захвате Босфора «немедленно», – комментировал ситуацию Газенкамф, – великому князю все-таки «придется объяснить, что это немисливо, и он же останется виноват» (с. 540–451). Верховному главнокомандующему действительно пришлось изложить «местные препятствия» к выполнению приказа более определенно. В ответ 21 марта Александр II высказал предположение, что здоровье князя подорвано и не «позволяет» ему «продолжать командование армией с должной энергией» (с. 549). По сообщению Газенкамфа, «вопрос этот, подвергая сомнению способность великого князя исполнять царские указания, глубоко задел его за живое» (с. 553). «Злополучная идея захвата Босфора поставила бедного великого князя в безвыходно-трагическое положение. Теперь он будет виноват, что этого не сделал; а если бы беспрекословно исполнил повеление – был бы виноват, что не сумел», – отмечал автор дневника (с. 584). Попав в столь сложную ситуацию, великий князь Николай Николаевич отправил к императору А. К. Имеретинского с объяснением положения дел и «поручением» (с. 560–561). Великий князь возлагал «большие надежды на действительно мастерское умение князя Имеретинского говорить и убеждать», но, по мнению Газенкамфа, главнокомандующий «по добродушию своему

Государю, что Игнатъев до того зажался¹ и заврался, что невозможно его долее оставлять в Константинополе»².

Имеретинский отказался принять это поручение исключительно словесно и под диктовку его записал в свою записную книжку эти слова.

По приезде в Петербург Имеретинский прямо с железной дороги поехал в Зимний дворец, где тотчас был принят императором, который, выслушав доклад Имеретинского, сказал ему: «Я более доверия к брату не имею, я решился назначить главнокомандующим Тотлебена, а тебя к нему начальником штаба. Приходи завтра на совет, который у меня соберется и пред которым ты повторишь то, что говоришь мне».

Прочтение слов об Игнатъеве никакого впечатления не произвело.

На совете этом присутствовали наследник (нынешний Государь), великие князья Владимир Александрович, Константин Николаевич, граф Милютин, князь Горчаков, Валуев, Тимашев, Рейтерн и др.

Имеретинский представил защиту действий великого князя Николая Николаевича, но, как сам говорит, защита была, конечно, ослаблена тем, что ему было известно решение Государя (при этом я вспоминаю сказанное мне по этому поводу Тимашевым, который от цесаревича

напрасно» рассчитывал «на его (Имеретинского. — *О.Г.*) личное к себе расположение: князь Имеретинский его адвокатом не будет» (с. 560). По всей видимости, Паловцов верно передал эту историю со слов самого Имеретинского, поскольку, не дождавсь прибытия посланника в Петербург, 27 марта великий князь отправил Александру II телеграмму, в которой он просил об отставке, ссылаясь на тяжелое состояние здоровья. «Я вижу, — писал он, — что при всем желании в таком положении теперь не могу быть полезным тебе слугой. С нетерпением буду ждать твоего решения о замене меня кем-либо другим и вызове скорей отсюда» (с. 562–563). В данном контексте выглядит весьма убедительной информация о том, что Имеретинский не мог должным образом защищать великого князя Николая Николаевича, так как решение о его отставке было принято еще до прибытия посланника к императору. Интересно, что Милютин записал в дневнике 2 апреля: «Вчера вечером приехал князь Имеретинский с поручением от великого князя Николая Николаевича». Благодаря его умению «хорошо и правильно говорить», рассказ Имеретинского «произвел сильное впечатление на Государя». Император «увидел, что дело это (захват Босфора. — *О.Г.*) не только нелегкое, но даже едва ли возможное» при сложившихся обстоятельствах (Милютин. С. 404). В итоге Александр II отказался от идеи овладения проливом. Тем не менее просьба великого князя Николая Николаевича была исполнена: «Увольняя тебя, согласно твоему желанию, от командования действующей армией, произвожу тебя в генерал-фельдмаршалы в воздаяние столь славно оконченной кампании», — написал ему император в ночь с 15 на 16 апреля (Газенкамф. С. 593).

¹ Так в оригинале.

² Речь идет о Н. П. Игнатъеве.

слышал следующие слова: «Хорошего защитника прислал великий князь Николай Николаевич!..»).

Когда заседание совета было окончено и присутствующие начинали расходиться, то Государь спросил Имеретинского: «А ты сообщил князю Горчакову слова брата об Игнатъеве?» На отрицательный ответ последовало приказание сделать такое сообщение. Имеретинский вынул из кармана записную книжку и прочитал заявление о том, что «Игнатъев заврался и зажался».

Лицо князя Горчакова просияло; в выходных дверях он сказал Имеретинскому, которого видел в первый раз: «*Mon Prince, le poste d'ambassadeur à Constantinople est vacant. Voulez-vous l'occupe?*»¹».

Имеретинский, разумеется, отказался, понимая, вероятно, несерьезность такого предложения².

Через четыре года во время премьерства Лориса³ весной 1881 года Имеретинский ужинал на вечере у Нелидовой, где Абаза и Лорис восхищались талантливостью проведенного ими в министры государственных имуществ графа Игнатъева.

Имеретинский рассказал то, что мной здесь записано, и возбудил против себя негодование сотоварищей графа Игнатъева по министерству.

Через несколько дней после этого ужина последовал знаменитый манифест, свергнувший Милютина, Лориса и Абазу и возведший Игнатъева на трон министра внутренних дел⁴; Имеретинский доставил себе

¹ «Мой князь, пост посла в Константинополе свободен. Не хотели бы Вы его занять?» (*фр.*).

² Пост чрезвычайного и полномочного посла в Константинополе 20 апреля 1878 г. получил А. Б. Лобанов-Ростовский.

³ Имеется в виду период 1880 – начала 1881 гг., когда М. Т. Лорис-Меликов был назначен начальником Верховной распорядительной комиссии, фактически получив при этом диктаторские полномочия. Вскоре по инициативе самого Лорис-Меликова комиссия прекратила работу, но вслед за тем он получил посты министра внутренних дел и шефа жандармов. В данный период полномочия Лорис-Меликова были настолько обширными, что Половцов назвал его «премьером».

⁴ Речь идет о манифесте Александра III «О призыве всех верных подданных к служению верой и правдой Его Императорскому Величеству и государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, добродетели, к воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действительности учреждений России» от 29 апреля 1881 г. (в историографии он известен как «О незыблемости самодержавия»). В манифесте говорилось о «мученической кончине» Александра II и стремлении «к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую» и приведшей к убийству императора. Главный акцент был сделан на необходимости «утверждать и охранять» самодержавную власть «для блага народного от всяких на нее

удовольствие поехать к последнему и извиниться в том, что неделей слишком рано рассказал то, что произвело тогда против него столько незаслуженного негодования¹.

Маркус Владимир Михайлович, весьма милый, образованный и по части финансовой науки, можно сказать, ученый человек. Всегда любезен, весел, как обыкновенно бывают подобно ему тучные люди. Горько сетует на финансовую политику Витте – брать как можно более с народа, ничего не оставляя на разживу. Может ли поднять [?] экономический уровень страны при отсутствии сбережений?

Маркус, младший брат, занимавший место товарища главноуправляющего Кодификационным отделом и при уничтожении теперь этого отдела назначенный членом Совета². Человек чрезвычайно скромный и даже застенчивый, но преисполненный обширных сведений в области науки права. Разговаривая с ним, я высказал мысль о том, что для меня представляется спорной мысль о необходимости издания свода законов, вносящего поневоле и некоторую запутанность в произвольность, в формы, а тем самым и в сущность законодательства. В подтверждение правильности этой мысли Маркус сказал мне, что в Кодификационном отделе до сих пор сохранилось предание, будто бы Сперанский при изготовлении свода законов сочинял статьи и затем приказывал своим подчиненным подыскать под написанную им статью исторические цитаты.

Дервиз, мой товарищ по Училищу правоведения³, необыкновенно малого роста, но необыкновенно большого ума; прямой, простой, ясный, категорический, заключительный взгляд на все существенное, важное. Без всяких фраз всегда отзывчив на все хорошее, талантливый и в письменном, и в словесном изложении. С отвращением говорит о том, какие порядки заводятся в Государственном совете в видах низкопоклонства пред Государем и людьми, пользующимися его доверием.

Вышнеградский, только что вернувшийся из-за границы. Никогда со мной никаких сношений не имевший, но объезжающий город, чтобы

поползновений» (ПСЗ. Собр. III. Т. 1. С. 53–54. № 118). Министры либерального направления – Лорис-Меликов, Милютин и Абаза – после издания манифеста подали в отставку. М. Т. Лорис-Меликова на посту министра внутренних дел сменил Игнатьев.

¹ Далее Половцов продолжил перечисление «товарищей по Совету», которые посетили его во время болезни.

² Речь идет о назначении Ф. М. Маркуса членом Государственного совета, которое состоялось 18 сентября 1893 г.

³ Д. Г. фон Дервиз окончил Императорское училище правоведения в 1850 г., Половцов – в 1851 г.

показаться возможно большему числу людей и убедить их, что он полон здоровья и может быть при первой возможности назначен председателем Департамента экономии¹. С этой целью был и в Гатчине.

Победоносцев. Совсем не тот Победоносцев, который в начале царствования раздавал портфели и после нескольких дней отсутствия в Аничковом дворце слышал от Государя: «Что Вас давно не видать?» Нет, теперь он совсем другой. С желчью говорит о всем, что делается, горько осуждает личный состав министерства и образ действий того, кто их выбирает. Победоносцев как будто удивлен, что после того, как он впал в немилость или по крайней мере лишился прежнего положения, я ни в чем в отношении его не переменялся и, вероятно, под этим впечатлением заходит ко мне гораздо чаще прежнего. В один из визитов своих рассказывает мне, что в тот день, когда в Комитете министров

¹ С весны 1892 г. И. А. Вышнеградский серьезно болел, вследствие этого в августе того же года был вынужден оставить пост министра финансов. В Петербурге распространились слухи, что болезнь отразилась на его умственных способностях. А. В. Богданович писала: «Дурново говорил у Селифонтова, что Вышнеградский смотрит безучастно, не видит входящих в комнату и находится все время в полусне». Одним из виновников подробного рода слухов был С. Ю. Витте, претендовавший на пост министра финансов и занявший его после отставки Вышнеградского. Та же Богданович отмечала в дневнике: «Витте кому-то сказал, что уже два года он замечал, что Вышнеградский ненормален, а что уже полгода, как он совсем сумасшедший». В обществе распространился слух о том, что министр на одном из докладов Александру III не узнал его. В кабинете императора стояли два кресла друг напротив друга. В одном обычно сидел император, второе предназначалось для министра-докладчика. Вышнеградский, войдя в кабинет, по привычке низко поклонился императору, но поклонился он пустому креслу, так как «царь в эту минуту стоял у окна и удивленно на него смотрел». Когда Вышнеградский начал читать доклад, то «у него двоились строчки, он все извинялся и, наконец, совсем спутался и начал говорить по-английски» (Богданович, 8 апреля 1892 г. С. 174). Факт поклона пустому креслу подтверждается и в других источниках. В. А. Грингмут привел в одном из писем следующую информацию. Витте, присутствовавший на докладе, попросил у императора позволения закончить доклад, что и сделал «блестящим образом», «к удивлению и удовольствию Государя». «Одним этим шагом С[ергей] Ю[льевич] сразу выдвинулся вперед и считается теперь наиболее серьезным кандидатом», — комментировал происшедшее Грингмут. Вышнеградский же «впал в полусознательное, сонливое состояние, так что не мог последовать приглашению Государя принять участие в завтраке». Эти события произвели «страшный переполох в Гатчине» (Письмо В. А. Грингмута В. А. Петровскому. 30 марта 1892 г. // ОР РГБ. Ф. 224 (С. А. Петровский). Карт. 1. Д. 39. Л. 7–7 об.). В данном контексте становится понятным, что, как сообщал Половцов, Вышнеградский делал многочисленные визиты, чтобы опровергнуть слухи о собственном нездоровье. 1 января 1894 г. он был назначен присутствовать в Департаменте законов.

докладывалось представление Вита¹ о приобретении в казну железнодорожных линий Главного общества², он, Победоносцев, сказал Виту: «Я здесь так давно сижу, что был свидетелем и того, как Московскую дорогу правительство продавало Главному обществу, и того, как объявлено было, что дороги будут строиться казной и принадлежать казне, и того, как вслед за тем частные общества стали строить дороги и покупать их от казны³»

Среди всего этого я не схватываю, какое правительство [...] в этом вопросе оно намеревается держать направление, какой следовать линии⁵.

Стоявший возле государственной контролер Филиппов, имеющий обыкновение всегда говорить в смысле угодном сильному, поспешил, хотя и не спрошенный, отвечать: «В этом-то, Константин Петрович, и мудрость правительства, что оно следует линии, хотя и кривой, но изящной».

Победоносцев: «Дай Бог, чтобы по пословице кривая вывезла».

Дурново в прежние времена, когда шла речь о том, чтобы ему попасть в Государственный совет, или когда его представления туда вносились, являвшийся ко мне по несколько раз в неделю, теперь, когда он живет возле меня, в шесть недель приехал один раз. Что за пошлое подобострастное ничтожество, подкупающее тех, кто выше его, своим подобострастием и лакейством.

Ермолов – новый министр государственных имуществ, неглупый и не лишенный образования человек, но всецело поглощенный радостью, что попал на высокий пост, и заботами о том, как бы сохранить такое приятное положение. Рассказывает как образчик регламентации, выведенной Островским в Министерстве государственных имуществ, что он, Ермолов, объезжая нынче летом государственные имуществ на юге России, заметил где-то девять ив, у коих высохали верхушки. Ермолов обратился к сопровождавшему его лесничему с замечанием о том, что верхушки эти следовало бы срезать. Оказалось, что представление о срезании этих верхушек по установленному порядку отправлено в Петербург.

Розенбах. Честный, прямодушный, благородный, израненный в последнюю войну, преисполненный лучших намерений, но весьма мало полезный член Государственного совета.

¹ Имеется в виду С. Ю. Вите.

² Имеется в виду Главное общество российских железных дорог.

³ Вопрос о передаче Николаевской дороги в частные руки на 85 лет был поднят в 1867 г. министром финансов М. Х. Рейтерном.

⁴ Слово неразборчиво.

⁵ Так в тексте.

*Князь Голицын*¹ (по кличке Гри-Гри). Умный, сметливый, как говорится, себе на уме, толстый, вечно веселый, прегромко рассказывающий истории предпочтительно о себе самом; ловко прошедший из гусарских офицеров в члены Совета, страстный охотник, неутомимый путешественник. На этот раз повествует о своей поездке прошедшим летом на южную часть Сибири² и даже отчасти в пределах Китая. Сообщает подробности о Памирском вопросе³, который много помог ему попасть в Совет⁴, о переселенцах⁵, о Сибирской железной дороге и так далее. Вообще Голицын охотник до модных вопросов.

¹ Речь идет о Г. С. Голицыне.

² Так в тексте.

³ Памирский вопрос – проблема урегулирования ряда спорных территорий между Россией и Англией в области Памира. Этот вопрос был тесно связан с проблемами англо-российского соперничества и утверждения России в Средней Азии. Впервые он возник в 1876 г. после окончательного покорения Россией Кокандского ханства, в которое входил и Памир. Некоторое время данный вопрос оставался открытым. Англия после войны с Афганистаном (1878–1880 гг.) побудила афганского эмира к захвату ряда памирских ханств (Шугнана и Вахана). Одновременно русские и англичане под видом научных экспедиций стали направлять разведчиков и посланцев к правителям этих ханств. В 1890 г. в Кашгар прибыла из Индии английская миссия для переговоров с китайскими властями о разделе Памира. Чтобы не допустить такого раздела в 1891–1895 гг. русские войска совершили серию военных экспедиций на Памир. Основная цель походов – утверждение в этой высокогорной области российского владычества и ослабление в ней английского влияния. Успехи русских на Памире вынудили Англию начать дипломатические переговоры. В результате обмена нотами между правительствами соперничавших государств в начале марта 1895 г. р. Пяндж стала пограничной между русскими и афганскими владениями. С июля начались разграничительные работы между Россией и Афганистаном.

⁴ Назначение Голицына членом Государственного совета состоялось 1 января 1893 г. Вопрос о его включении в состав членов Совета поднимался еще в 1890 г., о чем Половцов рассказал в дневнике. В декабре 1890 г., когда возникла необходимость расширить состав членов Гражданского департамента Государственного совета, великий князь Михаил Николаевич и Александр III считали необходимым назначить разных кандидатов. В качестве компромисса великий князь предложил кандидатуру Голицына, которая получила поддержку императора. Но Половцов, который должен был составить указ о соответствующем назначении, убедил Александра III, что в связи с отсутствием у Голицына юридического образования от его деятельности в Гражданском департаменте не будет пользы. Соответствующий указ так и не был составлен. Подробнее см.: Половцов. Т. II. С. 357–360.

⁵ В рассматриваемый период действовал закон 13 июня 1889 г., ограничивавший переселение крестьян. В соответствии с этим законом переселение допускалось только с предварительного разрешения, которое выдавалось министрами

Воронцов-Дашков – старинный мой приятель, превосходнейший человек, но не созданный ни для какого административного поста, хотя, разумеется, воображает совсем противное. Проводим вечер вдвоем, и чтобы не затрагивать современных личностей и вопросов, я направляю разговор на события последней войны¹. *Воронцов* рассказывает ужасные истории о бездарности наших генералов, в особенности покойного великого князя Николая Николаевича. Немало достается и Ванновскому, который был начальником штаба в отряде цесаревича².

Великий князь Михаил Николаевич заходит ко мне по преимуществу во дни заседаний Государственного совета. Очень доволен временем, проведенным в Шверине у дочери³ в обществе сына⁴ и морганатической невестки⁵, от которой мой великий князь в восхищении. Грустит, что у него нет ни одного женатого сына⁶, который мог бы жить с ним и несколько ослабить грустную сторону его одиночества. О Государственном совете и переменах невзрачного свойства, в нем совершающихся, не говорим. Он и равнодушен, и бессилен. Другое дело, приглашение к Государю на охоту или повышение чином одного из сыновей. Такие факты производят большое оживление.

внутренних дел и государственных имуществ лишь при наличии обоснованных причин (которые в законе не были установлены) и в том случае, если имелись свободные земельные участки. Самовольные переселенцы должны были отправляться местной администрацией на прежние места жительства. Несмотря на это, количество переселенцев росло с каждым годом. Начавшаяся в 1891 г. постройка Сибирской железной дороги поставила на повестку дня вопрос о заселении Сибири. Переселением в Сибирь занимался Комитет Сибирской железной дороги, который облегчал устройство переселенцев на новых местах жительства, а также выделял им ссуды и земли вдоль строявшейся железной дороги.

¹ Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг.

² Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. П. С. Ванновский с 27 июня 1877 г. занимал должность начальника штаба Рушукского отряда, во главе которого стоял наследник цесаревич Александр Александрович (будущий Александр III).

³ Дочь великого князя Михаила Николаевича Анастасия была замужем (с 1879 г.) за герцогом Фридрихом Мекленбург-Шверинским.

⁴ Второй сын князя Михаил Михайлович в феврале 1891 г. без согласия родителей и императора Александра III женился на внучке А. С. Пушкина С. Н. Нассауской, графине Меренберг де Торби. За этот морганатический брак ему был запрещен въезд в Россию. Жил в Лондоне, последние годы – на французской Ривьере. В 1909 г. был прощен, но в Россию не вернулся.

⁵ Имеется в виду С. Н. Нассауская.

⁶ В 1893 г. у великого князя Михаила Николаевич было шестеро сыновей: Николай, Михаил, Георгий, Александр, Сергей и Алексей. Из них женился к тому времени только упомянутый Половцовым великий князь Михаил Михайлович.

Между другой категорией посетителей приезжает мой двоюродный брат *Татищев*¹, присутствовавший в качестве журналиста на парижском приеме наших моряков².

Рассказывает некрасивые вещи про Моренгейма, который уличен французским правительством в получении денег из панамской кассы³ по чеку, выданному на имя Раф.⁴, то есть Рафаловича⁵.

¹ С. С. Татищев специально приехал во Францию в качестве корреспондента от журнала «Русский вестник».

² Речь идет о посещении контр-адмиралом Ф. К. Авеланом с морскими офицерами Парижа в октябре 1893 г. в ходе визита русской эскадры в Тулон (подробнее см. комментарий 52).

³ Здесь Половцов затрагивает события неудачного строительства Панамского канала французской компанией и последовавшего затем крупного коррупционного скандала. В 1879 г. Парижское географическое общество учредило Всеобщую компанию межокееанского канала под председательством Ф. Лессепа для строительства Панамского канала. Акции компании приобрели свыше восьмиста тысяч человек. В феврале 1881 г. начались работы по сооружению канала. К 1888 г. на строительство было истрачено почти в два раза больше средств, чем предполагалось, между тем выполненной оказалась только третья часть всех работ. Компания была вынуждена приостановить сооружение канала, прекратила платежи. Крах предприятия вызвал банкротство, разорение десятков тысяч мелких держателей акций. В ходе судебного разбирательства дела в 1889–1893 гг. выяснилось, что члены компании, оказавшись в трудном финансовом положении, систематически подкупали влиятельных должностных лиц и политических деятелей, редакторов газет и т. д.

Половцов имеет в виду, что русский посол в Париже А. П. Моренгейм оказался причастным к этим событиям. Не вполне понятно, соответствует ли данная информация действительности.

Богданович 24 декабря 1892 г. записала в дневнике: А. П. Коломнин «говорил, что получают депеши из Парижа, что Моренгейм замешан в панамском деле, что получил деньги через Флоке [имеется в виду Ш. Т. Флоке – О.Г.]. Цензура это зачеркивает. Вообще панамское дело сильно разгорается и заденет еще немало лиц» (Богданович. С. 180). В то же время историк А. А. Керсновский утверждал, что участие Моренгейма в панамском деле основано на домыслах. «В списке „панамистов“, – отмечал он, – значился загадочный инициал „М“, вследствие этого «часть французского общественного мнения, не без участия русских нигилистов, заподозрила российского посла в Париже барона Моренгейма». Император Вильгельм II выступил в поддержку Моренгейма, пытаясь с помощью этого инцидента спровоцировать конфликт между французским и русским правительствами и, таким образом, не допустить оформление союза между государствами (Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. С. 8–9).

⁴ Так в оригинале.

⁵ Имеется в виду один из представителей банкирского дома Рафаловичей.

Рибо проговорился об этом в палате¹ и слетел из министерства². Моренгейм требовал от Рибо журнального о содержании сделанного им заявления опровержения. Рибо исполнил желание Моренгейма, который вслед за тем заявил, что не считает себя удовлетворенным, и стал поносить французское правительство и лиц, его составляющих, желая себя оправдать таким образом. Вследствие такого образа действий правительство стало в дурные, почти враждебные отношения к Моренгейму, так что во время угощения наших моряков в Париже у французского правительства постоянно был страх, чтобы Моренгейм не возбудил какого-либо неприятного для французского правительства инцидента.

Великий князь Владимир Александрович, вернувшись из Парижа, где мы за последние годы имели обыкновение встречаться осенью и проводить некоторое время, приезжает завтракать к нам на Большую Морскую³ во вторник 9 ноября. Он в восхищении от своего путешествия по Испании и на Балеарские острова, очень доволен радушным приемом, оказанным ему в Париже, охотами у герцога Омальского, у Грефюля⁴, у Сомье⁵ в знаменитом замке Во⁶. В Берлине был он весьма любезно

¹ Речь идет о палате депутатов Национального собрания Франции. По Конституции 1875 г. законодательная власть в государстве принадлежала парламенту — Национальному собранию. Собрание состояло из Палаты депутатов и Сената. Сенат избирался на девять лет и каждые три года обновлялся на одну треть. Палата депутатов избиралась на четыре года.

² А. Рибо занимал должность премьер-министра Франции с 6 декабря 1892 по 4 апреля 1893 г. Министерство Рибо пало вследствие несогласия между Палатой депутатов и Сенатом по вопросу о бюджете.

³ Имеется в виду особняк Половцова в Петербурге на Большой Морской улице (д. 52). Семье Половцовых дом принадлежал с 1864 г. Особняк был куплен на деньги приемных родителей жены Половцова Н. М. Юневой. Этот дом богатством интерьеров и количеством редких вещей напоминал музей. Подробнее см.: *Житнева Н. В.* Особняк А. А. Половцова (Санкт-Петербургский дом архитектора). СПб., 1997. 28–29, 44–64, 73–128.

⁴ Речь идет о герцоге Генрихе Омальском, принце Орлеанском, и парижском знакомом Половцова и великого князя Владимира Александровича некоем Грефюле. У обоих Половцов и великий князь неоднократно бывали, как правило, с целью поохотиться. Краткие упоминания об этом встречаются на страницах дневника Половцова, когда он был государственным секретарем. См.: Половцов. Т. I. С. 127, 153, 159, 269, 371, 463, 478. По-видимому, Половцов также интересовался историческими работами герцога Омальского, так как 5 февраля 1886 г. записал, что получил в подарок его книгу «Histoire des princes de Condé» (См.: *Histoire des princes de Condé pendant les XVIe et XVIIe siècles*. Paris, Calmann Lévy, 1863–1896, 7 v. — «История принцев Конде в XVI и XVII вв.») (Половцов. С. 419).

⁵ Имеется в виду А. Сомье.

⁶ Имеется в виду замок Во-ле-Виконт.

принят германским императором, который не принимает к сердцу оваций нашим морякам во Франции, но весьма недоволен тем, что в самый день входа русской эскадры в Тулон¹ наш Государь в подробности осматривал французское военное судно², прибывшее в Копенгаген. Наш Государь объясняет, что совпадение это вышло совершенно случайно, что на просьбу французского капитана осмотреть его судно Государь отвечал, что сделает это при первом удобном случае и исполнил свое обещание, послав из Фреденсборга в Копенгаген к обедне³. Судно было действительно интересно для [...] ⁴, потому что было построено с применением всех наипоследнейших изображений и усовершенствований.

При этом Владимир Александрович рассказывает, что Государь ему сообщал о письме, полученном из Америки от какого-то поселившегося там серба, который пишет, что рядом с его деревенским домом русские эмигранты, коих он поименовывает, делают над разными животными пробы действия вновь изобретенных ими бомб, чрезвычайно разрушительных и вместе с тем малообъемистых.

В разговоре с Владимиром Александровичем предвещаю его о вновь вышедшей в Лондоне брошюре под заглавием «Конституция графа Лорис-Меликова»⁵, в которой напечатано письмо, полученное великим

¹ Визит русской эскадры в Тулон в октябре 1893 г. под командованием контр-адмирала Авелана стал ответом на посещение французскими военными кораблями Кронштадта в июле 1891 г. Обе встречи состоялись в рамках мероприятий по заключению русско-французского союза в 1891–1893 гг. 1 октября 1893 г. эскадра в составе броненосца «Император Николай I», крейсеров «Адмирал Нахимов», «Память Азова» и «Рында» и канонерской лодки «Терек» прибыла в Тулон. Французское правительство организовало торжественный прием. На пристани русских моряков встретили представители французского Главного морского штаба и старшие офицеры тулонского порта. Прозвучал гимн Российской империи «Боже, царя храни», раздавались крики: «Да здравствует царь!», «Да здравствует Россия!». В ходе визита Авелан и пятьдесят моряков, выбранных по жребию, посетили Париж, где были устроены празднества в честь русских флотоводцев. Они встретились с президентом Франции С. Карно.

² 1 октября 1893 г., в тот день, когда русская эскадра вошла в Тулон, Александр III, Мария Федоровна и цесаревич прибыли из Фреденсборга в Копенгаген. Император с семьей принял участие в церемонии закладки новой яхты «Штандарт», затем Александр III с наследником и свитой посетил французский броненосец «Isly». Когда император покидал судно, яхта «Полярная звезда» отсалютовала «Isly» тридцатью выстрелами, и в тот же день президент Франции С. Карно и Александр III обменялись телеграммами. Это событие подняло значение тулонского визита.

³ Так в тексте.

⁴ Слово неразборчиво.

⁵ Эта анонимная брошюра издана Фондом вольной русской прессы и представляет собой апологию М. Т. Лорис-Меликова. Возможно, автором ее был ученый

князем от Государя по поводу знаменитого манифеста, вызвавшего отставку Лориса, Милютина и Абазы.

Великий князь отвечает, что письмо такого содержания он действительно получил, но никогда никому не показывал, и письмо это, как все письма от Государя, хранится у него в особом портфеле.

Вслед за тем великий князь присылает мне подлинник этого письма, вот его содержание:

«Гатчина 27 апреля

1881 г.

Посылаю тебе, любезный Владимир, мной одобренный проект манифеста; я желаю, чтобы вышел 29 апреля, в день приезда моего в столицу. Я давно долго¹ об этом думал, но многие отсоветовали, и министры все обещали мне своими действиями заменить манифест, но так как я не могу добиться никаких решительных действий от них, а, между прочим, шатание умов продолжается все более и более, и многие ждут чего-то необыкновенного, то я решился обратиться к К. П. Победоносцеву составить мне проект манифеста, в котором бы высказано было ясно, какое направление делам желаю я дать и что никогда не допущу ограничения самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной России. Кажется, манифест составлен очень хорошо; он был вполне одобрен графом С. Г. Строгановым, который тоже нашел своевременность подобного акта. Сегодня я лично прочел манифест А. В. Адлербергу, который тоже вполне одобрил его, и так, дай Бог, в добрый час!

М. М. Ковалевский, об этом пишет Б. Э. Нольде (см.: *Нольде Б. Э. Совет Министров 8 марта 1881 г. Рассказ графа Лорис-Меликова В. А. Бильбасову // Былое. 1918. № 4–5 (32–33). С. 187*). Брошюра содержит биографические сведения о Лорис-Меликове, рассказывает о его деятельности на Кавказе, в ходе русско-турецкой войны, на постах харьковского генерал-губернатора, начальника Верховной распорядительной комиссии и министра внутренних дел. В тексте приведено письмо Лорис-Меликова, характеризующее русско-турецкую войну 1877–1878 гг., текст его доклада 6 марта 1881 г., содержащий изложение плана преобразований, предложенных Александру II 28 января 1881 г., и некоторые другие документы (Конституция графа Лорис-Меликова. Лондон: Издание вольной русской прессы, 1893. С. 36–41). Брошюра неоднократно переиздавалась за границей. В издании 1904 г. в Берлине в качестве приложения помещены личные письма Лорис-Меликова. См.: Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Берлин: Г. Штейниц, 1904.

¹ Слово «долго» написано над строкой, вероятно, «давно» должно быть зачеркнуто.

Сегодня имел объяснение с графом А. В. Адлебергом, результатом которого было, что он просится сам оставить место министра. Несмотря на то, что он очень грустен, но все объяснение и весь разговор был самый дружественный, и расстались друзьями. Решили так, что он останется до выбора мной нового министра и до окончания им всех дел по завещанию Папа. При личном с тобой свидании передам все подробности и мои намерения.

До свиданья,
Твой брат Саша

Пришли мне обратно проект».

В брошюре Лорис-Меликова второй части письма не существует, а первая изложена с некоторыми изменениями и перемещениями слов, как будто передавал содержание письма кто-нибудь на память, не имея под глазами оригинала¹. Великий князь не понимает, как могло письмо это попасть в печать, когда со дня получения оно не выходило из ящика письменного стола.

Н О Я Б Р Ь

14 ноября. Обычный прием в Аничковом дворце по случаю дня рождения императрицы². Сегодня в церкви наверху³, во время коего поздравители собираются в залах. После обедни открываются двери большой гостиной, у которых стоит императрица, а возле нее император. Поодиночке к ней подходят и целуют руку сначала статс-дамы, жены, адъютанты Государя, когда он был наследником, гофмейстерины и фрейлины великих княгинь, потом члены Государственного совета, первые чины двора, государева свита, офицеры Кавалергардского⁴, Гатчинского

¹ В брошюре приведенное в дневнике письмо изложено практически слово в слово. Маловероятно, чтобы с такой точностью его можно было пересказать по памяти. Но, как верно отмечает Половцов, выпущена вторая часть послания со слов «Сегодня имел объяснение с графом А. В. Адлебергом» (Конституция графа Лорис-Меликова. Лондон: Издание вольной русской прессы, 1893. С. 34).

² Речь идет об императрице Марии Федоровне.

³ В верхнем этаже северного бокового флигеля Аничкова дворца находилась домовая церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского, сооруженная в 1817–1818 гг. во время перестройки интерьеров здания под руководством архитектора К. И. Росси.

⁴ Кавалергардский полк (гвардейский кирасирский полк) был сформирован в Петербурге в 1800 г. из Корпуса кавалергардов, существовавшего с перерывами

Кирасирского¹ полков и Гвардейского экипажа², в коих императрица состоит шефом³; после поздравления завтрак за круглыми столами при оглушительной музыке придворного оркестра; после завтрака прием (cercle⁴) в смежном зале, причем, Их Величества обходят присутствующих и расточают (не слишком) любезные присутствующим слова. Все оканчивается около 2-х часов.

22 ноября. Понедельник. Заслуживающее остаться памятным заседание общего собрания Государственного совета.

Слушается дело⁵ по представлению министра внутренних дел о признании неотчуждаемой крестьянской надельной земли⁶. Представление

с 1724 по 1797 гг. Участвовал в войнах с Францией 1805, 1806–1807 и 1812–1814 гг., в подавлении восстания в Польше 1830–1831 гг. Кавалергардский полк считался одним из самых привилегированных в гвардии, являлся непререкаемым участником всех торжественных церемоний при дворе и в столице. Его офицеры были, как правило, выходцами из богатых и знатных дворянских семей. Служба в кавалергардском полку зачастую создавала благоприятные предпосылки для успешной карьеры по военной или гражданской части. Императрица Мария Федоровна состояла шефом этого полка с 1881 г.

¹Кирасирский полк (полное название – лейб-гвардии Кирасирский полк Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны) был сформирован как драгунский (конный, способный действовать и в пешем строю) полк. В 1733 г. переименован в лейб-кирасирский (кирасиры – тяжелая кавалерия), шефом полка стала сама императрица Анна Иоанновна. Полк принимал участие в швейцарской кампании 1799 г., в Отечественной войне 1812 г., в подавлении польского восстания 1830–1831 гг. и венгерских событиях 1849 г. Будущая императрица Мария Федоровна стала шефом полка в 1880 г.

²Гвардейский экипаж – военно-морское формирование в составе Русской Императорской гвардии. Учрежден в 1810 г. Участвовал в Отечественной войне 1812 г., Заграничных походах 1813–1814 гг. Гвардейцы действовали при осаде Варны в 1828 г., подавляли восстания в Польше в 1830–1831 и 1863 гг., были в венгерском походе 1849 г., отличились при обороне Кронштадта в Крымскую войну и др. Мария Федоровна была назначена шефом Гвардейского экипажа в июле 1892 г.

³После 1815 г. шеф полка – почетное звание, которое, как правило, получали члены императорской фамилии, иностранные монархи и принцы и т. д.

⁴Круг (*фр.*).

⁵Здесь рассказывается об обсуждении в Государственном совете представления министра внутренних дел И. Н. Дурново о мерах по предупреждению отчуждения крестьянских наделов. Дело слушалось с 22 ноября по 23 декабря 1893 г. Подробнее см.: Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1893–1894. С. 27–38.

⁶Система надельного землевладения образовалась после крестьянской реформы 1861 г. Она существовало в двух формах – общинного (земля находилась

это сделано было первоначально графом Толстым¹, но покуда я был государственным секретарем, я не давал хода этому представлению, находя в нем выражение идей современного государственного социализма. Дурново по глупости своей не понял этой стороны дела и, надеясь понравиться, продолжая начинания Толстого, внес это дело снова на рассмотрение Совета. В соединенных департаментах² признали единогласно необходимым учредить комиссию, которая рассмотрела бы многочисленные законодательные исправления, необходимые по отношению к крестьянскому быту, но вместе с тем единогласно признали невозможным и разорительным для населения допустить отчуждение крестьянских земель исключительно в пользу односельчан. Вместо того предложено установить, что отчуждение крестьянской земли может быть производимо в пользу лиц крестьянского сословия вообще. По этому вопросу произошло разногласие: многие, в том числе и я, доказывали, что таким образом будет запрещено покупать крестьянскую наделную землю дворянам и потомственным почетным гражданам, что всякий мещанин, всякий купец сохраняют право покупки крестьянской земли. Делаясь по преимуществу теми кулаками, коих законодательство хочет избежать. Дурново и его союзники, или, скорее, потакатели, от сего потакания великие блага ожидаючи, упорно и без всяких объяснений стояли на том, чтобы представление министра было утверждено. Точно так же произошло разногласие о праве крестьян закладывать свои земли, и в особенности сильно спорили о предложении министра внутренних дел уничтожить 165 статью³

в собственности общины) и подворного землепользования (в собственности отдельных дворов, то есть принадлежала отдельной семье и распределялась между ее членами). Ни общинное, ни подворное землевладения не являлись частной собственностью. Каждый крестьянин должен был быть членом общины или двора, в этом случае он получал земельный надел (участок земли) в пользование. Крестьяне не имели права продавать, закладывать, дарить наделную землю. Землей, находившейся в общинном пользовании, распоряжалась община, которая регулировала ее распределение, определяла порядок пользования общими угодьями – выгонами, пастбищами, устанавливала севообороты. На большей части территории Российской империи наделное землевладение существовало в виде общинной собственности, в Литве, Правобережной Украине и Молдавии – подворной.

¹ Имеется в виду министр внутренних дел Д. А. Толстой.

² Дело обсуждалось в департаментах в предыдущую сессию 1892–1893 гг.

³ Речь идет о 165 статье «Положения о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной повинности, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий», которое являлось частью «Положений» об освобождении крестьян от крепостной

крестьянского положения¹, по которой с 1861 года разрешается крестьянам получать в собственность свой наделный участок по внесению причитающейся на участок этот выкупной суммы².

В общем собрании заседание началось³ с того, что министр внутренних дел высказал несколько общих мест, как опасно обезземеление крестьян и распространение у нас земельного пролетариата. Потом

зависимости. Указанное положение определяло порядок выкупа крестьянами земли у помещиков и т. д. Упомянутая Половцовым статья 165, или, точнее, вторая ее часть, разрешала члену крестьянской общины (статья касалась только бывших помещичьих крестьян) получать свой надел в собственность по внесению выкупной суммы в уездное казначейство. См.: ПСЗ. Собр. II. Т. 36. Отдел I. 1861. СПб., 1863. С. 174–202. № 36659.

¹ Освобождение крестьян от крепостной зависимости было провозглашено Манифестом 19 февраля 1861 г. «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей». Практические условия освобождения крестьян были определены в семнадцати актах – «Положениях» о крестьянах. Основной акт – «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» – содержал главные условия крестьянской реформы. Крестьяне получали личную свободу и право свободно распоряжаться своим имуществом, но при этом помещики сохраняли собственность на все принадлежавшие им земли, однако обязаны были предоставить в пользование крестьянам «усадеб оседлость» и полевой надел. За пользование наделной землей крестьяне должны были отбывать барщину или платить оброк и не имели права отказа от земли в течение девяти лет. Размеры полевого надела и повинностей должны были фиксироваться в уставных грамотах, которые составлялись помещиками на каждое имение и проверялись мировыми посредниками. Крестьянам предоставлялось право выкупа усадьбы и по соглашению с помещиком – полевого надела, до осуществления этого они именовались временнообязанными крестьянами. Крестьянин обязан был немедленно уплатить помещику двадцать процентов выкупной суммы, а остальные восемьдесят вносило государство. Крестьяне должны были погашать ее в течение сорока девяти лет ежегодно выкупными платежами. Также манифестом определялась структура, права и обязанности органов крестьянского общественного управления (сельского и волостного) суда.

² Выкупная сумма или выкупные платежи – деньги, которые бывшие крепостные, удельные или государственные крестьяне платили государству по условиям крестьянской реформы 1861 г. Эти деньги выплачивались в рассрочку на 49 лет для погашения ссуды, предоставленной государством бывшим владельцам в качестве выкупа за наделную землю. Фактически включали и выкуп за личность крестьянина, так как сумма выкупных платежей определялась исходя не из рыночной цены на землю, а из дохода помещика с имения. Ежегодно выплачивались 6 процентов от этой суммы.

³ Здесь и далее в записи за 22 ноября Половцов несколько сумбурно, но достаточно точно изложил основные вопросы, которые были представлены на рассмотрение Государственного совета. Члены Совета должны были высказать свое мнение относительно следующих мер:

министр финансов Витте, человек очень умный, но лишенный и первоначальных, и всяких государственных сведений, с невероятным нахальством отстаивал во что бы то ни стало мнение Дурново, потому что считает его сильным у Государя. В речи своей Витте говорил, что понятия

- о продаже надельной земли целыми сельскими обществами;
- об ограничении круга лиц, которым разрешено приобретать участки надельной земли, принадлежащие отдельным крестьянам;
- о запрещении залога надельных земель;
- об отмене второй части статьи 165 «Положения о выкупе».

Относительно первого вопроса разногласий не возникло, о нем Половцов не упомянул. Члены Государственного совета предложили допустить продажу надельной земли сельскими обществами при соблюдении двух условий. Первое: решение о продаже принималось на сельском сходе с большинством не менее двух третей голосов. Второе: решение сельского схода должно было утверждаться губернским или губернским по крестьянским делам присутствием (для участков земли не дороже 500 рублей), кроме того, предполагалось получить разрешение Министерства внутренних дел при согласовании вопроса с министрами финансов, земледелия и государственных имуществ (для более дорогих участков).

Второй вопрос вызвал серьезные прения в Совете, которые красочно описал автор дневника. Представители меньшинства (девятнадцать членов Совета, в том числе Половцов) полагали, что изменять Положение от 19 февраля 1861 г. не было необходимости, то есть крестьяне должны сами решать, кому продавать землю. Запрещение продавать участки лицам, не принадлежавшим к одному и тому же обществу, ограничивало крестьянскую свободу. Кроме того, по мнению меньшинства, данная мера должна была вызвать понижение спроса на наделы, тогда как предложение оставалось бы неизменным, что вызвало бы ухудшение положения крестьянства. Обезземеливание сельского населения могло стать явлением общим, так как многие продавали участки для приобретения земли в других районах, в частности, на окраинах государства, что способствовало бы заселению отдаленных областей Российской империи. К тому же крестьянство начало бы более активно переориентироваться на другие занятия (в частности, на ремесла и промыслы). В любом случае ограничение свободы распоряжения землей не могло предотвратить обезземеливание крестьянства (оно неизбежно из-за роста населения).

По мнению большинства (тридцать членов Совета, в том числе председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич), данное мероприятие не составляло нарушения установленного в 1861 г., напротив, ограничение продажи земли должно было способствовать сохранению земли в руках крестьянства, что отвечало бы замыслам составителей Положения. В России представление о земле как о товаре преждевременно, поскольку малообразованное неопытное крестьянское население не было готово к ведению рыночных отношений и могло легко стать жертвой людей, быстрее адаптировавшихся к новым реалиям.

о праве собственности, находящейся в Своде законов, составляют лишь остаток устаревших учебников римского права; что право собственности одно для частных лиц, а другое для государства в отношении

Главный вред, по мнению большинства, — это скупка земли лицами, не принадлежавшими к сельскому населению, так как их цели не совпадали с нуждами обществ. Поэтому следовало запретить приобретение наделов лицами некрестьянского сословия. В то же время ограничение возможных покупателей представителями одного и того же общества нежелательно. Наиболее целесообразным считалось предоставить право покупки земли лицам крестьянского сословия, принадлежавшим к какому-нибудь сельскому обществу, либо потенциальным покупателям, приписавшимся к тому обществу, в котором они планировали приобрести участок. Против последнего особенно горячо выступал Половцов, как видно из его речи, которая приведена в тексте дневника ниже. Он считал, что разрешение покупать землю лицам, которые приписывались к обществам, было бы равнозначно запрещению дворянству и потомственным гражданам приобретать крестьянские наделы. Половцов как защитник интересов землевладельческого дворянства старался этого не допустить.

Третий вопрос также стал причиной разногласий. Тринадцать членов Совета высказались за то, чтобы залог наделов со стороны сельских обществ допускался не иначе, как с разрешения местного губернского присутствия или губернского по крестьянским делам присутствия. Председатель и тридцать шесть членов Совета выступили за запрещение отдавать наделные земли в залог на основании того, что результатом подобных сделок повсеместно ставилась бы принудительная продажа участка, так как крестьянин оказывался бы не в состоянии выплатить заложенные обязательства. Таким образом, опять же возникала опасность массового обезземеливания сельского населения, которое следовало предотвратить.

По вопросу об отмене второй части 165 статьи члены Совета также не пришли к единогласному решению. Меньшинство в составе двадцати одного члена выступило за сохранение этого пункта. Они доказывали, что установленное этой статьей право досрочного выкупа наделных участков из общинного владения представлялось весьма существенным для крестьян преимуществом, утрата которого была бы для них едва ли не более заметной, чем лишение возможности отчуждать участки и закладывать их. Выкуп этот, по мнению меньшинства, представлял единственный способ освободиться от зависимости общества для более трудолюбивых и деятельных крестьян и способствовал бы улучшению ситуации в деревне.

Председатель и двадцать семь членов считали, что представляемое 165 статьей право отдельным домохозяевам выкупать досрочно участки наделной общественной земли без согласия общества противоречило основным началам крестьянского землепользования. Поэтому они предлагали изменить вторую половину статьи 165 таким образом, чтобы производство досрочных выкупов было поставлено в зависимость от согласия общества. Кроме того, последнему следовало предоставить право определять и размер выкупаемого участка, и его стоимость.

частных лиц, что земля может быть отдана во владение, как это существует в казацком войске¹ и т. п.

По соглашению между членами меньшинства прежде всех должен был говорить Бунге, написавший прекрасную по этому делу записку, но он захворал, и с нашей стороны огонь открыл генерал Рооп, с большой энергией настаивавший на том, что подобными мерами подрывается доверие народа к правительству, к словам государева при освобождении крестьян манифеста.

После Роопа говорил я по общему вопросу о неотчуждаемости, речь моя была следующего содержания:

«Ваше Императорское Высочество². Испрашивая разрешение представить соображения относительно подлежащего рассмотрению разномыслия касательно предлагаемой министром внутренних дел меры — установления неотчуждаемости крестьянской земли, — я прежде всего полагаю необходимым выяснить то значение, которое должно быть за этим мероприятием признано.

Есть ли это окончательный закон, изменяющий строй экономической и хозяйственной жизни крестьянского населения?

Против этого положения, как видно далее по тексту, решительно выступил Половцов. В частности, он обратил внимание на то, что в проекте не говорилось, в какой форме должно выражаться согласие общества. Как опытный юрист Половцов критиковал не только содержание проекта, но и его изложение. Он заострял внимание на недоработках проекта, чтобы не допустить его утверждения, призывая возложить рассмотрение большинства вопросов на комиссию, которая должна была заниматься усовершенствованием и дополнением Положения 1861 г. Но министр внутренних дел, как отметил автор дневника, «имея в кармане высочайшее утверждение своего мнения», даже не счел своим долгом отвечать на пламенную речь Половцова. Старания оратора были напрасны: 14 декабря 1893 г. Александр III утвердил мнение большинства Государственного совета. Подробнее см.: Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1893—1894 гг. С. 27—38.

¹ Система землевладения в казачьих областях определялась Положением от 21 апреля 1869 г. о поземельном устройстве в казачьих войсках. Положение закрепляло общинное владение станичными (юртовыми) землями, из которых производилось наделение казаков «паем» в 30 десятин на казака (на практике наделы составляли в среднем от 9 до 23 десятин). Остальные земли составляли войсковой запас, предназначавшийся главным образом для пополнения станичных участков по мере роста казачьего населения. Казачьи офицеры и чиновники паделались землями в полную собственность взамен пенсий; размер их наделов в различных войсках отличался, а в каждом войске был разным для генералов, штаб-офицеров и обер-офицеров.

² Половцов обращался к великому князю Михаилу Николаевичу.

Или это временная мера впредь до устранения той обильной неурядицы, которая накопилась в крестьянской среде в продолжение тридцати трех лет, протекших со дня освобождения?

Или, наконец, не есть ли это провозглашение принципа для дальнейшей реформы, для направления ее в ту или другую сторону.

Последнего предположения я бы не сделал, если бы не читал на двенадцатой странице журнала комиссии, труды коей легли в основу рассматриваемого представления, что при настоящем положении вопроса неотчуждаемость может быть признана лишь как принцип, долженствующий служить исходной точкой предстоящих по этому предмету законодательных работ.

Такой взгляд, конечно, имеет значение, но так как я думаю, что задача законодательства заключается в том, чтобы устанавливать правила, а провозглашение принципов входит в область науки и литературы, то я и счел нужным выяснить могущее возникнуть по сему предмету недоразумение, чтобы затем, не возвращаясь более ни к каким принципам, остановить внимание собрания на проектируемом законодательном мероприятии.

Приступая к обсуждению того сомнения, временное ли сегодня издается мероприятие или утверждается окончательный закон, я нахожу основания этому сомнению в том, что министр внутренних дел в представлении своем 22 февраля 1891 года полагал нужным: а) впредь до признаваемого им необходимым пересмотра приостановить действие некоторых статей положения и б) подчинить отчуждение крестьянских земель некоторым временным правилам.

Очевидно, что министр внутренних дел предполагал установить лишь временный порядок, между тем как во мнении большинства членов категорически говорится: в изменение и дополнение подлежащих узаконений постановить следующее правило. Следовательно, без всякого о том в Соединенных департаментах обсуждения то, что предположено было ввести временно, вводится окончательно, навсегда, без всякой оговорки.

Итак, сегодня обсуждается закон, долженствующий получить значение окончательного.

Но как же поступит та комиссия¹, о возникновении коей высказывается единодушное желание? Достаточно ли Государственный совет

¹ Государственный совет пришел к единогласному мнению о том, что Положение о крестьянах 1861 г. должно быть пересмотрено (Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1893–1894 гг. С. 38). Эту миссию решили возложить на особую комиссию. Постановление Совета

убежден в непогрешимости этого принципа, чтобы сегодня связать руки комиссии во всем ходе ее работ без ближайшего ознакомления с тем, в чем работы эти будут заключаться?

Но, скажут мне, комиссия может, не стесняясь правилом о неотчуждаемости, постановлять, что захочет. Это значило бы допустить, что аграрное, поземельное законодательство может подлежать частым в форме ли временной меры или постоянного закона изменениям. Такой взгляд представляется мне в известной мере опасным.

Итак, в сегодняшнем заседании рассматривается окончательный закон о неотчуждаемости крестьянской земли без всякого соображения с другими вопросами, касающимися политического и экономического строя крестьянской жизни.

Какие же представляются главные поводы к такой спешности, к такому изолированию, выделению исключительно этого вопроса? 1) то, что площадь владимой крестьянами земли тает, 2) что подобная мера предотвратит пролетариат.

Не стану повторять цифр, столь красноречиво изложенных в записке председателя Комитета¹, но не могу на основании его же авторитета не прибавить, что, покаuda площадь крестьянского землевладения увеличивалась, дворяне из семидесяти семи миллионов десятин владимой ими земли утратили двадцать два миллиона. Значительное количество

так и не было исполнено, поскольку, как утверждал Половцов, министр внутренних дел Дурново убедил Александра III, что «никакой комиссии не надо» и что «все необходимое будет сделано самим министром внутренних дел» (Подробнее см.: дневник Половцова за 6 августа 1898 г.). Тем не менее Министерство внутренних дел не занималось этим вопросом. По мнению М. С. Симоновой, внимание императора на неустроенность крестьянского положения обратил в 1900 г. во всеподданнейшем отчете генерал-губернатор М. И. Драгомиров. В январе того же года его доклад был заслушан в Комитете министров (Симонова. С. 10). Он предлагал срочно пересмотреть законы, определявшие личные и имущественные права крестьян и строй их общественного управления. Эти предложения были одобрены (См.: Памяти В. К. Плеве. СПб., 1904. С. 12–13). Последовал запрос Николая II Министерству внутренних дел о состоянии работы по пересмотру крестьянского законодательства. 14 февраля 1901 г. министр внутренних дел Д. С. Сипягин представил императору доклад, в котором содержалась история разработки вопроса с 1893 г. Оказалось, что Министерство внутренних дел сумело провести только сбор документов по данной проблеме. В итоге 22 января 1902 г. было учреждено Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством министра финансов Витте из министров земледелия и государственных имуществ, внутренних дел и других лиц по назначению императора (Симонова. С. 15).

¹ Имеется в виду записка Н. Х. Бунге, упомянутая выше.

этой земли, конечно, перешло к крестьянам. Сколько именно, это мы бы узнали, если бы комиссия, изготавливавшая настоящий проект, не отказалась запросить нотариусов о количестве купленной крестьянами помимо Дворянского банка дворянской земли.

Второе¹ основание настоящего проекта – надежда, что поземельный пролетариат будет предотвращен. Но, не вдаваясь в подробное рассмотрение, насколько такая надежда основательна, довольно остановиться на том, что в 1858 году Россия считала семьдесят пять миллионов жителей, а ныне насчитывает до ста двадцати. Если через тридцать пять лет прирост населения умножится еще на шестьдесят процентов и дойдет до ста девяносто миллионов, а земельная площадь останется все та же, то каким же образом избежать того неудобства, что для части населения не хватит материала к земледельческому труду? Да и что такое пролетарий? Человек, не имеющий средств к жизни за недостатком поприща, на котором мог бы трудиться. В России нет и еще долго не будет поприща, которое не нуждалось бы в тружениках. Дело в том, чтобы люди приучались думать, что труд есть закон жизни и что жить надо своим, а не чужим достоянием.

Господин министр внутренних дел заявил, что вопрос о неотчуждаемости имеет важность потому, что число бывших помещичьих крестьян увеличилось с 1861 года по настоящее время с семнадцати до двадцати трех миллионов.

Ваше Императорское Высочество, да не выйдут слова сии за двери этого собрания, потому что смысл их, хотя и в другой форме, повторяется повсюду крестьянским населением. Мне не раз доводилось слышать в деревне, что в 1861 году у отца был один надел, а теперь «народилось четыре сына, так и земли надо дать вчетверо»². На вопрос же мой, откуда взять землю, ответ был всегда одинаков: «Коли царь прикажет, так земля будет».

Не стану повторять всех остальных доводов, изложенных в мнении меньшинства и касающихся основной мысли проекта, перейду к тексту окончательного заключения, который по содержанию своему представляется совершенно иным, чем первоначальные министра внутренних дел предположения.

Признаюсь, я очень сочувственно отношусь к мысли, служившей точкой отправления первоначального проекта. В чем заключалась эта

¹ В данном случае в качестве «первого» Половцов рассматривает вопрос о сокращении площади крестьянской земли.

² Такой же аргумент автор дневника привел в письме к Николаю II, сопровождающем биографии для словаря Половцова. См. запись от 20 июля 1901 г.

мысль? В том, чтобы по возможности сохранить на землях живущее на них земледельческое население. С землевладением связаны многие гораздо более возвышенные, чем съестные только, интересы. Угол земли, на котором человек родился, остается навсегда дорог ему, особенно когда к этому присоединяются воспоминания ранней молодости, впечатления возмужалого труда, уважения к мудрым заветам прародителей; все это сливается в одну гармоническую ноту любви к родной земле – первому основанию любви к Отечеству, той любви, которой сильна Россия, той любви, которая выручала ее в годы великих бедствий.

К сожалению, первоначальный проект министра внутренних дел признан единогласно угрожающим разорением крестьянству, а где разорение и нищета, Ваше Высочество, там нередко умолкают лучшие человеческие чувства.

И вот, первоначальный проект совершенно изменился. За невозможностью сохранить землю исключительно для тех, кто на ней живет ныне, решено ограничить право отчуждения исключительно лицами крестьянского сословия; но ведь к крестьянству могут приписываться и мещане, и купцы, следовательно, проектируемый закон в теперешнем его виде не есть более закон о неотчуждаемости, а лишь закон о воспрещении дворянам и потомственным гражданам покупать крестьянские земли. Появится мещанин из какого-нибудь отдаленного городишка, крестьянину говорят: ты можешь продать ему землю; придет купец, нажившийся в соседнем торговом центре, – то же самое; но пожелает помещик в видах улучшения хозяйства устройства какого-нибудь завода, дающего заработок населению, приобрести клочок земли, крестьянин должен отказать помещику в продаже: помещик исключительно угрожающий разорением крестьянину человек. Помещик отдал за дешевую цену свою землю при освобождении крестьян, помещик в качестве посредника устраивал крестьянскую жизнь на первых порах после освобождения, помещик в обязанности земского начальника, уездного предводителя продолжает служить прежде всего на пользу крестьян. Все равно, крестьянин, ты его одного опасайся!

Не проведет ли такой закон между двумя сословиями борозду недоверия, которая может превратиться в ров враждебности?

Независимо от общих этих сомнений самая редакция проектированного правила возбуждает много вопросов. Распространяется ли правило это на участки, выделенные и приобретенные в полную собственность по статье 165? Запрещается ли участки, о которых говорится в проекте, продавать только в целом их составе или даже по частям?

Наконец, указывают на необходимость поставить выкуп надельной земли в зависимости от согласия общества. Но в какой форме согласие это должно выражаться? Об этом в проекте не упоминается. Кроме того, остается неизвестным, в каких отношениях к общине будут состоять пришлые члены — покупщики надельных участков, какие им предоставляются права и какие на них налагаются обязанности? Не разъясняя этих вопросов, обсуждаемый законопроект производит впечатление чего-то отрывочного, неопределенного. В зависимости от этого он, в случае его утверждения, неминуемо должен повести к недоразумениям, всегда нежелательным в среде аграрных вопросов.

В виду всех этих соображений я полагал бы не устанавливать ныне никаких временных мер по обсуждаемому вопросу, а представить разрешение его проектируемой комиссии по пересмотру крестьянского законодательства».

Дурново, имея в кармане высочайшее утверждение своего мнения, не счел нужным отвечать мне единое слово. За него говорил вроде наемного адвоката Витте. Он сказал, что я напрасно опасюсь за будущность дворянства, что он, Витте, ручается, что от этого нового закона дворянство никаких потерь не понесет. Что, впрочем, министры, отстаивающие проект, несколько не противники дворянства, а готовы немедленно вслед за тем написать закон для улучшения быта дворянства.

На это я возражал, что, несомненно, новый закон ничего не изменит, потому что как со времени освобождения крестьяне продолжают покупать землю и увеличивать площадь своего землевладения, так дворяне утрачивают свои земельные владения, и это двойное движение увеличения и уменьшения будет, конечно, продолжаться и после нового закона; но что министр финансов не совсем прав, останавливаясь исключительно на материальных выгодах или невыгодах дворянства; для дворянского сословия существуют еще вопросы сословного достоинства, кои едва ли возможно игнорировать.

После меня говорил Дервиз о праве залога надельных земель, говорил очень хорошо, но исключительно с юридической точки зрения, почти не останавливаясь на экономической стороне вопроса, на необходимости существования кредита для производительной земледельческой деятельности.

В заключение Мансуров говорил против уничтожения 165 статьи, то есть права выкупа наделов отдельными членами общества. Мансуров говорил против обыкновения весьма хорошо, но три раза упомянул о том, что предложение Витте заставляло платить отдельных выкупающих наделы крестьян всю сумму выкупа, не принимая во внимание

произведенных с 1861 года взносов, предложением «государственно-бесчестным», что весьма обидело господ Витте и Дурново, разумеется, без всяких дальнейших последствий¹.

ДЕКАБРЬ

23 декабря. Уезжаю в Париж, где жена моя выдерживает курс лечения у знаменитого мастера Мецгера.

¹ В итоге 14 декабря 1893 г. был принят закон «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель». В соответствии с этим законом продажа наделных крестьянских земель целыми обществами допускалась только с согласия не менее двух третей домохозяев. Кроме того, сделка должна была утверждаться губернским или губернским по крестьянским делам присутствием. В том случае, если цена участка превышала пятьдесят рублей, то разрешение следовало получить от министра внутренних дел и министра финансов, а если земля приобреталась для горнопромышленных целей – и министра государственных имуществ. Взамен статьи 165 было постановлено, что до уплаты выкупной ссуды выдел отдельных домохозяев и досрочный выкуп ими участков допускался не иначе, как с согласия общества и на условиях, указанных в приговоре соответствующего схода. Крестьянским обществам и отдельным домохозяевам запрещался залог принадлежавшей им наделной земли частным лицам и учреждениям, хотя бы выкупная ссуда по этим землям была погашена. Участки наделной земли, приобретенные отдельными домохозяевами или состоявшие в подворно-наследственном их пользовании, могли быть отчуждаемы посредством дарения, добровольной или принудительной продажи только лицам, приписанным или приписавшимся к сельским обществам. См.: ПСЗ. Собр. III. Т. С116., 1897. № 10151.

16 января. Воскресенье. Возвращаемся из Парижа. Проездом через Берлин вижу толпы народа, вышедшего навстречу Бисмарку, приезжающему в Берлин к императору для засвидетельствования происшедшей между ними мировой сделки¹. В тот же день обедаю у Шувалова с Паленом и ведущим здесь торговые переговоры² Тимирязевым. Пред обедом, стоя у окна посольского дома, видим отъезд Бисмарка в закрытой карете, сопровождаемой двумя взводами кирасиров³. На улице опять толпа

¹ О. Бисмарк занимал пост германского канцлера почти двадцать лет; все это время он играл ведущую роль в правительстве. Ситуация изменилась вскоре после вступления на престол императора Вильгельма II в 1888 г. Конфликт между двумя лидерами привел к отставке канцлера в марте 1890 г. (Оба участника событий рассказали об этом в своих мемуарах. См.: *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 3. М., 1941. С. 69–87; *Вильгельм II.* Мемуары. События и люди. 1878–1918. М., 1923. С. 17–19). Тем не менее до самой смерти Бисмарк оставался важной политической фигурой, и, несмотря на то, что находился в отставке, имел определенное влияние. Он регулярно выступал в прессе, критикуя правительство и его мероприятия. Вследствие этого Вильгельм неоднократно грозился отправить бывшего канцлера в тюрьму, но вскоре был вынужден признать, что конфликт с создателем Германской империи негативно сказывался на репутации монарха. Поэтому когда в январе 1894 г. Бисмарк серьезно заболел, император отправил ему письмо с пожеланиями скорейшего выздоровления. Бисмарк, удовлетворенный тем, что Вильгельм сделал первый шаг для урегулирования отношений, в ответном письме выразил желание приехать в Берлин, чтобы лично поблагодарить императора. 13 января Бисмарк торжественно прибыл в столицу Германской империи, где его встречали толпы народа. Эта встреча символизировала примирение между отставным канцлером и императором, что и дало повод Половцову назвать ее «мировой сделкой». Три недели спустя Вильгельм нанес Бисмарку ответный визит в его имение в Фридрихсруэ. Подробнее см.: *Lamar Cecil.* Prince and Emperor, 1859–1900. Wilhelm II. London, 1989. P. 218–223.
² Речь идет о переговорах в ходе тарифной войны между Россией и Германией в 1893–1894 гг. См. ниже.

³ Кирасиры – род тяжелой кавалерии; снаряжались кирасой (вид защитного снаряжения, предназначавшийся для предохранения груди и спины воина от холодного и огнестрельного оружия) и каской, имели на вооружении палаш (прямая и длинная тяжелая сабля в широком лезвии), карабин (укороченное и облегченное ружье) и пистолет.

народа. Тимирязев сообщает об успешном ходе мирных для прекращения тарифной войны¹ переговоров.

Подъезжая к Петербургу, читаю в газетах о помолвке великой княгини Ксении Александровны с великим князем Александром Михайловичем, чего усердно добивался великий князь Михаил Николаевич. В Царском Селе встречают нас Саша и Пит².

Приехавший ко мне с визитом Манасеин рассказывает следующий интересный эпизод.

Когда был решен вопрос об увольнении его от обязанностей министра юстиции, то он на докладе сказал Государю, что имеет к нему сердечную всенижайшую просьбу о назначении сенатором Красовского, ближайшего его сотрудника в качестве директора Департамента Министерства юстиции.

Государь нахмурил брови, но тем не менее сказал: «Пожалуй».

Манасеин немедленно вынул из портфеля заранее приготовленный проект указа об этом назначении. Государь подписал указ, и обрадованный Манасеин тотчас вернулся в Петербург и объявил Красовскому о последовавшей милости. Вслед за Манасеиным взошел в государев кабинет Витте. Через час по возвращении в Петербург Манасеин получил телеграмму: «Назначением Красовского приостановиться. Александр».

¹ Таможенная война 1893–1894 гг. – экономический, требуется определение конфликт между Россией и Германией, сопровождавшийся резкими повышениями таможенных пошлин друг для друга. В июне 1891 г. в России был утвержден протекционистский таможенный тариф. Германия, стремясь закрепить свое влияние в важнейших отраслях российской промышленности, пыталась добиться отмены этого тарифа. Российское правительство предложило организовать конференцию для обсуждения спорных вопросов и поиска компромиссов. Немецкая сторона отказалась. Тогда 20 июля 1893 г. Россия ввела закон о двойном таможенном тарифе, что фактически стало объявлением торговой войны. Согласно тарифу, товары из стран, отказавших России в предоставлении льготных условий для ввоза или транзита российских товаров, облагались пошлинами на 15–20 процентов превышавшими обычные ставки. В ответ пошлины для русского ввоза в Германии возросли на 50 процентов. Россия, в свою очередь, увеличила таможенное обложение германских товаров еще на 100 процентов. После нескольких месяцев изнурительной таможенной войны Россия и Германия пришли в начале 1894 г. к соглашению и 29 января подписали торговый договор сроком на 10 лет. Приложенный к этому договору «конвенционный тариф» 1894 г. частично смягчил систему протекционизма. Пошлины были понижены на 10–33 процентов. Подробнее см.: *Иванов К. Е.* Русско – германская таможенная война 1893–1894 г.: причины экономической конфронтации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 3. СПб., 2005. С. 48–51. Также о таможенной войне писал в мемуарах Витте: Витте. Т. I. Кн. 1. С. 343–350.

² Речь идет о сыновьях Половцова – Александре и Петре.

На следующей неделе, явившись на доклад Манасеин, по совету Победоносцева, не говорил ни слова о Красовском, и по окончании дел Государь начал сам разговор так: «Это вовсе не такой человек, которого можно было бы назначить сенатором».

Манасеин: «Он чрезвычайно даровитый человек, принесший большую пользу».

Государь: «Он имел историю в Чернигове». *Манасеин:* «Да. Он на выборах сказал подошедшему к нему в нетрезвом виде человеку: „Отойдите, мерзавец“».

Государь: «Он имел истории с Анастасьевым». *Манасеин* читает подлинный рапорт Анастасьева Сенату, в котором пьяница, о котором идет речь, изображается как мерзавец.

Государь: «Красовский – либерал. Все эти либералы получают казенное жалованье и бранят правительство... Пускай лишится жалованья. Вот посмотрим».

Молчание.

Государь: «Это, верно, Вас Половцов просил».

Манасеин: «Нет, Половцов мне ни слова не говорил».

Государь: «Это его любимый протезе».

Разумеется, все это результат наговоров таких дрянных людишек, как Дурново, раздосадованного моей речью по делу о неотчуждаемости крестьянской земли¹; но любопытно при этом, что обвинение выставляется не в реакционаризме, а в либерализме. Что за спутанность понятий!

Около пяти часов заезжаю к великому князю Владимиру Александровичу, которого застаю весьма взволнованным болезнью Государя. Как передает великий князь, Государь уже три недели хворал инфлуенцией², но не принимал никаких врачебных предосторожностей, а продолжал выезжать в открытом экипаже, и в прошлый четверг, приняв горячую ванну, уселся для обычных занятий в маленькой, весьма холодной комнате Аничковского дворца. На другой день открылось воспаление легких. Врач Государя, весьма бездарный и ограниченный Гириш, не пользуется никаким пред своим пациентом авторитетом. Воронцов вызвал из Москвы доктора Захарьина и привез его в Аничков дворец. Захарьин объявил, что положение серьезное, что выздоровление во всяком случае будет продолжительное.

Передавая мне все это, великий князь возбудил вопрос о необходимости освободить Государя от заботы о том, что накаплиются ежедневно присылаемые ему бумаги. Я сказал, что не вижу иного средства как

¹ Подробнее см. запись от 22 ноября 1893 г.

² Так в XIX в. называли грипп.

передачи права резолюций на все эти бесчисленные доклады наследнику цесаревичу и при этом, как на подтверждение своего мнения, сослался на распоряжение, сделанное императором Николаем в 1844 году при отъезде в Палермо¹ о передаче управления цесаревичу Александру Николаевичу, имевшему тот самый двадцатипятилетний возраст², в котором ныне находится наследник престола.

Разговор наш по этому вопросу был прерван внезапно вошедшим великим князем Павлом Александровичем, который приехал на только что отмененный детский бал.

17 января. Понедельник. Еду по давнишнему обыкновению завтракать к великому князю Владимиру Александровичу, но застаю там многочисленный прием поздравителей по случаю дня рождения дочери Елены Владимировны; что я позабыл или, правильнее говоря, намеренно игнорирую, чтобы не усложнять частыми поздравлениями многочисленных членов императорской фамилии свою уединенную ныне жизнь.

К часу являюсь в Марининский дворец (это наименование правильнее, чем слова «Государственный совет»). Иду по обыкновению надевать мундир в уборной государственного секретаря и разговариваю с Плеве, когда служитель приходит доложить о приезде великого князя Михаила Николаевича. Иду к нему на встречу, чтобы поздравить с помолвкой его сына. Одновременно с великим князем Михаилом Николаевичем приезжают Владимир и Алексей Александровичи. При входе их в залу Департамента экономии, служащую приемной председателя, начинается следующий разговор.

Михаил Николаевич, обращаясь к Плеве: «Вот братья Государя желали бы на время его выздоровления избавить его от всяких занятий. Александр Александрович (указывая на меня) приводит на справку передачу дел Николаем Павловичем во время путешествия. Может быть, Вы можете еще приискать справки?»

Я указываю на пример осени 1844 года как наиболее мне памятный, и при том оставивший след в нашем законодательстве, потому что в Полном собрании законов³ Вы можете видеть, что доклады утверждались

¹ В 1844–1845 гг. у императора Николай I ухудшилось здоровье: у него болели и опухали ноги, поэтому он поехал лечиться в Палермо. Александр Николаевич (будущий император Александр II) начал постоянно замещать отца во время его отъездов с 1842 г. (*Высочков Л. В.* Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 688).

² В то время Александру II было уже 26 лет.

³ Полное Собрание Законов Российской империи – наиболее полный сборник законодательных актов Российской империи, расположенных в хронологическом

так: «По соизволению Его Императорского Величества наследник цесаревич утвердить соизволил»¹.

Великий князь Алексей: «Но я помню, что Константин Николаевич во время отсутствия Государя исполнял эти обязанности при участии двух ассистентов».

Я: «Это было, Ваше Высочество, во время последней войны, когда наследник находился на театре военных действий».

Михаил Николаевич: «А я помню, что в 1861 году было поручено мне приглашать министров для обсуждения дел во время отсутствия Государя».

В это время приезжает наследник, и разговор сосредотачивается на здоровье Государя, несколько улучшившемся.

Во время заседания великий князь присылает мне приказание зайти по окончании заседания к нему в кабинет. По дороге туда встречаю Сольского и Перетца, сообщающих, что все мы приглашены для обсуждения вопроса о временном исполнении наследником обязанностей правителя.

Сольский настаивает на комиссии, я возражаю ему, что нет никакого основания оскорблять самолюбие молодого человека, который по нашим законам мог бы уже целые десять лет самодержавно над нами царствовать, что такими мерами накаплиется в сердце горечь, творящая характер Павла Петровича², что смысл наших законов о направлении, в коем переходит власть, слишком ясен и что неуместно возбуждать вопрос, который даже и в Англии в XVIII столетия произвел смуты, а у нас мог бы иметь великие неудобства.

порядке. Первое издание Полного собрания законов было осуществлено в 1826–1830 гг. под руководством М. М. Сперанского. В него вошли законы за период с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. (от Соборного уложения царя Алексея Михайловича до конца царствования Александра I) в 45 томах. Второе издание выпускалось ежегодно в 1830–1884 гг., оно содержит более 60 тысяч законодательных актов с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. (55 томов). Третье издание выходило ежегодно до 1916 г. В него вошло более 40 тысяч законодательных актов, изданных с 1 марта 1881 г. до конца 1913 г. (33 тома).

¹ Действительно, такая формулировка встречается в законах осени 1844 г. Например, 10 сентября 1844 г. в конце указа «О назначении жалованья двум адъютантам начальника штаба войска Донского» имеется следующая фраза: «Его Императорское Высочество наследник цесаревич с соизволения Государя императора таковое положение Военного совета 10-го в день сего сентября соизволил утвердить» (ПСЗ. Собрание 2. Т. XIX. Отд. 1. 1844. С. 555. № 28210). Эта формулировка периодически встречается вплоть до 27 октября 1844 г. (С. 55–557, 561, 565, 570, 596, 603, 649, 667, 899).

² Имеется в виду Павел I.

Тогда Сольский переходит на другую ноту и выражает опасение о том, что множество ежедневно вступающих бумаг может показаться обременительными для цесаревича. На это я ему возражаю, что он совсем не в тоне, что, напротив, цесаревич будет очень доволен получением занятий, ныне для него весьма недостаточных. Усматривая возможность таким путем понравиться, Сольский немедленно со мной соглашается.

В кабинете великого князя совещание пополняется присутствием Бунге, который участие свое выражает лишь обещанием собрать справки.

Великий князь Михаил Николаевич поручает ему переслать эти справки непосредственно цесаревичу, вероятно, чтобы избежать для самого себя малейшего прикосновения к делу, представляющему малейшую шекотливость.

Вернувшись домой, застаю у жены Владимира Александровича.

После его отъезда приезжают Победоносцев, получивший новое выражение императорского неблагоприятного расположения в форме статс-секретарского знака, а не следовавшей ему Владимирской ленты¹, и Убри, украшенный Андреевским орденом².

Еженедельный семейный обед. В Государственном совете Плеве рассказывает подробности назначения нового товарища министра внутренних дел.

На другой день после того, как Государь объявил великому князю Михаилу Николаевичу о назначении Плеве государственным секретарем, был у Государя доклад министра внутренних дел Дурново, который просил о назначении к себе в товарищи Шидловского. Так как Государь отказал великому князю в назначении Шидловского³ государственным секретарем под предлогом мнимой слабости его здоровья (повод этот был выставлен Шидловским при отказе от обязанностей товарища к Витте), то Государь опасался, что назначение Шидловского

¹ Имеется в виду орден святого Владимира – один из высших орденов Российской империи (по иерархии орденов считался вторым по значению после ордена святого апостола Андрея Первозванного), имел четыре степени и мог жаловаться за военные отличия и за гражданские заслуги. Знак ордена – золотой крест, покрытый красной эмалью, лента – красно-черная, звезда – восьмиугольная с серебряными и золотыми лучами. Кавалеры ордена получали потомственное дворянство.

² Орден святого апостола Андрея Первозванного – высшая награда Российской империи. На знаке ордена изображался распятый на голубом кресте святой Андрей Первозванный на фоне золотого двуглавого орла, лента – голубого цвета, звезда – серебряная восьмилучевая.

³ Половцов сам активно добивался назначения Н. В. Шидловского на должность государственного секретаря. См.: Половцов. Т. II. С. 473, 476, 489.

может обидеть великого князя, и поручил Дурново объяснить с ним. Дурново почитал дело решенным, не возвращался более к этому вопросу, собираясь поднести к подписанию указа к новому году. Между тем пред следующим докладом он получил записку Государя с приказанием не привозить указа о Шидловском и затем получил от Государя словесное приказание о назначении товарищем Сипягина.

Сипягин – недурной и неглупый человек, с весьма мягкими внешними формами. Его карьеру сделало сначала родство с графом Толстым, а потом особенное благоволение московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича.

24 января. Понедельник. Заседание общего собрания. Дела пустейшие, но одно из них возбуждает оживленные прения. Посол Нелидов написал министру народного просвещения Делянову о необходимости учредить в Константинополе археологический институт. По побуждениям личного тщеславия ничтожный Филиппов упросил Витте пожертвовать на это ежегодно 12 тысяч золотых рублей. В заседании граф Игнатъев в качестве бывшего посла в Константинополе стал доказывать, что в подобном деле Россия должна явиться на Восток в сиянии могущества, то есть с большими средствами, или не соваться вовсе и не компрометировать своего престижа. Между тем больших денег на это тратить нельзя, а если бы и было возможно, то ни Турция, ни Европа не поверят, что мы тратим деньги в Турции на ученые цели, заподозрят тайные политические цели и начнут создавать нам преграды и затруднения, коих у нас и без того довольно.

Товарищ министра иностранных дел Шишкин, вполне соглашавшийся с Деляновым при рассмотрении дела в департаменте, заявил, что согласен с Игнатъевым, и дело убито под видом возвращения в департамент для нового рассмотрения¹.

После заседания беру в сторону Ванновского и передаю ему заявление, сделанное мне в Берлине Шуваловым, о сильном его желании получить пост варшавского генерал-губернатора. Ванновский отвечает,

¹ Тем не менее дело было «убито» не окончательно. В общей сложности оно рассматривалось Государственным советом с 25 октября 1893 по 23 мая 1894 г. (см.: *Опись дел архива Государственного совета. Т. II. Дела Государственного совета с 1889 по 1894 гг. Пг., 1914. С. 341. № 478*). Дело было пересмотрено, и Совет поддержал мнение Делянова, считая «целесообразным оказать содействие <...> ученым в деле изучения археологических богатств Востока» (Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1893–1894 гг. СПб., 1894. С. 20). Александр III утвердил устав и штат института. 26 февраля 1895 г. в Константинополе состоялось торжественное открытие Русского археологического института.

что Шувалов, по его мнению, единственный кандидат, но что Государь не хочет его назначить, потому что в нем польская кровь, так как его мать была полячка!..

Из двух других кандидатов: Имеретинский никогда не примет этих обязанностей, а Обручев – теоретик и больше на месте в Петербурге.

25 января. Вторник. В 11 часов у великого князя Владимира Александровича. Являюсь в ленте по случаю назначения членом академии¹ и предстоящего рассмотрения способов введения в действие нового ее устава. Забавно то, что я около 30 лет состою почетным членом академии, а теперь по случаю нового составления устава графом Толстым², назначившим себя вице-президентом, получаю бумагу о том, что я чрез 30 лет снова утвержден почетным членом академии³; забавно то, что устав написан Толстым с двумя-тремя подобранными им послушниками, а теперь созывают графа Строганова, Паскевича, меня и других для определения средств ко введению устава. Я отказываюсь ехать, но великий князь Владимир Александрович убедительно меня просит, и я обещаю исполнить эту нелестную для меня церемонию. Дело в том, что Толстому, весьма неприятно поступившему в отношении моего зятя Бобринского, которому он сломал шею, несмотря на то, что был всецело обязан своим назначением, Толстому весьма дорого мое присутствие. В одной роли со мной нахожу толпу тридцати неизвестных мне художников, а из известных мне лиц Строганова, Григоровича, Боткина и Жуковского.

Великий князь убеждает приехать еще и завтра в академию для заседания.

26 января⁴. Среда. В 2 часа заседание в Академии художеств. Толстой с юношеской развязностью, скажу, нахальством выскочки, читает речь, долженствующую исходить от великого князя, в которой говорится присутствующим, чего от них ожидает Толстой, чего до сих пор не делало правительство в отношении академии, которая должна захватить в свои руки все, имеющее в России какой-нибудь художественный оттенок, и т. п.

В заключение Толстой приказывает присутствующим возвратиться в академию чрез два дня для избрания совета и объявляет свою волю, чтобы выставки продолжались на будущее время, как было прежде. После

¹ Речь идет об Императорской академии художеств.

² Имеется в виду И. И. Толстой.

³ Половцов был почетным членом Императорской академии художеств с 1869 г.

⁴ В оригинале указано 25 января, но, очевидно, что это ошибка, так как средой в 1894 году было 26 января.

этого все разъезжаются по домам, а я невольно вспоминаю пьесу, виденную в Париже и носившую заглавие: «*Madame sans gêne*¹». Сегодняшнее академическое представление можно бы назвать «*Monsieur sans gêne*²».

27 января. Четверг. Охота на лисиц в Коломягах. В одном загоне выбежало три лисицы.

28 января. Пятница. Заезжает Воронцов. Передаю ему виденные мной во Франции результаты электролиза меди. Он соглашается с тем, что устройство такого завода могло бы принести большую пользу для производительности Алтайского округа. Бедный Воронцов не может оправиться после смерти сына³.

В 3 часа еду с графом Монтебелло посмотреть, насколько подвинулось сооружение музея моего Рисовального училища⁴ за время моего отсутствия. Особенно удачны ватиканские Рафаелевы ложи, воспроизведенные нашими окончившими курс учениками.

29 января. Суббота. Заезжает граф Протасов-Бахметев и рассказывает историю, которую я уже слышал, которая сама по себе не имеет важности, но подробности коей столь живо характеризуют теперешний правительственный режим, что я решаюсь записать их целиком.

В Чернигове недавно был назначен губернатором Веселкин, человек во всех отношениях порядочный. С первых шагов своего управления он наткнулся на трудности вполне личного свойства.

Предместник его Анастасьев был прямо из губернаторов назначен членом Государственного совета. Уже во время службы в Польше на низших полицейских должностях Анастасьев был уличен в сребролюбии и любостыжании⁵. Оржевский, бывший в то время в Варшаве начальником жандармского управления⁶, передавал мне в подробности обстоятельства, обнаружившие виновность Анастасьева. Тем не менее вследствие искательств Трепова, коего считали отцом Анастасьева, последний попал в вице-губернаторы, а потом в губернаторы сначала в отдаленную Пермскую губернию, а затем и в Чернигов. Здесь на его счастье оказался в числе помещиков И. Н. Дурново, который пожелал вырубить в своем

¹Беспардонная мадам (*фр.*).

²Беспардонный месье (*фр.*).

³1 апреля 1893 г. скончался сын И. И. Воронцова–Дашкова Роман.

⁴Речь идет о Музее прикладного искусства при Центральном училище технического рисования барона Штиглица.

⁵Любостыжание – алчность к деньгам, корыстолюбие.

⁶Имеется в виду Варшавское губернское жандармское управление Отдельного корпуса жандармов – политической полиции Российской империи.

имени лес наперекор постановлению лесоохранительного комитета. Анастасьев выхлопотал ему свидетельство о том, будто бы лес подточен червем, а одновременно приискал еврея Эпштейна, который за несоразмерную с ценностью леса продажную цену приобрел и лес, и покровительство министра внутренних дел. За этот доблестный поступок Анастасьев, выставляемый грязным Мещерским как образец царского служителя, был назначен членом Государственного совета. Уехав в Петербург, Анастасьев продолжал оттуда влиять на черниговскую публику и в особенности на своих креатур, а во главе их графа Милорадовича, губернского предводителя, с женой коего Анастасьев находился в связи.

Веселкину, одушевленному наилучшими намерениями, пришлось постоянно встречаться с мерзостями и восстановить против себя крупную кучку, собранную Анастасьевым с Милорадовичем во главе.

Во время болезни Веселкина произошло заседание губернского присутствия под председательством вице-губернатора де Карьера. Пришедший на заседание Милорадович стал громко бранить губернатора, прокурор составил об этом протокол, который и был подписан всеми четырнадцатью участвовавшими в заседании лицами. Милорадович поехал в Петербург жаловаться министру внутренних дел, который вызвал Веселкина и объявил ему, что он будет переведен в Херсон. Лишенный средств к независимому от казенного жалованья существованию, Веселкин должен был принять это перемещение, но так как Дурново поставил ему условием, чтобы он всем заявлял, что такое перемещение делается в интересах здоровья жены его, Веселкина, то последний, чтобы избежать необходимости лгать, начиная с императора, отказался от обычного высочайшего по случаю назначения приема.

Вице-губернатор де Карьер, получив от Дурново выговор за то, что допустил составление протокола, перешел со службы в Министерство внутренних дел.

ФЕВРАЛЬ

22 февраля. Вторник. Вечером в 9 часов по приглашению Сольского еду к нему в домик рядом с домом княгини Юрьевской на Гагаринской улице. Здесь происходит собрание нескольких членов Государственного совета по предмету торгового с Германией договора¹, который должен

¹ Речь идет о русско-германском торговом договоре, подписанном 29 января 1894 г. и завершившем таможенную войну 1893–1894 гг. Текст договора см.: Таможенное дело в России, X – начало XX в. СПб., 1995. Т. 3. С. 420–435.

в пятницу рассматриваться общим собранием Государственного совета. Сольский, очевидно, желает, чтобы заседание Совета не прошло молчаливо, но чтобы разыграть маленькую комедию в угоду Витте.

Граф Игнатьев в качестве председателя Общества поощрения русской торговли нападает на сбавку в пошлине на железо, Ермолов читает курс овцеводства, Вышнеградский объясняет, что весь тариф в зависимости от курса, и что своей таможенной политикой он поставил Витте в возможность достигнуть результатов, осуществляемых теперешним соглашением с Германией. Витте, в свою очередь, восхваляя Вышнеградского, утверждает, что на основании не подверженных сомнению данных принятие германским рейхстагом нового соглашения не подвержено сомнению, что если он, Витте, просил Государя о передаче договора на рассмотрение Государственного совета, то он сделал это потому, что во время переговоров докладывал обо всем Государю, получал от него указания, благодаря коим и достигнуты нынешние счастливые результаты, но что теперь желательно, чтобы Государю была представлена общая картина всего дела (то есть чтобы Совет сказал Государю: «Видишь ли, какой Витте молодец»). С другой стороны, рассмотрение договора Советом будет иметь ту выгоду, что обессилит нападки общества и печати на невыгодность будто бы нового таможенного тарифа¹ для некоторых отраслей отечественной промышленности. То есть, что опять-таки ответственность Витте пред публикой будет вынесена на плечах Совета; этого несчастного Совета, который выставляется министрами и Витте во главе их чуть ли не как сборище революционеров.

Я, выслушав все это распределение ролей, для представления настаиваю лишь на одном – на том, чтобы заседание назначить как можно ближе к последнему дню прений в рейхстаге, с тем, чтобы из сказанного в стенах Государственного совета ни единое слово не могло сделаться орудием врагов договора в среде рейхстага. Мне удастся убедить присутствующих перенести заседание с пятницы на понедельник.

26 февраля. Суббота. Прием в Аничковом дворце по случаю рождения Государя. Все то же целование руки императрицы и пожатие руки императора между обедней и завтраком. Завтрак за круглыми десятиприборными столами, завтрак весьма плохой. После завтрака *segle*² императрицы, от которого удаляюсь, чтобы избежать какой-нибудь подчеркнутой нелюбезности.

¹ Имеется в виду «конвенционный тариф» 1894 г. (подробнее см. комментарий 4).

² Круг (*фр.*).

Спускаясь по лестнице, вижу швейцара, тщетно сидящего остановив толпу выездных лакеев с шубами своих господ в руках, толпу, которая лезет вверх по лестнице. Невольно вспоминаю о том престиже и твердости власти, кои проповедуются нынешними бюрократическими властелинами.

28 февраля. Понедельник. В общем собрании Государственного совета заседание якобы для обсуждения условий нашего таможенного с Германией соглашения, а в действительности нечто вроде торжественного во славу Витте гимна¹. Не возвышаю голоса, чтобы не числиться хористом.

Между прочим, на замечание Игнатьева о том, что значение таможенных ставок будет зависеть от повышения или понижения курса, Вышнеградский отвечает, что этим флуктуациям² можно противодействовать покупкой или продажей золота, то есть биржевой игрой.

М А Й

1 мая. В 11 часов мне докладывают, что посланный из Михайловского дворца приезжал оповестить о смерти великой княгини Екатерины Михайловны. Покойная была вполне добрая, благотворительная, честная женщина, но, к сожалению, узкость³ ее взглядов, приемов в ведении дел и сношения с людьми привели деятельность ее к ничтожным результатам. В ней чувствовалось постоянно желание сделать что-то достойное ее блестящей по уму и возвышенности стремлений матери – великой княгини Елены Павловны, и это желание как будто угнетало ее, заставляло искать деятельности, выходящей из обыденного круга повседневной жизни, а между тем на такой подъем духа, на такой

¹ Речь идет о подписании договора о торговле и мореплавании между Россией и Германией (29 января 1894 г.), завершившем таможенную войну 1893–1894 гг. Договор был полностью одобрен Государственным советом. Отмечалось, что он «должен принести немалую пользу торговле и промышленности обеих стран» и российскому земледелию, а также, что «общая экономия уступок, произведенных по ввозному и вывозному тарифам, не только определяет взаимные торговые отношения стран на началах финансовой справедливости, но, несомненно, представляет выгоды отечественной промышленности» (подробнее см.: Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1893–1894 гг. СПб., 1894. С. 42–43).

² Флуктуация – колебания обменного курса.

³ Так в тексте.

нравственный подвиг у нее сил не хватало, и в конце концов деятельность ее приводила к самым небольшим результатам. Выдвигались люди посредственные, происходили столкновения и принципов, и самолюбий, словом, какая-то атмосфера неудачи и обычно связанного с ней неудовольствия царила вокруг преисполненной благими намерениями великой княгини. Правда, что продолжительное влияние на великую княгиню ее мужа герцога Георга Мекленбургского не могло в этом отношении оказать счастливого на нее воздействия. Он был человек весьма неглупый, но озабоченный исключительно достижением целей личного самолюбия и по возможности обогащения. До конца дней своих он оставался равнодушным к новому своему русскому отечеству, его всячески тянуло в Германию, в его возлюбленный замок Ремплин, украшение коего составляло одну из главных жизненных забот герцога. Живя в Петербурге, он разъезжал по гостиним, наслаждаясь непривычным для офицера немецкой службы, попавшим в русские полуимпериалы, [положением]; он следил за ходом политики и литературы в Европе, приятно разговаривал и играл в карты, но ко всему русскому, в том числе и занятиям жены своей, оставался вполне равнодушным. После смерти матери, после смерти мужа великая княгиня, вероятно, почувствовала свободу и подумала о необходимости направить свободную деятельность свою на пользу ближнего, к чему влекло ее от природы доброе сердце, но, увы, одних влечений в жизни недостаточно для успеха, успех этот и не дался великой княгине, но, сходя в могилу, она оставляет за собой память доброго, честного, чистого существа.

4 мая. Похороны великой княгини. По обыкновению безмерно продолжительные и для всех тяжелые церемонии. Собираются в Михайловском дворце к 9 ½ часам, гроб вывозят чрез сад (почему не чрез большие ворота парадного двора?), шествие чрез Садовую мимо Марсова поля по набережной и Троицкому мосту достигает крепости, где церковная служба длится чуть не до двух часов.

В 3 часа у меня заседание в Соляном городке. Комитет музея под председательством Островского продолжает по примеру Исакова отказывать мне в передаче центральной части Соляного городка, выходящей на Фонтанку против Летнего сада. Первоначально, когда зашла речь об устройстве рисовального училища среди других образовательных учреждений, помещенных в здании Соляного городка, то Исаков, председатель комитета музея и педагогического отдела, и Кочубей, председатель Технического общества¹, обещали отдать училищу

¹ Речь идет об Императорском Русском техническом обществе.

всю центральную треть здания, но впоследствии, когда уже состоялось пожертвование покойного барона Штиглица, то выходящую на Фонтанку часть у нас отняли.

В этой части училище помещалось лишь временно, покуда строились для него архитектурные здания. После отстройки зданий помещение это занял Исаков под какой-то художественно-промышленный отдел, никогда не создавшийся, а лишь им предположенный. Своей властью, без обсуждения комитета, Исаков стал собирать в этом помещении каких-то девиц-рисовальщиц, а затем в 1890 году, опять помимо комитета, по соглашению с Островским, бывшим в то время министром государственных имуществ, поместил туда же Музей кустарных промыслов, учрежденный Островским при своем министерстве. По смерти Исакова великий князь Алексей Александрович, почетный попечитель комитета музея, просил Государя назначить председателем меня, но министр финансов Вышнеградский упросил Государя назначить Островского, который добивался этого назначения, чтобы укрепить свое детище – Кустарный музей.

Понятно, что при таких обстоятельствах я не мог овладеть первоначально обещанным училищу местом, но вот Островский замещен Ермоловым, и его чувства совершенно изменились.

Надо было воспользоваться такой переменной, и я сделал Островскому письменное заявление с требованием отдачи училищу помещения, настаивая на обсуждении этого требования комитетом.

Заседание вышло довольно комичное. Островский и Вешняков заявили, что с переменной пуговиц на их вице-мундирах они меняют свои взгляды и перестают быть приверженцами Кустарного музея во что бы то ни стало, что, несмотря на то, они видят препятствия в отдаче училищу помещения ввиду стеснения училищем других соседственных с ним учреждений. Учреждения эти – Техническое общество и Педагогический музей. Представители этих учреждений Кази и Макаров заявили, что они никакого стеснения не опасаются, а Кази прибавил, что, ознакомившись с училищем, он убедился, что ничего подобного нет ни в России, ни в Европе. Вешняков отвечал, что опасается, что Александр Александрович Половцов овладеет целым зданием Соляного городка. Кази возразил, что это было бы счастье для России. Решено отдать помещение училищу, предоставив Вешнякову уговориться с Ермоловым о сроке передачи помещения, занимаемого Кустарным музеем.

4 мая. Пятница.¹

¹ Так в оригинале.

ОКТЯБРЬ

27 октября. Четверг. Возвращаемся из Парижа за несколько дней до прибытия погребальной процессии. Лето мы провели сначала в Париже; потом я съездил в Эвиан¹ в качестве предохранительной меры от повторения жестокого припадка подагры, которому подвергся прошлой осенью; потом мы прожили месяц в Лондоне, откуда я съездил в Шотландию, отчасти чтобы уладить в Глазгове² несколько вопросов с своими компаньонами по ниточному делу, отчасти, чтобы поохотиться на грачов [?]; затем мы переселились Aix les bains³, где прожили месяц и где я пользовался массажем с горячими душами. Сюда приехали графиня Келлер (фрейлина великой княгини Александры Иосифовны) и Лобанов, окончивший свое лечение к Контрэквиле. Из Экса мы вернулись в Париж и по дороге осматривали Лионскую выставку⁴ и несколько замечательных в Лионе музеев и фабрик. В Париже провели месяц, усердно продолжая курс лечения у знаменитого массажиста Мецгера, который еще десять лет тому назад в Амстердаме принес мне большую пользу.

Положительные известия о плохом состоянии здоровья Государя мы получили в сентябре от князя Н. С. Долгорукого, приехавшего из Красного Села, где он по обязанности свиты генерал-майора дежурил при императоре и был поражен его исхудалостью и ослаблением. Окружавшие Государя категорически заявили Долгорукому, что врачи удостоверили существование *albuminurie*⁵ — отделения белковины.

По возвращении в Париж дурные вести стали умножаться, и скоро исчезла всякая надежда на выздоровление. Несмотря на то, великий князь Владимир Александрович и великая княгиня Мария Павловна приехали в Париж. В среду, 12/24 октября, мы должны были ехать вместе в Орéга Comique⁶, но в течение дня я получил из России телеграмму, гласившую: «*Fin approche, question d'heures*»⁷. Я немедленно поехал в *hôtel «Continental»*⁸ и великий князь с великой княгиней, несмотря на то, что получили в этот же день из Ливадии от императрицы депешу,

¹ Имеется в виду Эвиан-ле-Бен.

² Так в тексте дневника, автор имеет в виду г. Глазго.

³ Экс-ле-Бен (фр.).

⁴ Имеется в виду промышленная выставка в Лионе (Франция) 1894 г. На ее открытия 24 июня 1894 г. был убит французский президент С. Карно.

⁵ *Albuminurie* (альбуминурия) — наличие белка в моче.

⁶ Опера Комик, Театр комической оперы (фр.).

⁷ Кончина приближается, вопрос нескольких часов (фр.).

⁸ Отель «Континенталь» (фр.).

утверждавшую, что Государю лучше, решили не ехать в оперу, а провести вечер в нашей скромной квартире, rue Cambon 41¹. Я поскорее забежал в Jockey-club² и уговорил трех любезных французов, duc de la Forte, Fredern, O'Connor³, провести вечер у нас и своей болтовней несколько ослабить тяжесть угнетавшего нас впечатления.

На другой день получены весьма дурные известия, и великий князь с великой княгиней тотчас уехали в Ливадию. Двадцать четыре часа спустя за ними проследовал великий князь Алексей Александрович.

Уехавший из Парижа одновременно с ним Долгорукий обещал предупредить нас о времени привезения в Петербург тела Государева, и получив от него условленную депешу, выезжаем из Парижа в понедельник, 24, а достигаем Петербурга в четверг, 27 октября.

Проездом чрез Берлин вижу Шувалова, который не может нахвалиться германским императором, непрестанно восхищающимся достоинствами de son ami Nica⁴.

Петербург еще довольно пуст, но, несмотря на это, переполнен сплетнями и выдумками.

Захожу к министру внутренних дел Дурново, который получил от молодого Государя такую телеграмму: «Если можете, приезжайте в Москву, где надеемся быть в воскресенье».

Дурново сообщает, что в Москве, а также в Петербурге были разосланы и расклеены по стенам прокламации, требовавшие от нового Государя конституции и угрожая в противном случае смертным приговором.

28 октября. Пятница. Навещаю больного и высокопочтенного Бунге, который, упоминая о молодом Государе, слушавшем его лекции политической экономии, говорит: «Он положительно очень умен и в высшей степени сдержан в проявлении своих мыслей». Обедаю в клубе, между прочим, с Паленом и Владимиром Бобринским, вспоминающих о временах их министерствования.

29 октября. Суббота. Узнав о приезде великого князя Владимира Александровича, еду к нему в 1 ½.

Вот приблизительно сущность слышанного от него: смерть Александра Александровича была трогательна, умилительна и по чистоте, прямоте всех выраженных при этом чувств, можно сказать, возвышала, а не удручала дух. Государь умер, сознавая приближение кончины, он

¹ Улица Камбон (фр.).

² Жокей-клуб, Жокейский клуб (фр.).

³ Герцог Форте, Фредерн, О'Коннор (фр.).

⁴ Своего друга Ника (фр.).

часто крестился, и, видимо, молился. Он говорил императрице, что оставляет духовное завещание, но до сих пор такового не нашли. Быть может, оно в столе аничковского или гатчинского кабинета; ключи от этих столов были в Ливадии. Ничего он наследнику не говорил в смысле политических наставлений. Наследник по вступлении на престол выражал Владимиру Александровичу, в какой степени положение его затруднительно вследствие его неприготовленности и отдаления от дел, в коем его доселе держали.

Владимир Александрович отвечал ему, что помнит вступление на престол и своего отца, и своего брата, что при каждом из этих событий Россия находилась в совсем ином, весьма тяжелом, смутном положении, что теперь, напротив, после тринадцатилетнего мира¹ все находится в ином положении. Без сомнения, течение государственной и народной жизни потребует изменений, но что торопиться [с] этими изменениями нет надобности. Не следует подавать повода заключать, что сын осуждает порядки, установленные отцом, но даже выборы людей, призванных им к сотрудничеству; на первое время переменами² следует приостановиться, но, конечно, следовать тому, что было основой всей политики покойного: Россия для русских. Он мог ошибаться в подробностях, но основная, коренная мысль его была верна, и потому, что он неуклонно держался, смерть его как человека прямого, твердого, чистого, честного произвела такое глубокое впечатление в целом мире.

Молодой император весьма сочувственно принял слова своего дяди и тотчас передал их своей матери, которая тем более была тронута этими словами, что на основании некоторых прежних эпизодов ожидала иного мнения.

Передавая мне все это, великий князь прибавил всегдашнюю свою оценку достоинств своего покойного брата, останавливаясь особенно на том, что он как человек глубоко искренний готов был слушать всякое чужое мнение и нередко отступал от своего убеждения. При этом великий князь вспомнил, как в начале царствования он имел с своим братом продолжительные разговоры, умеряя его вспышки неудовольствия и раздражения то против Австрии, то против Пруссии, то против Англии, вспышки, тесно граничившие с воинственным задором.

Я мог ответить только, что великий князь может с покойной совестью наслаждаться мыслью о том, какое он доставил счастье современникам и потомству, схоронив в душе своей воспоминания о разговорах

¹ Во время правления Александра III (1881–1894 гг.) Российская империя не участвовала ни в одном вооруженном конфликте.

² Так в оригинале.

своих с братом и, не нуждаясь в людской славе, в похвалах, пригодных для какого-нибудь Скобелева¹, Бонапарта и им подобных проходимцев.

Вечером от достоверного повествователя слышу, что новый Государь – усердный поклонник императора Николая I (вероятно, потому, что плохо знает его царствование). Под впечатлением такого поклонения он относится с большим сочувствием к престарелой и недалекой великой княгине Александре Иосифовне, которой сказал, что ему надоели советы дядей и что он им покажет, как обойдется без этих советов.

Великий князь Михаил Михайлович чрез великую княгиню Марию Павловну просил о даровании ему прощения и позволения приехать в Россию ко дню похорон императора; императрица-мать предложила разрешить Михаилу Михайловичу приехать ко дню похорон и немедленно вслед за тем опять уехать из России, но молодой император категорически во всем отказал Михаилу Михайловичу.

Делая визиты, заезжаю в этот день к Витте, которого застаю дома. Завожу речь об училище и достопочтеннейшем директоре Месмахере, которого притесняют чиновники Департамента мануфактур и торговли. Обещает прислать ко мне директора департамента Ковалевского. Входит Муравьев, и они вдвоем рассказывают невероятные пошлости министра путей сообщения Кривошеина, который распорядился о взыскании с каждого, подписывающего в министерстве контракт, взыскивать многотысячную сумму на общепольное по его, Кривошеина, понятиям дело.

Один из таких контрагентов – Юз, владелец обширных на юге каменноугольных копей и железодельного завода, был обложен сбором в 50 тысяч; он согласился заплатить всего 10 тысяч, и когда ему отказано было в подписании контракта, то он пришел в Департамент железных дорог Министерства финансов и сделал сцену, вследствие которой дело и дошло до министра.

С другим подрядчиком произошла комическая сцена. Его фамилия Игнациус, и Кривошеин, принимая его, начал бранить его за то, что он не хочет вносить наложенного на него платежа, подобно всем, приезжающим из других государств иностранцам, кои преследуют лишь цель наживы и не хотят делать никаких на пользу России пожертвований.

Подрядчик отвечал, что он коренной русский подданный и отставной полковник Преображенского полка².

¹ Современники обвиняли М. Д. Скобелева в чрезмерном честолюбии.

² Лейб-гвардии Преображенский Его Величества полк – старейший и один из наиболее элитных полков гвардии Российской империи. Сформирован Петром I в 1691 г. из потешных села Преображенского, от которого и получил свое наименование. Полк принимал участие в Азовских походах 1695–1696 гг., в Северной

Заходит ко мне граф Константин Пален, бывший министр юстиции, и рассказывает еще хороший анекдот про того же Кривошеина. По докладу государственного контролера Государь сделал отметку, что Либавскую дорогу следует в видах экономии отапливать углем, а не дровами. Кривошеин отвечал, что это невозможно, потому что с подрядчиком заключен долгосрочный контракт. Тогда контролер выяснил, что контракт имеет силу всего на 8 месяцев и что в качестве топлива поставляются дрова из лесов, принадлежащих Кривошеину.

30 октября. Воскресенье. Продолжительное объяснение с генералом Шильдером, который написал для моего биографического словаря¹ статью об императоре Александре II и окончил ее самым недоброжелательным образом. Я прислал ему из Парижа программу того, что написать следует, и он, хотя плохим русским языком, но написал значительную часть того, что мной было намечено.

Продолжительный визит [к] старикам Бобринским. Передаем друг другу полученные известия о заре нового царствования, четвертого для нас. Ничего дурного, неодобрительного для личностей молодого Государя и его невесты не слышим, напротив, он умен и сдержан, она мила решительно во всех отношениях.

31 октября. Понедельник. Приезжает ко мне Муравьев. Рассказывает, что в анархистских кругах положено напомнить о своем существовании выходками спорадического террора. Намечены жертвами Победоносцев и Гурко. В Польше, с одной стороны, социальное, с другой, революционное движение подвигаются быстро. Пробыв в Варшаве 5 дней, Муравьев имел случай в том убедиться рассмотрением множества производящихся там политических процессов. Гурко – развалина. Его жена неопозволительно захватывает власть.

Муравьев ожидает первого своего доклада у Государя, чтобы представить ему обширные документы относительно анархического движения. Иными словами, он рассчитывает на возможность этим путем пробраться в министры внутренних дел.

Я забыл записать, что, быв у Витте, я обратился к нему и присутствовавшему при этом Муравьеву с такими словами: «Вы оба, господа, умнее

войне 1700–1721 гг., в Прутском походе 1711 г., в Персидском походе 1722–1723 гг., русско-турецкой войне 1735–1739 гг., в Отечественной войне 1812 г. и др.

¹ Под общим руководством А. А. Половцова как председателя Императорского Русского исторического общества издавался Русский биографический словарь. Всего было подготовлено 25 томов (выходили с 1896 по 1918 гг.), при жизни Половцова вышли 22 тома.

всех своих сотоварищей, вы жалуетесь на то, что при покойном Государе проскакивали такие непродуманные распоряжения, как учреждение Инспекторского департамента комментариев (или в указатель институций). Позвольте сказать вам, что для предотвращения этого в будущем одно средство: по возможности вести дела к тому, чтобы они обсуждались при участии нескольких лиц, а не решались с глазу на глаз в кабинете Государя с одним каким-либо лицом. Вам обоим это всегда будет выгодно, потому что вы сумеете в прениях победить других».

Они оба так были поражены смелостью моего заявления, что ни единого слова мне не отвечали.

При новом свидании Муравьев заявил мне, что он моей мысли вполне сочувствует, а относительно Витте прибавил, что он тоже против моей мысли ничего не имеет, но под условием, чтобы он, Витте, был приглашаем на всякое подобное совещание.

Я возразил, что без министра финансов едва ли может решаться какой бы то ни было серьезный вопрос.

Приезжает Велепольский, прибывший по случаю похорон. Рассказывает о невероятных по нелепости выходках Гурко. От нового Государя, которого близко видел в Спалево время охот, Велепольский в восхищении.

В 6 часов приезжает из Вены князь Лобанов и по обыкновению останавливается у нас в той части дома, что выходит на Мойку.

НОЯБРЬ

1 ноября. Вторник. К девяти часам утра приезжаю на станцию Московской железной дороги. На меня возложена обязанность нести сибирскую корону¹, состоящую в том числе [из] регалий². В 9 ½ часов церемониймейстер устанавливает нас на Невском проспекте вблизи от Николаевской улицы, граф Пален несет скипетр³, Набоков – императорскую корону⁴,

¹ Сибирская корона – одна из корон русских монархов, выполненная в виде шапки из золотой парчи (когнц XVII в.).

² Регалии – знаки императорской власти. В России: корона, скипетр, держава, государственный меч, государственное знамя, большая государственная печать и государственный щит.

³ Скипетр – символ власти. В состав атрибутов русской царской власти вошел в 1584 г. при венчании на царство Федора Иоанновича.

⁴ Большая императорская корона Российской империи – главный символ власти российских монархов; имперская регалия с 1762 до 1917 г. Императорская корона изготовлена придворным ювелиром Г.-Ф. Экартом и бриллиантовых дел мастером И. Позье для коронации императрицы Екатерины Второй в 1762 г.

Рооп – государев меч¹ и т. д. При каждом из нас два ассистента. Меня сопровождают гофмейстер Мицкевич и сенатор Гречищев, которым я от времени до времени и передаю подушку, на коей лежит мнимо сибирская корона, то есть шапка из золотой парчи, окаймленная соболем и покрытая эмалевыми украшениями в стиле XVI столетия с несколькими не очень драгоценными камнями.

По прибытии погребального поезда в 10 часов шествие трогается и достигает Петропавловской крепости в 2 часа. По обеим сторонам улиц (Невский, Адмиралтейская площадь, Английская набережная, Николаевский мост, Васильевский остров, Мытнинский мост, сквер) стоят войска и учебные заведения, а позади их публика. Порядок примерный. В соборе служат панихиду и поклоняются телу, лежащему в открытом гробе. Бальзамирование сделано чрез три дня после смерти и потому весьма удачно². На несчастную императрицу тяжело смотреть, юный Государь в полковничьем Преображенского полка мундире, его невеста представляет восхитительное явление. Вся картина безмерно грустная, да к тому же еще истинно петербургская погода: темно, сыро, грязно, уныло. Возвращаюсь домой в 3 ½ часа.

2 ноября. Среда. В 12 часов в Аничковом дворце Государь принимает Государственный совет. В гостиной, что пред бальным залом, мы выстраиваемся по старшинству. Войдя в комнату и остановясь недалеко от двери, молодой Государь говорит приблизительно следующее: «Нас постигла тяжелая утрата, мы потеряли Государя, благодетеля, отца. По воле Провидения мне суждено принять наследство отца моего преждевременно рано. Я не имел случая в последние дни жизни отца моего получить от него поручение благодарить вас, но, зная его чувства по отношению к Совету, я могу, не ошибаясь, передать вам, господа, его благодарность за труды ваши в его царствование. Возлагаю на Провидение надежду, что оно поможет мне исполнять лежащие на мне обязанности, надеюсь и на вас, господа, в том, что вы трудами своими поможете мне сделать все от меня зависящее для счастья России»³.

¹ Государственный меч – одна из регалий российских монархов. Впервые был использован при коронации Елизаветы Петровны.

² Богданович, напротив, записала 28 октября, что «тело царя уже начало разлагаться» поскольку «бальзамирование сделано поздно» (Богданович. С. 195).

³ Половцов передал речь императору весьма близко к тексту: «Волей Всевышнего тяжкое горе обрушилось на всех нас: безвременно скончался дорогой родитель мой, император Александр III. Покойный Государь не успел перед смертью передать мне свою волю о выражении благодарности членам Государственного совета за их верную ему службу. Но, зная, как незабвенный мой родитель был

После речи он подошел к старейшим членам – графу Гейдену, Абазе, Убри, Набокову, Палену, Сольскому, Гирсу – и пожал каждому из них руку; дойдя до графа Игнатьева, он сделал общий поклон и удалился.

Еду вечером на панихиду в Петропавловскую крепость¹. Стоя рядом с Победоносцевым, спрашиваю его, он ли писал манифесты. Отвечает, что писал только второй – о крещении невесты², а первый³ был представлен графом Воронцовым-Дашковым.

Сообщает, что в Москве имел продолжительный разговор с юным Государем, которому и написал слышанную Советом речь, причем сказал: «Ведь Вы никого не знаете. Ваш отец при вступлении на престол был в таком же положении, я один был около него. И теперь, если Вам что понадобится, то пошлите за мной, ведь мне ничего не нужно, я желаю только служить Вам».

3 ноября. Четверг. Приезжает завтракать Павел Шувалов, рассказывает о том, как горячо в отношении нового императора выражает свои чувства Вильгельм⁴, который непременно хотел приехать в Петербург на похороны⁵, но отказался от этой поездки вследствие настояний

всегда доволен трудами Государственного совета, я смело могу взять на себя право благодарить вас от имени почившего. Да поможет мне Бог нести тяжесть государственного служения, преждевременно на меня возложенного. Надеюсь, господа, на ваше полное содействие». См.: Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 5.

¹ Имеется в виду собор святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

² Речь идет о манифесте от 21 октября 1894 г. «О восприятии ее великогерцогским высочеством, принцессой Алисой Гессенской, православной веры». См.: ПСЗ. Т. XIV. СПб., 1898. С. 626–627. № 11015.

³ Здесь говорится о манифесте от 20 октября 1894 г. «О восшествии его императорского величества, Государя императора Николая Александровича на Прародительский Престол Российской империи и нераздельных с ней Царства Польского и Великого княжества Финляндского». См.: ПСЗ. Т. 14. СПб., 1898. С. 625. № 11014. В. С. Кривенко писал в воспоминаниях, что этот манифест «поручили написать храброму князю» Л. Д. Вяземскому (Кривенко. С. 226).

⁴ Речь идет о германском императоре Вильгельме II.

⁵ В письме Николаю II от 8 ноября 1894 г. Вильгельм II действительно выразил дружеские чувства по отношению к русскому императору: «<...> Что касается меня, то во мне ты встретишь всегда неизменную дружбу и любовь к тебе. Мы оба прекрасно знаем, каковы наши политические взгляды <...> я могу только повторить, что питаю к тебе безусловное доверие и что буду постоянно поддерживать старинные дружеские отношения с твоим домом <...>». Относительно своего приезда на похороны Вильгельм отметил: «<...> Я бы лично приехал помолиться с вами на похоронах, но у меня дома столько дела по управлению, что это совершенно невозможно <...>» См. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М.–Пг., 1923. С. 3. Немного ранее, 17 октября, Вильгельм

своих приближенных, находивших, что он и без того слишком усиленно и явно ухаживает за Россией. Великий князь Владимир Александрович мне говорил, что в депеше Государю Вильгельм пишет: «Je suis obligé de rester ici pour étouffer le socialisme»¹. Шувалов в дополнение этому говорит, что Вильгельм сообщал ему, что в Магдебурге был открыт заговор анархистов, намеревавшихся взорвать укрепления Магдебурга, причем должно было погибнуть до 100 тысяч человек.

Шувалов забавляет нас рассказом о том, как он имел свидание с Гирсом и заявил ему о желании после десятилетней тяжелой в Берлине службы покинуть тамошний пост. На что Гирс с обычным лицемерием отвечал, что он намерен просить об отставке и что ходатайство Шувалова должно быть заявлено его преемнику.

В 2 часов панихида в Петропавловском соборе.

4 ноября. Пятница. В 6 часов начинается для меня дежурство у гроба. Стою до 8 часов, пока толпы простого народа прикладываются к телу, то есть кладут поцелуй на образ, лежащий на груди. Некоторые селятся целовать лицо покойного, в чем дежурные стараются им препятствовать. Опасаясь, что прикосновением они окончательно испортят слишком поздно и потому плохо набальзамированный труп².

Государь принимает в три часа Лобанова весьма любезно в Аничковском дворце, где он продолжает занимать свои великокняжеские комнаты.

Разговор продолжается 20 минут и не касается политики. Государь жалуется на продолжительность и множество церковных церемоний. «Мы все исплакались, – говорит он, – и присутствуем на панихидах как истуканы».

5 ноября. Суббота. Снова дежурю. На этот раз от 2 до 4, то есть во время панихиды. Число иностранных принцев огромно. Все они два раза в день присутствуют на панихидах и вместе с царским семейством подходят поклоняться праху покойного, выражая свое почитание весьма разнообразно. Некоторые ограничиваются отдаленным поклоном, другие

сообщал в телеграмме немецкому послу в России Б. Вердеру: «<...> В связи с происшедшей здесь (в Германии. – *О. Г.*) сменой министерства я отказался от намерения присутствовать на погребении Его Величества царя в случае его возможной смерти». По сообщению Ламздорфа, еще до получения телеграммы Вердер высказывался против приезда немецкого императора в Россию, «опасаясь, что его монарх, никогда не знающий меры, сумеет все испортить с самого же начала нового царствования» (Ламздорф. С. 77).

¹ Я должен остаться здесь для того, чтобы задушить социализм (*фр.*).

² Так в оригинале (Половцов противоречит собственной записи от 1 ноября).

прикасаются ко гробу, а некоторые, как, например, принц Валийский¹ (впервые в русском мундире Киевского драгунского полка²), крестятся и целуют образ как самые безупречные православные.

Заходит ко мне Балашев, от Курска сопровождавший тело и дежуривший в вагоне. Рассказывает, что Драгомиров, начальник Киевского военного округа, на какой-то станции встречал Государя, который увидел, что почетный караул отдает ему военные почести, когда отдавание почестей принадлежит одному покойному, сказал: «Кажется, это не по уставу, пожалуйста, распорядитесь, чтобы на следующих станциях этого не было».

Надо прибавить, что Драгомиров, бывший начальник военной академии³, почитает себя первостепенным знатоком военной службы.

Разговаривая у себя дома вечером с несколькими приятелями по поводу выраженного одним из них убеждения о глубокой преданности царю русского народа, выслушиваю такой рассказ от князя Куракина, крупного симбирского помещика. Один из мужиков, запевал в его имени, узнав о смерти Государя, сказал Куракину: «Ведь у него, верно, наследник был?» — и на утвердительный ответ продолжал: «Знамо дело, они не переведутся».

6 ноября. Воскресенье. Завтракают сидящий при принце Валийском генерал Эллис и при принцессе Валийской госпожа Монсен. Оба знатоки искусства.

Заезжаю к Победоносцеву, который на вопрос мой о том, хранит ли он письма покойного Государя, отвечает, что послал молодому императору письма его отца за первый год царствования. В числе их есть любопытные, как, например, письмо от 31 декабря. Накануне нового года Александр III пишет, что лишь глубокое религиозное чувство, им питаемое, останавливает его от самоубийства, — до того ужасно его положение⁴.

Среди современных драматических событий и положений слышатся любопытные в психологическом и историческом отношении рассказы, которые я и буду заносить сюда, ручаясь за их достоверность, но не выставляя имен тех, кому я обязан их сообщением.

¹ Имеется в виду Альберт Эдуард, принц Уэльский (впоследствии Эдуард VII).

² Имеется в виду 27-й драгунский Киевский Его Королевского Высочества Принца Валийского полк (это название носил с октября 1894 г. по 1901 г.); ведет свою историю с 1668 года, когда он был сформирован как Киевский казачий полк, драгунский — с 1882 г.

³ Имеется в виду Академия Генерального штаба.

⁴ Это письмо Половцов приводит ниже, (письмо Победоносцеву от 31 декабря 1881 г.).

Граф С. Д. Шереметев говорит, что нынешний Государь – человек весьма бессердечный, неспособный к увлечению. Дети графа Шереметева с детства были товарищами по играм, препровождению времени с наследником, но никто из них не может сказать, в чем заключается его образ мыслей. Во время предсмертной болезни Государя в Ливадии однажды граф Шереметев, разговаривая с наследником, выхвалял ему прелести Ливадии и жизни там сравнительно с Петербургом и петербургской жизнью. Наследник в ответ на такую оценку сказал, что жизнь в Ливадии скучна. Из чего граф Шереметев вывел новое доказательство его бессердечности.

Молодой государь чрезвычайно нежно обходится с матерью. День начинается с того, что он приходит к ней в уборную и, показывая ей все полученные им письма, советуется относительно всего предстоящего ему в тот день.

В течение дня, в то время как он читает в изобилии присылаемые ему бумаги, его невеста сидит за чтением или рукоделием в той же или соседней комнате.

13 ноября. Воскресенье. Министр иностранных дел Гирс, гораздо более похожий на разлагающийся труп, чем на живого человека, при первом докладе Государю уклончиво пролепетал что-то о своей отставке; он утверждает, будто бы Государь отвечал, что просит его не покидать, что теперь настает время пожинать то, что отец его и Гирс посеяли. Так ли это?

Я забыл записать, что в среду 9-го у нас завтракали принц Валийский с сыном герцогом Йоркским и несколько англичан (Карингтон, Эллис, Кетоль). После завтрака все отправились осматривать новое здание отстраивающегося музея нашего рисовального училища, которое вследствие темноты уже в третьем часу пришлось показывать при свете факелов.

Сегодня заехал ко мне Бунге и рассказывал, что, быв у Государя, чтобы переговорить о всемиростивейшем манифесте по случаю бракосочетания, спросил его, кому ему угодно будет поручить председательствование в Сибирском комитете¹. На это последовал ответ: «Это дело так меня интересует, что я желаю сам остаться председателем».

Через несколько дней после смерти Государя императрица принимала графиню Воронцову-Дашкову, жену министра двора, которая, говоря о невесте – принцессе Алисе, – сказала: «При каких тяжелых обстоятельствах она начинает свою жизнь в России». «Et moi, – воскликнула

¹ Имеется в виду Комитет по сооружению Сибирской железной дороги.

Мария Федоровна, – *s’était encore bien plus pénible*»¹, разумея смерть своего жениха Николая Александровича².

Получив известие о приближении смерти императора, старая великая княгиня Александра Иосифовна с дочерью королевы Греческой³ отправились в Ливадию и повезли с собой по желанию императрицы кронштадтского священника Иоанна⁴, пользующегося в глазах суеверных репутацией чудотворца.

На пути лежало имение великого князя Дмитрия Константиновича, где он устроил примерный конный завод⁵. Его мать и сестра решили остановиться там и провести день, развлекаясь осмотром завода. Узнав о том, находившаяся в Ливадии княгиня Оболенская (Сандра) телеграфировала сопровождавшей путешественниц фрейлине Озеровой, что конец может наступить ежечасно. Великие княгини с везомым ими попом тем не менее провели день на конном заводе, но по приезде в Ливадию королева Греческая сказала княгине Оболенской: «*Votre télégramme nous a bien dérangé*»⁶.

14 ноября. Понедельник. В 11 ½ часов приказано съезжаться в Зимний дворец по случаю бракосочетания Государя императора. Между матерью императора и братьями покойного отца его были продолжительные споры о том, каким порядком должна совершиться церемония, то есть с обычной пышностью и блеском или в более скромных размерах. Первое мнение – мнение великого князя Владимира Александровича – восторжествовало, по счастью. Свадьба русского царя не семейное, а всенародное торжество.

И действительно, в залах Зимнего дворца собралось такое множество народа, что протискаться было трудно.

Приехав в 11 ½ часов, я вместе с членами Совета вошел в церковь, куда вскоре ввели дипломатический корпус. Митрополит с духовенством (сморкавшийся не в платок, а как простой мужик в пальцы) встретил царскую семью при входе в церковь. Впереди всех шла несчастная вдовствующая императрица с своим отцом – королем Датским, вслед за ним жених и невеста. Шлейф невесты поддерживали: Велепольский, Ламздорф,

¹ «А мне, – воскликнула Мария Федоровна, – было еще тяжелей» (*фр.*).

² Будущая императрица Мария Федоровна была невестой старшего сына императора Александра II Николая Александровича.

³ Здесь говорится о великой княжне Ольге Константиновне.

⁴ Речь идет о протоиерее Иоанне Кронштадтском.

⁵ Имение великого князя Дмитрия Константиновича находилось под Полтавой; там он занимался разведением лошадей.

⁶ «Ваша телеграмма нас очень расстроила» (*фр.*).

Скарятин и граф Шереметев, а конец хвоста держал обер-гофмейстер граф Синерс. Затем следовало множество принцев и принцесс. Церемония бракосочетания с молебном продолжалась около часа. Затем новобрачные возвратились во внутренние покои, причем Государственный совет выстроился в Концертном зале, где сверх того находились Сенат, почетные опекуны, офицеры Кавалергардского полка, фрейлины и статс-дамы. Императрица Александра Федоровна ослепила всех своей красотой, достоинством, вниманием, приветливостью. Восторг, очарование, надежды всеобщии. Дай Бог, чтобы неизбалованное исторической судьбой Отечество нашло в личности ее залог гражданского успеха, мирного счастья.

Из Зимнего дворца Государь проехал в карете с императрицей в Казанский собор, приказав отпустить войска и потому очутившись окруженным пустой толпой народа. Из Казанского собора молодые поехали в Личиковский дворец, пред коим собралась опять толпа, простоявшая до 2-х часов ночи, распевая «Боже, царя храни»¹ и оглушая воздух криками при появлении новобрачных у окна.

15 ноября. Вторник. Заезжает ко мне Имеретинский и с свойственными ему остротой и резкостью рассказывает следующее. Согласно давно существующему обычаю, решено послать к иностранным дворам генерал-адъютанта для оповещения о вступлении на престол нового Государя. Добрый, но глупый командующий Главной квартирой Рихтер в выборе должностных ехать с этим поручением лиц руководствовался исключительно желанием сих последних; так, например, на вопрос, сделанный Рихтером Имеретинскому, куда бы он желал поехать, последний отвечал: «Меня интересуют макароны и кастаньеты», — вследствие чего Имеретинский и назначен к поездке в Италию и Испанию. Вероятно, таким же порядком назначен в Берлин пошлый глупец Свечин, а в Париж и Лондон — ненавистный Европе вообще и Англии в особенности по своей предшествовавшей деятельности граф Игнатьев.

На церемонии бракосочетания Имеретинский увидал в одной из зал неподвижно стоявшего Гирса (которого унесли на кресле тотчас после того, как прошло шествие, так как он не имел сил ни войти в церковь, ни добраться на своих ногах до подъезда). Подойдя к нему, Имеретинский спросил, окончательно ли состоялось назначение генерал-адъютантов. Гирс вспыхнул и сказал, что не понимает, как Рихтер осмелился сделать подобные распоряжения, не войдя в соглашение с ним, Гирсом, и что он пойдет жаловаться Государю и просить распоряжения об отмене.

Другой рассказ Имеретинского.

¹ «Боже, Царя храни!» — официальный гимн Российской империи с 1833 г.

Воронцов сказал Победоносцеву, что сам писал первый манифест — о вступлении на престол, вслед за тем Вяземский, на скромность которого Воронцов напрасно рассчитывал, стал утверждать, что [манифест] написан им, а когда это известие распространилось, то один из подчиненных Вяземского — Ваганов — стал утверждать, что истинный автор манифеста никто иной, как он, Ваганов.

Лобанов дает нам обед в помещении нового клуба. Павел Шувалов сообщает мне, что комбинация о назначении его генерал-губернатором в Варшаву подвигается вперед.

После обеда в приятельском кружке (Пален, Убри, я) [он] поддерживает тему, что и ему принадлежит частичка того ореола «миротворца», коим *исключительно* поминают Александра III. Как образец того, в какой степени бывало трудно поддержать хорошие с Пруссией отношения, Шувалов передает следующий случай.

То было во время приготовления к памяtnому дню свидания императоров в Киле, где Шувалов уже ожидал съезда высочайших путешественников. Здесь он получил от Александра Александровича депешу, написанную немецкими словами, но русскими буквами, депешу, в грубых выражениях предписывавшую отменить все сделанные германским императором распоряжения о принятии наивозможно торжественнее и пышнее его русского коллеги. Времени до приезда оставалось слишком мало, чтобы начать телеграфную переписку, и Шувалов решился сесть на первый отходивший в Потсдам поезд и, не снимая поношенного пальто и потертой шляпы, отправиться прямо к императору Вильгельму. В Потсдаме оказалось, что император присутствует на каком-то торжественном параде, так что полицейские стражи не пропускали Шувалова, принимая его чуть не за анархиста. Наконец, ему удалось пробраться, и он стал на пути следования императора, ведшего под руку императрицу. Прочитав депешу, текст которой был несколько сглажен Шуваловым, Вильгельм тотчас, нисколько не задумываясь, сказал: «Отвечайте, что я на все согласен; войдите в кабинет мой и напишите там ответную депешу».

Графиня Шувалова рассказывает мне, что у нее в тот день была с визитом жена Гурко и заявила, что после оскорблений, испытанных ее мужем в Петербурге, он ни в каком случае не останется долее варшавским генерал-губернатором.

16¹ ноября. Среда. Обедаящий у нас Велепольский, несший при бракосочетании шлейф императрицы, снимая этот шлейф, поцеловал руку

¹ В оригинале указано 15 ноября, но, очевидно, что это ошибка, поскольку предыдущий день, вторник, датирован этим числом.

Ее Величества. Государь при этом пожал руку Велепольского, который ему сказал: «Pardonnez, mon sire, de saisir ce moment pour vous dire que les membres de la députation m'ont chargé de vous dire qu'ils avaient décidé de fonder en Rouvems [?] de la journée d'aujourd'hui une salle à l'hôpital d'enfants à Varsovie». «Remerciez-les, – отвечал Государь, – c'est une attention délicate»¹.

17 ноября. Четверг. В пятом часу еду к великой княгине Марии Павловне, которой еще не видал с приезда. В этот час она бывает дома и принимает. Застаю ее наверху в гостиной вместе с великим князем и мекленбургской ее приятельницей госпожей Петерс.

Чрез несколько времени входит княгиня Волконская, и я увожу великого князя в соседнюю комнату, чтобы держать ему приблизительно следующую речь: «Все, что слышится о новом Государе, утешительно и отраднo во всех отношениях, но есть несколько мелких обстоятельств, в коих вы можете оказать ему услугу. Например, Кшесинская продолжает вести себя неприлично, кричит окружающим ее: «Ну, еще увидим, чья возьмет, – Алиса или я» и т. п. Необходимо ее выслать из Петербурга и не давать в руки капиталов, а назначить пенсию, которую и выплачивать ежемесячно под угрозой отнятия в случае возвращения.

О поведении ее мне известно от директора театров Всеволожского.

Она чувствует поддержку в Михайловичах, которые ссудили Государю 400 тысяч рублей, чтобы рассчитаться с любовницей, когда покойный отец его не хотел давать более несообразно ограниченной суммы.

Вы говорили мне, что ляжете костью, но не пропустите к молодому Государю хлыща, а между тем хлыщ уже проник туда и, как слышно, пользуется особым расположением, – это Плеве, человек весьма способный, но без всяких принципов, думающий исключительно о своих выгодах и одинаково пользовавшийся расположением и Лорис-Меликова, и Игнатьева, и Толстого, и Дурново. Не такие люди нужны Государю. Воспользуйтесь первым случаем, чтобы убедить его при первой возможности созывать несколько людей и выслушивать их взаимные прения. Пускай на докладе того или другого министра отложит одно или два дела, имеющие отношение к другому министерству, а затем созовет в один [день] всех подлежащих министров и выслушает мнение каждого». Великий князь сочувствует этой мысли и обещает сделать все, от него зависящее, для ее осуществления.

¹ «Извините, Государь, что я воспользовался этим моментом, чтобы сказать, что члены депутации уполномочили меня сообщить Вам, что они решили основать в Рувеме [?] с настоящего момента комнату в детском лазарете как в Варшаве (?). Благодарите их, – отвечал Государь, – за такую заботу» (фр.).

Великий князь: «Il comprendra que je n'ambitionne rien». Я: «Certainement d'autant plus que vous etes exempt d'ambition non seulement par naissance, mais aussi par temperament»¹.

19 ноября. Суббота. Делаю визит к Сольскому. Этот высшего сорта чиновник представляет из себя весьма любопытное явление. Будучи богато одарен от природы, весьма образован, в итоге исполнен добрых чувств, он мог бы принести своей службой несомненную пользу, но полнейшая его бесхарактерность, вознесшая его, правда, на высоту чиновничьего величия, сделала из него опасного и презренного покровителя всякой мерзости или пошлости, коль скоро мерзость эта исходит от сильного по положению человека.

На этот раз начинаю разговор с предстоящего в ближайшем заседании Финансового комитета обсуждения вопроса о выпуске новых билетов государственного казначейства (серий) взамен таких же, оканчивающих срок своего существования. Я высказываю мысль о необходимости вникнуть поглубже в оценку этой формы займа, формы приносящих проценты денежных знаков, формы, наиболее опасной при наступлении какого-либо кризиса. Сольский, в душе своей разделяющий взгляд мой, находит на словах, что форма эта прекрасна и возбуждаемый мной вопрос излишен.

Переходя к обсуждению всей финансовой политики Витте, я высказываю мысль, что столь широко проводимые им принципы безграничного вмешательства правительственных чиновников в мелочи частной промышленной деятельности и всякого рода предприимчивости убивают эту предприимчивость, делают невозможным сильное развитие труда, а с ним вместе и подъем экономического благосостояния; что та ужасная чиновничья опека, под которой мы живем, есть не что иное, как государственный социализм, приносящий нередко плоды еще более горькие, чем социализм отдельных граждан.

Что же отвечает мне на это Сольский? — «Да, это правда, но социализм делает повсюду такие быстрые шаги вперед, что нам остается лишь подчиниться этому движению».

На этом слове я встал и уехал.

20 ноября. Воскресенье. В 1 час уезжает к своему посту в Вену князь Лобанов, прогостивший у нас в Петербурге три недели. Он уезжает, опасаясь, что будет скоро вызван для занятия места Гирса. Опасается

¹ Великий князь: «Он поймет, что я ничего не домогаюсь». Я: «Конечно, тем более, что Вы лишены честолюбия не только по своему происхождению, но и по темпераменту» (фр.).

он этого потому, что видит всю трудность ведения дел при петербургских порядках, и потому, что в его годы желал бы прожить остаток дней, дыша во всех отношениях менее отравленным воздухом.

Лобанов – человек добрый, умный, простой в обращении, честный и твердый в сношениях, весьма образованный, быть может, иногда слишком легко принимающий события и подчас смотрящий на них несколько исключительно.

Несомненно, что он головой выше всякого другого кандидата, который мог бы попасть на этот наиважнейший в настоящую минуту для России пост.

21 ноября. Понедельник. На своей обычной утренней, в девятом часу, прогулке встречаю великого князя Владимира Александровича, который сообщает мне, что назначение П. Шувалова на место Гурки¹ в Варшаву дело решенное, что Гурко будет назначен фельдмаршалом. Я: «А в Берлин кого же?» *Великий князь:* «Мой кандидат был бы Н. Долгорукий». Я: «Против него будет Шувалов». *Великий князь:* «Я не думаю, потому что Долгорукий ушел из военных в Берлине агентов, как скоро узнал, что его личность неприятна была Шувалову».

Поговорив о предметах безразличных, спрашиваю его, говорил ли он что-либо вдовствующей императрице о каких-то бриллиантах. Отвечает, что говорил два раза и будет говорить еще, потому что бриллианты эти, по завещанию императрицы Марии Александровны, должны были быть вручены новобрачной супруге императора в самый день ее свадьбы, а между тем Мария Федоровна этого не сделала; впоследствии это забудется, и воля матери его, великого князя Владимира Александровича, останется неисполненной. Я: «Но вы сказали это в присутствии Ксении Александровны. После Вашего ухода [она] и мать проливали обильные слезы, будучи обижены тем, что подверглись таким с вашей стороны подозрениям».

Владимир Александрович: «И все-таки я буду еще раз говорить».

Я: «Умоляю Вас этого не делать».

Владимир Александрович: «Да ведь то же самое было с кольцами, завещанными императрицей Екатериной для венчания императора или наследника престола. Я с величайшим трудом добился, чтобы они были возвращены по назначению».

Я: «Теперь расскажите, как Вы не встали во время провозглашения тоста за здоровье императрицы». *Владимир Александрович:* «Это было в день свадьбы. После отъезда Величеств был для всех членов семейства

¹ Так в тексте.

и иностранных принцев завтрак. За тем столом, где я сидел, великая княгиня Александра Иосифовна первая сказала, что хотя в этот день рождение вдовствующей императрицы, но что так как по причине траура не пили даже здоровья новобрачных и вообще всей церемонии придали исключительно религиозный, а никак не праздничный характер, то надлежит ограничиться тем, что выпьют здоровье втихомолку, не вставая, что и было за нашим столом сделано [?]. Великий князь Михаил Николаевич (хотя это и было ему сообщено) встал и провозгласил здоровье. Мы с женой, уже выпивши здоровье за нашим столом, не встали с места (sic¹). Об этом меня спрашивают по крайней мере в десятый раз».

Надо при этом заметить, что право провозглашения тоста принадлежало старшему, то есть Владимиру Александровичу, а не Михаилу Николаевичу².

22 ноября. Вторник. Обычно ничтожное заседание Государственного совета. Рядом со мною сидящий Чертков сообщает, что едет в Париж и Лондон объявлять о вступлении на престол Николая II. Отжившее обыкновение, лишенное ныне всякого значения.

В 9 часов заседание Финансового комитета на квартире у Сольского, в Гагаринской улице. Витте делает чрез Ротшильдов стомиллионный заем для погашения пятипроцентных железнодорожных облигаций.

Прошлой осенью, в бытность мою в Париже, я виделся с министром внутренних дел Дурново, который мне говорил, что, даже и находясь в Париже, он будто бы не перестает заниматься делами и в особенности делом об ограничении прав евреев, которое, по приказанию Государя, он, Дурново, обязан непременно внести в Государственный совет. На вопрос мой, почему дело, столь долго тянувшееся, необходимо должно теперь получить столь быстрое окончание, Дурново отвечает мне, что доселе министр финансов Витте останавливал Государя тем, что имел нужду в евреях, но что в последнее время Витте заявил Государю, что финансы приведены им, Витте, в такое блестящее положение, что ему, Витте, никакой более надобности в евреях нет.

Неискренность такого выражения подобострастия и желания понравиться Государю всего лучше доказывается тем, что на первых же днях нового царствования Витте заключает заем со всеми домами Ротшильдов.

Дело само по себе недурное, но обсуждение его в Финансовом комитете почти комичное. Всякого замечания Сольский боится, как огня,

¹ Так, именно таким образом (*лат.*).

² Михаил Николаевич был старше Владимира Александровича на 15 лет – последний приходился ему племянником.

и всегда соглашается с министром. По делу о займе я настаиваю только на внешней форме указа, не допуская, чтобы правительство могло давать обещания, что не будет делать того или другого. Нахожу неуместной эту отрицательную форму.

По другим делам, в особенности по выпуску новых серий, стараюсь отстоять вред такой формы займа и необходимость консолидации его на продолжительное время с устранением характера денежных знаков, принадлежащего ныне «сериям». Витте, напротив, по недостатку финансового образования, дорожит этим характером и желает даже новым выпускам придать форму сторублевых билетов. Сверх того, он желает запретить вывоз таких билетов за границу, чтобы отнять у берлинской биржи материал для спекуляций. На этой спекуляции он совсем помешался.

Разумеется, его во всем поддерживают и Сольский, и государственный контролер¹, цитирующий лишь тексты из правил апостольских², и Вышнеградский, опасющийся лишь раскрытия его мошенничеств преемником, и два подвластные Витте наемные чиновника, носящие титул его товарищей. Какой это комитет – он не имеет ничего общего с комитетом в первоначальном его устройстве.

23 ноября. Среда. По приглашению Воронцова еду с ним охотиться на лосей в Вартемяш – имение П. Шувалова.

Воронцов совсем иной, чем прежде, нахмуренный, озабоченный, грустный. При всегдашней его молчаливости все-таки проскакивают кой-какие интересные факты, итог коих сводится к следующему. Государь хворал давно и, несомненно, переносил молчаливо большие физические страдания. Приближенных со времени переезда в Ливадию он не видал. Воронцов был позван в 8 часов утра в самый день смерти и оставался безвыходно при умиравшем, которому, однако, около одиннадцати часов сделалось лучше. Во втором часу жизнь прекратилась почти мгновенно при сохранении до последней минуты полного сознания.

Завещание до сих пор не найдено, и потому на днях должен возникнуть вопрос о наследовании в имуществе покойного. У него осталось лично ему принадлежащих капиталов около 4 миллионов и приблизительно столько же в купленных им имениях. Второму сыну, Георгию, Государь подарил имение [в] Орловской губернии, заплаченное³ около 4 миллионов; дочь Ксения получила в приданое 2 миллиона и дом, заплаченный один миллион, но третий сын, Михаил, и вторая дочь, Ольга,

¹ Имеется в виду Т. И. Филиппов.

² Апостольские правила – 85 правил о церковных порядках (III–V вв.).

³ Так в тексте дневника.

ничего еще не получили. Возникает необходимость раздела оставшегося имущества. Из слов Воронцова я заметил, что вопрос этот он намерен решить единоличным своим докладом. Я тщетно силюсь доказать ему, что определение чьих бы то ни было гражданских прав должно быть сообразовано с гражданскими законами и что произвольное распоряжение молодого Государя внесет раздор и вражду, а по меньшей мере неудовольствие между членами семейства.

Выражение такого взгляда не по душе Воронцову.

Между прочим, Воронцов сознается, что он представил покойному Государю доклад об учреждении Инспекторского департамента Гражданского ведомства.

24 ноября. Четверг. Разговор со вновь назначенным управляющим Государственного банка¹, который, будучи не блестящим, но здраво-мыслящим человеком, весьма трезво смотрит на значительную долю увлечения и пересаливания, отличающих деятельность Витте, особенно в банковом деле.

В 2 часа у графини Монтебелло, очень милой и умной женщины, весьма приятно разговаривающей до той минуты, пока она не считает необходимым перед каким-нибудь второстепенным слушателем стать на посольские ходули.

Встречаю здесь Н. Долгорукого, обер-церемониймейстера, царедворца до мозга костей. Поболтав с посольшей, едем вдвоем в новый клуб, чтобы поговорить о современном положении. Долгорукий начинает вопросом: «Возможно ли было ожидать такого ореола последнему царствованию?» Я отвечаю, что не вижу ореола. Вся измельченная, разбитая в политические дребезги Европа была счастлива тем, что наибольшая в свете сила сосредоточивалась в руке человека, искренно желавшего мира, державшего слово и отличавшегося своим упрямством. Не стало этого человека, и Европу охватил панический страх, выразившийся похвальными кликами. Но вся эта Европа видела лишь ту сторону императорской фигуры, которая была обращена к ней. Что делалось и делается в самой России, для Европы и не совсем постижимо. Пускай только не будет войны, а как живут русские, как удовлетворяются их нравственные и материальные потребности — это для Европы безразлично; напротив, чем мы беднее, невежественнее, суевернее, тем для Европы приятнее. И вот почему самые похваления минувшему царствованию в Петербурге изображают чуть не эхо парижских и лондонских восклицаний. Я не слышал ни слова хвалы относительно мероприятий к устройству, улучшению русской жизни.

¹ Имеется в виду Э. Д. Плеске.

Долгорукий не замедлил со мной согласиться и перешел к усиленным похвалам молодому императору, его сдержанности, осторожности, такту, умению обращаться с людьми, точно так же он стал расхваливать и молодую императрицу, и вдовствующую, и усердие всех участвовавших в печальных церемониях, и почти что религиозную преданность народа к царю и т. д.

25 ноября. Пятница. Уезжаю в Рапти.

26 ноября. Суббота. Чудный день, охотимся облавой около дома. Разведение фазанов удалось.

27 ноября. Воскресенье. Возвращаюсь в Петербург вдвоем с Ауербахом, перебирая в подробности весь ход устройства Богословского рельсового завода¹.

Вечером заезжает Протасов-Бахметев, всегда преисполненный рассказов о своем управлении; своеобразность его недоконченных фраз, сопоставление событий, не имеющих ничего общего, опасение сказать что-либо не только резкое, но просто категорическое, делают его изложение на первый взгляд трудно понятным, но когда привыкнешь отгадывать, что скрывается под этой темной выразительностью, какой порядок вещей царит в этом будто бы благодеющем, а в действительности злодеющем ведомстве, то чувствуется, что небедному, хотя и вполне честному Протасову [не] совладать с этим нравственным хаосом. Какова, например, такая картина: в Николаевском институте² расхищено 95 тысяч рублей, и вся растрата произведена с письменного разрешения заведывающего этим учреждением почетного опекуна графа Делянова. Опекунский совет, рассматривая это дело, нашел, что виновны в такой растрате три лица: начальница института госпожа Шостак, которую нельзя подвергнуть возмещению убытков за старостью ее лет, директор заведения, который не может равным образом подлежать взысканию за множественством лежащих на нем обязанностей, и, наконец, почетный опекун Делянов, на которого денежное взыскание не может быть наложено потому, что взыскание в подобных случаях производится соразмерно получаемому обвиняемым содержанию, тогда как Делянов никакого содержания не получает и, следовательно, никакому взысканию подвергнут быть не может. Такое решение опекунского совета было представлено в августе месяце покойному Государю, который написал такую резолюцию: «Какое отвратительное безобразие! Пора положить этому конец».

¹ Речь идет о Надеждинском сталерельсовом заводе.

² По-видимому, имеется в виду Гатчинский Николаевский сиротский институт.

Такова его оценка лица, которое в течение всего своего царствования [он] сохранил во главе народного просвещения!

Тот же Протасов рассказывает свой первый у императрицы доклад после смерти ее мужа. После естественных слез подписывается рескрипт какой-то институтской начальнице, а затем, поговорив о своем намерении не уезжать, а оставаться в Петербурге, императрица выражает неудовольствие за то, что Верховский, исправлявший в отсутствие Протасова обязанности главноуправляющего, не исполнил ее приказания определить в какой-то институт на казенный счет двух девочек, за которых хлопочут какие-то горничные.

С великим трудом Протасов объясняет, что в этот институт по его уставу могут быть определяемы лишь дочери лиц, состоявших на государственной службе, и обещает поместить этих детей в другой институт.

Управляющая заведениями чуть не 20 лет августейшая попечительница этого не знала!..

28 ноября. Понедельник. На утренней прогулке встречаю Имеретинского, который сообщает мне, что едет в Мадрид и Лиссабон объявлять о вступлении на престол нового императора, и спрашивает, что сказать от меня Шувалову в Берлине. Я: «Скажите ему, что я не одобряю сделанный им выбор покровительствуемого им преемника». *Имеретинский:* «Да намеченный ему в преемники Муравьев такой проныра, что он сам себе покровительствует и ни в чем покровительстве не нуждается. Я состоял при датском короле и видел, как Муравьев ежедневно являлся в Аничков дворец и чрез короля добился аудиенции у императрицы, где под влиянием ее отца устроил и свою судьбу, и повышение своего зятя — Дабижа». Продолжая разговор, Имеретинский высказывает весьма справедливый взгляд на то, что мы до сих пор работали для Дании, что естественным последствием такой работы было охлаждение в отношении Германии и шаткое, неясное в могущих ежедневно наступить последствиях сближение с буйной, переменчивой, демагогической Францией.

29 ноября. Вторник. Объяснение с Витте. Заявляю ему, что условия обсуждения дел в Финансовом комитете невозможны и что потому только я не мог настоятельнее спорить с ним (спорить безрезультатно) относительно нового выпуска серий, кои считаю вредной для правильного финансового хозяйства бумагой. *Витте* отвечает мне, что, в сущности, он со мной согласен, но что вопрос этот состоит в связи с вопросом о металлическом обращении, потому что до восстановления металлического обращения нельзя сокращать количества бумажных денежных знаков без стеснения денежного рынка, так как из других государств

не может в минуты кризиса последовать прилива металла; что вопрос о металлическом обращении весьма его занимает и что на днях он намерен внести в Финансовый комитет свои предложения, заключающиеся в том, чтобы разрешить для сделок некоторых категорий употребление золотой монеты по курсу и таким образом постепенно увеличивать обращение металла до тех пор, пока итог его, при постепенном одновременном уничтожении ассигнаций, приведет окончательно к возможности открытия размена.

Все, что он говорит, весьма умно, но несколько самонадеянно и в подробностях исполнения подлежит весьма тщательному изучению.

30 ноября. Среда. Зайдя навестить одного больного, слышу рассказ его врача, который, состоя профессором Медицинской академии, повествует о том, в каком затруднительном положении он очутился после смерти покойного Государя. «Входя на кафедру, я, конечно, желал сказать несколько слов о том, что сделал для врачебной части покойный, но что же можно было сказать, когда вся его деятельность ограничивается тем, что он из принадлежащего Медицинской академии капитала выдал 30 тысяч рублей Обществу врачей-гомеопатов¹. Мне бы следовало сделать, как Захарьин в Москве. Взойдя на кафедру, он закрыл лицо руками, несколько раз вздохнул, потом перекрестился и начал чтение лекции».

ДЕКАБРЬ

5 декабря. Понедельник. В общем собрании Государственного совета между прочим рассматривается представление министра финансов Витте о предоставлении ему права назначать служащих до должностей V класса включительно², не стесняясь чином. Департамент законов сначала хотел отказать в этом представлении, а затем разрешил временное, на шесть месяцев, пользование этим правом с тем, чтобы назначаемые имели высшее образование и с тем, чтобы в течение 6 месяцев были выработаны правила общего прохождения служебной карьеры.

Будучи связан с этим вопросом – вопросом об уничтожении чинов – не только личными симпатиями, но и участием своим в совещании,

¹ Здесь говорится о Санкт-Петербургском обществе врачей-гомеопатов.

² Дело «Об издании временных правил о замещении по министерству финансов должностей от пятого класса включительно» рассматривалось в Государственном совете с 16 октября по 20 декабря 1894 г. См.: Опись дел архива Государственного совета. Т. 11. Дела Государственного совета с 1889 по 1894 г. СПб., 1914. С. 352.

разработавшем предположения о замене чинов должностями, я настаиваю в общем собрании на том, чтобы предоставляемые министру финансов права были распространены на всех остальных министров. Несмотря на оппозицию Островского и Делянова, мнение мое принимается общим собранием единогласно.

9 декабря. Пятница. Уезжаем в Нарву.

10 и 11 декабря. Осмотр тамошних фабрик, в особенности произведенных в истекающем году построек и утверждение предположений о постройках в предстоящем [18]95 году.

12 декабря. Понедельник. Постыдное для Плеве заседание общего собрания Государственного совета. Великий князь Михаил Николаевич устраивает торжественный прием вновь назначенному членом Совета великому князю Сергею Александровичу. Членам Совета предписывается приехать в праздничной форме, великий князь обходит поставленных по старшинству членов, пожимая им руку, и, наконец, Плеве читает журнал, в коем говорится о благоговейной благодарности Совета к Государю за назначение великого князя. Я требую журнал, мной составленный, при назначении членом Совета наследника престола, нынешнего Государя, в коем никаких подобных выражений подобного подлого низкопоклонничества не существует, и по окончании заседания громко говорю великому князю Алексею Александровичу, что ему должно быть обидно, что при назначении его Совет не считал, что должен чувствовать благоговейную благодарность, как при назначении его младшего брата.

На замечание мое, обращенное к Плеве, о том же, он отвечает мне, что при внимательном чтении написанного им журнала я увижу, что эти слова могут относиться к Совету столько же, как и к самому великому князю. Каков негодяй!..

13 декабря. Вторник. Победоносцев сообщает мне несколько любопытных писем и записок, полученных им от покойного Государя в первый год царствования.

6 марта 1881 г. Благодарю от всей души за душевное письмо, которое я вполне разделяю. Зайдите ко мне завтра в 3 часа, с радостью поговорю с Вами. На Бога вся моя надежда.

Александр¹

¹ В недатированном отрывке из дневника Половцова (Ф. 583. Д. 39) имеется информация на ту же тему: «Заношу сюда любопытную переписку Победоносцева тотчас по вступлении на престол Александра III и ранее того.

14 марта. На записке Победоносцева такого содержания: Позволяю себе всепокорнейшее просить Ваше Императорское Величество прочесть прилагаемое письмо, полученное мной из-за границы от Павла фон Дервиза и особую прилагаемую при сем записку. Высочайший ответ: Благодарю очень за письмо Дервиза и за газетные статьи, которые прочел с интересом и большей частью разделяю вполне эти взгляды.

Бумаги эти были посланы им нынешнему Государю Николаю II при следующем письме:

«В настоящие скорбные дни, коими начинается царствование Вашего Величества, припоминается отчетливо [?] весь ужас первых дней царствования незабвенного родителя Вашего.

Я был свидетелем его тоски, его смущения, его первых горьких шагов на царстве. Многие мог бы я описать, но никогда не находил времени вести свои записки. Единственное, что осталось от того времени, это письма мои к другу моему, покойной фрейлине императрицы Екатерине Федоровне Тютчевой.

После смерти ее эти письма были возвращены мне. Беру из них некоторые, в коих описаны впечатления первых дней после 1-го марта. Полагаю, что именно теперь они могут особенно интересовать Ваше Величество.

Присоединяю к ним письма и записки, которые получал я от покойного Государя в течение тяжелого 1881 года. Только его поистине чудная душа с его спокойствием и верой в Провидение могли выдержать такие испытания, при той обстановке, которой он был окружен. Последнее письмо, писанное 31 декабря 1881 года, показывает, каковы были его ощущения накануне нового года. Но и тут он прибавляет: „Но я не малодушен, а главное, верю в Бога, верю, что настанут, наконец, счастливые дни и для нашей дорогой России“.

Пошли, Боже, такую же крепкую веру и Вашему Императорскому Величеству.

2 ноября 1894 года

К. Победоносцев».

«1 марта 1881 г. 1 час ночи

Вот до какого дня, до страшного дня мы дожили!

Я был в Зимнем дворце, видел эти ужасные сцены.

Бог наказал нас таким горем, таким позором.

Государь поехал из Михайловского дворца и тут на канаве два злодея подстерегли его.

Первая бомба повредила кузов кареты. Государь вышел. К несчастью, и тут другой злодей подбросил ему бомбу. Вся нижняя часть тела скомкана. Несколько человек убито.

Полиция опасалась. Государя убеждали не выезжать в эти дни. В последнее время сделано много важных открытий: найдены разрывные составы, обнаружена целая компания, к которой и эти злодеи принадлежали.

Вчера арестовали главного – некоего Желябова вне его квартиры, которую не успели открыть, а там была жена его. Между тем злодеи от нее-то и получили эти бомбы. Очевидно, спешили исполнением замысла. Представьте положение

18 марта. Пожалуйста, заезжайте ко мне сегодня в 2 часа. Давно с Вами не видался и желал бы переговорить о многом.

20 марта. Пожалуйста, любезный Константин Петрович, исполните мою просьбу и облегчите мне мои первые шаги. Переговорите, пожалуйста, с бароном Николаи о известном Вам предположении и передайте мне потом ваш разговор и его решение.
Ваш Александр

29 марта. Литвинов действительно назначен комендантом Главной квартиры, но это назначение не имеет ничего другого, как почетное место, на котором он ничего делать не будет.

Никогда и речи не было о назначении его для моей охраны в виде коменданта того дворца или местности, где я буду жить. Литвинов даже и не живет в Гатчине, а остается в Петербурге. Я думаю, что слухи о Литвинове преувеличены и что он вовсе не опасный человек, по крайней мере, я ничего подобного не слышал, а Литвинова я давно знаю. Жена его действительно распутная женщина и жила со многими, но о политической неблагонадежности я тоже никогда не слышал.

Будьте покойны, Литвинов ничего общего с охраной не имеет и никогда для этого и не предназначался.

О графе Воронцове я сам думал часто и, очень может быть, я возьму его к себе именно в виде начальника Главной квартиры с тем, чтобы он постоянно был при мне.

21 апреля. Посылаю Вам для прочтения письмо Карамзиной, которое я получил из Крыма. Это опять взгляд истинного русского и понимающего настоящее наше положение.

цесаревича. Он поистине жалок! Не могу подумать без ужаса о его положении. Он услышал взрывы из Аничкова дворца и застал отца уже в беспомощности.

Сегодня была в 9 часов панихида для семьи. Завтра торжественный выход и присяга le roi [?].

Сегодня вечером в 12-м часу ночи я видел их обоих в кабинете. Бедный сын и наследник с рыданием обнял меня. О, как мне жаль его.

Ах, и себя жаль, милая Екатерина Федоровна. Что теперь будет. Спаси нас Господь.

Судьбы Божии совершены над ним и над нами совершатся.

Неужели все пойдет по-прежнему [?] оглядываюсь на людей и людей не вижу [?].

Такой ужас во мне, что <...>»

Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление. Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу. Вряд ли, впрочем, я когда-нибудь убежусь в пользу подобной меры, слишком я уверен в ее вреде. Странно слышать умных людей, которые могут *серьезно* говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма!

Более и более убеждаюсь, что добра от этих министров ждать я не могу! Дай Бог, чтобы я ошибался!

Не искренны их слова, неправдой дышат.

Вы могли слышать, что Владимир, мой брат, правильно смотрит на вещи выборного начала¹.

Трудно и тяжело вести дело с подобными министрами, которые сами себя обманывают!

Пожалуйста, верните мне письмо Карамзиной.

Ваш от души
Александр

30 апреля. Я получил сегодня утром письмо графа Лорис-Меликова, в котором он просит об увольнении под видом болезни. Я ему отвечал и принял его просьбу.

От Абазы ничего еще не получал, но, впрочем, завтра его докладной день, так что, может быть, он лично передаст свою просьбу, и посмотрю, как с ним быть.

Сегодня утром был у меня Набоков, который вовсе не находит ничего обидного для себя в манифесте и вполне разделяет сущность манифеста. Моя мысль — назначить на место Лориса графа Игнатьева, человека, на которого я могу вполне надеяться, а на его место — еще подумаю и переговорю с ним же.

В случае же ухода и Абазы я, конечно, предполагаю оставить пока его товарища Бунге управляющим министерством, человека хорошо знающего свою специальность и спокойного.

¹ Это предложение в оригинале письма несколько отличается: «Вы могли слышать, что Владимир, мой брат, правильно смотрит на вещи *и совершенно, как и я, не допускает* выборного начала. Ср.: Победоносцев и его корреспонденты. I. I. II. I. С. 49 (также в книге имеется вкладка с копией оригинала письма).

Я видел вчера графа Лориса-Меликова на параде и потом на завтраке у графа Ольденбургского, и хотя он мне ничего не говорил, но видно было по его физиономии, что он весьма недоволен и расстроен. – Милютин был, как всегда, и ничего на его лице заметить нельзя было, никакой перемены.

Завтра я намерен просить к себе графа Игнатьева и переговорить с ним.

Вот пока и все.

Александр

23 ноября 1881 г. Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваши два письма; конечно, я не сержусь, а, напротив того, благодарен Вам за эти письма и прошу всегда, когда Вы найдете нужным, писать мне с той же откровенностью, как и всегда.

Заезжайте завтра в Гатчину к 1 часу. Можем переговорить подробнее.

Ваш Александр

31 декабря. Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваше доброе письмо и все Ваши желания.

Ужасный, страшный год приходит к концу, начинается новый, а что ожидает нас впереди! Так отчаянно тяжело бывает по временам, что, если бы я не верил в Бога и Его неограниченную милость, конечно, не оставалось бы ничего другого, как пустить себе пулю в лоб!.. Но я не малодушен, а главное, верю в Бога и верю, что настанут, наконец, счастливые дни и для нашей дорогой России.

Благодарю Вас за присылку письма Рачинского, прочел с удовольствием его.

Забыл Вам ответить насчет нашего Общества Добровольного флота; конечно, я с большим удовольствием останусь покровителем этого полезного и патриотического дела.

От души желаю Вам и Вашим тоже счастья, мир и тишину на наступающий год.

Часто, очень часто вспоминаю я слова святого Евангелия: «Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте»¹.

¹ В данном письме император Александр III привел точную цитату из Евангелия от Иоанна (глава 14, стих 1).

Эти могучие слова действуют на меня благотворно.
С полным упованием на милость Божию кончаю мое письмо. Да
будет воля Твоя, Господи.

Крепко жму Вашу руку.
Искренно любящий Вас Александр¹

13 мая 1882 г. От Победоносцева Государю:

Из прилагаемой статьи «Московских ведомостей»² Ваше Императорское Величество изволите усмотреть, что известие о проекте графа Игнатьева уже проникло в публику. И здесь, слышу, уже шепчут об этом.

Откуда пущен слух – не знаю. Могу свидетельствовать о себе, что я не говорил об этом деле ни с одним человеком, кроме Островского, который и помимо меня знал о нем.

Высочайшая отметка: я тоже никому не говорил об этом, кроме Вам и Островскому, но, к сожалению, кажется, сам Игнатьев не делал из этого секрета.

В среду Игнатьев просил меня оставить все это дело без последствий, так как он видит, что я не разделяю его взглядов по этому предмету³.

12 марта 1889 г. Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваше интересное письмо, которое прочел с горестным чувством за наших кровных русских, погибающих под игом Габсбургским⁴, как некогда погибали мы под игом татарским⁵.

¹ Все приведенные выше письма, за исключением писем от 14 марта и от 23 ноября, были опубликованы в издании: Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. II. 1. С. 44–63, 67–68.

² Газета «Московские ведомости» выходила в Москве с 1756 г., с 1859 г. – ежедневно. В 1863–1887 гг. редактором газеты был М. Н. Катков, с 1887 г. – С. А. Петровский. В этот период «Московские ведомости» имели репутацию консервативного органа печати.

³ Данное письмо К. П. Победоносцева Александру III от 13 мая 1882 г. не было опубликовано. Ср.: Письма Победоносцева к Александру III. Т. I.

⁴ Здесь речь идет о славянских православных народах, находившихся под властью Австро-Венгрии. В основном они были сосредоточены в двух областях – Галиции и Буковине, а также Далмации. Весь период с трансформации империи Габсбургов в дуалистическую монархию Австро-Венгрию (1867 г.) и почти до распада этого государства (1918 г.) на престоле находился император Франц Иосиф I из династии Габсбургов.

⁵ Имеется в виду пребывание Руси под татаро-монгольским игом в XIII–XV вв.

Дай Бог им столь же счастливо освободиться от него когда-нибудь, как мы освободились, благодаря постоянным стараниям князей страны русской!

Что же касается конца Вашего письма, то Вы меня знаете, пока я жив и Богу угодно будет, чтобы я оставался на моем тяжелом посту, на который Он сам меня поставил, не допущу я этой лжи на святой Руси, в этом будьте уверены; я слишком глубоко убежден в безобразии представительного выборного начала, чтобы когда-либо допустить его в России в том виде, как оно существует в Европе. Пусть меня ругают, может быть, и после моей смерти будут еще ругать, но, может быть, и наступит тот день, наконец, когда и добром помянут.

Благодарю еще раз за письмо, пишите, когда желаете и найдете это нужным и с той же откровенностью, как всегда писали ко мне, Вы знаете, что Ваши письма я читаю с удовольствием и часто много пользы они мне приносили и приносят.

Простите!

Ваш от души
Александр¹

15 декабря. Четверг. Охота у Юсупова около станции Саблино на лосей. По возвращении домой узнаю, что министр путей сообщения Кривошеин уволен от должности². По слухам, дело было так: государственный контролер Филиппов представил Государю доклад о произведенном по его распоряжению следствии относительно злоупотреблений, допущенных Кривошеиным при поставке из своего собственного имени шпал на Либаво-Роменскую дорогу. Следствие, как слышно, было подкреплено данными, добытыми чрез прокурорский надзор и представленными министром юстиции Муравьевым. Был вызван в Царское Село Бунге, в качестве председателя Комитета министров долженствовавший сообщить о рассматривавшемся там отчете государственного контролера. Результатом общего всех сих лиц обсуждения было поручение от Государя Бунге приказать Ренненкампу (управляющему Собственной его

¹ Данное письмо Александра III Победоносцеву от 12 марта 1889 г. не публиковалось. Ср.: Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. П. 1.

² Здесь и далее Половцов описал события отставки министра путей сообщения А. К. Кривошеина. Министр провел в собственных интересах ряд сделок по возглавлявшемуся им ведомству. Материалы, свидетельствовавшие о коррумпированности Кривошеина, были доложены Николаю II государственным контролером Филипповым. В результате глава Министерства путей сообщения лишился поста.

императорского величества канцелярией) объявить Кривошеину, чтобы он подал в отставку. Что и было исполнено.

Кривошеин в этот самый день производил освящение вновь отстроенной им в доме министра церкви и давал присутствовавшим (до 60 человек) лицам обильный завтрак, после коего и получил сам угощение.

16 декабря. Пятница. В клубе И. Н. Дурново усердно защищает Кривошеина, утверждает, что все, взведенное на него, клевета. Я советую ему не вмешиваться в дело, обстоятельства коего ему недостаточно известны, тем более, что, каковы бы ни были его уверения, все останутся убежденными, что ему обязаны назначением Кривошеина. Дурново возражает, что Кривошеин был назначен исключительно по представлению Витте вследствие настояний Мещерского.

19 декабря. Понедельник. Никакого заседания Государственного совета. Министры остановились [с] какими бы то ни было представлениями. Очевидно, выжидают, чтобы выяснилось, какое дуновение свыше. Своего, самостоятельного, твердого ни у кого нет.

После завтрака у великого князя Владимира Александровича еду в свое рисовальное училище, чтобы распорядиться перенесением части вещей из старого музея в три окончательно отделанные комнаты нового, а тем самым очистить место для выставки печатного дела, устраиваемой Техническим обществом.

20 декабря. Вторник. Заходит из комитета Победоносцев. Рассказывает, что был в Царском Селе, ездил к Государю докладывать церковные дела, а при этом говорил о необходимости приблизить к императрице двух-трех женщин, могущих знакомить ее с Россией. Рекомендовал Е. А. Нарышкину (рожденную Куракину) и Д. Ф. Тютчеву. Государю на жалобы его, что его заваливают бумагами, говорил, что он должен бы отклонить от себя многое пустое, тем более что на его утверждение часто представляются решения только с тем, чтобы избежать ответственности. Повторял уже сказанное о Совете министров и о возможности созывать советников, хотя бы и в менее, чем советским учреждением предусмотрено, числе. Жаловался Государю на Гирса, который присылает ему множество бумаг, то есть все получаемые депеши и телеграммы. Жаловался, что не может назначить посла в Берлин, не повидавшись с Гирсом, а тот лежит недвижим в своей министерской квартире. Победоносцев упрашивал Государя ни под каким предлогом не пускать к себе Мещерского; это, впрочем, казалось отвечающим взглядам юного Государя.

21 декабря. Среда. Еду с визитом ко вновь прибывшему австрийскому послу князю Лихтенштейну. Производит на меня впечатление во всех отношениях милого, любезного и цивилизованного человека.

22 декабря. Четверг. Приходит ко мне в 10 часов управляющий Невской бумагопрядильной мануфактурой Гамершмит и сообщает, что накануне вечером, в 7 часов, когда рабочие стали расходиться, в четвертом этаже прядильщик одной мюль-машины¹ зажег пачку хлопка и всунул ее в цилиндр машины, наполняющийся бумажной пылью. Огонь вспыхнул мгновенно. По счастью, в другом конце залы еще оставался незамеченный поджигателем 15-летний мальчик, который видел происходившее и стал кричать: «Пожар!» Преступник бросился на него и стал его душить, но в ту минуту, как он одной рукой стал доставать деньги из кармана, чтобы подкупить обвинителя, последнему удалось убежать и спастись в толпе сходящих по лестнице рабочих.

Это объясняет происшедшие на фабрике в последние три месяца три пожара.

Под всем этим, несомненно, кроется влияние прогнанного мной бывшего управителя фабрики англичанина Бека, который был отъявленный вор, накрал большое состояние и, быв мной уволен, выстроил фабрику для конкурирования с нашей.

Момент был выбран им весьма хорошо: его фабрика готова и нуждается в рабочих и в покупателях, обещанные мной ему в виде награды 100 тысяч рублей на днях им получены, к тому же мы устраиваем на всей фабрике водяные, проходящие по потолкам трубы с легко расплавляющимися при повышении в комнатах температуры [?] в них пробками. Но это устройство, уже затушившее у нас на других фабриках пожары в момент их возникновения, будет окончено лишь в начале будущего года.

27 декабря. Вторник. Подвергнувшись припадку подагры, сижу дома. Заходит великий князь Владимир Александрович, более 25 лет верный в дружественном своем расположении. По-видимому, очень равнодушен ко всему окружающему и как будто чувствует, что его от серьезного дела отодвигают. Разговариваем о записках Муравьева-Карского, помещенных в последнем номере «Русского архива»². Какая иллюстрация николаевского царствования, какое царствование лжи, подличания, обмана, самообольщения! Великий князь говорит, что посоветовал молодому

¹ Мюль-машина – прядильная машина.

² Речь идет об издании записок государственного и военного деятеля эпохи Николая I Н. Н. Муравьева-Карского за 1835 год. См.: *Муравьев-Карский Н. Н.* // Русский архив. 1894. № 11. С. 343–432.

Государю прочитать эти записки. Я невольно перехожу к тому, как исторически необходимы были первые годы царствования Александра II и как преступны те, кои убедили покойного Государя, что реформы отца его были для России опасны и вредны.

Вслед за великим князем входит Витте, и разговор с ним столь любопытен, что постараюсь записать его дословно:

Витте: «Я пришел к Вам с великой просьбой, надеюсь, что Вы исполните ее, если Ваше убеждение согласно будет с моим. Вот в чем дело: для министра финансов весьма важно иметь министра путей сообщения, с которым он мог бы вести дело в согласии. В настоящую минуту идет речь о четырех кандидатах на место министра путей сообщения: 1) Куломзин, который оседлал Бунге; это тупой чиновник, с которым дело вести будет невозможно; 2) Князь Хилков – это недурной, но посредственный человек, который мог бы быть директором департамента, но никак не больше; 3) *Казн* – человек даровитый, но способный только на отдельный эпизодический труд, а никак не на продолжительное управление какой-либо частью, человек блестящий, но несолидный; наконец, четвертый – *Ивашинцев*, который по избранию Сольского имел в руках контрольное дело железных дорог, человек степенный, трудящийся, несколько медлительный в труде, но снискавший себе уважение в Совете, где он в течение двух лет присутствует в качестве моего товарища. Это был настоящий человек. Завтра, в среду, вероятно, решится у Государя этот вопрос, и я думаю, что слово великого князя Михаила Николаевича могло бы иметь решающее влияние. Зная, в какой степени Ваши мнения уважаются великим князем Михаилом Николаевичем, я прошу Вас, если Вы разделяете мое мнение, убедить его замолвить слово за Ивашинцева¹».

Я: «Я разделяю Ваше мнение о том, что из всех четырех кандидатов Ивашинцев был бы наилучшим. Но Вы видите, что я недвижим вследствие подагры, а к тому же и мое мнение не имеет пред великим князем значения, и сам великий князь никогда не решится заговорить о том, а Государь его не спросит».

Витте: «Тогда, по всей вероятности, будет назначен Куломзин, а с ним невозможно будет вести дело».

Я: «Я не знаю, какое Вы принимали участие в увольнении Кривошеина, а потому и не могу сказать, в какой степени у Государя должна быть мысль о том, что не из Вашего кармана следует брать ему преемника».

Витте: «По счастью, я был совсем в стороне от этого дела. Я имел доклад в пятницу и ничего не говорил о Кривошеине. В субботу

¹Так в тексте.

государственный контролер Филиппов представил Государю собранные им о Кривошеине данные, в следующую среду был вызван Бунге, по совету коего и последовало увольнение Кривошеина. Мое участие заключалось в том, что Филиппов в заседании Комитета министров подошел ко мне и сказал, что намерен представить комитету собранные им данные. Я ему советовал представить все Государю и при этом внушить мысль, чтобы бумаги были переданы на рассмотрение не кого-либо из министров, а кого-либо независимого, указав при этом на Бунге. В следующий доклад Государь спросил меня, почему я ему не говорил о Кривошеине. Я отвечал, что сделал бы это чрез несколько времени, но не на самых первых порах. При этом упомянул, что об увольнении Кривошеина у меня была речь с «Вашим батюшкой», который сказал, что увольнение это последует тотчас по возвращении его осенью в Петербург. Государь спросил свою мать, которая подтвердила, что слышала это от покойного мужа».

Я продолжаю настаивать на своей подагре и выражаю сожаление, что не попаду в четверг на заседание, в коем он, Витте, будет представлять положение наших финансов. Вспоминаю, как велика перемена сравнительно с тем, что было в начале моего служения государственным секретарем, когда я устраивал совещания об уничтожении сверхсметных кредитов.

Витте: «Об этом вы услышите послезавтра воспоминание».

Я: «Как сводится в нынешнем году исполнение бюджета?»

Витте: «64 миллиона превышения доходов».

Я: «Надо бы сложить некоторые налоги».

Витте: «Я представляю о сложении половины страхового налога, об освобождении прямых наследников от платежа налогов с наследств, когда наследства заключаются в землях, а также о взыскании крепостных пошлин при переходе недвижимых имуществ с цены имуществ за вычетом долгов».

Я пробую уговорить его сделать по этому предмету общее представление, но эта мысль ему не нравится.

В заключение Витте мне говорит, что вследствие ходатайства нескольких губерний предполагается начать покупку хлеба казной, что принесет 7 или 8 миллионов убытка. Я энергически говорю против, но вижу очень хорошо, что с его стороны это лишь маневр в надежде привлечь на свою сторону известные группы, почитаемые им влиятельными.

Стараюсь доказать ему, что экономическое положение изменится лишь тогда, когда создастся действительная, а не фиктивная поземельная собственность, но он отвечает, что это уж не его дело и что если бы

он это затронул, то его стали бы еще больше бранить за вмешательство в чужие дела.

29 декабря. Четверг. Почувствовав облегчение от припадка подагры, еду в заседание общего собрания Государственного совета. Витте читает длинный доклад о финансовых результатах, но не последнего года, как это установлено, а целого царствования императора Александра III. Он хочет установить полную свою солидарность с покойным Государем, которого изображает не только твердым в своих привычках бережливости, но еще прозорливым гением в деле развития экономической народной жизни. Выставляя блестящие цифры кассовой наличности, Витте останавливается на одной темной стороне настоящего положения – дешевизне цен на хлеб. После него государственный контролер Филиппов бормочет несколько комплиментов министру финансов и его деятельности. Затем Сольский, повторив эти комплименты в грамотной форме, объявляет, что для поднятия цен есть средство – закупка хлеба средствами казны, что по сему предмету уже высочайше утверждено предположение об образовании совещания под председательством его, Сольского (это главное), из министров финансов, земледелия, контролера, внутренних дел.

Бунге отвечает министру финансов, что, хотя доходы и увеличились, но не по статье прямых налогов, что, напротив, на крестьянах числится огромная недоимка, из которой последним манифестом сложено 40 миллионов, что экономическое благосостояние поднимется только тогда, когда громадная крестьянская масса получит управление и общественную организацию, основанные на возможности осуществления гражданских прав, подобно тому, как это происходит в государствах Западной Европы.

После заседания я тщетно стараюсь убедить Сольского в опасности такого мероприятия, как покупка хлеба правительством. Его, очевидно, соблазняет перспектива популярности ввиду ходатайства по сему предмету дворянских собраний.

Приезжает обедать с нами Протасов-Бахметев, рассказывает любопытные подробности о всякого рода домогательствах различных членов императорской фамилии по его, Протасова, управлению.

Например: великий князь Михаил Николаевич пишет Протасову рескрипт (sic.) о том, чтобы во вновь устроенном институте (имени Ксении)¹ отделить навсегда две вакансии в пользу дочерей артиллеристов.

¹ Вопрос о создании женского института в честь дочери Александра III Ксении обсуждался еще при жизни императора, но открыт он был при Николае II, 25 марта 1895 г., в Николаевском дворце (дворце великого князя Николая Николаевича Старшего). Об истории создания института см.: Витте. Т. I. Кн. 2. С. 420.

Ксения Александровна, не имеющая никакого отношения к институту, потому только, что институт окрещен ее именем и создан Витте, надеявшимся этим путем втереться к императрице Марии Федоровне, доселе не согласившейся его видеть; Ксения пишет Протасову, что требует назначения в институт таких-то должностных лиц, будто бы ей лично известных, в действительности же подобранных жадной стаей Михайловичей¹.

На всякие семейные и несемейные ходатайства императрица не решается давать категорические отказы, хотя и сознает их нелепость, а Протасов отделяется фразами, поклонами, любезностями.

Относительно отношений, связующих Дурново с Кривошеиным, Протасов выдает за верное, что, быв екатеринославским губернатором, Дурново состоял в связи с барышней Струковой, которую и выдал замуж за своего товарища и друга Кривошеина. За такую услугу он устроил ему блестящую карьеру. Своей же карьерой обязан много тому, что в это же самое время его жена была в связи с Рихтером, который командовал дивизией, в той же местности расположенной.

Приезжает с визитом Червин, который очень сбавил тон вследствие того, что молодой Государь не взял его с собой в Царское Село и вообще далек от той с ним интимности, которая существовала при Александре III. Червин и умный, и благородный человек, но на нем два пятна: первое — что он горький пьяница, и второе — госпожа Федосеева, которой муж состоит при нем правителем канцелярии, дворецким, чем хотите, получает значительные суммы на охрану и, вместо чем раздавать их полицейским агентам, нанимает роскошную квартиру, задает пиры, путешествует за границей и т. д. Разумеется, при этом не обходится без взяток в разнообразных формах.

Забыл записать еще характерный рассказ Протасова. В первый день прибытия тела покойного Государя в крепость Протасов дежурил вместе с Витте, который стоял у тела и говорил Протасову: «Для других это был Государь; для меня это был брат, старший брат, полный любви ко мне. После докладов я с полчаса разговаривал с ним о всевозможных предметах, рассказывал ему всю свою жизнь с раннего детства, как я сам ездил машинистом на локомотив. Все это его забавляло и ему нравилось».

Должно быть, в самом деле, величайшее (в этом случае высочайшее) истинно божеское наслаждение — творить из пыли, из грязи делать человека, да еще под влиянием самолюбивого воображения, пожалуй, государственного человека!..

¹ Имеются в виду сыновья великого князя Михаила Николаевича: Николай, Георгий и Александр Михайловичи.

1895

ЯНВАРЬ

Обычного поздравительного при дворе выхода не было, и за отсутствием словесных сплетен общественному любопытству пришлось удовольствоваться чтением «Правительственного вестника»¹, возвестившего, что военный министр Ванновский и член Государственного совета Грот получили андреевские ленты, а председатель Комитета министров Бунге и члены Совета Каханов и Перетц – ленты владимирские.

Особенное внимание публики обратил на себя рескрипт², обращенный к Бунге, написанный в крайне лестных выражениях. Накануне нового года Бунге долго сидел у меня и мы рассуждали о натянутости и искусственности финансового положения, не имеющего под собой твердой экономической подкладки. Он сказал мне, что Государь не спрашивал его о том, кого назначить преемником Кривошеину.

В этот несносный суетливый день нового года я по заведенному порядку с раннего утра объезжаю швейцарские всех дворцов, расписываясь в великокняжеских списках посетителей.

2 января. Понедельник. Завтракаю у великого князя Владимира Александровича. Разговариваем о том, что Ванновскому, кроме ленты, подарено 200 тысяч рублей. Я наперекор высказываемым другими мнениям утверждаю, что такой подарок совершенно естественен, что прежде жаловались поместья и души, а теперь могут жаловаться рубли.

¹ 1 января в «Правительственном вестнике» обычно публиковалась информация о назначениях и наградах.

² 1 января 1895 г. в «Правительственном вестнике» был опубликован высочайший рескрипт на имя председателя Комитета министров, в котором сообщалось о награждении Н. Х. Бунге орденом святого равноапостольного князя Владимира I степени. В частности, в рескрипте говорилось о том, что с момента назначения на пост председателя Комитета министров Бунге не переставал «оказывать важные государственные услуги»; подчеркивались его «строгая правдивость» и «умение сообщать суждениям правильное, вызываемое существом дела, направление»; этими же достоинствами отличались «многосложные занятия» Бунге по особым поручениям и научные труды (Правительственный вестник. 1895. 1 января).

Заехавший ко мне Лобанов уверяет, что назначение Хилкова министром путей сообщения можно считать делом оконченным. Хилков получил будто бы сегодня записку от вдовствующей императрицы со словами «bon espoir¹». Совершенно сокровенно для всех у юного Государя пользуется особым доверием князь Ухтомский, сопровождавший его во время путешествия и предназначенный к Государю в личные секретари.

3 января. Вторник. В 10 часов приходит ко мне Витте, повторяя свою просьбу относительно способствования назначению министром путей сообщения Иващенко. При этом рассказывает, что Государь почти совсем решился назначить министром путей сообщения Кази, но что он, Витте, успел переубедить Государя. При этом передает разговор свой с Государем приблизительно так. Витте: «Мы не в американской республике. У нас невозможно назначать людей, вовсе не проходивших государственную службу». Заметив, что Государь с изумлением на него смотрит, Витте: «Ваше Величество, быть может, полагаете, что я в этом отношении представляю исключение, но я кончил курс в университете, где и читал лекции математики, потом я служил на Одесской железной дороге, затем на Юго-Западной железной дороге. Никто не мог сказать, что я не знаю железнодорожного дела, когда августейший Ваш родитель назначил меня директором железнодорожного департамента. Из директоров департамента я назначен министром путей сообщения, а затем и министром финансов – так что я прошел административную карьеру; тогда как Кази – отставной лейтенант, нигде не окончивший курса. Это человек весьма даровитый, но не способный к продолжительному, усидчивому, последовательному труду. Притом человек, склонный к интриге и в случае назначения на министерский пост готовый начать войну с Морским министерством, где он был дважды уволен от мест, раз – от обязанностей помощника управителя Черноморским обществом пароходства и торговли, а другой раз – от управления Балтийским заводом. Если Вы признаете правильными его мысли о задачах нашего флота, то назначайте его прямо управляющим Морским министерством. Наконец, что скажут о подобном назначении члены Государственного совета?»
Государь: «А мне что до них за дело?»

Витте: «Да ведь, Государь, это союзники Вашего отца и деда. Вы не можете не дорожить их мнением».

¹ «Шансы велики» (фр.).

Чтобы скинуть с себя всякую тень подозрения в пособничестве Кази, Витте прямо от Государя поехал к управляющему Морским министерством Чихачеву и передал ему дословно свой разговор.

Приезжает ко мне Сольский. Тщетно стараюсь убедить его в нелепости предположения делать правительственные закупки хлеба для поднятия цен.

Сольский, совершенно разлагающийся физически и нравственно человек, наслаждается полученной им андреевской лентой и вообще созданным ему обстоятельствами положением, которое утилизирует не для пользы общественной, а для удовлетворения своего самолюбия.

После Сольского – Кази. Под предлогом благодарить за уступленное Техническому обществу в стенах Рисовального училища помещение Кази произносит предо мной длинную речь, обличая теперешнее Морское министерство в фальшивости взглядов, непонимании наших морских интересов. По мнению Кази, ни Балтийский, ни Черноморский флоты ни к чему иному, как к защите берегов служить не должны, не имея возможности свободно выходить в море. Россия должна сосредоточить весь свой флот на мурманском берегу, что на расстоянии 800 верст морского побережья океан не замерзает и откуда в случае войны можно в течение грех дней достигнуть берегов Англии, покуда ее флоты будут рассеяны в отдаленных морях. Мысли эти две развивает с большим талантом, горячностью, остроумием, но и человеку, столь мало, как мне, знакомому с подобными вопросами ясно, что на подобные теории можно бы шремно возразить.

4 января. Среда. Вечером уезжаю с князем Лихтенштейном, Юсуповым, Балашевым в Рапти на волчью охоту. Возвращаемся в четверг вечером.

6 января. Пятница. Приезжает ко мне Лихтенштейн, весьма встревоженный полученным им из Вены известием о том, что Лобанов переводится послом в Берлин¹. Лобанов весьма недоволен этим как

¹Это известие было далеко не безосновательным: в 20-х числах декабря 1894 г. Николай II и министр иностранных дел Н. К. Гирс обменялись посланиями по поводу кандидатуры посла в Берлин (личная встреча по этому вопросу не могла состояться, т.к. министр был серьезно болен и не поднимался с постели вплоть до кончины 14 января 1895 г.). Гирс в своих письмах и записках (от 22, 27 и 31 декабря) настаивал на назначении на этот пост А. Б. Лобанова-Ростовского. В самом начале января Николай II согласился с министром: «В эти последние дни и много думал и часто говорил с моей матерью о выборе преемника графу Шувалову на ответственный и трудный пост нашего представителя при германском

по отношению к своему¹ правительству, с коим поступают так бесцеремонно, ослабляя те хорошие отношения, кои между нами установились в последнее время, так и по отношению к нему, Лобанову, лично.

Он первый по положению своему в Австрии человек, а pendant² к нему угрожают посылкой Нелидова с невероятной супругой³.

Как оказывается из собранных мной путем разговоров с различными людьми сведений, такое назначение (à la turca⁴) есть плод соединившихся в одно интриг. Прежде всего, Гирс желает устранить всякого могущего сделаться министром иностранных дел. Несмотря на то, что Гирс лежит недвижим и даже при свидании, не продолжающемся более 5 минут и случающемся раз в месяц, шепчет слова на ухо своему сыну, громко повторяющему слова эти собеседнику отца; несмотря на то, что он не видит более

дворе. Теперь я окончательно решаюсь назначить на это место князя Лобанова-Ростовского, потому что и Ваше мнение о нем для меня весьма ценно!» (ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Лл. 79–79 об.). Несмотря на то, что Лобанов не получил еще официальных документов о новом назначении, в первых числах января известие о его предстоящем должностном перемещении стало распространяться. Так, В. Н. Ламздорф 6 января записал в дневнике: «Назначение князя Лобанова подписано и стало фактом». На следующий день Ламздорф упомянул в дневнике о том, что князь Франц фон Лихтенштейн высказал товарищу министра иностранных дел Н. П. Шишкину «свое неприятное изумление тем фактом, что его даже не предупредили об отставке Лобанова» (См.: Ламздорф. С. 112, 113).

¹ Имеется в виду венское правительство.

² Тем временем (*фр.*).

³ Речь идет о рассматривавшейся тогда возможности назначения А. И. Нелидова послом в Австрию на место А. Б. Лобанова. Узнав об этом, Ф. Лихтенштейн в упомянутом выше разговоре с Шишкиным высказал мнение, что «если к графу Кальноки назначат Нелидова, тот упадет в обморок; совершенно невозможно, чтобы госпожа Нелидова, „после того как она спала со всеми своими лакеями“, оказалась принятой при австрийском дворе». Гирс, по мнению Ламздорфа, был «не слишком удивлен отношением к Нелидову». Он «ожидая примерно того же, только выраженного в более вежливой форме». Лобанов-Ростовский также был против этой кандидатуры (еще из Вены он направил в Петербург телеграмму, в которой со ссылкой на просьбу Г. Кальноки предложил П. А. Капниста). Между тем император имел о Нелидове другое мнение. По сообщению Ламздорфа, в первых числах января Н. К. Гирс получил письмо от Николая II с просьбой «высказать с полной откровенностью свое мнение по поводу кандидатуры господина Нелидова (посла в Константинополь) на пост посла в Вене». Гирс счел нужным ответить, что Нелидов «в самом деле очень хорошо подходит для занятия посла в Вене, поскольку хорошо знает балканские страны» но, по его мнению, «желательно и благоразумно» было бы «предварительно прощупать отношение австро-венгерского двора к такому назначению» (Ламздорф. С. 113, 114, 117, 112). В итоге 9 апреля 1895 г. на этот пост был назначен П. А. Капнист.

⁴ По-турецки (*фр.*).

Государя, Гирс упорствует в обладании министерской постели и очень рад, что Лобанову дается новое назначение, могущее отвлечь его от Петербурга. По всей вероятности, он внушил эту мысль вдовствующей императрице, которая ухватилась за нее с удовольствием, видя в этом средство отказать императору Вильгельму в назначении кандидатов, имена коих им были заявлены. Эта узкая женщина видит тут лишь средство сделать неприятность немцу, не думая об общем ходе дел.

14 января. Суббота. В 7 час вечера умер Гирс. Человек он был незлой, но крайне во всех отношениях посредственный, податливый, низкопоклонный, трусливый и благодаря этим качествам достигший высокого положения. И покровитель его, дядя его жены князь Горчаков, и императоры Александр II и Александр III тяготились самостоятельными личностями.

По слову Грибоедова, они любили бессловесных, которые, благодаря такому вкусу, достигали степеней известных¹. Глядя на Гирса, и невольно вспоминал слова остроумного Француза Дудана, который в одном из своих писем говорит, что, по его мнению, нельзя допустить, чтоб заяц, травимый борзыми собаками, мог во время травли предаваться глубоким размышлениям. Самая внешняя фигура Гирса напоминала зайца в этом положении. Вся заслуга его заключается в том, что не натравлял и не подзадоривал покойного Государя, что легко мог сделать негодяй. В дипломатии его успехи, обеспечившие России сравнительно продолжительный период мира, имели исключительно основанием то, что русский император, владея над 120 миллионами людей, 3 миллионами штыков и 3 миллиардами золота, а также и то, что Гирс, не умевший ни предвидеть, ни направлять события, почитал наилучшим преклоняться пред всяким событием. Конечно, такая политика должна была окончиться крупным несчастьем, но в течение тринадцати лет, пред затрудненными домашними делами, государствами западной Европы можно было со дня на день отделяться такой в некотором роде нигилистической программой.

Говорят, что Гирс пред смертью написал Государю письмо, заверяя, что единственно возможный ему преемник – князь Лобанов.

15 января. Воскресение. При дворе в самых скромных размерах празднуется рождение германского императора.

¹ Здесь идет отсылка к словам Чацкого «А, впрочем, он дойдет до степеней известных, // Ведь нынче любят бессловесных» из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова (действие I, явление 7).

Приглашавшиеся в этот день к завтраку супруги Воронцовы; Рихтер, Черевин оставлены без приглашения. С высочайшими особами завтракает один Вердер, который настаивает на том, что взятие из Берлина только что назначенного туда Лобанова немыслимо и было бы обидно для германского императора.

Вследствие или не вследствие такого заявления начинаются разговоры о вероятности назначения министром иностранных дел нашего посла в Лондоне Сталя.

16 января. Понедельник. После обычного понедельничного завтрака у великого князя Владимира Александровича едем вместе в Совет. Я доказываю ему необходимость назначения Лобанова, человека по долголетней опытности и прямоте характера могущего быть полезным молодому Государю, нуждающемуся в советнике, как это доказывают события последних двух недель. Блестящая сторона полученного нынешним Государем наследства заключалась в удовлетворительности наших отношений к иностранным державам. В последние дни произошло следующее.

Австрийский император был уколот тем, что, не предварив его ни единым словом, послали Лобанову приказание перебираться в Берлин. Германский император обиделся сначала назначением Муравьева, потом отказом в назначении предложенных им кандидатов: Рихтера, Сакена, Палена; наконец, тем, что у него отнимают Лобанова. В Париже теперь президент министерства Рибо, заявивший довольно прозрачно в палате, что наш доселе там посол Моренгейм взял взятку в Панаме; и вот, как мы улучшили наши дипломатические отношения к трем главным нашим союзникам. Не следует ли подумать о выборе представителей к этим трем союзникам, а в особенности о назначении министра иностранных дел, который бы предупредил на будущее время повторение подобных неловкостей? Великий князь говорит мне, что накануне в воскресенье вечером он имел случай спросить Государя, кого он намерен назначить министром. *Государь* отвечал, что, конечно, ближайший кандидат на это место Лобанов, но что затруднение в том, что он только что назначен послом в Берлин. Великий князь настаивал на Лобанове, обращая внимание Государя на то, что министром иностранных дел в России должен быть по возможности человек с русским именем, что притом Министерство иностранных дел за последнее время до того распущено и в беспорядке, что необходим человек, который имел бы достаточно энергии, не говоря об опытности, чтобы привести людей и дела в желательный порядок. С этим согласился и Государь.

18 января. Среда. Вынос тела Гирса из квартиры министра иностранных дел. При выходе германский посол Вердер подходит ко мне и спрашивает меня, что я думаю о назначении Лобанова в Берлин. Я отвечаю, что имею много об этом сказать и если он, Вердер, хочет, то приеду к нему с этой целью, когда он захочет. Уговариваемся свидеться в тот же день в 6 часов.

Приехав к нему, говорю ему о назначении Лобанова то, что уже записал в этом дневнике, а, окончив оценку этого события, продолжаю так: «Но дело не в том, как Лобанов был назначен в Берлин, дело в том, что Вы напрасно препятствуете назначению его здесь в министры иностранных дел». Вердер делает изумленное лицо. Я: «Ведь я знаю Ваш разговор за завтраком в воскресенье у Государя». *Вердер:* «Государь мне говорил о качествах и достоинствах Лобанова и о том, что с удовольствием слышит, как это назначение приятно императору Вильгельму». Я: «Не будем вдаваться в подробности. Допустим, что я заблуждаюсь, но допустите на одну минуту, что нашему Государю желательно бы было назначить Лобанова министром иностранных дел; что, например, назначение это улыбалось бы ему не только вследствие личных качеств Лобанова, но и потому, что он носит громкое русское имя, потому что он имеет за собой продолжительную административную опытность и привел бы в порядок распущенное и расшатанное министерство. Что Вы скажете, если к осуществлению такого предположения единственным препятствием является опасение сделать что-либо неприятное императору Вильгельму?»

Вы сами желаете, чтобы наши Государи продолжали хранить дружественные отношения. Не было ли в этих видах совершенно уместно со стороны императора Вильгельма высказать свою готовность на то, чтобы император Николай в выборе своего министра иностранных дел не стеснялся тем, что Лобанов числится послом в Берлине. Наконец, позвольте мне прибавить еще одно соображение: от Лобанова я не имею никаких известий о впечатлении, этим новым назначением произведенном, но взойдите в положение человека, который в его годы находится в необходимости переезжать на новое место, обзаводиться и домашней обстановкой, и знакомыми, и связями всякого рода; да, к тому еще вступать в наследство такого преемника, как Шувалов, которого при отъезде император Вильгельм со свитой провожал на станции железной дороги».

Вердер призадумался и после краткого молчания сказал: «Да, Вы совершенно правы; я совершенно разделяю Ваш образ мыслей».

Я: «В таком случае пишите сообразно с этим императору Вильгельму».

22 января. Воскресенье. Лобанов представляется в 1 час императору, а затем и вдовствующей императрице. Принят обоими весьма любезно, о его посольстве в Берлин ни слова.

Обедаем у Юсуповых. Дворец громадный, драгоценных вещей много, но есть также и дряни порядочно, которую следовало бы устранить.

23 января. Понедельник. Обычный завтрак у Владимира Александровича. За завтраком Мария Павловна жалуется на то, что в Царском Селе вблизи от Александровского дворца начинается сооружение больших казарм для охраны¹, а также пред самым дворцом железнодорожной станции²; что таким образом прогулки в этих частях парка много потеряют своей прелести.

В 2 ½ часа еду в Аничков дворец в вице-мундире и ленте к молодому императору, чтобы узнать его предположения об Историческом обществе. Меня вводят в комнату дежурного флигель-адъютанта (в этот день – великого князя Георгия Михайловича) и, заставив прождать 20 минут, проводят в комнату весьма тесных размеров, где юный повелитель, стоя у окна, имеет со мной приблизительно следующий разговор. Я: «Я позволил себе просить у Вашего Величества приема, чтобы узнать Вашу волю относительно председательствования в Историческом обществе». *Государь*: «Я буду сам председательствовать». Я (отвешивая поклон): «Позвольте благодарить Ваше Величество». Молчание. Он смотрит мне в глаза, я делаю то же самое и не начинаю никакого разговора, не желая подать ему повода думать, что я под предлогом Исторического общества хочу иметь с ним какой-нибудь разговор. *Государь*: «У нас в прошлом году не было собрания. Можно будет сделать собрание».

¹ В связи с тем, что Николай II стал проводить в Царском Селе длительное время, возникла необходимость размещения там на постоянной основе его личной охраны. В парке Александровского дворца были выстроены деревянные казармы барачного типа. 28 сентября 1895 г. в присутствии Николая II и великого князя Владимира Александровича совершилось освящение построек. В начале XX в. казармы были перестроены и стали частью так называемого Федоровского городка.

² В 1895 г. для приема императорских поездов в Царском Селе была построена станция «Царский павильон», от которой до резиденции Николая II (Александровский дворец) было всего около километра. Здесь находились собственно сам вокзал и платформа, а также две казармы железнодорожного батальона со вспомогательными службами. На рубеже XIX–XX вв. из Петербурга в Царское село была проложена специальная Императорская ветка Царскосельской железной дороги. Движение по этой линии открылось в 1902 г. По ней в Царское Село прибывали члены императорской фамилии и представители иностранных держав.

Я: «Мне кажется, Государь, что можно бы сделать собрание, посвященное исключительно памяти покойного Государя». *Государь:* «Да. Очень хорошо». *Я:* «В таком случае позвольте мне переговорить с некоторыми из наших сочленов с тем, чтобы они приготовили подобающие речи». *Государь:* «Это можно будет сделать на следующей неделе, в той же библиотеке, как и прежде». *Я:* «Если позволите, то, переговорив с теми, кто приготовит речи, я напишу Вашему Величеству». *Государь:* «Я тогда назначу день для собрания, хотя, надо сказать, я очень завален бумагами, которые мне присылают в таких огромных размерах». *Я:* «Быть может, эти размеры можно бы уменьшить». *Государь:* «Да, со временем это надо будет сделать». *Я:* «Часто бумага присылается лицом, желающим снять с себя всякую ответственность, покрывшись высочайшим повелением». Снова молчание.

...С моей стороны поклон, рукопожатие и исчезновение.

В течение 28 лет я никогда не был столь нелюбезно принят покойным Государем. Очевидно, бедный юноша пришел от матери своей зараженный нерасположением ее ко мне за отказ в деньгах возлюбленному ее Шереметеву, имя которого до сих пор она не может слышать без слез.

25 января. Среда. Получается известие о смерти в Ницце А. А. Абазы.

Его личность выдается среди его современников и потому заслуживает очерка. Сын достаточного помещика, занимавшегося откупам, что было в то время особенно прибыльно, Абаза по окончании университетского курса поступил к лейб-гусарский полк, откуда по собственному желанию был командирован на Кавказ, где был ранен. Впоследствии он вышел в отставку, занимался сельским хозяйством и, сделавшись известным великой княгине Елене Павловне, в особенности потому, что имел случай представить ей свои соображения о необходимости освобождения крестьян и о средствах совершить это освобождение, Абаза поступил в гофмейстеры великой княгини. Двор этой замечательной женщины изображал из себя один из влиятельнейших в то время умственных центров, в котором Абаза стал играть видную роль. По смерти Татаринова Абаза был назначен государственным контролером, а по смерти Чевкина — председателем Департамента экономии в Государственном совете. На этом посту при установившемся полном согласии между ним, министром финансов Рейтерном и государственным контролером Грейгом Абаза имел значительное влияние на ход финансового управления.

При наступившей вслед за войной запутанности финансового положения Грейг высказал скоро свою умственную недостаточность и был

заменен Абазой, который продолжал до своего увольнения вместе с Милютиным и Лорис-Меликовым иметь первенствующее влияние на ход не только финансовых, но и вообще государственных дел. И Александр III, в прежнее время к нему расположенный, возненавидел его за эту отставку, видя в ней, по объяснению Победоносцева, озлобление вследствие неудавшейся попытки ограничить самодержавие.

После назначения меня в 1883 году государственным секретарем Абаза, продолжавший числится членом Государственного совета, возвратился из-за границы и по моему настоянию согласился заседать в Департаменте экономии под председательством графа Эдуарда Трофимовича. Талантливость и опытность Абазы скоро выдвинули его при обсуждении Советом экономических и финансовых дел, так что после смерти достойнейшего по нравственным качествам Баранова, Абаза был назначен на его место председателем. Здесь роль его еще более расширилась, он стал принимать горячее участие во всех серьезных прениях, получил преобладающее влияние в направлении дел и, представляя либеральные взгляды царствования Александра II, сделался предметом ненависти шайки людей, кои под предводительством сначала Каткова, а потом Мещерского неприлично поносили память покойного Государя, проповедуя его сыну безграничный деспотизм, долженствовавший служить орудием для их презренных целей.

Абаза пал жертвой этой войны, пал жертвой в этой войне своих слабостей, во главе коих следует назвать страсть к игре и алчность к деньгам. Как мне на днях сделалось достоверно известным, история его падения была такова: в августе 1890 (а может быть 1891 года)¹ Вышнеградский, будучи министром финансов, приехал к Абазе в киевское его имение Шполу и в виду весьма высоко стоявшего тогда вексельного курса при очень обильном урожае предложил ему, Абазе, представить Государю за обоюдной их подписью всеподданнейший доклад, испрашивая разрешения по их усмотрению продавать и покупать золото, так чтобы постепенно низвести курс до 212 марок за 100 рублей; при этом, облегчая вывоз нашего хлеба за границу, составить большой металлический фонд, который служил бы средством для восстановления металлического денежного обращения, а, пожалуй, в случае надобности, и фондом на случай войны.

Будучи уверен, что курс понизится, Абаза стал играть на понижение, давая биржевые наказы одесскому банкиру Рафаловичу. Банкир этот почел выгодным последовать примеру Абазы, но понижение, вследствие

¹ По словам самого А. А. Абазы, это было в 1890 г. См.: письмо А. А. Абазы Александру III от 14 февраля 1893 г. // ГА РФ. Ф. 677. Д. 663. Л. 1.

маневров Вышнеградского, игравшего за собственный счет, шло медленнее, чем предполагалось, и Рафалович разорился на своих спекуляциях. Чтобы поправить свои дела, Рафалович обратился с просьбой о денежной ссуде к министру финансов. Витте, который был давнишним его с ранней молодости приятелем в Одессе, когда Витте бедствовал, не имея средств к жизни.

Получив такое ходатайство, Витте, вместе с Вышнеградским следивший за действиями Абазы, потребовал от Рафаловича предъявления всех имевшихся у него телеграмм и писем Абазы, которые и были представлены Государю, вследствие чего Абаза и уволен от обязанностей председателя Департамента, не принят Государем, уехал за границу, где на днях и скончался¹.

ФЕВРАЛЬ

1 февраля. Среда. В прошлое воскресенье в 4 ½ часа великий князь Владимир Александрович отправился в Аничков дворец к Государю поговорить о назначении министра иностранных дел. Государем было высказано полное сочувствие к назначению Лобанова, при этом о Нелидове сказано, [что] не может быть и речи, а о Стале, что если его жена не выносит лондонского климата, то и подавно не будет в состоянии выносить климата петербургского, а что посему Сталя следует назначить в Вену.

В понедельник за обедом у Лихтенштейна Вердер сказал, что если он в качестве посла должен молчать, то в качестве частного лица может сказать, что в этот самый день он слышал из вполне достоверного источника², что Лобанов окончательно назначен министром иностранных дел.

Во вторник вечером Лобанов получил от управляющего Министерством иностранных дел Шишкина уведомление, что Государем подписаны кредитивные грамоты³, аккредитующие Лобанова послом в Берлин.

¹ Автор дневника приводит скандальные обстоятельства отставки Абазы с поста председателя Департамента экономии, которые также описаны и в других источниках. Ср.: Витте. Т. I. Кн. I. С. 204–212; Богданович. С. 187. После того, как афера Абазы раскрылась в 1893 г., он написал Александру III письмо, в котором просил прощения за свои действия и всячески пытался оправдаться. См.: письмо А. А. Абазы Александру III от 14 февраля 1893 г. // ГА РФ. Ф. 677. Д. 663. Л. 1–4.

² Здесь зачеркнуто: «Уст императора».

³ Кредитивные грамоты – документы, которыми снабжает правительство вновь назначаемых послов при иностранных дворах для представления их главе государства.

В среду утром к Лобанову пришел Шишкин и рассказал, что при вчерашнем докладе Государь передал ему подписанные грамоты, не прибавив к этой передаче ни единого слова, что вообще при свидании Государь отдает лишь ему, Шишкину, приказания, не впускаясь ни в какие разговоры, что на возвращаемых Государем депешах наших дипломатических агентов не бывает никаких отметок или резолюций, что так как вследствие того приходится испрашивать приказаний, то на докладе о сем бывает такая надпись: «Сообщу ответ после того, как посоветуюсь с матушкой».

В последние дни была представлена длинная депеша Фонтона из Бухареста. На ней Государь отметил все погрешности правописания, коих оказалось 80.

В среду вечером большой обед у Вердера. При входе он мне говорит: «Je suis tout alerte, je ne comprends rien»¹.

2 февраля. Четверг. Вердер заходит ко мне и говорит, что император Вильгельм обратился к великому князю Владимиру Александровичу с просьбой передать Государю, что он охотно уступает Лобанова. Но при этом возвращается к одному из трех выставленных им первоначально кандидатов: Рихтеру, Палену, Остен-Сакену, и желает, чтобы Государь написал ему об этом письмо.

Для меня понятно, какое впечатление должно было произвести подобное сообщение, понятно, почему кредитивные грамоты Лобанову, конечно под давлением Марии Федоровны, были подписаны немедленно.

3 февраля. Четверг. Обычный еженедельный обед в новом клубе. Здесь распространяется слух, что министром иностранных дел назначается Делянов. Негодование и смех беспредельны.

4 февраля. Суббота. В 12 часов Лобанов приглашен на прощальную аудиенцию к Государю. Молодой человек очень сконфужен и разговаривает о последнем политическом обозрении в «Русском вестнике»²,

¹ «Я очень встревожен, ничего не понимаю» (*фр.*).

² В обозрении говорилось о триумфальном в отношении внешней политики завершении царствования Александра III. Николаю II предлагалось продолжать политику отца в качестве некоего «арбитра Европы» и «сберечь результаты, добытые в предшествующее царствование» (с. 382). Положение России на международной арене виделось Татищеву в радужных тонах: «Никто ни в чем Россию не подозревает, никто не злоумышляет против нее; правительства и народы ищут, напротив, заручиться ее расположением и благосклонностью. О дружбе России <...> мечтают» (с. 379). Кроме того, автор комментировал отношения империи

написанном Татищевым, восхищается, что написано в истинно русском смысле, талантливо, говорит о преемнике Лобанову в Вене, называет Александра Долгорукого. За завтраком как император, так и императрица-мать расспрашивают Лобанова о том, где именно он живет у нас, об Историческом обществе, о годовичных собраниях общества и т. п. Чувствуется в мыслях их связь между мной и Лобановым, а, быть может, и назначением его в министры.

МАРТ

10 марта. Пятница. Целый месяц я прохворал инфлуенцией и до сих пор не без труда напрягаю внимание для чтения или писания. Между тем произошли события довольно характерные, сущность коих заключается в следующем.

Вслед за отъездом Лобанова в Вену поехал туда же на похороны эрцгерцога Альбрехта великий князь Владимир Александрович. Накануне отъезда я был у него и он мне передавал, что, прощаясь с Государем, он спросил его: «А что я должен отвечать, если австрийский или германский императоры будут спрашивать меня о том, кто будет назначен министром иностранных дел?» «Я велел написать Сталю в Лондон предложение быть назначенным», — отвечал юный император.

На что я не мог не сказать, что мне очень жаль, что моя дружба с Лобановым была причиной тому, что он не был назначен министром. «Il y a en effet de cela¹», — отвечал мне великий князь. «Разумеется, — продолжал я, — когда мне категорически известно, что Мария Федоровна за завтраком сказала Черевину: “C'est impossible de nommer Lobanoff ministre, ce serait la même chose que de nommer Polovtsoff²”».

В подкрепление посланного Сталю императором предложения Мария Федоровна написала Сталю собственноручно письмо, уговаривая его принять предложенный пост. При таких условиях она считала отказ невозможным, но вышло иначе: Сталь отвечал, что ему 75 лет, что он

с отдельными странами, советуя, как следует вести себя правительству. Так, например, Лондону следовало сообщить, что Россия не выступала за «удаление их из Ост-Индии», но не рекомендовалось «утверждать, что Россия никогда не примет похода туда», поскольку «полезно, чтобы в Англии знали, что если они будут с Россией дружить, то не будет захвата Индии» (с. 384). См.: Русский вестник. 1895. № 2. 20 января 1895 г. С. 379–390.

¹ «Не без этого» (фр.).

² «Невозможно назначить Лобанова министром, поскольку это было бы то же самое, что назначить Половцова» (фр.).

не в состоянии начинать новую деятельность, тем более что ему известно анархическое разорганизованное состояние министерства, требующее энергических мероприятий для приведения его в порядок.

По выслушании доклада о сем Шишкина, Государь отвечал: «Телеграфируйте Лобанову, что я назначаю его министром». Лобанов получил эту депешу в Вене, во время пребывания там императора Вильгельма, и, разумеется, скрыл ее. Вильгельм, уехав из Вены, получил на дороге из Петербурга уведомление своего посла Вердера о назначении Лобанова, рассердился, что его предварительно не спросили, и гнев свой излил тотчас же в депеше своему приятелю Эйленбургу, послу в Вене, а вслед за этим по возвращении в Берлин телеграфировал Вердеру, что увольняет его от должности.

Вердер 25 лет пробыв в России, со слезами на глазах говорит о своем увольнении и о бесцеремонном с ним обращении.

По приезде в Петербург Лобанов получил указ о назначении его управляющим Министерством иностранных дел.

Встревоженный подобными выражениями указа Шишкин побежал к управляющему Собственной канцелярией Ренненкампфу справиться, нет ли тут ошибки, но Ренненкампф показал собственноручную по сему предмету записку Государя. В городе и даже в заграничной печати пошли толки о том, как возможно было назначить как будто на испытание человека, бывшего уже в 63 году посланником, а с 1878 года послом¹. Чрез несколько дней Лобанов получил новый указ — о назначении его министром. Все это, разумеется, произошло от неопытности молодого Государя, который, вероятно, полагал, что всякий министр должен быть сначала назначен управляющим, но вот что значит быть окруженным не слугами, а холопами.

Ренненкампф, конечно, должен был разъяснить основания существующего порядка, но он счел для себя выгоднее безмолвно исполнить хотя бы и невыгодное для оценки деятельности Государя распоряжение.

8 марта состоялось назначение членом Государственного совета сенатора Шидловского к великому моему удовольствию.

Шидловский в течение девяти с половиной лет пребывания моего в должности государственного секретаря законодательного отделения Департамента государственной экономии и вместе с тем ближайшим моим сотрудником по всем важнейшим делам².

¹ Здесь Половцов не совсем точен: А. Б. Лобанов занимал пост посланника в Константинополе с 1859 г. (и до 1863), послом же в Константинополь он был назначен, как правильно указывает автор дневника, в 1878 г.

² Так в тексте.

Он человек в высшей степени добросовестный, трудолюбивый, способный, превосходный редактор, имеющий в сфере политической экономии гораздо более обширные, чем большинство его сверстников сведения, и если в чем-либо можно упрекнуть его, то разве в том, что по недостатку в правительственных коллегах (?) наших надлежащих умственных и нравственных сил он привык относиться слишком самоуверенно к себе самому и несколько презрительно к мнениям других.

При назначении его из статс-секретарей в сенаторы Витте предлагал ему сделаться товарищем министра финансов, но Шидловский напрямик отказался исключительно по неодобрению личности Витте. Вслед за этим Дурново просил покойного Государя назначить Шидловского на место Плеве, но Александр III отказал, чтобы наказать Шидловского за отказ, сделанный Витте. Теперешнему его назначению я не совсем чужд. Во время моей болезни меня неоднократно навещал Бунге, которого я и уговорил поехать к великому князю и убедить его воспользоваться смертельной болезнью Вышнеградского, чтобы представить Государю [мысль] о необходимости подкрепить Департамент экономии назначением компетентного члена в лице [Шидловского].

В понедельник 6 марта после общего собрания Государственного совета ко мне заехал Сольский поговорить о предстоящем в Комитете финансов обсуждении проекта Витте о разрешении совершать сделки на золотую монету. Я воспользовался этим, чтобы убеждать его, что он по званию председателя Департамента экономии должен заботиться о назначении Шидловского. Сольский ответил мне, что это невозможно вследствие сопротивления, оказываемого государственным секретарем Плеве. В это самое время взошел великий князь Михаил Николаевич, и я стал ему говорить то же самое, великий князь подтвердил, что Плеве находит Шидловского слишком молодым для такого назначения.

Я отвечал, что Плеве просто боится подвергнуться гневу Витте. Сольский, хотя и дрябло, как все, что он делает, однако произнес какие-то слова в мою поддержку. Великий князь сказал, что, действительно, и Бунге просил его о том же, и что это можно будет сделать к Пасхе. Когда я начал настаивать на необходимости сделать это немедленно, предсказывая, что если дело затянется, то Витте убежит к Государю и будет настаивать на том, что назначение Шидловского будет началом систематической ему в Совете оппозиции и т. п. Я напомнил великому князю, что именно в таких условиях был назначен членом Совета Роренбах, несмотря на противодействие Ванновского.

29 марта. Среда на Страстной неделе. На днях умер Вышнеградский – олицетворение грустных годов царствования Александра III. То был человек, чрезвычайно богато от природы одаренный, но лишенный всякого нравственного чувства и преследовавший в жизни почти исключительно личные цели, да и в личных целях почти исключительно одну наживу¹. Сын бедного священника. начав карьеру с преподавания математики за крайне умеренную плату, он оставляет многомиллионное состояние, нажитое всякого рода мошенничествами сначала при подрядах по Артиллерийскому ведомству, потом при управлении Юго-Западными железными дорогами и, наконец, при всякого рода конверсиях и самых разнообразных денежных биржевых операциях под ведением его как министра финансов. По этой должности он имеет одну, пожалуй, немалую заслугу. Он упорно настаивал на сокращении расходов и достиг сведения росписи без дефицита, но экономическое развитие сил страны, на коем исключительно зиждятся прочные финансы, не было доступно его пониманию, и если, может быть, он и мог бы уразуметь его важность, то он не очень стремился к этому уразумению, которое могло доставить ему барышей, легко осуществляемых верчением бумажек и металлов. Вышнеградский, проходя темную дорогу к власти и почестям, нажил тесные связи с сомнительными личностями и остался до конца дней своих в зависимости от подобного рода связей. Около него грела руки шайка негодяев, с которыми он должен был считаться, опасаясь скандалов. Бывший товарищ министра финансов, известный своей прямоотой и честностью, Николаев рассказывал мне не одну грязную проделку Вышнеградского, состоявшего под начальством Николаева, а занимавший должность директора Кредитной канцелярии сначала при Бунге, а потом при Вышнеградском Верховский, известный мне со дня выхода из университета и поступления на службу ко мне в Сенат, бросил выгодное во всех отношениях служебное положение, только чтобы избавиться от соприкосновения с делишками, кои у него на глазах обделывал господин министр финансов.

Назначение Вышнеградского министром финансов было поворотной точкой в приемах царствования Александра III. Оно ознаменовало

¹ Подобную репутацию И. А. Вышнеградского подтверждают и другие источники. Так, Богданович записала в дневнике 15 февраля 1888 г. информацию со слов Адамович о том, что «сочинили» герб Вышнеградского. На рисунке был изображен «ворон с обрезанными крыльями, на нем лента; на одном конце ленты написано: „вор он“, а на другом: “roug qu’il ne vole plus” (Пусть он больше не летает (фр.))» (Богданович. С. 83).

исчезновение преклонения перед существовавшими порядками и общественным характером состоявших во власти людей. То был первый пример бесцеремонного возвеличения темного человека по каким-то гонимым интригам. Это разнуздаło политические аппетиты разных пронырливых негодяев, которые стали успешно ломиться в недоступные им дотоле двери пользовавшихся еще некоторым уважением учреждений.

Если бы порядки эти продлились еще несколько лет, то наступило бы в полном смысле царство коммуны, то есть власть перешла бы всецело в руки людей без прошлого, без образования, без политических видов, без нравственных начал, преследующих дружными усилиями одну цель — удовлетворение своих животных appetitов.

Нетрудно догадаться, в какой мере такие порядки скомпрометировали бы монархическую власть и приблизили бы возможность всякой неурядицы, вызванной народным неудовольствием.

В течение ныне шесть месяцев продолжающегося царствования Николая Александровича высших назначений удостоились люди иного пошиба: Лобанов, Хилков Шидловский, Голубев, Мордвинов, Шувалов, Сакен. Все это невесело людям, пользовавшимся расположением Александра III, но они еще не унывают и надеются удержать власть и усиливаться в будущем. Правда, что люди как Витте, Муравьев и Плеве замечательно умны и способны, хотя принадлежат к категории тех людей, о коих Гизо сказал однажды в палате: «La France n'a besoin ni d'hommes capables de rien, ni d'hommes capables de tout¹».

30 марта. Четверг. Приезжает Анненков и рассказывает, правда, со свойственным ему преувеличением, тем не менее и в общих чертах характерную историю.

Преследуя его и по личной ненависти, и как представителя режима Лбазы, Витте внушил своему клевету государственному контролеру Филиппову мысль доложить Государю о необходимости поручить ему, Филиппову, вместе с министром юстиции Муравьевым рассмотреть важнейшие, упдающие на Анненкова по производству общественных работ обвинения.

Между тем весь отчет Анненкова находился на рассмотрении специального совещания под председательством Сольского, а обвинения Филиппова, изложенные в секретном всеподданнейшем отчете, рассматривались в Комитете министров.

¹ «Франция не нуждается ни в людях, ни к чему не способных, ни в людях, способных на все» (фр.).

Комитет министров, получив новое, сообщенное Филипповым высочайшее повеление, представил Государю [...] ¹ о необходимости и имеющие быть выработанными новые обвинения передать также в Комитет. Государь, разумеется, с этим согласился, и таким образом проделка Филиппова сделалась безрезультатной. Тогда война приняла новый оборот. В немецких газетах, в особенности в «Berliner Tageblatt», стали появляться обвинительные и, можно сказать, позорные против Анненкова статьи. На его счастье в том же листе началась серия статей, доказывавших необходимость прогнать за неспособность министра внутренних дел Дурново и назначить на его место Муравьева, ближайшего друга Витте. Получив таким образом в лице Дурново союзника, Анненков добился того, что чрез жандармскую полицию разыскали автора немецких статей – рижского еврея Питерса.

Под угрозой высылки из Петербурга он сознался, что материал для статей доставлен ему из Министерства финансов.

Тогда Анненков, пригласив трех генералов из числа своих приятелей в секунданты, написал Витте письмо, требуя опровержения его статей в тех же газетах, а в противном случае посылал ему вызов на дуэль.

Витте отвечал вежливым письмом, что он чужд статьям «Табелята» ², но Анненков дал ему несколько дней срока для исполнения предъявленного требования, не отступая от вызова в противном случае.

АПРЕЛЬ

2 апреля. Воскресенье. Пасха. Приема и поздравлений в Зимнем дворце нет по случаю траура. Главные назначения высших правительственных лиц таковы: Рихтер, истомленный нелепым порядком исполнения своих обязанностей по Канцелярии прошений, увольняется от этих обязанностей. Он остается командующим Императорской главной квартирой, а Канцелярия прошений делается отдельным учреждением, во главу коего назначается главноуправляющим Сипягин. Человек ловкий, покладливый, недурной, но негосударственный, его программа будет: угодничать, избегая поводов к обвинению в подличании.

5 апреля. Среда. Вечером Заседание совета нашего Рисовального училища. Рассматриваем исполнение сметы 1894 года, бюджет 1896.

¹ Слово пропущено в оригинале.

² Имеется в виду до этого упомянутая немецкая газета «Berliner Tageblatt».

Тяжелая борьба с Месмахерами и в особенности с младшим братом, несомненно грубым, невоспитанным и цинически самолюбивым человеком, в практические сведения коего безусловно верит старший брат, умеющий владеть только карандашом.

6 апреля. Четверг. Заседание Соединенных департаментов по представлению Витте о разрешении совершать сделки на золотую валюту; он отказывается от права устанавливать известные в казну платежи в золотой монете. По моему мнению, разрешение совершать сделки на золотую монету без мероприятий к фиксации курса будет безрезультатно, потому что, если теперь заграничные капиталисты не решаются присылать в Россию свои капиталы, не зная, что получают обратно, то тогда русские подданные будут опасаться занимать металлические суммы, не зная, в каких размерах бумажной стоимости придется ее возвращать.

Такое мнение я и высказываю с легкой по адресу Витте иронией.

Любопытна при этом вступительная речь председателя Сольского, который заявляет, что дело это рассмотрено в Финансовом комитете, но что после того, как состоялось в Финансовом комитете единогласное постановление, в журналах и в общественном мнении выразилась такая оппозиция этой мере, что члены комитета не должны более считать себя связанными высказанными мнениями и могут заявлять, что угодно!!!

К чести собрания надо прибавить, что такое заявление похоронено было молчанием.

Вечером того же дня собрание Исторического общества у Государя в библиотеке Аничковского дворца.

В 9 ½ часов юный Государь в сопровождении великих князей Владимира Александровича и Константина Константиновича входит в комнату, где собрались члены общества и здоровается с каждым из них. Тут стоят: новый министр иностранных дел Лобанов, Победоносцев, достопоченнейший профессор Бестужев-Рюмин, несколько иронически улыбающийся Сергеевич, восьмидесяти с лишком лет глухой адмирал Веселаго, неизменно приветливый и неустанно трудолюбивый Дубровин, низкопоклонный Куломзин, издатель наших договоров с иностранными державами неблестящий Мартенс, граф Шереметев в шталмейстерском мундире, молчаливый и с наружной смирностью, а в действительности безграничным самолюбием, растолстевший донельзя Феоктистов, казначей не имеющего ни гроша общества, приехавшие из Москвы жадные к наживе полумертвец Бюлер и трехногий с костылем

(я бы дал ему и два) Бартенев. Наконец, мой секретарь Штендман – справочный исторический и библиографический архив, не способный написать два слова.

По правую [руку] от Государя садится Лобанов, по левую я; возле Лобанова великий князь Владимир Александрович, возле меня – Константин Константинович.

Государь открывает заседание следующими словами: «Вам памятно, господа, с какой любовью и каким попечением относился мой незабвенный покойный родитель к трудам нашего Исторического общества. Принимая на себя звание председателя оно, я буду стараться следовать его высокому примеру и с такой же сердечностью работать над продолжением начатого им дела. Уверен, господа, что с вашей стороны я встречу полную поддержку в новых плодотворных трудах по исследованию и разработке отечественной истории».

На эти слова Государя я ответил следующими словами: «Прошу позволения у Вашего Императорского Величества принести Вам, Государь, выражение глубокой верноподданнической благодарности Императорского русского исторического общества за оказываемое ему милостивое выражение августейшего внимания, которое послужит залогом успешной деятельности общества в будущем».

Затем под председательством Государя императора я открыл заседание общества следующей речью:

«Россия, вместе с ней и весь просветленный мир, взрывом сердечной, неподдельной [благодарности] увековечили светлые черты императора Александра III.

Не сегодня, не здесь говорить о его неустанных трудах на пользу, на благополучие русского народа, но сегодня, но здесь пред августейшим ближайшим свидетелем и державным преемником трудов сих, пред собранием людей, живо и благодарно памятующих отзывчивость покойного Государя к стремлению, нас всех в одно общество связующему, да позволено мне будет обратиться воспоминанием к неизменно близкому, покровительственному его в судьбах наших участию.

Главной основной мыслью учреждения Русского исторического общества послужило то убеждение, что история нашего Отечества делается тем более привлекательной, чем более она будет известна; что лучшим способом сделать ее известной является беспристрастное напечатание имеющих значение актов, документов, хранившихся недоступными в архивах, а по напечатании имеющих дать прочную основу исторической литературе. Необходимость такого обнародования делалась тем более ощутительной в первые годы царствования императора

Александра II, что при отсутствии серьезного исторического материала, при постоянно увеличивавшемся расположении русского народа к изучению своей истории в печати появлялись только произведения, в большей части случаев неудовлетворительные, как вследствие неполноты передававшихся фактов, так и происходившей отсюда неверности в их оценке. Подобные преграды в успехах отечественной истории были особенно значительны в сфере послепетровского времени. До второй половины нынешнего столетия отечественная история предшествовавших полутора столетиям оставалась почти неизвестной русской публике. За отсутствием отечественных научных трудов приходилось довольствоваться иностранными сочинениями, по скудости сведений, а иногда и по недобросовестности, представлявших события в неверном виде.

Наступившие по воцарении императора Александра II облегчения печатному слову положили начало появлению, преимущественно в повременных изданиях, сообщений о делах XVIII и XIX веков, но сообщения эти, отрывочно, неразборчиво передававшие самые разнообразные и случайно попавшиеся события, обращали не себя внимание своим характером новизны и нравственной особенности более, чем научной правдивостью.

Жаждавшему узнать свое прошлое русскому народу подносилась только неприглядная картина слабостей и недостатков, влиявших на судьбы его; возвышенные, существенные стороны нашей государственной, жизненной деятельности, создавшие великую и весьма нам дорогую Россию, в литературе шестидесятых годов, за редкими исключениями, силой обстоятельств обходились молчанием, разрушавшим народную веру и в себя, и в правившие им силы.

Такая несправедливость оценки нашего прошедшего, необходимость восстановления исторической правды, сознаны¹ были наследником цесаревичем Александром Александровичем, и ему угодно было стать по главе учреждавшегося под влиянием высказанных мной взглядов Русского исторического общества.

28 февраля 1867 года последовало первое наше общее собрание. Маститый наш старшина, увенчанный литературными лаврами, полный личных исторических воспоминаний, князь П. А. Вяземский, обратился к августейшему почетному председателю нашему с приветственными, живо прочувствованными словами:

«Отечественная история, — говорил князь, — нам всем родная, но для Вашего Высочества она имеет еще прелесть и назидание семейной

¹ Так в тексте.

хроники. Мы все дети великих царствований Екатерины II, Александра I, Николая I, но Вы их прямой и законный наследник. Вам предстоит преимущественно священная обязанность, великая, но и трудная задача внести в свою очередь с честью и пользой имя Ваше в сию семейную царственную хронику и передать память о себе народным скрижалям». Обращаясь воспоминанием к авторитету Карамзина, князь Вяземский оканчивал свое приветствие так: «Цари должны преимущественно пред прочими изучать минувшую историю своего народа, чтобы в настоящей и будущей занять почетное и незабвенное место».

«Благодарю Вас за любезно возлагаемые на меня надежды. Сделаю, что могу», — отвечал великий князь.

Скромная искренность, глубокая правдивость — отличительные черты покойного Государя — вылились в этих немногих словах, положенных в основу нашей деятельности.

Деятельность эта на первых порах представлялась в известной степени затруднительной. Несколько частных лиц как, например, князь Орлов, князь Репнин, предоставили в распоряжение общества свои фамильные архивы, но заимствуемые из этих архивов бумаги немногим отличались от бессвязного в историческом отношении содержания тогдашних повременных изданий. Для обобщения серьезных материалов необходимо было прибегнуть к архивам правительственным, но для этого нужно было мощное влияние, в проявлении коего августейший председатель никогда не отказывал «нашему» обществу, как он имел обыкновение называть его.

Останавливая, прежде всего, внимание на дотоле мало известном и исполненном исторического значения царствовании императрицы Екатерины II, общество на первых же порах своего существования задумало издать труды созванной императрицей Комиссии депутатов для составления проекта нового уложения¹. Во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где хранилось это дело,

¹ Речь идет об Уложенной комиссии (1767–1768 гг.), созванной Екатериной II для кодификации законов, вступивших в силу после Соборного уложения 1649 г. В качестве руководящего документа созданного органа императрица подготовила «Наказ». В нем говорилось о необходимости сильной самодержавной власти в России и сословной устроенности русского общества, о законности, о вреде пыток и телесных наказаний. В работе комиссии участвовали почти все сословия России. На местах составлялись наказания депутатов, которые представляли интересы своего сословия в Уложенной комиссии. На заседаниях (в количестве 204) не было принято ни одного решения, основное время тратилось членами собрания на чтение наказов. В декабре 1768 г. Екатерина распустила комиссию.

уже начаты были по сему предмету работы Д. В. Поленовым, но издание их останавливалось перед опасением, что комиссия эта представляла что-то противоправительственное, политически опасное. Ознакомясь с содержанием этих бумаг, великий князь цесаревич убедился в том, что созванные великой Государыней из отдаленных углов России сыны ее, хотя и окрещенные не для всех их понятным прозвищем депутатов, принесли к подножию престола своей монархини вместе с безграничным чувством верноподданнической преданности правдивые ответы на постановленные им об устройстве жизни их вопросы, — ответы, послужившие исходной точкой важнейших екатерининских законодательных мероприятий. Получив однажды такое убеждение, наследник цесаревич с отличавшей его нравственной решимостью исходатайствовал у августейшего своего родителя дозволение издать труды комиссии; и девять томов, доселе отпечатанных, блестяще, подтверждают тот взгляд, коему они обязаны своим существованием, а общество наше — первыми своими успехами.

Обобщение отдельных документов, до царствования императрицы Екатерины относящихся, естественно привело к предположению о пользе обнародования переписки этой великой мыслительницы, этого пронзительного знатока человеческого сердца, этого доброго гения России. Здесь опять стояли поперек опасения, с одной стороны, раскрыть сокровенные политические побуждения нашего кабинета, с другой — дать пищу зложелателям, отыскивающим в частной жизни правителей те дающие повод к осуждению интимные подробности, кои должны ступать в общем научно и художественно верном изображении людей, выдвинутых на первый план Провидением и личными подвигами. Пред твердо выраженным взглядом цесаревича снова исчезли опасения людей, часто заботящихся о собственном спокойствии более, чем об умственном движении собратий. Двери архивов разверзлись — и многочисленные тома нашего «Сборника»¹ послужили высшим доказательством не только пронзительности, но и прямоты нашей государственной политики, явили новое свидетельство тому, что императрица Екатерина и в слабостях женщины никогда не теряла величия императрицы.

Правда, куда печатались эти тома, нередко приходилось останавливаться пред излишней ревнительностью архивных хранителей, но остановки эти не бывали продолжительны. Я имел в полном смысле слова счастье повергать их на суд в Бозе почившего Государя, и с какой

¹ Имеются в виду сборники Императорского русского исторического общества.

простотой, с каким беспримерным добродушием, единый почерк его карандаша, единое доброе слово устраняли возникавшие сомнения, уничтожали препятствия. Стану ли говорить о том, как доброе слово подчас сопровождалось и добрым делом? Нет, покойный творил добро так, что шуйца не ведала, что творит десница¹. Преклонимся и ныне пред волей его.

При таком, в лучшем смысле человеческом отношении августейшего нашего председателя к делу, конечно, облегчилось достижение задач, обществом преследуемых. Темы нашего «Сборника» умножились, ссылками на них наполнялись вновь появлявшиеся в России исторические сочинения, прежние взгляды историков изменялись, предубеждения исчезли. Шаги на этом пути отмечались годичными, столь дорого памятными всем нам, собраниями общества.

Здесь, без какой бы то ни было натянутости, со свойственной ему непринужденностью обхождения, наш венценосный хозяин выслушивал отчеты о скромных трудах наших.

Как предупредительно вникал он в подробности чтений, имевших подчас довольно исключительный характер. Сколь приветливы были его обращения к ветеранам науки, к его бывшим преподавателям как, например, С. М. Соловьеву или Я. К. Гроту², как поощрительны вопросы младшим членам нашей научной семьи.

При входе в царские палаты невольно чувствуется что-то вроде торжественной сдержанности, подчас сковывающей внешнее проявление самых лучших чувств и мыслей. Здесь, около этого стола, уделив каждому из нас прямодушный взгляд, с кратким рукопожатием, покойный Государь двумя-тремя словами изменял настроение присутствовавших. Атмосфера наполнялась тем добрым человеческим чувством, которого не исключает внешнее расстояние, людей разделяющее, тем чувством, без которого не творится ничего в истинном смысле человеческого. Как часто, уходя отсюда, приходилось слышать возгласы: «Ах, если бы побольше людей могли видеть и слышать нашего царя так, как мы его сегодня видели и слышали; как вырос бы его образ пред миллионами людей; как осветилась бы искренность, возвышенность его душевных стремлений, если бы обстоятельства сделали их известными из прямого чистейшего источника».

Волей Всевышнего не стало отечеству нашему – царя, обществу нашему – благодетеля. История начертит пред глазами потомства

¹ Шуйца – левая рука, десница – правая.

² С. М. Соловьев преподавал будущему императору Александру III русскую историю, Я. К. Грот – русский и немецкий языки, историю и географию.

малодоступный пониманию современников светлый лик его. Я счастлив, что в качестве председателя Императорского русского исторического общества удостоился высокой чести сказать несколько слов, выражающих те чувства благодарности, коими сердца наши преисполнены, сказать здесь, где все дышит воспоминаниями о нем, здесь, где сегодня осеняет нас тень его, пред которой с благоговением умолкаю».

Победоносцев прочитал речь, в которой при весьма изящной внешней литературной форме изложил те свои политические идеалы нетерпимости, односторонности, насилия, эгоизма и непонимания высших человеческих стремлений, хвастаясь тем, что он и его единомышленники успели наполнить ими голову покойного Государя. Очевидно, то было назидание юному монарху идти по тому же грустному пути.

Речь его как выражение его образа мыслей была на другой же день напечатана в его органе — «Московских ведомостях».

21 апреля. Пятница. В 4 часа Финансовый комитет у Сольского. Рассматривается представление Витте об установлении выпуска депозитных билетов, обеспеченных золотом и золотыми ценностями, вносимыми в банковые учреждения.

За несколько дней пред этим Витте говорил мне, что Сольский отвергает необходимость рассмотрения этого вопроса комитетом, а сказал Витте, что подобное дело следовало бы ему прямо представить Государю при всеподданнейшем докладе. В сущности, такое мнение было лишь последствием трусости его пред поднявшейся в газетах агитации на тему о девальвации. Но, натрусившись газет, Сольский стал трусить и мнения товарищей, и заседание было назначено, по обыкновению, на квартире у председателя.

По приезде моем он объявил мне, что у великого князя Константина Константиновича в этот день происходят солдатские экзамены в командуюмом им Преображенском полку и что поэтому нам надо будет его подождать.

Великий князь, однако, не опоздал. Заседание началось с того, что Сольский, все под гнетом опасений, заявил, что всех подробностей проекта рассматривать нечего, а что довольно установить текст одного параграфа о создании билетов, параграфа, который и будет внесен министром финансов в Государственный совет. Ему хотелось как можно более сократить прения, чтобы сложить с себя всякую ответственность, а я, напротив, стал по возможности расширять пределы обсуждения, что его выводило из терпения.

По счастью, Витте начинает выходить на разумный финансовый путь, недостаток теоретических сведений начинает восполняться сведениями практическими, приводящими его к разумным заключениям на особенности людей, у дела стоящих, – поддержать его в новой манере, даже разделить ответственность за разумные действия, а не дрожать пред журнальными выходками.

23 апреля. Воскресенье. Провожу дообеденное время на гусиной охоте вместе с Юсуповым. Охота безрезультатна. Со мной едет Лобанов, чтобы подышать свежим воздухом и отдохнуть от своих японских усложнений.

24 апреля. Понедельник. Лобанов, переехавший на днях из нашего дома в свой министерский дворец, телефонирует, чтобы я зашел к нему на утренней прогулке.

Захожу к нему в 9 часов и узнаю, что по возвращении с нашей вчерашней охоты он нашел доставленную ему в его отсутствие телеграмму о том, что Япония соглашается исполнить наше требование о том, чтобы ей не было предоставлено никаких на материке поземельных приобретений¹. Лобанов тотчас телеграфировал это известие Государю, от которого получил любезнейшее, сердечно теплое и исполненное благодарности письмо.

Дело в том, что его заслуга действительно велика: за все время ведения китайско-японской войны² господин Гирс не выработал никакой программы, которая могла бы быть предъявлена Японии, на том будто бы основании, что никто не мог ожидать успехов, ими

¹ Япония к середине 1890-х гг. перешла к политике внешней экспансии, в первую очередь в географически близкой Корее. Натолкнувшись на сопротивление Китая, Япония в ходе японо-китайской войны (1894–1895 гг.) нанесла Китаю сокрушительное поражение. Симоносекский договор, подписанный по итогам войны, зафиксировал отказ Китая от всех прав на Корею и передачу Японии ряда территорий, включая Ляодунский полуостров в Маньчжурии. Эти достижения Японии резко увеличивали ее мощь и влияние, что не отвечало интересам европейских держав. 11 апреля 1895 г. Россия, Германия и Франция обратились к японскому правительству с требованием отказа от аннексии Ляодунского полуострова, которая могла бы привести к установлению японского контроля над Порт-Артуром. Япония была вынуждена согласиться. 5 мая 1895 г. премьер-министр Ито Хиробуми объявил о выводе японских войск с Ляодунского полуострова. В 1898 г. российское правительство добилось передачи России Ляодунского полуострова в арендное пользование.

² Речь идет о японо-китайской войне 1894–1895 гг., в ходе которой Япония нанесла Китаю сокрушительное поражение.

одержанных. При вступлении Лобанова в министерство он нашел дело в весьма плохом состоянии: Китай был уничтожен, и ему оставалось преклониться пред требованиями Японии, в числе коих главную роль играла уступка полуострова¹, приближавшая к нашей границе опасного по своим успехам в военном деле и промышленной деятельности врага. Тогда Лобанов поспешил составить соглашение с Францией и Германией, а затем в совещаниях, по сему предмету собиравшихся под председательством великого князя Алексея Александровича, выступил приверженцем решительных действий против Японии в случае отказа с ее стороны. Дело было и серьезно, и рискованно. Англия, с которой мы в последнее время сблизились, отказалась от всякого в этом соглашении участия и глядела очень косо на проявляемое нами на Востоке влияние. Французское правительство, согласившись в принципе, как скоро дело дошло до возможности военного столкновения, стало опасаться и вмешательства Англии, и журнальных нападок, и парламентских интерпелляций. Вчерашней телеграммой всем этим усложнениям положен конец, и новое царствование на первых же порах получает ореол серьезного дипломатического успеха, коим обязано своей прозорливости и решимости.

I

Во все времена и у всех народов первостепенное значение имели порядки землевладения, но едва ли где и когда-либо более, чем теперь в России, они заслуживали неотложного устройства.

Девятнадцатое февраля 1861 года смелой, счастливой операцией вскрыло перезревший на русском государственном теле нарыв человеческого рабства. Освобождая крестьян, составители крестьянского положения понимали недостаточность хотя и громадного, но единичного мероприятия, они упомянули о необходимости в будущем ряда мер для довершения дела, коему они положили, правда, крупный, но лишь первый камень. Озабоченное злобой дня, обрадованное достигнутым успехом правительство обратило камень этот в пьедестал своей славы и, взойдя на него, не пошло далее. К тому же внимание законодательной власти привлекали многочисленные вопросы, настоятельность разрешения коих памятна людям, переживавшим эту эпоху. Последовали законы, обилие и поспешность составления коих, быть может, отозвались на их обдуманности, но так или иначе заботы обращались

¹ Речь идет о Ляодунском полуострове.

к самым различным сторонам государственного управления, крестьянский же вопрос почитался не требовавшим более законодательного попечения.

Между тем деревня – эта ячейка, из которой вырастают благоденствие и сила царств, – начинала твердить иное.

Освобожденный от власти и опеки помещика крестьянин очутился внезапно лицом к лицу с новой непосильной для него действительностью. Ни его прошедшее, ни экономическое его положение, ни умственное развитие, ни климатический гнет, ни отсутствие всякого руководства, ни сбивчивость вновь нахлынувших понятий, неопределенность вновь дарованных прав не представляли задатков плодотворного труда, а тем временем тягость платежей увеличивалась, помещик исчезал, а с ним вместе исчезала естественная и обычная доселе в бедствиях помощь; рядом с прежними чиновниками появилась новая толпа правительственных и выборных, дорого стоящих блюстителей общественного благочиния, а подчас и собственного благополучия. С каждым днем осязательнее надвигалась бедственная туча разрушительной силы и заедающих народ нравственно темных ее представителей.

На первых порах мировые посредники первого призыва – олицетворители благородного стремления, охватившего лучшие части общества, пошли на тяжелый подвиг проведения в сельскую жизнь закона 19 февраля, но подвиг без поддержки в окружающей его среде всегда остается эпизодичным, а первые мировые посредники встретили не поддержку, а нерасположение бюрократии – природного врага всякой нравственно твердой самостоятельной личности. Исчезли из крестьянской жизни эти почтенные деятели, и очистилось поле жатвы для кабачника, для взяточника, для горлана, для аблакаты¹, для полуграмотного писаря, для всякого хищника, жаждущего воспользоваться пороками невежественной толпы.

Все это почувствовалось весьма остро, но в течение с лишком двадцати лет продолжалось безусловное поклонение пред ковчегом завета 19 февраля 61 г.

Наступило новое царствование, и под впечатлением усиливавшейся неурядицы доносившиеся из деревни голоса стали раздаваться звучнее. Наиболее звучным, авторитетным оказался голос графа Толстого.

По рождению помещик, по участию в кабинете графа Шувалова консерватор, по любимому занятию историк, по обязанности министр внутренних дел, граф Толстой должен был выступить и действительно

¹ Аблакаты (народн. или презрит.) – плохой, мелкий адвокат, ходатай по делам.

(правда, после пятилетнего молчания) выступил на поприще довершения и усовершенствования акта освобождения.

По его инициативе последовали:

а) ограничение крестьянских семейных разделов¹, б) учреждение земских начальников², в) назначение двенадцатилетнего срока для

¹ Речь идет о законе 18 марта 1886 г. о семейных разделах, целью которого было усилить патриархальную власть старшего в крестьянской семье и поставить разделы в зависимость от решений сходов; в целом, закон усложнял процедуру раздела участков между членами семьи. В соответствии с этим законом семейство, желавшее разделиться, обязано было заявить о том сельскому сходу, указав как подлежащее разделу имущество, так и способы распределения его между предполагавшимися новыми хозяйствами. Сход прежде всего должен был удостовериться, последовало ли на испрашиваемый раздел согласие родителя или старшего члена семьи; при отсутствии такого согласия сход мог приступить к обсуждению заявления о разделе только тогда, когда поводом к нему служили расточительность или безнравственное поведение домохозяина. В обязанности схода входило обсуждать: 1) существовал ли осповательный повод к разделению семьи; 2) способны ли образующиеся семейства к самостоятельному ведению хозяйства; 3) достаточны ли принадлежавшие им усадебные участки для устройства на них усадеб с соблюдением требований строительного устава, — а если нет, то представлялось ли возможным отвести их из мирской усадебной или полевой земли; 4) будет ли в случае допущения раздела обеспечено исправное поступление числившихся на семье недоимок, повинностей и др. Если предположенный раздел не удовлетворял какому-либо из этих условий, сход обязан был отклонить ходатайство; при этом для разрешения семейного раздела требовалось согласие не менее двух третей всех крестьян, имеющих право участвовать в сельском сходе. В случае положительного исхода дела сход должен был распределить между членами делившейся семьи отведенный ей полевой надел, произвести раскладку между вновь образующимися хозяйствами лежавших на семье податей, повинностей и недоимок и отвести в случае надобности под усадебные постройки участки из свободных мирских земель. Семейство, разделившееся без разрешения сельского схода, в отношении отбывания податей и повинностей должно было считаться за одну семью, все члены которой несли общую ответственность друг за друга.

² Здесь имеется в виду «Положение о земских начальниках», которое было издано 12 июля 1889 г. В 40 губерниях России, на которые распространялось это «Положение» (главным образом на губернии с помещичьим землевладением), создавались земские участки (примерно по 4–5 на уезд) во главе с земскими начальниками. В уездах учреждался уездный съезд земских начальников, состоявший из административного и судебного присутствия. Ему передавались функции уездных мировых по крестьянским делам присутствия и мирового суда (мировой суд сохранялся лишь в Москве, Петербурге и Одессе). Земские начальники назначались министром внутренних дел по представлению губернаторов и губернских предводителей дворянства из местных потомственных дворян-землевладельцев. Земский начальник должен был обладать определенным имущественным цензом (свыше 200 десятин земли или другим недвижимым

земельных переделов¹, г) установление правила о неотчуждаемости крестьянской земли².

К сожалению, при самых благих намерениях, внушивших издание этих законов, главная предстоявшая законодательная цель – утверждение твердого порядка, обеспечивающего для здоровых сил возможность успешно трудиться – осталась незатронутой, и вследствие того издание новых законов не дало тех последствий, коих ожидал законодатель.

Крестьянские семейные разделы продолжают повсеместно и доньше; да и едва ли какое бы то ни было официальное предписание будет в силах охранять неприкосновенными семейное согласие, единение семейного труда, авторитет главы семейства до тех пор, пока весь строй крестьянского управления не будет изменен в смысле дарования влияния лучшим, испытанным годами хозяевам, а не поголовной, без разбора, толпе.

имуществом на 7500 рублей), иметь высшее образование, трехлетний стаж службы в должности или мирового посредника, или мирового судьи, или члена губернского по крестьянским делам присутствия. При недостатке кандидатур, удовлетворявших этим требованиям, земскими начальниками могли назначаться местные потомственные дворяне со средним и даже начальным образованием, состоявшие в военных или гражданских чинах, независимо от стажа службы, однако имущественный ценз для них повышался вдвое. В функции земского начальника во вверенном ему участке входили: надзор и контроль над деятельностью крестьянских сельских и волостных учреждений, всесторонняя опека не только крестьянского, но и всего податного населения в его участке. Прерогативы земского начальника, осуществлявшего административные и судебнопольцейские функции на селе, были исключительно широки. Он мог подвергать телесным наказаниям, аресту до трех дней и штрафу любое лицо из податных сословий своего участка, отстранять от должности членов крестьянских сельских учреждений, отменять любое постановление сельского и волостного сходов, навязывать им свое решение. Волостные суды, ранее выбираемые крестьянами, теперь назначались земским начальником из предложенных сельским обществом кандидатов. Постановления и решения земского начальника считались окончательными и не подлежали обжалованию. Закон о земских начальниках был введен вопреки мнению большинства Государственного совета (из 39 его членов только 13 высказались за принятие этого закона).

¹ Имеется в виду закон от 8 июня 1893, по которому переделы крестьянских земель могли осуществляться только при согласии двух третей голосов на сходе. Кроме того, земельные переделы были поставлены под контроль земских начальников, уездных съездов и губернских присутствий. Минимальный срок передела устанавливался на период не менее 12 лет. Данный закон касался главным образом общих переделов, но также стеснял отчасти и свободу частных переделов, ограничивая последние некоторыми указанными в законе случаями (смерть домохозяина, неисправность в платеже повинностей и т.п.).

² Здесь говорится о законе 14 декабря 1893 г. «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель» – подробнее см. комментарий 69 за. 1893 г.

Земские начальники, по первоначальной мысли графа Толстого долженствовавшие быть исключительно начальниками над крестьянами, распорядителями судеб их, силой вещей сделались почти полновластными и малоответственными решителями интересов, касающихся всего населения. При этом, весьма часто не принадлежа к местности, куда попадают, не будучи с ней нравственно связаны, не обладая запасом сведений, необходимых для отправления лежащих на них обязанностей, не подлежа строгой, необходимой в таких случаях ответственности, руководясь лишь собственным, столь пестрым, в особенности на Руси, усмотрением, земские начальники, изредка, вследствие исключительной личности того или другого из них принося несомненную пользу, в большинстве случаев составляют только новую, обременительную инстанцию. К этому прибавилась столь обычная ведомственная распря, исключаяющая возможность дружного правительственного воздействия.

Назначение двенадцатилетнего срока как минимума для переделов крестьянской земли, конечно, в начальной мысли своей представляется весьма благодетельным, но результат этой меры значительно ослабляется, если принять во внимание, что она не прекращает постоянно происходящих «скидки и накидки» земель, то есть отдачи и отнятия ее по постановлениям сходов, не производя общего передела, нередко по самым возмутительным побуждениям. Не следует упускать из виду и то, что в 1910 году оканчивается срок, назначенный для выкупа земель крестьянами, срок, после коего они должны сделаться полными собственниками, полными этой собственностью распорядителями, и, следовательно, правило о двенадцатилетнем сроке в каждом селении найдет применение лишь один раз.

Наконец, задуманное графом Толстым и осуществленное после смерти его *правило о неотчуждаемости крестьянской земли* хотя с первого взгляда и представляется как будто обеспечивающим благоденствие крестьянского класса, в действительности же при условиях, в коих оно состоялось, угрожает нежелательными последствиями.

Исходной точкой этого закона служит опасение пролетариата в России. По мнению его составителей, для счастья населения необходимо, чтобы за каждым крестьянином был записан хоть какой-нибудь кусочек земли. Кто и как будет пользоваться этим кусочком, все равно, но прежде всего пускай везде по поверхности земли русской сохранится наивное ковырянье допотопной сохи, преобладание невежественной культуры, и да хранит нас провидение от того леса дымковых труб с их паровыми котлами, коими покрыта какая-нибудь Англия, Бельгия, Саксония, от тех

вертепов промышленного труда, коими изобилуют другие, соперничающие с нами, государства, благодаря коим, по меткому слову первейшего из современных историков – Леки, – Англия явилась победительницей на Ватерлоском поле¹. Для России, по глубокомысленному воззрению изготавляющих законопроекты чиновничьих комиссий и комитетов, довольно производить одну рожь и, если каждый крестьянин произведет хоть горсть ржи, то отечество может жить спокойно, будучи уверено, что пролетариата не существует. Едва ли стоит серьезно опровергать правильность такого воззрения, факты, с коими приходится бороться, и теперь уже довольно его опровергают, а опасения пролетариата в стране сравнительно с другими наиболее обширной и наименее населенной, в стране, обладающей всякого рода природными богатствами и лишенной потребных для их обработки сил человеческих, в стране, окруженной соперниками, загораживающими ей дороги в сфере немислимого без промышленности успеха, в такие времена, когда самая военная и морская оборона зависят от превосходства промышленных производств, в такой стране подобные опасения представляются, по меньшей мере, лишенными государственной сообразительности.

Говорить ли о том, что не в силах человеческих создавать столько земли, сколько будет требовать умножающееся в будущем потомство, что распространение и укоренение в народе таких социально-канцелярских убеждений опаснее мнимого пролетариата?

Этих нескольких слов достаточно, чтобы убедиться в том, что в истекшие с памятного 19 февраля 61 года тридцать четыре года ничего или почти ничего не сделано, чтобы идти навстречу 19 февраля 1910 года, когда крестьяне, уплатив за землю сполна всю ее цену, сделаются полными собственниками, гражданами, имеющими право твердого, ясного прав и обязанностей своих определения и обеспечения, без коих немислима трудовая жизнь.

II

Составители крестьянского положения сознавали необходимость восполнения пробела, существовавшего в гражданском для крестьян законодательстве, но отчасти вследствие спешности, сопровождавшей

¹ Битва при Ватерлоо – последнее крупное сражение императора Наполеона I. Битва явилась результатом попытки Наполеона вернуть себе власть во Франции, утраченную после войн 1812–1814 гг. Сражение произошло 18 июня 1815 года между англо-голландскими и прусскими войсками и армией Наполеона. В результате разгрома при Ватерлоо наполеоновская империя потерпела окончательное поражение.

реформу, отчасти по недостаточности в то время фактического материала, Положение 19 февраля ограничилось тем, что сохранило неприкосновенным владение землей на общинном праве, упомянув лишь о переходе в будущем к подворной и единичной полной собственности; относительно же всяких других личных, имущественных, договорных прав признано было возможным подчинить их определение и осуществление крестьянскому обычаю.

Понятно, что в пылу громадного политического переворота, сопровождавшегося большими сомнениями, спорами, опасениями и даже сопротивлениями, трудно было поступить иначе, но менее понятно то, что в столь продолжительное после эмансипационной реформы время столь мало доселе сделано, чтобы вывести четыре пятых русского народа из того смутного, бесправного состояния, в котором они доселе находятся, и которое, не входя в перечисление мелочных его подробностей, одними главными своими чертами наводит на раздумье.

Чрез тридцать пять лет после дарования ему свободы крестьянин, уплативший правительству значительную долю цены земли своей, не знает, чем и на каком основании он владеет. Он не уверен в том, что мир не отнимет у него земельный участок без всякого даже вознаграждения за произведенные платежи, он знает, что за неисправность пьяницы-соседа придется платить ему, хотя бы и наисправнейшему работнику; его труд не представляет в глазах его средства достигнуть столь дорогой всякому человеку цели — обеспечить свою судьбу в старости, застраховать от бедности свое семейство. Может ли крестьянин входить в сделки, перечисляемые гражданскими законами, для умножения своей зажиточности? Может ли беспрепятственно отлучиться для приобретения на стороне недостающего в месте жительства заработка? Наименование его «домохозяин» отвечает ли действительности или составляет одну пустую официальную кличку? Может ли он завещать часть своего достояния проведшей с ним существование жене или любимому детищу? Как поступит опекун в отношении детей его? Распространяется ли на крестьянина веление державной власти, вписавшей в закон обязанность детей повиноваться родителям?

Если здравый смысл и говорит, что утвердительные на все это ответы составляют неприятную обузу человеческого общежития, то во всяком случае для достижения этих ответов у крестьянина не существует ни форм, ни путей. Формы отсутствуют всецело, а пути заграждены густо расстилающимся туманом местного обычая. В чем заключается этот обычай, какие источники для его уразумения, где начинается или кончается территориальная и юридическая сфера, кто добросовестный

его собиратель и нелюбезный толкователь? Конечно, не волостной суд, не крикуны на сходе, не волостной писарь.

Только чрезвычайная выносливость русского мужика, его благодарность за уничтожение крепостного права, его глубокая уверенность в изменчивости и проходимости петербургских предписаний ручаются в том, что до поры до времени он будет послушно тянуть ляжку своей нравственно тяжелой жизни; но не требует ли государственная предусмотрительность, чтобы определен был план властного вывода, и не самовольного выхода к иному, лучшему, отвечающему законным влечениям человеческого сердца строю.

История – великая учительница. Да позволено мне будет привести один из назидательных, представляемых ей примеров.

В конце XVII столетия Людовик XIV послал на юг Франции полновластную судебную комиссию для прекращения злоупотреблений на месте. Секретарь этой комиссии, прославившийся впоследствии Флешье, сохранил нам, вместе с рассказами о ее действиях, упоминание о жалобах и притязаниях крестьян, на кои в Версале не было обращено никакого внимания. Несколько лет спустя знаменитый Вобан, присмотревшийся к быту населения при постройке крепостей, решился подать королю записку (*La Dîme royale*¹), в коей с мужественной откровенностью изобразил бедственное положение крестьянства и указал на необходимые реформы. Записка Вобана затрагивала самолюбие королевских министров, по наветам коих Вобан подвергся королевской опале и вскоре умер.

Заявления этих беспристрастных людей были раскатами грома, дальними предвестниками той ужасной грозы, которая чрез сто лет, на несчастье образованного мира, разразилась во Франции, гроза, которая не может и не должна почитаться исторической необходимостью, а лишь последствием невнимательного, неразумного и подчас недобросовестного к государственным и народным требованиям отношения.

III

Чтобы вывести крестьянина из теперешнего тягостного, во всех отношениях вредного и в будущем угрожающего положения, понадобится много времени, много распоряжений, основанных на тщательном, близком изучении деревни, но уже сегодня становится очевидно, что для достижения успешных результатов придется повернуть ход дела, если не в противоположную, то непременно в другую сторону. Тридцатипятилетнее

¹ Название записки, представленной С. Вобаном Людовику XIV.

существование свободного земледельца уничтожает идолопоклонство пред положением 19 февраля 61 года, заботившимся почти исключительно о том, чтобы развести два сословия, дотоле сплоченные воедино. Новое крестьянское, рабочее поколение не только не страшится помещичьей власти, но знает о ней лишь по рассказам стариков. Теперь предстоит задача совсем иная, чем в 61 году, надо не выводить людей на новую жизнь, а следует даровать русскому народу возможность течением этой жизни вздыматься на высоты экономического довольства, достигнутого другими народами, богатеть на славу отчизны. Конечно, после продолжительной траты времени приступить немедленно к сооружению пути для желательного в гору шествия нельзя, но если нельзя начать делать насыпи, строить мосты, укладывать рельсы, то можно и должно поставить вехи, указывающие направление вновь утвержденной линии.

Первой вехой должно быть установление права собственности с той твердостью и непоколебимостью, на которых выросли все настоящие успехи человечества, с уничтожением той шаткости, неопределенности, смутности, о коих мечтают чуждые земледелию официальные и неофициальные социалисты. Я не стану касаться вопроса о превосходстве той или другой формы владения, отмечу лишь тот факт, что самые горячие, но беспристрастные поклонники владения общинного признают эту форму неокончательной, следовательно, сомневаться позволено не в том, сохранять ли ее навсегда, а лишь в том, долго ли еще правительственная власть будет насильственно навязывать ее даже тем местностям, где чувствуется уже и ныне настоящая необходимость к переходу на лучшие, более прибыльные способы обработки земли, где человеческая личность, внемя пробуждению сил своих, жаждет применения их к труду более производительному, менее традиционно автоматическому, к той не придавленной рутинной деятельности, благодаря коей другие государства опережают наше Отечество, удешевляя, разнообразя, совершенствуя свою производительность.

Составители крестьянского положения, куда бы ни тянулись их симпатии, сознавали непреложность вышесказанного, и потому 159 статья положения гласит, что по уплате выкупной ссуды на выкупленные земли распространяются правила, установленные в отношении земель, приобретенных крестьянами в собственность.

При всей точности и ясности этого законодательного определения, оно подверглось полному, намеренному забвению административной власти, а между тем оно хорошо известно крестьянам, которые, несомненно, припомнят его в 1910 году. Не осторожнее ли будет уже теперь идти навстречу этой вероятности и не стеснять, не опутывать

ограничениями, а, напротив, облегчать установление полного права собственности? Не благоразумнее ли для правительства отселе взять на себя направление этого дела, чем ожидать случайного, и, пожалуй, бурного вмешательства толпы?

В чем же должно заключаться это направление? Прежде всего, в даровании действительной возможности перехода от общинного владения пахотными землями к участковому, а затем и от участкового к единоличному, в определении порядка и облегчении таких постепенных переходов сообразно назревшим потребностям той или другой местности. Прямым того последствием будет возникновение сельскохозяйственных единиц, имеющих при твердой, преемственно обеспечивающей семейство собственности возможность с осязательными для самих себя и целого государства последствиями трудиться и пожинать плоды трудов своих. Разумеется, при этом придется отказаться от господствующего теперь и в журналах, и в канцеляриях стремления к установлению социального и имущественного равенства между людьми, как бы неравны они ни были по способностям, трудолюбию, нравственным достоинствам, порокам, привычкам, взглядам и т. д. Надо трезво и смело признать, что в иерархии труда и творимого им довольства, точно так же, как и в иерархии политической, всегда были и будут старшие и младшие. Надо забыть излюбленные теперь близорукие слова «кулак», «батрак». Надо помириться с мыслью, что разумный труженик неминуемо возьмет верх над негодяем-пьяницей, что неравенство положения этих и тому подобных типов составляет отнюдь не несчастье, а, напротив, счастливый закон преуспеяния человеческого, что презирать и насиловать этот закон и бесполезно, и опасно.

Ограбив существование отдельных семейств на наследственных в среде их земельных участках и определив при этом непременно минимум делимости участка, предстанет необходимость определить, в чем именно лице владеет семья землей, кто именно землевладелец, в чем заключаются его права и обязанности, к кому и в каком порядке переходит после него земельная собственность. При этом опять придется отрешиться от обычного пугала «безземельности». Да, после смерти домохозяина-отца земельный его участок не развалится на клочки, негодные для обработки, нет, он будет всецело принадлежать одному из членов семейства, руководителю семейного труда, хранителю семейного благоденствия. Прочие члены семейства или сгруппируются около него, или выступят на другом поприще труда, который тщетно доселе призывают и неисчислимы подземные богатства России, и ее небо-зримые равнины, и начинающие бороться с чужеземными фабрики,

и лишенный рабочей силы помещик, и само, взявши столь много в свои руки, правительство.

Правда, эти, получающие определенное место, а не будто бы уклоняющиеся, как ныне, от нормального порядка люди в глазах теоретических радетелей своих сохраняют грустный эпитет «безземельных», но неужели безразборчивое закрепощение к какой бы то ни было земле всякого русского подданного должно составлять идеально-исключительную его особенность, какими бы уродливыми последствиями это закрепощение ни сопровождалось.

Вводя такой строй землевладения, давая возможность и простор предлагать к земле работу, долженствующую поднятием экономического положения страны награждать действительного труженика, усиливать его энергию, развивать его инициативу, правительство, по всей вероятности, найдет возможным прекратить те, к сожалению, часто повторяющиеся случаи огульной, иногда малоразборчивой помощи, которая ослабляет энергию, инициативу масс, привыкающих видеть в таких подачках исполнение правительством одной из главнейших его обязанностей.

А между тем укоренение такого ложного в народе взгляда далеко не желательно.

Всякий человек склонен верить тому, чего желает, крестьянин по природе склонен желать даровой земли, дарового хлеба, искусственного заработка, забвения податных недоимок и т. п. Но приучать его к периодическому правительственному осуществлению таких желаний – значит развращать его понятия о необходимости самостоятельно трудиться, готовить почву учениям социалистов, утверждающих, что потребности людей должны удовлетворяться установленной на то властью, без отношений к результатам понесенного ими труда.

Правда, что покуда правительство сохраняет постановленные им народному преуспеянию преграды, до тех пор оно подает повод населению взваливать на него ответственность за неудачи, но по мере освобождения трудовой деятельности от созданных ей ограничений, по мере умножения крепких для нее центров, не подводимых более под один шаблонный уровень, а, напротив, дающих представителям духовной силы мощь проявления силы телесной, должны делаться более редкими порывы правительственной благотворительности, всегда имеющие в основании отнятие у одного для передачи другому. Упомянув о некоторых главнейших положениях, долженствующих лечь в основу изменений теперешнего крестьянского землевладения, я не сомневаюсь, что за этими коренными изменениями как последствие их восстанет

множество других настоятельных перемен, перечисление коих не позволяют размеры этой записки.

Сегодня важно лишь сознать невозможность оставаться в теперешнем положении и необходимость отступить от образа действия и бездействия, к положению этому приведшего.

Царское Село.

8 сентября 1895 г.¹

Письмо Кази на высочайшее имя, при представлении записки о преобразованиях, необходимых для русского флота.

Я счастлив представить Вашему Величеству работу, которую я исполнил согласно Вашего желания, переданного мне адмиралом Ломен. Для облегчения Вашему Величеству чтения записки о современном состоянии русского флота и его ближайших задачах, я отпечатал и с соблюдением требований конфиденциальности в типографии Министерства финансов в 12 экземплярах и, представляя один экземпляр, обязываюсь представить и все остальные или передавать их только лицам, которые получают на то разрешение Вашего Императорского Величества. Важность и разнообразие вопросов, составляющих предмет записки, и напряженность труда, в условиях его единоличности обязывают меня просить милостивого снисхождения Вашего Величества к возможным несовершенствам этой работы в отношении ее полноты и достоинства изложения.

В этом труде я исходил из соображения, что задачи русского военного флота должны логически вытекать из верно поставленных задач и призвания России, которые одни могут служить руководящими основаниями ее внешней и внутренней политики. Россия, прожив 1000 лет между Азией и Европой, с которыми граничит от Тихого океана до Черного моря и от Ледовитого океана до устьев Дуная, сохранила независимость и самостоятельность своего народного и государственного развития, между деспотизмом, застоєм и рабством Востока, с его многочисленными народностями буддистского, браминского², магометанского и языческого вероисповеданий и культурой Запада, которой, в результате кровопролитных войн, феодальных, религиозных и международных, постепенно вырабатывались современные формы государственного общежития латинских, англо-саксонских и тевтонских народностей,

¹ Здесь Половцов привел свою записку крестьянскому вопросу.

² Браманизм (брахманизм) — религия, возникшая в Индии в IX–X вв. до н. э. и сменившая древнейшую религию Индии — ведизм; современной формой браманизма является преобладающая в Индии религия индуизм.

римско-католической и евангелической веры, росла и крепла православная и самодержавная Россия. Великое историческое значение царствования в Бозе почившего родителя Вашего Императорского Величества заключается главным образом в том, что не только в России утвердилась вера в силу и крепость самодержавия, которое одно способно обеспечить ей все блага будущего развития ее жизни, но и весь образованный мир понял, что Россия, исполняя свое историческое призвание, идет к достижению конечных целей человеческих стремлений и благоденствию масс своим самостоятельным путем. Западная культура дошла до крайнего развития условий государственного общежития в форме республиканской демократии, жизнь которой представляет непрерывную циническую борьбу за существование на почве материальных интересов и уже сеет страшные семена анархизма, из которого для Запада еще не видно выхода. Самодержавная же и православная Россия призвана указать миру, что возможное равномерное распределение благоденствия в народных массах достижимо, гораздо действительнее на почве христианской демократии, когда социальные и экономические неудачи разрешаются и предупреждаются посредством правильного и постепенного развития духовных элементов народной жизни, направляемой и руководимой самодержавным правителем, который по самой природе его исключительного положения не может желать ничего, кроме всеобщего блага и торжества высшей справедливости. Культура Запада, не воспрепятствовавшая торжеству интересов материальных над духовными, привела уже его к поклонению золотому тельцу со всеми последствиями помрачения самого разума жизни, в которой художества и искусства, литература, науки и техника, промышленность и торговля сделались сами по себе целями жизни, вместо того, чтобы служить только средством для высших целей человеческого развития. Россия при беспримерности ее территориального и политического развития и роста не могла не подвергаться в прошедшем тяжелым недугам, доходившим до крайнего обострения, но она вышла из них вполне здоровой благодаря силе и крепости народного духа. Она уже не сойдет с пути, по которому так прочно и твердо направил ее жизнь император Александр III, и нуждается теперь более всего в мирном просвещении народа, истинном здоровом просвещении, которое питает не один разум, но и сердце, способное воспитывать и укреплять народную душу для того, чтобы легко было справляться со всякими невзгодами, которые могут еще предстоять государству в будущем.

Вы вступили, Государь, на славный престол подвижнической жизни Вашего родителя с верой в безграничную, религиозную преданность

Вам русского народа, и в Вашей вере в Россию залог счастья не одной России, но, быть может, и всего человечества.

Глубоко проникнутый такими убеждениями, которые выработаны во мне 56 годами жизни, я исполнял порученную мне работу с глубочайшей благодарностью за оказанное мне милостивое доверие и имел при этом только одно чувство и одну мысль: облегчить хотя бы в ничтожнейшей мере непосильное бремя трудов и работ Вашего Величества, твердо веруя, что Ваше царствование будет тем славнее, чем оно будет продолжительнее.

Высший Промысл, управляющий судьбами мира, сохранит Вас и Государыню императрицу в здравии и благоденствии и благословит. Ваше Величество видит воспитание Вашего преемника в духе истинного русского православия и самодержавия.

Это горячие пожелания и усердная молитва миллионов Ваших верноподданных и истинно верноподданнейшего слуги Вашего Императорского Величества М. Кази. Санкт-Петербург, 27 августа 1895 г.

4 сентября 1897 г. Государю Николаю Александровичу из Царского Села.

Не посетуйте, Государь, на мою докучливость и в более вероятные вне Петербурга часы отдохновения не откажите прочитать прилагаемую книгу.

Славная прародительница Ваша читала и почитала Монтеスキе, Беккариа, Вольтера и его сподвижников-энциклопедистов. Истекшие столет доказали, что чисто политические мысли остаются в области спекулятивной теории, теории подчас опасной, если не подкрепляются верно освещенными фактами политико-экономического свойства. Выдвинулся ряд писателей политико-экономических, но Леруа-Болье (любимец покойного Н. Х. Бунге) занимает первое среди них место. Многолетними и обширными трудами по части финансов и политической экономии он с замечательной полнотой и ясностью изложил основные истины этих сфер знания. В настоящем томе он, так сказать, резюмировал прежде им сказанное, применяя выводы науки экономической к течению жизни политической. Конечно, некоторые страницы, особенно в начале этой книги, имеют значение исключительно для Франции, но существенные итоги и заключения имеют цену общечеловеческих непреложных истин.

Простите, что надоедаю, но я уверен, что по прочтении этих страниц Вы не пожалеете о потраченном на них времени. Примите еще извинение: посылаю Вам том, затасканный мной в последнее путешествие,

потому что не нашел в Петербурге свежего и понадеялся, что сущность тома извинит пред Вами внешнюю его неприглядность.

Статс-секретарь Половцов.

СЕНТЯБРЬ

Проведя часть лета в Париже, съездив на две недели в Англию для осмотра огромных сталелитейных, железоделательных, рельсо-прокатных заводов с точки зрения своих богословских вновь устраиваемых промышленных заведений, отбив водолечебный курс в Мариенбаде, возвращаюсь в Царское Село в последних днях июля.

Погода стоит превосходная, так что весьма скучной представляется езда в Петербург для выработки проекта устава Богословского горнозаводского общества¹.

Царское село весьма пусто. Великий князь Владимир Александрович поселяется в своей (когда-то Кочубеевской) даче, а вследствие отсутствия великой княгини я вижу с ним часто, оценивая высоко его почти тридцатилетнюю дружбу, большой ум, добрейшее сердце. Несмотря на все эти достоинства, он мало полезен для государственной службы вследствие отсутствия привычки к самостоятельному труду, привычки, не создаваемой общим великокняжеским воспитанием.

Тяготясь одиночеством, он часто заходит к нам, нередко обедая с нами втроем, делает огромные пешеходные прогулки, в которых я его сопутствую. Разговариваем обо всем с полной откровенностью; в общих взглядах согласны, но относительно оценки людей, относительно правильности

¹ Богословское горнозаводское общество – крупнейшая в уральской горнообработывающей промышленности акционерная компания, была образована семьей Половцовых в 1895 г. для владения Богословским горнозаводским округом в Верхотурском уезде Пермской губернии. После строительства Надеждинского металлургического завода и приобретения Сосьвинского чугуноплавильного завода владельцы не располагали достаточными средствами для ведения дел самостоятельно, вследствие чего они основали акционерное общество и передали ему предприятия. Тем не менее большинство акций принадлежало представителям семейства Половцовых. Небольшой процент акций оказался в руках А. А. Ауэрбаха и Р. Б. Гаммершмидта, И. И. Бергмана и др. В состав имущества общества вошли Надеждинский металлургический, Сосьвинский чугуноплавильный и Богословский медеплавильный заводы, то есть медные, марганцевые, железные и хромистого железняка рудники, золотые и платиновые прииски, угольные и белой глины копи, пароходство на р. Обь с паровыми буксирами и баржами, межзаводская железная дорога.

или пользы такого или другого поступка или действия мнения наши часто различествуют, а чаще расходятся лишь в степени градусной силы твердости, подобающей быть проявленной в том или другом случае. В сношениях с этим человеком для меня особенно привлекательны его простота и искренность речи.

14 сентября. Отправляясь на утреннюю прогулку, захожу к великому князю, и у нас происходит приблизительно такой разговор:

Я: «Я Вам принес книгу Mallock'a "Labour and popular Welfare"¹. Смысл ее такой, что благоденствие народов творится не мускульной силой масс, а мозговой силой выдающихся единиц, из масс этих выдвигающихся. Такие взгляды в корне противоположны мнениям и действиям правительства за последние годы и потому, если Вы найдете возможность дать ее на прочтение Вашему племяннику, то окажете и ему, и направлению дел великую, по мнению моему, услугу. Императрица сделалась начальницей рабочих домов, для нее также небесполезно будет ознакомиться с этой книгой».

Великий князь: «Она желает найти занятие, но вдовствующая императрица не дает ей никакой возможности взять в руки что-либо и, конечно, прежде всего, женское воспитание».

Я: «Да мне в таком же смысле говорил министр внутренних дел Дурново, но, признаюсь, он при этом высказал несколько наводящих меня на раздумье фактов. Он сказал мне, что дома трудолюбия, коих в настоящее время сорок четыре, имеют главной целью давать заработок людям, не находящим работы; что число таких домов необходимо увеличить и что единственным тому препятствием служит недостаток денежных средств. На вопрос моей жены "Alors ce sont des ateliers nationaux?"², Дурново, очевидно, не понимая, что говорит, с гордостью воскликнул: "Oui, certainement des ateliers nationaux"³».

К этому Дурново присовокупил, что так как в этом попечительстве о домах трудолюбия нет сумм, то он счел нужным перечислить туда 500 000 рублей из продовольственного капитала и что Государь при докладе ему о сем благодарил его, Дурново.

Бедный юный царь, как обманывают твою неопытность!

За подобное распоряжение следовало не благодарить, а наказать.

Дурново очень встревожен тем, что прямо от Государя получено приказание назначить членом Совета министра финансов генерала Гана,

¹ Мэллок «Труд и народное благосостояние» (англ.).

² «Тогда это правительственные дома?» (фр.).

³ «Да, определенно правительственные дома!» (фр.).

уволенного в прошлое царствование от должности начальника пограничной стражи. Заботит министра внутренних дел не сущность подобного распоряжения, а то, по чьему влиянию оно могло последовать.

О своем переходе на пост председателя Комитета министров Дурново рассказывает, что уговаривал в последний доклад императора поскорее освободить его от обязанностей министра внутренних дел в интересе самого управления, но Государь отвечал: «Теперь нет спешных дел, еще успеем».

Государь сказал Дурнову, что желает как можно более охотиться и намерен предпринять серию охот в Гатчине и окрестностях.

15 сентября. Гуляя утром в десятом часу в парке, встречаю Государя. Очень любезно останавливается, и мы продолжаем прогулку вдвоем, причем разговор приблизительно следующий. *Государь:* «Вы давно в Царском?» *Я:* «С конца июля, после окончания мариенбадского лечения». *Государь:* «Долго ли останетесь?» *Я:* «Покуда стоит хорошая погода».

Государь: «Я читаю теперь записки графини Головиной¹, подлинник коих Гримм нашел в моей библиотеке. Знаете ли Вы их?»

Я: «Государь Александр Николаевич давал их читать князю П. А. Вяземскому, от которого и я имел их в руках».

Государь: «Чрезвычайно интересно».

Я: «Очень, но какие постоянные отвратительные интриги».

Государь: «Да, и в особенности в каких грубых формах...»

Я: «У меня теперь полученная из Парижского архива рукопись – записки герцога де Лириа². Вот где ужасные формы».

Государь: «Как, в изложении герцога?»

Я: «Нет, в событиях, кои он с большой скорее деликатностью излагает».

Государь: «Вероятно, много говорит о Меншикове».

Я рассказываю, что Лириа, когда был в России, и как подарил герцогу Сен-Симон (рукопись с акварельными изображениями русских типов, которая и хранится в Парижском архиве). Говоря о Парижских

¹ Воспоминания повествуют об эпохе царствования Екатерины II, Павла I, Александра I, даны характеристики членов императорской семьи и ее окружения. См.: Записки графини Варвары Николаевны Головиной (1766–1819). СПб., 1900. Николай II упоминал в дневнике об этих записках: «Читал до обеда – вечером вслух Аликс продолжение интереснейших записок графини Головиной, времен Екатерины и Павла Петровича», «Окончили чтение занимательных записок графини Головиной» (13 сентября, 22 сентября 1895 г. Дневники Николая II. С. 227.).

² Возможно имеется в виду: Записки герцога де-Лириа-Бервика, бывшего испанским послом при Российском дворе с 1727 по 1831 год / Сообщ. И. П. Сахаров // Сын отечества. 1839. Т. 7. № 2. Отд. 3. С. 125–176.

ученых, Рамбо, Лависс, упоминая и о Вандале, и о том, как он, собираясь издать третий том своей истории отношений Наполеона к Александру I¹, высказывал мне неодобрение свое характера императора Александра I за двуличное его к Бонапарту отношение. На это я возражал, что ему, Вандалю, следовало бы прочитать письма Нессельрода к Сперанскому за 1810 и 1811 годы и тогда он убедился бы, насколько Наполеон был искренен в отношении Александра и насколько Александр имел основание быть искренним с Бонапартом. К сожалению, Вандаль писем этих не имеет.

Государь (с живостью): «Ему надо их послать».

Я (после некоторого молчания): «У меня есть долг, Государь. Вам известен результат комиссии графа Корфа² для собирания материалов к биографии императора Николая. Бумаги этой Комиссии были переданы мне, но по рассмотрении их я нашел их столь неполными, что не счел без дополнения их другими, прежде всего, ознакомления с семейной перепиской, хранящейся в Зимнем дворце, приступить к печатанию чего-либо».

Государь: «Нынешней зимой я будут жить в Зимнем дворце и рассматривать хранящиеся там бумаги и если найду возможным печатать некоторые, то передам нашему обществу».

Государь: «Я еще не закончил с прочтением записок императрицы Екатерины, которые мне передал в подлиннике из Государственного архива Алексей Борисович³. Я благоговеею пред ее личностью, восхищаюсь ей».

Я: «Во всех отношениях выходящая из ряду человеческая личность. Как замечательно, что такие выдающиеся исторические личности слагаются

¹Трехтомный труд А. Вандаля «Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во время первой империи» (“Napoléon et Alexandre Ier. L’alliance russe sous le premier empire, 1891–1896”) впервые издан во Франции в 1891–1893 гг., книга многократно переиздавалась в конце XIX – начале XX вв., первое русское издание вышло в Санкт-Петербурге в 1910–1913 гг. В этом труде автор пытался обосновать необходимость русско-французского союза. В рассмотрении политических событий исследуемого периода историк сделал акцент на взаимоотношениях Александра I и Наполеона, их личных качествах и психологии. Том 1: От Тильзита до Эрфурта; Том 2: Второй брак Наполеона. Упадок союза; Том 3: Разрыв франко-русского союза.

²В 1856 г. во главе с историком М. А. Корфом была создана комиссия, которая занималась сбором материалов для полной биографии и истории правления императора Николая I. В результате подготовленные материалы изданы в одном из сборников Исторического общества. См.: *Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I // Сборник Русского исторического общества. 1896. Т. 98.*

³Речь идет о А. Б. Лобанове-Ростовском.

в особенности после трудной, тяжелой молодости. Это подтверждают люди, как Генрих IV, Фридрих II, Петр I, Екатерина. Я часто, разговаривая с великим князем Владимиром Александровичем, обращал его внимание на то, что и великий ум, и доброе сердце в результате деятельности своей атрофируются отсутствием ответственности и этим постоянным поддакиванием, коим окружаются сильные мира сего».

В это время мы подошли к раздвоению дороги; каждый из нас пошел к дому.

«Я Вас увлек в иную, чем Вы собирались, сторону», – сказал Государь. – «Помилуйте, я так рад, когда моя скучная одиночная прогулка прерывается, Ваше Высочество». И тут же, заметив свою ошибку, воздал должный титул Величества.

Государь был одет в коротенькое пальто (тужурка) Преображенского полка с тростью и двумя собаками: одна огромная, другая крошечная.

16 сентября. Посылаю великому князю Владимиру Александровичу наскоро написанную мной записку, выражающую мой взгляд на необходимость направления крестьянского дела, в особенности землевладельческого вопроса¹.

18 сентября. Понедельник. Похороны Манасеина, умершего в доме князя Лобанова на дороге в Павловск. В 10 часов вынос тела; приезжает Государь, великий князь Владимир Александрович, большое число лиц судебного ведомства. Манасеин был недюжинный, но и далеко не замечательный, выдающийся человек в общечеловеческом смысле. Много природного ума, способности трудиться. Обширные специальные по уголовному праву и уголовному судопроизводству сведения, продолжительная прокурорская практика, но все это в существе и формах бойкого ревностного чиновника, добивающегося повышения. По окончании курса наук в Училище правоведения, он поступил на службу в московский Сенат под начальство Победоносцева, который независимо от канцелярских достоинств нашел в нем отголосок своим тогдашним славянским ультрамосковским узкопоповским взглядам и содействовал его повышению даже до поста министра юстиции. Но здесь Манасеин оказался совсем не на высоте своего положения. В душе своей он был ревностным приверженцем судебной реформы², но при назначении

¹ Имеется в виду записка, приведенная выше, после записки от 24 апреля.

² Имеется в виду реформа судебной системы и судопроизводства, которая была проведена в 1864 г. Ее основой стало «Учреждение судебных установлений» (судебные уставы). Ими вводились принципы независимости судей, гласности,

ему объявлено о необходимости уничтожить судебные уставы. Он стал лавировать между этими двумя течениями и, как всегда в таких случаях бывает, заслужил нерасположение обоих лагерей. Ярым его противником восстал граф Толстой, который в генеральном сражении по поводу земских начальников разбил его наголову, продиктовав Государю резолюцию об уничтожении мировых судей¹, резолюцию, которая была объявлена Совету без малейших с министром юстиции предварительных переговоров и совершенным для него сюрпризом. После такой для него пощечины Манасеин должен был немедленно оставить место; но когда я уговаривал его это сделать, то он ответил мне: «А ты мне ручаешься, что меня назначат членом Совета и сохранят не менее 15 тысяч рублей жалованья?»

Разумеется, после этого посыпались щелчки, например, получив указ о назначении сенатором довольно презренного шталмейстера Мартынова, Манасеин решился написать Государю письмо, выставляя невозможность такого назначения.

Государь возвратил письмо с такой надписью: «Кажется, сенаторов назначаю я, а не Вы».

Назначая Муравьева на мое место государственным секретарем, император Александр III сказал великому князю Михаилу Николаевичу:

устности и состязательности судебного процесса, ликвидировался сословный суд. Были созданы две системы судов – мировые и общие. Мировые суды создавались в городах и уездах, в сферу их деятельности входили мелкие уголовные и гражданские дела. Как правило, каждый уезд составлял мировой округ, который разделялся на мировые участки. Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями (в столицах – городскими думами) и утверждались в должности Первым департаментом Сената. Апелляционной инстанцией для участковых судей был съезд мировых судей, состоявший из всех мировых судей округа. Надзор за органами мировой юстиции осуществляли министр юстиции, судебные палаты и Кассационный департамент Сената. Система общих судов включала окружные суды и судебные палаты (создавалась одна палата на несколько судебных округов). Окружной суд рассматривал уголовные и гражданские дела, которые не входили в сферу деятельности мировых судей, однако из их ведения были изъяты дела о преступлениях по должности, совершенных лицами, имевшими чин выше титулярного советника. Дела о преступлениях, которые наказывались лишением прав состояния или лично присвоенных прав и преимуществ, слушались с участием присяжных заседателей. Апелляционной инстанцией для окружного суда была судебная палата (апелляция по поводу приговора, вынесенного судом присяжных, не допускалась). Верховным и кассационным судом, а также высшим органом судебного надзора являлся Сенат.

¹ Об обсуждении проекта о земских начальниках Половцов подробно рассказывал на страницах дневника. См.: Половцов. Т. II. С. 7–8, 13, 30, 51, 65, 77–78, 101–2, 126–127, 138, 155–156, 170–172, 177, 201, 204, 215–217, 221, 226, 263.

«Это готовый министр юстиции» и ожидал первого упоминания Манасейна о своей отставке, чтобы его уволить, что и последовало вскоре, тем более, что здоровье его было весьма плохо; у него уже начинался рак в кишках, от которого он и умер.

Захожу в 4 часа к великому князю Владимиру Александровичу, который сообщает мне, что император Вильгельм прислал нашему Государю аллегорический рисунок, изображающий нашествие на Европу желтой расы¹, при письме, в коем жалуется на наши отношения к Франции, прибавляя, что все возрастающее в Германии по поводу сему неудовольствие общественного мнения может повести к усложнениям в будущем. Привезший это письмо адъютант императора Мольтке был принят великим князем Владимиром Александровичем и говорил в довольно возбужденном тоне.

Выражаю мнение о необходимости поручить Лобанову ехать из Парижа к императору германскому, где бы он ни находился, а одновременно послать Лобанову копию с письма императора, чтобы он знал, в чем дело.

19 сентября. Вторник. Получив от Государя приглашение ехать с ним на охоту, приезжаю к восьми часам на Александровскую станцию Варшавской линии.

Здесь застаю ожидающими пред подъездом: великого князя Владимира Александровича, барона Фредерикса, в отсутствие Воронцова исправляющего обязанности министра двора, князя Г. С. Голицына (Гри-Гри), моего сотоварища по Государственному совету Сипягина, вновь назначенного главноуправляющим Канцелярией прошений, князя П. С. Оболенского – гофмейстера великого князя Владимира Александровича и доктора Гирша, бывшего врачом покойного императора, а теперь сделавшегося врачом его сына. Погода восхитительная: безоблачное небо и тепло, как в июле.

Ровно в 8 часов приезжает Государь, одетый в охотничье платье, какое носят обыкновенно в Англии: куртка и брюки из толстой серой материи, высокие сапоги и маленькая барашковая шапка, вроде тех, что носят теперь солдаты. Поздоровавшись с нами, Государь входит в поезд

¹ В 1895 г. император Вильгельм II прислал Николаю II аллегорический рисунок, созданный по его просьбе с собственного эскиза императора художником Г. Кнакфусом. На картине изображались народы Европы, с тревогой смотрящие на кровавое зарево на Востоке, в лучах которого виднелся буддийский идол. «Народы Европы, оберегайте свое священное достояние», – гласила надпись под рисунком (Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн. С. 118).

и приглашает нас в столовую, где длинный стол накрыт для чая, кофе, яиц, холодных блюд и вин. Все принимаются за еду и среди по возможности пустого и незлобного разговора приезжают через час несколько верст за Гатчину по Балтийской железной дороге. Здесь (на станции Пудость) выходят из поезда и начинают загоны; при этом охотники с каждым переходом меняются местами, так что всякий подвигается на один номер к Государю, как всякому из его приглашенных приходится стоять не на лучшем номере, а на том, который ему по порядку приходится. После 10 загонов приходим к месту, назначенному для завтрака – здесь раскинута палатка и накрыт стол. После обычной закуски усаживаются за стол, причем по правую руку от Государя садится великий князь Владимир Александрович, а по левую сажают меня как старшего в чине. Завтрак, разумеется, не что иное, как полный обед с супом и пирожным. Разговор ведет почти целиком великий князь Владимир Александрович, который наслаждается охотой, погодой, свободой, а на Государя смотрит как бы на любимого своего сына. Выдающегося в разговоре, конечно, мало. Между прочим, Государь выражает свое удивление тому, что в последнем номере английской иллюстрации изображено представление на каком-то народном театре, имеющее предметом провозглашение королевы Виктории императрицей. Я замечаю на это, что англичане – преданный своей королеве народ, но своеобразно понимают выражение этой преданности. Так, я в прошлом году видел на Лондонском театре человека, изображавшего пальцами тени на белом щите. В заключение представления он изобразил силуэт королевы, музыка заиграла народный гимн, а публика неистово аплодировала.

Рассказ этот очень забавляет русского царя.

Выходя из-за стола, становимся группой для снятия фотографии, затем продолжаем загоны до темноты и возвращаемся тем же порядком в Царское Село около семи часов. Убито 337 штук дичи, конечно, преимущественно зайцев.

Юный Государь весьма доволен своим днем, весел, счастлив, так что на него смотря радостно. Человек в таком настроении способен лишь на добрые дела¹.

¹ 19 сентября Николай II написал в дневнике: «Встали в 7 часов и после кофе отправились вдвоем в коляске до моста в парке, где Аликс вылезла, а я поехал на станцию. Тут уж ожидали: дядя Владимир, барон Фредерикс, Сипягин, князь Голицын, Половцов, Густав Иванович (Гирш – О.Г.) и Платон Оболенский. Сели в поезд и покатали через Гатчино к Пудости. Тут и началась наша облава, в первый раз на этих местах. Погодой нельзя было достаточно нахвалиться;

ОКТЯБРЬ

1 октября. Охоты продолжают по два раза в неделю. Барон Фредерикс, исполняющий временно обязанности министра двора, передавал мне следующие сказанные ему Государем слова: «В это время года мой отец обыкновенно отсутствовал из Петербурга и не принимал никаких докладов от своих министров, поэтому я считаю себя вправе два раза в неделю не принимать министерских докладов, распределив их на другие дни».

После двух первых охот установился тон, господствующая нота всего собрания, нота непринужденности, добродушия, веселости, отсутствия намеков, подходов, задних мыслей.

В этом отношении пример показывает юный император. Он приезжает на назначенное место сбора с чрезвычайною аккуратностью, вежливо здоровается с каждым из приглашенных, проходит в вагон и приглашает присутствующих садиться около накрытого чайными приборами и холодными яствами стола. Начинается самый непринужденный, оживленный разговор, имеющий, конечно, предметом прежде всего охотничьи похождения, а затем всякого рода рассказы и анекдоты, но без всякого при этом злословия. Великий князь Владимир Александрович и я при первом случае переносим разговор на почву исторических воспоминаний. Великий князь при любви к истории, при огромной по части русской истории начитанности, при необыкновенной памяти рассказывает отлично, и племянник его жадно слушает его рассказы. От времени до времени я тоже вставляю свое слово. Фредерикс и Григорий Голицын подпускают дружеские между собой шутки, Сипягин упорно и осторожно молчит, останавливая внимание слушателей на погоде или на давно известном, перепечатанном всеми журналами факте, Черевин занимается винами и не совсем осторожно высказывает к окружающей среде такое чувство, что ко всему этому он так давно привык и что сегодня около него есть оттенок новизны. Стреляющий по соседям доктор Гирш — обычная жертва для насмешки Черевина.

Проехав около часу по железной дороге, мы выходим из вагона. Обратная поездка бывает еще веселее. Всякий рассказывает свои приключения

казалось, что охота происходит в июле, а никак не в сентябре! Пера летела масса, что, конечно, более всего оживляет облаву. Завтракали в палатке. Всего взяли 16 загонов и убито 337 штук. Я убил в том числе: 2 тетеревей, 2 белых куропаток, 1 серую куропатку, 4 вальдшнепа и 25 зайцев — итого 34 штуки! От конца охоты проехали недолго до поезда и вернулись в Царское к 7 часам» (Дневники Николая II. С. 227).

дня, отсюда переходят к воспоминаниям об охотах, о путешествиях, причем сам Государь просто, скромно, сообщает весьма интересные подробности своего путешествия на Дальний Восток.

5 октября. Возвращается из заграничного отпуска Лобанов. Еду к нему обедать, и у нас происходит интересный обмен сообщений.

Я рассказываю, что присылка германским императором через своего адъютанта Мольтке письма нашему Государю с гравюрой, исполненной по мысли Вильгельма и изображающей нашествие на Европу желтой расы, произвело в Царском Селе весьма неприятное впечатление. Юный Государь нашел, что тон письма таков, какого Вильгельм не позволил бы себе в отношении покойного Государя. Мольтке приехал к великому князю Владимиру Александровичу, говорил очень страстно и возбужденно о впечатлении, производимом на Германию постоянно усиливающимся сближением между Россией и Францией. Мольтке, очевидно, говорил в тоне впечатлений своего императора и произвел тяжелое впечатление на великого князя Владимира Александровича, который близко знает императора Вильгельма и до известной степени опасается его страстных, не всегда продуманных выходов.

Мое первое слово было: «Надо Лобанову написать, чтобы непременно ехал в Губертусшток и имел свидание с императором, а одновременно послать копию с письма императора, точно так же, как и копию с ответа на письмо это данного».

На другой день после прибытия Мольтке была охота около Гатчины, и я узнал, что Лобанову послана в вышеприведенном смысле телеграмма и что Государь пишет письмо германскому императору. О присылке гравюры Государь рассказывал за чаем.

Вернувшись домой после охоты, пишу великому князю Владимиру Александровичу на скорую руку несколько слов по-французски, потому что желаю поделиться с ним впечатлениями после слышанного из уст Государя на охоте. Пишу, что, конечно, Европе угрожает опасность со стороны Азии и не одной Азии, а также других стран света – Америки, Африки. Что в будущем Европа, чтобы защитить те блага, кои христианское просвещение ей доставило, должна бы сплотиться в одну силу, способную дать отпор, и что сплочение это возможно только сближением держав, коих силы значительно возросли бы на совокупную борьбу, если бы каждая в отдельности, уменьшив свои вооружения, тем самым увеличила бы свои государственные, экономические силы, а вместе с ними и итог европейского другим частям света сопротивления. Что с этой точки зрения вопрос о разоружении или уменьшении роста

вооружений принес бы большую пользу правительствам и что, конечно, испытанное в этом вопросе германское правительство могло бы взять на себя почин для выработки программы того, что могло бы быть сделано.

В следующую охоту Владимир Александрович сказал мне, что я оказал огромную услугу, которой он никогда не забудет. На что я отвечал, что решительно не понимаю, что он хочет сказать. Государь же за столом сказал, что получил от Вильгельма телеграмму *pour la lettre très intéressante*¹.

Лобанов, в свою очередь, рассказывал мне, что получил от Государя в Париже шифрованную телеграмму с изложением письма Вильгельма, который горько жаловался на то, что во Франции прибавляют будто бы одну дивизию на восточной границе. Прибавляя, что такие действия возбуждают общественное мнение, которое может довести правительство до усложнений.

В день получения этой депеши Ганото был у Лобанова и опроверг обвинительные заявления Вильгельма.

По приезде в Берлин Лобанов на другой день (воскресенье) поехал в Губертусшток, маленький охотничий замок, где император принял его запросто (в охотничьих сапогах), причем сам Лобанов был в сюртуке.

Они виделись в первый раз, и император, изъявив свое удовольствие по поводу нового знакомства, прямо перешел к вопросу об отношении императорских дворов к Франции. По его мнению, Франция, политически растленная держава, которая должна окончательно разрушиться. Три императора², получившие власть от Бога, должны не поддерживать существование республики, людскими руками созданной, а, напротив, содействовать к ее уничтожению. Между тем Россия своими к Франции отношениями дружбы поддерживает эту республику. Самое монархическое правительство поддерживает самые анархические порядки.

Лобанов заявил категорически, что не разделяет мнения императора, что, напротив Россия удерживает Францию от окончательного торжества в ней анархических начал, что, отшатнись Россия от Франции, и страна эта, впад в революционные крайности конца прошлого столетия, могла бы пролить поток на всю Европу, не исключая и самых старинных монархий, что во Франции не может быть ныне речи о «*gevanche*»³, что борьбы политических партий делают невозможным какое-либо внешнее проявление силы, что восстановление монархии при нынешних

¹ С интересным письмом (?) (*фр.*).

² Имеются в виду русский, германский (Вильгельм II) и австрийский императоры (Франц Иосиф I).

³ Реванше (*фр.*).

условиях во Франции невозможно. В заключение Лобанов объяснил Вильгельму неверность сообщенных им о передвижении французских войск сведений. (Относительно последнего факта приближенные императора заявили, что сведения эти почерпнуты императором из каких-то газет, а отнюдь не из достоверного источника.)

Затем император Вильгельм перебрался на армянские дела. Лобанов сказал, что полученные им в Париже сведения дают основание думать, что англичане хотят завладеть Дарданеллами. – «В таком случае, берите Константинополь».

Лобанов отвечал, что в таком случае вся торговля нашего юга осталась бы в руках англичан.

Император Вильгельм заявил, что во всяком случае он предоставляет нам делать в Турции что угодно. Относительно русского Государя Вильгельм говорил с большой симпатией и напомнил о японском соглашении¹ как о доказательстве этой симпатии.

За разговором последовал завтрак, на котором Лобанов познакомился с довольно бесцветной императрицей.

¹ Здесь говорится об уже упоминавшихся выше событиях, произошедших в ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг.

1896

МАРТ

12 марта. Прохворав сильным припадком подагры, я в конце ноября уехал во Францию и по совету врачей отправился на берег Средиземного моря в Монте-Карло, где весьма скоро почувствовал полное от своих болей облегчение и укрепление расшатанных мучениями и бессонными ночами сил.

В конце декабря приехала жена моя, и мы провели вместе январь месяц.

Получив известия о нездоровье второго моего сына¹, а также уведомления от заведующего делами нашими Гамершмита о неисправности Богословского управления в исполнении поставки рельсов, я поспешил в Петербург, где попал в кучу всякого рода неприятностей.

Государь принял меня очень ласково, и этот прием возбудил против меня злобу известной группы людей, во главе коих стояли граф Шереметев и Сипягин, а орудием коей явился Мещерский, напечатавший в своей газете «Гражданин» пасквильную на меня статью.

Сыновья мои отправились к Мещерскому и поколотили его один палкой, а другой нагайкой. Мещерский предъявил к ним иск у мирового судьи, и на них посыпались журнальные статьи журналистов, испуганных подобного рода формой ответственности.

По счастью, опасения относительно неисправности поставки рельсов не подтвердились, и я по обозрении и приведении в порядок этого и нескольких других своих дел мог снова уехать на праздники в Париж, где жена моя оставалась лечиться у знаменитого массажиста Мецгера.

Петербург произвел на меня грустное впечатление. Молодой император, преисполненный самых лучших чувств и стремлений, чужд всякой подготовке к тяжелому, внезапно выпавшему на долю его труду. Ничтожные, унаследованные им от отца его министры грызутся, интригуют, добиваются власти.

Наиболее всех презираемый, подобострастный, преследующий только мелкие себялюбивые интересы Дурново получил первенствующее место председателя Комитета министров.

¹ Имеется в виду П. А. Половцов.

Чрезвычайно умный, даровитый, но лишенный общего образования и специальных по своей части сведений министр финансов обуреваем властолюбием и претендует на положение первого министра. Его беззастенчивая смелость грозит серьезными нам опасностями. Председатель Департамента экономии Сольский, полуразвалившийся телесно и духовно, вместо чем играть роль умерителя недовольно обдуманных прорывов Витте, раболепно ему повинуется.

Победоносцев, несмотря на бездарность свою в сфере какого бы то ни было творчества, пользуется доверием и дает неизменно отрицательные советы по всем предлагаемым ему вопросам. Ему удалось отклонить назначение министром внутренних дел Плеве или Сипягина и провести на этот пост Горемыкина – человека, бесспорно, честного, умного, добросовестного, но подвергшегося сильнейшему гонению со стороны партии, покровительствуемой императрицей Марией Федоровной и претендующей быть продолжательницей Александра III.

По счастью, внешняя политика попала в руки моего приятеля князя Лобанова, который в один год поставил Россию в исключительное положение могущества и славы. Из многочисленных усложнений мы вышли более чем благополучно и благодаря тому можем еще продолжать сохранение внутренней беспорядицы и путаницы, но, конечно, злоупотреблять этим положением опасно.

Государь понимает значение трудов Лобанова, очень ценит их и высказывает ему внимание, что возбуждает зависть и ненависть прочих министров, ведущих против него ожесточенную войну. Думаю, что одной из главных причин к тому еженедельно (по вторникам) получаемое Лобановым приглашение завтракать с Их Величествами втроем после своего всеподданнейшего доклада.

Наиболее крупным событием за время четырехнедельного моего в Петербурге пребывания была смерть Черевина, игравшего выдающуюся роль в прошлое царствование.

Черевин был весьма честный, благородный, умный человек, но, вследствие продолжительной политически придворной службы получивший окончательное презрение ко всему принципиальному, отвлеченному, неверие во все сколько-нибудь нравственно беспристрастное, бескорыстно-возвышенное. Оставаясь сам честным человеком в дюжинном смысле этого слова, он окружал себя людьми презрительными, которые пользовались его положением и влиянием, чтобы устраивать свои подчас темные делишки. Состоя начальником царской охраны, Черевин, конечно, пользовался чрезвычайным доверием покойного императора Александра III и особенным расположением вдовствующей императрицы

Марии Федоровны. При молодом нынешнем Государе он уже не пользовался прежним влиянием, но, конечно, оставался в числе наиболее приближенных особ, тем более что его неизменная веселость, шуточный тон, остроумные суждения делали его очень приятным собеседником, правда, подчас чересчур болтливым и нескромным, но тому причиной бывала обыкновенно большая приверженность к вину, значительно усилившаяся за последние годы его жизни.

В итоге он был одним из лучших людей, окружавших недалёковидного Александра III.

АПРЕЛЬ

17 апреля. Проведя четыре недели во Франции благодаря свободе пасхальных вакаций, возвращаюсь в Петербург.

Тотчас по приезде еду в свое Рисовальное училище и убеждаюсь в том, что новый музей¹ может быть открыт. Немедленно пишу Государю, прося его назначить день торжественного открытия. Он отвечает любезной запиской, что назначает церемонию на 30 апреля. Жена моя, испросив аудиенцию у императрицы Александры Федоровны, приглашает ее и получает обещание быть.

30 апреля. Их Величества приезжают из Царского Села для присутствия при спуске двух кораблей и закладке третьего². После этих морских торжеств все императорское семейство завтракает у генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, а в 2 ½

¹ Речь идет об открытии нового здания Музея декоративно-прикладного искусства при Центральном училище технического рисования барона Штиглица. Подробнее об открытии музея Половцов рассказал ниже, в записи от 30 апреля.

² 30 апреля 1896 г. император Николай II присутствовал при спуске на воду броненосца береговой охраны «Генерал-адмирал Апраксин» и броненосного крейсера «Россия», а также при закладке канонерской лодки «Гиляк». Сам Николай II описывал в дневнике происшедшие события следующим образом: «<...>В 10¼ поехали в Петербург, прямо в Новое Адмиралтейство. Сначала была закладка канонерской лодки „Гиляк“ для плавания по китайским рекам. Тут же рядом с другого эллинга был спущен броненосец береговой обороны „Генерал-адмирал Апраксин“, зачисленный в Гвардейский экипаж. Пересели на „Петергоф“ и пошли вниз к Балтийскому заводу. Тут происходил спуск крейсера 1 ранга „Россия“, самого большого судна до сих пор в нашем флоте. Замечательно эффектно неслась эта громадина со стапеля; волнения и беспокойства у всех очевидно были большие. Ушли оттуда под проливным дождем к д[яде] Алексею, у которого был большой завтрак с моряками» (Дневники Николая II. С. 141).

Их Величества приезжают в училище, где их уже ожидают: великий князь Владимир Александрович с великой княгиней Марией Павловной, великий князь Алексей Александрович, великая княгиня Елизавета Маврикиевна (ее муж великий князь Константин Константинович уже в Москве с командуемым им Преображенским полком), великая княгиня Ксения Александровна с мужем великим князем Александром Михайловичем, принц Александр Петрович Ольденбургский с принцессой Евгенией Максимилиановной, великий князь Михаил Николаевич, сын его Георгий Михайлович.

По приезде Их Величеств все эти высочайшие особы поднимаются по малой лестнице в верхний этаж, где слушают молебен в Венецианском зале, где уже находились собравшимися¹: приглашенные члены Государственного совета, члены Академии художеств, члены Общества поощрения художеств, все преподаватели училища и все ученики Центрального училища.

Кроме этих категорий, было несколько лиц, обязательно сопровождающих Государя и императрицу: исправляющий обязанности министра двора барон Фредерик, командующий Главной квартирой Рихтер, обер-гофмейстер князь Трубецкой, обер-гофмейстерина княгиня Голицына. Отслушав молебен и превосходное пение хора певчих Архангельского², процессия вышла в большую залу, где Их Величества были встречены громкими «ура» учеников и гимном «Боже, царя храни». Обход всех зал занял приблизительно полчаса и окончился в большом советском зале³. Пред отъездом Их Величества осмотрели картины Боголюбова⁴ и учеников его, изображающие тулонскую встречу и привезенные им из Франции.

Во время обхода Месмахер – директор училища – сопровождал императрицу, а я императора, который в высшей степени любезно выражал свое одобрение⁵ и выразил намерение приехать в другой раз для подробного обзора множества вещей, на которые в этот день удалось лишь бросить беглый взгляд.

¹ Так в тексте.

² Имеется в виду хор города Архангельский.

³ Здесь говорится о зале совета музея, оформление этого зала является творческой интерпретацией интерьера зала Совета в Палаццо Дукале в Венеции.

⁴ Речь идет о картинах художника А. П. Боголюбова, посвященных тулонским событиям, наиболее известная из них – «Прибытие русской эскадры в Тулон» (1893 г.) – написана по заказу Александра III.

⁵ В тот же день Николай II записал в дневнике: «Отправились на открытие нового великолепного музея Штиглица. После краткого молебна обошли все залы, которая каждая отделана отдельным стилем» (Дневники Николая II. С. 141).

В этот самый день захворала серьезно воспалением в кишках моя вторая внучка Надежда Бобринская – замечательный одиннадцатилетний ребенок, написавший томы преизрядных русских и английских стихов. В предсмертных мучениях она просила сестру свою читать ей стихи Пушкина и восхищалась ими. Она скончалась 7 мая. Я решил не ехать на московские коронационные торжества, но так как мой зять Бобринский и его отец отправились туда, то и я прибыл для присутствия при самой церемонии в Успенском соборе и принесения на другой день поздравлений, после чего в тот же вечер уехал обратно в Петербург.

У нас был нанят в Москве дом князя Долгорукого (на Колымажном дворе, среди сада). Там устроена жизнь с удобствами и прислугой, присланными из Петербурга. Но воспользоваться этим пришлось не нам, а одному юному французу Делегли с его товарищем Барантом, кои прожили там две недели и видели все пышные празднества по случаю этому данные. Успешный ход этих торжеств омрачился ужасной Ходынской катастрофой.

Накануне вечером в театре¹ (спектакль-гала) Государь, обращаясь к директору театров Всевожскому, сказал: «Как приятно, что все праздники прошли в таком порядке; все эти иностранцы ничего не могут критиковать».

Покуда Государь произносил эти слова, на Ходынке собрались густые темные тучи народной толпы. Получив о том уведомление, граф Воронцов-Дашков телефонировал обер-полицмейстеру Власовскому о необходимости посылки полиции. Власовский, по приказанию великого князя Сергея Александровича, обиженного тем, что на время коронации его подчинили министру двора в отношении коронационных распоряжений и, издавна враждуя с Воронцовым, никаких мер не принял.

Наутро собралась полумиллионная толпа, приходившая в массовое движение по земельному пространству, покрытому глубокими ямами, рвами, оставшимися после имевшей место здесь несколько лет тому назад выставки². Люди падали и гибли сотнями. К этому прибавилось глупое устройство помещений, в коих раздавались подарки. Устроены

¹ Речь идет о Большом театре. «Через час поехали в Большой театр на торжественный спектакль. Давали по обыкновению 1-й и последний акты „Жизнь за Царя“ и новый красивый балет „Жемчужина“. Окончилось в 11.10 ч. (по программе)», – писал в дневнике Николай II 17 мая (Дневники Николая II. С. 145).

² В конце XIX – начале XX вв. Ходынское поле использовалось для устройства выставок. Здесь, по-видимому, речь идет о Художественно-промышленной выставке 1882 г.

были коридоры, в коих полумиллионная толпа должна была проходить попарно, и здесь началась смертельная давка.

Полиции не было никакой. Великий князь генерал-губернатор ужинал и слушал цыган в трактире Стрельна¹. В пятом часу утра он возвратился в Москву на глазах людского потока, стремившегося по Тверской на народный праздник. Чрез час на Ходынке было от 1,5 до 2 тысяч мертвецов. Поехали доложить великому князю, но его служители сказали, что имеют приказание не будить его ни в каком случае.

Когда он проснулся и окружавшие стали уговаривать его поехать на место несчастья, то он отвечал, что не может, потому что должен снимать фотографию с группой офицеров Преображенского полка; прибавив, что ему там и делать нечего, потому что он не сестра милосердия!..

Поехав к Государю и застав его за туалетом, он доложил ему, что погибло более 70 человек.

Государь сначала решил ехать на бал к французскому послу Монтебелло, но потом по совету дядей остановился на мысли поехать на короткое время, а в конце концов пробыл на бале до конца.

О Ходынском деле назначено было следствие чрез судебного следователя, но так как следствием руководил министр юстиции Муравьев – креатура великого князя, то Государь (вероятно, по внушению Воронцова) поручил графу Палену рассмотреть это следствие и внести со своим заключением в Совет министров. Об этом был написан на имя Палена рескрипт.

Великий князь Сергей Александрович уговорил своих братьев за него вступить, утверждая, что ни одного дня не останется генерал-губернатором, если рескрипт не будет немедленно уничтожен. Государь имел слабость не только согласиться, но еще назначить Сергея Александровича командующим войсками Московского округа на место зачисленного в члены Государственного совета Костанды.

По поводу этой истории разыгрались многочисленные сцены и ссоры между членами императорского семейства. К этому прибавилась война между Алексеем Александровичем и Александром Михайловичем, претендующим на место генерал-адмирала и так далее.

Все разъехались, перессорившись.

Вообще, вся эта коронация была чересчур раздута людьми, желавшими таким образом понравиться юному Государю. Из политически-религиозного обряда сделали какое-то представление международного

¹ Трактир «Стрельна» – популярный в то время ресторан в Петровском парке в Москве. Его владельцем был С. Н. Натрускин. Ресторан окружал огромный зимний сад с экзотическими растениями и бассейнами с разнообразной рыбой.

ипподрома. Всякие проходимцы: англичане, американцы ехали сюда для того, чтобы развлечься, посмеяться. Принцев наехало без конца, чтобы попировать на счет русского мужика, к смерти которого все великие мира высказали преступное равнодушие. Непростительнее всех остается Сергей Александрович, который даже не отменил своего бала и преспокойно танцевал, покуда хоронили жертв столь небрежно, презрительно устроенного от имени царя праздника.

ОКТЯБРЬ

Вот уже целый год, как я ничего не писал на этих страницах¹; да и действительно, ни охоты к писанию, ни даже материала не было.

Прошлой осенью меня схватил сильный припадок подагры, и я пролежал шесть недель в Царском Селе до полного наступления зимы. Как скоро силы то позволили, врачи отправили меня на теплый воздух, к Средиземному морю, где я и прожил до февраля, когда вернулся по делам в Петербург.

Дела, или скорее «дело» заключалось в разного рода трудностях, возникших при сооружении сталелитейного и прокатного заводов на крайнем севере, в принадлежащем жене моей Богословском округе.

По привычке подчас слишком доверять людям или, правильнее говоря, давать слишком большие полномочия (без коих ведение дел невозможно) я поручил сооружение и ведение дела горному инженеру Ауэрбаху, который, не имея надлежащих сведений, сам не сумел найти и сохранить надлежащих сотрудников, недостаток коих при географических и климатических трудностях тяжело отозвался на ходе дел, угрожая неисправностью принятой округом поставки рельсов на Сибирскую железную дорогу. Кое-как дело устроилось, и я мог возвратиться к жене во Францию и провести еще недели три в *Сар-Мартин*². Незадолго до отбытия в Москву для присутствования при коронационных празднествах мы вернулись в Петербург.

Здесь 30 апреля (если не ошибаюсь) последовало открытие вновь построенного при нашем Рисовальном училище музея. Государь

¹ Очевидно, Половцов забыл, что основные события 1896 года были уже записаны им в другой тетради (дневник марта–мая 1896 г., приведенный выше: ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 46. Л. 77 об.–92) и описал все еще раз, нередко повторяя себя (запись октября 1896 г. в форме воспоминаний, приведенная в данной публикации ниже: ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 49. Л. 2–11 об.).

² Кап-Мартен (*фр.*).

и императрица любезно приняли приглашение и, отслушав молебен, обошли все многочисленные залы нового здания с расставленными в них коллекциями, причем наговорили нам и строителю, Месмахеру, множество комплиментов.

В этот самый день нас постигло великое несчастье.

Наша вторая внучка Бобринская – милейшая в свете одиннадцатилетняя девочка – захворала и вскоре умерла в ужасных мучениях.

Жена моя решила не ехать в Москву, а я поехал на один только день самого торжества коронации в Успенском соборе и на другой же день возвратился в Петербург, откуда мы вскоре переехали на свою царско-сельскую дачу, где и прожили все лето.

В последних днях июня я съездил взглянуть на Нижегородскую выставку¹, а затем 2 августа уехал в Aix les bains² лечить свою несносную подагру.

Здесь совершенно неожиданно и внезапно получил известие о скоропостижной смерти Лобанова, с которым был чрезвычайно дружен почти тридцать лет.

Я познакомился с ним в то время, когда после нескольких лет отставки, проведенных за границей, он возвратился в Россию для поступления вновь на службу. Отставка его от должности посланника в Константинополе, на которую он попал чуть не 32-х лет, была вызвана его связью с женой французского посланника Буркене, что, разумеется, сделало невозможным его дальнейшее пребывание в Константинополе. По смерти госпожи Буркене Лобанов захотел вернуться на службу, но опасавшийся его успехов в будущем князь Горчаков не пожелал принять его в Министерство иностранных дел, и потому он воспользовался предложением министра внутренних дел Валуева и отправился в Орел

¹ Имеется в виду XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде. Она проходила с 28 мая по 1 октября 1896 г. К открытию этой выставки в Нижнем Новгороде был пущен первый в России электрический трамвай, устроены фуникулеры – подъемники, доставлявшие пассажиров с нижней части города в верхнюю, построено здание городского драматического театра, открыта паромная скоростная линия, связывающая верхнюю часть города с его заречной частью. На выставке демонстрировались достижения промышленности и сельского хозяйства: первая в мире гиперболоидная стальная сетчатая башня-оболочка и первые в мире стальные сетчатые своды и сводообразные перекрытия-оболочки конструкции В. Г. Шухова; первый в мире радиоприемник конструкции А. С. Попова; первый русский автомобиль конструкции Е. А. Яковлева и П. А. Фрезе и др. Всего выставку посетил почти 1 млн. человек.

² Экс-ле-Бен (фр.).

на должность губернатора, откуда вскоре был назначен товарищем министра внутренних дел. На этой должности он пробыл одиннадцать лет, в течение коих мы виделись почти ежедневно, и я не помню ни одного дня, в котором между нами была бы хоть тень натянутости отношений в каком бы то ни было смысле.

По окончании турецкой войны¹ Лобанов был отправлен послом в Константинополь, а оттуда по смерти Бруннова переведен в Вену, где пробыл одиннадцать лет, а по смерти Гирса назначен министром иностранных дел.

Положение его на этом посту было чрезвычайно трудное. Гирс был человек весьма бездарный, трусливый, исполненный всякого рода опасений, во главе коих стоял страх потерять место, связанное для него с благополучием многочисленных родственников. Незадолго до смерти Гирса, когда Шувалов из Берлина был назначен варшавским генерал-губернатором, умиравший Гирс добился назначения Лобанова в Берлин, чтобы отстранить по возможности естественного себе преемника. Назначение Лобанова затянулось, так что Гирс умер прежде воспоследования о сем указа. Возникло сомнение о том, не назначить ли Лобанова министром иностранных дел, но всемогущая императрица-мать, громко говорившая, что назначение Лобанова было бы равносильно назначению Половцова, настояла на том, что указ о назначении Лобанова в Берлин был подписан молодым царем.

Августейшая родительница принялась тогда добиваться назначения министром Сталя из Лондона, но этот почтенный старец заявил, что не чувствует более сил начинать новую карьеру. Волей-неволей пришлось обратиться к Лобанову.

Так как семейство Гирса не торопилось очищать казенную квартиру, то Лобанов продолжал жить у нас на Морской², и я близко мог следить за нервными, тяжелыми для него шагами министерской деятельности.

¹ Речь идет о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

² В. Н. Ламздорф упоминал в дневнике об этих событиях. 18 февраля 1895 г. он рассказал о телеграмме, которую назначенный управляющим Министерством иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский отправил своему предшественнику на этом посту Н. П. Шишкину. В телеграмме шла речь о приезде Лобанова в Петербург для вступления в должность. Он сообщал Шишкину, что остановится в доме А. А. Половцова и «впредь до своего окончательного вселения в министерскую квартиру хотел бы располагать лишь рабочим кабинетом». Ламздорф с сожалением добавил: в его телеграмме не было «никаких признаков предупредительности по отношению к госпоже Гирс, которую он смело мог бы попросить не спешить с выездом из министерской квартиры» (Ламздорф. С. 154–155).

Личный состав Министерства иностранных дел и в петербургских департаментах, и в заграничных представительствах был крайне плох.

Сразу взять людей не было откуда, а между тем, дела представлялись крайне запутанными и сложными. На первом плане стояла японско-китайская война. Благодаря французской дружбе, мы вступили миротворителями, чтобы спасти Китай от гибели и сохранить слабого соседа, а не жадную и притом успешно жадную к усилению и возвеличению Японию. Требования наши, заключавшиеся главным образом в том, чтобы не позволять японцам укрепляться и водворяться на материке, трудно было осуществить потому, что недалёковидные заправилы нашей восточной политики Гирс, Капнист, Ламздорф имели неосторожность заявить Японии, что вся наша претензия заключается в сохранении неприкосновенности Кореи, которую японцы захватили бы на другой день после своего собственного водворения на материке.

Японцы, увидав неожиданную твердость России, подчинились, и этот первый успех утвердил положение Лобанова. Юный Государь получил к нему безграничное доверие и ни одну минуту в том не имел случая раскаиваться.

Лобанов, несмотря на свои 70 лет, принялся за работу всеми нравственными и физическими силами. Он вставал в 7 часов и, можно сказать, до 10 часов вечера не отходил от письменного стола, иначе как для приемов или самой краткой прогулки.

Пред самым моим отъездом я имел с ним такой разговор. Я упрекал его в том, что в его годы нельзя вести такой образ жизни, угрожающий не только его здоровью, но самой жизни.

Он отвечал мне, что прекрасно знает, что умрет вскоре и внезапно, как это бывает в его семействе. Что относительно работы он не видит возможности поступать иначе вследствие посредственности заграничных наших представителей, останавливаясь преимущественно на полной непригодности во всех отношениях парижского посла Моренгейма, и слабости, бесхарактерной податливости лондонского — Сталя.

Я возражал, что важнее этих назначений выбор лиц, долженствующих помогать ему в работе здесь, в Петербурге.

Лобанов отвечал, что сознает справедливость моих слов, но что невозможно же их всех повесить, а надо дать им время так или иначе быть замещенными другими, намеченными им, но еще слишком молодыми деятелями.

«Мне тяжело одно, — продолжал он, — что я не успел приготовить преемника; сознавая, что смерть моя поставит Государя в затруднительное положение, я утешаюсь той мыслью, что в эти полтора года я изложил

ему подробно всю сущность моих убеждений относительно политики, которой Россия должна следовать, и я имею надежду, что Государь не забудет того, что я мог ему высказать».

Таков был мой разговор с ним пред самым моим отъездом в Экс. То был последний разговор мой с этим превосходнейшим человеком, с коим меня связывала тридцатилетняя дружба, никогда ничем не омраченная.

Окончив разбор бумаг Лобанова, я распределил их на четыре категории: 1) дипломатические, 2) о царствовании Павла, 3) другие исторические документы и материалы, 4) частная переписка.

Согласно моему мнению, Шишкин сделал всеподданнейший доклад о распределении сих бумаг таким образом: 1) дипломатические – сдать в архив Министерства иностранных дел, 2) бумаги о Павле, переданные Лобанову преимущественно императором Александром II как не могущие ныне подлежать обобщению, передать Историческому обществу, 3) остальные исторические материалы признать собственностью наследников, 4) письма частных лиц возвратить по принадлежности. Государь утвердил эти предположения и в резолюции своей выразил сожаление о том, что коллекциям покойного угрожает опасность быть распроданными с публичных торгов.

Осведомясь о том, я написал Государю, что имею представить ему соображения о том, как сохранить эти коллекции.

1897

ЯНВАРЬ

1 января. Среда. Крупные перемены в личном составе высшего правительства ограничились назначением Имеретинского варшавским генерал-губернатором, графа Муравьева, находившегося посланником в Копенгагене – министром иностранных дел и Фриша на место Стояновского председателем Департамента законов Государственного совета.

2 января. Четверг. По поезду 1 час Царскосельской железной дороги отправляюсь в Царское Село, где в 2 часа назначено у Государя под его председательством заседание Финансового комитета¹.

Дело в том, что, встречая сопротивление проекту о восстановлении металлического обращения среди Государственного совета, Витте настаивает на необходимости приступить к чеканке золотой монеты нового образца (7,50 вместо 5), отвечающего предположениям общего проекта.

За несколько дней пред этим происходило частное совещание об этом вопросе на квартире у Маркуса. Участвовали в этом совещании Каханов, Тернер, Витте и я. В принципе согласились, что если закон о металлическом обращении не может быть приведен к окончательному рассмотрению Государственным советом в ближайшем будущем, то приходится согласиться с предложением Витте об издании предлагаемого им указа.

Вследствие такого соглашения Витте в следующий за тем всеподданнейший доклад уговорил Государя назначить под своим собственным председательством заседание Финансового комитета.

¹ 2 января Николай II записал в дневнике: «Завтракал с дядей Мишой и Костей. Они приехали для присутствования в заседании комитета Финансов, которое началось в 2 часа. Обсуждался только вопрос о том, что следует ли продолжать чеканку золотой монеты по-прежнему – 5-ти и 10-ти рублевые золотые или начать это по-новому – 7.50 и 15 рублей, то есть как курс на золото держался в течение последних четырех лет. По некотором обсуждении единогласно было решено разрешить этот вопрос утвердительно – чеканить монету по-новому. Около 4-х заседание кончилось, и я пошел гулять» (Дневники Николая II. С. 322).

Приехав в Царское Село, садимся в ожидающие нас придворные кареты и отправляемся в Александровский дворец – местожительство императора. Нас проводят в угловую голубую гостиную, посреди коей стоит обычный, покрытый зеленым сукном стол с десятью окружающими его стульями. В 2 часа Государь входит, сопровождаемый великим князем Михаилом Николаевичем (приглашенным в качестве председателя Государственного совета) и великим князем Константином Константиновичем (членом комитета). Государь здоровается с каждым из присутствующих, пожимая ему руку, и затем садятся за стол в таком порядке:

	Государь.	
Великий князь Михаил Николаевич.		Великий князь Константин Константинович.
Сольский. Половцов. Филиппов. Тернер. Витте. Иващенко, товарищ министра финансов.		Каханов. Маркус.

Государь обращается к Витте, который излагает существо дела, выставляя необходимость чеканки золотой монеты предлагаемого им образца.

Потом Государь спрашивает мнение Сольского, который, изложив всю историю дела, заявляет, что после рассмотрения дела в Соединенном присутствии департаментов Государственного совета некоторыми членами было заявлено о необходимости остановиться рассмотрением дела впредь до выработки проекта реформы Государственного банка для совокупного одновременно разрешения обоих проектов; что так как министр финансов с этим согласился, то он, Сольский, и остановил рассмотрение дела; что между тем представляемые ныне министром финансов соображения доказывают необходимость предлагаемой им меры, которую он, Сольский, признает весьма полезной, потому что она определит направление, в котором, по выраженной Государем воле, дело будет подлежать разрешению Совета.

Маркус повторил то, что уже неоднократно говорил нам прежде, а именно, что, по его мнению, не следовало вовсе возбуждать дело в настоящей форме, а лишь ограничиться изменением статьи монетного устава, определяющей законное отношение золота к серебру согласно изменившимся рыночным ценам этих двух металлов; что он, Маркус, не видит

тесной связи между законом о металлическом обращении и реформой банка; что, по его мнению, реформа нашего банка должна последовать на основаниях банка английского, то есть разделение банка на отделения: а) banking¹, б) issuing². Что предлагаемая ныне мера отвечает его первоначальной мысли, то есть установлению взаимной цены золота к серебру и, следовательно, может быть допущена.

Каханов в длинной, плавной, закругленной речи выставил заслуги Вите, скопившего искусно золото и сделавшего возможным восстановление металлического обращения; предлагаемую ныне меру он считал не стесняющей свободы суждений Государственного совета при обсуждении всего законопроекта. Когда дошла очередь до *меня*, то я сказал приблизительно следующее. Быв много лет свидетелем усилий министров финансов, стремившихся к восстановлению металлического обращения, быв участником в трудах Комитета финансов, направленных к поддержанию этих усилий, я не могу не быть приверженцем предлагаемого закона. Если говорить исключительно о проектируемом указе, то, конечно, ввиду заявлений министра финансов, что запасы золотой монеты истощаются, что пятирублевую монету население принимать уклоняется, что после рассмотрения дела Советом может настать необходимость перечекивать монету, в какой-либо форме ее сегодня ни выпустили, я присоединяюсь в принципе к предлагаемой мере, но относительно приведения ее в исполнение имею представить еще иные, кроме чисто финансовых, соображения.

Дело это вступило на официальный путь и формальное коллегиальное обсуждение около года тому назад. По рассмотрении Соединенными департаментами ожидалось рассмотрение общим собранием, но вместо того дело остановилось, и тогда со всех концов посыпались брошюры, статьи, записки от людей, не имеющих ни научных, ни практических в этом вопросе сведений, желающих выставить себя прозорливее, чем правительство, в вопросе преследуемой им финансовой политики. Создалась такая политическая агитация, которую едва ли надлежит поощрять с точки зрения государственной мудрости, агитация, которая может повториться при каждом новом законе, агитация, которой, по моему мнению, следует положить конец как можно быстрее. Равным образом и в международных денежных наших отношениях такой порядок ведения дела имеет неудобства. 1 января 1883 года, представляя смету государственных доходов и расходов, покойный Н. Х. Бунге выразил убеждение о необходимости восстановления металлического обращения

¹ Коммерческий банк (*англ.*).

² Инвестиционный банк (*англ.*).

и накопления с этой целью золотых запасов. С тех пор в течение тринадцати лет правительство шло по этому пути, выставлявшие у нас груды золота упрочивали более и более наши денежные отношения к соседям, укрепляли наш кредит, улучшению коего лучшими доказательствами должны служить события последнего времени, как, например, заключение прошлым летом займа на условиях доселе небывалых, или сохранение без повышения учетного дисконта в то время, когда главнейшие денежные европейские центры подняли учет, то есть стеснили трудовую деятельность населения вследствие кризиса, вызванного сребролюбивыми в полном смысле речами Брайнса, этого американского Катилины.

Происшедшая в ходе этого дела заминка не могла не отозваться на столь influentialном в финансовых делах общественном мнении других государств. Держатели наших фондов, ссудившие нам свое золото, рассчитывали, что оно пойдет на восстановление металлического обращения. Видя, что разрешение этого вопроса оттягивается, эти люди начинают выражать сомнение о том, действительно намерена ли Россия дать этому золоту первоначальное назначение, не скрываются [ли] подо всем этим воинственные замыслы, а если таких замыслов не существует, то не возникла ли в России доселе не существовавшая оппозиция правительству, не облекается ли какой-то тенью та мощь, пред которой привыкли преклоняться. Все это не может не отзываться на нашем кредите и, прибавлю, не на одном кредите денежном.

Ввиду высказанных мной соображений я считал бы необходимым ускорить разрешение этого дела и считаю ускорение это легко осуществимым. Действительно, остановка происходит оттого, что признано необходимым разрешить одновременно и вопрос о металлическом обращении, и вопрос о реформе Государственного банка, но оба эти вопроса, на мои глаза, вовсе не так тесно связаны. Реформа банка должна заключаться в том, чтобы банк сделался по возможности независимым от министра финансов, чтобы министр перестал видеть в нем подспорье при казначейских затруднениях, чтобы печатный стан перестал быть послушным его орудием. Но неужели в случае осуществления этой реформы не одновременно с восстановлением металлического обращения прочности последнего угрожала бы опасность, неужели бы министр финансов стал печатать кредитные билеты тотчас по издании закона о металлическом обращении, стал бы разрушать левой рукой то, что сделал правой? Я очень в том сомневаюсь и потому не вижу никакого затруднения к тому, чтобы начать рассмотрение законопроекта о металлическом обращении немедленно. Думаю, что

это рассмотрение могло бы быть окончено прежде, чем золотые нового образца будут отчеканены, и таким образом устранится надобность в издании настоящего указа.

Сольский возражал мне, что соединение этих двух дел в одно последовало по желанию нескольких членов Совета, к коему подчинился [?] министр финансов. Я ответил, что это зависит от дискреционной власти¹ председателя Соединенного присутствия. Испуганный Сольский обратился к Государю с словами: «Ваше Величество, да ведь я Вам о том докладывал, и распоряжение Вами о том было одобрено», — прибавив, что дело не может поступить на рассмотрение общего собрания ранее 1898 года.

Я прибавил, что в таком случае я готов присоединиться к предположению об издании указа.

Тернер говорил в довольно уклончивых выражениях, поддерживая мою мысль.

Витте в конце заседания довольно бестактно сказал, что после издания «указа» ему не особенно важно быстрое или медленное рассмотрение дела Советом.

Тогда Сольский предложил окончательно замять дело в Совете, но против этого протестовал Каханов.

После всех сказал несколько слов великий князь Михаил Николаевич, приблизительно так: «Ехав сюда, я был в недоумении. Конечно, Ваше Императорское Величество как самодержавный Государь могли решить дело и подписать указ в каком угодно смысле по докладу министра, но Вам угодно было созвать членов Комитета финансов и решить дело по выслушании мнения их, Ваших верноподданных. Мнения эти разъяснили дело; я нахожу, что издание указа не мешает Совету рассматривать дела, и потому согласен с мнением об издании его.

В заключение Государь сказал: «Я имел уже по этому делу определенное мнение до настоящего заседания, которое окончательно утвердило мой взгляд. Мера, предлагаемая министром финансов, была одобрена моим отцом, и я решился привести ее в исполнение. Мне остается благодарить членов Комитета финансов за их добросовестное и горячее отношение к делу».

Встали, и Государь снова обошел присутствующих, пожимая каждому руку. На обратном в Петербург пути все уселись в вагон, отведенный великому князю Михаилу Николаевичу. Только что поезд двинулся,

¹ Дискреционная власть (от *фр.* *discretionnaire* – зависящий от личного усмотрения) – предоставление органу или должностному лицу полномочия действовать по собственному усмотрению в рамках закона.

как Витте предложил выслушать журнал только что состоявшегося заседания, так как Государь выразил желание получить журнал на следующее утро.

Хотя журнал был всеми одобрен, но по моему настоянию была исключена такая фраза, что новая золотая монета уже потому должна иметь надпись «7.50»¹, что эта монета будет носить изображение Государя, а, следовательно, нарицательная цена ее должна непременно отвечать действительной ее стоимости.

Меня думали озадачить, спросив, почему я настаиваю на таком сокращении, но я отвечал, что ничего такого в совещании говорено не было, а журнал должен содержать только то, что говорено было.

Разумеется, нельзя было сказать, что низкопоклонничество должно иметь пределы. Сольский, очевидно, заранее одобрявший редакцию, тут же в вагоне ее изменил.

3 января. Пятница. Приезжает ко мне Имеретинский и просит указать лицо, которое могло бы быть назначено помощником варшавского генерал-губернатора для управления гражданской частью, утверждая, что он, Имеретинский, намерен оставить за собой военную, политическую и духовную часть, предоставив все остальное всецело своему помощнику. Я указывал ему на достопочтеннейшего сенатора П. Н. Герарда.

Имеретинский рассказывает, что после сделанного им военному министру заявления о категорическом отказе от места варшавского генерал-губернатора, он был вызван Государем, который ему сказал, что знает, что он, Имеретинский, не желает принять этого назначения, но что он просит его сделать это. Тогда Имеретинский, разумеется, тотчас выразил согласие².

Зашедший в тот же день Шишкин рассказывает мне подробности своей отставки. Государь сказал ему: «Я нахожусь в трудном положении. Сотрудники моего отца один за другим меня покидают, умирают, я решился выбирать людей молодых и намерен назначить министром иностранных дел Муравьева, которому и предложил уже этот пост чрез посредство датского короля. Вас, Николай Павлович, благодарю за Вашу службу, усердие, дружбу».

¹ 7 рублей 50 копеек.

² По всей видимости имеется в виду аудиенция от 31 декабря 1896 г. Николай II написал в этот день в дневнике: «Потом принял князя Имеретинского, который завтра назначается Варшавским генерал-губернатором и командующим войсками» (Дневники Николая II. С. 317).

6 января. Понедельник. На выходе во дворце великий князь Константин Константинович подходит ко мне и говорит: «Ну что, нас очень ругают за указ?». Я отвечаю: «Это мне все равно, что мне грустно – это общее впечатление нашего заседания. Как? Председатель Соединенных департаментов утверждает, что дело не будет внесено на рассмотрение общего собрания Государственного совета ранее 1898 года, ничем не оправдывая такой медленности и ни словом не опровергая моего заявления о том, что никакой тесной связи между вопросом о металлическом обращении и реформой банка нет. Хуже того, он предлагает замять все дело после издания указа, то есть просто предлагает солгать в царском указе. А председатель Государственного совета уверяет Государя, что он может как самодержавный император подписать какой угодно указ. Да где же тогда разница между монархическим и деспотическим азиатским правительством, разница, заключающаяся лишь в том, что первое соблюдает, а второе когда угодно нарушает существующие в стране законы. Проповедовать такое учение юному Государю – значит вести его на путь императора Павла.

8 января. Среда. Вызывает меня великий князь Михаил Николаевич, который нездоров. Полтора часа ожидаю приема, покуда у больного сидит императрица Мария Федоровна.

Великий князь в разговоре упоминает о сказанном мной великому князю Константину Константиновичу. Подтверждаю сказанное. Великий князь Михаил Николаевич разъясняет свою речь тем, что это было лишь вступление к той мысли, что коллегиальное обсуждение Финансового комитета разъяснило вопрос.

Великий князь рассказывает, что его сын Михаил Михайлович, женившийся на дочери графини Меренбергской (Дубельт)¹ и лишенный покойным императором права возвращаться в Россию, имеет теперь двух дочерей, а между тем распоряжением покойного императора лишен 90 тысяч рублей ежегодного дохода, так как из общей суммы в 150 тысяч рублей повелено выдавать ему только по пяти тысяч в месяц. Однажды Михаил Николаевич спросил покойного Государя, не позволит ли он Михаилу Михайловичу возвратиться в Россию, но Александр III отвечал: «Покуда я жив, я не позволю этого, разве он бросит свою жену, или жена его бросит».

После смерти Александра III положение не изменилось благодаря влиянию вдовствующей императрицы Марии Федоровны. «Какое Ваше мнение об этом?» – спросил меня великий князь.

¹ Имеется в виду С. Н. Меренберг.

Я отвечал так: «Ваше Высочество, 5 апреля 1797 года император Павел определил права членов царствующего дома¹ и назначил великим князьям содержание в 500 тысяч рублей ассигнациями, что ныне составляет около 150 тысяч рублей серебром. Этого содержания великие князья могут быть лишены в случае лишения их великокняжеского звания. Поэтому Ваш сын Михаил Михайлович имеет несомненное право на те 90 тысяч рублей, кои были у него удержаны в последние годы».

Великий князь: «Я посылал своего гофмейстера Озерова переговорить об этом с Воронцовым, который отвечал, что эти деньги более не существуют, потому что они вошли в общие счета удельного ведомства, и возвращение их нарушило бы все расчеты удельного управления, а, следовательно, это невозможно».

Я: «Ваше Высочество, я советовал бы Вам написать об этом письмо, потому что словесно Вы никогда не решитесь высказать все это Государю».

31 января. Пятница. Граф Пален рассказывает в клубе характерную историю. В 1864 году он был псковским губернатором. Несколько дней после каракозовского покушения² во Псков приехал какой-то чиновник из Петербурга с открытым листом, подписанным петербургским генерал-губернатором князем Суворовым, для производства какого-то секретнейшего дознания. Чиновник этот явился к полицмейстеру, показал свою бумагу и строго запретил ему сообщать о их свидании кому бы то ни было, начиная с самого губернатора. Разумеется, полицмейстер прежде всего явился к Палену и ему доложил обо всем. Пален

¹ Речь идет об «Учреждении об императорской фамилии» – законодательном акте о правах и обязанностях лиц императорской фамилии (5 апреля 1797 г.). Документ определял состав императорской фамилии и иерархическое старшинство ее членов, устанавливал гербы, титулы, размеры содержания, включал пункты о браке, наследстве и др. По Учреждению 1797 г. в состав царской фамилии включались дети, братья, внуки, правнуки и праправнуки императора с титулами великих князей (княжон), императорских высочеств. Наследник престола, кроме того, получал титул цесаревича. В начале XIX в. состав императорской фамилии ограничивался детьми Павла I (в количестве девяти). В связи с увеличением числа лиц императорских родственников (к 1885 г. было 24 великих князя) по Учреждению 1886 г. правнуки императора, их старшие сыновья и их потомки по мужской линии получили титулы высочеств, князей императорской крови, младшие дети правнуков и их потомки по мужской линии – титулы светлости, князей императорской крови. Изменялся и размер получаемого денежного содержания.

² Д. В. Каракозов, член тайного революционного общества «Организация» (общество возглавлял Н. А. Ишутин), 4 апреля 1866 г. совершил неудачное покушение на Александра II в Летнем саду.

приказал следить за действиями этого таинственного чиновника, а затем, когда сей последний стал производить разные допросы и осмотры, нарушая спокойствие жителей, то Пален сначала призвал его, а затем, удостоверясь, что он действительно имеет какие-то секретные полномочия, поехал в Петербург и заявил министру внутренних дел Валуеву, что приехал требовать или объяснения этой загадки, или увольнения от губернаторских обязанностей. Валуев сначала уговаривал Палена оставить все это без внимания, а под конец, ввиду настойчивости Палена, сознался ему, что чиновник был послан вследствие того, что император Александр II и князь Суворов для разыскания сообщников Каракозова обратились к спиритизму, стали вертеть стол, который, по их наблюдению, начертил будто бы на полу слово «Псков».

Пален согласился не давать более хода своей претензии и возвратился в Псков.

Тот же Пален рассказывает подробности известного мне в общих чертах хода обсуждения политических мероприятий последнего времени.

Нелидов, приехав из Константинополя, подал записку о необходимости воспользоваться теперешним политическим положением, чтобы овладеть проливами и Константинополем. Записку эту Шишкин передал ...¹, который написал весьма дельное и энергическое опровержение. Для обсуждения записки Нелидова было собрано совещание у Государя, в коем участвовали Ванновский, Обручев, Тьртов, Нелидов, Шишкин, Витте. Началось с того, что Нелидов представил доводы в пользу необходимости овладеть Босфором и Константинополем. Шишкин вполне с ним согласился. Военный и морской министры заявляли, что, с точки зрения стратегической, это вполне возможно, Государь этому выражал сочувствие.

Один Витте имел довольно здравого смысла и мужества, чтобы доказывать всю бедственность подобного предприятия для России. Государь был недоволен возражениями Витте и согласился с другими членами.

Журнал был написан так, как будто дело было решено единогласно. Витте отказался подписать журнал и заявил отдельное мнение, которое, по его настоянию, и было включено в журнал.

Последствием такого решения было, что Нелидов составил для себя инструкции, кои Государь подписал и в силу коих ему, Нелидову, предоставлялось право вызывать непосредственно в Константинополь флот с тридцатитысячным десантом. По счастью, вслед за тем возвратился из-за границы великий князь Алексей Александрович, который, по наущению Витте, уговорил Государя отнять у Нелидова данные ему полномочия.

¹Имя пропущено в тексте оригинала.

ФЕВРАЛЬ

6 февраля. Четверг. Крестины новорожденного сына Александра Михайловича и Ксении Александровны – Андрея Александровича в малой церкви Зимнего дворца. Кроме семейства: первые чины двора, члены Совета, сенаторы, почетные опекуны, статс-секретари. Мария Федоровна, проходя мимо меня, на мой поклон благосклонно отворачивается в сторону караула дворцовых гренадер. Победоносцев говорит, что Лейхтенбергские от него отворачиваются с тех пор, как под его председательством специальной комиссией решено, что бриллианты фамилии Богарне не могли остаться майоратным имуществом¹, после того, как самый майорат был уничтожен.

После придворной церемонии заезжаю к Витте, чтобы уговорить его продолжать рассмотрение в Государственном совете проекта монетной реформы, но он сообщает мне весьма тревожные известия о ходе внешних политических дел. Наше правительство согласно с европейскими державами в том, что надо поддержать как можно долее существование Турции, но в случае вступления чужестранных флотов в Дарданеллы мы решили немедленно идти с 30-тысячным десантом в Босфор; иначе говоря, мы готовы объявить войну всей Европе и влезть в положение, из которого невозможно будет вылезти. Англия покровительствует этому нашему замыслу с тем, чтобы одновременно взять Египет и посорить нас с Францией, которая тогда бросится в разверстые² объятия Вильгельма, имеющего таким образом сделаться владыкой материка Европы.

ВЕСНА³

Проведя шесть недель в Монте-Карло в видах умилоствления своей подагры, в конце апреля возвращаюсь в Петербург.

Положение и движение дел в высшем правительстве нахожу по-прежнему незавидным. Молодой Государь при всех своих привлекательных личных достоинствах продолжает оставаться в нерешительности,

¹ Майорат – форма наследования недвижимости (прежде всего земельной собственности), при которой она переходит полностью к старшему из наследников.

² Так в тексте.

³ Запись не датирована Половцовым. Судя по описываемым событиям, она относится к весне 1897 г

которая по последствиям в глазах народа начинает походить на равнодушие. Молодая императрица, о которой прокричали, что она и умна, и образована, и энергична, и мало ли еще что, остается в тени и заявила о своем участии к¹ общественному делу только учреждением Общества домов трудолюбия², польза коих весьма сомнительна и самая основная мысль весьма спорна, если не положительно вредна. Очевидно, около этой симпатичной четы нет никакой способной на руководство личности. Они преисполнены лучших намерений, но не знают, что и как провести в подвластную им среду. Окружающее их многочисленное семейство приносит им более вреда и тягости, чем пользы и отрады. Прежде всего, вдовствующая императрица вследствие своей ограниченности ума, недостатка образования, мелочности взглядов, расположения к ничтожным людям, посредственности вкусов всякого рода, завистливости, несмотря на высоту своего положения, привычки к самой презренной хотя и не преступной кокетливости представляется существом категорически не пригодным ни на какое сколько-нибудь возвышенное чувство или дело, а, следовательно, для сына своего представляется лишь помехой для здоровой политической деятельности.

Дяди императора, конечно, могли бы помогать ему в государственном управлении, но, к сожалению, по характеру своему не в состоянии этого делать.

Владимир – умный, сердечно добрый, более других образованный, много путешествовавший, к сожалению, с самого детства был склонен к лени, рассеянности, обжорству. За последние годы попал под влияние своей жены, которая пагубно влияет на нравственные его стороны. Эта женщина, преисполненная тщеславия, алчности ко всякого рода низшего сорта развлечениям и удовольствиям, окружила себя и мужа презреннейшими людьми, готовыми на всякий дрянной поступок, могущий доставить им выгоду от великой княгини Марии Павловны. Понятно, что такая среда повлияла на нравственный ход жизни не только великой княгини, но и ее мужа. Будучи с ним дружен тридцать лет, я душевно о том сожалею и, исчерпав все средства для неравной борьбы, пришел к убеждению, что мне лично остается лишь удалиться, а отечеству нечего ожидать от одного из сынов своих по рождению и дарам providения наиболее способному, казалось бы, быть полезным России.

Алексей, быть может, еще более брата своего одаренный и на полезные труды способный, равным образом далек от плодотворной деятельности.

¹ Так в тексте.

² Имеется в виду Санкт-Петербургское столичное попечительное общество о домах трудолюбия.

У него на первом плане желание повеселиться и притом без разбора людей, призываемых к тому участниками. Конечно, к таким взглядам и привычкам можно прийти лишь при полном презрении к человеческой личности, к нравственному достоинству людей, ко всему тому, что стоит выше животных, материальных appetitов. Вот это-то презрение великий князь Алексей Александрович и практикует в самых широких размерах. Живя с женой своего двоюродного брата Евгения, известной Зиной, рожденной Скобелевой¹, он, не стесняясь, показывается с ней вдвоем публично, платит ее счета в магазинах, нанимает ей квартиру в Париже. Какие же люди могут окружать подобную чету? Во главе приживальщиком муж Зины Евгений, представляющий тип самого недостойного во всех отношениях человека. Стоит ли говорить об остальных. По службе в Морском министерстве великий князь избирает на места людей того заслуживающих, что, конечно, среди моряков легче делать, чем в других частях управления, но самому морскому делу он посвящает времени мало и вообще относится к своим обязанностям поверхностно, пренебрежительно.

Сергей. Если два старших его брата имеют презрение к человечеству, то третий всецело пользуется презрением человечества². Мелкий по самолюбию, тщеславию, чванству, эгоизму, он далек от всякого порыва, подвига, движения души на что-либо возвышенное, бескорыстное, похожее

¹ Имеется в виду З. Д. Богарне. А. А. Мосолов описывает ее следующим образом: «<...> Зина Богарне была удивительно привлекательна, красива и жизнерадостна». Также он отметил: «В ее (З. Д. Богарне – *О. Г.*) честь и для ее удовольствия великий князь Алексей и открывал двери своего дворца петербургскому бомонду» (Мосолов. С. 26).

² Великий князь Сергей Александрович действительно не был популярной фигурой в высшем обществе. Так, в дневнике Богданович очень часто встречаются негативные высказывания о нем, например, 21 ноября 1891 г. она приводит следующий случай. 28 октября представители дворянства собрались в Москве для подписания «поздравительной депеши» императору Александру III в связи с годовщиной свадьбы, и им пришлось долго ждать великого князя Сергея Александровича. Когда предводитель дворянства поехал к нему сказать, что «его ждут», то получил ответ, что великий князь «сидит в ванне и не придет». «Это прискорбно, что он так себя ведет, – отметила Богданович, – с Москвой шутить нельзя» (Богданович. С. 158). Или (10 декабря, того же года): «Сегодня Самойлович рассказывал про великого князя Сергея Александровича <...>, что в Москве все им возмущены, городской голова Алексеев совсем с ним разошелся. Вел[який] князь приказал, как в Петербурге, в известные часы дня по улицам не ездить, вследствие того, что однажды его экипаж не мог проехать» (Богданович. С. 160). Между тем в мемуарах Мосолова читаем: «<...> офицеры Преображенского полка, которым он (великий князь Сергей Александрович – *О. Г.*) много лет командовал, очень его любили <...>» (Мосолов. С. 77).

на самопожертвование, самоотречение. Его жена, сестра императрицы¹, – милейшее существо, переносящее покорно свою тяжкую участь. Они бездетны, и молва бросает на великого князя темную тень обвинения в противоестественных пороках.

В сфере неосторожно вверенного ему управления для него существуют одни только личные вопросы, подбор фаворитов, пред ним преклоняющихся без всякого возвышенного стремления на пользу страны. Религиозное и всякое иное ханжество стоит на первом плане в ряду его побуждений; председательствование в Палестинских обществах и тому подобное заменяет отсутствующее теплое чувство – исходную точку чувства истинно религиозного.

Сплетни, наушничания, рекомендации недостойных кандидатов и испрошение им милостей – вот с чем подобный человек приходит к своему царственному племяннику. Чего тут ожидать?

Павел. Четвертый, младший из дядей императора, ничтожная бесцветная личность, занятая прежде всего корыстными заботами. Унаследовав от отца несколько миллионов в более раннем, чем братья его, возрасте, Павел старался жить как можно более в Зимнем дворце на даровщинку и, постоянно откладывая значительную часть своего дохода, скопил большое состояние. Будучи поставлен в необходимость приобрести дом, он купил у жены моей [...] ² дом на Английской набережной за 1 миллион 600 тысяч рублей, но затем и доселе продолжает пользоваться летним пребыванием в загородных дворцах племянника, не решаясь купить дачи.

Скупость его такова, что когда врач для здоровья детей его посоветовал завести корову, то он приказал своему гофмейстеру попросить, чтобы корову ему подарили с императорской царскосельской фермы.

Командование гусарским полком он был принужден сдать вследствие истории с офицерами. Конным прокомандовал, потому что наученный горьким опытом слепо следовал указаниям полкового адъютанта Трепова. Теперь, к великой своей радости, достиг звания генерал-адъютанта и должности дивизионного генерала.

Его единственный выдающийся талант – играть комедию. Я не видал на русской сцене такого совершенного первого любовника. Но какая от этого польза царю и Отечеству?

Великий князь *Михаил Николаевич*. Последний из сыновей императора Николая – любопытная личность. Это бесспорно добрый, в общем смысле честный человек, но до того бесхарактерный, подбострастный

¹ Имеется в виду великая княгиня Елизавета Федоровна.

² Слово неразборчиво.

пред властью¹, а тем паче царской, до того приверженный к старым отжившим формам, не разумея сущности, ими облекаемой, смертно различающий добро от зла, но останавливающийся пред решительностью провести это различие в жизни, а сообразно сему сортировать людей, их поступки и отношения к ним. Председательствуя в Государственном совете, он старается предугадать, какое мнение должно понравиться Государю, и заявляет его без всякого отношения к сущности этого мнения. Он безукоризненно вежлив и предупредителен со всяким, но это драгоценное и ныне редкое достоинство есть лишь результат хорошего образования, а никак не выражение внутреннего его расположения к людям, кои для него отличаются одни от других лишь нумерами своих чинов.

Он сам говорил мне, что всякий, с ним говорящий, легко может убедить его в том или ином.

При всем том он верен в дружеских (правда, не требующих от него жертв) отношениях. Но может ли такой человек принести своими советами пользу в важных вопросах государственного управления?

Стоит ли упоминать о Константине Константиновиче, напыщенной, высокомерной о себе бездарности, о его брате Дмитрие, для которого, кроме лошади, никакого иного создания на свете не существует², о Николае Николаевиче, которого почитают хорошим кавалерийским генералом, но который, живя с какой-то разведенной лавочницей³, привык к грубости, делающей невозможной службу с ним для порядочных людей.

¹ Мосолов привел другое мнение на этот счет. Он отмечал, что великий князь Михаил Николаевич, хотя и «не играл крупной политической роли», но по возрасту и положению «занимал исключительное место среди семьи. Никто из родственников не стал бы ему перечить. Благодаря своему такту и влиянию, он являлся настоящим миротворцем» (Мосолов С. 68).

² А. А. Мосолов, который, по собственному сообщению, «близко знал» великого князя Дмитрия Константиновича, давал ему гораздо более лестную характеристику: «Великий князь Дмитрий Константинович по скромности своего характера мало кому и в России был известен, хотя отличался редкими качествами. Политической роли великий князь никогда не играл. Он был всесторонне образованным человеком и интересным собеседником <...>». Тем не менее Мосолов подтверждал информацию об особенной любви Дмитрия Константиновича к лошадям: «Любимой темой его разговора являлись лошади, коннозаводство и коневодство. Этим двум отраслям хозяйства он посвятил себя полностью. Основательно их изучил и применил свои познания сначала на купленном им большом конном заводе Дубровка Полтавской губернии, а впоследствии – как заведующий государственным коннозаводством» (Мосолов. С. 79–80).

³ Имеется в виду Е. Г. Числова.

Нечего упоминать о Михайловичах, жадно преследующих личные цели служебного повышения, чванного важничания, возможно большего обогащения, словом, всякого рода карьеры.

Переходя от членов царствующего семейства к высшим чиновникам (так как независимых вне чиновничьего круга людей более не существует), нам представляются следующие лица.

Прежде всего, Победоносцев. Влиятельнейший советник Александра III, учитель нынешнего Государя, в преклонных летах, прошедший жизнь в служебном, ученом, литературном труде, обладающий чрезвычайной начитанностью, бесспорно чуждый корысти, искренно любящий Россию, преданный престолу, но при всех этих достоинствах лишенный всякого практического смысла, фанатик, полагающий религиозную нетерпимость в основу своих политических убеждений, видящий в европейских государствах, в стремлении западных народов без всякого разбора творение дьявола, человек, готовый отвечать «нет» на все, что не входит в цикл его на Москве сложившихся поповски-профессорских симпатий. Он везде видит пропасти и овраги, готов повсюду ставить перила, суживать путь, хотя бы путь этот лежал по степной равнине и по пути этому предстояло следовать самому царю. В первые дни царствования в Ливадии Победоносцев оказал услуги написанием нескольких актов, устранением формальностей при приеме православия царской невестой, но, конечно, исключительно отрицательная сила не могла сохранить продолжительного на юного владыку влияния, что, по-видимому, и начинает сказываться.

Граф Воронцов-Дашков. Ближайшее к покойному Государю за все его царствование лицо, видевший юного Государя со дня его рождения чуть не ежедневно, горячо покровительствуемый императрицей-матерью. Должен бы был иметь влияние, но недостатком достоинства, самовластным и бесцеремонным отношением ко всем членам царской семьи, бестактными выходками и дурным выбором подчиненных восстановил против себя не только членов царской семьи, но и самого императора.

Тотчас по вступлении на престол Воронцов сказал (вероятно, без особой настойчивости), что желает удалиться от обязанностей министра двора. Государь отвечал, что просит подождать, не имея кем его заменить. Воронцов поспешил заявить ему, что в таком случае останется министром до окончания коронации. Император подчинился такому решению. После коронации Воронцов сказал Государю: «Я не могу уйти теперь, потому что все скажут, что я был уволен за Ходынскую катастрофу. Я прежде окончу отчет по коронации и тогда в конце года попрошу увольнения».

Такое заявление, энергически поддержанное вдовствующей императрицей, опять безмолвно было принято.

В декабре 1896 года Воронцов явился к Государю и упомянул об увольнении, но, воспользовавшись любезной фразой, что в этом нет спеха, объявил Государю, что останется верно служить ему до конца дней.

Такое положение тянулось до первых дней мая месяца, когда во время одного из обычных докладов Государь неожиданно сказал Воронцову: «Вы просили у меня увольнения. В то время я не имел в виду преемника Вам, а теперь имею и могу исполнить Вашу просьбу».

Надеясь еще достигнуть отмены такого приговора, Воронцов просил позволения представить проект реформы Министерства двора в том виде, каком министерство это существовало при Николае Павловиче, и немедленно отправился в Гатчину к императрице Марии Федоровне просить заступничества. Мария Федоровна встретила Воронцова словами: «Comment, il a dit chez moi hier et ne m'a rien dit!..»¹

Заступничество мамы не помогло, и в следующий доклад приведенная Воронцовым реформа (сводившаяся к учреждению канцелярии министерства) была отложена в сторону, а Воронцов окончательно уволен с сохранением 36 тысяч оклада жалованья и придворной кареты!..

Перечня этих немногочисленных фактов достаточно, чтобы убедиться, что удаление Воронцова от двора не составляет утраты в смысле успеха государственному управлению. Возвышением своим он обязан был своему рождению, воспоминаниям о великосветской славе родителей, чему-то открытому в лице и приемах, физической красоте и силе, вообще внешности как будто геройской, поддержанной военными отличиями в Ташкенте и на Кавказе, где он пользовался особым покровительством наместника князя Барятинского. Командуя в Царском Селе гусарским полком, он сблизился с цесаревичем Александром Александровичем, который взял его в командуемые гвардейско-пехотной дивизией, а потом начальником штаба гвардейского корпуса, состоявшего под командой наследника. По вступлении Александра III на престол Воронцов попал в министры двора и здесь в течение 13 лет натворил галиматъи, начиная с вопроса денежного, хозяйственного, за который он горько осуждал своего предшественника графа Адлеберга, вопроса, который набранная Воронцовым компания мелких офицеров, под его начальством служивших, привела в самое плачевное состояние. Рядом с этим явилось самое бесцеремонное со всеми обхождение, не щадившее ничьего самолюбия, а одновременно возраставшие постоянно

¹ «Как? Он вчера был у меня и ничего не сказал!..» (фр.).

потребности многочисленной семьи и несносной, ненасытной интриганки жены его¹ поставили его в необходимость даже и в денежном отношении отступить от отличавшей его в молодости деликатности. Незадолго до увольнения он продал Крестьянскому банку свое Саратовское имение за 3,5 миллиона, причем, как говорят, цена эта изначально превосходила стоимость имения. Факт этот был не чужд его увольнению.

Повторяю: увольнение – это не утрата. Небогато одаренный от природы, лишенный научной подготовки², не проходивший правильной, постепенной карьеры, Воронцов, тем не менее, не затруднялся никогда никаким вопросом, окружая себя людьми более чем посредственными, он находил в них вдохновителей, составителей проектов и записок, легкомысленно подававшихся Государю и вводивших его в ложные мероприятия. Если бы он сохранил при Николае II положение, которое имел при Александре III, то беззастенчивость его в разрешении государственных вопросов, несомненно, еще усилилась бы и могла бы дорого обойтись России.

Кого же после Победоносцева и Воронцова назвать как людей, имеющих влияние на царя? Не знаю. По своей личности, думаю, нет никого, и влияние принадлежит тому, кто по служебному положению имеет к нему доступ и притом в размерах уделенного его ведомства, отрывочно, почти всегда с преобладанием личных уважений и соображений.

Кто же эти люди? Генерал Рихтер, командующий Главной квартирой, честный в душе немец, но положительно бездарный, больной, усталый, ни на какой серьезный совет не способный.

И. Н. Дурново – председатель Комитета министров. По выражению Грибоедова, будучи из бессловесных, достиг до степеней известных. Отец его, быв управляющим Неплюевых, составил себе кой-какое состояние, воспитал сына в Артиллерийском училище. Способности сына не обещали ему карьеры на этом военно-ученом поприще, он вышел в отставку и попал в уездные предводители, а потом и в губернские. Оттуда в губернаторы Екатеринославской губернии, где лежат большие имения, принадлежавшие графу Игнатьеву, который при назначении министром внутренних дел взял его себе в товарищи. Свалился Игнатьев³, попал

¹ Имеется в виду Е. А. Воронцова-Дашкова (Шувалова).

² И. И. Воронцов-Дашков поступил в 1855 г. в Московский университет, но учебу не завершил, т.к. в следующем же году перешел на военную службу, поступив вольноопределяющимся в лейб-гвардии Конный полк.

³ Игнатьев продержался на посту министра внутренних дел всего один год. В письме от 6 мая 1881 г. Победоносцев рекомендовал эту кандидатуру Александру III: «<...> Изю всех имен смею назвать Вам разве графа Николая Павловича

в министры граф Толстой. Дурново продолжал кланяться и ему, как кланялся его предшественнику; похоронив Толстого, Дурново попал в его преемники. Тонко изучая, где сила и в какой форме следует льстить тому или другому. По смерти Александра III он заявил Николаю II, что место председателя Комитета министров было ему обещано и, хотя императрица Мария Федоровна утверждает, что это наглая ложь, председательское место было ему отдано с 30 тысячами содержания и так далее. Нынешней весной он выступил шефом мнимо дворянской партии, олицетворенной двумя *beaux frèges* ¹ Сипягиным и Шереметевым ² и вдохновляемой негодяем Мещерским. Явились ходатайства губернских предводителей дворянства о даровании денежных льгот дворянству. Один из них – рязанский Муромцев при представлении Государю заговорил о дворянском вопросе и просил государя назначить Дурново председателем назначаемого по сему предмету комитета ³. Вероятно, он был подослан самим же Дурново, который добивался этого назначения,

Игнатъева. Он имеет еще здоровые инстинкты и русскую душу, и имя его пользуется доброй славой у здоровой части русского населения – между простыми людьми. Возьмите его на первый раз <...>» (Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С. 316–317). Император поддержал мнение Победоносцева: «<...> Моя мысль назначить на место Лориса – графа Игнатъева, человека, на которого я могу вполне надеяться <...>» (30 апреля 1881 г.). Александр III разочаровался в выборе достаточно быстро. Особенно ярко недовольство императора проявилось в мае 1882 г. после рассмотрения предложенного Игнатъевым проекта созыва Земского собора. 15 мая он писал Победоносцеву: «Обращаюсь снова к Вам, любезный Константин Петрович, за советом. Я все более убеждаюсь, что граф Игнатъев совершенно сбился с пути и не знает, как идти и куда идти; так продолжаться не может. Оставаться ему министром трудно и нежелательно. <...>» (Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. П. 1. С. 63, 241). Вскоре Игнатъев получил собственноручную записку императора: «<...> я пришел к убеждению, что вместе мы служить России не можем» (Игнатъев. С. 12). 30 мая 1882 г. он был уволен с поста министра внутренних дел. Позже Победоносцев писал Александру III: «<...> Кровь стынет в жилах у русского человека при одной мысли о том, что произошло бы от осуществления проекта графа Лорис-Меликова и друзей его. Последующая фантазия графа Игнатъева была еще нелепее, хотя под прикрытием благовидной формы земского собора. Что случилось бы, какая вышла бы смута, когда бы собрались в Москве для обсуждения неведомо чего расписанные им представители народов и инородцев империи, объемлющей вселенную <...>» (11 марта 1883 г., письма Победоносцева к Александру III. Т. II. С. 12).

¹ Здесь: шурин (брат жены) (*фр.*).

² Д. С. Сипягин был женат на А. П. Вяземской, сестре жены С. Д. Шереметева Е. П. Вяземской.

³ 13 апреля 1897 г. И. Н. Дурново был назначен председателем Особого совещания по делам дворянского сословия.

находя, что его положение председателя Комитета министров, куда вносятся лишь второстепенные по назначению дела, слишком маловлиятельно. И вот началась кутерьма: молодому императору подсунили рескрипт, наобещавший дворянству множество благодеяний неудобноисполнимых. Начались заседания, в коих затронуты были все стороны государственной, народной, сословной жизни. На первых же порах произошел характерный инцидент. Под видом представления на высочайшее утверждение на основании работ комиссии был написан журнал слогом «Гражданина», заявлявший, что в Росси ничего, кроме дворянства не существует, а в конце говорилось, что законы надо переделать на эту тему и что выработка подобных законов предоставляется канцелярии этого комитета (то есть Плеве со своим помощником Стишинским) и что законы, таким образом написанные, будут подноситься на высочайшее благоусмотрение.

Так как Воронцов, всегда спешащий уехать в деревню, подписал белый лист бумаги, который был пришит к журналу, то некоторые бесхарактерные члены комитета (Горемыкин во главе) подписали журнал, но Витте, подписывая, оговорился, что такого заключения в заседании комитета принято не было, и подал Государю отдельную записку, вследствие коей Государь сделал отметку не об утверждении, а лишь о прочтении им помянутого журнала.

Чего ожидать, как не пошлостей от людей, способных на подобные проделки!

1898

АПРЕЛЬ

19 апреля. Проведя зиму во Франции, после сильного припадка подагры в ноябре месяце, с возвращением весеннего солнца, возвращаюсь в Петербург, все тот же непривлекательный Петербург.

Приехав утром в понедельник, 13 апреля, поспеваю на заседание общего собрания Государственного совета, где спорят против Витте за его предложение повысить пошлину на суда иностранной постройки, занимающиеся судоходством в России¹.

На другой день после приезда императрица Мария Федоровна приезжает в наше рисовальное училище осматривать выставку картин итальянских художников и по этому случаю осматривает залы неизвестного ей доселе музея нашего училища.

В противоположность за многие годы выказываемой ею жене моей и мне грубости на этот раз выказывает чрезвычайную любезность.

В пятницу 15-го собираю Совет Исторического общества.

АВГУСТ

6 августа. Прошло четыре месяца, и ни одной строчки мне не удалось написать. Много было хлопот с богословским делом, в котором я был просто обманут горным инженером Ауэрбахом, но которое, в конце концов, благодаря своим огромным естественным богатствам начинает выходить из денежных затруднений и обещает хорошие результаты. С другой стороны, мало было утешительного в ходе судеб Отечества.

Юный царь ничем о своей личности и зависящей от личности деятельности не проявляет. Два часа в день посвящены слушанию докладов,

¹ Речь идет о деле «О пересмотре таможенных пошлин на привозимые из-за границы морские и речные суда», которое рассматривалось в Государственном совете с 31 июля по 27 апреля 1898 г. См.: Опись дел Государственного совета. С. 325.

вроде того, как ученики слушают лекции, а затем жизнь течет своим сереньким порядком посреди мелких сплетен, дразг, интересов, в кругу мелких людей, среди коих он, бедный, не умеет разобраться. Родственники выпрашивают разные подачки и милости, например, братья Ольденбургские в день коронации выпросили сложение с них долга в 500 тысяч рублей, а так как деньги были заняты в Департаменте уделов, то Государь за неосторожное обещание должен был заплатить эту сумму из своих собственных (кабинетских) сумм.

Зина Лейхтенбергская выпросила 600 тысяч на уплату своих долгов и т. п.

Министры между собой ссорятся. Муравьев (граф) жалуется на то, что Витте слишком много и непосредственно поддерживает сношения с представителями иностранных держав, что выходит из сферы его ведомства. Муравьев (юстиции) ведет ожесточенную войну с Горемыкиным. Дурново обижается, что, несмотря на его положение председателя Кабинета министров, никто на него серьезно не смотрит. Чтобы придать себе важности он придумал комитет о дворянстве¹, надеясь, что председательское здесь кресло даст ему политическое значение, но тут пошли курьезные инциденты. Государь приказал Дурново представить ему проект рескрипта с изложением политической программы действий комитета. За неграмотностью и невежественностью председателя написание рескрипта возложено на делопроизводителя, некоего Стишинского, человека мне хорошо известного по службе под моим начальством в Государственной канцелярии и блестяще олицетворяющего тип, именуемый по-французски *homme de sac et de corde*². Подо всем этим продолжались нашептывания бездарного Сипягина и императрицы Марии Федоровны, вдохновляемой тупым интриганом графом Шереметевым, *beau frere*³ Сипягина, женившимся на перезрелой княгине Вяземской только для того, чтобы породниться с Шереметевым.

Так или иначе комитет состоялся со включением Сипягина и Шереметева. Витте, чтобы противодействовать односторонности состава, испросил назначение членами А. Оболенского (товарища министра внутренних дел) и Ливена, бывшего и теперешнего управителей Дворянского банка. Между тем Дурново назначил членами трех предводителей, завязанных противников реформ Александра II и защитников дворянских привилегий (не исключая денежных подачек), Муромцева,

¹ Имеется в виду Особое совещание по делам дворянского сословия.

² Разбойник, негодяй (фр.).

³ Здесь: шурин (брат жены) (фр.).

Кривского и Арсеньева. Такая подтасовка ясно указывала, чего следовало ожидать от дворянского комитета. Оболенский уговорил Горемыкина доложить Государю, что всегда в подобные комитеты назначались московский и петербургский предводители дворянства. Государь согласился на такое назначение. Горемыкин, возвратясь с доклада, написал о том Дурново, который на следующее утро побежал к Государю и просил об увольнении от председательства, считая себя обиженным, что назначение членов комитета делается помимо председателя. Государь согласился на то, чтобы разъяснено было, что Трубецкого и Зиновьева будут приглашать в заседания лишь в случае надобности, то есть никогда.

По забавной случайности Трубецкой представлялся Государю по какому-то случаю в этот самый день. Будучи накануне уведомлен чрез Оболенского с разрешения Горемыкина о своем назначении, он начал с того, что стал благодарить Государя за это назначение, которое в то же утро уже было уничтожено. Какова картина уважения к твердости царской воли, на которой все зиждется в России!

Чего можно было ожидать от комитета, таким порядком составленного, под председательством человека, лишенного всякого образования, всякой культуры и, что еще хуже, всякого прямотушия, всякой политической искренности.

Комитет занялся рассмотрением кое-каких эгоистических сословных дворянских ходатайств, и по мере разрешения того или другого частичного вопроса стал представлять свои постановления на высочайшее усмотрение. Дурново добивался от Государя, чтобы он утверждал постановления комитета, а при разногласиях мнения его, Дурново, не передавая этих комитетских журналов ни на чье рассмотрение, но нашлись лица, предостерегшие юного императора относительно опасности такого утверждения, и вот, в конце концов, продержав представленные ему два журнала¹ несколько месяцев, Государь решил передать их в Государственный совет.

Любопытно при этом поведение Дурново. Он приехал ко мне в Царском Селе прямо от Государя в белом галстуке и ленте и взошел со словами: «Поздравьте меня, наконец, сегодня Государь объявил мне, что передает журналы Дворянского комитета в Государственный совет!»

Я не знал, что ему отвечать, потому что в течение нескольких месяцев твердил ему о необходимости такого хода дела, а он постоянно отвечал мне одно: что он не может допустить ничего подобного,

¹ Далее зачеркнуто: «более».

потому что он, будучи председателем Комитета министров, не может играть лица, подчиненного Государственному совету.

Приключения с другой комиссией не менее любопытны и характерны.

В 1893 году (кажется) Государственный совет по поводу рассмотрения представления о неотчуждаемости крестьянских наделов пришел к необходимости назначить высшую вневедомственную комиссию, которая занялась бы рассмотрением изменений, сделавшихся необходимыми в крестьянском положении, оставшемся нетронутым с 1861 г.

Это постановление общего собрания Совета было оставлено без исполнения вследствие утверждения Александром III доклада министра внутренних дел Дурново, который доказывал, что никакой комиссии не надо, а что все необходимое будет сделано самим министром внутренних дел.

Но вот прошло пять лет, и ничего сделано не было, а умножающаяся всякого рода крестьянская неурядица не более доказывает правильности взгляда Совета.

Министр финансов Витте представил Государю записку о том, что никакие финансы невозможны без упорядочения крестьянского управления крестьянской собственности, крестьянского труда. Государь приказал передать эту записку в Комитет министров, который принял мнение Витте и постановил заключение о назначении комиссии, которое и было утверждено Государем.

Пред отъездом в Карлсбад Витте говорил с Государем о комиссии, причем Государь выразил намерение лишь осенью назначить членов. Тогда Витте настаивал о назначении делопроизводителя, который бы немедленно занялся собиранием материалов, долженствующих лечь в основу суждений комиссии, и при этом указал на Алексея Оболенского. Государь и с этим выбором, и с необходимостью немедленного назначения согласился, но затем явился к нему Дурново, который (по собственным своим словам) чуть не бросился на колени пред Государем, умоляя его отстранить кандидатуру Оболенского как человека преданного тем опасным реформам Александра II, которые привели к столь печальному концу царствования. И, так или иначе, но Оболенский назначен не был, а все осталось в выжидательном положении!

13 августа. В 10 часов вечера отправляюсь в Москву. Поезд набит народом.

14 августа. В 11 часов приезжаю в гостиницу «Славянский базар», где мне удалось достать комнаты лишь благодаря протекции Победоносцева,

основанной на том, что гостиница эта построена на земле, принадлежащей Синоду. Все московские гостиницы переполнены людьми, съехавшимися ко дню открытия памятника Александру II¹. Захожу к Победоносцеву, который также живет в «Славянском базаре», по обыкновению хнычет, и на этот раз темой служит: 1) приезд Государя не ко дню Успения, который можно назвать храмовым праздником Москвы, а лишь после обедни, 2) что у великого князя будет бал, а не раут в день открытия памятника, так что утром будет «Вечная память»², а вечером «плясовые поминки». На этот раз, против обыкновения, я с ним согласен.

Расписавшись у великого князя генерал-губернатора, еду с визитом к Юсуповым. Они живут в своем доме у Красных Ворот, кои некогда отделяли Москву от Сокольников. Часть дома построена еще при Иоанне Грозном и служила охотничьим дворцом. Петр II в вознаграждение князя Юсупова, который участвовал в суде и судебном приговоре над Меншиковым, подарил ему и поместья, пожалованные Меншикову за Полтавскую битву³, и этот дворец, который теперешние владельцы отделали заново, но с сохранением строгого русского стиля XVII столетия, так что здание представляет из себя архитектурный музей и, признаюсь, для меня не представлялось бы привлекательным жилищем. Меня интересовал портрет Петра II во весь рост, на котором кресло с изображением на спинке шифра Петра II в стиле того времени подтвердило мою догадку относительно ширм, купленных Государем из числа вещей, оставшихся после князя Лобанова, а также экрана, поднесенного мной нынче весной Государю с такими же шифрами. Посидев чуть не целый час с любезными хозяевами, отправляюсь гулять пешком в Сокольничий

¹Памятник Александру II находился на южном склоне Кремлевского холма, его создателями были А. М. Опекушин, П. В. Жуковский и Н. В. Султанов. Статуя императора в полный рост располагалась на пьедестале под сенью высокого шатра. С трех сторон ее окружала галерея с лестницами – сходами к подножию холма. На пьедестале была сделана надпись: «Императору Александру любвию народа». Две лестницы вели от памятника в Нижний Кремлевский сад. Закладка памятника Александру II состоялась 14 мая 1893 г., а торжественное открытие – 16 августа 1898 г. Разрушен в 1918 г.

²«Вечная память» – церковное песнопение, которое поется в конце панихиды для поминовения усопших.

³Полтавская битва – крупнейшее сражение Северной войны между русскими войсками под командованием Петра I и шведской армией Карла XII. Произошло 27 июня 1709 г. в 6 верстах от города Полтава на украинских землях (Левобережье Днепра). Решительная победа русской армии привела к перелому в Северной войне в пользу России и положила конец господству Швеции как главной военной силы в Европе.

парк. Обедаю в гостинице «Эрмитаж». Два брата Долгорукие и министр путей сообщения Хилков.

15 августа. Суббота. Утром приходит ко мне государственный секретарь Плева, с коим и происходит следующий любопытный и характерный разговор:

Плева: «Я пришел, Александр Александрович, просить у Вас совета и содействия».

Я: «Что прикажете?»

Плева: «13 октября будет праздноваться пятидесятилетний юбилей великого князя¹ как генерал-фельдцейгмейстера. Между членами Совета есть предположение о том, чтобы Совет присоединился к этому празднованию».

Я: «Что же Вы предполагаете сделать?»

Плева: «Предполагается поднести поздравительный адрес с выражением желанья поставить портрет великого князя, а затем учредить стипендию».

Я: «Признаюсь, я не совсем понимаю, как Совет присоединится к артиллерийскому празднику».

Плева: «Я думаю внушить Сольскому, чтобы он созвал чрезвычайное общее собрание Совета, в коем и было бы сделано надлежащее по этому предмету постановление».

Я: «Но разве Учреждение Государственного совета допускает созыв подобных общих собраний по предметам, не указанным в учреждении?»

Плева: «Можно бы испросить особое высочайшее разрешение».

Я: «Но я думаю, что этого не следовало бы делать. Мне кажется, что если члены Совета желают высказать великому князю свои чувства по этому случаю, то они могут это сделать, но никак не в качестве учреждения, а лишь совокупности известных лиц. Что касается портрета, то ведь у нас вешают портреты всех председателей после их смерти. Подумайте, какое это впечатление произведет на великого князя. Он просто подумает, что Вы его заживо хороните. Что касается стипендии, то я категорически против. Денег вы соберете лишь безделицу, не говоря о том, что теперь в честь всякого понытчика² устраивают стипендии. Если Вы непременно хотите сделать что-либо, кроме адреса, то предложите поставить его бюст в одной из зал, где не заседают. Если Вы были в английском парламенте, то Вы могли видеть в коридорах статуи

¹ Имеется в виду великий князь Михаил Николаевич.

² Понытчик – должностное лицо, ведавшее делопроизводством в суде (*на Руси XVI–XVII вв.*).

знаменитых ораторов: Лита, Фокса, Берка. Вот и мы можем положить начало таким путем подобному [...]¹.

Плеве соглашается или по крайней мере делает вид, что соглашается со всем, мной сказанным.

Я: «А что же, Вячеслав Константинович, ведь Иван Николаевич (Дурново) со своим дворянским комитетом провалился».

Плеве: «И ему предстоит еще много в этом направлении провалов».

Я: «Объясните мне, как же Вы, столь умный человек, могли пойти в этот комитет».

Плеве: «Да Вы, может быть, не знаете моих близких к Ивану Николаевичу отношений. Мы были вместе товарищами графа Толстого, потом я был товарищем Ивана Николаевича. Ну а ведь если он ни в каком деле азбуки не знает (sic), то он, во всяком случае, любезный душа-человек».

Я: «Да. По наружности».

Плеве: «По наружности (sic). Вот я и счел обязанностью помочь ему, быть в отношении его таким же душой-человеком».

Я: «По наружности?»

Плеве: «По наружности (sic!)».

Я: «Но не забудьте, в какое положение Вы ставите себя. Ведь весь город о Вашем участии в дворянском комитете отзывается так: „Плеве — умнейший человек и, слушая галиматью, высказываемую Муромцевым, Кривским, Дурново, подводит под эту галиматью фундаменты“. Поставьте себя в положение Государственного совета и его председателя, когда на их рассмотрение передаются постановления, в коих принимали деятельное участие государственный секретарь и его товарищ, особенно когда теперь вам обоим предоставлено право принимать участие в обсуждении дел. Вот Вы начали с того, что пришли спросить у меня совета. Позвольте дать Вам совет: выставьте предлогом, что заключения комитета передаются в Государственный совет, и откажитесь от дальнейшего там участия».

Плеве задумался и не опровергал моей мысли.

Я продолжал: «Да ведь по городу ходят слухи, что Вас назначают статс-секретарем Великого княжества Финляндского?»

Плеве: «Это зависело бы от условий».

Я: «Не скрою от Вас, что у меня был об этом разговор с великим князем, причем великий князь согласился со мной, что такое назначение может последовать лишь при одновременном назначении Вас членом Государственного совета. Вы имели бы сверх того дворец на Никольской площади и всеподданнейший доклад. Чего же больше».

¹ Слово неразборчиво.

Плеве: «Скажу Вам откровенно, что при теперешних обстоятельствах я бы с удовольствием принял такое назначение».

Надо сознаться, мастерской кистью Плеве нарисовал портрет свой.

В 12 часов еду завтракать с Имеретинским. Полтора года службы в Варшаве на нем отозвались. Он сделался сдержаннее, обдуманнее. В интимном разговоре высказывает откровенно свой взгляд на порученное ему дело: России нечего опасаться новой польской революции¹. Социализм делает большие шаги вперед, и поляки опасаются его более, чем слияния с Россией. Беда в том, что Петербург не знает, чего хочет. Государь исполнен благих намерений; при словесном докладе соглашается со всем тем, что ему говорят, но когда вслед за тем ему представляются письменные доклады, то на этих докладах являются совсем иного смысла резолюции, внушаемые отголосками Каткова, Толстого, Деянова и т. п.

В 5 часов приезжают Их Величества. Погода превосходная, на улицах толпы народа, сдерживаемые полицией и войском.

Обедаю с А. И. Мусиным-Пушкиным и Григорием Голицыным, главноуправляющим на Кавказе, которого *кавказцы* остроумно прозвали Самовар-паша.

Уговариваю его быть как можно любезнее с великим князем Михаилом Николаевичем, который всячески содействовал его возвышению и ныне весьма обижен неуважительным его поведением.

Утверждает, что сделает все возможное, но не располагает управлять краем по указаниям великого князя.

16 августа. Воскресенье. Вставши в 8 часов, читаю «Московские ведомости» и в них рескрипт Победоносцеву, когда он входит ко мне, сияющий от удовольствия. В особенности он доволен концом, где ему чуть ли не отводится место среди московских мощей. Забавно, что он изображается в рескрипте как олицетворитель царствования и реформ Александра II, когда Александр II назначил его обер-прокурором по настоящему цесаревича Александра Александровича, поддержанному

¹ Царство Польское вошло в состав Российской империи после Венского конгресса 1815 г., в том же году ему была дарована конституция. При предшественниках Николая II состоялось два польских восстания – в 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. Руководители выступлений ставили целью отделение Царства Польского от Российской империи. После восстания в начале 1830-х гг. в Польше была ликвидирована конституция.

Валуевым. При назначении его он сказал Палену, который передавал мне это, что Победоносцев иезуит и что в этом выборе придется впоследствии раскаяться. В виде выражения своего несочувствия Александр II назначил Победоносцеву 12 тысяч рублей жалованья, тогда как все остальные министры имели оклад 16 тысяч рублей. Последняя сумма была назначена ему недавно по представлению Витте. Любопытно еще, что в лице Победоносцева рескрипт комплиментирует¹ судебное ведомство, образованное согласно уставу 1864, тогда как Победоносцев ко всей судебной реформе относился несочувственно и был главным вдохновителем Александра III к реформам отца и, в особенности, к реформе судебной.

В 10 часов отправляемся в Успенский собор. В группе членов Государственного совета стоят, между прочим, маленький Танеев и граф Муравьев. Первый подходит ко мне и спрашивает, доволен ли я рескриптом Победоносцеву, им написанным.

Я отвечаю, что я прочитал рескрипт со вниманием и не нашел ни единого слова, к которому можно было бы придраться, а, напротив, нахожу все изложение прекрасным.

Этот ничтожный человек, которому по собранным мной сведениям рескрипты пишет один из его подчиненных (Нольде), продолжает: «А Константин Петрович, говорят, недоволен».

Я: «Это неправда, потому что он мне говорил противное».

Графа Муравьева (министра иностранных дел) начинают расспрашивать о подписанном в тот же день циркуляре, приглашающем европейские державы участвовать в конгрессе, имеющем целью разоружение².

Roop спрашивает Муравьева, были ли предварительно спрошены великие державы и достигнуто ли с ними соглашение. Муравьев отвечает: «Oui, plus ou moins, vaguement, car si nous étions allés dans les details, personne n'aurais consenti³» (sic). Я: «Alors au fond. L'idée principale, c'est que cela fait bien dans le paysage⁴».

Муравьев: «Parfaitement. Cela fait bien dans le paysage⁵».

¹ Так в тексте.

² 12 августа 1898 г. Муравьев обратился к представителям России за границей с циркулярной нотой, в которой предлагал созвать конференцию по вопросам сокращения вооружений. В итоге в мае – июле 1899 г. прошла Гаагская конференция, в которой приняли участие 26 государств.

³ «Да, но весьма туманно, поскольку если бы мы углубились в детали, то никто бы не согласился» (фр.).

⁴ «Тогда по сути основная идея в том, что это производит хорошее впечатление» (фр.).

⁵ «Правильно, это производит хорошее впечатление» (фр.).

Посередине обедни великий князь Михаил Николаевич, которого здоровье в последнее время очень ухудшилось, вышел из собора и пошел к себе в Николаевский дворец. Сопровождаю его. Сидим с полчаса, толкуя о том, что около нас происходит. Сообщаю ему о готовящемся в честь его торжестве. Отвечает, что, по его мнению, торжеству нет основания, потому что генерал-фельдцейгмейстером он назначен в 16 лет, после чего еще четыре года продолжал курс учения и только по достижении 20 лет вступил в исполнение фельдцейгмейстерских обязанностей. Празднованию со стороны Совета не видит и подавно никакого основания. 13-го октября его не будет в Петербурге. Он, вероятно, будет находиться у своего сына Александра в гримском его имении Айтодоры. Сожалеет, что ему не удалось провести в генерал-губернаторы двух кавказских ветеранов, приехавших на сегодняшнее торжество в Москву. Выражает надежду, что удастся убедить Государя назначить генерал-фельдмаршалом дежурящего в этот день при Государе графа Милютина. Ко времени окончания обедни возвращаемся в собор. Между обедней и открытием памятника закуской для присутствующих, которые постарше в Золотой палате. В 2 часа Государь обходит войска, потом церемониальным шествием императорское семейство восходит на эстраду, пред памятником продолжительное молебствие, сдергивание завесы со статуи, парад.

Памятник неважный. МонуMENT должен владычествовать над окрестностью, а здесь фигуру императора, окруженную с трех сторон галереями, приходится отыскивать и усмотреть можно лишь с лицевой стороны. Издалека видна лишь верхняя часть статуи; так что император не то сидит в ванне, не то увяз в болоте. Проект нарисован аматером Жуковским, которому Александр III и поручил осуществление этой неудачной фантазии; за что сегодня Жуковский (вдохновитель) получил 5 тысяч рублей пожизненной пенсии, точно так же, как архитектор Султанов (действительный фронта).

В 8 часов парадный [обед] в мундирах на 900 человек в Георгиевской зале. Сижу возле Ванновского, которому говорю комплименты за рекомендование в преемники Куропаткина. По общей человечеству слабости Ванновский доказывает, что до сих пор все, сделанное Куропаткиным, не более как приведение в исполнение проектов, заготовленных им, Ванновским, как например: финляндский военный закон¹, предельный возраст службы.

¹ Имеется в виду законопроект, который был представлен на утверждение финляндскому сейму в 1899 г. и предусматривал слияние финских войск с русской

После обеда Их Величества более часа разговаривают с своими приглашенными гостями.

Вечером приезжает ко мне Велепольский и всецело подтверждает сказанное мне о Польше Имеретинским.

17 августа. Понедельник. Приезжает Плеве, и я передаю ему, что следует из разговора с великим князем Михаилом Николаевичем относительно его взглядов на 13 октября. Плеве рассказывает неизвестные мне подробности создания Дворянского комитета. Несколько дворянских собраний представили Государю ходатайства чрез Сипягина, который при докладе Государю внушил мысль об учреждении комитета под председательством Дурново, который, разумеется, принял это с восхищением. Дело тянулось. Государь советовался с Воронцовым. Во всем этом играла роль Мария Федоровна, слушая болтовню Шереметева, Кутузова, Сипягина, кои все трое и были назначены членами комиссии. Делопроизводителем назначен Стишинский, которому приказано заготовить рескрипт с изложением программы, к начертанию коей председатель оказался неспособным, потом признано за благо никакой программы не издавать. Можно ли назвать такие распоряжения государственными, и так ли Россия управлялась прежде?

К завтраку приходит мой товарищ по Совету Н. С. Абаза, удалившийся из Петербурга и посвятивший свою деятельность организации Новороссийского побережья. Рассказывает много о богатствах всякого рода, коими край изобилует.

Абаза — человек ума ограниченного, с огромным самомнением, сомневаюсь, чтобы его деятельность принесла серьезные результаты. Он нашел в окрестностях Сочи чрезвычайно живописную местность, в которой Государь собирается строить дворец и даже, кажется, намеревается нынешней осенью осмотреть эту местность.

Свое переселение из Государственного совета на черноморское побережье Абаза объясняет здоровьем и тем, что ему опротивел Петербург, где умерла его жена; но рядом с этими побуждениями играет роль

армией. Сейм отказался его утвердить. Тем не менее летом 1901 г. был опубликован закон, в соответствии с которым собственная армия Финляндии упразднялась, в силу вступала всероссийская воинская повинность со сроком службы пять лет для всех военнообязанных. По этому указу службу следовало проходить в подразделениях под российским командованием. Закон вызвал волну протестов, сопровождавшихся открытыми демонстрациями. Весной 1902 г. протесты достигли апогея: почти половина всех финских военнообязанных не явились на призывные пункты.

уязвленное самолюбие человека, не имевшего никакого успеха в своих попытках политического красноречия.

В 3 часа закладка на площади Колымажного двора нового здания Музея изящных искусств¹. Собрано более миллиона рублей для сооружения здания, в котором помещены будут слепки с произведений архитектуры и орнаментации целого света. Залы распределены по эпохам и народностям. Устройство каждой залы принято на себя отдельными личностями из наиболее богатых москвичей. Во главе их Нечаев-Мальцев, пожертвовавший 280 тысяч, Юсупов и т. д.

Для помещения слепков не стоило сооружать миллионного дворца. Очевидно, мысль внушена музеем нашего училища. Неизвестно, почему музей будет называться музеем Александра III.

Закладочный молебен служит митрополит. По недоразумению Их Величества, положив камень, следуют указанию профессора Цветаева, идут осматривать проект постройки, а затем уезжают, а митрополит, подождав несколько, возвращается к окончанию молебна среди некоторого смятения между присутствующими членами императорского семейства и другими приглашенными.

Обедаю у Юсуповых и в 9 ½ являюсь на бал к великому князю генерал-губернатору. Толпа и жара страшные. Дождавшись приезда Их Величеств, отправляюсь на поезд и измученный праздничной гимнастикой возвращаюсь в Петербург².

¹ Имеется в виду Музей изящных искусств имени императора Александра III. Инициатором создания музея в 1893 г. выступил искусствовед И. В. Цветаев. Музей создавался на основе Кабинета изящных искусств и древностей Московского университета. Церемония закладки состоялась 17 августа 1898 г. Значительную часть денег на строительство музея пожертвовал русский меценат Ю. С. Нечаев-Мальцев. Руководство постройкой было доверено архитектору Р. И. Клейну, который выработал проект здания. Над интерьерами, кроме Клейна, работали И. И. Нивинский, А. Я. Головин. Экспонаты (гипсовые слепки и другие копии) заказывались, начиная с 1890-х гг. в зарубежных мастерских по формам, снятым непосредственно с оригиналов. Торжественное открытие Музея изящных искусств имени императора Александра III состоялось 31 мая 1912 г.

² 17 августа Николай II записал в дневнике: «В 3 ½ поехали на бывший Колымажный двор, где произошла закладка будущего „Музея Изыщных Искусств“ в память дорогого Папа. Оттуда отправились в дом Казакова, где живут дети и вдовы старых дворян, бывших на военной службе. Затем посетили другой дворянский приют для детей, пожертвованный для этой цели старухой Оболонской. Пили чай в саду, посадили по дереву и снялись группой на лестнице дома. Пили чай у себя в 5 ½ ч. Принимал Куропаткина. Обедали втроем с Мишей в своих комнатах. В 9 ½ поехали в генерал-губернаторский дом на бал. Народу было масса, но толкотня отсутствовала. Ужинали в 12 ч. и через полтора часа вернулись домой» (Дневники Николая II. С. 426).

ЛЕТО – ОСЕНЬ¹

Лето 1898 [года] мы провели на Царскосельской даче. В одну из поездок в Михайловское к великому князю Михаилу Николаевичу я заявил ему ходатайство попросить для меня у Государя разрешение отлучиться из Петербурга в отпуск без испрашивания всякий раз высочайшего разрешения. Император весьма благосклонно на это согласился. Я поехал благодарить его в Александрию и при этом заявил, что мое ходатайство имело поводом исключительно нежелание его беспокоить просьбами об отпуске, когда мое здоровьем требует отлучки из Петербурга, но что я готов в него возвращаться всякий раз, как я могу на что-либо понадобиться, быть полезным.

Государь: «Так я могу рассчитывать, что Вы вернетесь, если я Вас вызову?»

Я: «Когда Вашему Величеству угодно, по первому Вашему слову буду стоять пред Вами, как сегодня».

На этом мы расстались.

Слова эти могли [иметь] некоторое значение вот по какому поводу. Пять лет тому назад, при рассмотрении в Государственном совете представления министра внутренних дел о неотчуждаемости крестьянской земли, я был противником этой меры и состоял в числе лиц, настаивавших на необходимости назначить высшую вневедомственную комиссию для рассмотрения всех вопросов, накопившихся после 19 февраля 1861. Такая мысль была принята Советом, мнение коего утверждено Государем, но вслед за тем Дурново испросил у Государя секретное повеление об оставлении такого решения без исполнения.

В одном из последних отчетов государственного контролера было упомянуто об умножении недоимок в Центральной России. Министр финансов Витте, представляя объяснения на это замечание и доказывая, что вся тягость управления и его огромных расходов лежит главным образом на великорусском крестьянине, коего юридический и материальный быт в неопределенном и необеспеченном во всех отношениях положении возвратился к необходимости создать вневедомственную комиссию, которая бы урегулировала законодательство о крестьянах.

Записку Витте Государь передал в Комитет министров, где, несмотря на сопротивление Дурново и Горемыкина, решено комиссию учредить. Получив от Государя утверждение этого положения Комитета министров, Дурново пред отъездом поехал испросить у Государя указаний

¹ Запись в форме воспоминаний, недатированная.

о личном составе комиссии. Государь сказал, что членов назначит по возвращении из Крыма, и выразил при этом намерение назначить теперь же делопроизводителем комиссии товарища министра внутренних дел Алексея Оболенского (по внушению Витте).

Дурново стал умолять Государя этого не делать, выставляя Оболенского чуть не революционером и во всяком случае воскресителем идей царствования Александра II. Испуганный Государь взял назад свое предложение, о кандидатах на членство в комиссии речи не было, хотя мне известно, что в числе таких кандидатов Витте называл меня.

Вот почему, вероятно, мной и была сказана такая фраза.

В августе месяце я ездил в Москву на открытие памятника Александру II. Все сошло в полицейском отношении благополучно. Победоносцев, живший рядом со мной в «Славянском базаре», получил андреевскую ленту и рескрипт, от которых был в восхищении. Погода была чудесная. Комических инцидентов было вдоволь, но наиболее типичными были следующие у меня два разговора с Плеве, государственным секретарем.

Плеве приходит ко мне в гостиницу и говорит следующее.

Плеве: «Я прихожу к Вам за советом. 8 ноября великий князь¹ будет праздновать пятидесятилетие своей службы генерал-фельдцейгмейстером. Я сносился с Сольским, и мы возбудили предложение, принятое некоторыми членами Совета, чтобы Совет присоединился к празднованию этого дня».

Я: «В каком же виде?»

Плеве: «Предполагается собрать общее собрание Совета, на котором будет постановлено поднести великому князю адрес, во-вторых, предполагается собрать капитал для учреждения стипендии, в-третьих, предполагается повесить портрет великого князя».

Я: «Собирать чрезвычайное для этой цели общее собрание я не вижу в законе разрешения. Стипендию вы соберете лишь самую ничтожную, а портреты председателей вывешиваются только после их смерти. Не знаю, доставит ли великому князю [удовольствие] обращение с ним заживо, как с мертвецом. Я понимаю, пожалуй, что члены Совета принесут великому князю поздравление, так сказать, частным образом, как сотоварищи по Совету, но больше ничего не вижу возможности сделать».

Плеве: «Но позвольте просить Вас посондировать² по этому предмету великого князя».

Я: «С удовольствием».

¹ Имеется в виду великий князь Михаил Николаевич.

² Половцов имел в виду зондировать – предварительно узнавать, прощупывать почву.

На другой день во время обедни я заметил, что великий князь Михаил Николаевич вышел из собора. Я поспешил за ним последовать, опасаясь, что он почувствовал нездоровье. Великий князь пригласил меня последовать за ним в Николаевский дворец, и там за чаем я рассказал ему слышанное от Плеве.

Великий князь отвечал, что не находит основания праздновать в этот день его юбилей, потому что фельдцейгмейстерский титул был пожалован ему, когда ему минуло 16 лет, после чего он еще четыре года сидел за уроками и лишь по миновании двадцати лет вступил в исполнение фельдцейгмейстерских обязанностей одновременно с назначением в члены Совета. Во всяком случае Совет имеет основание поздравлять его только чрез четыре года.

По окончании церемонии ко мне снова пришел Плеве, которому я передал слова великого князя, пришедшиеся ему весьма не по сердцу. Продолжая разговор с ним, я сказал ему: «Объясните мне, пожалуйста, Вячеслав Константинович, Ваш образ действий. Вы участвуете в Дворянском комитете, заявляете там мнения. Теперь все дело передается в Совет. Думаете ли Вы, что великому князю председателю приятно будет при обсуждении дела высказывать мнения и находиться, может быть, в противоречии с государственным секретарем?»

Плеве: «Мое участие в этом комитете объясняется моими давними отношениями к Ивану Николаевичу Дурново. Вы знаете, что я сначала был вместе с ним товарищем графа Толстого, потом по назначении министром Дурново я был его товарищем. А ведь Вы знаете, что Иван Николаевич — душа-человек».

Я: «То есть по наружности?»

Плеве (ухмыляясь): «Да. По наружности. Но вот я и счел обязанностью оказать ему содействие».

Я: «Тоже по наружности?»

Плеве: «Да, по наружности».

После этих слов едва ли стоило передавать дальнейший разговор, так характерны слова этого человека, не имеющего ни чести, ни совести.

По возвращении из Москвы, проведя конец августа в Царском Селе, уезжаем 29 числа на юг. В день отъезда ко мне появляется какой-то господин из редакции «Нового времени»¹, чтобы получить от меня сведения для написания биографической статьи по случаю двадцатипятилетия со времени назначения меня сенатором. Отделяюсь от него

¹ Газета «Новое время» издавалась в 1868–1917 гг. в Петербурге. С 1869 г. выходила ежедневно, с 1881 г. имела утреннее и вечернее издания. С 1876 по 1912 г. ее издателем был А. С. Суворин.

общими местами и с наслаждением сажусь в вагон, уносящий подальше от петербургской всякого рода грязи.

Пробыв месяц в Париже, переезжаем в середине октября на осень в Монтекарло¹. Здесь 23 октября нового стиля происходит со мной ужасное приключение.

Погода стояла превосходная, и однажды мы после обеда отправились втроем со Звегинцевым погулять на знаменитую террасу; зашли при этом и в Casino. Жена моя в 10 $\frac{1}{4}$ часов возвратилась домой, а я вслед за ней пришел в «Grand hotel», где мы остановились, в 10 часов и 40 минут. Мы занимали квартиру, в коей уже жили пред тем три года сряду, но сезон еще не начался, и, несмотря на обещания управителя, служительский состав еще далеко не был в сборе. В обширных пустых коридорах гостиницы мы были единственными жильцами, занимая крайние комнаты в конце коридора с выходом из гостиной на просторную террасу, граничившую с довольно обширным садом, принадлежавшим к никем не занятому дому.

Зайдя в комнату жены моей, отделенную от моей спальни небольшой уборной, я взошел к себе, позвонил камердинера и, окончив ночной туалет, улегся в постель.

Посреди довольно крепкого первого сна я был разбужен шорохом, похожим на шум, производимый беготней мыши. Подумав, что делать, я решился не тревожить служителя, а ограничиться тем, что засветить электрическую лампу; каково было мое удивление, когда при свете этой лампы я увидел возле себя неизвестного человека, который мгновенно оборвал мой звонок к служителю, а затем бросился на меня, повалил меня, желая погасить лампу. При этом левой рукой он старался закрыть свое лицо. Вместо, чем погасить лампу, он успел лишь оборвать ручку, висевшую на конце электрического шнура, и затем в светлой комнате началась между ним и мной борьба. Прежде всего, он отошел от меня шага на два и палкой черного дерева с крупным серебряным шаровидным набалдашником изо всех сил ударил меня по голове. Палка сломалась

¹ По всей видимости именно оттуда автор дневника писал А. В. Половцову 6 ноября: «Здоровье мое, благодаря здешнему климату, поправляется и я надеюсь в будущем месяце возвратиться в Петербург. Мне очень интересно будет услышать от тебя впечатления касательно твоей активной поездки. Так как ты будешь несколько свободнее от служебных занятий, то быть может примешь участие в трудах Исторического общества и в частности в близком сердцу моему словаре. Так как центром этого издания служит Штендман, то побывай у него и посоветуйся о том, какая буква была бы всего полезнее предметом твоих попечений, а затем напиши мне о результатах этого свидания» (ОР РНБ. Ф. 124. Д. 1133. Л. 24–24 об.).

пополам. Тогда он схватил конец с набалдашником и продолжал наносить мне удары по голове.

Разумеется, я стал кричать изо всех сил. Тогда он повалил меня на пол, наступил коленом на грудь и всунул мне в рот три пальца, желая меня удушить. Я стиснул зубами его пальцы и крепко его укусил. Он выдернул пальцы из моего рта и при этом вырвал мне три передних нижних зуба. Нравственное, нервное напряжение было так сильно, что я не почувствовал никакой боли.

С самой первой минуты я все время говорил ему: «Prenez mon argent, mais laissez-moi la vie¹». Он не отвечал мне ни единым звуком голоса, а преследовал лишь одну цель – меня убить. Очевидно, он думал, что я его знаю. Убедясь в противном, он внезапно спросил меня: «Où est votre argent?²». Я указал ему на две шкатулки, стоявшие на столике, но так, что из засады, в которой он уже был спрятан, когда я вернулся домой, он не мог видеть. Засадой я называю туалетный стол, по трактирному обычаю обтянутый материей, стол, под который он залез, прорезав в материи отверстия, чрез которые и наблюдал за моими действиями.

После моего упоминания о шкатулках грабитель подошел к ним, но, не зная, в которой из них находятся деньги, он обратился ко мне с вопросом: «Dans laquelle des deux se trouve l'argent?³»

Лежа на полу, истекая кровью, я приподнялся, чтобы указать ему ту шкатулку, в которой находились деньги.

Он угрозил мне словами: «Restez tranquille ou je vous tue instantanément⁴». Затем прибавил: «Où est la clef?⁵»

Я отвечал: «A ma chaîne de montre⁶».

Он стал возиться с ключом, но, наперев слишком сильно, сломал ключ. «J'ai cassé la clef, – сказал он. – Je ne peux pas ouvrir⁷».

«Etes vous bête, – сказал я ему. – Prenez la cassette et allez vous en!⁸».

Он взял шкатулку, вошел в сени, отделявшие мою спальню от коридора и помешавшие моему слуге слышать мои крики, и остановился пред дверью, замкнутой снаружи моим камердинером.

На новый вопрос я ему сказал, что ключ висит на стене возле двери, и грабитель удалился.

¹ «Забирайте деньги, только сохраните мне жизнь» (фр.).

² «Где ваши деньги?» (фр.).

³ «В которой из двух шкатулок находятся деньги?» (фр.).

⁴ «Не шевелитесь, а то я вас тотчас же убью» (фр.).

⁵ «Где ключ?» (фр.).

⁶ «На моей цепочке для часов» (фр.).

⁷ «Я сломал ключ, не могу открыть» (фр.).

⁸ «Вы идиот, берите шкатулку и убирайтесь отсюда!» (фр.).

Я собрался с силами, запер за ушедшим двери и не без труда добрался до комнаты моей жены. Остановясь в дверях, я почти шепотом (потеряв голос от крика) стал ее звать. Она проснулась и, осветив комнату, увидела черную сверху донизу фигуру. В первый момент она подумала, что пред ней убийца, пришедший ее грабить, но потом, узнав меня, помогла мне добраться до постели и затем разбудила служителей. Тем временем жившая под моей комнатой женщина, услышавшая мои крики, разбудила служителей гостиницы, появились полицейские власти, приехал судебный следователь и генеральный адвокат или местный генерал-прокурор, наконец, коридор наполнился карабинерами. Разослали по дороге к Италии в одну сторону и к Франции до Ниццы жандармов. Врач (Collignon) удостоверился, что я получил в голову более тридцати ран и, опасаясь, что у меня сломана челюсть, послал за зубным врачом (Аись), который удостоверил, что челюсть цела.

На другое утро я должен был ехать посмотреть Сан-Ремо с военным министром Куропаткиным, который проживал в Болье. Приехав на станцию и не увидев меня, он зашел в нашу гостиницу и, увидав меня, а также убедаясь в несостоятельности представителей местной власти, он отправился к монакскому губернатору с требованием быстрого и тщательного производства следствия. Это требование имело результатом поимку преступника. Компания, держащая игры на откуп, платит около миллиона франков в год прессе за ее молчание. В настоящем случае полиция уже имела подозрения на Гурко, но считала более выгодным для княжества ввиду наступления сезона предоставить двум русским подданным, замешанным в дело, разделаться между собой.

На другое после преступления утро произошло следующее: прежде всего, на рассвете полицейские агенты нашли в соседнем саду мою шкапулку, взломанную, с похищенными из нее (около 60 тысяч франков) деньгами. Там же валялась часть сломанной на голове моей трости, а так как трость была известна, потому что Гурко многим похвастался, что может ей с одного удара убить человека, то владельца палки не трудно было обнаружить.

Сам преступник утром сел в трамвей¹ (оригинал) и катался по городу. В одной с ним карете оказался дворецкий гостиницы «Hôtel de Paris», который знал Гурко и спросил его, слышал ли он о совершенном в ту ночь преступлении. Собеседник его смутился при этом вопросе и уронил на пол трость. Дворецкий заметил, что трость не та, с которой он являлся

¹ Трамвей (конно-железная городская дорога) – вид общественного транспорта; представлял собой открытый или чаще закрытый экипаж, идущий по рельсовым путям; такой экипаж тянула пара лошадей, управляемая кучером.

ежедневно в ресторан, и что притом он старался поднять ее одной левой рукой, а правую не вынимал из кармана (потому что она была мной искуссана). Вернувшись домой, дворецкий немедленно рассказал все находившемуся поблизости полицейскому комиссару. Между тем пришел прокурор, которому все было немедленно сообщено с присовокуплением, что виновник преступления Гурко, живущий в «Hôtel de Londres». Прокурор немедленно отправился в «Hôtel de Londres», где ему сообщили, что Гурко накануне вернулся домой весьма взволнованный и без сапогов, сказав, что он потерял сапоги, катаясь на бисикле (в действительности он по нашей гостинице ходил в войлоковой обуви). Утром он спросил счет и, покуда ему отдавали сдачу, он держал руки под столом. Затем уехал в Париж. Прокурор бросился на железнодорожную станцию, где узнал, что парижский поезд отошел за четверть часа пред тем. По всей линии немедленно послана была телеграмма об арестовании человека с искуссанной рукой и крупной суммой денег. По этим приметам Гурко был арестован тотчас по приезде в Париж в момент выхода из вагона.

По ходатайству его родителей русский в Париже посол пытался достигнуть выдачи его русскому правительству, но дело получит путем журналов всемирной огласки. Драма оканчивается тем, что брат преступника привозит ему яд, которым он и отравляется¹.

¹ 18 октября Богданович записала в дневнике: «Сегодня морской министр Тыртов рассказал ужасную вещь про сына фельдмаршала Гурко, моряка гвардейского экипажа. Этот моряк Гурко украл в Монако у находившегося там известного богача А. А. Половцова шкатулку с деньгами и драгоценной парюрой. Он пробрался к Половцову ночью в спальню и стал наносить ему удары палкой по голове, так что палка даже сломалась. Чтобы Половцов не кричал, Гурко засунул ему руку в рот. Половцов укусил ему руку и стал кричать: «Берите мои деньги, только оставьте мне жизнь!» Вор схватил шкатулку и выпрыгнул в окно. Тогда Половцов призвал помощь. Призванный доктор констатировал, что пострадала только кожа на голове, но удары были не опасны. Половцов в тот же день дал описание вора. Полиция начала за ним следить, и в Париже он был арестован. Гурко признался, что шкатулка принадлежала Половцову, а кольца, которыми были унизаны все его пальцы, сказал, что взял у фельдмаршала Гурко. Назвал он себя Иваном Ивановым. Шереметьевский (сыскная полиция) просто ужасы рассказывал про этого Гурко, как он в последнее время воровал в домах своих знакомых. Валь обвиняет во всем Клейгельса, что он мог не довести до этой кражи, задержав Гурко тогда, когда он украл у Ванлярских 7 тысяч рублей из шкапа, но что всем известны отношения Клейгельса к madame Гурко и поэтому делу кражи не было дано законного хода» (Богданович. С. 225).

1899

ЯНВАРЬ

4 января. Возвращаемся в Петербург.

Нахожу здесь ход правительственных дел в незавидном положении. Общее по всякому вопросу отсутствие определительности взглядов и твердости действия. Вот один из поразительных тому примеров, могущих служить доказательством сказанного. Вследствие продолжившегося свыше ожидания пребывания Государя в Крыму Витте написал ему письмо о необходимости Комиссии по крестьянскому делу. Государь ничего не отвечал ему, а письмо передал Победоносцеву, который по обыкновению раскритиковал то, что не от него исходило. Пред наступлением нового года Витте, изготовляя доклад, при коем должен был быть представлен отчет, упомянул в конце финансовых соображений о необходимости урегулировать положение крестьян, труд коих служит основой денежных средств государства. Доклад был послан Государю, который не только его утвердил, но еще сделал на полях отметки о полном согласии со взглядами, высказанными относительно крестьянского дела.

Вслед за тем, конечно, можно было ожидать, что назначение комиссии состоится, но вместо того Дурново отправился ходатайствовать, чтобы такого назначения не делалось, и на эту просьбу последовало также согласие, выраженное приказанием «повременить», так как множество возбужденных вопросов волнует ныне общество.

Ход другого важного государственного вопроса не менее назидателен и печален.

В течение нынешнего лета великий князь Александр Михайлович, женатый на сестре императора Ксении, рекомендовал Государю некоего Хлопова, будто бы выдающегося по своему необыкновенному патриотизму, чистоте побуждений и отменному пониманию русской народной жизни. Юный император имел неосторожность не только принимать и выслушивать этого невежественного проходимца, но даже поручил ему под предлогом составления подворных описаний в местностях, страдавших от голода, объехать Россию и представить Государю настоящую картину народного бедственного положения, картину,

скрываемую министрами. Под впечатлением этих внушений Государь стал сторонником лженациональной финансовой политики, имевшей главной целью воспрепятствовать опасному, по мнению этих юристов, вторжению иностранных капиталов в Россию. На нескольких по подобным вопросам представлениях он положил резолюции, выражавшие подобный взгляд. Особенно резко это было высказано по делу князя Белосельского, устроившего вагонный завод с помощью бельгийских капиталов¹.

Разумеется, подобные выражения высочайшего взгляда немедленно сделались известными и распространились не только в России, но в целой Европе, где капиталисты стали в тупик и прекратили с Россией сношения.

28 января. В 10 ½ часов утра в Зимнем дворце прием у Государя. Приехав несколько ранее назначенного часа, вижу в окно приемной, что Государь гуляет во вновь разведенном на бывшей дворцовой площадке саде; его сопровождает множество собак.

В кабинете, сидя за столом, вспоминает о моем грустном приключении в Монтекарло, прибавляя, что знал все подробности из присланной мной копии моего показания судебному следователю.

Я выражаю Государю мое удовольствие по поводу того, что он так долго прожил в Крыму вдали от Петербурга, который все тот же, исполнен мелочной суеты и крупной недоброжелательности.

Я: «Воображаю, как на Вас напали со дня Вашего приезда».

Государь: «Да, я уже окунулся... мы с императрицей читаем теперь третий том Шильдера „Истории Александра I“². Как это интересно, но как Шильдер изображает в невыгодном свете характер императора Александра!»

Я: «Шильдер – тупой немец, который не понял высоты русского характера императора, его пронизательности, гибкости и вместе с тем твердости. Вспомните, в каких ужасных условиях он провел молодость среди бабки и отца, при каких обстоятельствах он вступил на престол».

¹ К. Э. Белосельский-Белозерский владел крупными металлургическими предприятиями в Усть-Катаве на Урале. В 1898 г. было образовано «Южноуральское анонимное металлургическое общество», которому князь Белосельский передал в аренду свои предприятия. Деятельность князя завершилась неудачей. В 1903 г. его предприятия попали под опекуное управление и вплоть до остановки заводов в 1908 г. периодически финансировались государством.

² См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. В 4 томах. СПб., 1897–1898.

Государь: «Да, заподозренный даже в соучастии убийства».

Я: «И тотчас по вступлении на престол очутившийся лицом к лицу с современным Тамерланом, приведшим наше Отечество на край гибели. Отличительная черта императора Александра – это самопожертвование; жертвование своего самолюбия на пользу Отечества. Самолюбие – самая чувствительная струна человеческого сердца, и его-то всецело пожертвовал Александр I, любезничая не только с государями, но с их министрами, с разными мелкими личностями, поддерживая союз европейских держав, преследуя Наполеона и с Московского пожара¹ приведя Россию на верх могущества и славы, освещенный Венским конгрессом², на котором Россия покоилась до... взятия Севастополя³».

Государь: «Как интересна деятельность Сперанского».

Я: «Да, Государь, до назначения моего государственным секретарем я имел весьма нелестное понятие о Государственном совете. Думал, что там сидят бесполезно несколько отживших чиновников, но, прослужив десять лет государственным секретарем, я убедился в том, какую пользу приносит это учреждение, сдерживая фантазирование министров, процеживая их представления и доводя до Вас лишь то, что может принести пользу».

¹ Имеется в виду пожар в Москве, который произошел 2–6 сентября 1812 г. во время входа в город войск Наполеона I после Бородинского сражения. Пожар охватил практически весь Земляной город и Белый город, а также значительные территории на окраинах города, уничтожив три четверти построек.

² Венский конгресс 1814–1815 гг. – общеевропейская конференция, которая состоялась после наполеоновских войн и на которой были определены новые границы государств Европы. Так, по итогам переговоров был образован Германский союз, а часть созданного Наполеоном герцогства Варшавского вошла в состав Российской империи под названием Царство Польское. Конгресс определил новую расстановку сил в Европе, сложившуюся к концу наполеоновских войн, на долгое время обозначив ведущую роль стран-победительниц – России, Австрии и Англии. В результате конгресса сложилась Венская система международных отношений, и был создан Священный союз европейских государств, имевший целью обеспечение незыблемости европейских монархий.

³ Речь идет о событиях неудачной для России Крымской войны 1853–1856 гг. Против Российской империи выступила коалиция государств в составе Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства. В ходе военных действий союзникам удалось произвести успешную высадку десантного корпуса в Крыму. Несмотря на героическую оборону Севастополя, которая продолжалась почти год, российская армия потерпела поражение: союзники захватили южную часть Севастополя – главную базу русского Черноморского флота. По завершении войны 18 марта 1856 г. был подписан Парижский мирный договор, по которому Россия потеряла право иметь военный флот на Черном море.

Разговор переходит к делам общества¹. Перечисляю все, что было напечатано, упоминая о биографии Павла I, написанной Шумигорским².

В заключение запрашиваю анненскую ленту³ секретарю общества Штендману, а также прошу Государя подарить мне свой портрет, основывая ходатайство на том, что подарил музею Александра III превосходный портрет Государя, написанный Крамским.

ФЕВРАЛЬ

13 февраля. Высшие чиновники взволнованы поднятым около Государя вопросом о невыгодах допущения в Россию иностранных капиталов. Вдохновителем и двигателем подобного вопроса является юный великий князь Александр Михайлович, который со смелостью, свойственной молодости и невежеству, безразборчиво хватается за все, могущее выдвинуть его и доставить ему влиятельное положение, более значительное, чем платоническая дружба царственного его племянника⁴.

За Александром Михайловичем стоят личности как Клопов, Шаропов, Белов, выдающие себя за монополистов настоящей любви к Отечеству, любви, которую князь Вяземский так метко окрестил квасным патриотизмом⁵.

Так или иначе, под влиянием подобных суфлеров Государь стал на многочисленных представляемых уставах иностранных компаний класть резолюции о нежелательности допущения в Россию иностранных капиталов.

¹ Имеется в виду Императорское русское историческое общество.

² См.: *Шумигорский Е. С.* Павел I (1754–1801). СПб., 1899.

³ Орден святой Анны – награда Российской империи. Учрежден в 1735 г. Знак ордена – красный крест, в центре которого изображалась святая Анна, лента – красная с желтой каймой, звезда – серебряная восьмилучевая.

⁴ Николай II приходился великому князю Александру Михайловичу двоюродным племянником.

⁵ Квасной патриотизм – фраза из сочинения «Письма из Парижа» (1827 г.) П. А. Вяземского. Он писал: «Многие признают за патриотизм безусловную похвалу всему, что свое. Тюрго называл это лакейским патриотизмом, *du patriotisme d'antichambre* („патриотизм прихожей“, *фр.*). У нас можно бы его назвать квасным патриотизмом. Я полагаю, что любовь к Отечеству должна быть слепа в пожертвованиях ему, но не в тщеславном самодовольстве; в эту любовь может входить и ненависть. Какой патриот, какому народу ни принадлежал бы он, не хотел бы выдрать несколько страниц из истории отечественной и не кипел негодованием, видя предрассудки и пороки, свойственные его согражданам? Истинная любовь ревнива и взыскательна».

Разумеется, известие о подобных резолюциях скоро проникло в публику, и прилив иностранцев, ищущих дела в России, внезапно остановился. Встревоженный таким поворотом в развитии промышленности, Витте обратился к Государю с просьбой высказать определенно и обязательно для всех министров взгляд на этот вопрос. При этом Витте представил сначала записку профессора Менделеева о пользе допущения иностранных капиталов, а затем свою собственную записку, в которой, указывая на наш протекционный тариф¹, обязательный для нас до 1904 года, то есть до истечения срока договора, заключенного с Германией, усматривал в этом тарифе одну лишь пользу – насаждение промышленных заведений, кои служат единственной твердой школой для полезных промышленных деятелей. Школа эта обходится России до 500 миллионов ежегодно, но расход этот должен возместиться России, когда русские люди постепенно вытеснят иностранцев и, скопив себе сбережения, мало-помалу сделаются собственниками промышленных в пределах России заведений. Если ожидать, что промышленные заведения создадутся только путем национальных сбережений, то придется ожидать серьезных результатов весьма долго, а между тем Европа будет продолжать все более и более опережать нас.

Записку эту Витте просил Государя обсудить в Совете министров под личным его председательством.

14 февраля². Участвую по приглашению в заседании Соединенного присутствия для Государственного совета. Рассматривается проект особого совещания под председательством Дурново относительно

¹ Имеется в виду протекционный тариф 1891 г., значительно повысивший пошлины на ввозимые товары. Так, например, по сравнению с 1868 г. пошлины на бумажные ткани были увеличены в 2 раза, на чугун – в 10 раз, на рельсы – в 4,5 раза и т.д.

² В деле № 51 имеются заметки на эту тему следующего содержания:

«19 февраля 1899 для Совета

В последнее заседание принято начало срочной заповедности. С принятием этого начала, согласно проекту совещания, устанавливаются три категории заповедные: 1) по закону 1845 года, 2) мелкие – согласно проекту и 3) промежуточные между теми и другими. Прежде чем идти далее в рассмотрении проекта необходимо твердо установить основную мысль, лежащую в основе проекта. [Зачеркнуто: «от такого объяснения такой мысли должно зависеть и вместе с тем оправдание или обвинение не неоправдание такой»].

Основная мысль – не покровительство дворянским, сословным привилегиям, а сохранение крепких земельных единиц – их достоинства [Так в оригинале]. Оставляя неприкосновенным закон 1845 года, проект занимается исключительно мелкими.

разрешения устраивать срочно заповедные имения¹. Прения начинаются с того, что Голубев, Герард, Шидловский настаивают на том, что наследование одного в ущерб других сонаследников не отвечает духу русского законодательства, симпатиям русского народа. Чтобы убедить в том, можно ли допустить применение принципа единонаследия, Сольский предлагает пройти проект по параграфам. Предложение это поддерживает Победоносцев. Фриш в качестве председателя ставит сообразно с этим вопрос, но я настаиваю на необходимости прежде всего разрешить вопрос, принимается или не принимается принцип единонаследия. Фриш решает голосовать этот вопрос. Тогда Сольский предлагает сделать перерыв и во время перерыва уезжает, а Победоносцев во время чаепития объясняет мне, что рассмотрение параграфов должно привести к убеждению, что установление заповедных имений нежелательно, а потому проект следует отбросить.

Я говорю еще в пользу основной мысли проекта, и при отбирании голосов 25 человек соглашается со мной, а 4 остаются противного мнения.

Что представляют *мелкие*?

[...][неразборчиво] отживающим.

Крупные – абсентеизм и пр.

Средние всего ближе достигают желаемой цели.

Теперьшее их положение – обязательная дробимость, приводящая к деревням рюриковичей или к участкам в руках проходимцев. Культурные учреждения в таком земельном участке обречены на уничтожение, земля – не товар, нравственная духовная связь человека с землей, только при ней возможен успех, такой человек должен преимущественно служить опорой порядка и т. п. Мы видим, к чему привело 50 лет, что будет через 50 лет еще то, что видим во Франции, а в России это будет гораздо хуже. Единственное средство избежать этой мрачной будущности [?] – предлагаемая мера, то есть установление [зачеркнуто: «распространение»] такого класса.

Что говорят против: 1) бессердечие, 2) *latifundia*.

¹ Речь идет о рассмотрении в Государственном совете законопроекта об учреждении срочно-заповедных имений, подготовленного Особым совещанием по делам дворянского сословия. – Опись дел архива Государственного совета. Т. 12. Дела Государственного совета с 1895 по 1899 гг. Петроград, 1914. С. 104. № 1 (Департамент гражданских и духовных дел). Подробнее см.: Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1898–1899 гг. СПб., 1899. С. 216–269.

Заповедные имения не подлежали отчуждению, разделу, не могли завещаться. Такие имения признавались собственностью рода, для которого они учреждены. По закону от 25 мая 1899 г. дворянские имения, заложенные в банке, могли обращаться во временно-заповедные. По мнению инициаторов нововведения, подобная мера должна была защитить потомственных дворян от разорения, между тем установление временно-заповедных имений не распространилось.

24 февраля¹. В 9 часов вечера годовичное собрание Исторического общества в Зимнем дворце, в Малахитовой гостиной, что выходит окнами на Неву. Собираются: еле движущийся от старости Бычков, Победоносцев, глупый, исполнительный и в сумме честный чиновник Куломзин, торжественно бездарный граф Шереметев, известный, но для общества бесполезный Майков, трудолюбивый, но скучный Мартенс, удаленный от дел в Министерстве финансов биограф Павла Петровича Кобеко, трудолюбивый, недюжинный Сергеевич, всегда готовый работать Дубровин, биограф Александра I Шильдер, исторический торгош Бартенев и мой ближайший сотрудник Штендман, а также великие князья Владимир Александрович и Константин Константинович. Председательствует юный царь, по обыкновению в преображенском полковничьем сюртуке.

На этот раз заседание не проходит без маленького столкновения – первого в тридцатитрехлетнее существование общества.

Сергеевич, напечатавший несколько толстых томов об екатерининской комиссии депутатов, представляет доклад о трудах этой комиссии, причем, быть может, несколько бестактно настаивает на том, что депутаты имели в виду почти исключительно свои сословные выгоды, что императрица Екатерина под влиянием учения Монтескье поддалась отстаиванию сословных интересов, что повредило успеху ее законодательства. По окончании этого доклада Бартенев весьма громко и бесцеремонно сказал: «Это не история. Если это напечатать в газетах, то все это раскритикуют»².

¹ В деле № 51 имеются также следующие заметки за февраль: «Воскресенье. В 2 часа у Сольского Финансовый комитет. Куропаткин. Витте. Вечером получаю записку от Государя.

Понедельник. Заседание Совета о заповедных имениях. Моя речь.

Музыкальный вечер у нас.

Вторник. Пишу свой отчет. Бал у Юсупова.

Среда. Собрание Исторического общества у Государя. Сергеевич. Выходки Бартенева.

Константин Константинович. Письма, читанные Шильдером».

²Граф С. Д. Шереметев рассказал об этом заседании в дневниковой записи от 24 февраля: «После отчета „Чтение Сергеевича по поводу Екатерининской комиссии“, но в сущности „лекция“ поучительная царю – что понятие „Божьей милостью“ устарело – глумление над Екатериной и комиссией и невольное обвинение дворянства и сословного строя. Верх бесстыдства и неприличия. Государя видимо коробило. Он переглядывался очень выразительно с великими князьями Владимиром и Константином Константиновичем и со мной почти все время, видимо следя за впечатлением». Шереметев упомянул также и о том, что после чтения доклада Бартенев «даже громко сказал: »Какой вздор!«». Вообще, по мнению Шереметева, «во всем заседании» чувствовалась «опять

Я немедленно попросил Государя предоставить Шильдеру порученное ему чтение¹.

В конце заседания происходили выборы, по окончании которых Бартнев опять весьма нахально обратился к Государю, сказав, что он предлагает в члены общества московского профессора Павлова.

Всегда любезный и снисходительный Государь начал выражать свое согласие, когда я решился его перебить и сказать: «Позвольте доложить Вашему Величеству, что по нашему уставу в члены общества предлагает лишь Совет. П. И. Бартнев забыл это правило. Он забыл также, что мы держимся правила принимать в члены только лиц, совершивших для общества какой-либо труд, и в этом отношении Петр Иванович составляет единственное исключение, потому что он для общества ничего не сделал и был принят лишь во уважение настоящего о сем желания покойного князя Петра Андреевича Вяземского».

По окончании заседания, когда Государь, простившись с присутствовавшими, удаляется во внутренние комнаты, я провожаю его до дверей соседней гостиной и извиняюсь в том, что позволил себе вторгнуться в его председательские обязанности, но что я сделал это единственно потому, что видел, что он будет поставлен в ложное положение. В ответ на такое заявление, он любезно меня благодарит².

работа сложной интриги антимонархической и антидворянской». Половцов, же играл «подлую роль» (Граф С. Д. Шереметев. Дневник за 1899 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5045. Л. 41 об.).

¹ Шереметев охарактеризовал «чтение Шильдера» на этом заседании как «медоточивое, но с ядом», отметил в нем «глумление над Николаем Павловичем и Паскевичем под кажущейся похвалой» (Граф С. Д. Шереметев. Дневник за 1899 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5045. Л. 41 об.).

² Здесь сначала идут записки из книги, затем черновик письма, который перечеркнут:

«29 января 1899 г. Государю Николаю Александровичу
Извините меня, Государь, если позволяю себе докучать Вам послесловием ко вчерашнему милостивому приему Вашего Величества.

Вы спросили меня, более или менее злоупотреблений во французском чиновничестве сравнительно с нашим. Я отвечал, что в низших слоях уровень одинаковый, но что в высших французских правительственных сферах взяточничество сильнее, чем у нас.

Я опасался утомить Ваше внимание предметом чуждым цели моего приема, но потом, упрекая себя в том, что не высказал Вам лежавшей у меня на сердце мысли, решаюсь писать Вам эти строки.

Чиновники везде одинаковы, одинокие занятия вырабатывают одинакий (Так в тексте – *О. Г.*) тип людей, но во Франции злоупотребления правительственных агентов сдерживаются тремя (зачеркнуто: «главными», «внешними» «преград[ами]») силами: 1) служебной и судебной ответственностью, 2) журнальными разоблачениями, 3) парламентскими интерпелляциями.

МАРТ¹

14 марта. Понедельник. После общего собрания совещание под председательством великого князя относительно представления Сипягина, главноуправляющего Канцелярией прошений.

История этого дела такая: вскоре по вступлении на престол Александра III он решил уничтожить Комиссию прошений. Статс-секретарь у² принятия прошений князь Долгорукий, пользовавшийся нехорошей репутацией, был спущен в Государственный совет, комиссия уничтожена и заменена канцелярией, которая подчинена Рихтеру – командирующему Императорской главной квартирой. Для этой канцелярии написано положение (1884 год), в составлении коего я участвовал, и затем Рихтер одиннадцать лет управлял этим учреждением. По его увольнении на его место был назначен Сипягин, человек крайне бездарный, племянник графа Толстого, и потому быстро попавший из уездных предводителей в губернаторы и даже московские губернаторы. Здесь, кланясь великому князю Сергею Александровичу, он снискал его расположение и по его рекомендации сделался товарищем министра государственных имуществ, а потом внутренних дел, причем Александр III объявил Дурнову³, что готовит Сипягина ему в преемники. Пробыв три

По счастью для России, парламентских интерpellаций у нас не существует, а пресса далека от того гибельного влияния, которое принадлежит ей во Франции. Остается ответственность служащих пред начальством и пред судом».

¹ В деле № 51 имеются следующие заметки за 6–8 марта:

«6 марта – Юбилей М.

7 марта Дубровин о Шильдере.

Соглашение с Дурново для зап. [вероятно, по вопросу о заповедных имениях]. Пален – у него Витте.

8 марта. Совет. Хотя рассматриваемый нами труд особого совещания и имеет предметом установить заповедность исключительно для лиц дворянского сословия, но так как Государственный совет по ст [?] учреждения [оборвано]. То я считаю полезным упомянуть о том, что в случае установления этого нового закона и считал бы полезным распространить его впоследствии на все сословия. Я говорю: впоследствии, потому что сегодня, быть может, не хватает достаточно материала для обсуждения условий, в коих расширение такого закона должно последовать, но что оно должно последовать, что оно неминуемо последует, это несомненно, несомненно и то, что законодатель не должен терять из вида эту неминуемость. Прежнее исключительное для дворянства землевладение [оборвано]».

² Так в тексте.

³ Так в тексте.

года главноуправляющим Канцелярией у принятия прошений, Сипягин возымел мысли уничтожить всякие правила, существовавшие для Канцелярии прошений, и заменить их одним параграфом, гласящим, что ему предоставляется принимать всевозможные прошения и давать им ход или не давать, удовлетворять их или отказывать, руководствуясь исключительно секретными указаниями самого императора, а отвечая за свои действия лишь пред Богом и совестью.

Легко себе вообразить, какую бурю произвело в Государственном совете представление на эту тему. Министры, от коих затребованы были отзывы, отвечали неодобрительно и притом в довольно резкой форме. Сипягин возражал им, что люди, желающие сохранить для деятельности Канцелярии прошений определительные, законом установленные правила, косвенно стремятся к ограничению самодержавной власти. Видя, какой жалкий оборот при полной неизвестности исхода принимает это дело, я поехал к великому князю Михаилу Николаевичу и высказал ему убеждение о необходимости созвать совещание под его председательством, чтобы попробовать сломить тупое упорство Сипягина.

Совещание действительно состоялось, а между тем дело усложнилось или упростилось тем, что Сипягин представил в Совет проект «указаний», которые он намерен испросить у Государя после того, как его представление будет уважено Советом. Инструкция эта, по мнению Сипягина, должна была оставаться тайной между Государем и им, Сипягиным.

Совещание произошло приблизительно так: великий князь прежде всего обратился к Рихтеру, который заявил, что в 1884 году он принимал участие в составлении положения о Комиссии прошений, а затем по обязанности главноуправляющего в течение одиннадцати лет применяя эти правила, которые считал бы нужным не только не уничтожать, но еще дополнить, умножить, чтобы облегчить исполнение своих обязанностей главноуправляющими.

Будучи спрошен после Рихтера как соучастник в составлении положения, я отвечал, что очень рад слышать отзыв Рихтера, вполне разделяю его мнение о том, что для принятия прошений должна существовать известная нормировка, и думаю, что представленная ныне Сипягиным инструкция, хотя и секретная, служит подтверждением такого мнения, а потому прошу позволения отложить выражение моего мнения до того момента, когда будет обсуждаться эта инструкция. *Фриш* в качестве бывшего кодификатора много говорил об основных законах, о их твердости, о необходимости сохранения положения, определяющего законный порядок и т. д.

Муравьев (министр юстиции) сказал в высшей степени талантливо длинную речь, в коей разобрал сущность проекта Сипягина, выставив всю его нелепость, опасные последствия, широко открываемое ими для интриги поле. Речь его была содержательна, убедительна, блестяща.

Победоносцев заявил, что представленная Сипягиным инструкция уничтожает основное положение проекта о том, что все прошения должны будут разрешаться без всякой законной нормировки; что, очевидно, инструкция эта должна быть включена в закон, а следовательно, весь проект должен быть переработан, а для такой переработки возвращен Сипягину. *Сольский* засвидетельствовал, что он разделяет только что слышанные мнения и в случае разногласия в Соединенных департаментах будет энергически их отстаивать (!?).

Островский настаивал на том, что он не знает, как будет председательствовать в Соединенном присутствии, ввиду противоречивости представленных Сипягиным документов, а потому предложил назначить комиссию, которая бы переработала проект. В этом ему категорически всеми присутствующими отказано, так как в подобном случае было бы неизвестно, чей проект подлежал бы рассмотрению.

Плеве произнес несколько тусклых слов о желательности соглашения.

Великий князь. Выслушав все, сказанное членами совещания, разделяет их мнение и, обращаясь к Сипягину, выражает ему надежду, что он не станет более упорствовать.

Сипягин продолжительными, бессвязными, часто полуграмотными словами настаивает на том, что по глубокому убеждению не считает возможным отступить от своего представления. Как крайнюю уступку он высказывает готовность включить в текст своего представления сообщенный им впоследствии проект инструкции, но под условием, чтобы Государственный совет принял сущность его представления.

?!!..

Я. Заявляю, что после того, что сказал Сипягин, согласясь включить инструкцию в текст проекта, делается очевидной и несомненной необходимостью переделки самого проекта, что переделка эта, на мои глаза, представляется во всяком случае необходимой уже хотя бы потому, что непременно должны быть исключены выраженные им, Сипягиным, против нас оглашающихся с его проектом лиц обвинения в том, будто бы они хотят ограничить самодержавие, что если бы такое обвинение было направлено против меня, то я обратился бы во время заседания к великому князю председателю с просьбой довести о том до сведения Государя императора ходатайство смыть с меня подобное обвинение, коему я еще не видал подобного в течение 16-летней моей в Совете службы.

Моя попытка запугать глупца не удалась, и заседание окончилось его заявлением, что он не изменит своего представления и что все нападки присутствующих суть лишь результат недоразумений.

Я не мог в заключение не прибавить, что если таковы недоразумения теперь между несколькими министрами, то каковы они будут после обнародования закона между 130 миллионами русских подданных.

16 марта. Среда. У Государя был в первый раз собран Совет министров¹. Обсуждался вопрос о пользе привлечения иностранных капиталов. Вследствие поданной Витте записки Государь отступил от внушенных ему Александром Михайловичем с Ко мысли и хотел утвердить заключения записки Витте, который попросил обсудить ее в Совете министров с тем, чтобы для всех их сделать такое заключение обязательным.

Заседание это в Зимнем дворце под председательством Государя, сколько слышно, было довольно своеобразно. В начале Государь обратился к Витте, который в коротких словах изложил свой взгляд. Потом министр иностранных дел Муравьев, не могущий словесно излагать свои мысли (если допустить, что у него, кроме интересов, мысли существуют) прочитал записку, ему кем-то составленную. Заключение записки было такое, что иностранные капиталы могут быть допущены к помещению в русской промышленности, но под условием, чтобы подземные минеральные богатства ни в каком случае в руки иностранцев попадать не могли. Военный министр Куропаткин, несомненно, весьма умный, но лишенный общего и в особенности финансового экономического образования, считал обязанностью отстаивать неприкосновенность козачьих территорий и с этой точки зрения считал возможным допустить помещение иностранных капиталов в разработке подземных богатств, лишь бы поверхностная площадь оставалась в неприкосновенном пользовании козаков!.. Такое заявление неудивительно, если верить рассказу Витте, что в его присутствии Куропаткин доказывал Государю, что все войны в настоящее время происходят от того, что европейские государства ищут сбыта своим произведениям, чрезвычайно умножающимся вследствие непомерного развития промышленности, а следовательно, в видах избежания войн мы должны тормозить успехи своей промышленности. Вот что говорит очень умный человек, но лишенный надлежащего для государственного человека образования.

Совещание окончилось, однако, тем, что допущение иностранных капиталов к промышленным в России предприятиям решено дозволить.

¹ Видимо, Половцов имел в виду частное совещание министров. Совет министров был создан в 1906 г.

И Ю Н Ъ

11 июня. Возвращаюсь из-за границы, проведя два месяца на юге Франции.

В Петербурге застаю всю ту же грустную безголовицу и неурядицу. В Гааге¹ Европа смеется над комически сантиментальными фразами России, не имеющими ничего общего с ее действиями. В Финляндии поднимается грозная туча, накликаемая бездарностью привыкших безответственно командовать чиновников. В Петербурге междоусобная борьба лиц, именуемых почему-то министрами, достигает громадных размеров. Министра внутренних дел Горемыкина не защищают более самые горячие его приверженцы. Он думает только о сохранении казенной квартиры и от всех сотоварищей получает пощечины. Главным врагом его является Витте, в особенности за отказ созвать крестьянскую комиссию, а также за университетское дело. Следствие, произведенное Ванновским², служило тяжким обвинением для градоначальника

¹ Имеется в виду Гаагская конференция.

² В день основания Петербургского университета 8 февраля 1899 г. произошло столкновение учащихся с полицией, во время которого толпа была рассеяна с применением нагаек. Вслед за тем студенты объявили забастовку, которая распространилась сначала на высшие учебные заведения Петербурга, а затем и на другие города империи. В качестве наказания многих студентов выслали из столицы. П. С. Ванновскому было поручено всестороннее расследование причин студенческих беспорядков. Результаты следствия не публиковались, но в обществе сложилось убеждение, что комиссии удалось выяснить некоторые причины волнений и отчасти найти средства к их устранению. В докладе Ванновского подробно разобраны обстоятельства происшедшего, приведены свидетельства очевидцев и т.д. В частности, говорилось, что в среде учащихся были приняты меры к предотвращению беспорядков 8 февраля. Между тем министры внутренних дел и народного просвещения сочли нужным потребовать от студентов соблюдения порядка. В соответствии с их распоряжениями правление университета подготовило особое объявление от имени ректора, которое было вывешено в здании университета 1 февраля. В заявлении перечислялись наказания для нарушителей общественного порядка. Студенты были возмущены угрозами «уголовных кар» (с. 8–9), и многие из них решили выразить протест ректору университета В. И. Сергеевичу (освистание его речи в день праздника). Непосредственное столкновение между студентами и полицией произошло из-за плохой административной организации движения студентов; при этом особо подчеркивалось, что у полиции не было разрешения бить студентов нагайками. Тем не менее в докладе утверждается, что именно студенты подали повод к столкновению с полицией. Кроме того, Ванновский отметил, что волнения студентов не имели политических требований. Виновыми за происшедшее он признавал в основном руководство университета и

Клейгельса, а между тем Горемыкин представил Государю о его награждении. Ванновский объявил, что если Клейгельс получит просимую награду, то он, Ванновский, снимет военный мундир и никогда более в Петербург не покажется.

Другой герой бездарности – Боголепов. Он объявил, что не знает, как вести университетское дело в предстоящий сезон, и для получения указаний созвал всех попечителей округов. В первое заседание двое из них объявили, что у них по этому предмету написана записка, которую они забыли дома, и потому ничего не могут сказать.

Каков учебный персонал!

16 июня. Заболеваю подагрой и вследствие запрещения врача Кернига нахожусь в невозможности ехать на Урал. Нахожусь также в невозможности присутствовать при крестинах вновь родившейся у Государя третьей дочери Марии, по поводу рождения коей королева Виктория телеграфировала своей внучке: «very disappointed! ¹».

29 июня. Получается известие о внезапной смерти брата императора, наследника цесаревича великого князя Георгия Александровича. Он давно хворал чахоткой, и врачи предсказывали, что он умрет внезапно, что и случилось. Катаясь в автомобиле, он подвергся горловому кровотечению, которое его и задушило [?].

В день смерти отца его, императора Александра III, и вступления на престол Николая Александровича, был издан манифест, провозгласивший Георгия Александровича наследником престола и цесаревичем ². Все это происходило в Ливадии несколько суетливо, так что самый манифест был писан Вяземским (управляющий уделами) и поднесен к подписи Государя графом Воронцовым. За изданием манифеста

города, в частности градоначальника Н. В. Клейгельса, а также отдельных студентов. См.: *Ванновский П. С.* Доклад о студенческих беспорядках 1899 года. СПб., 1906. С. 3–10, 59–68.

¹ Очень разочарована (*англ.*).

² Здесь имеется в виду манифест от 20 октября 1894 г. «О восшествии его императорского величества, Государя императора Николая Александровича, на прародительский престол Российской империи и нераздельных с ней Царства Польского и Великого княжества Финляндского». В манифесте говорилось о принесении присяги великому князю Георгию Александровичу, который должен был «титуловаться наследником цесаревичем» до рождения сына в предстоящем браке императора с принцессой Алисой Гессенской. См.: ПСЗ. Т. 14. СПб., 1898. С. 625–626. № 11014.

последовало принесение присяги, так что в случае рождения сына у царствующего Государя возникало сомнение о том, как поступить с наследником цесаревичем, которому уже принесена народом присяга. Ввиду этого затруднения Государь поручил министру юстиции Муравьеву разработать этот вопрос и представить ему свое мнение. Муравьев, конечно, пришел к заключению, что не было надобности называть по имени наследника и титуловать его цесаревичем, и что достаточно было упомянуто о законном наследнике, который впоследствии изменится реально.

За отсутствием, вероятно, в этот день Муравьева, находящегося за границей, Государь послал за Победоносцевым и по приезде его в Петергоф поручил ему написать в таком смысле манифест. Победоносцев из осторожности написал два манифеста, называя Михаила Александровича, но нигде не упоминая слово «цесаревич», а говоря в одном о наследнике, а в другом не говоря и этого. Государь, которого для приложения его подписи разбудили в 2 часа ночи, подписал последнюю редакцию. Но вслед за изданием такого манифеста поднялись истории. Приехали Воронцовы. Он нашел для себя обидным, что текст, им установленный при смерти Александра III, подвергнут изменению, пошел убеждать императора в неправильности новой редакции, но, конечно, удовлетворения не получил. Графиня Воронцова напустилась на императрицу Марию Федоровну, к этой атаке почему-то присоединились великий князь Александр Михайлович и Ксения Александровна, и вот уже с дороги бедный Государь получил письмо от своей матери, настаивавшей на даровании Михаилу Александровичу титула наследника. Конечно, такое требование приходилось удовлетворить, и сообразно сему последовал новый манифест¹.

И это называют самодержавием!

Во всяком случае странно понимают лица, в том заинтересованные, пользу поддержания ореола царской власти.

¹ Действительно, в императорском манифесте от 28 июня 1899 г. по случаю смерти Георгия была употреблена следующая формулировка: «Отныне, доколе Господу не угодно еще благословить нас рождением сына, ближайшее право наследования всероссийского престола <...> принадлежит любезнейшему брату нашему великому князю Михаилу Александровичу». См.: ПСЗ. Собрание третье. Т. 19. Ч. 1. № 17358. Михаил не назывался ни цесаревичем, ни наследником. Мария Федоровна написала Николаю II в письмо, в котором просила даровать Михаилу Александровичу титул наследника. На следующий день император подписал указ Сенату, в котором утверждалась данная формулировка. См.: *Андреев Д. А.* Наследник, но не цесаревич // *Родина*. 2011. № 7. С. 45–48.

ИЮЛЬ

14 июля. Похороны преждевременно погибшего великого князя Георгия Александровича. Я никогда ничего дурного о нем не слышал. Отличительной его чертой была чрезвычайная застенчивость и скромность. Он был слаб здоровьем от рождения, но отец и мать его не хотели тому верить, и таким образом постоянное расстройство желудка перешло в чахотку. Последние семь лет он прожил на Кавказе, где хороший климат несколько продлил его жизнь. Рассказывают, что он там влюбился в некую княгиню Бебутову, которую вследствие того выслали в более отдаленную местность. С этого дня он возненавидел свою мать, встреча с коей всегда сопровождалась тягостными сценами и ухудшением его здоровья. Умер он, катаясь на автомобиле, подаренном ему матерью. Горловое кровотечение продолжалось несколько минут; прогуливался он одиноко и скончался на руках мимо проходившей крестьянки из молокан¹, которых ныне так ожесточенно преследует правительство.

Накануне похорон мне пришлось дежурить два часа во время обедни, куда народ был допущен на поклонение. Со мной дежурили Имеретинский и Балашев. В день похорон церковная служба продолжалась три часа, что превосходит нормальные силы человека. Пение превосходно, внутренний вид собора испорчен множеством венков, цветов, надписей, все это сделано из серебра и при том с полным безвкусием. Присутствующих гораздо более, чем можно было ожидать в эту летнюю пору. Императорская фамилия, конечно, в полном сборе и поражает отсутствием чего бы то ни было выдающегося в каком бы то ни было смысле.

17 июля. Уезжая отсюда в Экс для борьбы со своей несносной подагрой, уношу самое тяжелое впечатление о том, в каком положении находится Россия и, в особенности, ее правительство.

¹ Молокане – разновидность духовных христиан. Сложилась в конце XVIII в. в Тамбовской губернии и распространилась затем на ряд других районов страны. Основателем течения считается Семен Уклеин. Молокане отрицали церковь, церковную иерархию, пост, иконы и богослужебные обряды православия. В соответствии с учением, смысл жизни человека заключается в том, чтобы развивать нравственное начало, заложенное Богом в каждую душу. Православная Церковь считала молокан одной из вреднейших сект и подвергала их преследованиям, что вызвало переселение большинства последователей учения на окраины империи – в Таврическую губернию, на Северный Кавказ и в Закавказье.

Нравственной силы никакой не чувствуется. Юный император, преисполненный лучших душевных свойств, не имеет ни надлежащего образования, ни практики в делах государственных, ни, в особенности, никакой твердости характера. Его убеждает и переубеждает всякий. Из членов его семейства большинство тянет в сторону своих личных выгод. А сколько-нибудь выше других стоящие, Владимир – по доброте, а Алексей – по уму, вследствие страсти к развлечениям окружены презренными и подозрительными личностями, так что не могут пользоваться влиянием. Всего более на Государя имеет [влияния] его дядя Сергей, но это в полном смысле слова дрянной человек, в душе коего нет ни единого возвышенного, чистого чувства. Другой влиятельный Государев родственник – Александр Михайлович, но это ребенок, хотя и с добрыми намерениями, но не имеющий ни о чем серьезного понятия, а потому представляющий в своих советах большую опасность.

Не стоит говорить о Николае Николаевиче, который думает лишь о том, как бы грубо оборвать кавалерийского офицера да удовлетворить жажду к деньгами своей любовницы из купечества¹.

Константин Константинович – человек почтенный в своей частной жизни, но весьма ограниченного ума, воображая о себе при этом, что он гений. А это бывает весьма опасно.

Мой добрый Михаил Николаевич мог бы пользоваться влиянием, но вместо того, устранившись от дел государственных, интересуется лишь артиллерией, где столкновения с военным министром, разумеется, приводят к частым неудовольствиям.

Обо всех остальных, второстепенных по положению и рождению, родственниках императора говорить не стоит. Это заурядные люди без образования, без трудолюбия, заботящиеся прежде всего об удовлетворении всяких appetitов и неспособные ни на какой душевный подвиг.

О людях, избранных для занятия делами государственными или, правильнее говоря, для завершения в высших инстанциях канцелярского производства текущих дел, трудно сказать что-либо хвалебное.

Высшее по иерархии место председателя Комитета министров занимает Иван Николаевич Дурново, прозванный Иваном Великим как по величине роста, так и потому, что ко всеобщему удивлению призван на великую должность, а также и потому, что в голове у него пусто, как в колокольне. Это блестящий образчик тех малоуважительных

¹ Речь идет о Е. Г. Числовой.

людей, коих Александр III считал надлежащими служителями самодержавного царя, как он его понимал.

Беспрекословное послушание, отсутствие личных убеждений, готовность всегда апробовать¹ и хвалить всякие распоряжения высшей власти, полное игнорирование всего того, что жизнь и история мира могли выработать, всегдашняя улыбка, всегдашний поклон как ответ на всякое действие (хотя бы оскорбительное) властного лица, преклонение пред привычками, обычаями, злоупотреблениями, чтобы никогда ни с кем ни о чем не спорить, придавая такому образу действий вид какого-то будто консерватизма. Невежество, безграничное во всем, исключая умения нравиться тем, кои могут быть им полезными. Беззастенчивая ложь как элементарное средство достижения целей. Так судят о нем все, не исключая друзей его, и, сознаваясь, что он имеет некоторые слабости, признают его приятным и удобным человеком.

По смерти императора Александра III Дурново при открытии вакансии председателя Комитета министров заявил, что это место было ему обещано покойным императором. Вдовствующая императрица Мария Федоровна утверждала, что это ложь, но тем не менее не воспротивилась назначению, хотя в то время имела полное в этой сфере влияние, и продолжала не скрывать своего презрения к Ивану Николаевичу!

Министр иностранных дел Муравьев. С несомненным умом и большой пронырливостью в достижении личных целей, этот человек не получил иного образования, как в каком-то юнкерском училище или что-то в этом роде, и всей карьерой обязан разного рода ходатайствам, протекциям и т. п. Лгать, обманывать ему нипочем. Это он считает дипломатией. В своем министерском посту он видит лишь возможность постоянно вертеться около Их Величеств и важничать, получая приглашения, назначения и т. п. Он с улыбкой и поклоном соглашается на всякую заявленную Государем мысль. Это — лакей в галунах², а не министр.

Куропаткин. Весьма умный, благородный, но исключительно по своей военной части образованный человек; не имеет понятия ни о государственном праве, ни о праве международном, ни о политической экономии и потому не только бесполезный, но опасный при обсуждении дел действительно государственных. К этому надо прибавить

¹ Так в тексте.

² Галун (*galon* — нашивка, *фр.*) — плотная лента или тесьма шириной 5–60 мм из хлопчатобумажной пряжи, шелка и т. д.; использовалась при изготовлении знаков различия для форменной одежды и ее отделки.

самоуверенность – отличительную [черту] офицеров Генерального штаба. Все это вместе делает из него хорошего боевого генерала, но весьма посредственного министра.

Муравьев. Министр юстиции. Человек тонкого ума, обширного образования, но готовый на всякую уступку для достижения целей личного своего самолюбия. О той устойчивой почтенной твердости убеждений, которая должна отличать верховного служителя правосудия, нет и помину. Муравьев постоянно что-то ищет, добивается; ему нужно усиление почета, умножение благополучия и т. д. Для достижения всего этого он, конечно, идет на всякие сделки и с людьми, и с совестью.

Ермолов. Министр государственных имуществ. Полнейшее ничтожество, человек незлой, даже неглупый, но решительно неспособный на какую бы то ни было плодотворную деятельность, канцелярист, говорящий без умолку, беспрестанно цитирующий разного рода научные авторитеты, но неумеющий связать теорию с практикой, да притом и не понимающий хорошенько смысла ни той, ни другой. В министры попал из директоров Департамента неокладных сборов по влиянию Витте, который не желал видеть на министерском посту талантливого, энергического сотоварища. Результатом такого выбора была ничтожная, безрезультатная деятельность Министерства государственных [имуществ], наполненного легионами чиновников, заставляющих Ермолова подписывать всякий вздор и ворующих напропалую.

Боголепов, долговязый, сухой, честный, в рамках уродливого толстовского классицизма создавший и продолжающий в должности министра народного просвещения этот идолопоклоннический культ, в котором, конечно, будет принужден сделать отступления, но единственно как уступки разного рода более или менее властным группам, но отнюдь не как результат собственного убеждения. Его вытщил Сергей Александрович, который ничего не понимает ни в людях, ни в просвещении.

Министр внутренних дел Горемыкин. Образованный юрист, долго служащий в администрации и преимущественно по крестьянскому делу, человек умный, честный, но... беспредельно ленивый, равнодушный, влюбленный в выгоды и удобства высокого положения, о коем не смел мечтать: такое нравственное настроение его губит и, конечно, сократит важности дни.

Не стану говорить о Победоносцеве и Витте – имена, деяния и характеристика коих так часто встречались и встречаются на этих страницах.

Монтекарло¹
29 января 1898 г.

Ваше Императорское Величество, получив от секретаря Исторического общества Штендмана уведомление, что Вашему Императорскому Величеству угодно, чтобы нынешней весной было годовичное собрание общества, поспешаю доложить, что таковая воля Ваша немедленно принята мной к исполнению.

К глубокому сожалению моему, здешние врачи пугают меня возвратом подагры в случае поспешного возвращения домой и потому я был поставлен².

¹ Далее в дневнике следует черновик письма Николаю II.

² Так в тексте дневника, черновик письма оборван на полуслове.

1900

ЯНВАРЬ

12 января. Среда. В 7 часов вечера приезжаю из Монтекарло, где прожил три месяца и вполне забыл свою подагру при помощи благословенного климата и лечения Брица. Дочери и Саша со мной обедают. Вечером с членами Богословского правления толкуем о средствах получения железной дороги.

13 января. Четверг. В 3 часа у великого князя Михаила Николаевича. Упрекает, что я поздно приехал. Отвечаю, что приехал бы ранее, но получил от Победоносцева письмо с извещением, что идет речь о назначении меня председателем Департамента законов, а так как я знал, что под этим кроется интрига Плеве, то я предпочел приехать позднее.

Великий князь уверяет меня, что он не ожидал, чтобы я принял это назначение по состоянию моего здоровья. Разговариваем о его детях и, в особенности, о глухых выходках Михаила Михайловича.

14 января. Визиты: старикам Бобринским, Победоносцеву, который хватается за голову и отчаивается в том, что рекомендовал Горемыкина в министры внутренних дел. Дает зарок, что никогда больше никого рекомендовать не будет. Да, впрочем, вероятно, никогда его больше и не спросят.

В первый день своего назначения министром внутренних дел Сипягин приехал к Победоносцеву и сказал: «Я знаю, что Вы имеете ко мне антипатию, и потому приехал к Вам первому, чтобы просить Вас не выказывать Вашей антипатии до тех пор, пока я [не] заявлю о себе действиями».

Победоносцев отвечал: «Какие тут антипатии. Все знают, что у Вас прекрасное сердце; это уже очень много на таком месте. За голову Вашу боюсь».

17 января. Понедельник. Еду в заседание общего собрания Совета. За время моего отсутствия поназначили такое множество членов, что не хватает мест.

После заседания иду в кабинет великого князя и прошу его испросить высочайшее повеление о назначении меня присутствовать в Департаменте законов.

Великий князь с удивлением: «Простым членом?»

Я: «Я не сделал этого ранее вследствие моих дурных отношений к Островскому. Теперь, когда он заменен Фришем, с которым я 50 лет в хороших отношениях, я готов работать под его председательством».

Великий князь: «Он старше Вас».

Я: «И годами, и выпуском моложе, но чином старше».

Великий князь выражает свое удовольствие.

ФЕВРАЛЬ

26 февраля. В Департаменте законов при участии трех остальных департаментов слушается внесенное по высочайшему повелению из Совещания о дворянстве дело о порядке приобретения дворянства¹.

В начале заседания Менгден и Андрей Сабуров предлагают установить, чтобы дворянство жаловалось не иначе, как особым актом верховной власти, то есть чтобы, приобретя дворянство чином или орденом, предстояло еще получить специальный за державной подписью акт о даровании прав дворянства.

Это предложение отвергается и затем начинается прение о том, какие именно служебные отличия должны давать дворянство. Витте с большой горячностью: что не надо стеснять теперешних правил и что вообще получение дворянства должно оставаться наградой чиновникам за продолжительную службу. На это возражает Победоносцев, предлагая давать на будущее время дворянство лишь тем чиновникам, кои будут получать чин тайного советника или орден Владимира II степени. После некоторого между ними по сему предмету [...] ² происходит спор, после которого, обращаясь к председателю Фришу, я говорю, как мне помнится, приблизительно следующее:

«Ввиду заявленного сейчас мнения о том, что жалование дворянства должно рассматриваться как награда чиновникам, я полагаю

¹ Имеется в виду дело «О приобретении и утрате прав потомственного дворянства и о порядке внесения дворянских родов в родословные книги». См.: Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1899–1900 гг. СПб., 1900. Т. 2. С. 576–641.

² Слово пропущено в оригинале.

необходимым выяснить, какой именно взгляд должен лечь в основание *теперешнего* рассмотрения настоящего дела. Дело это возникло главным образом по ходатайствам дворянств нескольких губерний; для рассмотрения их создано Особое совещание по дворянским делам. Труды этого совещания по высочайшему повелению переданы на рассмотрение Государственного совета, причем целью этим трудам поставлено: поддержание дворянского сословия. Какие же задачи поставляются этому сословию, задачи, для коих необходимо его поддержание?

После освобождения крестьян они были всецело предоставлены самим себе. Предполагалось, что многомиллионное множество единиц будет жить одна возле другой на правах полного равенства. Признаюсь, я не верю, чтобы какие бы то ни были¹ человеческие общества могли существовать, имея основанием равенство. Между людьми всегда будут богатые и бедные, умные и глупые, даровитые и бездарные. Это неравенство всегда дает превосходство одним над другими и не только превосходство, но и властное влияние. Как часто в этих самых стенах слышатся сетования на кулаков, ростовщиков, скупщиков и т. п., высказывается надежда обуздать этих вредных для крестьянства людей, обуздать их административными мерами, но надежда эта несбыточна. Полагают также, что усиление чиновничьего надзора поможет делу, но а в этом я сомневаюсь. Человек, принадлежащий к другой местности, незнакомый с местными интересами, имеющий на первом плане заботы о своем собственном благосостоянии и повышении, никогда не будет иметь доверия местного населения, а, следовательно, и возможности влиять на него.

Несравненно более влияния будет всегда иметь землевладелец, родившийся и умирающий на родной земле и притом не одиночно, а в целом ряде поколений. Тот, который любит и свой угол, и своих соседей бескорыстно, для которого, по слову Грибоедова, «дым отечества и сладок, и приятен». Такой человек всегда будет надежным руководителем меньшей братии, в нем правительство всегда будет иметь опору престола и Отечества, устой нашего государственного строя гораздо более прочный, чем те искатели приключений, кои целовали руку Людовика XVI и влекли его на эшафот, поклонялись Робеспьеру и радовались его погибели, превозносили Бонапарта и благословляли отъезд его на остров святой Елены. Вот в этом-то руководительстве меньшей братии и лежит главная обязанность земельного дворянства,

¹ Так в тексте.

руководительстве не одними словами, но примером, но делом, но установлением добрых, человеческих, а не механических, формальных отношений. Этот союз старших и меньших членов поземельной крестьянско-дворянской семьи много столетий лежал в основе нашего государственного устройства, благодаря твердости его Россия вышла победительницей из тех несчастий, коими изобилует ее история. Вот главная задача поземельного дворянства, а для достижения этой задачи нельзя почесть наиболее подготовленными людьми, прослуживших долгое время в канцеляриях. Я могу говорить по опыту, состоя на государственной службе 49 лет. ... Эти соображения были поставлены мной в основание заключения о том, что надо возвысить категорию служебных отличий, дающих дворянство, а также дать возможность дворянству вводить в свою среду землевладельцев, продолжительно и успешно творящих дворянское дело, хотя и не принадлежа еще к дворянству».

27 февраля. Воскресенье. Приезжает ко мне министр юстиции Муравьев и уговаривает принять председательствование в имеющей образоваться комиссии для рассмотрения написанных в Министерстве юстиции проектов изменений в судебных уставах.

Объясняю ему, что моя личность повредила бы делу, потому что, хотя составители судебных уставов смотрели на меня как на реакционера, тем не менее катков, мешерские, толстые убедили Государя Александра III, что я либерал, и эту репутацию я сохранил и в нынешнее царствование, так что мое участие повредило бы задуманной Муравьевым реформе. Он убеждается моими доводами и сетует на то, что юного царя более и более натравляют на необдуманное проявление самодержавия, или, точнее, капризов властолюбия.

На днях Муравьев получил просьбу семейства Мамонтова, допустившего преступные действия при постройке и управлении Архангельской железной дороги и подвергнутого судебным следователем тюремному заключению. Семейство просило о замене тюрьмы домашним арестом. Просьба была подана Государю и прислана Муравьеву с надписью: «Мамонтова подвергнуть домашнему аресту». Как Муравьев ни доказывал, что подобная резолюция предрешает исход судебного процесса в пользу Мамонтова, но молодой император остался непреклонен и резолюции не изменил.

28 февраля. В 12 ½ еду в Зимний дворец к Государю говорить о предстоящем годичном собрании Исторического общества. В приемной

нахожу великого князя Александра Михайловича, дежурившего в качестве флигель-адъютанта¹. От Государя выходит министр земледелия Ермолов. Мой доклад происходит приблизительно так: сначала читаю перечень печатающихся томов с означением их содержания, потом упоминаю о предстоящих выборах в члены. При упоминании имени Сергеевича Государь говорит: «А, этот тот, который читал на прошлогоднем собрании».

Я: «Да, Ваше Величество, то было чтение, по поводу коего Бартенева позволил себе такую неуместную выходку²». *Государь:* «Шереметев говорил мне, что Бартенева сам о том сожалеет». *Я:* «Ваше Величество, это больше ничего, как дерзость, вызванная Вашей чрезвычайной добротой. В течение 34-х лет у нас ничего подобного не было и допускать этого нельзя. Если что-либо подобное возобновится, то я очень категорически пойду против и убедительно прошу Вас поддержать меня. Позвольте мне еще предостеречь Вас: у меня был Шумигорский, заявивший, что Вы разрешили ему писать историю Павла I и обещали сами рецензировать ее. Писать историю Павла Петровича невозможно, а особенно примешивая к этому Ваше имя. Пишущему эту историю придется или лгать, или говорить ужасные истины. Каково будет положение, если по появлении этой истории начнется критика, которая окажется направленной против Вас?»

Государь: «Мне Владимир Александрович говорил то же самое по поводу труда Панчулидзева».

Я: «У меня будет к Вам просьба. В моем биографическом словаре я дошел до биографии великого князя Константина Николаевича. Необходимо было написать его оценку, что я всегда делаю сам. Вот я и принес Вам это описание с просьбой его цензуровать и притом как можно строже, потому что в отношении всех великих князей я нахожусь в особенном положении вследствие участия, которое принимал в законе 1886 года». При этом рассказываю, как все дело было, что мной и описано подробно в своем месте.

Хочу прочитать мой листок, но он оставляет его у себя.

Я: «Только, Ваше Величество, не выдайте меня, никому его не показывайте».

Государь: «Конечно, как это возможно». На этом расстаемся.

¹ Здесь имеется в виду, что великий князь Александр Михайлович был дежурным. Ежедневно при императоре дежурили офицеры, зачисленные в его свиту, — флигель-адъютанты или генерал-адъютанты. Они оказывали помощь императору в часы приема. Дежурство проводилось по определенному расписанию.

² Об этих событиях см. подробнее запись от 24 февраля 1899 г.

МАРТ

2 марта. В 9 часов вечера в Зимнем дворце, в Малахитовой гостиной, общее собрание Исторического общества¹. Возле Государя по правую сторону сидят великие князья Владимир Александрович и Николай Михайлович, а я в качестве председателя – по левую.

Начинается с чтения мной отчета; потом избирают новых членов: Пыпина и Остен-Сакена, предлагаемых согласно уставу советом общества. После этого Государь совершенно неожиданно для меня предлагает в члены Дашкова. Дашков – собиратель рукописей, книг, гравюр, человек весьма почтенный, и я против его избрания ничего не имею, но при покойном Государе этого не делалось без предварительного со мной разговора. Тут, конечно, замешаны и Николай Михайлович, и вдовствующая императрица, желавшая сделать приятное брату Дашкова, приставленному к великому князю Михаилу Александровичу и живущему в Гатчине.

В заключение Дубровин читает переписку Константина Павловича с Сипягиным, полную критики на распоряжения по военному ведомству, а Шильдер – извлеченный из его истории императора Николая эпизод напечатания Аракчевым в 1827 году писем, полученных им от императора Александра I.

По получении о сем запроса Аракчев утверждал, что это клевета его врагов, и написал Государю, что заверяет это в день, когда говеет и причащается Святых Таин в Бежецке, где похоронены его родители. Вслед за тем его начальник штаба и друг Клейнмихель представил экземпляр с собственноручной надписью Аракчева. Николай Павлович послал в Грузино графа Чернышева, который отобрал у Аракчева восемнадцать экземпляров книги, тайно напечатанной в типографии военных поселений, а также повинную Аракчева. Любопытно при этом письмо Константина Павловича с выражением негодования относительно поступка Клейнмихеля².

По окончании заседания я подошел к Государю и, зная его нерасположение к Александру Николаевичу и предпочтение Николая Павловича,

¹ 2 марта 1900 г. Николай II записал в дневнике: «После обеда в Малахитовой было ежегодное заседание Исторического общества. Дубровин и Шильдер сделали оба весьма интересные сообщения» (Дневники Николая II. Т. I. С. 522).

² Подробнее об «истории с письмами императора Александра I» см.: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. М., 1997. С. 49–59 (в тексте имеются упомянутые Половцовым письма Аракчева, великого князя Константина Павловича и др.).

сказал: «А тем не менее Клейнмихель оставался фаворитом Николая Павловича в продолжение всего его царствования, и по вступлении на престол Александр Николаевич немедленно удалил Клейнмихеля».

13 марта. Понедельник. В общем собрании Государственного совета докладывается между прочим представление министра государственных имуществ Ермолова об устройстве Музея кустарных промыслов. Музей этот устроен предместником его Островским, временно и совершенно противозаконно помещался в Соляном городке, а теперь Ермолов предлагает выстроить для него среди Земледельческого музея особое помещение с расходом в 60 тысяч рублей и установить штат чиновников с лишком в тринадцать тысяч рублей.

По воспоследовании обычного председательского со стороны великого князя вопроса: «Угодно утвердить?» – встаю и говорю приблизительно следующее:

«Я никак не намерен говорить против представляемого министром государственных имуществ проекта, но считаю необходимым остановить внимание Государственного совета на одной лишь стороне проекта, не лишенной значения.

Под кустарным промыслом, как мне кажется, должно разуметь деятельность крестьянина в стенах избы своей в то время, когда климатические или иные условия отрывают его от земледельческого труда. Нельзя, конечно, не сочувствовать всякому содействию, которое оказывается в этом случае бедному крестьянскому труженику. Министерство государственных имуществ уже много лет оказывает это содействие. К сожалению, в представлении я ничего не нашел относительно характера и результатов этого содействия. Мне удалось, однако, в одном правительственном [...] найти некоторые по сему предмету сведения (читаю перечень кустарных промыслов, доказывающий, что главные из них сосредотачиваются в центре России и около Москвы). Рядом с этим перечнем я нахожу ценное заявление министра государственных имуществ, что для принесения действительной пользы кустарным промыслам необходимо для руководителей находится вблизи от мест производства. Вот ввиду этого я и встречаю сомнение, действительно ли Петербург – настоящее место для всероссийского кустарного музея. Сомнение это уже было высказано государственным контролем, которому министр государственных имуществ отвечал, что Петербург – надлежащее для того место: во-первых, потому что музей, кроме выставки предметов, делает издания, для успеха коих необходимо местонахождение в столице, а, во-вторых, потому что все подобные музеи находятся

в столицах, чему служат доказательством Лондонский South Kensington museum¹ и Берлинский Kunstgewerbe museum²».

На первое я возражаю, что в Москве, лежащей в центре кустарных производств, найдутся все воспособления, необходимые для изданий и т. п., а на второе рассказываю историю возникновения в 1851 году Кенсингтонского музея по инициативе принца Альберта, а затем устройства такого же музея в Берлине по почину дочери принца Альберта — кронпринцессы, матери нынешнего императора³.

Закрываю требованием, чтобы Кустарный музей был перенесен в Москву.

Ермолов, чрезвычайно раздраженный моим требованием, с запальчивостью отстаивает свое представление. Его поддерживает Витте. Сольский, председательствовавший в департаменте, выражает готовность передать дело для нового рассмотрения в департамент.

Ввиду настояния Ермолова я заявляю, что, быть может, представилась бы трудность решить вопрос сегодня же, но что при рассмотрении дела в департаменте вновь можно истребовать заключение московского генерал-губернатора, который, не увеличивая расхода (на что указывал Ермолов), найдет полезным и возможным перевести музей в Москву.

Так дело и решается единогласно к сильному огорчению ничтожного Ермолова.

АПРЕЛЬ

1 апреля. Накануне, проезжая по Дворцовой набережной, встречаю императора, едущего на дрожках и возвращающегося из крепости, куда ездил поклониться гробницам предков, уезжая в Москву, где, по настояниям великого князя Сергея Александровича, Их Величества будут говеть.

На днях в Комитете министров рассматривался вопрос, следует ли передать телефоны в казенное управление или же надлежит оставить их на арендном праве в пользование частных лиц. Большинство присутствовавших настаивали на том, что подлежащий обсуждению вопрос есть вопрос законодательного свойства и подлежит рассмотрению

¹ Музей в Южном Кенсингтоне (*англ.*).

² Музей прикладного искусства (*нем.*).

³ Имеется в виду музей Виктории и Альберта в Лондоне. Полюсов не совсем точен: музей был основан в 1852 г.

Государственного совета, но, по настоянию Витте, его союзники Сипягин, Дурново, Сольский были противного мнения, которое и было утверждено Государем. Забавен этот страх пред Государственным советом, несмотря на его всякого рода понижение.

Чрез год минет сто лет со дня учреждения Государственного совета. Пред отъездом за границу великого князя Михаила Николаевича было у него совещание, составленное из председателей департаментов, меня и государственного секретаря Плеве для выяснения, действительно ли 30 марта 1801 года есть день основания Государственного совета. Вопрос решен в утвердительном смысле.

После того у меня был разговор с Плеве, и на его вопрос о том, как праздновать этот день, я отвечал: «Во-первых, не давать никаких наград чиновникам, а, во-вторых, дать Совету грамоту с перечислением его заслуг и, если можно, издать вновь Учреждение Совета, включив в него категорическое предоставление председателям права приглашать в заседания посторонних лиц, могущих своими объяснениями содействовать к лучшему разрешению рассматриваемых дел». Для достижения этой цели я отдал себя и своего секретаря Штендмана со всеми имеющимися у нас печатными и рукописными историческими материалами в распоряжение господина Плеве.

На днях заехал ко мне министр юстиции Муравьев и уговаривал принять председательствование в имеющей образоваться комиссии для рассмотрения предположений об изменениях в судебных уставах. Разумеется, я ему отказал, не считая себя вовсе для такого дела пригодным.

Разговаривая об этом предмете с Победоносцевым, я услышал от него, что при назначении министром юстиции Манасеина он, Победоносцев, составил перечень необходимых в судебном строе изменений; Государь поручил Манасеину произвести эти изменения, но все представления на эти темы в Государственном совете были отвергнуты и имели последствием лишь усиление раздражения Александра III против судебных учреждений, чему я часто был свидетелем.

Такой маневр совершенно в характере Победоносцева. Сам он остается вне всякой ответственности, поставленные им цели преследуются вкрявь и вкось, результат нулевой и неудовольствие всеобщее.

3 апреля. Получено известие об опасном состоянии здоровья великой княгини Александры Петровны, находящейся в Киеве, в основанной ею наподобие монастыря женской общине¹. Разойдясь с своим

¹ В 1889 г. великая княгиня Александра Петровна основала в Киеве Покровскую общину, которая позднее была преобразована в Свято-Покровский женский

мужем, великим князем Николаем Николаевичем, она жила со священником своей домашней церкви, человеком самой низкой нравственности. В последнее время его удалили. Победоносцев сообщил мне, что Александра Петровна изложила письменно свои посмертные распоряжения и между прочим такое: «Прошу, чтобы на моих похоронах было как можно меньше великих князей».

4 апреля. Понедельник. В 9 часов вечера заседание Финансового комитета на дому у председателя Сольскаго (собственный двухэтажный дом на Гагаринской улице). Присутствуют: министр финансов Витте, говорящий, по обыкновению, содержательно, резко, умно, но самоуверенно, софистично и, хотя со знанием дела, однако с чувствительными пробелами общего образования; Маркус – с большими познаниями в финансовом деле, но без надлежащей для успеха настойчивости; Сабуров, дебютирующий в Финансовом комитете и, по обыкновению, исполненный различных комбинаций и соображений, чуждых обсуждаемому вопросу; новый государственный [контролер] Лобко, как всякий офицер Генерального штаба, ни в чем не усматривающий какого бы то ни было повода к какому бы то ни было сомнению.

Обсуждаются меры ко введению в Бухарском эмирате русского денежного обращения. Относительно мер, долженствующих быть принятыми, все согласны, но, по обыкновению петербургских чиновников, разномыслие – и при том упорное – проявляется на вопросе личном, а именно на том, кому будут поручены переговоры с правительством эмира: чиновнику ли Министерства финансов, присланному из Петербурга, или местному дипломатическому нашему агенту. Приглашенные на это заседание Куропаткин и граф Муравьев упорно настаивают на последней комбинации. Выходит что-то вроде ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Председатель старается помирить спорящих, предлагая выражения: при участии, при посредстве, при содействии и т. п.

Я забыл упомянуть о присутствии великого князя Константина Константиновича, который все время молчит и забавляется тем, что зажигает спички и любит этим увеселительным огнем или катает круглый карандаш по листу бумаги.

8 апреля. Заезжаю к бывшему военному министру Ванновскому, сохранившему в пожизненное пользование дом, выстроенный на Садовой

монастырь. После смерти мужа великого князя Николая Николаевича Старшего в 1891 г. она приняла монашеский постриг.

для военного министра. Полное одиночество и пустота. Ванновский – человек недурной, но в высшей степени посредственный. Очень критикует своего преемника Куропаткина, хотя сам рекомендовал его предпочтительно пред двумя другими кандидатами: Обручевым и Лобко. О Куропаткине говорит, что у него (от величия) в зобу дыхание сперло, что он занимается не делами, а представительством. Ванновский очень критикует занятие нами Порт-Артура, а не Киао-Чау, утверждая, что в Порт-Артуре мы не можем удержаться, потому что его нельзя укрепить со стороны материка, а в случае войны флот наш будет там заперт без возможности выйти в море. Сетует на то, что медлят в выборе типа пушки, утверждая, что ружье, им, Ванновским, введенное¹, превосходит все остальные.

10 апреля. Вчера получено известие о смерти великой княгини Александры Петровны. Она была дочь добродетельного принца Петра Георгиевича Ольденбургского и выдана замуж за великого князя Николая Николаевича. После нескольких лет произошла между ними полная размолвка. Граф Пален говорил мне, что ему по обязанности министра юстиции известно, что их перессорила из личных видов игуменья Митрофания, известная скандальными процессами. Как бы то ни было, но великий князь Николай Николаевич взял танцовщицу Числову, с которой и прижил троих детей, а Александра Петровна вступила в связь с священником своей дворцовой церкви, человеком крайне грубым и развратным. Чтобы по возможности убавить впечатление, производимое этим скандалом в публике, Александру Петровну отправили путешествовать на море и на суше. Путешествия окончились остановкой в Киеве, где она по наущению своего попа устроила женскую общину вроде монастыря, провозгласив себя настоятельницей. Рассказывают, что ее поп подбирал для себя в этой общине красивых девушек, вследствие чего и был удален. В этой общине она и провела последние годы, страдая болезнью рака. Победоносцев говорил мне, что в ее посмертных распоряжениях было между прочим такое: «Желаю, чтобы на моих похоронах было как можно менее великих князей». У нее осталось два сына: Николай Николаевич – инспектор кавалерии и Петр Николаевич, женатый на черногорской княжне. Первый претендует на значительные военные достоинства, но до сих пор отличается только грубостью, за которую ненавидим войском, второй слаб грудью, проводил много времени на юге, вошел в промышленные дела, сначала много нажил, пустив в ход свои

¹ Занимая пост военного министра, Ванновский в 1893 г. принял на вооружение трехлинейную винтовку Мосина образца 1891 г.

великокняжеские связи, а потом все спустил, значительно запутался и, разумеется, попрошайничает у Государя.

12 апреля. Отдаю визит Дашкову, новому члену Исторического общества. Застаю его в своем доме на Михайловской площади, среди множества бумаг, гравюр, ящиков. По-видимому, добрый, довольно недалекий человек, весьма довольный тем, что нашел себе занятие, более или менее обращающее на него внимание. Разумеется, выслушиваю множество исторических анекдотов. Между прочим находящийся тут человек рассказывает, как при посещении императором Александром Митавы была открыта для него гробница Бирона, и сопутствовавшая Государю княгиня Юрьевская ударила труп по носу и сломала нос в наказание за то, что Бирон сослал ее предка. Рассказчик был советником курляндского губернского правления и сохранил снятую с Бирона фотографию.

14 апреля. Заезжает ко мне Витте и рассказывает приблизительно следующее: политическое положение наше можно почтень удовлетворительным, никаких жгучих вопросов нет, Государь одушевлен самыми миролюбивыми намерениями, тем не менее отношений наших¹ к другим правительствам и правителям нельзя назвать наилучшими. У нас нет твердо намеченных целей и определенных для достижения этих целей средств. Мы живем со дня на день и выражаем наше расположение минуты, как вздумается. Связались мы с Францией, приняли Фора в Петербурге как первостепенного друга и монарха², заявили о существовании союза, которого в действительности не существует, и вслед затем провозгласили, что созываем мирную конференцию, ни словом не предуведомив Францию и тем, конечно, обидев ее; в Фашодском ее несчастии³ не сказали

¹ Так в тексте.

² Визит французского президента Ф. Фора в Петербург состоялся 11 августа 1897 г. в рамках оформления русско-французского союза. Президент прибыл в Кронштадт на судне «Потюю». Гостя и сопровождающих его лиц разместили во дворце в Петергофе. Во время пребывания Фора в Петербурге состоялась закладка Троицкого моста через Неву. Франко-русский союз был провозглашен в последний день визита – 14 августа 1897 г. – на торжественном завтраке с участием глав российского и французского государств.

³ Фашодский инцидент – конфликт между Великобританией и Францией в 1898 г., вызванный борьбой за господство в Африке. В июле 1898 г. небольшой французский отряд занял селение Фашода (Южный Судан) на Верхнем Ниле. Английское правительство потребовало освободить населенный пункт, но получило отказ. Войска Великобритании блокировали отряд. После непродолжительных дипломатических переговоров правительство Франции, не готовое начать военные действия против Англии, приняло решение освободить Фашоду,

ей ни единого сочувственного слова и т. п. Вильгельм только и мечтает о тесном с нами союзе, а мы, не говоря ни «да», ни «нет», каждый день вместо любезностей укальываем его самолюбие. Например: он приехал в Иерусалим и ввиду возникшего филиппинского дела¹ телеграфирует прямо Государю, чтобы узнать его взгляд. Государь из Крыма дает приказание министру иностранных дел поручить нашему консулу в Иерусалиме дать ответ Вильгельму.

На днях Вильгельм пожелал иметь подробные сведения о ледоколе Макарова². Витте приказал сделать модель «Ермака» и доложил Государю, что хочет послать эту модель Вильгельму. «Совсем ему этого не надо, я возьму эту модель себе», – был ответ Государя.

Министр иностранных дел – не что иное, как куртизан, думающий о том, чтобы говорить Государю приятные вещи и соглашаться со всяким мнением, имеющим государево сочувствие. Куропаткин, по счастью, ныне несколько остывший, только и мечтает о взятии Босфора или вторжении в Индию³.

отказавшись от претензий на выход к Нилу. В дальнейшем по англо-французскому соглашению от 21 марта 1899 г. Франция официально признала исключительные права Великобритании на долину Нила, получив при этом права на западные области Судана.

¹ Речь идет об американо-филиппинской войне 1899–1901 гг. В апреле 1898 г. США начали войну против Испании за захват ее колоний, в том числе Филиппин, Кубы и др. В 1898 г. на Филиппинах была провозглашена независимая республика, но правительство США отказалось признать ее существование, начав в феврале 1899 г. боевые действия против республиканской армии. Вскоре в филиппинском руководстве начались разногласия. К началу 1900 г. регулярная армия распалась на отдельные отряды, которые начали партизанскую борьбу. 23 марта 1901 г. президент республики Э. Аргинальдо был взят в плен. Он обратился к филиппинцам с призывом прекратить войну. Между тем партизанская борьба продолжалась до 1906 г., а в отдельных районах юга – до 1913. Война привела к установлению колониального господства США над Филиппинами.

² «Ермак» – первый в мире ледокол арктического класса, получил название в честь русского исследователя Сибири Ермака Тимофеевича. Проект подготовлен адмиралом С. О. Макаровым. Ледокол был заложен в Ньюкасле на стапелях английской фирмы Armstrong Whitworth в декабре 1897 г. по заказу России. «Ермак» спущен на воду в октябре 1898 г.

³ Куропаткин писал об этом в своем дневнике: «<...> показывал и докладывал [императору] свою рекогносцировку босфорских позиций, произведенную в апреле 1886 года. Доказывал необходимость для России занятия Босфора. Убеждал в возможности такого занятия без войны. Оспаривал составленное Государем ложное мнение, что владение только Босфором нам пользы не принесет, а что надо овладеть одновременно и Босфором, и Дарданеллами. Доказывал, что захват Босфора, вероятно, не приведет к войне, но захват Дарданелл может легко вызвать европейскую войну. Указывал легкость (сравнительную) обороны

Государю нравится перспектива такой военной славы, и Муравьева поддерживает Куропаткин. На крайнем востоке Муравьев наделал глупостей и уничтожил в глазах Китая престиж русского влияния. Со времени японской войны мы, по почину Лобанова, стали уверять Китай, что мы всегда будем бескорыстными его защитниками в противоположность другим европейским державам; это создало нам первостепенное в Китае положение. но в один прекрасный день, придя в качестве союзников, внезапно захватили Порт-Артур, не стесняясь лживо данными обещаниями.

Отношения мгновенно изменились, китайцы нас ненавидят и презирают столько же, сколько уважали, и вследствие того с каждым днем более и более бросаются в объятия японцев, коих силы сегодня таковы, что в случае объявления ими нам войны мы не могли бы удержать Порт-Артура. Трансваальская война¹ сдерживает неприязненные в отношении нас действия японцев, и это – великое счастье, потому что мы тем временем усиленно строим нашу железную дорогу², которая будет готова к концу 1902 года, и тогда только нам не страшен будет исход столкновения с Японией.

На вопрос мой о том, какая ближайшая программа его финансовой кампании нынешнего года при невозможности пользоваться иностранными капиталами вследствие теперешних условий денежного рынка, Витте отвечал: «Вследствие значительных избытков при исполнении сметы я мог за последние годы строить железные дороги и, в особенности, Сибирскую, не прибегая к займам. Положение трудно, в особенности вследствие постигших Россию неурожаев; если бы у нас было один или два таких урожая, как в министерство Вышнеградского, то наши финансы немедленно очень поднялись [бы]. Я прячу деньги, сколько могу, потому что знаю, как легко они могут подвергнуться израсходованию. За это на меня нападают младшие члены Департамента экономии – Шидловский, Верховский, Череванский».

Босфора. Даже 50 тысяч человек, имея две-три недели времени, могут сильно укрепиться на выбранных мною позициях и отбить силы во много раз превосходящие. Указывал и невыгоды этих позиций: много мест заросших <...> Государь возразил, что море и проливы будут в наших руках и что это дело нескольких часов <...>» (27 августа 1898 г., Куропаткин. С. 61–62).

¹ Имеется в виду англо-бурская война 1899–1902 гг. – война Великобритании против бурских республик Южной Африки (Оранжевого свободного государства и Трансвааля). Военные действия завершились поражением буров, 31 мая 1902 г. был подписан мирный договор, по которому южноафриканские республики стали английскими колониями.

² Речь идет о Великом Сибирском пути.

Я: «Но если казначейство в цветущем состоянии, то можно ли сказать то же самое о благосостоянии населения? Вы имеете столько органов и агентов в провинции, что легко можете иметь об этом достоверное сведение».

Витте: «Я думаю, что картина бедственного состояния крестьянства очень преувеличена. Крестьянское благосостояние со времени освобождения крестьян не понизилось, но вследствие того, что крестьяне предоставлены самим себе без помещичьей опеки, возникло между ними не чувствовавшееся прежде неравенство между богатыми и бедными. Прежняя прямая линия получила волнообразную форму, и части ее, выражающие понижение, притягивают внимание критикующей публики».

Я: «Но Вы же сами говорили и подавали Государю записки о необходимости заняться крестьянским делом».

Витте: «Я не могу во все вмешиваться, меня уже и так слишком в том обвиняют. Да и сомневаюсь в том, чтобы нашелся человек, который решился бы произвести необходимый для экономического подъема переход от общинного владения к подворному».

Я: «А Сипягин?»

Витте: «Он этого не сделает. Он человек не обширного ума, но понимающий трудность проведения больших государственных вопросов. Он превосходной души человек, и его назначение весьма счастливо, потому что он не затруднится высказать Государю то, что признает истиной, предотвращающей вред, но все, им сказанное, будет иметь форму, нисколько не неприятную».

Я: «Очень жаль, что он обязан, кажется, своим назначением Ивану Николаевичу Дурново, который утверждает, что он засвидетельствовал Государю намерение Александра III назначить Сипягина министром внутренних дел».

Говоря о других своих сотоварищах-министрах, Витте передает тягостное впечатление, произведенное на него накануне государственным контролером Лобко, который в совещании о нефтяных источниках настаивал на том, чтобы источники отдавались по возможности бедным людям, а не богатым, как это делает Витте.

Я настаиваю на не раз высказанном мной убеждении, что чиновники — первые социалисты.

Витте доказывает, что у него в Министерстве финансов нет такого направления. Я смело отвечаю, что он это воображает, что и его чиновники, все умножаемые, также зловредны, как и в других ведомствах, вследствие своей безответственности, беспримечной в других государствах.

15 апреля. В Департаменте законов: представление Человеколюбивого общества об увеличении чиновничьих штатов и назначении пособия из государственного казначейства (35 тысяч рублей)¹. Тщетно силюсь доказать, что нельзя отдавать платимые народом налоги на благотворительность.

16 апреля. В 9 ½ часов у великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце. Уговариваю его ко дню столетия Государственного совета сделать выборку из дневника отца его и напечатать брошюру, которая выставила бы в надлежащем свете патриотические чувства Константина Николаевича, его горячее желание пользы Отечеству, а вместе и представит доказательства пользы, принесенной Советом.

Мысль ему нравится, и он выражает намерение привести ее в исполнение.

Затем уговариваю его не противодействовать приведению в исполнение моего соглашения с Куропаткиным об уступке нашему рисовальному училищу помещения, занимаемого Педагогическим музеем в стенах Соляного городка.

Заезжаю к графу Палену, который очень взволнован внесенным в Государственный совет представлением Витте об ограничении земского обложения.

17 апреля. В общем собрании по поводу представления министра государственных имуществ об урегулировании землепользования на Кавказе стараюсь доказать, что провозглашение, что земля должна быть казенной на веки, а крестьяне должны только пользоваться ей, противно обещаниям, данным правительством при освобождении крестьян. Что подобная земельная политика согласна с учениями социалистов и, в частности, с аграрной программой социалистического конгресса в Марселе в 1892 году, на котором заявлена необходимость национализировать землю, то есть признать ее собственностью государства², которое будет раздавать куски тем, кои сами ее обрабатывать не станут.

К моему удивлению, никто не возражает, и председательствующий Сольский предлагает: всю мою речь включить в журнал заседания.

Этого я еще не видал за всю мою службу в Совете.

¹ Имеется в виду законопроект «Об изменении положения и штата Императорского человеколюбивого общества». См.: Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1899–1900 гг. СПб., 1900. Т. 2. С. 701–706.

² Здесь в оригинале зачеркнуто: «казны».

20 апреля. Захожу к Победоносцеву, который жалуется на Сипягина, который, уезжая с Государем в Москву, просил Победоносцева поправить редакцию рескрипта с характером манифеста, имеющего быть адресованным великому князю Сергею Александровичу¹.

Действительно, Сипягин прислал Победоносцеву три проекта, никуда не годные, но когда Победоносцев написал ему рескрипт по-своему, то редакция его, рескрипта, была сначала отдана на обсуждение пяти псевдолитературных чиновников, а затем вручена правителю канцелярии Истомину, который переделал ее по-своему!..

22 апреля. В Соединенных департаментах с приглашением великого князя Николая Николаевича, генерал-инспектора кавалерии, который при поддержке военного министра настаивает на продолжении контракта с коннозаводчиками, коим отдана отнятая у донских казаков степь в 700 тысяч десятин. Казаки требуют вознаграждения за доход, коего лишены. Разумеется, все кончается тем, что казна должна платить на этот раз более полумиллиона ежегодно казакам. Напрасно члены Совета настаивают на том, что подобное мероприятие убивает частное коневодство, в развитии коего нуждается кавалерия. Последнее мнение вотще [?] поддерживает и министр земледелия, и управляющий коннозаводством. Угроза, что кавалерия останется без лошадей, заставляет всех нас молчать.

24 апреля. Понедельник. После незначительного общего собрания Соединенные департаменты обсуждают значительное представление министра юстиции об уничтожении ссылки². Муравьев произносит

¹ 9 апреля 1900 г. император обратился к Сергею Александровичу с рескриптом следующего содержания: «Девять лет тому назад мой незабвенный родитель, желая явить новое доказательство своего неизменного благоволения к первопрестольной столице, призвал Вас встать во главе ее управления. Из года в год при каждом посещении моем Москвы я убеждаюсь в отличном исполнении Вами возложенных на Вас многотрудных обязанностей, в постоянном согласовании Вашей полезной деятельности с даваемыми мною Вам указаниями и в Вашем неустанном стремлении с непоколебимою твердостью следовать предначертаниям, завещанным блаженной памяти императором Александром III, священный для меня и, как мне хорошо известно, драгоценный для Вас <...>».

² Здесь и далее речь идет об обсуждении закона «Об отмене ссылки на жительство и ограничении ссылки на поселение» от 12 июня 1900 г. Проект был представлен на рассмотрение Государственного совета 25 марта 1900 г. Предлагалась отмена ссылки «на жительство» взамен на тюремное заключение на различные сроки или отбывание наказания в исправительных арестантских отделениях. Ссылка на поселение признавалась исключительной карой за

блестящую речь и настаивает на немедленном уничтожении ссылки, мало заботясь о том, что тюрем не существует.

Дело в том, что год тому назад было совещание под председательством Государя, который под сибирскими своими впечатлениями выразил желание, чтобы ссылка была отменена, и вот теперь хочется поднести к празднику 6 мая¹ конфетку с фейерверком. По моему мнению, ссылку возможно сокращать по мере увеличения тюремных помещений и таким путем идти к ее уничтожению, но путь этот слишком медлен и, в особенности, неэффектен. В Соединенных департаментах настаивают на том, чтобы прежде были сделаны подробные расчеты о размерах могущих быть приготовленными тюремных помещений, а затем уже, соответственно имеющемуся контингенту помещений, и вводить законы, обращающие в арестанты возможное к помещению число ссыльных. Муравьев довольно легкомысленно стоит на своем.

27 апреля. Четверг. Закон о предельном обложении земств².

Заседание, в котором Государственный совет выступил с большим достоинством против Витте и Сипягина, желающих подчинить своим канцеляриям деятельность земств, уже и теперь крайне стесненную. Говорили: Пален, Сабуров, Шидловский, Вяземский и другие. Сипягин упорно молчал, плохо прикрывая молчанием свою бездарность, Витте защищал проект, ему, впрочем, всецело принадлежащий.

Подкладка всего дела та, что молодого императора все более и более подзадоривают на тему самодержавия, рассчитывая, и не без основания,

политические и религиозные преступления. После одобрения законопроекта Соединенными департаментами и Государственным советом он был утвержден Николаем II.

¹ 6 мая — день рождения Николая II.

² Здесь и далее Половцов описывает рассмотрение закона «Об установлении предельности земского обложения в губерниях, в коих введено в действие „Положение о губернских и уездных земских учреждениях, и об освобождении земств от некоторых расходов“», который был обнародован 12 июня 1900 г. В соответствии с постановлением за отправную точку для дальнейшего увеличения сборов с недвижимых имуществ был принят размер сметных назначений по каждой губернии и по каждому уезду на 1900-й год. В дальнейшем земские сборы с недвижимых имуществ не могли повышаться более чем на три процента в год. Если требовалось увеличение размеров обложения, то земства должны были представлять смету на утверждение губернатору. Последний вносил ее на обсуждение губернского по земским и городским делам присутствия и затем либо утверждал смету, либо представлял на рассмотрение министрам финансов и внутренних дел (с собственными предложениями). Такие меры фактически привели к сокращению бюджета земств.

что чиновники, особливо высшие, будут причислены к участникам самодержавной власти. Во время коронации в Москве Сипягин подал Государю записку, доказывая, что России не нужны никакие учреждения и что одной его самодержавной власти достаточно для счастья всего народа. Витте на эту же тему подписал записку, заказанную им какому-то ярославскому профессору, доказывавшему, что всякие выборные учреждения имеют непременно последствием ограничение самодержавия.

Чтобы провести свои взгляды в практику, эти господа под предлогом излишней расточительности земства [хотя] определить для него пределы обложения правом увеличивать сметы не более как на два с половиной процента против сметы 1900 года, перенося на разрешение министров финансов и внутренних дел всякий расход, этот предел превосходящий. Витте защищает свой проект чрезвычайно страстно.

30 апреля. Граф Александр Алексеевич и графиня Софья Андреевна Бобринские празднуют пятидесятилетие своей свадьбы. Во время молебна (у них дом на Галерной) получается известие о смерти находившегося в весьма преклонных летах графа Петра Павловича Шувалова, которого я имел случай близко оценить во время его службы петербургским губернским предводителем дворянства, когда я был депутатом дворянства Лугского уезда. То был человек высоко образованный, культурный, благожелательный, с самыми возвышенными стремлениями и идеалами, пренебрегавший мелочной суетой тщеславия и до конца дней находивший в занятиях отвлеченных убежище от неизбежных для всяких дрязг житейских.

М А Й

1 мая. В Соединенных департаментах представление министра юстиции Муравьева об отмене ссылки. Большинство членов Совета силится доказать невозможность уничтожить ссылку, не приготовив достаточно поместительных тюрем. Муравьев непременно хочет спустить блистательный фейерверк, долженствующий понравиться молодому императору, и в этом смысле произносит весьма талантливую речь.

После заседания еду к Куропаткину, с которым кончаю соглашение об уступке нашему рисовальному училищу помещения в Соляном городке Педагогического музея военно-учебного ведомства.

2 мая. Арестованный легким припадком подагры сижу дома и читаю рукопись записок Валуева¹. Здесь весь таким, каким я его знал. Образован несравненно более своих сотоварищей, незлобив, нерешителен, словоохотен, но на результатное дело сдержан, неизмеримо высокого о себе мнения; помешан на подражании иностранным государственным идеалам, не имеет нисколько той сметки, той быстрой живой проницательности, которая составляет господствующую черту русского ума.

5 мая. Пятница. Свидание с новым членом Государственного совета Петровым и старой ничтожностью Вешняковым об уступке нашему училищу помещения на Фонтанке.

6 мая. Суббота. Рождение Государя. Совет приглашен в Царское Село для принесения поздравлений. Обычный завтрак в Большом зале. На обратном пути Хилков рассказывает, что в этот день Государь утвердил новую железнодорожную линию Оренбург – Ташкент противно мнению Витте, который хотел дать этой линии другое направление.

В этот день назначены два новых члена Государственного совета. По словам Плеве, назначение состоялось так: при докладе его Государю о финляндских делах Государь сказал, что Бобрикову приходится тяжело в Финляндии и что для поддержания его следует его назначить членом Совета, а затем прибавил: «У меня есть еще кандидат: граф Шереметев. Напишите об этом великому князю Михаилу Николаевичу. Вероятно, он не встретит препятствий».

7 мая. Приезжает ко мне с официальным визитом граф Шереметев. Молчит, улыбается и только. С такими людьми, из которых ничего не вытянуть, поневоле всегда скажешь что-нибудь лишнее, а, может быть, правильно считать лишним все, что скажешь.

Захожу к Палену, уезжающему в этот день в деревню. На мои сожаления, что он уезжает до окончания дел, в коих отстаивал свои мнения, Пален отвечает, что уезжает именно из опасения повредить успеху дел ввиду нерасположения к нему Государя за то, что, исполняя данное ему поручение в Москве, он высказал правду о Ходынском деле.

8 мая. В общем собрании дело о способах приобретения дворянства. Говорю на тему, что нельзя создавать мужицкое царство с исключительно чиновничьим управлением.

¹ См.: Валуев П. А. Дневник 1847–1860 // Русская старина. 1891. Кн. 4–11.

10 мая. Среда. При рассмотрении в Соединенных департаментах представления об учреждении в Томске политехнического института товарищ министра народного просвещения какой-то Зверев позволяет себе сказать, что находит странным направление, даваемое этому делу Советом, я спешу осадить его, сказав, что нахожу странным, чтобы кто-нибудь называл странным мнение Совета.

11 мая. В Соединенных департаментах проект предельного земского обложения. Абаза с чрезвычайной запальчивостью отстаивает против Витте достоинства и заслуги деятельности земства. Шидловский доказывает необходимость предоставления земству иных, кроме земли, предметов обложения. Витте и Сипягин упорно стоят на своем, имея уверенность, что Государем будет утверждено всякое заявленное ими мнение. При голосовании 19 членов полагают: проект отклонить, 10 принимают проект целиком.

13 мая. Суббота. Обедаю у великого князя Михаила Николаевича и после обеда еду с ним кататься на острова. Разговор о его детях. Рассказывает подробности свадьбы Георгия с дочерью греческой королевы¹. Потом беседуем о делах Государственного совета. Я настаиваю на том, что последовавшие по делу о предельном обложении земства мнения нельзя в настоящем виде представлять Государю, что необходимо сначала принципиально разрешить вопрос, рассматривать или не рассматривать проект, а по воспоследовании высочайшего утверждения привлечь к участию в рассмотрении большинство, которое своей критикой во многом его изменит. Великий князь с этим соглашается.

15 мая. После заседания общего собрания великий князь собирает председателей департаментов и меня, предлагая нам вопрос, что сделать с делом земского обложения. Я высказываю свое мнение, которое прочим не нравится. Бьет семь часов – привычный обеденный час. Разумеется, ничего не решили.

18 мая. Четверг. В 9 часов вечера у Сольского заседание Финансового комитета. Второе во всю нынешнюю зиму. В первый раз говорили об установлении твердой ценности бухарской тениги. Сегодня идет речь об отчислении в пользу Крестьянского банка четырех или пяти миллионов ежегодно для расширения его средств на покупку дворянских имений и раздробления их между крестьянами. Заседание происходит

¹ Имеется в виду великая княгиня Мария Георгиевна.

приблизительно так: Сольский заявляет, что, как кажется, представление министра финансов ничего особенного не содержит и, вероятно, будет принято единогласно.

Я заявляю сомнение о том, что дело это может подлежать рассмотрению Финансового комитета, так как здесь идет просто речь о включении в смету известного расхода, что относится к предметам ведомства Департамента экономии Государственного совета.

Витте возражает мне, что такое ассигнование есть следствие одного из пунктов манифеста 14 ноября 1894 года, установившего подобную милость в отношении крестьян, а, следовательно, дело уже выведено из общего порядка и должно рассматриваться в Финансовом комитете.

Я (не находя никакой поддержки ни в Сольском, ни в Маркусе, ни в Тернере, несмотря на данное всеми тремя обещание) ставлю вопрос о том, что представляют из себя выкупные платежи, из коих предполагается производить вычет. Иначе говоря, какую же сумму составляет источник для вычета.

Сколько мне известно, правительство, приняв на себя посредничество между крестьянами и помещиками при покупке крестьянами помещицкой земли, за посредничество это взяло значительную комиссию. Я думаю, что вот из этой-то комиссии и можно делать отчисления.

Витте заявляет мне, что я ошибаюсь, потому что правительство не только не получило комиссии, но, напротив, вследствие понижения и продолжительной рассрочки выкупных платежей понесло весьма значительные потери.

Я: «В таком случае я не вижу источника, из которого могло бы производиться отчисление, так как предлагаемая Вами передача сумм в распоряжение Дворянского банка будет просто выдачей из Государственного казначейства. А в таком случае дело, несомненно, надлежит рассмотрению Департамента экономии».

Сольскому все это не нравится, и он как согласительную меру предлагает рассмотрение этого дела в Департаменте экономии с приглашением Комитета финансов.

В конце заседания обращаюсь к Витте со следующими словами: «Скажите мне, какую картину землевладения в России Вы себе представляете? В лице Крестьянского банка устроен такой аппарат, который будет бесконечно дробить крупное землевладение на мелкие части. В конце концов создастся мужицкая страна с уничтожением просвещенных элементов. Этот ли тип представляется желательным?»

Его ответ был: «*A chaque jour suffit sa peine*». — «Так долго загадывать нельзя».

Я хотел возражать, что это равносильно словам «Après moi le déluge¹», но предпочел ограничиться заявлением, что не разделяю этого взгляда и что, по моему мнению: «Administrer c'est prévoir²».

19 мая. Пятница. Еду к Сольскому заявить, что так как Витте настаивал, чтобы при передаче дела в Департамент экономии было сказано в журнале, что Финансовый комитет одобряет его предположение, то что я такого журнала не подпишу, оставляя и Департаменту экономии, и себе полную свободу суждения.

22 мая. Понедельник. Завтракаю с великим князем Михаилом Николаевичем в Новом клубе и предваряю его, что намерен говорить в общем собрании по делу об устройстве землевладения в Забайкальском крае. Речь моя направлена на то, что в Забайкалье хотят завести фаланстер³, составленный из мужиков и дикарей, по самому устройству своему осужденный на убогую производительность, а, следовательно, нищету. Для успешного труда населения необходимо присутствие в нем представителей и иных форм собственности.

Мое заявление встречается полным молчанием. В защиту моих мыслей никто говорить не желает, а в опровержение говорить боятся. Слова мои записываются в журнал и в память присутствующих. Уже и то много утопленников в чиновничьей тине.

24 мая. Среда. Вечером у Сольского совещание относительно исполнения его намерения предложить в общем собрании, чтобы был принят принцип предельности обло[жения] с факультативной трехпроцентной прибавкой, но с тем, чтобы протесты по сему предмету губернаторов шли не в канцелярии Министерства внутренних дел и Министерства финансов, а следовали порядку, законом 1890 года установленному, то есть поступали по принадлежности или в Комитет министров, или в Государственный совет. Фриш, Маркус и я обещаем поддержку, Чихачев и Тернер в ней отказывают.

27 мая. Суббота. Предпоследнее заседание общего собрания. Объявляются резолюции Государя по дворянскому делу. Он во всем согласился с Сипягиным, а Сипягин, заявивший в совещании под председательством Дурново одно, заявил при обсуждении дела в Государственном

¹ «После нас хоть потоп» (фр.).

² «Управлять – значит предвидеть» (фр.).

³ Фаланстер – вид общины в учении утопического социализма Ш. Фурье.

совете другое. Это другое было выражение согласия со всеми мнениями Витте, который при этом говорил как заклятый чиновник, но дал Сипягину 300 тысяч рублей на переезд из его домишки у Храповицкого моста в Жандармский дворец у Певческого моста. В итоге громкое дворянское дело кончилось тем лишь, что отменено приобретение дворянства четвертой степенью владимирского ордена¹. Постановление об отмене ссылки в Сибирь. Мысль верна, но исполнение не обдумано.

31 мая. Четверг. Заходит ко мне проститься пред отъездом Верховский. Будучи обер-прокурором Первого департамента Сената, я взял его на службу с университетской скамьи и много содействовал его блистательной карьере, признавая в нем одного из даровитейших известных мне людей. Я уговариваю Верховского остаться в Петербурге до 14 июня, дня заседания комитета Сибирской дороги под председательством Государя, настаивая на том, что молодой император может быть недовольным таким отъездом.

Верховский рассказывает, как дело ведется в этом комитете. Государь до заседания выслушивает объяснения или скорее внушения делопроизводителя Куломзина, который во время доклада начинает изложение со слов: «Вашему Величеству угодно то-то». Государь подтверждает такую свою волю. Все присутствующие молчат и, помолчав, разъезжаются, а принятое комитетом решение выражается так: «Государь император в заседании комитета высочайше повелеть соизволил».

ИЮНЬ

3 июня. Суббота. Последнее заседание общего собрания Совета. Слушается 28 дел и в том числе представление министров финансов и внутренних дел об установлении для земства предельности обложения. Витте говорит пространную речь.

Главное его побуждение заключается в том, чтобы оправдать секретную записку, поданную им Государю, в которой он доказывал, что всякого

¹ Упоминаемый здесь закон о способах приобретения дворянства был принят 28 мая 1900 г. Потомственное дворянство, как отметил Половцов, не могло более приобретаться с получением ордена святого Владимира IV степени. Также отменено было право ходатайствовать о получении личного дворянства, если отцы и дети просящего прослужили двадцать лет беспорочно в обер-офицерских чинах.

рода выборные учреждения неминуемо ведут к ограничению верховной власти. Записку эту (мною прочитанную) составлял какой-то ярославский профессор, наполнив ее всякого рода историческими справками по большей части лишенными исторической истины. Цель такой записки, разумеется, была доказать свою преданность монархическому началу и таким образом утвердить свое положение, положение всемогущего министра, практикующего сознательно, или, может быть, и несознательно, начала государственного социализма. Псевдоконсерватор, а, вернее, консерватор своего портфеля Сипягин, играющий доселе роль безусловного раба Витте, подписал представление об ограничении прав земства в деле обложения. С основной мыслью представления согласились единогласно все члены Совета, но относительно подробностей высказалось значительное разномыслие. Большинство, принимая правило о том, чтобы смета не увеличилась в год более как на три процента, не допускало, чтобы в случае протестов губернаторов на тему обложения дела шли на рассмотрение министров внутренних дел и финансов, и настаивало на сохранении порядка, установленного законом 1890 года¹. Некоторые члены отказывались рассматривать весь проект.

Возражали Витте: Абаза с чрезвычайной настойчивостью и даже запальчивостью, Шидловский — крайне деловито, но защищая земские учреждения во чтобы то ни стало и тем ослабляя свою серьезную аргументацию.

6 июня. Вторник. Чтение журналов последнего заседания. В 3 часа заседание в Соляном городке. Комитет Музея прикладных знаний: за выбытием Островского председательствует Вешняков, присутствует новый член, великий князь Константин Константинович.

Дело идет о бюджете, который постоянно отличается дефицитом, потому что Техническое общество не хочет платить в соразмерности с занимаемым им помещением.

Внезапно умирает министр иностранных дел Муравьев, три года занимавший этот пост после смерти Лобанова и представлявший во всех отношениях полную предшественнику своему противоположность. Без всякой прямоты, искренности в характере, без высшего образования, лишенный всякого рода общих или каких-либо специальных

¹ Имеется в виду «Положение о губернских и земских учреждениях» 1890 г., в соответствии с которым земства имели право заведовать «местными губернскими и уездными земскими повинностями, денежными и натуральными» (ПСЗРИ. Собрание 3. Т. X. Отд. 1. 1890. С. 495. № 6927. СПб., 1895).

[знаний], Муравьев возвысился исключительно [благодаря] отличавшим его низкопоклонству, угодничеству, интриганству. Он был не министр, а обер-камерист, заботившийся преимущественно о том, как быть на величественных глазах, да в какую одежду облечься. Вот разговор, в коем я был участником незадолго до его смерти и который характеризует его деятельность. Мы обедали с ним и графом Паленом в клубе. В конце обеда Муравьев стал поглядывать на часы, давая понять, что государственные обязанности.

Я: «Il faut rentrer chez vous pour recevoir le paquet quotidien retour de Tsarsko¹». *Муравьев:* «Oui. J'envoie tout à la signature de l'Empereur et je n'expédie pas une ligne sans qu'elle ait été approuvée par Sa Majesté²».

Пален: «Autrefois cela se passait différemment. Mon oncle Pierre³ en 1837 était ambassadeur à Paris. Il reçut un jour un feldjager de l'empereur Nicolas avec ordre de reconnaître Don Carlos. On le prévenait que l'ambassadeurs d'Autriche et de Prusse viendraient se renseigner auprès de lui pour une action identique [?]. Mon oncle en les recevant leur dit qu'il était décidé à ne pas exécuter les ordres reçus et renvoya le feldjager en expliquant à l'empereur les motifs de sa conduite. Il est vrai que lorsqu'il revit l'Empereur, celui-ci l'embrassa avec force de remerciements»⁴.

Преемниками Муравьеву называют Капниста (посла в Вене) и Извольского, только что назначенного посланником в Японии. Один из приближенных проживающей в Гатчине императрицы Марии Федоровны, зайдя к ней вечером на другой день после смерти графа Муравьева, застал ее в слезах и подумал, что она оплакивает этого на счастье России прибранного провидением человека; оказалось, что вдовствующая плакала с досады, что об этой смерти никто ее не уведомил. Вероятно, предполагали, что она читает газеты. Вслед за тем она при встрече с министром двора Фредериксом высказала ему свое по этому поводу неудовольствие.

¹ «Нужно вернуться домой, чтобы получить ежедневную почту из Царского села» (фр.).

² «Я все отправляю на подпись императору и ничего не посылаю без одобрения Его Величества» (фр.).

³ Имеется в виду Пален Петр Петрович.

⁴ «Когда-то это происходило по-другому. Мой дядя Петр в 1837 году был послом в Париже. Однажды он получил фельдъегеря от императора Николая с приказом узнать о Доне Карлосе. Он его предупредил, что послы Австрии и Пруссии придут осведомиться о нем для согласования предпринимаемых мер [?] Приняв их, мой дядя сказал им, что он решил не выполнять полученные приказы, и отослал фельдъегеря для объяснения императору мотивов своего поведения. И действительно, когда он снова увидел императора, тот его с благодарностью обнял» (фр.).

АВГУСТ

15 августа. Более шести недель пролежал в сильном припадке подагры. По счастью, успел перебраться в Царское Село, где превосходная погода, чистый воздух содействовали выздоровлению.

В Петербурге последнее деловое заседание (Финансового комитета) было 29 июня. Получены были дурные вести из Китая, и потому более говорили об этом, чем о подлежавшем обсуждению, правда, незначительном, деле.

Витте, принимавший большое участие в ходе нашей по отношению к Китаю политики, счел нужным как бы в свое оправдание сообщить присутствовавшим членам Финансового комитета следующее: после китайско-японской войны мы объявили Китаю, что, не имея никакого с ним соперничества, мы желаем жить с ним в полной дружбе и даже защищать его от других европейских держав. На эту тему были переговоры между Лобановым и Ли-Хун-Чаном сначала в Москве, а потом в Петербурге во время коронации, переговоры, окончившиеся договором, одним из условий коего была постройка нами дороги чрез Маньчжурию¹. Вслед за тем Вильгельм, давно желавший захватить что-либо в Китае, приехал в Россию и в один прекрасный вечер, возвращаясь из Красного Села в Петергоф вдвоем в коляске, уговорил нашего императора разрешить ему, Вильгельму, занять Киан-Чау. Когда вслед за тем Николая Александровича [упрекали] в такой уступчивости, то он отвечал лишь, что не мог противостоять настойчивости Вильгельма.

Китайцы не замедлили обратиться к нам с просьбой защитить их от Вильгельма согласно нашему договору.

Муравьев отвечал им, что мы готовы это сделать, но что для этого нам надо занять пункт китайской территории и при этом указал на Порт-Артур. Китайцы отдали Порт-Артур, и во время занятия его нами китайский в Петербурге посланник спросил от имени своего правительства, надолго ли мы его занимаем. На это граф Муравьев ответил, что подобный вопрос обиден для русского императора, желающего помочь Китаю.

Тем временем у Государя было совещание, на котором лишь Витте и управляющий морским министерством Тыртов остались при мнении, что занимать Порт-Артур не следует, все же остальные члены и прежде

¹ Российско-китайский договор о союзе России и Китая против Японии был подписан 22 мая 1896 г. В соответствии с документом Россия получила право на постройку железнодорожной магистрали через территорию Маньчжурии.

всего Муравьев отстаивали эту меру, зная, что она нравится юному царю. Царь, однако, согласился с Витте, но чрез неделю изменил свое решение, и Порт-Артур был взят.

Встретив около этого времени великого князя Алексея Александровича и зная, что он приверженец этого захвата, я (Половцов) спросил великого князя, какие его в этом случае побуждения. Он отвечал мне так: «Я разделяю мнение Петра Великого, который говорил, что государство, имеющее лишь сухопутные военные силы, похоже на человека, имеющего лишь одну руку, а что только при существовании армии и флота государство уподобляется человеку, две руки имеющему, а без незамерзаемого флота, то есть без Порт-Артура, Россия флота иметь не может». *Comparaison n'est pas raison* ¹!

В этом заседании комитета обсуждалось одно лишь дело, а именно: Витте предлагал отчислять из выкупных платежей пять миллионов рублей в средства Крестьянского банка.

Я требовал представления счета того, что эти выкупные платежи представляют избытка над суммами, уплаченными дворянству за отчужденные от него при освобождении крестьян земли. Витте отвечал мне, что, по распоряжению Бунге, счета выкупных платежей слиты с общим податным счетом.

Я возражал, что при выкупе земли в пользу крестьян правительство явилось посредником между помещиками и крестьянами, получив за это посредничество комиссию, которой и могло располагать, но не больше. Витте утверждал, что я ошибаюсь, что от этого посредничества правительство понесло лишь несколько сотен миллионов. Отвергая справедливость этого заявления, я настаивал на том, что в случае, если я ошибаюсь, то предлагаемое Витте пятимиллионное отчисление уже будет просто выдачей из общих средств казначейства, и в таком случае дело никак не подлежит рассмотрению Финансового комитета, а должно быть передано в Департамент экономии Государственного совета.

Несмотря на сопротивление Витте, так и было поступлено.

Заболев приступом подагры, переезжаю в Царское Село, где и остаюсь в мучительном лежачем положении шесть недель.

За это время меня посещают кой-какие не покинувшие Петербурга знакомые, как, например, Михаил Петрович Боткин, представляющий из себя любопытный и симпатичный тип. Принадлежа к богатой купеческой фамилии, он с ранней молодости посвятил себя искусству, живя в Италии, где и собрал первостепенную коллекцию художественных

¹ Сравнение неуместно (*фр.*).

предметов, преимущественно эпохи Возрождения. Женившись и поселясь в Петербурге, он принял деятельное участие во всякого рода общественных и благотворительных учреждениях; участие это не запылано никакими побуждениями личными, тщеславия, самолюбия и т. п. Он принимает живое участие в делах нашего Рисовального училища и на этот раз, возвратясь из Парижа, где он принимал участие в жюри на Всемирной выставке¹, сообщает много интересного.

По делам рисовального нашего училища приезжает Ковалевский, новый товарищ министра финансов, а de facto², пожалуй, и совсем министр по делам промышленности и торговли. Человек очень хитрый, пронырливый, в прежнее время отчаянный социалист, просидевший два года в крепости за укрывательство какого-то преступника, теперь низко кланяется всяким великим князьям и княгиням, добиваясь служебного улучшения своего быта.

На этот раз приезжает говорить о составленном им и вносимом в Государственный совет проекте художественно-промышленного образования, который с первых его слов представляется мне составленным в чиновнически-народном направлении, то есть с полным обеспечением неуспеха.

Ковалевский рассказывает, что на него возложен наем судов для отсылки войск в Китай, и по обыкновению, всякому чиновнику свойственному, погоревав о трудностях своего положения, между прочим иллюстрирует эти трудности хорошим анекдотом. На днях датская (рожденная Шарурская) принцесса Вольдемар телеграммами, к Государю обращенными, просила уступить ей поставку перевозочных судов, потому что такая поставка могла бы доставить ей миллиона два барыша. Эти телеграммы Государь переслал министру финансов, и от них приходилось серьезно защищаться.

Великий князь *Владимир* Александрович, сосед по даче, заходит неоднократно, сохраняя, несмотря на интриги окружающей его дряни (Бенкендроф, Хитрово, Ушаков и т. п.), старое ко мне расположение. Очень опустился, осунулся; под влиянием нравственно жалкой супруги своей занят пустяками.

¹ Имеется в виду Всемирная выставка 1900 г. в Париже. Подобные выставки организовывались раз в несколько лет для демонстрации технических достижений. Свои экспозиции представили тридцать пять стран. Значительным стало участие Российской империи. Также на выставке были впервые представлены озвученные фильмы и эскалаторы. Р. Дизель продемонстрировал дизельный двигатель. Были также выставлены многие панорамные картины, в частности Транссибирская железнодорожная панорама.

² Фактически (*лат.*).

Равнодушие к серьезному все усиливается, а сколько он обещал, будучи юношей, когда тридцать четыре года тому назад мне поручено было готовить его к сенатским заседаниям.

Вернувшийся из заграничного (для лечения жены) путешествия, *Победоносцев*, критикуя и осуждая то, что вокруг нас делается (и чему он один из главных виновников), метко характеризует Николая II:

«Он имеет природный ум, проницательность, схватывает то, что слышит, но схватывает значение факта лишь изолированного, без отношения к остальному, без связи с совокупностью других фактов, событий, течений, явлений. На этом мелком, одиночном факте или взгляде он и останавливается. Это результат воспитания кадетского офицера да, пожалуй, горничных, окружавших его мать. Широкого, общего, выработанного обменом мысли, спором, прениями для него не существует, что доказывается тем, что недавно он сказал одному из своих приближенных: „Зачем вы постоянно спорите? Я всегда во всем со всеми соглашюсь, а потом делаю по-своему“ (sic!).

Говоря об участии императора Вильгельма в китайской войне, он сказал: „А у нас нет конституций и парламента, и я буду посылать столько войск, сколько мне вздумается“».

Разговаривая с Победоносцевым, я спрашиваю его, считает ли он возможным женитьбу наследника Михаила Александровича на его двоюродной сестре Елене Владимировне, чего добивается ее мать. Победоносцев, пожимая плечами, сказал, что, разумеется, если на то будет высочайшее приказание, так это сделается, хотя в народе это произвело бы гибельное впечатление.

13¹ августа. Приезжает ко мне Витте и рассказывает, что он подал Государю пространную записку, излагая опасность дальнейшего ведения бесцельной войны с Китаем. Независимо от значительных денежных затрат не только в настоящем, но и обязательно в будущем, Витте доказывал, что, создав затруднения на Дальнем Востоке, мы ослабим свое положение в Европе, где при всяком осложнении будем поставлены в необходимость быть уступчивее. В самых пределах России могут тогда возникнуть столкновения с нашими окраинами: Польшей, Финляндией, Балтийским краем, Кавказом, где возбудили много неудовольствия и даже вражды своим управлением. Надо вспомнить, какими последствиями сопровождалась две последние восточные войны 1855 и 1881 годов². Дело доходило и может легко снова дойти до внутренних в России беспоряд-

¹ Так в оригинале. Возможно, это описка и имеется в виду число позднее 15 августа.

² Так в тексте.

ков. Предвидеть конца всему этому невозможно, почему Витте и настаивал на необходимости выйти из Пекина и, по возможности, возвратиться к прежним существовавшим между Россией и Китаем отношениям.

Последствием этой записки был созыв совещания. Приглашены были: Куропаткин, Ламздорф и Витте. Несмотря на сильную оппозицию Куропаткина, который желал бы военными успехами на долгое время терроризировать Китай, Государь согласился с Витте и решил вызвать русские войска из Пекина, о чем и должно последовать на днях правительственное сообщение.

Так как Государь уезжает на три недели на охоту в Беловежскую пущу и Спалу, причем его сопровождает Куропаткин, сторонник войны, то Витте приехал в Царское Село к великому князю Владимиру Александровичу, сопровождающему Государя на охоту, рассказать ему весь этот инцидент и просить его оказать возможную поддержку к приведению в исполнение принятого Государем решения.

15 августа заходит Победоносцев и рассказывает, что был у Государя и, с своей стороны, уговаривал его по возможности скорее положить предел китайскому конфликту.

Государь, слушая его, отвечал только: «Не беспокойтесь, Константин Петрович». Потом Победоносцев стал ему говорить о слухе, будто великая княгиня Мария Павловна делает все возможное, чтобы привлечь великого князя Михаила Александровича к женитьбе на Елене Владимировне.

«Да ведь это нельзя по закону», – сказал Государь. «Да для Марии Павловны никакие законы не писаны», – сказал Победоносцев.

«Впрочем, он уезжает в Данию», – закончил Государь.

1901

ФЕВРАЛЬ

17 февраля. Суббота. Возвращаемся из Монтекарло, где провели три месяца в лечении у некоего химика Брица, врага медиков и медицины, признающего единственным средством сохранения и восстановления здоровья исключительно согласный с законами природы образ жизни и в особенности питания. Строгий режим без всяких лекарств уничтожает во мне всякие следы мучительной подагры, меня угнетающей.

Накануне нашего приезда был ранен на просительском своем приеме министр народного просвещения Боголепов. Убийца – какой-то студент, исключенный из университета и по жеребью высланный на преступление берлинским анархистским кружком¹. Боголепов – ничтожная личность, добрый, честный школьный учитель, без малейших сколько-нибудь государственных взглядов, рутинный поклонник тех порядков или, скорее, беспорядков, кои установлены необдуманно мероприятиями упрямого графа Толстого и его вдохновителя, ловкого проходимца Каткова².

В Петербурге грустно, тускло, грязно. Разумеется, только и разговоров, что Государь и его семейство. О Государе вечные сетования о том, что он плохо окружен, о царском семействе – что в нем ежедневно умножаются скандалы. Например, у великого князя Алексея Александровича был домашний спектакль, в котором главное участие принимала содержащая³ им французская актриса, которая ужинала за общим с приглашенными столом, разыгрывая роль хозяйки, покрытой бриллиантами. Здесь же ужинали Государь, великая княгиня Мария Павловна, Владимир Александрович и другие великие князья.

18 февраля. Воскресенье. Заезжаю к Витте, который чрезвычайно занят ходом в Государственном совете финляндского дела. Витте стал

¹ Имеется в виду П. В. Карпович.

² 2 марта 1901 г. великий князь Сергей Александрович писал Николаю II в телеграмме: «Уверен, что ты вполне разделяешь мою глубокую скорбь по поводу кончины Боголепова, одним честным и благородным человеком стало меньше» (ГА РФ. Ф. 648. Д. 94. Л. 33).

³ Так в тексте.

во главу оппозиции Куропаткину относительно некоторых предположений по отбыванию финляндцами воинской повинности и особенно отбыванию среди русских войск. Он представил Государственному совету свое мнение, написанное в сильных выражениях. По совету Палена он представил Государю это свое мнение. Когда вслед за тем он явился для всеподданнейшего доклада, то произошел приблизительно такой разговор:

Государь: «Я читал Вашу записку, она очень интересна, но зачем Вы не представили мне ее прежде?» Витте: «Ваше Величество неоднократно меня упрекали в том, что я говорю Вам о делах, меня не касающихся. Я и не считал возможным представлять Вам эту записку, а по лежавшей на мне обязанности внес свое мнение в Государственный совет».

Государь: «Но это дело так важно. К тому же, в Вашей записке помещено многое, что может возбудить излишние в Совете прения». Витте: «Если Вам угодно, то я могу изменить редакцию своего мнения, исключив все то, что Вы желаете. Что же касается прений в Совете, то позвольте, Государь, Вас уверить, что чем искреннее и смелее будут высказаны мнения членами Совета, тем это будет лучше. Финляндцы увидят, что Вы передали вопрос на рассмотрение учреждения, серьезно рассматривающего передаваемые ему вопросы, а не безмолвных кукол. При разногласии всегда будет от Вашего Величества зависеть: принять то или другое».

Впечатление Витте было такое, что Государь колеблется, и если в Государственном совете состоится большинство голосов, противное предложениям Куропаткина, то весьма возможно, что Государь согласится с большинством. К этому надо присовокупить, что императрица Мария Федоровна под влиянием, с одной стороны, Копенгагена, а с другой – председателя Общества Красного Креста Кремера – финляндского уроженца – страстно отстаивает Финляндию от натиска русской бюрократии, в чем Витте убедился из продолжительного с ней разговора.

Приехав домой, нахожу в гостиной моей жены Куропаткина. Толкуем немножко о Финляндии и очень много о Китае. По счастью, он утверждал, что там военные действия окончательно прекращены.

Надолго ли только?

19 февраля. Понедельник. Завтракаем у великого князя Михаила Николаевича вчетвером с его адъютантом и гофмейстером. После завтрака великий князь ведет меня в свой кабинет и предлагает председательствование в Департаменте гражданских дел Государственного совета. Я отказываюсь категорически и энергически на том основании, что никогда не занимался серьезно судебными делами, а почти всю

долголетнюю службу посвятил судебно-административным и законодательным делам. Именно теперь Гражданскому департаменту предстоит рассмотрение важных представлений министра юстиции, и при существовании многочисленного класса опытных юристов, сформировавшихся сорокалетним применением Судебных уставов, с моей стороны было бы недобросовестно принимать на себя подобные обязанности. К этому присовокупляю, что все мои предшественники, прослужившие на посту государственного секретаря столь продолжительное, как я, время (Сперанский, Корф, Сольский, Урусов), были назначены председателями Департамента законов, и что я готов принять председательствование во всяком департаменте, кроме того, для коего не считаю себя пригодным. Великий князь утверждает, что он виноват, если я не был назначен председателем Департамента законов.

После того великий князь спрашивает мое мнение о том, когда правильнее праздновать столетний юбилей Государственного совета: в нынешнем или в 1910 году. Я отвечаю, что не допускаю никаких об этом сомнений. Важно то, что император Александр тотчас по вступлении на престол не счел возможным царствовать, не имея Совета, который с первого дня существования был назван Государственным. Через девять лет последовало организацию Совета в формальном делопроизводственном отношении, но это был факт второстепенный. Да, наконец, и это все неважно, а важно то, что Вы, председатель Совета, год тому назад докладывали об этом Государю; Государь приказал спросить представителя науки, биографа Н. К. Шильдера, который подкрепил Ваше мнение. Согласно сему последовало высочайшее повеление, сделавшееся известным всей России, и теперь Вы же пойдете уговаривать Государя взять назад его повеление. Это значило бы подрывать доверие к правильности и непоколебимости высочайших повелений и притом в таком деле, в коем неизменность даже и спорного в некотором отношении распоряжения не представляет никакого неудобства.

Пустое заседание общего собрания Совета. За время моего отсутствия число членов очень умножилось и притом умножилось самыми ничтожными и бесполезными лицами. До сих пор в члены назначались или: а) ветераны, ничем не запятнанные, или б) люди, своими познаниями и опытом могущие принести пользу законодательному обсуждению; теперь назначаются по разным просьбам и проискам люди, ни к той, ни к другой категории не принадлежащие.

20 февраля. Вторник. Заезжаю к Победоносцеву, который все также хнычет, всем недоволен, на все жалуется и никакого пособия, улучшения,

исхода не видит и предложить не имеет, политически бездарная, много томная и многотомительная библиотека.

21 февраля. Среда. Обычный еженедельный завтрак с Бобринским, Боткиным, Котовым – главными деятелями нашего Рисовального училища, которое на Парижской всемирной выставке получило наивысшие награды. Является Плевэ с написанным по его распоряжению очерком истории Государственного совета.

22 февраля. Четверг. Утром заходят Балашов и Юсупов, оба весьма богатые и от души преданные монархическому началу и его в Отечестве нашем представители. но оба скорбят и грустят о том, как ведутся правительственные дела.

Вечером у Сольского. Обсуждаем параграфы, долженствующие подать повод к прениям в совещании, назначенном для рассмотрения новой редакции Учреждения Государственного совета по случаю столетнего его юбилея. Несмотря на мои доводы в пользу оставления неприкосновенным параграфа о предоставлении Совету права возбуждения законодательных вопросов, вытекающих из рассмотрения подведомых Совету дел, Сольский требует для обсуждения этого параграфа всех министров, то есть уничтожения этого параграфа.

23 февраля. Пятница. В 10 часов утра в Зимнем дворце у Государя. В приемной комнате, где я дожидаюсь, нахожу дежурного флигель-адъютанта великого князя Георгия Михайловича, который, говоря о трудностях своей службы, настаивает¹ на множестве подаваемых дежурному флигель-адъютанту просьб крестьянами, требующими земли. По всем таким просьбам дежурный флигель-адъютант составляет извлечение для Государя и пускается в пространные словесные с просителем объяснения. Я тщетно стараюсь ему доказать, что первое: напрасно обременяет удрученного и без того лишними бумагами, а второе: подает всякому просителю несбывающиеся надежды, а вместе с тем естественно умножает число просителей.

В кабинете у Государя приблизительно такой разговор: я спрашиваю о здоровье и получаю в ответ, что никогда так хорошо себя не чувствовал. Относительно тифа, столь часто появляющегося в Крыму, Государь приписывает это тамошней дурной воде. Восхищается крымской жизнью и сетует на петербургскую суету. Перехожу к Историческому

¹ Так в тексте.

обществу. Заявляю, что его деятельность постоянно слабеет. Из основателей остался я один. Старые ученые, усердно трудившиеся, как Грот, Бычков, сошли в могилу; новым сотрудникам я не могу доставить тех поощрений, кои их предшественники находили. Покойный Государь выражал участие к трудам их, и таким образом, я представлял на годичное собрание четыре или пять томов, тогда как в нынешнем году я представляю лишь один том, напечатанный Штендманом, и том словаря, напечатанный лично мной – вот и все.

«Если бы Ваше Величество на предстоящем общем собрании выразили желание, чтобы томы, печатаемые Шильдером и Дубровиным, были окончены в годичный срок, то производительность будущего года была бы обеспечена».

Государь обещает это сделать. Говоря о предполагаемых на общем собрании чтениях, упоминаю имя Пыпина и говорю, что он в прежнее время был либералом, но что с годами это прошло; а кто же в молодости не был либералом? Ведь сам Победоносцев писал статьи Герцену в «Колокол»¹.

Государь (вполголоса): «Да, я это слышал».

Я: «Он сам мне это говорил. Он написал памфлет на графа Панина».

Продолжая говорить о трудах общества, рассказываю, что я оканчиваю печатанием том дипломатической переписки между русским и французским правительствами с 1814 по 1830 год, после того как император Александр восстановил законный порядок во Франции, изнемогавшей от революционных ужасов и военной тирании кровожадного Бонапарта. Государь выражает удивление о такой оценке Наполеона и ставит ему в большую заслугу издание «Codex Napoléon»². Я утверждаю, что этот

¹ «Колокол» – русская газета радикального направления, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в эмиграции в Вольной русской типографии в 1857–1867 гг. В газете преимущественно публиковались материалы с критикой правительства и политического строя Российской империи. Издание было запрещено в России.

² Кодекс Наполеона (*фр.* Code Napoléon) – кодекс гражданского права Франции. Разработан под непосредственным руководством первого консула Французской республики (затем императора) Наполеона Бонапарта, принят в 1804 г. До введения этого свода Франция была фактически лишена единого гражданского законодательства (в южных районах преобладало римское право, на севере – обычное). Кодекс был построен по институциональной системе и состоял из вводного титула и трех книг. Первая книга («О лицах») содержала положения о физическом лице как субъекте права и семейном праве, рассматривала вопросы гражданского состояния. Второй раздел «Об имуществах и различных видоизменениях собственности» содержала положения о разных видах имущества, о праве собственности и др. Основная идея этой книги состоит в том, что частная собственность неприкосновенна и право собственности охраняется государством.

кодекс, коего главное значение заключается в ограничении права завещать, имел целью раздробление собственности так, чтобы уничтожить всякую имущественно независимую личность, что и привело к нынешнему табунному социалистическому строю теперешней Франции. «Ваше Величество сделали противное, установив в России облегчения для учреждения заповедных имений».

Государь в подтверждение правильности моего взгляда вспоминает о майоратах Петра Великого. Я выражаю опасение, чтобы при составлении у нас Гражданского кодекса не восторжествовали наполеоновские взгляды.

Завожу речь о словаре, коего мной отпечатан четвертый том (Ф, Х, Ц). Государь говорит, что он всегда возит с собой мой словарь «для справок». В виду медленности, сопровождающей подобное издание, предлагаю Государю присылать ему отдельные оттиски биографий наиболее выдающихся лиц, в особенности таких, кои, принадлежат к XIX столетию, не вошли еще в историческую литературу и потому не могут быть ему известны. Он принимает это предложение с благодарностью.

Говоря о новых членах Исторического общества, я называю министра иностранных дел графа Ламздорфа и спрашиваю Государя, желает ли он предложить кого-либо. Государь называет Шумигорского. Я отвечаю, что немедленно передам это приказание совету общества, который по уставу предлагает членов общему собранию.

Затем заявляю о предположении по случаю двухсотлетнего юбилея Петербурга устроить выставку портретов деятелей XVIII столетия. Государь одобряет эту мысль. Я продолжаю говорить об этом и сообщаю предположение об устройстве этой выставки в нашем Рисовальном училище, причем упоминаю о том, в какой степени мы стеснены помещением и как желательно нам получить место, выходящее на Фонтанку и столь давно нам обещанное; при этом показываю эскиз предполагаемого здания, которое послужило бы украшением города и памятником царствования императора Николая II, точно так же, как нынешний музей и училище служат памятниками царствований императоров Александра III и Александра II. Государь оставляет рисунок у себя. В заключение разговор коснулся празднования советского юбилея. Я повторил сказанное мной великому князю Михаилу Николаевичу, прибавив, что, по моему мнению, для русского народа, высказанная царем воля должна быть также тверда и непоколебима, как веление Божие, и потому

Третья книга «О различных способах, которыми приобретаетась собственность» посвящена вопросам наследственного права, обязательственного права: в ней содержатся нормы о залоге, поручительстве, исковой давности и т. п.

я не считал бы возможным возвращаться к вопросу, который Государь назвал «сомнительным».

В 3 часа заседание совета Исторического общества: Дубровин, Шильдер, Сергеевич, Штендман.

24 февраля. Суббота. Прочитал сообщенное Плеве «Введение» к приготавливаемому по поводу столетнего юбилея Государственного совета альбому. Записка эта, почему-то окрещенная введением, представляет исторический очерк Совета с целью доказать, что во все царствования все хорошее сделано было Советом, а императоры были пустые люди, в особенности Александр II, который будто бы довел Россию до ужасного положения, из которого ее вывел мудрый и во всех отношениях выдающийся Государь Александр III, по следам которого так успешно идет Николай II. Пошлее и подлее трудно придумать, и вполне достойно господина Плеве.

26 февраля. Понедельник. Совещание у великого князя Михаила Николаевича относительно «Учреждения Государственного [совета]»¹, вновь издаваемого по случаю юбилея. Вся работа представляется чисто кодификационной, за исключением двух параграфов: а) о предоставлении Государственному совету, если он при рассмотрении законодательного дела признает то необходимым, возбуждать новый законодательный вопрос и поручать изготовление нового законопроекта либо подлежащему министру, либо подготовительной комиссии, в среде Совета образованной. Разумеется, все это делается с особого на каждый раз высочайшего разрешения, б) об образовании в Совете особых совещаний и подготовительных комиссий для разработки законодательных предположений.

¹ Имеется в виду «Учреждение Государственного совета» от 30 марта 1901 г. См.: Учреждение Государственного совета // Россия. Законы и постановления. СПб., 1901. Проект нового «Учреждения» был подготовлен государственным секретарем Плеве в соответствии с повелением императора. 31 января 1901 г. начало работу Особое совещание под председательством великого князя Михаила Николаевича для рассмотрения проекта. Пункт нового «Учреждения» о возможности привлечения к деятельности Совета отдельных лиц, не членов Совета, был отклонен (это право оставлено императору). Принято предложение о созыве подготовительных комиссий для разработки особо «важных и сложных» законопроектов». Причем состав подобных комиссий мог пополняться посторонними лицами с разрешения председателя Совета (а не императора). Кроме того, установлено, что «порядок председателей и членов по департаментам» мог возобновляться не каждые полгода, а раз в год. См.: Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1900–1901. СПб., 1902. С. 1–3.

По первому вопросу я тщетно стараюсь доказать, что никакого особенного права тут не предоставляется Совету, который и теперь зачастую дает министрам поручения, которые они принимают, зная, что в противном случае дело путем разногласия будет доведено до высочайшего сведения. Сольский и Муравьев настаивают на том, что это новое, даруемое Совету право, и что установить его нельзя без обсуждения вопроса при участии всех министров. С ними соглашаются, кроме меня, все члены совещания. Фриш предлагает исключить этот параграф, что и принимается совещанием.

По второму вопросу серьезных прений не происходит, и после небольшой оппозиции Победоносцева, требующего опущения упоминания о лицах, находящихся на службе по выборным и сословным учреждениям (составляющим предмет ненависти всякого канцеляриста), параграф принимается, по выражению Победоносцева, обезвреженным.

27 февраля. Вторник. Объявлена женитьба сына принца Александра Петровича Ольденбургского с государевой сестрой Ольгой, которая, не желая выходить замуж за иностранца, так сказать, сама выбрала себе жениха, о котором говорят, что он никогда детей иметь не будет.

МАРТ

1 марта. Четверг. В 9 часов вечера у Государя в Зимнем дворце в Малахитовой гостиной годовичное собрание Исторического общества. По правую руку от Государя сидит великий князь Владимир Александрович, по левую – я в качестве председателя. Начинается с того, что я читаю отчет о деятельности общества, потом профессор Дерптского университета Филиппов читает свою статью об Артемии Вольтинском как кабинет-министре¹ – интересно, но вяло. За ним Пыпин – о литературных трудах Екатерины II, тоже много лишнего, и недостаточно пропорции в целом, Шильдер – анекдотический рассказ о поездке в 1824 году великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны в Берлин; ехали туда морем три недели, а возвратились чрез Варшаву на колесах, потратив на то шесть недель. Свежо предание, а верится с трудом. Избираются вновь в члены Ламздорф и Шумигорский. По окончании заседания ко мне подходит великий князь Николай

¹См.: *Филиппов А. Н.* Артемий Петрович Вольтинский как кабинет-министр // Исторический вестник. 1901. № 5. С. 552–569.

Михайлович и говорит: «Je vous remercie»¹. Я: «Pourquoi?»². Великий князь: «Pour sélection de Шумигорский»³. Я: «C'est le désir de Sa Majesté»⁴. Великий князь: «C'est mon intrigue»⁵. Я: «Alors vous êtes un intrigant»⁶. Великий князь: «Il faut toujours intriguer, quand cela réussit»⁷.

За несколько дней пред тем Государь возвратил мне рисунок, мной у него оставленный, с проектом нового здания Рисовального училища на Фонтанке. Возвращая это, он писал: «Возвращаю Вам одобренный мной проект здания».

Я счел нужным поблагодарить его. Он сказал мне: «Теперь никто Вам препятствий делать не будет». Я отвечал, что записку его буду хранить и не стану показывать.

2 марта. Пятница. Заседание Соединенных департаментов. Рассматривается представление Ермолова о предоставлении съездам золото-промышленников [права] облагать денежными сборами золотопромышленников. Представление Ермолова, как большинство его представлений, ему возвращается.

3 марта. Суббота. Приезжает ко мне с визитом граф Ламздорф. Человек безупречной честности, скромного трудолюбия, но блестящей бездарности и посредственности. Вспоминая взгляд на него покойного Лобанова, забавно видеть в нем министра, хотя, конечно, приятно думать, что не существует более графа Муравьева, заботившегося исключительно об удовлетворении своего тщеславия и самолюбия, не отступая в этих заботах ни пред какими средствами. Ему обязаны мы всякими международными неудачами и в особенности несчастьями китайской войны и манчжурскими осложнениями.

4 марта. Воскресенье. Демонстрация на Казанской площади. Уже в течение нескольких дней пред сим в целом городе ходили слухи о предстоящем сборище студентов с целью выразить свое неудовольствие о принятых в отношении их правительством мерах и, в особенности, о зачислении в солдаты тех из них, кои признаваемы были виновными.

¹ «Я Вас благодарю» (фр.).

² «За что?» (фр.).

³ «За выбор Шумигорского» (фр.).

⁴ «Это желание Его Величества» (фр.).

⁵ «Это моя интрига» (фр.).

⁶ «Так значит Вы интриган» (фр.).

⁷ «Для того, чтобы дело имело успех, нужно всегда интриговать» (фр.).

Полиция, зная о том, дала заговорщикам собраться, а затем, окружив их с помощью казаков, сильно избила их нагайками и целые толпы арестовала, так что с трудом нашла для них помещение не только в тюрьмах, но и полковых манежах. Сильно ушибленных и раненых оказалось довольно значительное число с обеих сторон¹. Среди бесконечных об этом событии толках крупное место занял князь Леонид Вяземский – член Государственного совета.

Он очутился среди бушевавшей толпы сначала в Казанском соборе, а потом на предсоборной площади и, по его словам, «обращался к полицейским агентам и самому градоначальнику с увещаниями о бесчеловечном со студентами и студентками обращении».

5 марта. Понедельник. Общее собрание Государственного совета. Вяземский собирает около себя слушателей и с жаром повествует о ее² и своих подвигах. Рядом с этим рассказывают, что он с Казанской площади поехал к министру внутренних дел, который его не принял, оттуда к министру юстиции Муравьеву, а потом к военному министру и министру финансов, желая заручиться их содействием на случай могущих возникнуть для него неприятностей. После заседания Совета великий князь Михаил Николаевич заезжает с визитом к жене моей. Разговаривая о Вяземском, я сказал великому князю: «Я очень опасюсь, чтобы не последовало какой-нибудь меры, обидной для достоинства Государственного совета в лице одного из его членов. Мне кажется, наилучшее было бы сделать ему негласно замечание, а затем приказать уехать за границу впредь до разрешения вернуться».

6 марта. Вторник. У нас завтракает шведский ученый Мартин, директор Стокгольмского музея и большой знаток древностей. Он ездил в Москву, чтобы видеть подарки, сделанные шведскими королями русским царям и великим князьям. По шведским спискам таких подарков должно бы быть четыреста, но он нашел в московской Оружейной палате только половину.

¹ 4 марта перед Казанским собором в Санкт-Петербурге собралась демонстрация в несколько тысяч человек, которая была разогнана конными отрядами, при этом часть ее направилась внутрь здания собора. Великий князь Сергей Александрович записал в дневнике 5 марта 1901 г.: «<...> был Сергей Михайлович – ужасы рассказывает о кощунствах студентов в Казанском соборе». См.: Великая княгиня Елисавета Федоровна и император Николай II. С. 531. По правительственному сообщению, было ранено два офицера, двадцать полицейских, четыре казака и тридцать два демонстранта.

² Так в тексте дневника.

9 марта. Накануне вечером стреляли в Победоносцева. Он вернулся домой и сел заниматься в своем кабинете, расположенном в нижнем [этаже] ныне обер-прокурорского, а в прежнее время нарышкинского дома. Когда он встал с кресла, чтобы пройти в соседнюю комнату, то с улицы последовали три выстрела, но ни одна из трех пуль его не тронула. Стрелявший был тотчас арестован. Он заявил, что на него пал жребий убить Победоносцева как ярого ретрограда. Уже несколько дней сряду он его караулил и, прозевав его приезд, стрелял в окно. При нем нашли всего три копейки оставшихся ему на прокормление денег.

10 марта. Суббота. Заходит к нам великий князь Владимир Александрович и жалуется (как командующий Петербургским военным округом) на то, что полиция, вызывая войска, не оставляет их под командой воинских начальников, а сама распоряжается действиями войск, что противно воинскому уставу. Очень опустился, осунулся, состарился бедный великий князь, видно, нелегко ему командование Марии Павловны.

11 марта. Воскресенье. Во время верховой езды в своем манеже встречаю там Куропаткина. Между нами уговорено, что я буду ему всегда высказывать и мою собственную, и слышанную от других заслуживающую сколько-нибудь внимания критику. На этот раз я упрекаю его в том, что хотя он и военный министр, но что он больше военный, чем министр, тогда как в его положении он мог бы принести большую пользу Отечеству, если бы в сношениях с Государем становился чаще на общегосударственную, а не специально военную точку зрения. На это он мне отвечает, что, вступив в исполнение своих теперешних обязанностей, он прежде всего занялся выработкой программы для ведения военного дела. Ныне, когда программа эта выработана, он стал изучать общегосударственные [дела], читая о сем книги, но это идет медленно, а между тем постоянно встречаются вопросы, по коим приходится спорить и сталкиваться с другими министрами. В особенности тяжел Витте, который прямо подносит Государю доклады, утверждение коих дает ему право вторжения в области не касающихся до него дел. Так, например: 1) не переговорив с ним, Куропаткиным, он, Витте, поднес Государю высочайшее повеление о сдаче в солдаты неповинующихся студентов; 2) таким же порядком он объявил высочайшее повеление, чтобы никакой заказ по Морскому и Военному ведомствам не делался за границей, а между тем есть такие нужные для армии предметы, коих в России не существует вовсе, например, свинец. Когда на это было указано Витте, то он

испросил новое повеление о том, чтобы в Министерстве финансов образовать комиссию, которая рассматривала бы все заказы Военного и Морского министерств, то есть брала по ним взятки; 3) еще вопрос, породивший горячие споры, был – допущение в азиатские наши владения иностранцев для образования компаний и учреждения фабрик и заводов. По этому вопросу, говорит Куропаткин, я долго думал, изучал и пришел к заключению о невозможности допускать устройства промышленных компаний в Средней Азии.

После такого категоричного и своеобразного заявления я не считал возможным продолжать разговор на эту тему.

В этот же день у великого князя Михаила Николаевича происходит заседание лиц, назначенных Государем для обсуждения того, что делать с Вяземским. Под председательством великого князя Михаила Николаевича принимают участие в этом совещании: великие князья Владимир и Алексей, председатели¹ Государственного совета Сольский и Чихачев. Решают: сделать ему выговор и приказать выехать из Петербурга. Обсуждая последствия такого решения, кто-то из членов говорит, что, конечно, Вяземский после этого будет просить отставки, но великий князь Алексей Александрович возражает, что подобный негодяй, конечно, того не сделает.

12 марта. Общее собрание Государственного совета с самыми ничтожными делами. Заезжаю к Победоносцеву, коего застаю в некотором волнении от своего приключения. Жена его в особенности озабочена сообщением министра юстиции Муравьева, что стрелявший заявил, что у них решено убить Победоносцева, и что ему следует поэтому ожидать новых покушений, которых полиция по недостаточности своего устройства и состава не может предотвратить. Я успокаиваю ее, говоря, что любимая мечта Муравьева – заместить Сипягина и потому нельзя относиться серьезно к его словам.

13 марта. Захожу к прусскому генералу Вердеру, столь долго бывшему² в Петербурге и в качестве военного агента, и в должности германского посла, а теперь наезжающего³ от времени до времени, чтобы посетить старых знакомых, и останавливающегося⁴ в таких случаях по приглашению Государя в Зимнем дворце. Он собирался уезжать,

¹ Так в тексте дневника.

² Так в тексте.

³ Так в тексте.

⁴ Так в тексте.

когда его захватила подагра, и он уже несколько недель лежит недвижим, принимая целый день многочисленных посетителей и посетительниц.

14 марта. Среда. Витте передает, что идет речь о назначении министром народного просвещения генерала Ванновского, в особенности по тому соображению, что такое назначение будет приятно студентам и произведет некоторое умиротворение. Когда один из Михайловичей (я подозреваю, Александр) говорил с Витте в этом тоне, то он отвечал, что если преследуется такая цель, то проще взять Ковалевского, но что если хотеть серьезного кандидата, то он указал бы на Ливена, теперешнего управляющего Дворянским банком¹. Ливен действительно по характеру и трудолюбию выходящий из ряда человек.

15 марта. Навещаю двух больных: Фриша и Дурново. Оба жалуются на климат, страдают горлом и заботятся об одном: как бы подольше поплавать, подкрепляя свое благоденствие на столь много выдерживающем

¹ В этот период кандидатуры о назначении нового министра народного просвещения активно обсуждались в верхах. 13 марта 1901 г. великий князь Сергей Александрович писал Николаю II: «<...> до меня дошли слухи, будто бы тебе предложили <...> двух кандидатов»: В. Л. Ковалевского и В. А. Анрепа. Московский генерал-губернатор счел своим долгом высказать мнение об этих деятелях: Ковалевский, «бесспорно, человек большого ума, но без принципов и с самыми красными взглядами, мыслями и даже деяниями; я его считаю прямо дурным гением самого Витте, который находится под его влиянием (мне пришлось в этом убедиться)». Анрепу великий князь дал следующую характеристику: «<...> покойный Н. П. Боголепов сам мне говорил, что он раскаивается, что назначил его попечителем Харьковского округа, ибо, говорил он, это человек хитрый, провел меня; он либерал в душе, с крайними идеями». Сергей Александрович рекомендовал Н. И. Зверева: «Я его лично совсем не знаю, но, ценя мнение и взгляды покойного Боголепова, считаю своим долгом сообщить это тебе к сведению». Николай отвечал дяде в письме от 20 марта, что «ни о каких анрепах и ковалевских» он «даже не слышал». По его мнению, в настоящий момент на посту министра просвещения необходим «военный человек». Император писал: «Я прямо скажу, что думаю о Ванновском и впредь знаю, что, к сожалению, встречу полное неодобрение с твоей стороны. Делаю этот выбор прямо по внутреннему убеждению, не спрося ничьего мнения». Великий князь писал в ответ, что он вполне поддерживает кандидатуру Ванновского: «<...> в теперешнем сумбуре военный с его весом вполне подходящее лицо». «Лишь бы, — оговорился великий князь, — он не кончил с Министерством народного просвещения, как он кончил следствие о петербургских беспорядках, как в 1899 году» (Великая княгиня Елисавета Федоровна и император Николай II. С. 533–534, 536, 538).

течении всяких служебных выгод, удел чиновничьего класса составляющих.

Обедают у нас: великий князь Владимир Александрович (пользующийся некоторой свободой вследствие отсутствия супруги), княгиня А. С. Салтыкова, княгиня Куракина, австрийский посол Эренталь, Юсупов, Сабуров, Родзянко. Конечно, только и разговоров, что о Вяземском.

17 марта. Заседание в Департаменте законов. Рассматривается представление Ермолова о постановке государственных межевых знаков на землях, отводимых крестьянам в Сибири. Я заявляю, что принимаю это предложение как меру, идущую по пути, начертанному в прошлом году общим собранием Государственного совета, пути перехода к полному праву собственности. Ермолов отвечает, что он так и понимает свое представление. Я прошу все это поставить во главу журнала заседания.

19 марта. Понедельник. В общем собрании великий князь Михаил Николаевич читает высочайшее повеление о сделании Вяземскому высочайшего строгого выговора, объявленного приказом военного министра, за вмешательство в действия полиции при прекращении беспорядков на улице¹.

После заседания великий князь приглашает меня к себе в кабинет и говорит следующее: «Представьте себе, что в городе говорят, что Вы меня подвинули против Вяземского, тогда как помните, что Вы меня склоняли к умеренному взысканию». Я: «Меня это нисколько не удивляет. Мы живем в таком мире лжи, сплетен, клеветы». Великий князь: «А что Вы находите? Правильно ли я поступил, прочитав высочайшее повеление о Вяземском, сидя на кресле, а не стоя?» Я: «Действительно, чтение высочайшего повеления происходит стоя, но если бы Вы встали, то все присутствующие члены также должны бы были встать, а это придало бы заседанию особую торжественность, нисколько на этот раз не желательную. По моему мнению, лучше было бы, если [бы] это было прочитано государственным секретарем в обыкновенном порядке, что я ему, впрочем, и высказывал».

В это время вошел великий князь Владимир Александрович и, услышав, что мы говорим о деле Вяземского и о неудовольствии в среде самого Совета за то, что приказом по армии оштрафован один из членов, великий князь стал высказывать справедливую в себе мысль, что на подобное

¹ 15 марта 1901 г. Л. Д. Вяземскому был сделан строгий высочайший выговор за вмешательство в действия полиции во время демонстрации 4 марта и приказано выехать из Санкт-Петербурга до особого повеления.

неудовольствие правительство обращать внимания не должно. Отсюда перешел к слухам о назначении Ванновского; Государь категорически [высказывал] великому князю свое о том намерение, но великий князь всячески старался убедить его этого не делать. Главный его довод был тот, что Ванновский в бытность военным министром восстановил против себя всех лиц, ему подвластных. «Уж на что, — сказал великий князь, — мой начальник штаба (Бобриков) такой лисий хвост, что к каждому умеет подделаться, а и тот с Ванновским не мог справиться».

Еду поздравлять княгиню Дарью Петровну Оболенскую и застаю целый ряд родственников во всех степенях и поколениях. По близости захожу оттуда к Победоносцеву, который на вопрос мой о происходящих у Государя министерских совещаниях рисует их так: выезжаем мы отсюда по десятичасовому поезду, за несколько минут до одиннадцати приезжаем в Александровский дворец; у Государя в это время идут доклады: а) министра финансов, б) министра внутренних дел, в) министра путей сообщения. Приходится подождать полчаса да и больше. Начинаются прения. Иные, как, например, Ермолов, болтают без умолку. Государь начинает скучать. Пробьет час — час завтрака. Он начинает посматривать на часы и минут чрез десять или пятнадцать объявляет, что обсуждаемый вопрос будет обсуждаться в следующую пятницу. Раскланиваются и расходятся. Силы, энергии, душевного жара нет. Жалуется еще Победоносцев на большую расточительность молодого Государя; говорит, что уже к сентябрю прошлого года Министерство двора израсходовало всю сумму (12 миллионов), ассигнованную ему по годовому бюджету, и затем продолжало жить на счет Государственного казначейства, требуя от министра финансов деньги по установленному Воронцовым порядку без всякого предварительного с ним сношения.

20 марта. Вторник. Немногочисленный, но грандиозный вечер у Юсуповых. Обильный и роскошный в 12 часов ужин, а вслед за тем разыгранные на домашнем театре французскими актрисами сцены.

21 марта. Среда. Совет Рисовального училища. Осматриваем сделанные нами во Франции значительные приобретения для музея. Особенно выдается коллекция старинных французских стекол, купленная у некоего Бабоно. В Большом зале выставили рисунки декоративного, орнаментного характера, купленные у Бердаче. Думаю, что второй такой коллекции не существует.

Вечером раут у армянского гранда Абамелек-Лазарева.

23 марта. Пятница. Обедаю у великого князя Михаила Николаевича с Паленом и Винстером. Разговор сосредоточивается исключительно на назначениях Ванновского министром народного просвещения, а Черткова варшавским генерал-губернатором; первому семьдесят девять, а второму семьдесят три¹. Город уверяет, что адмирал Гейден, которому за девяносто лет, обиделся тем, что его обошли. Я знал обоих в Киеве, где двадцать лет тому назад производил ревизию. Ванновский добрый, трудолюбивый, ни в чем не выдающийся человек; Чертков крайне ограниченного ума, напыщенного тщеславия и далеко не добрый, а, напротив, склонный к жестокости человек. От обоих назначений нельзя ожидать ничего прочно хорошего.

После обеда Пален высказывает ту мысль, что членам Государственного совета желательно было бы знать, в чем именно заключается вина Вяземского. Великий князь настаивает на том, что вина определена словами: вмешательство в действия полиции. Пален находит это недостаточным и настаивает на том, что желательно знать, можно ли подавать Вяземскому руку. Великий князь с возрастающим жаром отвечает: «Это лгун, я имею тому доказательства».

24 марта. Ничтожное заседание Департамента законов.

25 марта. Воскресенье. Приезжает Ковалевский, товарищ министра финансов (по части промышленности и торговли). Цель его посещения — убедить меня поддерживать в Государственном совете представленный им проект, им же составленный, о художественно-промышленном образовании и, в особенности, отстоять это дело от притязаний Министерства народного просвещения, которое желает получить его в свое заведывание. В этом отношении обещаю полное мое содействие, но во всем остальном считаю необходимым изучить проект, прежде чем высказывать мнения. Ковалевский пространно говорит о трудностях, испытываемых русской промышленностью, сообщает о поданной по сему предмету Витте Государю записке, сетует на взяточничество петербургского градоначальника Клейгельса, который был весьма близок к увольнению и укрепил свое положение студенческими беспорядками.

Вечером оканчиваю чтение книги Шванебаха², добросовестно, беспристрастно излагающей финансовые мероприятия Вышнеградского и Витте, приведшие нас к сегодняшнему тяжелому положению.

¹ Официально назначение Ванновского министром народного просвещения состоялось 25 марта 1901 г.

² См.: *Шванебах П. Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901.

30 марта. Заезжаю к Куропаткину потолковать о современных делах. Куропаткин заявляет между прочим, что наши действия на Востоке уже теперь стоят нам более восьмиста миллионов рублей и что еще далеко окончание этого нескончаемого расхода. Оттуда заезжаю к великому князю Владимиру Александровичу, который говорит, что получил письмо из Москвы от брата Сергея¹, желающего покинуть генерал-губернаторский пост, но что он, Владимир, уговаривает брата остаться.

31 марта. Заутрениа в Зимнем дворце. Ванновский, говоря о своем назначении министром народного просвещения, говорит, что это самое бедное по бюджету министерство и что бюджет этот необходимо увеличить. Нахожу, что такой отзыв по меньшей мере странен и односторонен, являясь, так сказать, начальным для деятельности нового министра. Ванновский утверждает, что более часа отказывался принять предложенное ему Государем место и называл трех лиц, на коих предпочтительнее пред ним могли быть возложены эти министерские обязанности.

Назначены три новых члена Государственного совета: Марков – председатель Общего собрания кассационных дел, человек способный, хороший юрист, но довольно бесхарактерный и изленившийся, Яновский – попечитель Кавказского учебного округа, человек весьма почтенный, но уже достигший дряхлой старости, Арсеньев – воспитатель великих князей Сергея и Павла, а потом директор Морского кадетского корпуса, человек, не заслуживающий ни в каком отношении никакого уважения; стыдно и великому князю Сергею добиваться таких унижающих Совет назначений, стыдно и великому князю председателю Михаилу Николаевичу мириться с такими назначениями.

АПРЕЛЬ

1 апреля. Оказывается, что Ванновский назначен министром по настоянию Сипягина, который по этому предмету написал Государю специальное письмо, а вслед за тем, когда у Государя было совещание,

¹ 17 марта 1901 г. великий князь Сергей Александрович писал брату: «Довольно трудное время приходится мне переживать. Слава Богу, пока удалось выпутаться довольно благополучно сравнительно, но очень все это тяжело и, признаюсь, просвета не видать. Путаница идет сверху донизу, и при этих условия трудновато мне, да и нервы дают о себе знать. Долго такой каторги не выдержу – 10 лет срок хороший. Кажется, можно и забастовать <...>». См.: Великая княгиня Елисавета Федоровна и император Николай II. С. 535.

то Сипягин вернулся домой в ужасе от высказанных Ванновским взглядов. И подобные глупцы распоряжаются судьбами Отечества.

Близкий к Сипягину человек стал на днях, говоря о студенческих делах, высказывать мысль, что строй образования и группировка образовывающихся [находится] в тесной связи с общим строем, общей группировкой всего русского общества, перевернутого реформами 60-х годов. Сипягин просил этого человека не продолжать такого разговора, так как он не любит общих вопросов, а считает достаточным разрешение частных, по мере их возникновения!

3 апреля. Вторник. Везу сына Петра, служащего в Гродненском гусарском полку и намеревающегося поступить в Академию генерального штаба, к военному министру Куропаткину, который делает ему некоторого рода допрос и поощряет его намерение. Заходим к жене Куропаткина. Незлая и неглупая женщина, но в своей бесцеремонности и презрении к формам общежития достигшая исполинских размеров.

7 апреля. Суббота. Заезжает провести вечер мой старинный приятель граф Протасов-Бахметев – главноуправляющий учреждениями императрицы Марии. Все те же с моей стороны обвинения ему в том, что он чувствителен лишь к высочайшим улыбкам и связанным с ними всякого рода протекциям в ущерб делу, справедливости и пользам Отечества. Он отвечает, по обыкновению, что таким родился, таким воспитался и без придворной атмосферы жить не может, а если его прогонят, то другой на этом месте будет допускать злоупотребления гораздо более крупного калибра.

8 апреля. Воскресенье. Шидловский приходит прочитать финансовую записку, им против управления Витте написанную. Высказываю ему свой взгляд, что факты верны, изложены правдиво, но не имеют значения без практических выводов и указания желательной политики, а такое заключение (быть может, ему и непосильное) повело бы слишком далеко и, разумеется, никаких результатов не достигло бы.

9 апреля. Понедельник. Заседание общего собрания Государственного совета. Подле меня сидит не могущий мне простить свою отставку из киевских генерал-губернаторов и потому заклятый враг мой Чертков. Он испускает столь сильный диабетический запах, что Польше, вероятно, недолго придется переносить выходки его чванливого тупоумия.

Рихтер спрашивает меня, помню ли я обстоятельства разбора нами вдвоем бумаг Лорис-Меликова и были ли в этих бумагах письма Александра III. Я отвечаю, что разбор помню, но что писем Александра III не было. Рихтер прибавляет, что если такие и были, то, конечно, император Александр III их сжег, и потому ходатайство сыновей Лорис – Меликова о возвращении им этих писем удовлетворить невозможно.

Из Совета Пален заходит ко мне и передает сообщение Витте о желании его устроить тройственный политический союз между Россией, Германией и Францией, а исходной точкой этого союза установить в форме соглашения этих трех держав о гарантировании займа, долженствующего покрыть сумму, причитающуюся им в качестве военного с Китая вознаграждения.

Рассказывает еще Пален, что обедал у Сольского с Чертковым, который рассказывал свой прием у Государя; выдающаяся черта этого приема заключалась в том, что Чертков просил Государя освободить его от вмешательства в дела польского управления министров! Отчего бы не установить прямо пашалык¹?

14 апреля. Заседание Департамента законов: а) поземельное устройство горнозаводского населения на казенных уральских заводах². Ермолу удастся провести некоторые благоразумные смягчения в применении бессмертных принципов 1861 года. б) По требованию императрицы Марии Федоровны назначают пенсии из Государственного казначейства сестрам милосердия Красного Креста. Я тщетно пытаюсь настаивать на мысли, что установленное Сводом законов служение государству и служение своим душевным идеалам ничего общего не имеют и что, вознаграждая последнее податными рублями, мы можем зайти очень далеко. Мне отвечают мои коллеги молчанием, и остается лишь просить, чтобы в журнале было оговорено, что настоящее мероприятие имеет характер исключительный и прецедентом для других случаев не может быть принято.

15 апреля. Свадьба сына Куракиных на молодой графине Толстой. Толпа приглашенных очень значительна.

¹ Пашалык – административная единица Османской империи, управлявшаяся пашой.

² Советом была пересмотрена инструкция «О порядке ограничения земельного и лесного наделов и способе исчисления оброчной подати с горнозаводского населения казенных заводов» от 12 марта 1877 г. Подробнее см.: Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1900 – 1901. СПб., 1902. С. 8–10.

17 апреля. Победоносцев рассказывает, что в числе разных комиссий, коих он состоит членом, ему приходится измышлять средства обезвредить полусумасшедшего великого князя Николая Константиновича – старшего сына Константина Николаевича. Он наделал бесчисленные пошлости и преступления в Ташкенте, где даже из назначенных к надзору за ним лиц некоторые просто были по его распоряжению убиты. В последнее время, несмотря на существование законной жены и взрослых детей, он взял четырнадцатилетнюю девочку, с которой его якобы обвинил пьяный поп, обеда венчавшихся три раза около обеденного стола. Теперь Николай Константинович приехал в Тверь и продолжает там бесчинствовать. В Петербурге рассуждают о том, что с ним делать, и никак ничего придумать не могут.

18 апреля. Товарищ министра путей сообщения Мясоедов-Иванов критикует систему Витте строить более или менее параллельные дороги, с меньшей в совокупности провозоспособностью, чем большие дороги с ветвями, по тем же местностям проведенные. Выдача на железнодорожных станциях ссуд под хлеб привлекает множество грузов, не находящихся ни временной защиты от непогоды, ни возможности движения. Факты эти в больших еще размерах повторяются на границах Австрии и Пруссии, не могущих справиться с этими поврежденными хлебными наводнениями.

21 апреля. На днях должен разыгаться неприятный для Витте процесс. Некий Таль, племянник камер-фрау императрицы Флотовой и потому высочайше покровительствуемый, получил весьма обширные права на устройство железной дороги, заведение лесного хозяйства, доменных печей около Верхотурья, пароходства и т. д. Он должен был составить компанию и для этого собрать капитал в 18 миллионов рублей. Таль явился к Витте и предъявил квитанцию одного лондонского банкирского дома о внесении этому дому восемнадцать миллионов рублей. По закону следовало потребовать внесения этой суммы в петербургский Государственный банк, но ввиду флотовского покровительства Витте удовольствовался представленной ему распиской и выдал свидетельство о том, что талевское общество состоялось. Таль поехал в Париж, получил от русского консульства удостоверение о том, что общество законно состоялось, и выпустил акции, не имевшие никакой ценности и достигшие биржевыми маневрами более половины своей номинальной стоимости. Конечно, в один прекрасный день все это рухнуло, и теперь обманутые Талем

люди собираются предъявить к министру финансов процесс о неправильном утверждении вовсе не существовавшего общества. Я забыл сказать, что спрошенный о восемнадцати миллионах лондонский банкир отвечал, что деньги эти пролежали у него один день и вслед затем были обратно взяты Талем!..

30 апреля. В общем собрании Государственного совета читается высочайшая резолюция по такому делу: забайкальский генерал-губернатор представлял о том, что по существующему для бурятов порядку они не могут быть подвергаемы своим начальством телесному наказанию, тогда как находящиеся в той же местности русские переселенцы подвергаются телесному наказанию по приговорам своих волостных судов. Такая аномалия вызвала при прениях в Совете заявление о том, что желательно видеть и в России уничтожение телесного для крестьян наказания. Заявление это было помещено в соображениях высказанного Советом мнения, а не в резолютивной его части. Мнение возвращено от Государя с его отметкой против такого платонического взгляда: «Это будет тогда, когда я этого захочу». Еще одно доказательство, до какой степени Сипягин и тому подобные людишки страшат Государя тем, что Совет стремится ограничить его власть!.. Не знаешь, чего подобные инсинуации более заслуживают: презрения или смеха.

М А Й

1 мая. Годичный обед в новом клубе. Я провозглашаю тост за основателя, не словами, а постоянным посещением клуба доказывающего свое к нему сочувствие, великого князя Владимира Александровича.

4 мая. Пятница. Лежу в постели, мучимый подагрой. Заезжает прибывший накануне из Германии великий князь Михаил Николаевич и убедительно уговаривает приехать в Государственный совет на празднование столетнего юбилея. Разговаривая об этом празднестве и слыша от великого князя, что он намерен встретить Государя в сенях в сопровождении председателей департаментов, я настаиваю на том, что Государя должны встречать все члены Совета. Великий князь утверждает, что Государю приятнее будет более в приеме простоты, я настаиваю на противном. Великий князь уезжает поколебленный и вслед за тем изменяет церемониал, им проектированный.

5 мая. Суббота. Врач мой, доктор Павлов, рассказывает ужасы о несчастных незаконных детях, будто бы призреваемых Воспитательным домом, а в действительности остающихся живыми лишь в размере четырнадцати процентов вследствие ужасных мероприятий, в отношении их принимаемых. Опекунский совет состоит из огромного числа оказавшихся ни на что не пригодными старцев, кои окольными путями нашли доступ к императрице Марии Федоровне. В конце царствования императора Николая опекунов было вдесятеро менее, но то были или вельможи, или независимые люди, безвозмездно принимавшие на себя попечение о том или другом благотворительном заведении.

Заходит ко мне замечательный по даровитости Алексей Оболенский, ныне товарищ Сипягина, а прежде его сотоварищ и с детства приятель. Сокрушается о бездарности Сипягина, отсутствии в нем государственных знаний, сколько-нибудь просвещенных взглядов, заменяемых исключительно подобострастием, доведенным до виртуозности, и все это под личиной усердия к царю.

Вообще самодержавие сделалось в последнее время девизом для всяких искателей собственного благополучия. Одним из рельефнейших представителей такого сорта людей является петербургский градоначальник Клейгельс. Уже в бытность варшавским обер-полицеймейстером он составил себе взятками порядочное состояние; по переходе в Петербург он начал грабить самым беззастенчивым манером. В последние годы он купил шесть имений, из коих за последнее заплатил шестьсот тысяч рублей. По поводу растраты одним из его любимых чиновников, растраты части принадлежавших градоначальству хозяйственных сумм, прокурор окружного суда произвел следствие, причем оказались беспримерные злоупотребления самого Клейгельса. Имена его управляются полицейскими чиновниками, продолжающими получать свое казенное содержание; в одном из имений оказался даже пароход, числящийся по спискам в составе речной петербургской полиции; арестанты не получают следующих им кормовых денег, кои Клейгельс кладет в свой карман. Все это представлено министру юстиции Муравьеву, который опасается дать ход делу, чтобы не потерять место, так как Клейгельс находится под покровительством Сипягина и заведующего охраной Гессе.

6 мая. Страдая подагрой, не еду на прием в Царском Селе по случаю дня рождения Государя.

7 мая. Хромая и опираясь на палку, отправляюсь на торжество. Члены Государственного совета ожидают в сенях приезда Государя. В 1 час

приезжает Государь из Царского Села, сопровождаемый своим братом и дядей Сергеем Александровичем. Пожав руку каждому из стоявших на пути его членов Совета, Государь поднимается по большой лестнице и входит в кабинет великого князя, где ожидает, пока члены Совета занимают места свои в церкви, где по прибытии Государя отслуживается молебен. После молебна члены Совета занимают места свои в зале общего собрания, куда входит и Государь, занимая председательское кресло. Прежде всего он читает указ о назначения членом Совета великого князя Михаила Александровича, потом государственный секретарь Плеве читает грамоту Государственному совету, при которой дано сызнова редактированное «Учреждение Государственного совета». Во время этого чтения все члены Совета стоят, а Государь один сидит, что выходит несколько странно. После этого чтения великий князь Михаил Николаевич обращается с речью к Государю, который по выслушании этой речи безмолвно удаляется, провожаемый до сеней Советом. Все это холодно, бездушно, натянуто; чувствуется отсутствие многого, очень многого.

После отъезда Государя в одной из смежных с присутственной зал подают шампанское и провозглашаются тосты, сопровождаемые криками «ура». Разъезжаясь домой, старики посматривают друг на друга с вопросительными знаками во взглядах.

14 мая. Понедельник. День пятидесятилетия моей службы. По обычаю, в Государственном совете установившемся, в этих случаях канцелярия рассылает всем членам повестки с уведомлением, что такой-то будет принимать в такой-то день и в такие-то часы. Я заявил, что никаких повесток не желаю, а что буду сидеть дома и принимать всякого из сотоварищей, кто меня видеть пожелает. В 11 часов явился ко мне Плеве с статс-секретарями и произнес речь, обращенную к его предшественнику. Я отвечал ему, выставляя заслуги руководимой им Государственной канцелярии. Вслед за тем меня посетили все члены Совета: великий князь Михаил Николаевич весьма любезно приехал для этого из своей стрельнинской дачи и просидел более часа. Уходя, он меня горячо благодарил за мою службу, на что я отвечал, что я только исполнял свой долг. На выраженную им надежду, что я еще долго буду с пользой трудиться в Совете, я отвечал глубоким поклоном и столь же глубоким молчанием.

От Государя я получил следующий рескрипт:

«Александр Александрович, по окончании 14 мая 1851 года с блестящим успехом курса Императорского училища правоведения, занимая последовательно в канцелярии Сената все должности до обер-прокурора Первого департамента и сенатора, Вы глубоко прониклись возложенной

на сие высшее установление задачей: беспристрастного применения закона и охранения его господства, составляющих незыблемую основу государственного строения.

Отмеченное печатью истинной даровитости служение Ваше побудило незабвенного деда моего поручить Вам производство подробного обревизования различных отраслей управления в Киевской и Черниговской губерниях, а затем родитель мой доверил Вам ответственный пост государственного секретаря и, спустя девять лет, назначил Вас членом Государственного совета. В этих высоких должностях, а также по званию члена Комитета финансов, Вы многие уже годы непосредственно участвуете в важнейших делах законодательства и государственного хозяйства, причем Ваш разносторонний опыт и обширные познания в отечественной истории придают особую цену этому участию, всегда направленному ко благу России на пути развития ее духовных и материальных сил.

За столь полезную и просвещенную полувековую деятельность считал приятным долгом вновь выразить Вам, в нынешний радостный для Вас день, мою сердечную признательность, пребываю к Вам неизменно благосклонный и благодарный

Николай.

В Петербурге

14 мая 1901 г.»

15 мая. Вторник. В общем собрании Государственного совета слушается дело о воинской повинности в Финляндии¹. Ни прений, ни речей нет ввиду многоглаголия, сопровождавшего заседания Соединенных

¹ Дело о воинской повинности в Финляндии поступило в Государственный совет 3 февраля 1899 г. Члены Совета рассматривали несколько вопросов. По ряду пунктов было достигнуто единогласие. Среди них: а) контингент новобранцев Великого княжества Финляндского должен определяться ежегодно Государственным советом; б) право русских уроженцев отбывать воинскую повинность в финских частях, а финляндских уроженцев в русских частях; в) части войск, комплектуемые преимущественно финляндскими уроженцами, могли направляться в любые местности; г) «высшее заведывание» частями войск, пополняемыми преимущественно финляндскими уроженцами, принадлежало военному министру, а «главное начальствование» — командующему войсками Финляндского военного округа. Многие вопросы вызвали разногласия. Так, меньшинство не считало возможным ограничить численность контингента новобранцев, между тем как большинство предлагало определить количество в две тысячи человек Император поддержал мнение меньшинства. Серьезные разногласия вызвал вопрос «о назначении финляндских новобранцев, оставшихся за пополнением финских частей, на службу в общие войска». Большинство Совета

департаментов. По каждому вопросу собираются лишь голоса, причем мнения более снисходительные в отношении финляндцев получают значительное большинство голосов. В итоге побежденным остается Куропаткин и победителем почитается Витте, усердно ему противоречивший.

16 мая. Среда. Еду в Петергоф благодарить Государя за полученный от него рескрипт. Прием происходит на ферме. Представляющихся весьма значительное число. Меня принимает в кабинете стоя. При входе застаю его посреди комнаты. Подойдя, говорю ему следующее: «Я пришел благодарить Ваше Величество за те милостивые слова, коими Вам угодно было меня удостоить и коих я поистине не заслуживаю». Государь (внимательно выслушав то, что я говорю, и ничего не ответив): «А какие у вас вчера в Совете большинства по финляндскому делу?» Я (не имея возможности говорить серьезно вследствие огромной ожидавшей моего выхода толпы): «Действительно, большинство вчетверо многочисленнее меньшинства, но самые цифры не имеют значения, так как они составляют лишь последствие многочисленных в последнее время назначений в члены Совета». Молчание. Государь: «А вот, видите, Ваш словарь постоянно у меня на столе». Я: «Да я Вам, Государь, в этом никакого сомнения не имею после того, что Вы мне это сказали. Вот все собираюсь Вам прислать отдельные биографии замечательных людей нынешнего столетия по мере их изготовления, но опасаясь, что при Ваших огромных занятиях листки эти придут к Вам невпопад». Государь: «Пришлите мне их после 15 июня, когда я перестану получать журналы Государственного совета и Комитета министров». Молчание. Государь: «Я еще у Вас в долгу. Я не возвратил Вам биографии великого князя Константина Николаевича».

посчитало, что предлагаемая мера не является необходимой, так как серьезно усложнит прохождение военной службы, к тому же введение этого правила «вселит смущение в умах местного населения края». По мнению меньшинства, комплектование новобранцами только из «местных народностей» являлось главной причиной «обособленности финских частей войск». Мера эта «при осторожном ее проведении» не должна была вызвать усиления «брожения» в Финляндии. Поэтому меньшинство и высказалось за введение данного пункта. Это мнение было поддержано императором. Разногласия вызвал и вопрос об установлении срока общей службы. Император одобрил мнение большинства — срок службы удлинен до 18 лет. Более того, на мемории, излагавшей суждения Совета, Николай II написал: «До особого моего повеления зачислять новобранцев в финские гвардейский стрелковый батальон и драгунский полк и призывать только для комплектования этих частей. Прочие части постепенно расформировать». Новый устав о воинской повинности в Финляндии был издан 29 июня 1901 г. См.: Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1900–1901. СПб., 1902. С. 48–59.

Я: «Я понял, что она Вам не понравилась».

Государь: «Нет, все, что в ней сказано, совершенно справедливо».

Я: «Да ведь для меня важно, чтобы Вы знали правду, а если мной Вам сказанное не попадет в руки публики, так это неважно. Я не раз говорил покойному Государю, что, идя к нему, я себя спрашиваю, неужели я, как и другие, буду ему льстить и рядить истину, и потому хоть иногда и тяжело бывало, а все-таки говорил ему всю правду, не обинуясь; вот и с Вами то же самое».

Из Петергофа возвращаюсь по железной дороге вместе с Муравьевым, министром юстиции. Он рассказывает ужасы про Клейгельса и его грабежи и утверждает, что Сипягин обещал ему, Муравьеву, убраться Клейгельса не позже первых дней июня (вероятно, с почетом и повышением).

Муравьев рассказывает еще, что обсуждается предположение о посылке в разные части России временных гражданских генерал-губернаторов, которые, подобно ревизирующим сенаторам, изучали [бы] на местах необходимые исправления в устройстве и ходе провинциальной и народной жизни, но при этом были [бы] вооружены властью и авторитетом, необходимыми для исполнения возложенного на них поручения.

И Ю Н Ъ

6 июня. Заседание совета училища. Присутствует вновь избранный нами член Всеволожский, бывший директор театров, высказывающий мне свое удовольствие о происходящих в театральном ведомстве после его ухода неурядицах. Преемник Всеволожского, Волконский вышел в отставку вследствие такой характерной истории. Танцовщица Кшесинская, бывшая любовница нынешнего императора до вступления его на престол и находящаяся ныне в связи с великим князем Сергеем Михайловичем, отказалась от ношения в какой-то роли какого-то костюма и явилась не в той форме, которая была ей предписана директором театров Волконским, который за этот поступок и наложил на нее пятидесятирублевый штраф. Кшесинская письмом, непосредственно к Государю обращенным, просила его сложить с нее этот штраф. Государь приказал министру двора барону Фредериксу исполнить эту просьбу, а когда Фредерикс возразил, что в таком случае положение всякого директора театров делается невозможным, то Государь ему сказал: «Я этого желаю и не желаю, чтобы со мной об этом больше разговаривали. Волконский подал просьбу об увольнении от должности,

и на его место назначен полковник Теляковский, ничтожный человек, который будет безмолвным слугой Кшесинской».

7 июня. Четверг. В разговоре с Витте слышу от него горькие жалобы на Куропаткина за то, что он, выражая согласие на возвращение войск из Манджурии, всячески противодействует такому возвращению. Напротив, в занятой нашими войсками китайской территории постоянно происходят экспедиции, то есть набеги с грабежом, усиливающие международное раздражение и могущие легко привести к возобновлению военных действий.

В высшем центральном петербургском правительстве никакой положительной, ясной твердости не существует, и министру финансов подчас приходится бороться с невероятными фантазиями на почве материальных, часто просто преступных отбросов [?]. Образчиком тому может служить разбиравшееся на днях в совещании всех министров под председательством Сольского дело о постройке круговой около Петербурга железной дороги¹. Дорога должна стоить сто девяносто миллионов рублей, цель ее непонятна, добиваются концессии: великий князь Сергей Михайлович, Кшесинская и Клейгельс. Совещание единогласно отбросило эту мошенническую проделку. Когда Витте докладывал Государю об исходе совещания, то Государь с удивлением спросил: «Как, и Сипягин согласился со всеми?» Возглас этот объясняется тем, что, по мнению Сипягина, всякое желание Государя подлежит беспрекословному исполнению, будучи выражением Божественной благодати, от помазанника Божия исходящей.

12 июня. Вторник. Переехав на летнее жительство в Царское Село, захожу к Победоносцеву, который занимает в старом дворце комнаты, прежде отводимые министру двора, то есть Воронцову, а пред ним Адлербергу. Застаю его, как обыкновенно, пред столом, покрытым разными книгами, а еще более брошюрами. Через несколько минут разговор, конечно, переходит на обсуждение и осуждение теперешнего хода наших правительственных дел. Победоносцев, как всегда, начинает ходить из угла в угол, восклицая, вздыхая. Он читает теперь книгу Шильдера «Павел I»². При чтении книги этой русское сердце содрогается, а между тем наступают времена, когда все рассказываемое Шильдером может повториться.

¹ Подробнее об этом деле см.: *Ганелин Р. Ш.* Битва документов в среде царской бюрократии 1899–1901 // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 17. Л., 1985. С. 229–240.

² См.: *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. СПб., 1901.

Будучи врагом безрезультатного и безвыходного хныканья, не видящего средства ко спасению, я говорю Победоносцеву приблизительно следующее: несколько столетий Россия держалась на том, что около Государя и на войне, и в мире стояли люди с глубокими корнями в народе, с возможностью и решимостью говорить царю правду и притом не в условных парламентских речах или министерских докладах, а в ежедневном обмене мыслей и чувств, результатом коего было то поступательное на всех поприщах медленное, но твердое движение нашего родного края, которое создало великую, грозную, славную Россию.

В XVIII столетии, с умножением интересов, усложнением забот, расширением границ русских, должны были создаться и создались новые правительственные формы, но и в них не только сохранилось, но даже мудростью Екатерины II упрочилось влияние землевладельческого класса, как надежного политического фактора.

Настало освобождение крестьян, задержанное в царствование Александра I военными бедствиями, а в царствование Николая I – нерешительностью императора, впечатленного не имевшими ничего общего с русской жизнью революционными событиями. Исполняя завет отца своего, Александр II поспешил освободить крестьян и, обратясь к наиболее ревнительным исполнителям воли своей, был во многом увлечен ими далее того, что история и политическая мудрость требовали. Наиболее опасным в этом отношении увлечением было низвержение землевладельческого класса, при всех своих недостатках остававшегося хранителем в некоторой степени независимости, оберегателя иных, чем животных, интересов, сохранившего над низшим классом населения охранительное в правительственном смысле влияние.

К кому же перешло это влияние и в чем же оно выразилось? Оно перешло в руки людей, чуждых земле, и выразилось в стремлении к личной наживе, стремлении, чуждом всякого идеала. Пошел по русской земле лихой человек в лице писаря, старшины, ростовщика, чиновника всех степеней, размеров и названий, чиновника, присланного из самых различных закоулков, безответственно теснящего и обирающего население, все под личиной усердия к царю.

Правительство утратило характер прозорливой устойчивости; во всем стала чувствоваться случайность, переменчивость, отсутствие твердо сознанных целей и ясно намеченных следования¹ к ним путей.

События последних недель служат грустной, но неоспоримой к тому иллюстрацией.

¹ Так в тексте.

В течение сорока лет правительство боролось с общественным мнением всех классов населения, отстаивая, быть может, чересчур широко установленную им систему классического образования. Александр III наложил руку на все реформы отца своего, но преклонился пред катково-толстовским творением. Студенческие беспорядки в начале нынешнего царствования были подавлены, но вдруг беспорядки эти приняли форму убийства министра народного просвещения и открытой с полицией уличной баталии. Последствием принявших такую форму беспорядков было назначение министром народного просвещения пехотного офицера, уже два года тому назад высказывавшегося за студентов и начавшего свое управление с того, что приказал заменять в гимназиях изучение латинского и греческого языков французским и немецким. Быть может, это и прекрасно, но оно напоминает суждения Скалозуба, которые в грибоедовское время не имели никаких шансов обратиться в министерские распоряжения, заменяющие законодательство, сорок лет защищаемое правительством.

За студенческими беспорядками последовали стачки и сражения фабричных рабочих с полицией. За ними встанет крестьянская толпа с требованием земли, и не теперешняя милиция, на короткое время оторванная от этой самой земли, поднимет оружие для того, чтобы обуздывать эти самые ею разделяемые аппетиты. Здесь конец той России, которую мы знали, которую мы всей душой боготворили!

Что же делать? Где средства спасения?

Спасение одно: возвращение к мудрой политике Екатерины, насколько оно совместно с результатами протекших в сто пятьдесят лет событий.

Умножать и усиливать класс землесобственников во всех видах. От табунного ковырянья земли, именуемого общинным владением, переходить к подворной и личной собственности. Вычеркнуть из законодательных соображений безземельное дворянство. Открыть широко всем сословиям права поземельной собственности и непременно связанное с ними радение о местных пользах и нуждах. Сферу чиновничьей деятельности сузить, сделать ответственной в полном смысле, такой, какова она была при Петре I, повесившем князя Гагарина за взятки, при Екатерине II, предавшей суду генерал-прокурора Глебова, при Александре I, отдавшем под суд военного министра графа Татищева. Много, много можно было бы сказать, но уже этих двух мер достаточно было бы, чтобы высоко одаренный провидением русский богатырь мог встать на ноги и развернуть свою геройскую мощь, свои великие трудовые силы и вывести Отечество на совсем иную дорогу, чем ту, коей оно сегодня следует!

17 июня. Воскресенье. Крестины новорожденной великой княжны Анастасии Николаевны¹. Из Петербурга отходит в 9 часов утра железнодорожный поезд, наполненный гражданскими и военными чиновниками в наипарадных мундирах. В Петергофе ожидают нас многочисленные кареты и коляски, доставляющие приехавших лиц в Большой дворец. По церемониалу членам Государственного совета надлежало пройти прямо в церковь и с десяти часов ожидать начатия крестин, но я осторожно уселся с некоторыми из спутников в одной из зал, церкви предшествующих, памятуя сказанное мне однажды обер-камергером графом Рибоьером: «*Mon oncle, le comte Litta, disait que lorsque l'on arrivait a la Cour une heure trop tard, c'était une heure trop tôt*²». В одиннадцать часов началась церемония сначала крестин, а потом обедни. Служение это продолжалось два с половиной часа, в течение коих большинство присутствовавших удалялось для отдыха в соседние комнаты. Исключение делал дипломатический корпус, естественно находивший невежливым выходить из церкви, но зато с двумя дамами этого корпуса сделалось дурно. По окончании богослужения был дипломатический *sergic*³, то есть принесение дипломатическим корпусом поздравлений императору, а затем торжественный и многоялюдный завтрак. Мне пришлось сидеть за столом возле импровизированного министра народного просвещения Ванновского, который рассказал мне приблизительно следующее: «Ведь я не первый год живу на свете, так у меня свой определенный взгляд на важные вопросы. Поразмыслив о переменах, необходимых в народном образовании, я составил себе план, а затем собрал комиссию, которая его и одобрила. Сущность плана заключается в том, чтобы оставить весьма небольшое число гимназий с теперешней программой классического образования; во всех же остальных гимназиях заменить латинский и греческий языки французским и немецким».

¹ Император записал в дневнике 17 июня 1901 г.: «С 9 часов утра начались приготовления к крестинам маленькой Анастасии, около дома гуляли в полной форме разные вельможи, и по дороге стояли казаки Конвоя и золотые кареты. Волнение и радость остальных деток были чрезвычайные. В 10 часов торжественное шествие тронулось к Большому дворцу. Поехал к выходу с Мишой. Новопросвещенная вела себя в церкви примерно. Обедня окончилась к часу. Приняв поздравления дипломатов, сели завтракать в Петровской зале. Погода была чудная, настроение радостное. Восприимчиками были – Мама и дядя Сергей. Были дома в 3 часа». См.: Дневники Николая. С. 601.

² «Мой дядя, граф Литта, говаривал, что когда приезжаешь ко двору на час позже, это на самом деле на час раньше» (*фр.*).

³ Круг (*фр.*).

Я: «А какие же будут требования для перехода в университет?»

Ванновский: «Для юридического факультета необходимо классическое образование, а для других факультетов нет». Я: «Но и для юридических факультетов недостаточно четырех или пяти гимназий». Ванновский: «Во всех гимназиях будут устроены отделения с латинским языком, но преподавание это будет в ограниченном размере». Я: «То есть Вы хотите, чтобы гимназисты учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь. Если где-либо преподавание латинского будет сохранено, то необходимо его сохранить во всем нынешнем объеме». Ванновский с этим не согласился и дополнил свое повествование тем, что все его предположения утверждены Государем и с 1 сентября будут в качестве временной меры приведены в действие, а одновременно попечители учебных округов будут призваны высказать свое о них мнение, совокупно с мнением губернаторов, дворянских предводителей, некоторого числа родителей гимназических учеников. Все это будет рассмотрено Государственным советом в течение будущей зимы!!!

ИЮЛЬ

20 июля. Посылая Государю оттиски выдающихся биографий, помещаемых в печатаемые томы моего биографического словаря, пишу Его Величеству следующее: «Представляемые при сем Вашему Величеству биографии четырех братьев Перовских относятся к малоизвестной эпохе царствования императора Николая, почему я и решаюсь представить их в совокупности, хотя, конечно, преимущественного внимания заслуживают Василий и Лев.

Возвышенность чувств Василия, его энергия, твердость, правдивость заслужили ему неизменное расположение Государя, при котором он был сначала адъютантом, а впоследствии исполнителем тяжелых задач. Характерным образчиком этого человека может служить решительность его доложить возвратившемуся из Палермо Государю всю правду о грустной истории карточной в его отсутствие игры у цесаревича. Граф Лев Перовский, хотя и не представляет ничего в личности своей выдающегося, но тем не менее биография его, как министра внутренних дел, не лишена интереса. Несмотря на протекшее с того времени шестидесятилетие, одни и те же вопросы продолжают заботить правительство; неурожай, общественные запашки и тому подобное продолжают являться выразителями крестьянского неустройства.

Памятя Ваши милостивые слова относительно прочитанной Вами когда-то на эту тему записки, я прошу у Вас, Государь, позволения высказать пред Вами укрепленное протекшими с того времени событиями убеждение.

Если с точки зрения экономической необходимо введение твердой, а не мнимой, на теоретических мечтаниях основанной, собственности, то с точки зрения политической такое мероприятие едва ли не еще важнее.

В течение ряда славных для нашей истории столетий правительство имело опору в крупной дворянской собственности. В 1861 году эта собственность не только поколеблена, но направлена на ежедневно расширяющийся путь уничтожения. Факт этот крайне прискорбен, но неисправим. Бюрократические попытки на пользу дворянского класса не больше как фразы, не могущие достигнуть серьезного результата. Быть может, годами создастся надежный в государственном смысле преемственно-наследственный класс землесобственников, но до этого весьма далеко, и во всяком случае ныне для этого ничего не творится. А между тем крестьянская масса, некогда ведомая дворянством, а теперь поставленная в несколько враждебное к нему отношение, живет, множится, движется под влиянием и руководством всяких пестрых лихих людей, преследующих преимущественно свои личные, корыстные и в большей части случаев противоправительственные цели. Следует перестать сплачивать эту темную, легковерную, подвижную толпу в одну густую массу, а, напротив, по возможности, расчленять, дифференциализировать ее, выдвигая людей труда, бережливости, порядка как опору правительственного хода дел в противоположность ненадежным, падким на аграрную путаницу, буйным группам населения. Такова должна бы быть господствующая в упорядочении крестьянского населения идея, идея, к сожалению, далекая от симпатий социал-бюрократизма.

Еще раз простите, Государь, но позвольте сказать Вам от всей души всю правду, как я в течение десяти лет говорил ее покойному Вашему родителю.

За студенческими беспорядками последовали беспорядки фабричные. Неминуемое возобновление их и нетрудное подавление не страшны, но не страшнее ли мысль, что за ними могут последовать беспорядки аграрные. Мне самому не раз приходилось слышать от крестьян, что если их отцу или деду в 1861 году наделено было столько-то земли, то ныне каждому из его сыновей или внуков правительство обязано дать участки таких же размеров.

Что произойдет, если подобное убеждение перейдет от слова к делу, как тому были попытки в XVII и XVIII столетиях. Кто явится надежным

орудием репрессии? Прежнего, двадцатипятилетней службой оторванного от своей среды солдата не существует. Нынешний доблестный перед иноземным врагом воин покидает семью свою лишь на короткое время и остается солидарным с ее интересами, особливо земельными. На чью сторону станет он в такого рода поземельном процессе? Одно сомнение в душе его встанет угрозой тем великим благам, коими славные предки Ваши рядом занесенных историей на свои скрижали подвигов одарили Россию!

Да отвратит мощная десница Ваша, Государь, эту темную тучу, навигающуюся на Отечество.

Вашего Императорского Величества верноподданный».

22 июля. Живя в царскосельском уединении, только отрывками узнаешь о том, что делается в руководящих судьбами Отечества сферах. Принципиального, обдуманного, твердо направленного нет ни в чем. Все творится отрывочно, случайно, под влиянием момента, по проискам того или другого, по ходатайствам вылезавших из разных углов искателей счастья. Юный царь все более и более получает презрение к органам своей собственной власти и начинает верить в благотворную силу своего самодержавия, проявляя его спорадически, без предварительного обсуждения, без связи с общим ходом дел. Страшно сказать, но под впечатлением напечатанной на днях Шильдером книги начинает чувствоваться что-то, похожее на павловское время.

Любопытным образчиком времени служит возлюбленный государев министр внутренних дел. Этот человек, лишенный и умственных способностей, и каких бы то ни было убеждений, и самого элементарного гражданского мужества, убедил Государя, что с назначением его, Сипягина, министром внутренних дел все переменится: земство сохранит одну вывеску, правительственная власть в лице своих чиновников проникнет всюду, иноверие исчезнет, иноплеменные части России внезапно обрусуют и т. п. Написав на эту тему множество проектов, Сипягин видит теперь сам невозможность их осуществить и на днях вследствие того получил от Государя такой комплимент: «Вы много обещаете, да мало исполняете».

Назначению Сипягина много содействовал Витте, который и продолжает всячески его поддерживать и скрывать его бездарность. Между тем на самого Витте среди имеющих к Государю доступ разнообразных личностей поднялось гонение. Во главе этого гонения ничтожный начальник охраны Гессе, сколько слышно честный, но ограниченный пехотный офицер, командовавший при Черевине батальоном, а теперь

сделавшийся чем-то вроде министра внутренней политической полиции; за ним идут следом разные офицеры, писаки и подаватели записок, долженствующих пересоздать Россию и упрочить их собственное благоденствие. Отсюда идет критика виттевского финансового управления, управления, действительно заслуживающего критики, но не на те темы, кои доступны пониманию вышереченной мелкоты. Обвиняют Витте в пристрастии к иностранным капиталам, в покровительстве евреям, в допущении нерусских подданных устраивать промышленные предприятия России, что называется отдавать иностранцам русские богатства и т. п. Логическим выводом из этого является необходимым отдавать эти богатства самим критикам, во главе коих являются некоторые чересчур размножившиеся великие князья, отрицающие обязательность для сего какого бы то ни было закона. Все это не остается без влияния на самого императора, что весьма естественно. Господа министры силятся доказать Государю, что в них одних для него спасение. Государственный совет, по их заявлению, – сборище ярых либералов, стремящихся парламентскими формами ограничить власть императорскую; Сенат – собрание отживших старцев, помешанных на законности, весьма часто непригодной для успешного хода дел в России; прежних при дворе «собраний знатных персон», открыто и смело разговаривавших, более не существует; пресса и во всех отношениях посредственна, и держится Министерством внутренних дел в страхе наказания. Чей же голос раздастся около Государя? Исключительно министерский; а между тем весьма понятно, что Государю хочется слышать голос [?], проверить то, что жужжат министры в постоянном концерте самохваления. Он и обращается к втирающимся к нему ничтожностям, думая услышать независимый голос. Все это очень грустно и скажу более: опасно. Недостатки подобного режима чувствовались всеми сколько-нибудь выдающимися монархами, которые и старались помочь злу установлением правильных совещательных учреждений. Петр I учредил Сенат, Екатерина II созвала сначала комиссию депутатов, а потом Совет, Александр I обратил Совет в государственный и установил Комитет министров, Александр II основал Совет министров. Все это ныне отодвигается в сторону и, в ожидании лучшего, заменяется нашептыванием и забеганием.

26 июля. На днях жена генерала Ванновского пригласила к себе государственного контролера Лобко и просила его доложить Государю, что у нее решительно нет средств выехать из Петербурга в деревню, потому что она по недостатку денег заложила уже все свои ценные

вещи. Лобко, как бывший директор канцелярии Ванновского, обязанный ему во многом своей карьерой, не мог отказать в такой просьбе, по докладу коей Государь приказал передать ее министру финансов. Лобко из ученых офицеров Генерального штаба, был преподавателем нынешнего Государя и вследствие такого сближения донине пользуется его расположением. Он человек не без способностей, обладающий сведениями, но сведениями односторонними и вследствие того могущий быть до известной степени опасными при обсуждении высших государственных дел. Встречаясь в Государственном совете с офицерами Генерального штаба, я заметил, что они почти все отвечают одному типу. Получив в академии высшее военное образование, они вступают на действительную службу и привыкают смотреть свысока на рядовой военный материал, почитаемый ими столь несравненно низким по умственному развитию. Этот взгляд они сохраняют впоследствии и переносят на всяких одиночно или сгруппировано встречаемых ими людей. В Государственном совете они выражают эту самонадеянность краткими, сжатыми речами, исключаящими возможность непогрешимости. Обыкновенно речи эти или оставляются без внимания, или получают сильный отпор и неодобрение. К числу таких людей принадлежит и Лобко, но, быть может, он более других способен к саморазвитию, самоусовершенствованию.

Скончался Островский – характерный тип мнимо государственных чиновников. Он находился на второстепенной должности в государственном контроле, когда Абаза, будучи назначен государственным контролером, взял его себе в товарищи. Находившийся в то время во власти Петр Шувалов уговаривал Абазу не вводить подобное пресмыкающееся ничтожество в тот круг людей, коим открывается возможно широкая в России политическая карьера; но Абаза не послушался Шувалова и впоследствии сильно в том раскаивался. Не будучи лишен канцелярских способностей, Островский пролез гораздо далее, чем то общественная польза позволяла. С преемником Абазы Грейгом Островский находился в дурных отношениях и потому не попал в Государственный контроль, а сделан членом Государственного совета. Грейг, предвидя свое назначение министром финансов, говорил мне, что всячески будет проводить в преемники Сольского вследствие хороших с ним отношений, основанных на том, что Сольские, муж и жена, были особенно любезны с женой Грейга – отставной танцовщицей, весьма хорошей женщиной, но не принятой в обществе.

При Александре III Островский усиленно играл на ноте патриотизма, как будто патриотизм может быть частной собственностью

и орудием личного повышения. Ему это удалось. Он попал после Игнатьева в министры государственных имуществ и земледелия. Пробыл на этом посту долгие годы, не умея отличить ржи от овса и не выходя из своего виц-мундира. Наконец, непригодность его сделалась слишком очевидной и потому его спустили... (благодаря слабости великого князя Михаила Николаевича) в председатели Департамента законов!.. Председательствование его заключалось в том, что он пред обсуждением всякого дела излагал вкратце всем присутствовавшим известное содержание его.

20 июля. Третьего дня отпраздновали в Гатчине свадьбу великой княжны Ольги Александровны с принцем Петром Александровичем Ольденбургским. Великая княжна некрасива, ее вздернутый нос и вообще монгольский тип лица выкупается лишь прекрасными по выражению глазами, глазами добрыми, умными, прямо на Вас смотрящими. Желая жить в России, она остановила свой выбор на сыне принца Александра Петровича Ольденбургского. При родovitости своей и значительности денежного состояния, унаследованного от великой княгини Екатерины Павловны, принц во всех отношениях посредственный, а во внешности своей ниже посредственного человек. Несмотря на свои годы, он почти не имеет волос на голове и вообще производит впечатление хилого, далеко не дышащего здоровьем и никак не обещающего многочисленное потомство человека. Очевидно, соображения, чуждые успешности супружеского сожития, были поставлены здесь на первый план, о чем едва ли не придется со временем пожалеть.

Брачная церемония должна была совершиться в Петергофе, но, как рассказывают, уволившийся от заведывания театрами Волконский при представлении императрице-матери на вопрос ее о причине отставки рассказал ей свое столкновение с Кшесинской, а так как по петергофскому церемониалу в вечер свадьбы должен был иметь место балет на островках, то Мария Федоровна потребовала, чтобы свадьба праздновалась у нее в Гатчине.

Нас собрали в Гатчинском дворце к 2 ½ часам. Государственный совет, по обыкновению, стоял в церкви вместе с дипломатическим корпусом, среди коего, мимоходом сказать, не доставало английского посла, уведомившего графа Ламздорфа, что не может быть вследствие траура по королеве Виктории. Церемония, по обыкновению, была весьма продолжительна и утомительна. Для отдохновения до наступления обеденного часа нам были отведены комнаты, когда-то занятые покойным Черевиным в нижнем этаже, окнами в сад. В 6 часов начался обед или,

как сказано было в церемониале, парадный обед. Главный стол накрыт был в Большом зале, расположенном в центре дворцового здания. Лепная орнаментация стен, потолка, бронзовые осветительные украшения, размеры комнаты, роскошный паркетный пол – все это, сохранившееся в целости от прошлого столетия, служило художественной для пиршества рамой. За столом сидели все члены императорского семейства с новобрачной четой в середине, имея против себя министра двора барона Фредерикса. Несколько оставшихся свободными мест были уделены старейшим по чину лицам, а именно Победоносцеву, мне, Рихтеру и барону Гюне. Мне довелось сидеть насупротив королевы греческой Ольги Константиновны, сидевшей по правую руку от императора. На столе, в центре пред новобрачными, был положен плотный ковер срезанных розанов, а от него в обе стороны тянулся ряд ценных серебряных произведений прошлого столетия, среди коих выдающееся место занимали вещи, принадлежащие к столовому сервизу, купленному покойным Государем Александром III от братьев Мятлевых. Сервиз этот был заказан императрицей Елизаветой Петровной знаменитому художнику Жермен и подарен фельдмаршалу Салтыкову, победителю Фридриха II при Кунерсдорф¹ е, от Салтыкова сервиз по наследству достался Мятлевым. Все это я за столом рассказал императрице Марии Федоровне, по-видимому, ничего такого не подозревавшей.

Кроме большого стола, было еще расставлено в том же и [в] соседних залах большое число круглых столов, за которыми сидели прочие приглашенные лица.

В 10 часов мы уселись в поезд, который и доставил меня благополучно в Царское Село обратно.

АВГУСТ

3 августа. Скончался князь Николай Иванович Салтыков, человек во всех отношениях почтенный и добродетельный. В нем не было ничего выдающегося, он не отличался никакими особенностями, но его семидесятилетняя жизнь протекла, неизменно внушая всем его знавшим полное уважение. Женат он был на княжне Анне Долгорукой, из того

¹ Имеется в виду сражение при Кунерсдорфе. Произошло 1 августа 1759 г. между русско-австрийской армией во главе с генерал-аншефом П. С. Салтыковым и прусской армией короля Фридриха II во время Семилетней войны (1756–1763). Завершилось поражением Пруссии.

многочисленного семейства красавцев и красавиц, наделавших много шума своими самолюбивыми и тщеславными происками, нередко находившими высокое и высочайшее покровительство.

На днях состоялись крестины великого князя Дмитрия Александровича, сына великого князя Александра Михайловича и государевой сестры Ксении Александровны. Согласно «Учреждению об императорской фамилии», изданному при Александре III, и в составлении которого я участвовал, князь такой категории должен бы получить андреевскую ленту в день достижения совершеннолетия, но она возложена на него при крещении, как это уже и было сделано для его братьев-предшественников. Старшинство лиц царствующего дома считается по степени близости их к трону, но с этой точки зрения Александр Михайлович является предпоследним в лестнице старшинного понижения. Ни для кого из потомков великокняжеских, внуков императорских сделано сего не было. Очевидно, все это происходит по настоянию Марии Федоровны, охраняющей свою собственную важность в лице своего по дочери внука. Тут является совсем новое начало личного тщеславия и фаворитизма, не оставляющее места идеям Александра III, желавшего установить твердые для положения членов царского семейства правила, исключаящие пищу для зависти, ненависти и всякой розни, и без того слишком в среде семейства сего обычной.

19 августа. Заезжает ко мне в Царское Село Витте и сообщает не лишённые интереса известия. Китайские усложнения обошлись нам доселе в один миллиард рублей, продолжать эту глупую затею невозможно: идя по этому пути, Россия идет к разорению и финансовому, и политическому. По соглашению с министром иностранных дел Ламздорфом Витте подал Государю записку, предлагая заключить с Китаем договор об очищении Манджурии в трехлетний срок. Призванный к обсуждению этого предположения Куропаткин восстал всеми силами против предположения окончить безрезультатно войну, стоившую таких жертв. Государь колебался, но после колебаний принял мнение Витте и Ламздорфа. Тогда они стали убеждать Государя: во-первых, при посещении императора Вильгельма, условленном уже шесть месяцев тому назад, показать ему проект соглашения и, так сказать, заручиться его согласием; во-вторых, после посещения Вильгельма проехать во Францию для достижения соглашения по этому вопросу и с французским правительством. Оба эти свидания должны упрочить европейский мир и, в частности, России дать возможность залечить свои финансовые раны.

Говоря о положении наших внутренних дел, Витте повторил уже не раз слышанную мной от него мысль, что для успешности денежного хозяйства необходимо поднятие экономического уровня, а это возможно лишь прежде всего устройством крестьянской жизни, основанном на единичной собственности с отменой общинного владения, от которого он вполне отказывается в противоположность тому, что думал и говорил восемь лет тому назад. Вторым существенным условием развития экономического он признает возможно большую постройку железных дорог. На эти темы он подал Государю пред его отъездом записку, но в осуществлении своих предположений по сему предмету встречает сопротивление в Сипягине. На мое замечание, что ему еще не раз придется раскаиваться в участии, принятом им в назначении Сипягина, он отвечает, что, конечно, Сипягин не орел, но что он никогда ничего бесчестного не сделает, а что, конечно, гораздо хуже было бы, если бы на пост министра внутренних дел попал какой-нибудь граф Игнатъев или Бобриков.

Гуляя в этот день по Царскосельскому парку, проезжаю мимо Орловских ворот, на коих Екатериной начертано: «И Россия таких сынов имеет». Имеет она сынов таких и ныне, но не имеет державной руки, их выводить умеющей.

СЕНТЯБРЬ

8 сентября. С отъездом за границу Их Величеств наступило полное затишье. С появлением желтых листьев исчезают из Петербурга многочисленные петербургские чиновные потентаты¹. Из числа их военный министр Куропаткин уезжает сначала в Варшаву, а потом в Закаспийский край. Пред отъездом его захожу к нему и по его обычной просьбе высказать ему, в чем его обвиняют, говорю ему, что и я нахожусь в числе обвинителей за то, что он летом уехал из Петербурга рыболовствовать в Псковскую губернию и Финляндскую окраину, не возвратясь к семейным торжествам царского семейства. Публика приписывает это тому, что он будто бы обиделся неполучением генерал-адъютантского аксельбанта², несмотря на напоминание, сделанное по сему предмету

¹ Потентат (от *фр.* *potentat*) – вельможа.

² Аксельбант – наплечный отличительный предмет в виде золотого, серебряного или цветного пияного плетеного шнура с металлическими наконечниками, носился на плече.

министром двора Фредериксом, напоминание, получившее в ответ: «Может подождать». Поездка Сахарова (а не его, Куропаткина) на французские маневры в свите Государя есть выражение некоторого неудовольствия и имеет ту опасность, что созидает готового на должность военного министра кандидата. Разумеется, Куропаткин заявляет, что он рад бы удалиться от того омута сплетен, интриг и т. д., которыми сопровождается петербургская деятельность, тем более что в случае войны ему, конечно, дадут командование одной из семи армий, которые, согласно его плану, будут выставлены Россией. Относительно своего плана действий как военного министра говорит, что его программа рассчитана на десять лет. В истекшие четыре года, благодаря Государю, не было отступлений и уклонений, так что он имеет надежду осуществить сполна свои предположения. Во избежание могущих возникнуть недоразумений и противоречий со стороны его политических противников Куропаткин все серьезное в высших делах записывает, так, например, показывает мне слова, сказанные ему Витте при начале Китайской войны о необходимости послать как можно более войска с оговоркой: «Какая беда, что они совершат морскую прогулку». Теперь же на Куропаткина сыплются обвинения за то, что он, послав не пятьдесят тысяч, а сто пятьдесят тысяч, придал войне преувеличенные размеры. Относительно недоброжелательства к нему Ванновского видит к тому причину в неудовольствии за то, что он, Куропаткин, не довольно быстро повышает сыновей Ванновского, не заслуживающих того.

14 сентября. Один из ближайших к Государю адъютантов, спрошенный своим приятелем о том, может ли он рассчитывать на высочайшую приязнь в случае, если бы его постигло какое-либо большое несчастье, отвечал: «Нисколько. Я знаю, что для меня ничего бы сделано не было, и я исчез бы в забвении».

В доказательство своего мнения он привел то, что происходит при дворе в настоящую минуту. Адъютант граф Гейден (служащий, кажется, в походной канцелярии), женатый и имеющий четырех детей, влюбился во фрейлину Оленину. Это забавляет Их Величеств и во всю прошлую осень в Крыму, играя в теннис, оказывалось покровительство и поощрение этому роману. При отъезде теперь в Данию и Францию в небольшое число лиц, составлявших походную свиту, включены и влюбленные. Гейден написал жене, что просит развода, желая жениться на Олениной; а если развод и женитьба состоятся, то Гейдена удалят со службы за произведенный при дворе скандал, и после сыгранного на увеселение Величеств водевиля занавес опустится.

ДЕКАБРЬ

28 декабря. Возвращаюсь из Монтекарло, где прожил в своем Saint Roman¹, а когда наступили холода, то в гостинице три месяца. Покинув свой сад в полном блеске и наполненный цветами, приезжаю в Петербург, засыпанный снегом и переживающий сильные морозы. Трехдневный переезд в отличных вагонах нисколько не утомителен. Тотчас по приезде навещаю хворающую дочь мою – Оболенскую, только что переехавшую во вновь приобретенный ею на Сергиевской улице дом, где я когда-то бывал у прежнего владельца графа Александра Николаевича Толстого (обер-гофмаршала), а затем отправляюсь в новый клуб, где застаю великого князя Владимира Александровича, графа Павла Сергеевича Строганова, Юсупова, Балашева, Сабурова, Дурново, графа Константина Ивановича Палена, Чихачева, Шидловского. Играю в вист, слушаю кое-какие сплетни и узнаю, что на другой день надо быть в Совете в одиннадцать часов для бюджетного заседания.

29 декабря. В 11 часов в Мариинском дворце. Общее собрание в довольно полном составе. Витте произносит длинную речь, будто бы для представления объяснений к бюджету на 1902 год, в действительности же для восхваления своего десятилетнего управления Министерством финансов. Он доказывает, что в это время перебор доходов против сметных предположений достиг огромной цифры один миллиард сто миллионов рублей, и что такие постоянно увеличивающиеся доходы служат доказательством увеличения материального благосостояния страны. При этом, однако, сознает, что некоторые части России и в особенности центральные губернии – сердце России – находятся в ухудшающемся положении. Государственный контролер приводит несколько цифр в доказательство того, что крупная кассовая наличность, упоминаемая Витте и на которой он основывает блистательность финансового нашего положения, есть результат сделанного прошлой весной во Франции займа. Председатель Департамента экономии Сольский, не желая ни возражать Витте, ни компрометироваться выражением сочувствия или одобрения, осторожно молчит в противность традициям Совета, требующим, чтобы о каждом серьезном из департамента в общее собрание вносимом деле председатель департамента высказывал свое, в подкрепление заключения департамента, мнение. Впечатление всего этого заседания жалкое, грустное.

¹ Сен-Роман (фр.).

В 2 ½ часа в Зимнем дворце принесение поздравлений новобрачным, великой княгине Ольге Александровне и ее супругу Петру Александровичу Ольденбургскому. Приехав к назначенному часу, вспоминая слова покойного графа Рибопьера, который говаривал: «Mon oncle, le comte Litta, disait que lorsque l'on arrivait a la Cour une heure trop tard, c'était une heure trop tôt»¹. Поздравляемая чета стоит посреди концертного зала и сначала принимает дипломатический корпус, потом дам (числом не менее двухсот), потом духовенство, потом Государственный совет, Сенат, почетных опекунов, статс-секретарей, военных и т. д.

Возвращаюсь домой почти в 5 часов. Такие собрания, конечно, тягостны и скучноваты, но при нашем суровом климате, затрудняющем частые встречи с ближним иначе как в своей или в его квартире, имеет известную пользу – расширение возможности встречаться без заранее определенных побуждений и притом на нейтральной почве. Тут при случайно завязывающемся разговоре является возможность обменяться мыслями по вопросам, часто не лишенным интереса, и даже прийти к заключениям и результатам.

Вечером посылаю Государю следующую записку: «Прошу извинения у Вашего Императорского Величества в том, что беспокою Вас ниже следующей просьбой:

Окончив во Франции печатание тома дипломатической переписки за 1814, 1815, 1816 годы, я счел необходимым написать предисловие к той части издания, которая появится в Париже одновременно с выпуском в свет соответствующего тома «Сборника»².

Предисловие это я не считаю себя в праве отпечатать, не получив Вашего, Государь, разрешения, а потому, прося снисхождения Вашего Величества к неприглядному корректурному листу, при сем прилагаемому, буду ожидать для окончательного его отпечатания приказаний или указаний Вашего Императорского Величества.

Статс-секретарь Половцов».

30 декабря. Воскресенье. Делаю визиты, заезжаю к Витте; разговор о делах Совета. Любопытный рассказ Витте такого содержания:

«На днях получаю от Елизаветы Алексеевны Нарышкиной приглашение приехать к ней. Она сообщает мне, что императрица Мария Федоровна

¹ «Мой дядя, граф Литта, говаривал, что когда приезжаешь ко двору на час позже, это на самом деле на час раньше» (фр.).

² См.: Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814–1816 гг.) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 112. СПб., 1901.

поручила ей передать мне, что она желает, чтобы моя дочь была представлена ко двору и обещает, что она будет приглашаема на придворные балы, но что так как я, Витте, испрашивая у покойного Государя разрешение жениться, обязался никогда не просить о представлении ко двору жены моей, то императрица желает, чтобы дочь моя была представлена мной и являлась ко двору в моем сопровождении. Я ничего не ответил, но, приехав вслед за тем в Гатчину для урока наследнику (Витте уже два года преподает великому князю науку о финансах), я написал императрице следующее: «Ваше Императорское Величество, позвольте беспокоить Вас просьбой принять меня на несколько минут; я ни о чем просить Вас не намерен и ни сегодня, ни впоследствии никогда ни о чем просить Вас не буду». Будучи вслед за тем принят, я сказал императрице, что пришел выяснить недоразумение, заключающееся в том, что, испрашивая у покойного Государя дозволение жениться, я никогда никому никакого обещания не давал относительно непредставления ко двору жены моей. Императрица на это ответила, что она поручала Вышнеградскому, сидевшему на том же кресле, на котором я сидел, передать мне, что разрешение жениться дается мне под условием, чтобы я никогда не испрашивал разрешения представить жену мою. Я отвечал, что Вышнеградский никогда ничего подобного мне не говорил, да он и не мог не знать, что я ни ему, ни кому бы то ни было другому ничего подобного говорить не дозволил бы. Императрица настаивала на том, что разговор этот имел место в той же, как и теперь, комнате и что Вышнеградский сидел на стуле, мной в эту минуту занимаемом. Я ответил, что очень сожалею, что мне приходится упоминать о человеке уже умершем, но что я могу также сослаться на человека, находящегося в живых. Этот человек — председатель Комитета министров Дурново. Он представлял Государю Александру III справку о моей жене, быв тогда министром внутренних дел и шефом жандармов. Государь, получив его донесение, сказал, что я (Витте) исполняю долг честного человека (sic), и что он разрешает мне женитьбу. При этом никаких условий мне поставлено не было. «Неужели [Вы], Ваше Величество, думаете, что моя дочь могла бы принять и представление, и приглашения с тем, что ее мать ни к представлению, ни к приглашениям допущена не будет? Если бы она это сделала, то я бы отрекся от нее. Вот все, что я имел доложить Вашему Величеству». После чего я встал и вышел из комнаты».

Заехав в этот день к старикам Бобринским, слышу характерный рассказ о Сипягине.

На отделку дома, в который он переехал (у Цепного моста, дом князя В. П. Кочубея, а впоследствии шефа жандармов), Сипягину было

ассигновано сто тысяч рублей. В действительности Сипягиным было израсходовано более четырехсот тысяч рублей. Государственный контролер Лобко отказался признать правильным такое перерасходование, и дело дошло до Государя, который стал выговаривать о том Сипягину. На это Сипягин заявил, что «его подвел директор Департамента общих дел Трепов», произведя эти расходы без ведома Сипягина, и в наказание за подобные действия Трепов из директоров департамента смещен на губернаторскую должность. Будучи близко знаком с графиней Еленой Ивановной Шуваловой, Трепов заявил ей, что он ни единого рубля не израсходовал без письменного разрешения Сипягина, и что у него хранятся письма и записки его в числе семидесяти одного, но что Сипягин производил самые безумные и неограниченные расходы!

1902

ЯНВАРЬ

1 января. Выход в Зимнем дворце. Вдовствующая императрица шествует во главе с императором, а царствующая с уродливым сиамским принцем¹. Сияние на лице первой, нахмуренное неудовольствие, довольно, впрочем, естественное, на лице второй. Сольский празднует пятидесятилетний юбилей и получает графский титул. Он и неустанно интригующая жена его ликуют. Ванновский, претендовавший на такое же отличие, но не получивший его, как говорят, потому, что его сыновья негодяи, ходит, как в воду опущенный. После обедни и принятия дипломатического корпуса дамы целуют руки императриц, так что итог проведенного дамами на этой службе времени (с 11 до 3-х часов) составляет четыре часа, в течение коих высочайшие особы получают плотный завтрак, а дамы чашку шоколада с пирожком.

Накануне умер Э. Д. Нарышкин, сын знаменитой Марии Антоновны Нарышкиной, любовницы императора Александра I, которая разошлась с ним, влюбившись в Гагарина, настоящего отца Эммануила Дмитриевича. Последний был одним из последних представителей русского барства. Благородный, честный, твердый, упрямый, пожертвовавший миллионы на общественную пользу, он оставляет о себе ничем не запятнанную память, что после девяностолетней жизни и по преимуществу жизни великосветской и придворной весьма редко.

2 января. Среда. Бал у моей дочери Бобринской. Встречаю там Витте, который горько жалуется на московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Не имея серьезной подготовки к исполнению своих обязанностей, под влиянием окружающих его лиц и в особенности обер-полицмейстера Трепова (тоже чуждого всяким государственным познаниям офицера) великий князь вбил себе в голову, что для водворения в фабричном мире тишины и спокойствия необходимо дать рабочим все то, на что их подговаривают социалистические учителя. Не входя в существо социалистических учений, Сергей Александрович

¹ Имеется в виду Чакрабон Пуванат.

думает, что проведение принципа, что реформы должны идти сверху, а не снизу, достаточно для разрешения столь сложных и жгучих вопросов, как дарование восьмичасового дня, установление заработной платы правительственной властью, участие рабочих в выгодах фабричных предприятий. По его распоряжению агенты тайной полиции устраивают сходки, на которых избранные для сего профессора читают на эти темы лекции и обнадеживают и без того сильное в рабочем классе брожение. Все это он в интимных с племянником своим разговорах успел провести в его взгляды, так что опасность серьезных усложнении каждый день усиливается влиянием самого правительства.

5 января. Суббота. Алексей Оболенский рассказывает прием, оказанный ему императрицей Марией Федоровной при представлении по случаю увольнения от должности товарища министра внутренних дел. Она стала упрекать его его отставку главным образом ввиду того, что он мог бы представлять Государю дела в настоящем их виде, тогда как Сипягин по чрезвычайной ограниченности ума своего не в состоянии того делать. Оболенский тщетно доказывал ей, что по положению своему – товарища – он доступа к Государю не имел. Представление это происходило в Петергофе, и в заключение его императрица сказала Оболенскому: «Allez, allez chez mon fils et dites lui toute la vérité»¹.

Оболенский пошел от императрицы на представление к Государю и тщетно три раза пробовал объяснить ему причины своего ухода. Государь всякий раз перебивал его на том основании, что все это он уже знает от Сипягина, и заводил речь о другом.

Не так привязывают к себе государи сердца честных людей.

Кстати о Сипягине. На днях он, обедая в яхт-клубе, до того напился пьян, что валялся на полу и, стоя на коленях, крестился и говорил: «Ей-Богу, я не виноват в издержках по дому!..»

В pendant² к доказательству об удачном выборе нынешних министров вспоминаю рассказ Сталя (лондонского посла). Один из сослуживцев министра иностранных дел Муравьева, найдя его в раздумьи, получил такой ответ относительно причины его задумчивости: «Размышляю о том, чем мог бы я рассмешить Государя на завтрашнем докладе».

7 января. Понедельник. Продолжительное заседание в Государственном совете. Соединенные департаменты под председательством графа Палена рассматривают новый проект Уголовного уложения. В этот день

¹ «Идите, идите к моему сыну и скажите ему всю правду» (фр.).

² В дополнение (фр.).

обсуждается глава о преступлениях против веры. Вместо Победоносцева (негодующего на оказываемое ему пренебрежение) является его товарищ Саблер, который в пространной речи настаивает на беспристрастии Синода и отвращении его к насильственным полицейским мерам в сфере религиозных верований, но затем при обсуждении каждой статьи утверждает, что Синод не может допустить вторжения враждебных ему элементов в сферу его деятельности и требует каторги, исправительного дома и т. п. за всякое проявление в какой бы то ни было форме твердого религиозного убеждения, не патентованного Синодом.

На днях в числе членов Финансового комитета представляюсь наследнику Михаилу Александровичу. Вежлив, любезен, приветлив, в мундире и андреевской ленте, усаживает нас и выслушивает кое-какие не совсем удачные заявления Сольского и Витте. При прощании остается в комнате, покуда мы уходим. Уезжая, передаю все эти замечания состоящему при нем полковнику Дашкову, виновнику такого доселе непривычного великим князьям поведения. Дашков отвечает: «Это новое издание».

9 января. Среда. Торжество раздачи наград ученикам в нашем Рисовальном училище. Члены совета: моя жена – председательница, я – ее товарищ, Е. А. Нарышкина, граф Павел Сергеевич Строганов, князь А. С. Долгорукий, И. А. Всеволожский (директор Эрмитажа), граф Бобринской (зять мой), председатель Технического общества генерал Петров, академик М. П. Боткин, а также приглашенные лица: министр финансов, председатель Департамента государственной экономии Чихачев, председатель Общества поощрения художеств Нечаев-Мальцев, много художников, фабрикантов и т. п., равным образом все наши ученики собираются в зале, где служится молебен с провозглашением вечной памяти¹ основателю училища барону Штиглицу, а затем многолетия служащим и учащимся в училище. По окончании молебна переходят в советский зал, где, во-первых, я произношу речь следующего содержания:

«Речь², произнесенная статс-секретарем Половцовым на годичном собрании Центрального Училища технического рисования барона Штиглица
9 января 1902 года

Вступив во второе двадцатилетие своей деятельности, училище наше считает себя вправе представить краткий очерк тех основных побуждений, коим оно обязано своим существованием, тех главных целей, к коим оно стремилось.

¹ «Вечная память» – песнопение, используемое в православном богослужении для торжественного поминовения усопших.

² Лист с напечатанной речью вклеен в дневник.

Красота доступного человечеству мироздания зиждется на гармоническом союзе очертания и освещения. Подражая во внешней своей производительности Божественному творению, человек ищет изящное ее совершенство в сочетании линии и цвета.

Во все времена художество привлекало человека, возвышало дух его, облагораживало чувства, но долгое время составляло удел лишь людей, владевших значительным сравнительно с другими достатком. В истекшем XIX столетии, благодаря многочисленным изобретениям, возвысившим во многих странах экономический уровень народа, художественные предметы сделались доступными гораздо более значительной части населения, и параллельно с этим стало проводиться более резкое различие между чистым искусством и искусством прикладным, различие, заключающееся в том, что чистое искусство служит прежде всего отвлеченному идеалу, тогда как искусство прикладное стремится к достижению изящества форм и красок во всяком предмете, сделанном для удовлетворения столь разнообразных потребностей человека.

Наиболее богатая из европейских стран – Англия – не замедлила явиться научной покровительницей прикладного искусства. Вслед за первой всемирной в 1851 году выставкой выработан учебный план быстро умножившихся рисовальных школ с Кенсингтонским богатейшим на свете музеем образцов всякого рода. Примеру ее последовали другие государства, в особенности Германия.

В нашем Отечестве также нашлись люди, сознавшие пользу художественно-промышленного образования.

Граф Сергей Григорьевич Строганов в бытность попечителем Московского учебного округа учредил Строгановское реальное училище.

В Петербурге Ее Императорское Высочество великая княгиня Мария Николаевна дала новое направление состоявшему под председательством ее Обществу поощрения художников, своей деятельностью блистательно оправдывающее¹ надежды своего основателя, поставив на первый план прикладное искусство. Всем здесь присутствующим известны огромные успехи, достигнутые Обществом на этом пути.

В начале 1876 года барон Александр Людвигович Штиглиц, по примеру отца своего принимавший живое участие в судьбах нашей отечественной промышленности, пожелал уделить на пользу развития художественной ее стороны долю своего достатка.

9 января 1876 года барон Штиглиц был удостоен получением от императора Александра II рескрипта следующего содержания:

¹ Так в тексте.

«Барон Александр Людвигович, министр финансов довел до моего сведения, что в память трудов покойного отца Вашего на поприще промышленности и торговли Вы предложили передать в ведение Министерства финансов капитал в миллион рублей для устройства и содержания в Санкт-Петербурге Училища технического рисования и что Вы желаете, чтобы этому учебному заведению присвоено было Ваше имя.

С удовольствием изъявляя согласие на принятие этого значительного пожертвования и на присвоение предлагаемому Вами учебному заведению наименования «Училище технического рисования барона Штиглица», мне приятно выразить Вам особенное благоволение мое за этот подвиг просвещенной благотворительности Вашей. Всеблагий Господь да дарует Вам возможность узреть плоды доброго дела, Вами предприемлемого, которое навсегда послужит воспоминанием о полезной деятельности Вашей.

Александр».

Так было положено начало существованию нашего училища. Поставленные во главу его деятельности люди проникнуты были сознанием важности предстоящей Училищу задачи; в лице первого директора М. Г. Месмахера они нашли даровитого, ревностного труженика, на твердых основаниях установившего и предстоявшие преподаванию цели, и способы их достижения.

Было время – для людей моего поколения весьма понятное, – когда в числе предметов учения упоминалось рисование, как нечто почти бесполезное, до известной степени причудливое и всецело предоставленное бесконтрольному произволу учителя, нередко взятого из неудачников. Нас заставляли рисовать голову Аполлона Бельведерского¹ или Венеры Медицейской², над которыми мы сидели целые недели, если не месяцы, забывая их всецело как праздную забаву при переходе в более серьезный класс.

Совсем иное место получило с тех пор рисование в ряду знаний, присущих самому элементарному образованию. Воспроизводя формы внешнего мира, изучая законы возникновения этих форм, рисование является выразителем в этой сфере воззрений, впечатлений, мыслей не только живущего, но и отжившего человечества; а если так, то не представляет ли оно особенную важность для нашего Отечества?

¹ Аполлон Бельведерский – римская мраморная копия статуи Аполлона, древнегреческого бога солнца и света; оригинал выполнен скульптором Леохаром.

² Венера Медицейская – мраморная скульптура богини любви, копия утраченного греческого оригинала, выполненная в I в. до н.э.

Географические, климатические, исторические, подчас случайные обстоятельства несомненно тяготеют над трудовой жизнью русского человека в большей, чем над его соседями, степени. Правда, борьба с препятствиями закалила наш народный характер; ведомые нашими державными вождями, мы рядом всяческих побед в течение многих веков неустанно шествуем вперед; обеспечением труда от неправды и насилия создается русское богатство, но дело придания этому богатству художественной формы, можно сказать, еще находится в зародыше.

Облагорожение внешних форм русской производительности, внесение в нее и усиление элемента изящной красоты – вот задача, лежащая в основе деятельности нашего училища.

Собрав в своем музее образчики всех отраслей художественно-промышленных производств, а в своей библиотеке изображения всех наиболее примечательных творений прикладного искусства, преподавая ученикам своим средства оценивать и усваивать наилучшие стороны столь обширной области человеческого творчества, училище стремится направить все это на достижение возможно совершенного изящества в предметах не только исключительной, но и повседневной русской жизни.

Пусть не одни дворцы и палаты останутся хранителями предметов, увеселяющих глаз, возвышающих душевное настроение; пусть, напротив, всякое жилище русского труженика и семьи его озарится светлым лучом искусства, требующим не драгоценных материалов, хотя бы изобилующих в нашей родине, но исключительно общедоступного в исполнении гармонического сочетания линий и красок.

Такова цель стремлений нашего училища. Достигаема ли она? Ответ на это дают соседние залы, наполненные произведениями наших учеников».

Затем председатель Технического общества генерал Петров произносит приветствие училищу. После него Общество поощрения художеств через своего председателя Нечаева-Мальцева представляет адрес, выражающий сочувствие к деятельности сродственного учреждения. В заключение директор Котов читает отчет о деятельности училища, а почетная председательница – жена моя – раздает награды, присужденные лучшим ученикам.

13 января. Город занят большим скандалом. Уже много лет великий князь Павел Александрович состоит в связи с женой адъютанта великого князя Владимира Александровича Пистолькорса. Беспочтенность влюбленных достигла крайних пределов: путешествия и прогулки вдвоем,

обхождение с последнерожденным сыном, носящим фамилию Пистолькорса, и т. п. Все это принималось публикой как выражение совершившегося факта. Нынче летом госпожа Пистолькорс объявила, что великий князь решился на ней жениться и что для сего ею немедленно получен будет развод¹. Великий князь не решался просить об этом Государя.

В день принесения поздравлений великой княгине Ольге Александровне госпожа Пистолькорс явилась с громадным на груди бриллиантовым бантом, которого история была такова: императрица Александра Федоровна завещала его своему внуку, великому князю Алексею Александровичу, который подарил его своей возлюбленной Зине Богарне; от нее по духовному завещанию украшение это досталось сыну Алексея Александровича, графу Белевскому. Находя предмет этот слишком для себя дорогим, [он] пожелал продать его и начал с того, что предложил его Государю, который отказался от покупки, несмотря на то, что вещь эта нравилась императрице Александре Федоровне. Великий князь Павел Александрович, скопивший большое состояние во время своего малолетства, купил эти бриллианты и подарил их госпоже Пистолькорс, с которой состоит в связи уже много лет. Госпожа Пистолькорс (урожденная Карнович), имеющая от великого князя обещание на ней жениться, полагая, вероятно, что близок час, когда она делается членом императорского семейства, возложила на себя этот роскошный бриллиантовый бант в день принесения поздравлений великой княгине Ольге Александровне. На все семейство и в особенности на женскую его часть появление банта произвело удручающее впечатление. Дано было приказание вычеркнуть супругов Пистолькорс из списка приглашаемых на придворные балы, а великому князю Владимиру Александровичу сказано, чтобы уволил из адъютантов столь постыдную личность. Словом то, что всем известно было уже давно, озарилось бриллиантовым светом, соделывающим невозможным продолжение подобного беспорядка.

¹ Сплетни, циркулировавшие в высших кругах, имели под собой реальную подоплеку. Примерно в это же время, 19 января, Николай II записал в дневнике: «<...> имел серьезный и весьма грустный разговор с д[ядей] Павлом относительно его желанья жениться на О.В. П[истолькорс]» (Дневники Николая II. С. 643). В 1901 г. великий князь Павел Александрович пообещал Николаю II не жениться на О. В. Пистолькорс, после чего последняя получила разрешение развестись с мужем. Отношения не прекратились. Вскоре после того, как О. В. Пистолькорс получила развод, великий князь уехал в Италию. 27 сентября 1902 г. они обвенчались в греческой церкви в Ливорно. Великий князь был лишен всех постов в армии, его собственность конфискована. Ему также был запрещен въезд в Россию. Великий князь Сергей Александрович стал опекуном детей брата – Дмитрия и Марии.

Великий князь Павел Александрович объявил, что он женится на госпоже Пистолькорс во что бы то ни стало, бросив, если нужно, все и уехав из России. На семейном совете решено приказать Синоду не допускать развода, о чем Победоносцев и получил от Государя собственноручную записку. После того как весь город наполнился шумом по поводу этой истории, чета Пистолькорсов получила приглашение на придворный бал, но имела благоразумие не появляться.

Почти одновременно произошел другой крупный скандал другого рода: в воскресенье 13 января в газете «Россия» появился фельетон, где под видом провинциального рассказа изображались характеры императоров Николая Павловича, Александра Николаевича, Александра Александровича и ныне царствующего Николая Александровича¹. Злее пасквиля я не видал. Статья была написана неким Амфитеатровым. Приглашаемый к завтраку после обедни, им отслуженной, Янышев рассказал о том Государю, побуждаемый к тому, как слышно, враждой к Амфитеатрову, отцу журналиста, священнику Архангельского собора в Москве. Государь тотчас послал за Сипягиным, который ничего не подозревал. Решено было выслать Амфитеатрова в Нерчинск, а редактора газеты Сазонова – в Псков. Издание газеты приостановилось, статья сделалась известной всем, не обратившим на нее никакого внимания. В народе стали говорить о том, как газетчик царя обругал. Словом, Сипягин распорядился вполне соответственно ограниченности своих умственных способностей.

16 января. Среда. В Государственном совете слушается проект Уголовного положения. В статье о посягательстве на членов императорской фамилии устанавливается для такого преступления смертная казнь. Член Гражданского департамента Гончаров имеет мужество сказать, что нельзя приравнять в этом случае членов императорской фамилии к императору и наследнику престола, а также наказывать за покушение столь же строго, как за совершение преступления. Его заявление не вызывает ничего иного, как гробовое молчание и возражение со стороны государственного секретаря Плеве на ту тему, что все члены императорской фамилии столь дороги сердцу Государя и священны русскому народу, что в этом случае нельзя отделять их от Государя. Закон

¹ Газета «Россия» создана А. В. Амфитеатровым и В. А. Дорошевичем в 1899 г. 13 января 1902 г. в ней был опубликован упомянутый Половцовым фельетон «Господа Обмановы», в героях которого читатели без труда узнали представителей императорской фамилии. Газета сразу же была закрыта, автор фельетона Амфитеатров отправлен ссылку.

этот, давно существующий, Плеве не считает опасным уже потому, что не было примера покушения на членов императорского дома.

Возмущенный наглой подлостью, отличающей господина Плеве, я выступаю на защиту Гончарова и говорю, что обнародованное 5 апреля 1797 года «Учреждение об императорской фамилии» было написано в 1788 году Павлом Петровичем при отъезде его на войну со Швецией; что в то время у Павла Петровича было лишь два сына и этим ограничивалась императорская фамилия; что я участвовал в 1886 году в составлении нового «Учреждения об императорской фамилии»¹ и что в то время категорически заявлено было предположение (мое) о выделе потомкам императоров в пятом поколении майоратов из удельных земель, так, чтобы эти светлейшие князья почти выходили из царского семейства.

Неужели такая статья закона должна бы распространяться и на них? Таганцев, поддерживая мое мнение, настаивает на необходимости назначить различные наказания за покушение и за совершение преступления. Председатель граф Пален заявляет, что для обсуждения этого вопроса будет им созвано специальное совещание.

17 января. Четверг. В Департаменте экономии слушается дело, внесенное Дурновым из совещания о воспособлении дворянства, дело² об учреждении дворянских касс самопомощи. Опасаясь, что предположения совещания будут отвергнуты Государственным советом, Дурново вносит дело с резолюцией Государя, повелевающего Совету иметь в виду «необходимость выдачи из Государственного казначейства каждой кассе самопомощи суммы, равной той, которая будет вноситься каждой из таких касс». При этом говорится, что всякое экстраординарное пособие будет назначаться самим Государем.

Приступая к обсуждению этого дела, председатель Сольский по обыкновению ставит вопрос о том, не имеет ли кто-либо из членов желания высказать общие по этому делу соображения. Я говорю, что необходимо определить пределы, в коих дело это подлежит рассмотрению; что, по моему мнению, высочайшая резолюция, состоявшаяся по докладу Дурново, определительно выражает высочайшую волю, чтобы такие кассы существовали и чтобы им отпускались определенные средства из Государственного казначейства; что таким образом и факт их существования, и указание средств, для существования их потребных, уже не подлежат ни сомнению, ни обсуждению Совета, который может обсуждать

¹ См. комментарий 5 за 1897 г.

² Так в тексте.

лишь порядок выдачи и возврата ссуд, то есть, так сказать, внутренний делопроизводственный порядок этого учреждения. Дурново начинает оправдываться в том, что он внушил такую резолюцию. Сольский заявляет, что он по праву председателя признает, что дело подлежит полному, без всякого ограничительного стеснения рассмотрению, прибавляя, что Государь ему сказал, что так надо понимать эту резолюцию.

Я отвечаю, что я считаю долгом подчиниться такому заявлению председателя.

Возбужденный мной инцидент, по-видимому, остается безрезультатным, но в действительности он имеет ту выгоду, что господа министры, которые забегают к Государю и испрашивают специальные высочайшие повеления, чтобы защититься силой от свободного в Совете высказывания взглядов, будут знать, что если Государственный совет имеет ныне государственных секретарей и председателей, забывающих свой долг, то еще и в среде членов могут находиться люди, готовые выступить на защиту свободы высказывания мнений в том виде, как она предоставлена Совету самим его учреждением.

Бал у графа Орлова-Давыдова в его доме на Сергиевской улице. Присутствуют император и императрица, а также вся императорская фамилия. Государь разговаривает со мной о назначении общего собрания нашего Исторического общества, о последних его трудах, в особенности о последнем томе, печатаемом в Париже и включающем дипломатическую переписку русского и французского правительств после возвращения Бурбонов. Обещаю прислать ему том с отметкой заслуживающих внимания страниц.

18 января. Пятница. В Соединенных департаментах рассматривается дело о церковно-приходских школах по представлению Победоносцева, который, благодаря личному своему влиянию, создал себе обособленное от всего остального управления клерикальное Министерство народного просвещения, а теперь требует законодательного утверждения своей затеи. При рассмотрении каждого отдельного параграфа члены Совета стараются ослабить эту безответственную замкнутость, но я ставлю корнем вопрос о необходимости объединения дела начального в России просвещения, а не усиления ведомственной розни, подрывающей в населении доверие к правительственным в сфере народного просвещения мероприятиям. Не находя поддержки в представителе Министерства народного просвещения – товарище министра¹, – упрекаю его в том

¹ Имеется в виду С. М. Лукьянов.

и получаю такой ответ: «Да помилуйте, о чем нам хлопотать, ведь Победоносцев для нас работает. Много ли ему жить? Посмотрите на него. Чрез года два-три умрет, а тогда, конечно, все дело передадут нам».

21 января. Понедельник. В 2 ½ часа заседание Финансового комитета на квартире у нового графа, которого кто-то прозвал графом Скользким. Впервые присутствует наследник великий князь Михаил Александрович, весьма скромно и любезно себя ведущий. Обсуждается лишь одно дело, да и то довольно пустое: о выдаче дополнительного вознаграждения за выкупленную правительством сеть Юго-Западных железных дорог. Витте ходатайствует о том для восстановления хороших отношений с берлинской и амстердамской биржами ввиду предстоящего нам железнодорожного займа. Я соглашаюсь, но считаю необходимым включить в журнал соображения и другого свойства, а именно: упомянуть, что происходившее в Комитете министров разномыслие не исключает возможности разрешения дела судом не в пользу Министерства финансов, что должно подкрепить желание окончить дело миром. Государственный контролер настаивает на том, чтобы министр юстиции дал заключение в пользу Министерства финансов и что остается сожалеть о том, что дело рассматривается не в Сенате, потому что тогда дело было бы предрешено. Я возражаю, что министр юстиции не имеет голоса судьи, что по нашим законам он лишь организатор правосудия и наблюдатель за действиями его органов. Тернер поддерживает Витте на том основании, что если строго законная справедливость не на стороне акционеров, то «*équité*»¹, несомненно, в их пользу. Сабуров пробует заявить желание, чтобы предполагаемая выдача (два с половиной миллиона) была отнесена на двенадцатимиллионный фонд, ассигнуемый на чрезвычайные расходы, утверждая, что фонд этот надо беречь для других целей, а что ассигнование непредвиденных сметой расходов ничего исключительного не представляет и Государственный совет узнает о таких расходах впоследствии из отчета государственного контролера!.. При голосовании великий князь Константин Константинович категорически заявляет, что с мнением Витте не согласен, потому что могли быть акционеры, дешево купившие акции и теперь выигрывающие от дарования неожиданного вознаграждения. Я ему замечаю, что между человеческой и Божеской справедливостью великая разница и что принятие высказываемого им принципа сделает затруднительным, если не невозможным,

¹ «Справедливость» (фр.).

рассмотрение какого бы то ни было дела. Как все ограниченные люди, он не приводит аргументов, но упирается в своем мнении. Наследник весьма мило говорит, что он затрудняется дать какое-либо мнение. Все заседание происходит *ad usum Delphini*¹.

Заезжаю к хворающему Муравьеву, который сообщает об устрашающих сведениях, получаемых им со всех концов России от лиц прокурорского надзора.

Вечером у дочери Анны. Превосходно играет польский скрипач Барцевич.

26 января. Узнаю о министре юстиции Муравьеве следующее: прокурор петербургского окружного суда, благороднейший и честнейший человек, произвел дознание о злоупотреблениях градоначальника Клейгельса и пришел к заключению, что он и ближайšie к нему подчиненные подлежали бы ссылке на поселение. Муравьев собрал у себя: товарища министра, директора Департамента министерства юстиции, прокурора судебной палаты и прокурора окружного суда. По выслушании мнения Лопухина Муравьев предложил присутствующим высказать свое мнение. Все высказались за предание суду, но прокурор судебной палаты прибавил, что Клейгельс пользуется таким доверием Государя, что подвергнуть его ответственности будет иметь последствием увольнение Муравьева от обязанностей министра юстиции. Тогда Муравьев, приняв задумчивый вид, сказал: «Увольнение мое теперь, в то время, как я вношу в Государственный совет предположения мои о переустройстве судебной части, нанесло бы великий вред судебному делу. Нечего делать, надо прекратить дело о злоупотреблениях Клейгельса».

26 января². (Со слов Витте) После обычного еженедельного доклада в пятницу, 18 января, Государь пригласил Витте прийти в тот же день в 2 ½ часа. Являсь в назначенное время, Витте застал в Зимнем дворце министров внутренних дел Сипягина и государственных имуществ — Ермолова. В присутствии их Государь объявил Витте, что решил назначить комиссию для исследования нужд сельскохозяйственной промышленности под председательством Витте. «Я назначил Вас председателем потому, что если Вы этого не сделаете, то никто этого не сделает». При этом Государь передал Витте собственноручно написанные четыре пункта, которые с ничтожным впоследствии редакционным изменением и поставлены в основу существования комиссии, а именно:

¹ «Для использования дофином», т.е. наследником (*лат.*).

² Так в оригинале.

1) Для выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности и соображения мер, направленных на пользу этой промышленности и связанных с ней отраслей народного труда, образовать Особое совещание под председательством министра финансов из министров: земледелия и государственных имуществ, внутренних дел и других лиц, по избранию Его Императорского Величества;

2) Предоставить председателю Особого совещания право приглашать к участию в его занятиях с правом совещательного голоса всех тех лиц, мнение коих оказывалось бы полезным выслушать в Совещании;

3) Предоставить Совещанию для ближайшей разработки вопросы, подлежащие его суждению, образовать подготовительные комиссии в составе и на основаниях, имеющих быть установленными сим совещанием;

4) Предоставить председателю Особого совещания заключения сего совещания представлять на благоусмотрение Его Императорского Величества для дальнейшего направления их согласно высочайшим Его Императорского Величества указаниям;

Во вторник, 22-го, Витте был у Государя для представления списка членов и между прочим назвал меня, на что Государь выразил свое одобрительное согласие. В четверг Витте снова был у Государя и имел с ним относительно комиссии приблизительно следующий разговор:

«Получив от Вашего Величества повеление председательствовать в этой комиссии, я не стану, как это обыкновенно в таких случаях бывает, сослаться на мое здоровье, на множество занятий, на трудности принятия на себя нового дела, но должен остановить внимание Ваше на том, как я мало имею надежды на достижение успеха, и если я равнодушен к обвинениям, которые посыплются на меня за такую безрезультатность со стороны публики, то не могу быть равнодушным к тому, что Ваше Императорское Величество обо мне подумаете. Какие меры могут быть направлены на пользу сельскохозяйственной промышленности в тесном смысле: прежде всего, конечно, является мысль о материальной, денежной помощи; может быть оказана помощь сложением некоторых казенных сборов, но возможно ли уменьшение бюджетных сил при постоянно увеличивающихся требованиях военного и морского ведомств? Вам известно, что после сведения росписи назначена Комиссия под председательством великого князя Михаила Николаевича о перевооружении и на первом заседании этой комиссии мне заявлена необходимость ассигнования ста двадцати миллионов. Если бы Вашему Величеству угодно было объявить манифестом, что военные силы России сокращаются на треть или четверть, то, конечно, тогда

нашлись бы на все деньги. Но по положению мирной войны, знаменуемой постоянно усиливающимися в Европе вооружениями, едва ли такая мера была бы признана удобоисполнимой.

Другое облегчительное для сельскохозяйственной промышленности средство могло бы заключаться в понижении тарифных ставок, но это значило бы наносить удар другим отраслям промышленности; это было бы похоже на то, если бы, имея двух сыновей, сечь одного, чтобы доставить удовольствие другому. Конечно, сельскохозяйственной промышленности принесло бы пользу распространение просвещения среди его деятелей, но это входит в задачи министерства народного просвещения и, конечно, не может подлежать ведению комиссии. Сельскохозяйственная промышленность составляет занятие девяти десятых русского населения, первое условие ее усовершенствования заключается в коренном изменении положения этих девяти десятых населения. Им должна быть дана несравненно большая, чем теперь, свобода и независимость действий. На крестьян законодательство наше смотрит, как на малолетних, требующих постоянной и усиленной опеки. При таком порядке не может процветать энергичный, успешный труд. Не может он процветать, когда крестьянин не знает, чем и на каком праве он владеет, какие его гражданские права, личные, имущественные. Этот вопрос, требующий прежде всего разрешения для желающих улучшить русское сельское хозяйство. Но ведь он не будет подлежать рассмотрению Совещания, потому что на днях назначена Комиссия о пересмотре Положения 19 февраля 1861 года (?)¹ под председательством министра внутренних дел». Государь: «Это отдельное дело, порученное Сипягину». Витте: «Но как же возможно, Государь, чтобы, созывая совещание из избранных Вами лиц, преимущественно взятых из среды высших сановников, и поручая им коллегиально обсуждать выделенный для них вопрос об улучшении сельского хозяйства, одновременно были предоставлены бюрократическому изучению и разрешению коренные, гораздо более важные вопросы. Эти вопросы могут получить надлежащее разрешение только в том случае, если Вы сами станете во главу этого дела, окружив себя людьми, для того избранными. Если бы дед Ваш, император Александр II, не поступил так в деле освобождения крестьян, то мы бы до сих пор сохранили крепостное состояние. Единоличное бюрократическое решение подобных дел невозможно. В настоящее время рассматривается в Совете дело о введении земских учреждений в Западном крае. Значительное большинство отвергает предположения министра

¹ Так в оригинале.

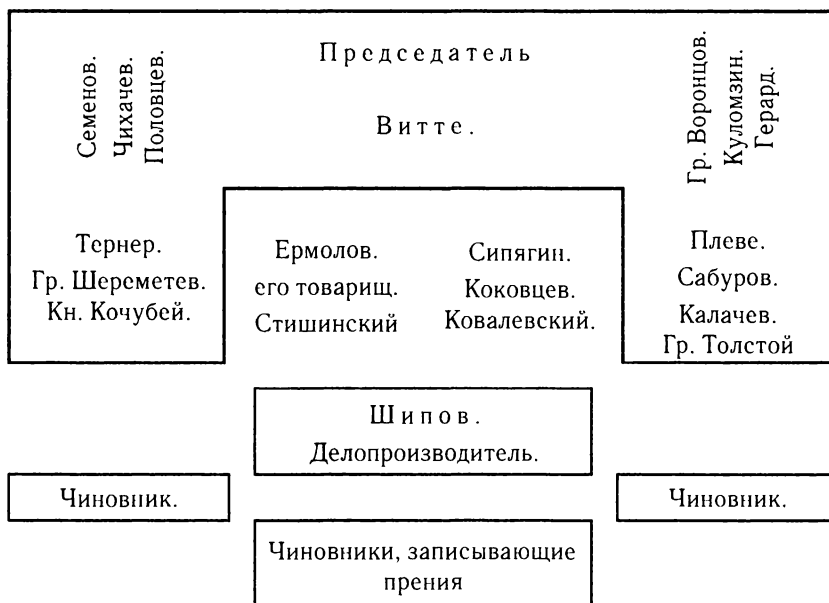
внутренних дел. Если Вашему Величеству угодно принять мнение меньшинства, то это не представит никаких неудобств, потому что проект так написан, что можно завтра ввести выборное земство и передать ему права, даваемые ныне проектируемому земству, но в вопросе крестьянском нельзя будет не считаться с таким большинством».

Выслушав все это, Государь сказал Витте: «Приходите ко мне завтра и повторите все это в моем присутствии Сипягину».

На другой день свидание это произошло. Сипягин очень горячо отстаивал права председательствуемой им комиссии, и в устранение этого возникшего между (доселе) друзьями [разногласия] условлено, что все вопросы, выходящие из сферы улучшения сельского хозяйства, будут во всей полноте обсуждаться в совещании и впоследствии заключенные будут представляться Государю, получая от него дальнейшее направление.

ФЕВРАЛЬ

2 февраля. Первое заседание «Совещания». Собираются в 9 часов вечера в здании Министерства финансов, в зале Совета (с Мойки). За большим столом под портретом Государя усаживаются члены в таком порядке:

Заседание началось с заявления председателя о том, что необходимо прежде всего установить программу занятий с перечислением вопросов, подлежащих обсуждению совещания. Предметы эти, по мнению председателя, распадаются на две категории, а именно: вопросы, касающиеся исключительно сельского хозяйства и могущие быть разрешенными властью совещания, и вопросы, в коих улучшение сельского хозяйства стоит в зависимости от изменения порядков государственного управления и законодательства. По этой второй категории совещанию принадлежит право полнейшего во всех отношениях обсуждения, но с тем, чтобы могущие последовать прения и заключения вносились в протокол и подносились через председателя на высочайшее усмотрение для дальнейшего, по высочайшему указанию, направления.

Сипягин заявляет, что он вполне согласен с Витте и что, конечно, вопросы, имеющие отношение к предметам ведомства председательствуемой им комиссии о пересмотре Положения 19 февраля 1861 года, по рассмотрению их «совещанием» будут передаваемы в его комиссию, которая и будет принимать их во внимание (sic).

Сабуров и Тернер начинают говорить о том, что, конечно, первым основанием нашего совещания должно быть дарование крестьянскому населению прав личных и имущественных.

Витте останавливает их, потому что теперь подлежит рассмотрению только вопрос о программе.

Куломзин что-то объясняет о потребностях северной части России, к которой он принадлежит как помещик Костромской губернии.

Ермолов (чувствуя, что он как министр земледелия сильно задет учреждением совещания) произносит длинную речь о том, какими свойствами отличаются те или другие вопросы сельского хозяйства, разделяет их на экономические и технические; утверждает, что последние сделали большие успехи (конечно, благодаря ему), а что экономические зависят от общих условий государственного и административного строя. Все это он произносит взволнованный, пытаясь, и очевидно под влиянием собранного им совета главнейших чиновников его министерства, до глубокой ночи обдумывавшего средства защититься от надвинувшейся тучи.

Ковалевский по вызову Витте излагает свои мысли о программе, составление которой и возлагается на него.

Я прошу установить, что установление выработка¹ программы с разделением на категории предметов, имеющих подлежать обсуждению Совещания, не² созидать между этими категориями перегородок, не могущих

¹ Так в оригинале.

² Так в оригинале.

раздаваться, когда при дальнейших суждениях явится необходимость обсуждения предметов, непредвиденных или не вполне предвиденных программой.

На заявление Витте, что это само собой разумеется, я отвечаю, что прошу мою оговорку внести в журнал.

После единогласного принятия присутствующими необходимости программы председатель переходит ко второму вопросу: о порядке и ходе занятий. Он предлагает поручить заведующему делопроизводством Совещания (директору его канцелярии Шипову) по каждому вопросу собирать все материалы, имеющиеся в различных министерствах; затем составлять монографии со включением в них всего, что члены совещания пожелают с своей стороны представить; самое же обсуждение производить при участии вызванных для сего лиц, обладающих техническими по каждому вопросу сведениями.

Предложение это, конечно, принимается без возражений. Тогда председатель предлагает третий вопрос: о посылке на места исследований; но за поздним временем обсуждение третьего вопроса отлагается до следующего заседания.

5 февраля. В 3 часа в Зимнем дворце у Государя. По выходе из его кабинета ташкентского генерал-губернатора Иванова вхожу туда я, и между Государем и мной происходит приблизительно следующий разговор.

Я (усевшись на стуле по другую сторону рабочего стола) докладываю о том, что Историческим обществом сделано за истекший 1901 год, упоминаю о том, что предполагается сделать в 1902 году, перечисляю должествующих быть переизбранными членов совета и в заключение говорю, что совет предлагает к избранию в члены Общества Платонова и Чечулина, из коих первый работает для словаря, а второй уже напечатал два тома на буквы «И» и «К».

Государь: «Я тоже имею предложить кандидата – московского профессора Павлова».

Я: «Слушаюсь. Угодно Вашему Величеству, чтобы я передал это желание Ваше совету, который и внесет его в список предлагаемых советом общему собранию кандидатов?»

Государь: «Нет, уж дайте мне его предложить».

Я: «Слушаю-с. Но позвольте мне, Государь, по этому случаю высказать пред Вами положение нашего общества. Оно основано тридцать шесть лет тому назад покойным Государем с мыслью положить конец тем недостойным нападкам, коим и в отечественной, и в заграничной прессе подвергалась наша история, правительство России, заслуги

Ваших предков. Цель эта обществом достигнута: отпечатанные доселе сто двенадцать томов, наполненные не подлежащими сомнению в авторитетности их документами, рассеяли клевету, сделали ее невозможной. Никакой серьезный исторический труд сделался невозможным без нашего сборника. Тома эти печатались благодаря интересу, который принимал в них покойный Государь. Он, ласково принимав наших ученых сочленов, словом, а подчас и делом помогал им. Теперь я не смею утруждать Вас и делаю, что могу, но средства мои очень ограничены. Они заключаются почти исключительно в том, что в члены общества поступают лишь на пользу общества потрудившиеся лица. Если на будущее время будет отступлено от этого, то я не знаю, как пойдет дальше печатание нашего сборника. Позвольте мне в виду сего переговорить с графом Шереметевым с тем, чтобы он снесся с Павловым и получил его согласие на принятие на себя труда в московском архиве Министерства иностранных дел, где у нас постоянно идут работы».

Государь изъявляет на то согласие и удовольствие, что дело будет мной таким образом устроено.

Я заявляю, что представляю том словаря на букву «П», и прошу Государя обратить внимание на биографию Пестеля, который был душой заговора 14 декабря и с именем коего я поэтому связал всю историю этого заговора. По истечении скоро ста лет я не вижу необходимости ничего скрывать, а, напротив, настало время высказать всю истину. Декабристы не были разбойниками и не составляют в этом смысле пятна на русском дворянстве; то были заблудившиеся, увлекавшиеся молодые люди, которых пребывание в революционной Европе окончательно сбilo с толку. Император Александр I, когда ему говорили о существовании заговора, отвечал: «Как же я буду их наказывать, когда я сам имел такие же убеждения?» Меня, пожалуй, станут обвинять в революционерстве за то, что я дал столько места биографии Пестеля, но ведь словарь мой не содержит имена одних добродетельных людей – в нем будет и биография Пугачева.

Покончив с Историческим обществом, напоминаю о рисовальном своем училище, которое не может добиться получения обещанного ему двадцать пять лет тому назад центрального здания Соляного городка, выходящего на Фонтанку. Предлагаю поручить министру финансов созвать совещание из представителей различных ведомств, в Соляном городке владеющих помещениями, и доложить Государю о результатах такого совещания. Государь поручает мне передать Витте, чтобы доложил о том Государю.

Затем благодарю Государя за выраженное им мне доверие назначением меня членом Совещания о нуждах сельскохозяйственной

промышленности. Он молчит и, очевидно, не желает говорить об этом предмете.

Тогда прошу позволения выяснить следующее обстоятельство: прошлой весной великий князь Михаил Николаевич предлагал мне быть назначенным председателем Гражданского департамента, но я не считал возможным принять этот пост, потому что никогда не служил в судах, образованных по закону 1864 года¹, а, следовательно, не мог и принимать на себя обязанностей, при исполнении коих мне пришлось бы теперь председательствовать при рассмотрении обширных проектов, внесенных в Государственный совет министром юстиции Муравьевым. Впоследствии мне сообщено было, что предложение поста председателя Гражданского департамента сделано было с Вашего, Государь, согласия и что Ваше Величество были недовольны моим отказом.

Государь: «Ничего я об этом не знал и никакого против вас неудовольствия не имел».

Я: «Не подумайте, Государь, что я слышал это от великого князя Михаила Николаевича. Он в полном смысле perfect gentleman², и ему можно вполне верить. Сообщение это было сделано мне государственным секретарем Плева. Я очень счастлив тому, что Вы изволили мне сказать, и могу лишь повторить то, что заявлял Вам три года тому назад в Петергофе. Всякое дело, которое Вы признали бы нужным мне поручить, я всегда приму».

На этом расстаемся.

9 февраля. Суббота. Заседание сельскохозяйственного совещания³.

Председатель Витте. Сегодня подлежит обсуждению вопрос о порядке собрания на местах сведений, кои представляются нам необходимыми. Министр внутренних дел имеет сделать по этому предмету предложение.

Сипягин. Я полагал бы назначить в каждой губернии совещание под председательством губернатора из вице-губернатора, председателя казенной палаты, губернского предводителя дворянства, председателя губернской земской управы. Такое совещание будет в состоянии ответить на все поставленные ему вопросы о сельском хозяйстве.

¹ Имеется в виду судебная реформа 1864 г., в соответствии с которой был введен суд присяжных заседателей и присяжных поверенных. Реформа обеспечила гласность, состязательность и бессловность судопроизводства. Реформой устанавливались также следующие принципы: независимость судей, отделение судебной власти от обвинительной и др.

² Истинный джентельмен (*англ.*).

³ Речь идет о Совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Председатель: «Имеет ли кто-либо из членов сказать что-либо по сему предмету?» (Молчание.)

Я: «Я нахожу, что предлагаемая министром внутренних дел мера, конечно, имеет свои выгодные стороны. Таким порядком создается губернская коллегия, которая будет в состоянии представлять в центр всякие могущие потребоваться сведения не только для нашей комиссии, но и для всякой другой комиссии, например, для комиссии, состоящей под председательством министра внутренних дел, и такое единообразие действий в сфере двух различных министерств было бы редким в этом отношении фактом. Но мне кажется, что по скромности задачи, подлежащей нашей комиссии, задачи, не имеющей ничего государственного, политического, а исключительно земледелие, нам следовало бы поближе подойти к земле и ее возделывателям и, согласно этому, искать не в губернском городе, а в уезде людей, могущих дать нам ответы. Мне бы казалось, что прежде всего надлежало бы обратиться к уездному предводителю и лицам по его указаниям, предпочтительно землевладельцам.

Сипягин восстает против моего предложения, в особенности против права касаться того, каким способом собирания сведений он будет действовать в своей комиссии.

Витте поддерживает Сипягина против меня.

Сенатор Калачев выступает энергичным защитником моей мысли и настаивает на необходимости организовать уездные комиссии, составленные под председательством уездных предводителей из членов уездной земской управы с приглашением для дачи объяснений не только землевладельцев, но и крестьян.

К нему присоединяется большинство членов, из коих Тернер доходит до того, что полагает излишним сохранить губернскую коллегия.

Витте опровергает это слишком смелое предположение, но, видя, что его приятелю Сипягину приходится не по силам тяжело, утверждает, что [при] рассмотрении существа того, что будет требоваться от местных людей, выяснится то, к кому следует обращаться, переходит к этому, разъясняет, что местным людям будет послана программа занятий, больше ничего, а в заключение лишь вскользь упоминает, что будут устроены уездные комиссии, ответы коих через губернские совещания будут доходить до нас.

Спрошенный им почему-то Плеве говорит, что уездные комиссии дадут лишь «увеличение разговорного материала» (sic), а затем предлагает предоставить соглашению Витте и Сипягина требование сведений, от кого они захотят, в губерниях, где не существует выборных учреждений.

В заключение Витте объявляет, что таким образом должен почесться решенным вопрос о том, что требование сведений будет делаться рассылкой программы, а также решено, что будут устроены и губернские, и уездные комитеты для представления совещанию сведений.

Таким внезапным со стороны председателя заявлением оканчивается прение по этим вопросам, и Сипягин остается выгороженным от начавшейся, нелегкой для него, критики его проекта губернской коллегии.

14 февраля. Заседание общего собрания Исторического общества в Зимнем дворце в Малахитной гостиной, под председательством Государя (см. «Правительственный вестник» № 39¹). Чувствуется равнодушие юного монарха, совершающего обряд, навязанный ему уважением к памяти своего отца, сколько-нибудь живого, теплого, человеческого все меньше и меньше. Не такие характеры могут успешно водить людские массы. Да хранит провидение от бед Отечество наше.

21 февраля. Четверг. В Москве 19 февраля великий князь Сергей Александрович разрешил рабочим праздновать день освобождения крестьян, не только дозволил им толпами с музыкой проходить по городу и у памятника Александра II служить панихиду, но сам участвовал в этом шествии. По этому поводу, придя в новый клуб и застав там великого князя Владимира Александровича, говорю ему следующее: «А в Москве генерал-губернатор экзерцирует толпу, приучая ее к массовым уличным демонстрациям. Для рабочих устроены клубы, в которых они собираются для обсуждения средств достижения своих целей. Всем этим руководит некий Зубатов. А кто этот Зубатов — спросите здесь стоящего Ивана Николаевича. (Дурново удаляется к окну и смотрит на Неву, чтобы выйти из неприятного положения.) Я скажу Вам, кто этот Зубатов, — это полицейский агент, оказавшийся агентом социалистов, а теперь попавший снова в милость [к] великому князю и уверивший его, что единственное средство сохранить [спокойствие] среди рабочих заключается в удовлетворении их требований реформами сверху, не ожидая насильственного движения снизу. В чем именно заключаются требования — этого никто не разбирает».

Великий князь, смущенный таким неожиданным заявлением, предлагает приняться за вист. После обеда, воспользовавшись отсутствием свидетелей, продолжаю: «Ваше Высочество, те отношения, которые Вы установили со мной в течение сорока лет, обязывают меня говорить

¹ Так в оригинале.

с Вами так откровенно, как никто этого не сделает. События надвигаются грозно. Неудовольствие, неуважение к правителям растет и выражается в неслыханных формах. Известно ли Вам, что запрошенный по поводу последних университетских буйств в Киеве Драгомиров отвечал, что он не решился дать войскам приказание стрелять, потому что офицеры заявили, что, вероятно, солдаты их не послушают и что во всяком случае они, офицеры, на следующий после такого приказания день не выведут более войск из казарм!.. Знаете ли Вы, Ваше Высочество, что уличной толпой предводительствовали переодетые унтер-офицеры местных войск с красными знаменами в руках?.. Вскоре не станет войска, и то же самое повторится в Петербурге. Великий князь Павел Александрович уехал за границу. Кому Вы поручили в его отсутствие командование гвардейским корпусом?» Владимир Александрович: «Дивизионному генералу Евреינוву». Я: «Не знаю его, но желаю, чтобы он был на высоте, требуемой этим политическим постом. Все петербургские скандалы известны в малейшем провинциальном закоулке, да еще в преувеличенном виде. От мала до велика всякий громко твердит, что так продолжаться не может и что конец нынешнему правительству близок. В эту минуту в клубе человек двадцать членов, из коих ни один не скажет Вам того, что я говорю, но кои поголовно во взаимных разговорах все повторяют то, что я Вам высказываю. Государь при наилучших пожеланиях не имеет никаких твердых взглядов. Среди окружающих его лиц нет ни одного, понимающего серьезность положения и имеющего ясное понятие, что надо делать. Сипягин, коему он доверяется, человек крайне ограниченный, самолюбивый, тщеславный и необразованный. Положение с каждым днем делается более и более не только серьезным, но грозным».

22 февраля. Пятница. Спектакль в Эрмитаже. Сначала глупенький водевиль «Les deux timides»¹, потом «Моцарт и Сальери» – пушкинский текст, переложенный на музыку Римским-Корсаковым. Поет Шаляпин, замечательный по объему голоса и таланту артист, вышедший из сапожных подмастерьев, а потом архиерейских певчих. Кончается представление пантомимой уже чересчур наивной. После спектакля ужин в музейных залах. Обе императрицы ужинают в зале итальянской школы. Каждая председательствует за круглым столом. Мне приходится сидеть за столом императрицы Марии Федоровны, возле которой сидят по правую сторону: эмир бухарский², только что получивший

¹ «Двое робких» (фр.).

² Имеется в виду Сеид Абдул Ахад-хан.

владимирскую ленту и генерал-адъютантские аксельбанты, графиня Строганова, я и графиня Кутузова; по левую же: граф Пален, графиня Воронцова, Рихтер, графиня Пален. Тотчас после ужина начались танцы в эрмитажном павильоне, откуда я после продолжительного разговора с весьма милой и нравственно порядочной Е. А. Нарышкиной уезжаю домой в конце второго часа.

23 февраля. Суббота. Вечернее заседание Совещания для обсуждения журнала, то есть вышеупомянутых здесь замечаний Герарда и Чихачева, которые настаивают на том, что невозможно заранее распределить вопросы на сельскохозяйственные и общегосударственные. Я предлагаю включить в журнал, что в каждом данном случае Совещание разрешает сомнение о том, в которую из двух категорий должен быть включен подлежащий обсуждению вопрос. Этим дополнением журнала все присутствующие удовлетворяются.

25 февраля. Понедельник. Вечером. После обеда у Куракиных еду к Чихачеву, где вместе с Герардом и Семеновым обсуждаем проект журнала Совещания, в коем устанавливается принципиальное различие между вопросами сельскохозяйственными и общегосударственными, изъемя последние из сферы практического обсуждения их Совещанием, а с предоставлением сему последнему высказывать пред Государем свои взгляды на эту категорию вопросов. Такое теоретически установленное различие может дать председателю право изъять из обсуждений Совещания любой сколько-нибудь важный вопрос.

27 февраля. Среда. Захожу к великому князю Михаилу Николаевичу, которого застаю весьма опустившимся, грустным. Как всегда, всего более его занимают его семейные дела или, правильнее, разнообразные выходки детей. Собирается уехать в Канн, погостить две недели у дочери, а потом перебраться в Баден-Баден, где его *beau-frère*¹ празднует юбилей своего царствования². На все, что творится в Петербурге, не вникая вглубь, смотрит с сожалением и равнодушием, вытекающим из убеждения, что помочь ничем нельзя, а в сущности всегда так было, а потому, вероятно, всегда так и будет. Не вхожу с ним ни в какие серьезные разговоры.

¹ Beau-frère – здесь: шурин (брат жены) (*фр.*).

² Имеется в виду брат жены великого князя Михаила (великой княгини Ольги Федоровны) Фридрих I Баденский, праздновавший пятидесятилетие начала правления.

28 февраля. Четверг. В 2 часа в Аничковом дворце у великого князя наследника заседание Финансового комитета, который обыкновенно собирается у председателя Сольского, на этот раз отсутствующего вследствие отъезда к принцу и принцессе Ольденбургским, находящимся в воронежском своем имении, где принц выдерживает операцию.

Комитет финансов, представлявший прежде интимное собрание небольшого числа избранных Государем лиц, могущих по положению и компетентности своей высказывать ему правду о проектируемых министром финансов мероприятиях, ныне обращается все более и более в многочисленное сборище чиновников, безмолвствующих пред всемогущим Витте. На этот раз речь идет о займе в сто восемьдесят семь миллионов, именуемом реализацией вознаграждения от Китая за причиненные нам последними смутами убытки. Такую форму министр финансов находит предпочтительной пред выпуском обыкновенных железнодорожных облигаций вследствие теперешнего насыщения облигациями германского рынка. Я настаиваю на том, что выставляемые министром финансов препятствия имеют характер временный, и что железнодорожные облигации всегда будут охотно разбираться в Германии по теперешним условиям европейского рынка, а этот факт я считаю весьма важным, потому что не вижу впереди возможности строить железные дороги на превышение доходов над расходами и при столь тяжелых условиях русской производительности, при столь затруднительных средствах помочь, железнодорожное строительство представляется мощным и доступным к тому средством, уже доказавшим в последние тридцать лет, в какой степени оно влияет на умножение народных и государственных доходов.

Никто мне не возражает, но государственный контролер Лобко замечает, что я выхожу из пределов обсуждаемого дела. Я считаю нужным оговориться, что, состоя двадцатый год членом Финансового комитета, я привык обсуждать вопросы не в тесных рамках сегодняшнего дня, а думать и о завтрашнем дне.

Молодой хозяин дома очень внимательно и с любопытством слушает прения о предметах, доселе совершенно для него новых. Он крайне предупредителен к присутствующим, так что, когда понадобилась для подписания журнала чернильница, то он сам принес ее из соседней комнаты. Уходя, я говорю ему, что пришлю для прочтения вновь напечатанный мной в Париже том дипломатической между Россией и Францией переписки, отметив, как я сделал это для Государя, те страницы, кои заслуживают его внимания, но с просьбой непременно прочитать эти страницы. Он отвечает: «Обещаю Вам прочитать. Можете после меня проэкзаменовать».

МАРТ

3 марта. Воскресенье. Во втором часу дня на Невском проспекте, около Публичной библиотеки и Гостиного двора бунтует толпа рабочих, предводительствуемых учащейся молодежью с красными знаменами. Жандармы, казаки, полиция с нагайками окружают толпу и арестуют главных бунтовщиков, как слышно, в числе ста двадцати четырех человек.

4 марта. Понедельник. Приезжает к жене моей княгиня Юсупова по поручению императрицы Александры Федоровны просить о том, чтобы отдана была зала нашего штиглицкого рисовального училища для помещения устраиваемой под покровительством императрицы выставки произведений Фаберже, а также старинных эмалей и табакерок на пользу школ Патриотического общества¹. Одновременно сначала телефонирует и потом приезжает князь Владимир Орлов с таким же поручением. Жена моя отвечает, что она состоит только почетной попечительницей, а что училище управляется советом, который должен по этому предмету сделать подлежащее постановление. Ввиду близкого отъезда императрицы Марин Федоровны в Данию требуется немедленный ответ и немедленное открытие выставки, поэтому ответ жены моей принимается за отказ с выражением некоторого неудовольствия и недоумения.

6 марта. Среда. В Соединенных департаментах продолжается рассмотрение нового Уголовного положения. Обсуждая статью об оскорблении в печати, Сабуров и я предлагаем наказывать журналистов не только тюрьмой, но еще и денежным штрафом. Предложение встречает большое сопротивление, но в конце концов принимается. Разномыслие лишь в том, что большинство ограничивает взыскание суммой три тысячи рублей, тогда как Сабуров предлагал штраф исчислять сообразно числу экземпляров, редакцией газеты выпущенных. Профессор Таганцев ссылается на примеры Бельгии и Франции, где штраф не превосходит три тысячи франков. Я настаиваю на том, что в западных государствах боятся прессы вследствие влияния ее

¹ Выставка состоялась 8 марта в доме фон Дервиза на Английской набережной. Она была организована в пользу школ Императорского женского патриотического общества. Члены императорской фамилии предоставили собственные драгоценности для экспозиции.

на избирателей в представительные собрания, а что мы, не имея пред собой этого страха, должны ограждать русских граждан от тирании журнального слова.

8 марта. Пятница. Опять жаркая битва в Совете. На этот раз с Ковалевским, отстаивающим свой сильно раздутый проект художественно-промышленного образования. Отбросив много высокопарных измышлений, проект принимается в существе, но лишь в виде опыта на пять лет. Обед у германского посла Альвенслебена.

9 марта. Суббота. Получив приглашение к 3 ½ в дом Девиза на Английской набережной на открытие вышепомянутой выставки, отправляемся туда и застаем там все царское семейство в полном сборе. Жена моя, дав за вход одну тысячу рублей, удостоивается выражения благодарности императрицы Александры Федоровны!? Кроме интересных безделушек изобретательного Фаберже, заслуживают внимания: табакерки Дурново, миниатюры Куракина, герцога Лейхтенбергского, табакерки Юсупова.

10 марта. Воскресенье. В 10 часов осматриваю выставку старинных русских портретов в Академии наук; нахожу весьма мало нового. Я хотел сделать такого рода историческую выставку на будущий год по случаю празднования двухсотлетия существования Петербурга. Мысль моя была одобрена Государем, но ее предвосхитил великий князь Константин Константинович и, изуродовав ее, обратил на пользу какого-то благотворительного учреждения.

11 марта. Понедельник. После общего собрания в Гражданском департаменте сенатское разногласие о том, обязан ли город Муром содержать церковь, построенную Иоанном Грозным. Заявляю о необходимости распределить исторические памятники на имеющие лишь местное или общегосударственное значение и сообразно тому возложить издержки на их содержание на местные средства или на Государственное казначейство.

12 марта. Вторник. Вечером совещание у Чихачева: Герард, Тернер, Семенов, я обсуждаем программу, выработанную Ковалевским для занятий Особого совещания. Я вспоминаю слово Репетилова: «О чем бишь нечто? Обо всем»¹.

¹ Крылатая фраза из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие 4, явление 4).

Утром разговор с Витте. Вот что он говорит приблизительно о нашем совещании: конечно, все дело в вопросе об организации жизни и собственности крестьян. Надо ли отправляться от мысли, что они люди и должны быть правоспособны, так, чтобы их трудовая деятельность, основанная па твердом праве собственности, могла развиваться и усиливаться сообразно развитию индивидуальности каждого из них или в жизни их, в управлении ими должно быть сохранено стадное начало и сильная опека. Я разделяю первое мнение, Сипягин – второе. Он убедил Государя в необходимости сохранить неприкосновенной общину и стадное начало. Идти напрямик против этого невозможно, но Государь убежден в необходимости уничтожения круговой поруки, и вот я вношу в Государственный совет проект об уничтожении круговой поруки, последствием чего должно неминуемо быть уничтожение общины и стадного управления.

13 марта. Среда. В Государственном совете проект Уголовного уложения. Вместе с Паленом настаиваем на усилении наказания за конокрадство.

Подписан указ о назначении членом Государственного совета Александра Оболенского – моего зятя. Он человек умный, получивший хорошее образование, служивший сначала в Сенате, потом на должности губернского предводителя дворянства в Пензенской губернии, где у него значительное имение, затем был обер-прокурором Первого департамента Сената; при назначении Имеретинского варшавским генерал-губернатором он принял должность его помощника по гражданской части. Не поладив с Имеретинским, он вернулся в Сенат в качестве сенатора. Человек он весьма спокойный, с определенными твердыми взглядами, выработанными по многим вопросам многолетним опытом.

14 марта. Четверг. Приезжает граф Воронцов. Просит быть у него вечером для участия в обсуждении программы, составленной Ковалевским для занятий Особого совещания. В Государственном совете Ермолов показывает мне письмо, написанное им Витте об этой же программе; письмо резко выставляет, что программа не затрагивает вопросов финансовой политики, удручающей сельское население, а останавливается главным образом на технических сторонах земледелия, давно разработанных Ермоловым, не могущим привести свои предположения в действие за отказом Витте в деньгах.

Вечером у Воронцова: князь Виктор Кочубей (управляющий уделами), хитрый, сдержанный, но, без сомнения, умный и могущий быть полезным человек. Граф М. П. Толстой, бывший адъютант Воронцова,

прямой, честный, нравственно твердый, с грубыми формами, с ограниченной степенью образованности, долго проживший в деревне и потому призванный в сельскохозяйственное совещание. Князь А. С. Долгорукий, обер-гофмаршал, мечтающий о том, чтобы попасть в члены Государственного совета, и полагающий, что Совещание представляет к тому средство. Сам хозяин дома Воронцов, в котором молчаливость заменяет глубокомыслие, а редкое самомнение – сколько-нибудь серьезные убеждения. Говорят много, но ничего сколько-нибудь нового, живого, дальновидного; теряются в мелочах и подробностях. Ни в словах, ни в мыслях нет рисунка, а, следовательно, нет и творения.

15 марта. Пятница. Продолжительное и утомительное заседание в Департаменте наук и промышленности под бездарным председательством адмирала Чихачева. Речь идет о трудовых артелях. Силюсь освободить их от канцелярских обременительных формальностей и произвожу разногласие о порядке утверждения их уставов.

В новом клубе сенсационное избрание в члены Витте.

16 марта. Суббота. В Департаменте законов представление Сипягина о том, чтобы в присоединенной по Берлинскому трактату части Румынии ввести сословное крестьянское управление со всеми его уродствами, в том числе и волостным судом¹. Доказываю нелепость подобного предположения и произвожу опять разногласие, на этот раз подавляющее для министра внутренних дел.

18 марта. Понедельник. После общего собрания в Гражданском департаменте польские дела при участии находящегося в Петербурге варшавского генерал-губернатора Черткова, который от времени до времени произносит несколько весьма отрывочных фраз, но, к удивлению моему, по главному делу всецело присоединяется к заявленному моему мнению.

20 марта. Среда. Продолжается под председательством Палена рассмотрение нового Уголовного уложения. По его предложению и настоянию

¹ Речь идет о юго-западной части Бессарабии, вошедшей в состав Российской империи по Берлинскому трактату 1878 г. Эта территория стала Измаильским уездом в составе Бессарабской губернии. Берлинский трактат – международное соглашение, подписанное 1 июля 1878 г. как итог Берлинского конгресса. Трактат изменил условия подписанного по завершении русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сан-Стефанского договора в ущерб интересам России и славянским народам Балканского полуострова.

усиливается наказание за браконьерство тем, что устанавливается не существовавшее доселе правило об отнятии оружия у браконьера.

21 марта. Четверг. После заседания в Департаменте экономии еду к Витте, чтобы выяснить положение и ход дела в Сельскохозяйственном совещании. Застаю его над чтением бумаг, полученных из Москвы, где происходит следующее: обер-полицмейстер Трепов, строевой кавалерийский офицер, лишенный всяких государственных, экономических сведений, поддался влиянию некоего Зубатова, социалиста, анархиста, который, отсидев в тюрьме, теперь прикидывается приверженцем правительства. Эти два человека убедили немудрого генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, что для обеспечения мирного в рабочем населении настроения необходимо, чтобы реформы шли сверху, а не требовались снизу. Какие именно реформы – это остается невыясненным; но для выяснения их Треповым разрешено устройство между рабочими союзов, советов, клубов, в коих рабочие обсуждают свои притязания, выбирают своих представителей, а представители эти под защитой Трепова предъявляют требования самого небывалого свойства владельцам фабрик. В случае отказа фабрикантов на их фабриках устраиваются стачки, сопровождавшиеся уже на двух значительных фабриках разграблением и уничтожением машин. Московские фабриканты и заводовладельцы написали адрес Государю и прислали его Витте для доставления по принадлежности. Одновременно Витте получил донесение главного в Москве фабричного инспектора, подтверждающего вполне все вышесказанное и иллюстрирующего картинку водворенной в Москве анархии множеством фактов невероятного свойства.

Говоря о Совещании, Витте с раздражением отзывается о министре земледелия Ермолове, который в заявлении ему настаивает на рассмотрении вопросов, вытекающих из финансовой политики самого Витте, как, например, таможенный тариф, железнодорожные, дифференциальные тарифы, винная монополия и т. п. Разумеется, до этих вопросов он касаться не допустит; с другой стороны, Сипягин не допустит говорить ни об единой статье крестьянского положения 19 февраля 1861 года. Что же остается делать Совещанию?

22 марта. Пятница. В Департаменте наук и торговли под печальным до смеха председательством Чихачева рассматривается проект об обязательном для польских горных заводов устройстве пенсионных касс для рабочих. Ни единой цифры, а исключительно канцелярские рассуждения.

В клубе Витте сообщает о своем всеподданнейшем докладе относительно Москвы. Он сказал между прочим, что главари французских социалистов Millegrand и Jaugès¹ не решились бы делать то, что делает Трепов. «Если Ваше Величество сомневаетесь в правильности моего взгляда, то я Вам ручаюсь, что его разделят поголовно все члены всякого совещания, которое Вам угодно было бы созвать, то же самое скажут все члены Комитета министров, все члены Государственного совета, все сенаторы». В ответ на это Государь приказал оставить у него московский адрес.

23 марта. Суббота. Утром в Департаменте законов дело об устройстве землепользования в Забайкальской области. Вечером пресловутое совещание. Рассматривается программа занятий. Начинается с того, что министр земледелия Ермолов горько сетует на то, что оставлено без упоминания и внимания его письмо к Витте, главная сущность коего заключается в том, что согласно возложенной на совещание задаче надо прежде всего выяснить нужды сельскохозяйственной промышленности и, произведя таковой диагноз, приступить к определению средств для удовлетворения таких нужд. Витте отвечает ему очень заносчиво, утверждая, что после всего вошедшего в программу не знает, о каких еще нуждах может быть речь, а что, впрочем, всякий член может делать какие угодно заявления, но в более определенной форме. Ермолов удовлетворяется тем, что в вопросах, обращенных к земствам, упомянуто будет о праве спрошенных на местах лиц указывать на какие угодно нужды. Затем без особых инцидентов просматривают часть параграфов программы, определяя, подлежит ли каждый из них отсылке в провинцию или должен быть обсуждаем на основании имеющихся в Петербурге материалов с призывом в случае надобности местных деятелей.

25 марта. Понедельник. В 2 часа еще заседание Совещания. Просматривается остальная часть программы, причем Сипягин постоянно заявляет, что тот или иной вопрос не подлежат обсуждению Совещания. Из совещания захожу к великому князю Владимиру Александровичу, которому послал для прочтения записку о московских происшествиях, созданных бессмысленными распоряжениями Трепова и великого князя Сергея Александровича. Владимир Александрович с большой похвалой отзывается о Трепове по прежней службе его в Конногвардейском полку.

¹ Имеются в виду А. Мильеран и Ж. Жорес.

Я тщето силюсь доказать ему, что служба в строю не дает сведений и опыта, необходимых для руководства интересами и отношениями различных классов населения. То же самое утверждал я, можно сказать, и о великом князе Сергее Александровиче. Он из московского генерал-губернаторства сделал отдельное от России великое княжество или даже эмирство. Первому департаменту Сената воспрещено отменять его распоряжения, его креатура министр юстиции Муравьев через обер-прокурора останавливает ход жалоб на московского генерал-губернатора. Можно судить, какое неудовольствие все это возбуждает в населении и чего следует ожидать в будущем.

Вечером у меня на дому совещание об организации управления со введением крестьянского положения в возвращенном от Румынии Измаильском уезде. По недостатку каких бы то ни было сведений о положении на месте трудно что-либо изобрести в противоположность предлагаемой Сипягиным нелепости.

27 марта. Среда. В Совете продолжительное заседание об Уголовном уложении. В 8 часов большой обед у нас. Быть может, чрез десятки лет изменится и это, а потому для любопытства того, кто прочитает эти строки, помещаю здесь реестр угощения: Potages: Consommé Cambridge. Crème de laitues. Petits pâtés (Xérès 1830 et Champagne). Turbot. Saucés Mousseline et Bercy (Château Climans 1857). Selle de Pré-salé Nivernaise (Pichon Longueville 1874). Poulardes froides Lambertye (Johannisberg 1857). Aspasiе de foies (!) gras a l'impériale (Chateau Lafitte 1870). Punch à la Romaine. Rôti; Faisans. Salade (Musigny 1893). Petits pois de Clamart au beurre. Soufflès chauds aux pommes. Glace Marquise. Fondus au Chester (Porto 1854). Dessert: vins de Hongrie et Pedro Ximenès¹.

Для увеселения обедавших вечером поет цыганский хор.

29 марта. Пятница. Принц Альтенбургский рассказывает в клубе, что из полтавского имения (Карловка), принадлежащего его жене и ее братьям, получены тревожные известия о том, что крестьяне соседних

¹ Супы: бульон Кэмбридж. Крем-суп из салата-латука. Пирожки (Херес 1830 года и шампанское). Тюрбо (рыба). Соусы Муслин и Берси (Вино Шато Климан 1857 года). Седло барашка Неверское (вино Пичон Лонгвиль 1874 года). Пулярка охлажденная Ламберти (вино Йоханнисберг 1857 года). Пирог Аспаси с фуа гра по-имперски (вино Шато Лафит 1870 года). Пушш по-римски. Жаркое. Фазаны. Салат (вино Мизиньи 1893 года). Зеленый горошек Кламарский в сливочном масле. Горячее суфле с яблоками. Мороженое Маркиза. Фондю с сыром Честер (вино Порто 1854 года). Десерт: вина венгерское и Педро Хименес (*фр.*).

местностей взбунтовались, насильно захватывают земли помещиков и, придя в Карловку, разграбили усадьбу, всякие хозяйственные учреждения и наносят «громadne убытки». Карловка – имение, принадлежавшее графине Разумовской и купленное у нее за пожизненную ренту великой княгиней Еленой Павловной, которая всячески благодетельствовала тамошнее население. Точно так же действовали и великая княгиня Екатерина Михайловна и ее дети, теперешние владельцы.

30 марта. Суббота. В Государственном совете рассматривается представление Совещания о дворянстве, посвященное на этот раз предположениям об усовершенствовании дворянских учреждений. Представителем Совещания является глубокоумный Иван Николаевич Дурново, председатель Совещания, думающий снискать дворянскую популярность хлопотами о денежных дворянству подачках. На этот раз предлагается обратить в пользу дворянских обществ выморочные имущества¹ личных дворян, а также обложить личных дворян сбором в пользу потомственного дворянства. По обоим вопросам я говорю энергично против Дурново, заявляя, что я желаю, чтобы вотчинное дворянство сохранило принадлежащую ему роль руководящего меньшей братией сословия, но что почитаю вредящим престижу и достоинству дворянства получение денежных подачек из источников, ему не принадлежащих. Дурново восклицает, что я говорю только о высших идеалах и принципах, забывая, что без денег ничего нельзя сделать. Сипягин, напротив, высказывается вполне согласно моим мнениям, выражая определительно мысль о необходимости отделить личное дворянство от потомственного. Во втором вопросе при голосовании я остаюсь почти один с Сипягиным против значительного числа членов Соединенного присутствия. По этому поводу Сипягин говорит мне: «*Nous mourrons, mais nous ne céderons pas*²».

В 8 ½ часов в Сельскохозяйственном совещании выслушиваем заявления вызванных из разных концов России выдающихся по вопросу о мелком кредите деятелей. Заявления их в итоге сводятся к тому, что доколе крестьяне не получают иного имущественного и личного положения, доколе они не будут иметь твердого права собственности, до тех пор не может быть серьезной речи об открытии им кредита в настоящем смысле.

¹ Выморочное имущество – имущество, которое осталось после умершего лица и на которое никто не заявляет или не может заявить притязаний ни по завещанию, ни по праву наследования.

² «Мы умрем, но не сдадимся» (фр.).

АПРЕЛЬ

1 апреля. После общего собрания в Соединенных департаментах редактирование статей Уголовного уложения, касающихся наказаний за кражу золота в тех местностях, где на него сохранена горная подать. Никто из присутствующих не имеет ясного понятия, как происходит добыча золота.

2 апреля. Вторник. Сижу после завтрака в обычной еженедельной беседе с своими училищными сотрудниками Боткиным, Котовым, Бобринским, как вдруг входит служитель с докладом, что приехавший в Маринский дворец на заседание Комитета министров Сипягин был ранен выстрелами из пистолета¹. Поспешаю в Маринский дворец, где нахожу членов Комитета, разгуливающих по залам. Узнаю следующее: за несколько минут до начатия заседания явился на подъезд Комитета молодой человек в адъютантском мундире и спросил швейцара: «Здесь ли министр внутренних дел?»

На ответ, что еще не приехал, но не замедлит прибыть, он отвечал, что подождет, так как должен передать Сипягину в руки письмо от великого князя Сергея Александровича. Когда Сипягин взошел в подъезд, то мнимый адъютант левой рукой подал ему конверт, а одновременно выстрелил в него из револьвера. Пуля попала в шею; вторым выстрелом он попал в живот; третьей ранил лакея, снимавшего шубу с Сипягина; четвертая и пятая пули влетели в потолок, так как в это время швейцар бросился на убийцу и изменил тем направление револьвера. Сипягин упал без чувств. Прибывшие члены Комитета застали его на диване, а убийцу – стоящим невдалеке от своей жертвы. Когда Ванновский

¹ Витте утверждал в воспоминаниях, что Сипягин знал о «большой опасности». Витте за несколько дней до покушения имел с ним беседу и говорил, что «он принимает чересчур резкие меры», которые увеличивают число противников его «правления». Сипягин отвечал, что «наверху» о его мероприятиях отзываются как о «недостаточно строгих» (Витте. Т. I. Кн. 2. С. 612). Император Николай II, считавший погибшего министра своим ближайшим сподвижником и единомышленником, был чрезвычайно подавлен происшедшим: «Трудно выразить, кого я потерял в этом честном, преданном человеке и друге» (Дневники Николая II. С. 655). Великий князь Сергей Александрович записал в дневнике следующее: «<...> узнал случайно, что Сипягина убили!!! Ужасно! <...> студент киевский, переодетый офицером! C'est hideux (Это отвратительно – фр.)! <...> заказал панихиду и собрал, кого мог из сослуживцев и друзей – помолились» (ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 38. Л. 49).

(мне то рассказывавший) спросил его: «Кто Вы?», он отвечал: «Я – Степан Балмашов». На вопрос же: «Зачем Вы это сделали?» отвечал: «Я убил его потому, что считал его препятствием к распространению просвещения в России».

Сипягина перенесли в находящуюся неподалеку от Мариинского дворца Максимилиановскую лечебницу, где он спустя час времени и скончался от внутреннего излияния крови в печени. Председатель Комитета министров Дурново поехал доложить обо всем Государю и передать ему желание Сипягина его видеть. Что говорил при этом мудрый и доблестный муж сей, неизвестно (я лично уверен, что он не уговаривал, а отговаривал Государя ехать), но Государь послал дежурного флигель-адъютанта графа Шереметева к умиравшему и приказал доложить себе, когда Сипягин придет в сознание, но вскоре вслед за тем получено известие о его смерти. На допросе убийцы установлено, что он из дворян, студент Киевского университета, за участие в беспорядках был два года тому назад сослан на Кавказ солдатом; отец его за прикосновенность к убийству императора Александра II был сослан в отдаленные местности, где и отбыл двадцатилетнее наказание.

3 апреля. Среда. Еду на панихиду в дом, построенный князем Виктором Павловичем Кочубеем, вполне удовлетворявший этого вельможного государственного человека, но оказавшийся недостаточным для чиновничьего тщеславия одного из его преемников. Комнаты набиты всякого рода официальным людом; присутствуют Их Величества. Мне приходится стоять в столовой комнате, раскрашенной наподобие московских теремов, в которой должен был в этот самый день происходить обед с участием Государя. После обеда должен был петь выписанный из Москвы хор цыган.

4 апреля. Четверг. Отпевание тела Сипягина в его домовая церкви. Народу массы, Их Величества и все высочества. Между всеми присутствующими упорно держится слух, что министром внутренних дел будет назначен Бобриков. Подхожу к Горемыкину (бывшему министру внутренних дел) и спрашиваю его: «Sera-ce pour longtemps? (Это надолго?)» Ответ: «Pour 6 ou 8 mois» (на 6 или 8 месяцев).

Я: «Après quoi il volera en l'air et toute la difference sera qu'il volera en l'air seul ou avec nous» (после чего он полетит в воздух, и вся разница будет заключаться в том, полетит он один или вместе с нами). Горемыкин: «Dans tous les cas il volera, mais pas en l'air» (В любом случае он полетит, но не в воздух).

Заезжаю к Палену сообщить ему это грустное известие. Он приходит от этого в ужас. Относительно Сипягина Пален сообщает, что, вернувшись со всеподданнейшего доклада в прошлую пятницу, он призвал директора Департамента полиции Зволянского и приказал ему составить для Государя список членов Государственного совета, делающих оппозицию мероприятиям правительства!..

Пален показывает мне полученную из Курляндской губернии бумагу, адресованную полицией деревенскому пастору, такого содержания: «Государь император высочайше повелеть соизволил: воспретить лютеранам домашние молитвенные собрания». Всякие комментарии к столь безумной выходке излишни.

В 5 часов у великого князя Владимира Александровича. Рассказывает свое свидание накануне с Государем, коему он заявил мысль о том, чтобы выделить из Министерства внутренних дел Министерство полиции. Государь выразил одобрение такой мысли, особенно ввиду трудности находить людей для управления такими бесчисленными и важными делами. При этом Государь заявил, что он колеблется для назначения министром внутренних дел между Бобриковым и Плеве.

Относительно своей поездки в Москву Владимир Александрович рассказывает, что спросил своего брата об устроенных под его покровительством союзах фабричных рабочих и т. д. Сергей Александрович отвечал, что надо спросить Трепова. Трепов, явившись к великому князю, стал ему доказывать, что находящееся в Москве стопятидесятысячное рабочее население угнетается заводоуправляющими хуже, чем в прежнее время крепостные люди помещиками; что неудовольствие этих рабочих угрожало общественному порядку и спокойствию, почему он, Трепов, счел для предотвращения подобных бедствий необходимым устроить эти союзы и клубы рабочих, отвечая, что при таком устройстве никаких беспорядков [не будет]. Доказательством правильности своего мероприятия Трепов приводит [то], что его сначала хвалили анархические заграничные газеты, а теперь начали бранить. Владимир Александрович истинно великокняжески всему поверил и перешел на сторону своего брата. На вопрос мой: «Что же Вам сказал Трепов о том, что он приказал закрыть 19 февраля фабрики и заводы, а владельцам приказал заплатить рабочим заработную плату сполна?» Великий князь отвечал: «Об этом мне не говорили». «А знаете ли, Ваше Высочество, что по нашим законам распоряжение, самовластно и самовольно принятое Треповым, могло последовать по высочайше утвержденному мнению Государственного совета? Трепов же за свои действия подлежит преданию суду».

Великий князь отвечал, что это другой вопрос.

5 апреля. Пятница. В «Правительственном вестнике» напечатан указ о назначении Плеве министром внутренних дел. При теперешних обстоятельствах это, конечно, наилучшее назначение. Плеве человек весьма умный, образованный, прошедший судебную, полицейскую, административную карьеру, участвовавший в занятиях и высших государственных учреждений, и всяких комиссий, совещаний и т. п. До сих пор его отличало отсутствие самостоятельности, но надо надеяться, что он поймет необходимость изменить эту манеру и принять другую, без которой и порученное ему дело, и он сам пропадут. Накануне в 6 часов вечера император еще колебался, кого назначить: Плеве или Бобрикова. Последнего поддерживал Гессе, начальник охраны, ничтожный человек, которого покойный Черевин взял в командиры батальона, охрану составлявшего. По смерти Черевина Гессе воспретендовал занять влиятельное положение, благодаря тому, что каждый день приходит поутру к Государю и под предлогом вопросов личной его безопасности высказывает свои мысли о крупных государственных заботах. Мысли эти он получает от всяких случайных третьестепенных вдохновителей, а дожидаясь в приемной, старается завербовать министров, приехавших для доклада. Министр внутренних дел Горемыкин был в полном подчинении у Гессе, Сипягин, напротив, ставив на первый план свою личную важность, отказался подчиниться, и вот теперь Гессе надеялся снова получить министра внутренних дел, ему подчиненного. В среду вечером Гессе сказал Святополк-Мирскому, что Бобриков назначен, но благодаря какому-либо влиянию или очнувшемуся благоразумию эта комбинация не состоялась, и этот дикий, грязный во всех отношениях унтер-офицер на несчастье Финляндии остался ее мучителем, вероятно, ненадолго!

Завтракают у нас: Пален, Рихтер, граф А. И. Мусин-Пушкин, начальник Одесского военного округа. Рихтер, когда Государь говорил с ним об убийстве Сипягина, сказал: «Это протест против насилия и произвола. Необходимо установить понятия о праве».

За завтраком Рихтер рассказывает, что приехавшая из Парижа графиня Вопое [?] (рожденная Анненкова) передает, что на станцию ее провожал один из преподавателей ее сына, еврей, сказавший ей: «Vous arrivez à Pétersbourg à un moment fort intéressant, car c'est dans dix jours que comencera la danse»¹. И действительно, в десятый день после этого разговора последовало убийство Сипягина.

Принц Альтенбургский в новом клубе передает мне, что видел в этот день великого князя Николая Михайловича, который приехал из Парижа,

¹ «Вы прибыли в Петербург в очень интересный момент, поскольку через десять дней начнется веселье» (фр.).

где виделся с Пирлингом (монах-иезуит, занимается русской историей), который сказал ему: «C'est heureux que Vous allies au Caucase et non à Pétersbourg, car il s'y passera des choses épouvantables. Берегите полковника (то есть Государя)»¹.

6 апреля. В Государственном совете узнаю, что в Гельсингфорсе вспыхнуло восстание; что Плевэ сохраняет еще на пять месяцев верховное заведывание финляндским статс-секретариатом, что до возвращения великого князя Михаила Николаевича не будет решаться вопрос о выборе государственного секретаря, но что если он, Плевэ, будет спрошен, то предложит или Коковцова или Иксуля.

7 апрель. Воскресенье. Умер генерал Шильдер, директор Императорской публичной библиотеки, а перед тем директор Николаевского инженерного училища. За последние годы он обратил на себя внимание историческими трудами и в особенности историей императора Александра I, характер коего он, впрочем, по моему мнению, не понимал, разделяя избитое убеждение посредственной толпы о том, что отличительная и господствующая черта этого характера была двуличие, тогда как множество других высоких сторон недюжинной личности этого столько потрудившегося на пользу России Государя остались для Шильдера незамеченными.

8 апреля. Умерла в глубокой старости камер-фрейлина Н. А. Бартенева². Их было четыре сестры, из коих две, и в особенности старшая, отлично пели и вследствие того попали при Николае I ко двору и в особенную милость императрицы Александры Федоровны. Младшая, ныне умершая, ни в каком отношении ничего выдающегося не представляла и заслужила остроумное прозвище «придворной канарейки», незлобной, но и бессодержательно неумолкаемой.

Читаю присланную мне из Сельскохозяйственного совещания записку суджанского предводителя Евреинова, замечательную по верности взглядов и смелости их выражения. По его мнению, следует прежде всего освободить крестьян от чиновничьей тирании и беспредельного опекуинства, а до того бюрократические хлопоты об улучшении сельского хозяйства — пустая болтовня.

¹ «Хорошо, что Вы поехали на Кавказ, а не в Петербург, потому что там происходят страшные вещи» (*фр.*).

² 8 апреля Николай II записал в дневнике: «После обеда пошли на панихиду по скончавшейся сегодня Наденьке Бартеневой» (Дневники Николая II. С. 656).

9 апреля. Ванновский уволен от должности министра народного просвещения. Как он мне сам рассказывал, он представил Государю выработанные под его председательством особой комиссией предположения о реформе школьного образования, в основе коих лежало значительное уменьшение классического преподавания. Основания такой реформы были одобрены Государем год тому назад. Когда Ванновский доложил, что намерен вносить свой проект в Государственный совет, то Государь сказал: «Вы встретите там значительное сопротивление». «Мне это неважно, — отвечал Ванновский, — если Ваше Величество не изменили Вашего мнения». «Я слышал много критики за последнее время и признаюсь Вам, я колеблюсь». «В таком случае, — ответил Ванновский, — я просил бы Вас меня уволить и назначить другое лицо министром народного просвещения».

10 апреля. Рождение великого князя Владимира Александровича. Вследствие невыносимых отношений с великой княгиней Марией Павловной мы перестали ездить к ней, но, к удивлению моему, я сохранил еще прежние дружеские к великому князю отношения. Сегодня пишу ему такую записку: «Ваше императорское высочество, четвертое десятилетие продолжающиеся с моей стороны пожелания и поздравления не могут представить Вам ничего нового. Вы слишком хорошо знаете и меня, и мои глубоко искренние чувства приязни к Вам, чувства эти останутся навсегда неизменными, но события, среди коих мы живем, меняются быстро и грозно. Да хранит Вас провидение от надвигающихся на нас бедствий — вот о чем просит его сегодня Ваш преданнейший и покорнейший слуга».

В 2 часа у великого князя Алексея Александровича, в его дворце, когда-то принадлежавшем Андрею Ивановичу Сабурову (бывшему директору театров). Докладываю великому князю обстоятельства, касающиеся уступки нашему рисовальному училищу центральной части фасада Соляного городка, выходящей на Фонтанку против Летнего сада. Великий князь назначен председателем совещания для обсуждения и разрешения этого вопроса.

Великий князь показывает мне замечательную коллекцию табакерок, им в последние годы собранную.

11 апреля. Четверг. Захожу к Куропаткину. Преду мной у него был приехавший из Порт-Артура адмирал Алексеев. На вопрос мной о том, что же говорит Алексеев, Куропаткин отвечает: «Опасается, что наша

чрезмерная уступчивость может вызвать новые требования и вовлечь нас в новые усложнения».

Я переменяю разговор, потому что не могу хладнокровно слушать этих воинственных, безрассудных, опасных для бедной России мечтаний. Куропаткин все тот же умный, честный, специально образованный, но лишенный государственного понимания дел и событий, а еще более лишенный такта человек.

12 апреля. Пятница. Прочитав в «Правительственном вестнике» указ об увольнении Ванновского от обязанностей министра народного просвещения, еду навестить его. Застаю восьмидесятилетнего старца очень расстроенным. Рассказывает, что после свидания с Государем, свидания, на котором он просил увольнения, так как Государь сказал ему, что колеблется в правильности проектированных Ванновским мер, он не имел более случая видеть Государя, откуда 5 апреля не получил от него письмо, начатое 25 марта и оконченное 5 апреля. В письме этом Государь говорил, что, обдумав все происшедшее, он полагает, что им следует расстаться. В рескрипте, по этому случаю данному, говорится, что Ванновский увольняется по просьбе вследствие расстроенного здоровья. «Никогда я этого не говорил и не заслужил, чтобы со мной поступили так обидно». Я не добивался этого поста, а напротив энергичски от него отказывался. Дело школы я действительно горячо принял к сердцу и думаю, что она начинала освобождаться от прежней сухости и мертвенности, начинала оживляться, одушевляться. После такого обидного для меня поступка я буду сидеть дома, и меня более не увидят ни в Совете, ни в каком бы то ни было дворце.

Винновником всего Ванновский почитает все того же гнусного Вово Мещерского, который был введен Сипягиным к Государю, начал писать ему письма, как в прежнее время его отцу, и за несколько дней до получения увольнительного письма хвастал, что Ванновский будет уволен вследствие разговора его, Мещерского, с Государем.

В заключение этого разговора Ванновский показывает мне полученное им в этот день письмо от бывшего своего товарища Зенгера такого содержания: «Милостивый государь, Петр Семенович, получив сегодня высочайший указ о назначении меня управляющим Министерством народного просвещения, спешу уведомить Вас, что я вступил в управление министерством».

Заезжаю к Витте. Крайне мрачен. Что же можно сделать, когда за все время моего министерства уже приходится работать и с четвертым министром иностранных дел, и с четвертым министром внутренних дел. Плева

уехал в Троицко-Сергиевскую Лавру... говеть!! Оттуда поедет в Москву [к] великому князю Сергею Александровичу. Советовался с Витте, как поступить в отношении московских фабричных безобразий.

Витте советовал убрать оттуда начальника охранного отделения, заклятого анархиста Зубатова, не сомневаясь, что без него пехотинец и кавалерист не будут знать, что делать. Плеве будет предлагать в государственные секретари Коковцова, а барона Иксуля (своего товарища) надеется провести в члены Государственного совета. Государь смотрит на Ванновского как на косвенного виновника смерти Сипягина¹ и потому так бесцеремонно с ним обошелся². Сипягин, а вместе с ним и после него Мещерский, убедили Государя, что люди не имеют влияния на ход человеческих событий, что всем управляет Бог, коего помазанником является царь; что царь не должен никого слушаться, ни с кем советоваться, а следовать исключительно божественному внушению, и если его распоряжения могут современным очевидцам не нравиться, то это не имеет никакого значения, потому что результат действий, касающихся народной жизни и истории, дает результаты и получает надлежащую оценку лишь в будущем, более или менее отдаленном. Согласно сему Государь никого более не слушает и ни с кем не советуется. Зенгер. Бывший офицер, научившийся латинскому языку до такой степени, что перевел на него «Евгения Онегина». Энтузиаст, броский, увлекающийся человек, чуждый понятиям об администрации, о порядках законодательных, служебных, готовый ежечасно бросить дело при серьезном столкновении. С ним будут большие сюрпризы.

Относительно смерти Сипягина Витте утверждал, что говорил Государю так: «Вы заблуждаетесь (sic), если думаете, что все это преходящее

¹Приведённое суждение основывается на том, что Сипягина убил С. Балмашев, один из студентов, отправленных в солдаты после студенческих беспорядков, расследуемых комиссией Ванновского.

²Некоторая связь между отставкой Ванновского и смертью Сипягина, по всей видимости, существовала. 3 апреля 1902 г. великая княгиня Елизавета Федоровна писала Николаю II, что тот «говорил, что это (речь идет об обстоятельствах убийства Сипягина. — О. Г.) устроил Ванновский». То есть великая княгиня считала убийство Сипягина результатом студенческой политики Ванновского. Она советовала императору: «<...> дай же ему (Ванновскому. — О. Г.) отставку, не будь так мягок. Все считают, что с твоей стороны это колебание и слабость». Великая княгиня также рекомендовала назначить на место Ванновского его товарища — Г. Э. Зенгера: он «милостию Божией будет настоящим помощником» (Великая княгиня Елизавета Федоровна и император Николай II. С. 575). Император принял именно такое решение: пост министра народного просвещения перешел к Зенгеру.

и может быть искоренено полицейскими строгостями. Правительство сошло с законного пути и подало населению пример беззакония. Всякого рода стеснительные для той или другой части населения мероприятия, кои невозможно было провести через Государственный совет, изданы Комитетом министров под видом временных и продолжают действовать, иные уже более двадцати лет. Правильного суда не существует. По всякому важному делу приговоры выражают лишь приказания министра юстиции. Сенат также никакого значения не имеет. Повсюду произвол чиновников, на который население отвечает насильственными действиями».

Относительно убийцы Сипягина обнаружены нити заговора в Париже, где производство обысков обнаружило переписку по сему предмету. Вместе с Балмашевым в Петербурге было еще два лица, из коих одного удалось отыскать в Саратове – месте жительства Балмашева. Он приехал туда из Петербурга 4 апреля, а, следовательно, уехал из Петербурга 1 апреля накануне дня совершения преступления, когда все было окончательно приготовлено для исполнения заговора. Так как Балмашев был за студенческие беспорядки сдан в солдаты, то Витте сознается, что хотя отбывание воинской повинности студентами, виновными в беспорядках, и было предложено им, но с оговоркой, чтобы пользоваться им лишь в крайних случаях, и во всяком случае было предпочтительно теперешним распоряжениям, в силу коих нынешней зимой посажено в тюрьмы и разослано в отдаленные места две тысячи студентов. Витте много говорит о своем представлении в Государственный совет относительно уничтожения круговой поруки, надеясь, что Плеве не окажет того сопротивления, которое высказывал Сипягин.

13 апреля. Суббота. У А. А. Сабурова. Застаю этого в высшей степени почтенного труженика и достойного во всех отношениях человека над чтением советских дел. Разговор о необходимости по возможности оттянуть разрешение всяких глупых представлений Сипягина так, чтобы дать время Плеве отступить от принятой им для начала роли поклонника этой тени. Конечно, мало вероятия, чтобы лицо, всегда вторившее своему начальству, хотя бы и самому разнообразному, могло внезапно сделаться независимым, но так как он от природы очень умен, то, быть может, здравый смысл, поддерживаемый большинством Совета, в некоторых случаях восторжествует. Сабуров соглашается со мной, что для успешности рассмотрения дел в Совете полезно было бы людям, деятельно участвующим в их рассмотрении, собираться предварительно и устанавливать взгляды до заседания.

В Департаменте законов, к которому я принадлежу, такими людьми могут почесться Сабуров, Шамшин и до известной степени граф Игнатьев 2-й. Что касается барона А. Иксуля, то он портит всякое дело своей назойливостью, своим самовосхвалением. У председателя Фриша одна лишь забота, чтобы не было разногласий, особенно неприятных министрам, власть имеющим.

14 апреля. Воскресенье. Пасхальное воскресенье. То, что привыкли именовать Светлым праздником, наступает днем тусклым, грустным; чувствуется что-то неладное. неотрадное. Страницы «Правительственного вестника» наполнены сотнями имен обрадованных тем, что называют милостями, чиновников. По поводу одной из таких милостей в стенах Зимнего дворца распространяется крупный скандал. Несколько месяцев тому назад министр иностранных дел Ламздорф просил о назначении церемониймейстером одного из секретарей своей канцелярии, некоего Савинского. Ламздорфу было в том отказано по настоянию графа Гендрикова – обер-церемониймейстера. Гендриков утверждает что ему положительно известно, что Ламздорф состоит в предосудительно-интимных сношениях с Савинским и что Государь вследствие этого дал ему, Гендрикову, обещание, что такого назначения никогда не последует. В 7 часов вечера в субботу Гендриков получил от министра двора уведомление; что Савинский назначен церемониймейстером. Гендриков немедленно отправил Фредериксу просьбу об увольнении его от должности обер-церемониймейстера. Все это со стороны Гендрикова было понятно, но ему следовало молчать, а вместо того он, не стесняясь, рассказывал эту грустную историю во всех подробностях, не исключая той, что Ламздорф в письме Фредериксу угрожал отставкой, если желание его не будет исполнено.

Куропаткин назначен, наконец, генерал-адъютантом. В субботу он имел доклад у Государя, после доклада завтракал у императора и императрицы, а, вернувшись домой, неожиданно нашел уведомление о своем назначении.

Государственным секретарем на место Плеве назначен Коковцов, которого я в бытность свою государственным секретарем перевел в Государственную канцелярию из тюремного управления, в коем он не имел более сил служить с глупым Галкиным-Врасским, напыщенность коего составляет меньший из его недостатков. Коковцов человек умный, способный, трудолюбивый; ничего выдающегося в нем нет, но по теперешним обстоятельствам нельзя было желать лучшего назначения.

15 апреля. Заходит ко мне И. Н. Дурново (нынешний председатель Комитета министров). Рассказывает, что когда Сипягин был ранен, то он, Дурново, подошел к нему и стал убеждать его, что раны неопасны и что он выздоровеет, но Сипягин отвечал, что уверен в близости смерти и желает проститься с Государем. Тогда Дурново телефоновал в Зимний дворец, что просит позволения приехать и получил ответ, что Государь примет его в 5 ½ часов (то есть через четыре часа). Дурново телефоновал вновь, что едет для доклада о весьма важном деле. Прибыв во дворец, он нашел там товарища министра юстиции Манухина (министр был в отпуске), явившегося с тем же, как и Дурново, известием. Им обоим объявлено было, что Государь завтракает, вследствие чего они дожидались двадцать минут. Выходя из столовой, Государь получил от Гессе известие о происшедшем, так что сообщение Дурново не было для него ново. Он спросил, где находится раненый, на ответ Дурново, что его перевозят в Максимилиановскую больницу, а оттуда, вероятно, в дом министра внутренних дел, что у Цепного моста, поручил Дурново по прибытии его к месту нахождения раненого телефоновать ему, куда он должен ехать. По прибытии в больницу Дурново нашел Сипягина мертвым.

Через час после этого свидания Государь послал за Плеве и сказал ему: «Вы уже давно состояли кандидатом на пост министра внутренних дел. Теперь я Вас ближе узнал и решаюсь назначить Вас». При этом свидании Государь поручил Плеве вызвать из Гельсингфорса Бобрикова, чтобы выразить ему неудовольствие за его действия в Финляндии, что, по мнению Дурново, и подало повод к слухам о назначении Бобрикова министром внутренних дел.

Спрашивается, зачем же Государь накануне похорон Сипягина¹ говорил великому князю Владимиру Александровичу, что колеблется в выборе между Плеве и Бобриковым? О, Византия!

18 апреля. Четверг. У Витте: согласно просьбе его переговорив с Алексеем Оболенским относительно условий принятия им должности товарища министра, передаю Витте мой взгляд на то, что Оболенский ничуть не гонится за таким назначением, что я и нахожу естественным. Витте желает иметь безукоризненно честного человека во главе столь обширного, как неокладные сборы², управления. Покончив с этим вопросом, Витте переходит к сетованиям относительно внутреннего нашего положения, утверждая, что необходимы без потери времени решительные

¹ В оригинале ошибочно указано «Плеве».

² Имеется в виду Департамент неокладных сборов.

меры. Я спрашиваю его, в чем такие меры, по его мнению, должны бы заключаться. Он отвечает: «Государь должен бы немедленно издать указ, в коем было бы сказано, что усматривая, что законы не исполняются, он повелевает, чтобы законы на будущее время исполнялись. Согласно сему суды должны бы быть восстановлены в своей самостоятельности и перестать быть слугами министра юстиции; Сенат должен быть восстановлен в своей авторитетной власти; все временные административные мероприятия, последовавшие по постановлениям Комитета министров, следовало бы передать на рассмотрение Государственного совета; особая, из высших чинов составленная комиссия должна бы пересмотреть списки сосланных и отменить ссылку для лиц, неправильно ей подвергшихся».

Таковы должны бы быть, по мнению Витте, не терпящие отлагательства меры. Затем следовало бы разрешить вопросы: крестьянский, рабочий и народного просвещения. «Я враг по принципу, с детства мной усвоенному, враг всякого конституционализма, парламентаризма, всякого дарования политических прав народу».

Выслушав это, я отвечал, что сущность предлагаемых им к немедленному исполнению мер без сомнения заслуживает одобрения, но что форма указов и вообще правительственных манифестаций излишня. Довольно перейти с искренностью на путь законности, и первые же по этому пути шаги изменят настроение, без сомнения, ныне враждебное, всей страны. Но всего этого для успешной деятельности правительства недостаточно. Люди собираются в гражданские общества для того, чтобы обеспечить свою личность и главное орудие проявления ее — свое имущество. Всякое правительство, какие бы ни были его взгляды, должно из среды массы населения останавливаться на группах, по значению и устойчивости своим представляющих наиболее надежную опору мирного порядка и гражданского успеха. В России более чем в каком бы то ни было другом государстве политическим фундаментом правительственного здания является сельское население, а прочен этот фундамент тогда, когда крестьянская толпа находится под влиянием не случайных авантюристов, а, напротив, старших крестьянина братьев — крупных землевладельцев, представителей просвещения и по возможности бескорыстного труда. Вот этот порванный союз необходимо сколько возможно восстановить в той или иной форме. Вот на этом союзе надо воздвигнуть правительственный порядок, порядок, в коем чиновники являются исполнителями приказаний, а не каким-то особым привилегированным [сословием]. Этим людям, на земле сидящим и трудящимся, дана должна быть возможность и трудиться, и радеть о местных

общественных интересах. Иными словами, земские учреждения следует не угнетать и преследовать, как это делал Сипягин, а, напротив, позаботиться о хорошем их личном составе, дать всевозможную свободу в распоряжении местными хозяйственными, имущественными интересами. Ни о каком парламенте речи быть не может, но о связи центра с отдаленными от него местностями, о даровании возможности не одним чиновникам, а и вотчинным собственникам трудиться на пользу Отечества и выступать на поприще такого служения – вот о чем следует позаботиться, вот чем надлежит удовлетворить справедливое притязание русского народа, вот чем быстро может и должно наступить иное настроение, чем то тревожное, смутное, отовсюду доносящееся чуть не поголовное неудовольствие.

22 апреля. Понедельник. После заседания общего собрания подхожу к Фришу и говорю ему, что мне кажется необходимо для рассмотрения представления Сипягина об учреждении «Дворянского отдела» пригласить петербургского и московского губернских предводителей дворянства (Зиновьева и Трубецкого). К этому присовокупляю, что имею основание думать, что они ожидают быть приглашенными. Такое сообщение приводит Фриша в затруднение, однако он решает передать статс-секретарю поручение пригласить этих двух предводителей на заседание. Но через несколько минут он подходит ко мне и говорит, что находящийся в Совете товарищ министра Стишинский считает необходимым предварительно испросить согласие министра внутренних дел Плеве. Со своей стороны Фриш заявляет, что, по его мнению, такое приглашение произведет «усложнение». Я отвечаю ему, что по статье 12 «Учреждения Государственного совета» председатель департамента может приглашать кого угодно, а потому я не понимаю, при чем тут Стишинский; что же касается «усложнения», то я привык рассматривать дела с точки зрения правильности их разрешения, а не усложнения или упрощения.

Вечером получаю повестку, что доклад дела о «дворянском отделе» отложен.

23 апреля. Вторник. День рождения императрицы Александры Федоровны. По экстренному в 10 часов поезду члены Государственного совета в числе других приглашенных отправляются в Царское Село. Дожидаемся окончания обедни внизу до наступления времени принесения поздравлений Их Величествам.

Такие собрания, вследствие затруднений, создаваемых климатом для общественных сходбищ, всегда имеют характер полуполитической полусалонной биржи; здесь встречаешь людей, к которым не имеешь основания поехать нарочно, а с коими тем не менее есть повод обменяться мыслями, так, например, на этот раз разговариваю:

1) с Дашковым так: «Позвольте мне вмешаться не в мое дело. Я видел Вашего молодого человека (великого князя наследника) в Государственном совете и в Финансовом комитете. Он крайне мил, любезен, искренен, но, конечно, ему надо много учиться в практическом смысле. Как полезно было бы, если бы он стал ездить в Первый департамент Сената во дни доклада наиболее важных дел, рассматриваемых при участии министров или их товарищей». Дашков: «Это было бы прекрасно, но как это сделать? Я могу сказать об этом императрице Марии Федоровне, но она не решится говорить об этом Государю». Я: «Особливо теперь». Дашков: «Да». Я: «В таком случае хотите, я уговорю великого князя Владимира Александровича сказать об этом Государю, приняв в основание, что он сам четыре года присутствовал в Сенате, а я, будучи обер-прокурором, готовил его к каждому заседанию». Дашков: «Это было бы очень хорошо».

2) С Плева: Я: «Вы – умный человек и примете то, что я Вам скажу, в истинном его смысле, не останавливаясь на отдельных словах. Скажите, как поступить с сипягинским представлением о Дворянском отделе? Вы, конечно, разделяете мое мнение, что такого вздора утвердить нельзя, но я понимаю, что еще в течение некоторого времени Вы должны быть осеняемы тенью Сипягина». Плева: «Об учреждении „отдела“ всенародно объявлено рескриптом 1 января на имя И. Н. Дурново, и потому нельзя оставить слова эти без всякого исполнения. Прежде всего я должен еще доложить об этом Государю».

Я: «Мне кажется, что желательнее бы оттянуть дело до осени». Плева: «Можно бы выставить необходимость приглашения к докладу нескольких предводителей, что ввиду приближения конца сессии представляло бы затруднение». Я: «Вполне с Вами согласен».

После такого соглашения Плева начинает высказывать мне желание иметь мою поддержку. Я отвечаю ему, что, конечно, человек, подставляющий, как он, лоб под пулю, чтобы поправить нагроможденные ошибки правительства, конечно, заслуживает поддержки от всякого благонамеренного и благомыслящего; что я готов его поддерживать, но не знаю, чем и когда могу быть ему полезен. Плева отвечает: «Вы крупная политическая личность. Вам ставится один упрек: Вы обращаетесь с людьми как с лимонами, кои бросают, выжавши из них сок». Я отвечаю, что,

к сожалению, и лимонов-то не видал и не вижу. Плеве повторяет просьбу о поддержке с моей стороны, присовокупляя, что и он, в свою очередь, может быть мне полезен.

Поддержку я ему обещаю, но о том, чтобы рассчитывать на его поддержку, умалчиваю: во-первых, потому, что мне она не нужна ни на что, а во-вторых, потому, что если бы и была нужна, то я бы на нее ни в каком случае не рассчитывал.

После поздравлений и завтрака за десятиприборными круглыми столами императрица Мария Федоровна, что называется, *fait cercle*¹, то есть разговаривает с некоторыми из числа присутствующих; императрица Александра Федоровна удостоивает этой чести лишь нескольких дам, а император ограничивается разговором с княгиней Долгорукой (рожденная Шувалова, жена обер-гофмейстера) и графиней Гендриковой (рожденная Гагарина, жена обер-церемониймейстера).

В 2 ½ часа поезд, возвращающий нас в Петербург.

25 апреля. Среда. Заседание Сельскохозяйственного совещания. Продолжительные разговоры об устройстве мелкого кредита для крестьян.

26 апреля. Четверг. В Соединенных департаментах заседание, должствующее сделаться достопамятным, об уничтожении круговой поруки при взыскании платежей с крестьян. Представление Витте принимается единогласно, так как единственного, но упорного противника этой меры – Сипягина, по счастью для России, более не существует, а его нимфа Эгерия², Мещерский, не имеет входа в стены Мариинского дворца. Витте хлопочет о том, чтобы мера эта была объявлена в форме манифеста, в котором было бы упомянуто и о сложении недоимок по выкупным платежам. Сольский не без основания колеблется в том, следует ли это делать. На вопрос, ко мне по сему предмету обращенный, отвечаю Сольскому, что компетентный в этом авторитет должен быть Плеве. В конце заседания товарищ Плеве, Стишинский, заявляет, что его начальник желает, чтобы об уничтожении круговой поруки и скидке недоимок по выкупным платежам было объявлено манифестом. К этому Стишинский прибавляет, что эти даруемые народу милости не должны бы распространяться на те пять уездов, в которых были аграрные беспорядки. Такое заявление вызывает выражение негодования в наиболее честных и благомыслящих членах.

¹ Совершает обход (*фр.*).

² Нимфа Эгерия – возлюбленная и советчица легендарного царя Рима Нумы Помпилия.

Вечером у меня собираются: Пален, Герард, А. Сабуров, Шамшин, Гончаров для обсуждения сипягинского проекта об учреждении дворянского отдела. Читаем записки: а) петербургского губернского предводителя дворянства Зиновьева и б) постановление девятнадцати губернских предводителей, собравшихся в Москве. В обеих записках высказывается полное неодобрение сипягинского проекта.

Поговорив о делах, переходят к сетованиям о настоящем и к воспоминаниям о прошедшем. Пален рассказывает, как во время исполнения им обязанностей председателя Комитета министров он получил представленное варшавским генерал-губернатором Гурко Государю предположение о том, что находящиеся в пределах Польши четыреста тысяч германских подданных составляют главную помеху успешности русского управления. На представлении этом была сделана такая высочайшая отметка: «Предложить им перейти в русское подданство и выслать в Германию тех, кои не захотят принять русское подданство». Пален поехал к Государю и доказал ему невозможность такого распоряжения. Государь зачеркнул такую свою резолюцию, которая в таком виде и хранится в архиве Комитета министров.

Другой рассказ Палена: Александр III приказал заготовить законопроект об уничтожении всех политических особенностей дворянства в Прибалтийском крае и уехал в Либаву на торжество открытия порта. Здесь он принимал на своей яхте курляндское дворянство и за происшедшим по этому случаю завтраком провозгласил тост за здоровье дворянства. Пален отвечал на это речью и выражением верноподданнических чувств дворянства, старейшим представителем коего он являлся, и в противность всякому этикету предложил тост за здоровье Государя с обычными криками «ура». По возвращении в Петербург Государь приказал отменить распоряжение об изготовлении законопроекта, сказав, что в бытность в Либаве он убедился в верноподданности чувств курляндского дворянства.

Герард рассказывает, как в бытность свою временноуправляющим Собственной канцелярией по учреждениям императрицы Марии¹ он однажды получил от Государя записку предшественника своего Грота, предлагавшую раздать большинство заведений канцелярии, подведомых подлежащим ведомствам, сведя канцелярию на минимум.

Герард об исполнении сего сообщил министру народного просвещения Делянову и доложил императрице Марии Федоровне, которая ничего о том не знала. При последовавшем потом свидании с Государем

¹ Имеется в виду Собственная его императорского величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии.

произошла бурная сцена. Государь стучал кулаком по столу и кричал: «Вы хотели меня поссорить с императрицей!..»

На днях Ванновский был в Аничковском дворце у императрицы Марии Федоровны и рассказал подробности своей отставки, приписывая ее и в особенности подробности облакавших ее форм влиянию Мещерского. Императрица не хотела этому верить, но сказала: «Если этому человеку открывают дверь, то [я] в нее выхожу».

26 апреля. Пятница. Великий князь Владимир Александрович сообщает, что по уведомлению берлинской полиции анархистами составлен заговор об убийстве Лубе во время пребывания его в России.

27 апреля. Суббота. Заседание Сельскохозяйственного совещания: много говорят о мелком кредите. Идолопоклонники 1861 года, в особенности Семенов, настаивают на необходимости раздвоения кредита на крестьянский и некрестьянский. Долго вертятся около того, кому поручить заведывание на местах мелкими кредитными учреждениями. Коковцов решается назвать земские управы, на что все и соглашаются. Выступает московский Щербатов, добросовестен, глуп, самонадеян. Витте заявляет, что он даст на мелкий кредит 10 миллионов без процентов à fonds perdu¹. Я спешу засвидетельствовать, что на беспроцентный подарок ни в каком случае не соглашусь.

29 апреля. Понедельник. Общее собрание Государственного совета. Маленькая стычка между Плеве и Муравьевым, очерчивающая лагеря. В такой войне побежденным, конечно, будет Муравьев.

30 апреля. Вторник. Приезжает ко мне Плеске, управляющий Государственным банком, человек весьма почтенный, чистый во всех отношениях, создавший теперешнее положение Государственного банка. Доказывает необходимость основать мелкий кредит на Государственном банке, имеющем такие огромные средства и всероссийскую сеть своих местных органов. Считает нелепостью сословное разделение кредита, беспроцентные выдачи денег, а также быстрое и насильственное насаждение кредита.

Вечером чтение дельной записки Федорова о причинах прогрессивного упадка сельскохозяйственной промышленности.

¹ Безвозвратно (фр.).

1 мая. Среда. Разговор с Плеве. Выставляю ему необходимость установить согласие в ходе работ обеих комиссий: сельскохозяйственной и крестьянско-устроительной. В то время как анархисты действуют единодушно, правительственная деятельность парализуется ведомственными препирательствами. В будущую субботу в нашей сельскохозяйственной комиссии должен произойти «обмен мыслей» по поводу двух записок: первая, химика Ленца, доказывает, что крестьянское земледелие сравнительно с крупным землевладельческим теряет ежегодно чetyреста пятьдесят миллионов пудов зерна, что равняется цифре нашего хлебного экспорта; вторая, Федорова, дает итоги ежегодной производительности в различных отраслях, доказывающие постоянное понижение и результатов, и инвентаря рядом с постоянно увеличивающимися цифрами народного богатства в соседних с нами государствах. Что же это доказывает? Что по этому пути мы должны прийти к народному разорению. Вот что скажет Сельскохозяйственное совещание, состоящее под председательством Витте; а что же скажет комиссия, председательствуемая министром внутренних дел?

На это Плеве дает такой ответ: «Совершенно секретно я должен сказать Вам, что я отнюдь не сектант в теориях о землепользовании. Я сознаю, что коллективизм и выразитель его – общинное владение – вздор, ведущий лишь к неурядице. Но я не могу допустить внезапного распространения на крестьян общегражданских прав во всей их полноте; переход к такому строю должен быть постепенный и вначале непременно должен сопровождаться¹. Считаю также необходимым сохранение известной части земельной площади в неотчуждаемом владении крестьян (Bauerland²) и, не допуская возможности, чтобы вся земля перешла в latifundia³, а крестьянское население превратилось исключительно в наемных рабочих».

Я отвечал, что с ним соглашаюсь во всем, исключая двух последних пунктов⁴, по коим необходимо более детальное обсуждение для высказывания мнения. Во всяком же случае до разрешения этого вопроса в корне надлежит озаботиться о спешествовании крупному землевладению

¹ Так в оригинале.

² Крестьянская земля (нем.).

³ Латифундия (крупное земельное владение, поместье).

⁴ Так в оригинале.

войти с крестьянскими руками в производительный союз в форме аренды, ипольного хозяйства, *métayage*¹ и т. д.

Резюмировал я этот разговор так, что, следовательно, обе комиссии могут сойтись в основах, а различие мнений может касаться лишь быстроты осуществления поставленных идеалов, предоставляя их достижения преимущественно естественному ходу событий, разумеется, не без правительственного содействия.

2 мая. Четверг. Разговор с Витте относительно предстоящего заседания Сельскохозяйственного совещания. Он настаивает на том, что у нас до сих пор идет одна безжизненная болтовня, а что так как никакое серьезное улучшение сельскохозяйственной промышленности невозможно без изменения форм землевладения и насаждения твердого права собственности, то и следует взять два-три уезда и в них, не щадя казначейских пожертвований, ввести наследственное подворное владение. На эту тему по поручению Витте составлена записка под псевдонимом Департамента неокладных сборов. Я выражаю сомнение в том, чтобы подобный проект мог при осуществлении своим принести пользу.

Витте чрезвычайно возбужден и встревожен. В этот день было у Государя в Царском Селе совещание, в коем участвовали Сольский, Плеве и Витте. Сольского Витте обвиняет в преступной слабости и уступчивости пред мнениями, очевидно исходившими из внушений негодяя Мещерского. Витте думает, что последний будет назначен членом Государственного совета и притом с другими лицами, к этому негодяю близкими!

Узнаю, что в Царском Селе Государь заявил, что не желает, чтобы закон об уничтожении круговой поруки был объявлен в какой-либо исключительной торжественной форме, а в виде обычного мнения Государственного совета. Разумеется, Сольский поддерживал это мнение, что и должно было раздражить Витте, предложившего эту форму, лестную для исходившего от него мероприятия. Точно также вопрос о сложении недоимок по выкупным платежам велено не связывать с отменой круговой поруки, а отложить до осени и рассмотреть прежде подробно. Признаюсь, что и в том и в другом вопросах я нахожу решение правильным.

В этом же совещании была речь о строящемся близ Петербурга Политехническом институте. Витте получил согласие Государя на открытие института, но Государь прибавил, что все-таки впоследствии надо будет передать институт в ведение Министерства народного просвещения. Витте возразил, что Министерство народного просвещения не может

¹ Ипольная аренда – аренда сельскохозяйственных земель с разделом плодов арендованной земли между арендатором и арендодателем (*фр.*).

справиться с главным вверенным ему делом. Если есть специальные учебные заведения, с коими их специальные начальства справляются ныне, то зачем же передавать эти специальные заведения в ведомство Министерства народного просвещения.

4 мая. Суббота. Убийца Сипягина казнен вчера в Шлиссельбургской крепости. За несколько дней пред сим к нему был послан священник Петров, который уговаривал его просить помилования. Балашев наотрез отказался это сделать, сказав, что подобный поступок приведет его единомышленников в уныние, тогда как смерть его побудит их к новым энергическим действиям.

Заседание Сельскохозяйственного совещания. Мелкий кредит. Я настаиваю на том, что всякий кредит должен быть чужд безвозвратности и безвозмездности. Чиновничьи сердца далеки от сочувствия моему заявлению.

Покончив с мелким кредитом, Витте предлагает обменяться мыслями по содержанию двух записок (Ленца и Федорова), в темных красках изображающих положение и хлебопашества, и скотоводства, и вообще всякой сельскохозяйственной производительности в России.

Неумолкаемый Семенов, по обыкновению желая отстаивать превосходство общинного владения и выставляя себя бесспорным авторитетом в деле статистики, доказывает неверность приводимых в записках цифр и неосновательность выводимого из этих цифр пессимизма. Его поддерживает валкий¹ во взглядах Ермолов.

Я говорю приблизительное следующее: «Не обладая столь обширными, как Петр Петрович, сведениями, я внимательно прочитал обе записки и не могу не отнестись с полным уважением к добросовестности, к искренности, к мужеству составителей их. Вопросы, ими затрагиваемые, положение, ими очерчиваемое, столь серьезно, заслуживает такого внимания, что нельзя не принять предложение нашего председателя о собрании материалов, нужных для обсуждения мер, необходимых, чтобы пособить злу. Но вопросы эти столь обширные, настолько приближаются к пределам нашей программы и даже иногда из них выходят, что труд этот нельзя совершить, не выслушав министра внутренних дел, мощное слово коего должно рассеять всякие по этому предмету недоразумения».

Слова мои были приняты с недоумением и не нашли поддержки в председателе, несколько испуганном моей смелостью.

¹ Так в оригинале.

Плеве в течение нескольких минут обдумал свой ответ, который, разумеется, был вполне одобрителен и полон сочувствия.

Таким образом, я достиг желаемого результата: выражения единодушия правительственных органов в столь важном порученном им деле.

6 мая. Понедельник. Рождение императора. Государственный совет приглашен в Царское Село для принесения поздравлений. В «Правительственном вестнике» объявлено назначение двух членов Государственного совета: а) Кривского – саратовского губернского предводителя дворянства, ярого представителя сословной и всякой иной реакции, б) Платонова, сенатора Кассационного департамента, ничтожного как личность, заявившего о себе как председателе мнимо-государственных бесед, некогда устраивавшихся у Татищева по инициативе Мещерского, влиянию коего приписываются оба назначения. Сам Мещерский получил Владимирский крест на шею. Все это возбуждает удивление, неудовольствие, можно сказать, негодование. Назначены два генерал-адъютанта: Мейендорф и Васильчиков, два генерала свиты: Абаза и Мосолов, два флигель-адъютанта: князь Трубецкой и граф Шереметев. Обширные страницы газеты наполнены множеством всякого рода чиновничьих поощрений.

В ожидании момента принесения поздравлений толпа мундирных поздравителей немножко слишком шумно сплетничает, устраивает делишки, сообщает друг другу новости, которые ничуть не привлекательны. В Вильне¹ ранили губернатора Валя, правда, дрянного во всех отношениях человека; в Нижнем и Саратове толпа с красными знаменами бушевала на улицах. Это вчера, а что будет завтра, так как редко проходит день без новостей подобного рода.

В шестивии поздравителей я иду за Ванновским и слышу, как вдовствующая императрица говорит ему: «Je suis heureuse de vous voir ici»².

После завтрака обыкновенный cercle, совершаемый Марией Федоровной в назидание молодых величеств, остающихся в углах и разговаривающих лишь с двумя-тремя наиболее приближенными (то есть подобострастными) лицами.

На обратном в Петербург пути сижу в вагоне с только что приехавшим из Парижа московским губернским предводителем дворянства князем Трубецким. Его заботит, быть может, в слишком значительной мере предположение Сипягина об учреждении в Министерстве внутренних дел Особого по делам дворянства отдела. Трубецкой

¹ Так в оригинале.

² «Я рада Вас здесь видеть» (фр.).

подтверждает все те ужасные о положении населения сведения, кои получаются в форме разных записок Сельскохозяйственным совещанием; утверждает, что в Париже открыто говорят об имеющих последовать в Петербурге покушениях.

Вечером с Боткиным и Китовым исправляем журнал Государственного совета о художественно-промышленном образовании.

7 мая. Вторник. Обед при дворе в царскосельском дворце в честь приехавшего в этот день президента Французской республики Лубе¹. Из членов Государственного совета приглашены председатели департаментов и статс-секретари. В этом последнем звании приглашен и я, независимо от того, что имею звезду Почетного легиона, полученную от французского Institut² в день празднования своего столетия. Мое старшинство в чине сажает меня за обеденным столом так высоко, что, очутившись почти насупротив Их Величеств, могу следить за происходящим. Разговора между хозяевами и гостем почти нет. Государь произносит свой тост прекрасно, без запинки, звонким голосом³. Старичок Лубе читает свою речь, составляющую почти повторение слов Государя. Возле меня сидит *secrétaire général du président Combarié* [?] ⁴, бойкий, расторопный человек лет сорока. После обеда нас представляют президенту, на которого жалко смотреть, до того он измучен всем тем, что ему пришлось в этот день проделать. Юные величества любезно разговаривают с французскими моряками и военными, но весьма скоро устают от этого нелюбимого ими занятия. Вдовствующая императрица, напротив, в назидание им держит и их, [и] нас более часа на ногах, разговаривая со множеством людей, избегая, конечно, высказать мне малейший знак внимания. Тень Володи Шереметева, должно быть, довольна. Домой на Морскую удастся добраться в двенадцатом часу. Уф!..

¹ 7 мая император Николай II записал в дневнике: «В 8 час[ов] утра отправился с д[ядей] Сергеем в Петергоф при отчаянной погоде. <...> С пристани сели на „Александрю“ и пошли в Кронштадт. В это время отряд французских судов входил на рейд между двумя линиями наших судов. Крейсер „Montcalm“ с Лубе стал на бочку на малом рейде, и д[ядя] Алексей привез президента на „Александрю“; забрав всю его свиту, пошли в Петергоф. С конвоем поехал с ним на станцию. По пути в Царское завтракали. <...> Отвез Лубе в Большой дворец. Затем он сделал визит Аликс и отправился в Гатчину к Мама. <...> В 7 ½ был парадный обед в Больш[ом] дворце с тостами» (Дневники Николая II. С. 660).

² Институт (фр.).

³ Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. № 61–62. С. 29–30.

⁴ Секретарь президента Комбарье (фр.).

11 мая. Суббота. В Департаменте законов рассматривается представление министра внутренних дел об учреждении дворянского отдела для заведывания дворянскими делами. Вызваны губернские предводители: петербургский – Зиновьев, московский – Трубецкой, тульский – Арсеньев, бессарабский – Бразоль. Первые двое энергически протестуют против такого учреждения, долженствующего не поддержать, а понизить значение дворянства¹; двое последних, напротив, выставляют дворянство как группу людей, получивших это звание в награду за чиновничью службу и чающих поддержки в тяжелые для них минуты². Андрей Сабуров произносит прекрасную речь в смысле первых двух. Я намеревался молчать, но, признавая невозможным для Государственного совета после выслушания заявлений предводителей ограничиться речью одного Сабурова, решаюсь экспромтом высказать несколько слов на такую тему: что дворянство в течение многих столетий служило основой государственного строя и вело население; что в 1785 году императрица Екатерина дворянской грамотой³ закрепила этот строй и отдала в руки дворянства все местное

¹ По мнению А. Д. Зиновьева, «с созданием этого отдела коренные права дворянства будут умалены», и их «дальнейшая роль» перестанет «соответствовать тому положению», которое оно занимало в государственном управлении. С экономической точки зрения, этот орган также представлялся предводителю дворянства бесполезным, где он должен был стать «не более чем регистратором обезземеления дворянства». Поддержавший Зиновьева П. Н. Трубецкой отметил, что в январе 1902 г. вопрос о создании отдела обсуждался на очередном собрании московского дворянства, и большинство высказались против (Соловьев. Самодержавие и дворянство I. С. 374).

² А. А. Арсеньев отметил, что орган будет обладать всей информацией о дворянстве. Функция контроля также казалась ему вполне уместной – отдел мог стать арбитром в дворянских спорах (Соловьев. Самодержавие и дворянство I. С. 374–375).

³ Имеется в виду Жалованная грамота дворянству («Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства»), освободившая дворян от обязательной службы. В ней устанавливались принципы организации местного дворянского самоуправления, личные права дворян, порядок составления родословных гражданских книг. Дворянское звание рассматривалось как неотъемлемое, потомственное и наследственное качество, распространявшееся на всех членов семьи дворянина. Основаниями для лишения дворянского звания могли быть только уголовные преступления. В соответствии с документом дворянам представлялись следующие права: право на дворянское достоинство, на защиту чести и жизни, освобождение от телесных наказаний и от обязательной государственной службы; полное и неограниченное право собственности на наследование любого вида имущества, в том числе на крестьян; дворянин имел право заниматься предпринимательской деятельностью и др.

управление и суд, сохранив на местах одного губернатора в качестве представителя правительственной власти; что последовавшие в XIX столетии события изменили во многих отношениях положение дворянства, но что, без сомнения, за ним остается та обязанность, которую оно несло в течение нескольких столетий – обязанность вести меньшую братию по пути преуспеяния, в основе коего лежит преданность престолу, любовь к Отечеству. Для исполнения этой обязанности дворянству не нужно создание ни Дворянского отдела, ни какого бы то ни было другого учреждения, но существует другая категория соображений, до дворянства касающихся, конечно, заслуживающая внимания. Совершившиеся в XIX столетии события изменили в некоторых отношениях положение дворянства, но не изменили государственной задачи, на нем лежащей, – ведения сельского населения по пути порядка, труда, улучшения нравственной и материальной его жизни. Задачу эту дворянство преследовало, преследует и будет преследовать независимо от существования или несуществования какого бы то ни было специального для сего органа. Но рядом с этим могут быть соображения, представляющие основания к учреждению предлагаемого Дворянского отдела. В последние годы происшедшие в государственном строе перемены тяжело отозвались на отдельных личностях, на целых группах, к дворянству принадлежащих; захудалость, материальные трудности поставили этих лиц, эти группы в затруднительное положение, и правительство справедливо считает необходимым прийти к ним на помощь. Вот для облегчения средств к осуществлению этой помощи я понимаю пользу установления чего-то вроде бюро, служащего центром всякого рода сведений, облегчающего заявления и осуществления содействия и помощи, когда она может понадобиться.

Мое заявление встретило опровержение со стороны Плеве, который сказал, что ни в каком случае не может смотреть на отдел как на бюро благотворительности. Самое представление, Сипягиным сделанное, Плеве защищал слабо и, так сказать, против сердца. Говоря о расходе, необходимом для этого нового учреждения, Плеве сказал, что он не потребует новых средств, а найдет их в смете Министерства внутренних дел. При этом он указал на существующую при Министерстве внутренних дел общую канцелярию, которая имеет обязанностью готовить министра к заседаниям Комитета министров и Государственного совета, в чем он, Плеве, по приобретенной им служебной опытности не нуждается. Соединенное присутствие поспешило предложить Плеве удовлетвориться тем, что эта канцелярия будет ему докладывать дворянские дела, а отдела не создавать. На этом и помирились.

В этот же день в Сельскохозяйственном совещании происходит обмен мнений по запискам, присланным совещанию разными лицами. Для сего «обмена» председатель ставит вопросы, в числе коих встречается такой: «На что нужно рассчитывать для улучшения сельского хозяйства крестьян? На их самодеятельность или на бюрократическую опеку?» Я заявил, что рассчитываю на самодеятельность, но что в этом вопросе оставлено без внимания полезное влияние местных землевладельцев. Такое заявление принято неодобрительным молчанием чиновничьей толпы. Представители консерватизма или отсутствуют (Воронцов, Кочубей, Толстой), или молчат: Шереметев, Долгорукий.

13 мая. Понедельник. В общем собрании отстаиваю произведенное мной в Департаменте разногласие по вопросу об уставах для артелей. Говорю между прочим, что народное богатство слагается усилиями мускульного и мозгового труда, располагающего сбережениями, созданными трудом предшествовавшим. Что рознь между этими двумя факторами ослабляет, делает малопродуктивной деятельность человеческую. Между тем нашлись учителя – лжеучители, – утверждающие, что эти два фактора должны неизбежно пожирать друг друга. Русский здравый смысл в лице существующих ныне артелей нашел успешное средство разрешения этого вопроса, а бюрократическое вмешательство намерено на будущее время уничтожить достигнутые жизнью артелей результаты.

15 мая. Среда. В Департаменте наук и торговли. Выступаю противником состоявшегося постановления об обязательном введении в Польше пенсионных касс при горных заводах. Представление министра земледелия Ермолова не содержит никаких цифровых статистических данных о размерах вычетов, о размерах пенсионных окладов, а между тем устанавливается взывание по четыре процента с заводладельца и столько же с рабочих. Вся сумма такого налога составляет около одного миллиона двухсот тысяч рублей, то есть итог вдвое значительнее, чем итог годового промыслового взимания. При этом нет уверенности, что взыскиваемые суммы будут достаточны для поддержания касс, а, следовательно, и нет уверенности, что это насильственно оказываемое рабочим благодеяние будет действительно благодеянием; в ожидании же выяснения результатов такого мероприятия не только горнозаводские рабочие всей России, но все рабочее население на каких бы то ни было заводах потребует того же самого. Каково будет при этом брожение, волнение? Каково будет неудовольствие

в случае неудачи? И все это во время, когда смута и беспорядки ежедневно повсюду распространяются.

Настаиваю на необходимости возвратить все дело Ермолову для дополнения многочисленными указанными мной данными, что и принимается общим присутствием Соединенных департаментов единогласно.

17 мая. Пятница. Последнее заседание Соединенного присутствия в нынешнюю сессию, посвященное рассмотрению последней главы Уголовного уложения, а также выслушанию самохвального, фельетонного изложения взгляда министра юстиции Муравьева относительно средств устройства тюрем, на что он просит ассигнование [в] тридцать миллионов, в оправдание этой суммы представляя одни лишь общие соображения. Не упоминаю о комичном заявлении Галкиным-Врасским о своих заслугах на пользу тюремного дела. Что за надутая пошлость!

18 мая. Суббота. Вечернее заседание Сельскохозяйственной комиссии. Выслушиваем заявления экспертов относительно дифференциальных тарифов на перевозку зерна. Суммарное впечатление такое, что этого вопроса касаться не следует под опасением принести более вреда, чем пользы.

20 мая. Понедельник. Общее собрание Государственного совета. Множество дел, но без выдающихся прений. После заседания великий князь Михаил Николаевич удерживает меня, чтобы разговаривать, покуда Репин пишет его портрет для большой картины¹. Темы обычные: воспоминания о прошедшем, сетования на современное и в особенности на поведение младших членов семейства. Племянники Алексей и Павел не были у дяди со дня возвращения его из-за границы, а когда он захотел поздравить Алексея по случаю его именин, то узнал, что он уже находится в Париже.

21 мая. Вторник. Заседание Сельскохозяйственного совещания. Происходит обмен мыслей по запискам, совещанию доставленным. Для такого обмена поставлены вопросы, как, например, признается ли, что условия ныне существующего землепользования крестьян служат препятствием развития сельского хозяйства, и если признается, каким

¹ Речь идет о «Портрете председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича» (1902) И. Е. Репина, написанном для картины «Торжественное заседание Государственного совета».

путем идти для устранения этого препятствия: а) законодательным или б) преимущественно практическим (то есть в виде фактического устройства быта крестьян на месте по добровольному с ними соглашению).

Последние слова намекают на мысль Витте, что можно деньгами и административным влиянием склонить крестьян избранной для сего местности разделить свою общинную землю на участки, размерами своими долженствующие сделать возможною иную, чем ныне, обработку.

После продолжительных прений решают передать записку Департамента окладных сборов (разумеется, по приказанию Витте) на обсуждение специально избранной для сего комиссии.

22 мая. Среда. По приглашению княгини М. С. Щербатовой захожу к ней посмотреть на купленный ей от графа Ферзен туалетный сервиз, принадлежавший их общей бабке. Сервиз ничего выдающегося не представляет, но по поводу этого осмотра обхожу залы Строгановского дворца, наполненные множеством художественных сокровищ. И самые предметы, и стены, их вмещающие, и убранство этого вельможного жилища — все это переносит далеко назад. Оглядываясь на пройденный путь, вспоминая выдающихся на троне и вокруг трона деятелей, с грустью опускаешь взоры на окружающую нас сегодня толпу мелко себялюбивых людишек.

23 мая. Четверг. Пишу Государю следующее: «Прошу у Вашего Императорского Величества позволения доложить о нижеследующем: князь А. В. Бярятинский, получив в наследство после матери своей бумаги леда своего, князя Чернышева, представил бумаги сии в распоряжение Исторического общества и сверх того изъявил готовность принять на свой счет расходы по изданию их. Я был бы счастлив, если бы Вам угодно было, Государь, удостоить Бярятинского милостивым словом.

В Публичной библиотеке находятся ныне записки графа Корфа. Так как они содержат ценные сведения о многих деятелях николаевского царствования, биографии коих готовятся у меня к печати, то я просил покойного Шильдера помочь мне в извлечении этих сведений. Ныне за смертью Шильдера и за прекращением занятий в Государственном совете я готов бы сам исполнить эту работу, если на то последует высочайшее Вашего Императорского Величества разрешение». Подписано: «статс-секретарь Половцов».

Доклад этот был мне возвращен с такою резолюцией: «Можете принять на себя работу извлечения сведений из записок графа Корфа, нужных для биографий. Николай».

О Барятинском ни слова. Такое молчание на мою скромную просьбу по меньшей мере грубо и даже трудно объяснимо иначе, как влиянием избитого сыновьями моими и потому враждебного ко мне Мещерского.

Самая форма разрешения пользоваться записками Корфа также далека от самой непритязательной вежливости. И это после тридцатилетних трудов моих по русской истории, трудов, установивших правдивый взгляд на ход событий, столь превратно излагавшийся и отечественной, и заграничной прессой до создания, по моей мысли, Исторического общества и до издания мной обильных и вполне достоверных документов. Такая резолюция подтверждает распространившееся за последнее время убеждение, что юного царя сбили с толку негодяи, как Сипягин, Мещерский и т. п., уверившие его, что он, следуя исключительно своему личному внушению, тем самым осуществляет веления Божеского промысла и что, следовательно, никакая посторонняя его личным намерениям инициатива не должна быть допущена, хотя бы она содержала лишь скромную просьбу о любезном слове человеку, принесшему пользу общественному делу. В эпоху падения Римской империи то же самое делалось проще: императоров просто провозглашали богами!

На днях министр финансов, желая получить приказание о пожертвовании на пользу пострадавших в Мартинике¹, дал своему ходатайству такую форму: «Если Ваше Величество прикажете перевести какую-либо сумму в Париж для пособия пострадавшим в Мартинике, то позвольте просить, чтобы перевод денег был в таком случае поручен министру финансов».

Ответ был такой: «Об ассигновании суммы я сделаю распоряжение, но перевод будет поручен Вам».

Управляющий Министерством народного просвещения при докладе получил от Государя написанный его рукой проект рескрипта на имя его, Зенгера. В рескрипте излагалась программа, которой должен был следовать новый министр в организации ныне вполне разорганованного народного образования. И самое существо, и подробности, и формы изложения были таковы, что Зенгер счел невозможным принять на себя такое поручение, что и выразил немедленно. Государь предложил ему тотчас же с карандашом в руках сделать надлежащие изменения. Зенгер просил позволения взять эту бумагу домой и над ней поразмыслить. В следующий доклад Зенгер принес свои письменные

¹ Мартиник, Мартиника (*фр.* Martinique) – остров в Карибском море, владение Франции. В 1902 г. извержение вулкана Мон-Пеле почти полностью разрушило крупнейший город Мартиники – Сен-Пьер.

замечания, но Государь, не приступая к их рассмотрению, оставил их у себя, вероятно, для того, чтобы советоваться с Мещерским?

Какие ужасы готовит Отечеству подобный хаос.

24 мая. Пятница. Разговаривая с Паленом, слышу от него следующий рассказ: «Будучи в коронацию нынешнего Государя назначен верховным маршалом, я имел случай видать его очень часто и воспользовался этим, чтобы предложить ему повторить то, что было сделано его отцом, а именно подтвердить волостным старшинам то, что они слышали от Александра III относительно тщетности надежд на увеличение земельных наделов с указанием на то, чтобы крестьяне слушались предводителей дворянства. Государь принял с удовольствием такое предложение и заучил слова, набросанные Паленом».

После произнесения их в присутствии всех собранных волостных старшин, а также и губернских предводителей водворилось гробовое молчание. Тогда Пален подошел к Государю и сказал, что предводители хотят благодарить Государя за такую речь и, обратясь к московскому предводителю Трубецкому, вызвал его для произнесения речи. Ни Пален, ни Трубецкой не сговаривались, и все произошло экспромтом, но произошло благополучно.

Молодой Государь был в восхищении от удавшейся церемонии и по возвращении в Кремль обнимал и целовал Палена.

Через несколько дней произошла ходынская катастрофа. Пален по доверию Государя должен был произвести расследование, которое, конечно, выставило главным виновником великого князя Сергея Александровича. Отношения двух сестер и двух *beaufrèg'ov*¹ были весьма нежные. Высказанная Паленом правда Государю не понравилась, и с тех пор Пален впал в немилость.

26 мая. Воскресенье. В Соляном городке. Заседание комитета Музея прикладных знаний. Председательствует Петров, председатель Технического общества. Рассматривается отчет за 1901 год и смета на 1902 по содержанию здания Соляного городка в тех частях, в коих помещается Техническое общество, Педагогический и Кустарный музеи. Обсуждается бумага, полученная от министра земледелия Ермолова, с просьбой А. Н. Нарышкиной об отдаче ей для устройства лавки, могущей продавать произведения кустарей в том самом помещении, которое должно быть отдано нашему Рисовальному училищу. Убеждаю комитет отказать, и редактируется журнал довольно убедительный.

¹ Beau-frère – здесь: шурин (брат жены) (*фр.*).

27 мая. Понедельник. В общем собрании многочисленные разногласия, особенно по представлениям Дурново об измышлениях совещания о дворянских нуждах. Почти все сводится к нулю.

Внесенное по настоянию великого князя Александра Михайловича дело об учреждении Комитета по торговому мореплаванию. За последнее время учрежден в составе Министерства финансов Совет торгового мореплавания, отдел мореплавания, а теперь Александр Михайлович хочет забрать в свои руки как председатель комитета дело, не лишенное возможности барышей для людей, к нему прикасающихся. Присутствие Соединенных департаментов единогласно отвергло это представление, и товарищ министра финансов остался при своем мнении один. В общем собрании Витте предлагает возвратить ему это дело для переработки, но признав в принципе пользу учреждения Комитета. Сабуров в качестве представителя Соединенного присутствия отвергает это предложение. Сольский, Фриш, Чихачев стараются придумать «редакции», могущие понравиться великому князю – председателю, который под гнетом своего сына откладывает доклад дела до субботы. Тяжкое впечатление! Бедный совет!

28 мая. Вторник. Из вполне достоверного источника: Государь всецело под влиянием и обаянием вызванного из Лиона, именующего себя оккультистом некоего Филиппа. Этот проходимец познакомился во Франции с Милицей и Анастасией Николаевнами Черногорскими, состоящими в замужестве за великим князем Петром Николаевичем и принцем Лейхтенбергским Георгием Максимилиановичем. По их внушению Филипп вызван был в Петербург, представлен Государю, начал вызывать ему духов и прежде всего тень его отца Александра III, который диктует своему сыну приказания относительно того, как следует управлять нашим бедным Отечеством. Относительно Филиппа были собраны нашими полицейскими агентами сведения. Оказалось, что его во Франции преследуют за неблагоприятные проступки: обман, биржевую не совсем честную игру и т. п. Сведения эти были представлены Сипягину, который возвратил их представлявшему их агенту со словами: «Я никогда ничего от Вас не получал и ничего не знаю». Тогда сведения эти были представлены Государю, как кажется, чрез Гессе. Государь, прочитав их, бросил бумаги на пол и стал топтать ногами. Решено было дать Филиппу чин действительного статского советника и диплом доктора медицины, о чем и дано было повеление Куропаткину, согласно сему представившему требуемый диплом.

Кроме вызывания духов и вообще спиритизма Филипп занимается здоровьем императрицы, заявив, что он может обеспечить рождение сына, если не на этот раз, то непременно на следующий. Руководясь исключительно сообщениями, назиданиями этого авантюриста, Государь ни с кем более ни о чем не советуется, а дает только приказания, им импровизированные, без предварительного обсуждения и согласования с обстоятельствами, с потребностями, с целями сколько-нибудь обдуманно. Не говоря о сотнях тысяч рублей, кои разлетаются во все стороны, министр финансов получил приказание назначить князю Черногогорскому пенсию в три миллиона, которую ему на этот раз удалось свести на двести пятьдесят тысяч руб.

В поддакиваниях и науськиваниях в смысле ни с кем и ни с чем не согласованного произвольничания не было надобности в таких негодях, как Сипягин, Мещерский и Филипп. Уже и без них юный император был падок на самообольстительное самовластие. Вот резкие примеры его на эту тему выходок.

Осенью 1900 года приехал в Крым греческий принц, ныне управляющий островом Кандией. Принц этот, будучи двоюродным братом царя, путешествовал с ним по Востоку и в день нападения на него в Японии находился возле Николая Александровича. Вследствие сего между двумя двоюродными братьями установилась весьма дружественная, товарищеская нота. Во время дружеских прогулок и купаний в море принц стал упрашивать Государя настоять на передаче Крита¹ в собственность Греции. Государь согласился и приказал Ламздорфу написать соответствующую сему ноту турецкому правительству. Перепуганный Ламздорф, не зная, как выйти из подобного неожиданного затруднения, послал к Государю нашего в Константинополе посла Зиновьева, чтобы объяснить невозможность приведения такого приказания в исполнение. Доклад Зиновьева ни в чем не изменил решения Государя. Тогда Ламздорф придумал такую уловку: соглашаясь с возможностью исполнить это приказание, он стал настаивать на том, что для успешного достижения цели было бы всего лучше посоветовать греческому принцу объехать главнейшие европейские дворы и заручиться их согласием, а уже

¹ Остров Крит, стремившийся к отделению от Оттоманской империи к Греции, был принят в управление великими державами при номинальном сохранении турецкого суверенитета. По предложению России верховным комиссаром острова Крит был назначен Георгий Георгиевич, двоюродный брат Николая II. Последний неоднократно упоминал об этой проблеме в дневнике: «Болтал с Джоржи долго о Крите» (21 сентября 1900 г.), «Долго разговаривал с Джоржи о критских делах» (24 августа 1902 г.).

потом начать действовать. Государь согласился и поручил Ламздорфу написать циркулярные письма главнейшим европейским министрам иностранных дел. Разумеется, Ламздорф постарался изложить свою просьбу как можно менее настойчиво, но Государь собственноручно переделал написанное Ламздорфом в желаемом для него смысле. Письма эти были переданы принцу Георгу, и он отправился путешествовать с ними по Европе. Но в то же время Ламздорф послал русским дипломатическим агентам предписание отнюдь не поддерживать претензии принца Георга. В итоге, конечно, получился результат отрицательный, и тогда принц написал Государю резкое письмо, обвиняя его в несдержании обещания. Тогда Государь призвал Ламздорфа и жаловался на неблагодарность принца Георга. Ламздорф, конечно, поддержал такую оценку личности принца Георга.

Другой пример трудности ведения дел.

В Берлине служит морским агентом некий Полис, исполнительный, бойкий офицер, по происхождению из евреев и известный между товарищами за интригана. При его отъезде в Берлин Государь сказал ему, что Остен-Сакен (наш посол) уже очень устарел и ослабел, а Ламздорф и все Министерство иностранных дел проникнуты духом формалистики и канцеляризма, а потому он поручает Полису войти в возможно близкие сношения с Вильгельмом и обо всем писать ему, Государю, в собственные руки. Вследствие этого начались и доселе продолжают постоянные недоразумения, так как немцы объявляют Остен-Сакену и Ламздорфу, что то или другое обещано им Государем. Незадолго до приезда Loubet¹ Полис находился в Петербурге и на каком-то собрании подошел к французскому послу Монтебелло и сказал ему приблизительно следующее:

«Je suis Poliss, je voulais vous dire qu'il serait tres agréable a l'Empereur d'Allemagne si monsieur Loubet en allant à Petersbourg ou en revenant passait par Berlin. Je puis vous affirmer que l'empereur Nicolas approuverait tout à fait cette manière d'agir»². Монтебелло отвечал: «Pardon, monsieur, je n'ai pas l'honneur de vous connaître et une question de cette nature ne saurait être traitée par moi qu'avec le ministre des affaires Étrangères»³. Разговор

¹ Лубе (фр.).

² «Я Полис, я хотел бы сказать Вам, что германскому императору было бы очень приятно, если бы господин Лубэ по пути в Петербург либо на обратном пути заехал в Берлин. Я Вас уверяю, что император Николай одобрил бы подобный образ действий» (фр.).

³ «Извините, господин, но я не имею чести быть знакомым с Вами, и вопрос подобного рода должен обсуждаться не со мной, а с министром иностранных дел» (фр.).

этот был передан Монтебелло Ламздорфу. Ламздорф при первом докладе доложил об этом Государю, который отвечал: «Да, об этом было упомянуто вскользь, но я не знаю, зачем же Полис говорил об этом Монтебелло». Тем дело и кончилось.

В таких же отношениях Государь состоял с графом Муравьевым-Амурским, военным агентом в Париже, но этот человек, сделавшись адептом Филиппа, окончательно сошел с ума и был уволен от своих обязанностей, а теперь посажен в дом сумасшедших.

29 мая. Вернувшийся с представления в Петергофе императрице Александре Федоровне зять мой Бобринский сообщает, что нашел возможность включить несколько слов, рассеявших, по-видимому, неудовольствие Ее Величества на наше Рисовальное училище. Он сказал ей, что хотя нынешней зимой и было доложено Ее Величеству, что по постановлению совета училища решено не допускать посторонних выставок, но что последующим определением сделано изъятие для всех выставок, открываемых по желанию императрицы и по свойству выставляемых предметов, имеющих связь с целями, преследуемыми училищем.

Обедающий у нас в этот день Анатолий Куракин рассказывает, что представлялся императрице Марии Федоровне, которая, зная, что он крупный землевладелец и занимается сельским хозяйством, много спрашивала его о том, что творится в деревне, и, выслушав его, советовала обо всем составить записку и послать Государю, обещая, что с своей стороны поддержит его. В своем изложении Куракин между прочим сказал: «*Ce n'est pas seulement l'ordre public, c'est la monarchie elle-même qui est menacée, madame*»¹.

30 мая. Четверг. Приходил Победоносцев. Рассказывает, что на болгарском обеде сидел против императора и видел, как его соседка Милица Николаевна неумолкаемо с ним болтала. Легко угадать, что было предметом их разговора. После обеда Победоносцев подошел к ней и сказал: «А я узнаю, что Вы и нашими архиереями занимаетесь, что Вы вызывали Антония, нового архиерея подольского». Ответ: «Я слышала о нем много хорошего и желала видеть его поближе. Ведь у меня есть верхнее чутье, которым я распознаю выдающихся людей». Победоносцев: «Верхнего чутья мало, надо еще иметь нижнее чутье для распознавания низшего качества людей, чтобы не попасть в сношения с людьми недостойными,

¹ «Не только общественный порядок, но сама монархия находится под угрозой, мадам» (фр.).

с какими-нибудь авантюристами, от которых потом не отделаешься». Бывши на днях у Государя, он получил от него такой вопрос: «Что Вы скажете о новом начальнике управления по делам печати?» Победоносцев. «Да, кажется, он хороший человек, я был у него на днях и застал его в великом затруднении. Он держал в руках номер „Гражданина“, в котором была ругательная статья на Драгомирова, киевского генерал-губернатора, и вот Зверев не знал, как поступить». «Вы читали эту статью?» – спросил Победоносцев Государя. «Да», – отвечал последний, усмехаясь. Тем разговор и кончился.

Заходит Алексей Оболенский, новый товарищ Витте. Рассказывает, что, принимая его, Государь очень благодарил его за то, что он согласился принять это назначение. Оболенский сказал ему, что дело это вовсе ему не по душе и что поставленная в основание его двоякая цель – поднятия дохода и отрезвления населения – решительно несовместимы. Государь сказал, что совершенно разделяет его мнение. Но когда Оболенский его спросил, может ли он руководствоваться таким взглядом, то он поспешил сказать: «Нет, я еще не вполне уверен».

31 мая. Пятница. Приезжает из Царского Села запросто с нами обедать великий князь Владимир Александрович, только что вернувшийся из Испании, где присутствовал на праздновании совершеннолетия юного короля¹. Относительно Парижа рассказывает, что они там живут вне светского вихря, видая только друзей; рассказывал анекдоты про писателя Montesquieu² и его остроумные и злые подчас выходки. Рассказывал про князя Фердинанда Болгарского³, с которым ему предстоит завтра объезжать расположенные в Красном войсковые части, что он такой приятный собеседник, с таким юмором говорит про собственное положение как монарха, но добросовестно трудится над созданием прочного положения для своего сына; с каким уважением и какой благодарностью отзывается о покойной жене. Великий

¹ Имеется в виду Альфонсо XIII.

² Монтескье (*фр.*).

³ Николай II писал о визите Фердинанда Болгарского в дневнике. Он прибыл в Петергоф 28 мая. Следующий день «Фердинанд провел» в «Питере». Вечером состоялся парадный обед в честь его визита. «После чего он поднес хорошо сделанную модель памятника Аппапа (имеется в виду Александр II. – *О.Г.*), который будет поставлен в Софии. При этом присутствовали члены болгарского комитета по постройке памятника. Кроме того они поднесли еще альбом с рисунками видов полей сражений 1877 г.». 31 мая «в 7 ½ принялись и простились с болгарской свитой. Фердинанд обедал с нами и пробыл до 10 часов» (Дневники Николая II. С. 664–665).

князь говорит, что императрица Александра Федоровна ждет родов около 6 августа и что она так хорошо скрывала свое положение, что он о нем узнал лишь в конце марта.

АВГУСТ

30 августа. Пятница. Возвращаюсь из Монте-Карло, куда принужден был отправиться вследствие тяжкого припадка подагры. Врачи (Павлов) заявили, что петербургский климат и в особенности погода нынешнего лета таковы, что излечение здесь для меня невозможно. Действительно до вагона меня донесли на руках, в Монте-Карло я вышел, еле двигаясь с помощью двух костылей, а через две недели я уже мог ходить почти без помощи одной трости.

Приехав в Царское Село, я нашел там полное затишье и почти пустыню. Из лиц ближе знакомых здесь один Победоносцев, проживающий в большом дворце и занимающий квартиру, когда-то принадлежавшую князю Горчакову. Победоносцев по-прежнему все охает и хнычет. Да и в самом деле, положение или, правильнее выражаясь, механизм правительственной деятельности не имеет ничего утешительного.

Государь по интригам двух черногорок (Милица и Стана) попал в руки подозрительного авантюриста, француза Филиппа, которому, не говоря о всяких других его проделках, мы обязаны постыдным приключением императрициных лжеродов. Путем гипнотизирования Филипп уверил ее, что она беременна. Поддаваясь таким уверениям, она отказалась от свидания с своими врачами, а в середине августа призвала лейб-акушера Отта лишь для того, чтобы посоветоваться о том, что она внезапно стала худеть. Отт тотчас заявил ей, что она ничуть не беременна. Через несколько вслед за тем дней она выкинула ком запекшийся крови, образовавшийся вследствие того, что она в течение девяти месяцев лишена была месячного очищения¹.

¹21 августа 1902 г. Николай II записал в дневнике: «Слава Богу, состояние Аликс было хорошее, спала она крепко. Но к ней приставали с расспросами о „нашем друге“. Вообще о нем разносят такой вздор, что тошно слушать, и не понимаешь, как люди могут верить чепухе, о которой сами болтают!» (Дневники Николая II. С. 678). В обществе муссировались многочисленные слухи о причинах прерывания беременности императрицы. Варианты подобных слухов и привел в дневнике Половцов. Знакомство с Филиппом и его возможное влияние на царскую семью волновало и родственников императора. 19 августа великая княгиня Ксения Александровна писала фрейлине

Объявление об этом было сделано в «Правительственном вестнике» весьма бестолково, так что во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как, например, что императрица родила урода с рогами, которого пришлось придушить, и т. п.

Такой эпизод не поколебал однако доверия императорской четы к Филиппу, который продолжает в глазах их быть превосходным и вдохновенным человеком. Черногорки неустанно привлекают эту бедную императрицу к слушанию чтения житий святых и стараются сблизить тип Филиппа с типом святых. Все это было бы смешно, если бы не было столь грустно.

Такое сближение псевдо-небесного с материально-земным отражается на воззрениях и приемах императора, а не одной императрицы. Вот тому иллюстрация: 13 июля Победоносцев завтракал у Их Величеств¹. После завтрака императрица заявила ему, что она прочитала житие отшельника Серафима Саровского, что чтение это внушило ей убеждение, что Серафим заслуживает быть провозглашенным святым и что так как 19 июля (через шесть дней) празднуется день его смерти, то она желает, чтобы Победоносцев распорядился так, чтобы в этот день Серафим объявлен был святым. Тщетно Победоносцев стал объяснять, каким порядком производится такое объявление, императрица настаивала на том, что это должно быть сделано и трижды повторила свое требование.

Вслед за тем Победоносцев получил от Государя записку, в которой говорилось, что, конечно, в шесть дней нельзя исполнить требование императрицы, но что провозглашение Серафима святым должно последовать не позже 19 июля 1903 года!?

императрицы, княгине А. А. Оболенской: «Мама воспользовалась случаем и говорила откровенно с Ники про Ф[илиппа] – она все сказала, что у нее было на душе, но, к сожалению, получила довольно туманные объяснения, хотя он сказал, что все очень преувеличено, что рассказывают, и т.д.». На следующий день великая княгиня вновь писала Оболенской: «Мама и я говорили сегодня с ними обоими про Ф[илиппа], и я почувствовала большое облегчение, но, к сожалению, они опять ничего нам не разъяснили и только удивлялись, почему все вообразили, что они скрывают свое знакомство с Ф[илиппом]... А тайна все-таки остается тайной – кто он такой, мы так и не выяснили! Они сказали, что он очень скромный человек и что с ним приятно говорить, так как он так хорошо понимает вещи и говорит “things which do one good” („то, что приносит пользу“ – *англ.*)» (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. XIV. М., 2005. С. 504).

¹ 13 июля Николай II записал в дневнике: «Завтракал К. П. Победоносцев» (Дневники Николая II. С. 674).

Вмешательство в дела духовные, по-видимому, почитается правом высшей правительственной власти. Доказательством тому служат два бракоразводных дела.

О пистолькорсовом разводе я уже говорил здесь. Дело остановилось на том, что Государь приказал через Победоносцева не давать развода. Теперь Победоносцев получил приказание двинуть дело, потому что «великий князь Павел Александрович дал обещание не жениться на госпоже Пистолькорс». Вследствие неопределенности сведений о том, кому и в каких выражениях дано было обещание, Победоносцев вторично испросил категорического повеления и получил подтверждение прежде сказанного. Согласно сему развод был произнесен духовными властями. Любопытны некоторые при этом инциденты. Императрица Мария Федоровна, вызвав Победоносцева, спрашивала его, нельзя ли обойтись без развода, припугнув (sic) супругов Пистолькорс. Великий князь Владимир Александрович, передавая Победоносцеву письмо госпожи Пистолькорс, в котором она просит о разводе и говорит о своих детях, сказал: «Ну, ее дети, кто знает, какие у них отцы». Другое бракоразводное дело – Голицына. Он много лет тому назад женился на цыганке и, имея от этого брака четырех детей, развелся двадцать лет тому назад, причем, как это обыкновенно делается, принял на себя вину в прелюбодеянии, последствием чего было запрещение нового вступления в брак. Несмотря на это запрещение, он вновь женился на какой-то гувернантке. Теперь после двадцатилетнего сожития с этой гувернанткой он возымел желание жениться на некоей госпоже Краснокутской и, чтобы освободиться от второй жены, выставляет то обстоятельство, что второй его брак недействителен, так как он не имел права его заключать. Основанное на такой аргументации ходатайство вследствие закулисных интриг и происков удостоивается высочайшей поддержки!

Если дела личные привлекают высочайшее внимание, то дела правительственные скользят быстро. Например: в последний свой доклад Победоносцев, сидя у Государя и заметив, что приближается час завтрака, сказал Государю, что в приемной ожидает министр двора Фредерикс. На это Государь сказал, что у Фредерикса немногочисленные дела. Вслед за Победоносцевым вошел к Государю Фредерикс, но немедленно вышел из государева кабинета, потому что ему приказано отложить доклад на неделю. При этом Фредерикс рассказал, что живет у себя в деревне, на станции Сиверской, куда все подчиненные посылают ему доклады, так как он в Петербург не ездит, а лишь один раз в неделю отправляется с докладом к Государю.

СЕНТЯБРЬ

1 сентября. Будучи в Петербурге, заезжаю к Витте. Застаю его весьма мрачным и меланхоличным. Ведение дел и положение лиц, дела ведущих, особливо министра финансов, делается все более затруднительным. Главной причиной – опять-таки все более и более резко выдающееся настроение Государя, настроение, главным образом внушенное черногорками и их протезе Филиппом. Этот, по оценке своих покровительниц, святой человек внушает Государю, что ему не нужно иных советников, как представителей высших, духовных, небесных сил, с коими Филипп ставит его в сношение. Отсюда нетерпимость какого бы то ни было противоречия и полный абсолютизм, выражающийся подчас абсурдом. Если на докладе министр отстаивает свое мнение и не соглашается с мнением Государя, то через несколько дней получает записку с категорическим приказанием исполнить то, что ему было сказано. В черногорско-филиппском вопросе большую роль играет денежный вопрос. Прошлой осенью Стана и Милица, находясь в Ялте, вызвали к себе Витте и стали требовать от него, чтобы он согласился на крупную денежную выдачу их отцу, черногорскому князю. Витте отвечал решительным отказом, и тогда Стана с запальчивостью сказала ему, что она заставит его раскаиваться в таком отказе. На второе приглашение Витте не поехал и остался с обеими сестрами во враждебных отношениях. Это, конечно, не помешало и Филиппу, и черногоркам получать от Государя многочисленные и значительные денежные суммы как следствие чтений и бесед о высшем, лучшем, неземном мире, представителями коего они являются в придворной развращенной среде. К этому прибавилось, что Милица объявила себя императрице начитанной и опытной в сфере акушерства, вследствие чего придворный лейб-акушер Отт был отстранен от наблюдения за здоровьем императрицы во время мнимой ее беременности, уступая место Филиппу, доведшему дело до постыдной во всех отношениях развязки.

Сила влияния этих негодных людей проявляется ежедневно. Из множества примеров приведу один, на мои глаза наиболее поразительный.

В Париже уже много служит в качестве начальника русской секретной полиции некий Рачковский¹. Дело свое он понимает и ведет очень хорошо и еще при Александре III пользовался особым доверием высших властей и самого Государя, который неоднократно вызывал его к себе для выслушания личных его заявлений. Начальник личной

¹ В оригинале указана неверная фамилия – Рожковский.

государевой охраны генерал Гессе поручил Рачковскому представить сведения о Филиппе. Составленная Рачковским записка выяснила, что Филипп сын мясника, сам был мясником, не получил никакого образования, вздумал лечить больных, что вскоре ему было запрещено полицейскими властями; тогда он пустился в спекуляции, потерял на бирже четыреста тысяч франков и затем обратился к гипнотизму как средству существования. Где-то (кажется в Дижоне) – он познакомился со Станой, а затем через нее достиг и до Государя. Записку свою Рачковский представил Сипягиину, который, прочитав ее, дал Рачковскому такой ответ: «Я не понимаю, почему Вы представляете мне эту записку, которую я не поручал Вам составлять. Предваряю Вас, что ежели меня когда-либо об этом спросят, то я отвечу, что Вы никогда мне ничего не представляли и я об этом ничего не знаю. Ответив Вам как министр (следовало бы прибавить доблестный), я как частный человек дам Вам совет: бросьте свою записку в камин и никогда о ней не упоминайте».

Рачковский представил свою записку генералу Гессе, который подал ее Государю. Государь до того рассердился, ознакомившись с содержанием записки, что изорвал ее в клочки, бросил их на пол и стал топтать ногами. Отсюда началось нерасположение к Рачковскому, которое усилилось еще следующим обстоятельством: Рачковский пользуется особым расположением президента Лубе в такой степени, что в последнее его путешествие сопровождал его и жил в комнатах, отведенных президенту в царскосельском дворце. Ввиду таких личных отношений Рачковскому поручено было добиться от президента дарования Филиппу патента на звание доктора медицины. Лубе созвал Совет министров и объявил им о своем желании угодить русскому императору. Министры и в особенности министр народного просвещения, коего это предложение [касалось], заявили о полной невозможности исполнить такое требование, предвидя в случае такого исполнения парламентские запросы и вероятное падение министерства. По доставлении такого отказа Рачковский получил приказание просить о допущении Филиппа к докторскому экзамену с рекомендацией снисходительности экзаменаторам. На это министр народного просвещения согласился; но когда этот ответ был передан черногорским покровительницам авантюриста, то Стана объявила, что предложение это будет [принято] только в том случае, если экзамен будет произведен в ее комнате [?]. На этом дело и остановилось.

Вслед за тем министр внутренних дел Плеве получил от Государя записку с приказанием вызвать Рачковского из Парижа. Послана была

телеграмма, и Рачковский явился. При всеподданнейшем докладе Плеве спрашивал приказания относительно Рачковского, но получал уклончивые ответы, откуда записка от Государя не уведомила его, что Рачковского надо убрать из Парижа. Таким образом, этот трудно заменимый человек лишился своего места; русские политические в Париже агитаторы остаются без наблюдения, и все из-за интриг какого-то негодяя, которого между тем наградили патентом русского доктора медицины и чином действительного статского советника, то есть пожалованием в русские дворяне.

Генерал Гессе, по должности начальника дворцовой охраны принимавший во всех этих переговорах участие, как слышно, испытывает монаршее охлаждение!

Все эти безрассудные дразги возбудили неудовольствие и некоторого рода отчуждение со стороны всего царского семейства, исключая черногорок с их мужьями да еще великого князя Николая Николаевича, всецело преданного спиритизму. Мария Федоровна говорит: «C'est un crime»¹, а великий князь Алексей Александрович выражается еще энергичнее.

Одновременно с Филиппом вошел во власть и влияние другой негодяй — Мещерский. В нем император видит тень и наследие Сипягина. Мещерской по негласному высочайшему повелению объезжал некоторые губернии и представил Государю записку с изложением своих впечатлений. Записка эта приходит к заключению, что все идет прекрасно, а хромают лишь два министерства: первое — Министерство финансов, наполненное либералами, а второе — Министерство внутренних дел со множеством ничтожных чиновников. Если разогнать эти два сборища и завести строжайшую полицию, то Россия будет вполне счастлива.

Все это, разумеется, подносится под соусом православия и самодержавия.

6 сентября. Пятница. Захожу к великому князю Владимиру Александровичу, возвратившемуся накануне вместе с Государем с курских маневров, которыми очень доволен; в особенности хвалит стрелковые батальоны Одесского округа. После краткого на эту тему разговора великий князь переходит к жгучему вопросу о Филиппе, о мнимой беременности императрицы и т. д. Он считает великого князя Николая Николаевича главным виновником такого сближения и передает

¹ «Это преступление» (фр.).

мне бывший у него с этим двоюродным братом разговор. Во время маневров они ехали вдвоем в коляске, и Владимир Александрович сказал Николаю Николаевичу, что считает его преступником в этом деле; что проделки Филиппа навлекли на императорскую чету всеобщее посмеяние и поругание, и что если он, Николай Николаевич, в этом сомневается, то может спросить своего племянника Ольденбургского, который от Гагр на Кавказе, где он посещал отца, до самого Петербурга не слышал ничего иного, как самые нелестные для Их Величеств отзывы.

Николай Николаевич отвечал, что если он преступник, то готов нести голову на плаху, но что настанет время, когда все убедятся, что он не мог поступить иначе.

При этом Владимир Александрович рассказывает, что еще год тому назад, когда Их Величества приехали в Красное Село на обычную зарю, после которой должно было иметь место театральное в высочайшем присутствии представление, министр двора сообщил великому князю, что Их Величества в театр не приедут. Владимир Александрович убедил Государя не отступать от принятого в течение стольких лет порядка. Государь приехал на самое короткое время, а затем уехал к Николаю Николаевичу, где его ожидал Филипп.

Грустно то, что эти приключения не открыли глаза Их Величествам. Черногорки продолжают заправлять их спиритическими тенденциями. На днях Милица сказала великому князю Сергею Александровичу, что на всю свою деятельность Филипп имеет благословение отца Иоанна Кронштадтского, к которому он и ездил в Кронштадт. Сергей Александрович вызвал к себе этого Иоанна, который категорически заявил, что Филипп у него никогда не был, а что он видел его один раз в Знаменском у Милицы, причем они разговаривать не могли, так как Филипп не говорит по-русски, а Иоанн не говорит по-французски, так что свидание это прекратилось весьма скоро предложением идти всем в церковь молиться.

Все это произвело великую рознь в семействе, которое после тщетных усилий убедить Государя почти всецело отшатнулось от него, и он сохранил близкие отношения лишь с двумя черногорками, их мужьями да Николаем Николаевичем.

22 сентября. Воскресенье. После четырехнедельного пребывания сначала в Царском Селе, а потом в Петербурге при непрерывном дожде, сильном ветре и чувствительном холоде поставлен в необходимость вернуться на юг, чтобы запастись здоровьем на зимний законодательный в Государственном совете сезон. Глубоко грустные впечатления

о временах, переживаемых Отечеством, увожу с собой. Благодаря ничем не сдерживаемому чиновничьему произволу, бессмысленным бюрократическим фантазиям, регламентации, доходящей до комизма, отсутствию всякой здоровой, предварительно обсужденной политики, капризному вмешательству в дела, а в особенности в выборы людей императриц, великих князей, княжон и окружающей их толпы негодяев, русский народ все более и более приходит в угнетенное, бедственное положение. Терпение его ослабевает, почва для анархии делается все более и более плодотворной. Юный царь, которому отовсюду напевают, что спасение в самодержавии, неверно понимает эту глубокую истину и дает России не царское, а чиновничье самодержавие. Россию ожидают великие бедствия.

ДЕКАБРЬ

После трехмесячного пребывания в Монте-Карло и окончательного освобождения от припадка подагры 25 декабря садимся в вагон, чтобы возвратиться в Петербург.

В Вене по приглашению встретившего нас на станции посла Капниста едем обедать к нему. Его жена (рожденная Стембок-Фермор), сверстница и приятельница моих дочерей, весьма милая женщина; дом содержится на большую ногу, хотя не отличается вкусом украшения и убранства, обязанных происхождением герцогу Нассаускому. В непродолжительном с Капнистом разговоре выслушиваю от него приблизительно следующее: приезд в Вену Ламздорфа (министра иностранных дел) имел, конечно, благотворные последствия для устранения угрожавшей опасности усложнений на Балканском полуострове, но такое устранение, конечно, лишь временное. Все эти славянские братушки уверены, что Россия поддержит их в случае кровопролития между ними и турками. Фердинанд Болгарский в состоянии положить несколько тысяч своих солдат, чтобы заставить Россию, в которой поднимется журнальный и всякий иной крик, придти на помощь Болгарии. Наше вмешательство повлечет за собою вмешательство Австрии, и чем может кончиться подобная ссора, того предвидеть невозможно. К тому же петербургское правительство считает себя одним имеющим «политику». Все остальные державы, по мнению, нами выражаемому, предаются лишь козням, интригам и заговорам. Разумеется, русская военная сила устрашает наших соседей, они уступают нашим подчас весьма резким и бесцеремонным требованиям, но, конечно, такие уступки умножают горечь, которая

может разразиться враждебными действиями при первом удобном случае. Во всяком случае положение далеко не твердое, а могущее ежедневно надвинуть осложнения и даже военные бедствия.

Отобедав у Капнистов, возвращаемся в 9 часов вечера в поезд. На другой день встречаем в Варшаве сына Петра, приехавшего туда для служебных дел, а в субботу в 11 ½ часов достигаем Петербурга.

В этот день празднуется в помещении Комитета министров столетие учреждения министерств. Государь приезжает туда для молчаливого выслушания данной им Комитету грамоты. Точно так же, как и в столетний юбилей Государственного совета, никто из присутствующих не слышит ни единого милостивого царского слова. Различие лишь в том, что Государственному совету было заранее объявлено, что никто никакой награды не получит, тогда как здесь доблестный Иван Николаевич Дурново получил андреевскую ленту.

Забавно между этими двумя юбилеями празднование юбилея Пажеского корпуса¹, на который был высыпан дождь выражений монаршего благоволения и в любезных словах, и всяких иных формах. Еще забавнее, что всем, получившим воспитание в Пажеском корпусе, разрешено носить Мальтийский крест по тому поводу, что Пажеский корпус помещен в здании Воронцовского дворца, в коем помещался Мальтийский орден².

В этот же день управляющий делами комитета министров Куломзин назначен членом Государственного совета. Человек он в итоге недурной, но вполне посредственный и весьма низкопоклонный.

Из Мариинского дворца заходит к нам великий князь Владимир Александрович. Постарел на десять лет. Удручен семейными горестями, из коих упоминает лишь одну: похождения Павла Александровича.

¹ 13 декабря Николай II записал в дневнике: «Со станции прямо в манеж на парад Пажескому корпусу по случаю его столетнего юбилея. В строю были три роты – две с ружьями. На левом фланге стояли пажи, одетые в прежние формы. Дальше вдоль трех стен манежа все бывшие пажи и прежде служившие в Корпусе. После освящения знамени батальон прошел два раза царем маршем. В обширных трибунах сидели дамы – кажется, всего Петербурга». На следующий день император отправился «в Пажеский корпус к молебну, который служил митрополит Антоний. После этого обошли всех бывших пажей и вернулись домой». Вечером того же дня состоялся «торжественный спектакль для пажей» (Дневники Николая II. С. 698).

² Мальтийский орден – рыцарский религиозный орден римско-католической Церкви. Ведет свою историю с первых крестовых походов XI–XII вв. В дальнейшем орден располагался на Мальте. После захвата Наполеоном Мальты в 1798 г. император Павел I предоставил рыцарям убежище в Санкт-Петербурге.

Оказывается, что предполагая, что Павел Александрович дал формальное обещание не жениться на Пистолькорс, Владимир Александрович ручался перед Государем, что этого не будет, а вместо того оказалось, что заявление Павла об отсутствии намерения жениться было сделано в уклончивой форме и Павел счел себя в праве бесцеремонно отступить от такого заявления. Владимир Александрович говорит, что находился в крайне меланхолическом настроении, для рассеяния коего и ездил в Париж, где провел время в охотах, обедах, смотреии выставок, магазинов, театральных представлений, что и достигло желанной цели. Еду расписаться у великого князя Михаила Николаевича, но узнав, что он сидит один в своем кабинете, вхожу к нему, несмотря на то, что одет в весьма неофициальную куртку. Разговор бессодержательный: погода, здоровье его и членов его семьи, вскользь упоминается Государственный совет. Входит его старший сын Николай с отличающим его резким, задираательным, отзывающимся сплетней и интригой разговором. Рассказывает, что из окон Яхт-клуба видел, как Михаил Николаевич ехал в Комитет министров на торжество. Тут же находился великий князь Николай Николаевич, который высказывал сильное неудовольствие на то, что он не был приглашен на торжество, тогда как великий князь Константин Константинович и Дмитрий Константинович были в числе приглашенных. Мы с Михаилом Николаевичем стараемся объяснить ему, что Константин был приглашен как начальник отдельного управления военно-учебных заведений, а Дмитрий как главноуправляющий Государственным коннозаводством.

От великого князя заезжаю к Палену, который сидит дома по нездоровью. Он глубоко сокрушается о том, как идут дела, и о том, какие люди ими заправляют. Юного царя совсем сбили с толку внушениями о необходимости единственной основой управления принимать самодержавие. «На днях, — говорит Пален, — мне пришлось поставить одному из влиятельнейших лиц такой вопрос: «Находите ли Вы, что правительство есть цель или средство?» Собеседник Палена призадумался и отвечал: «Да, конечно, если смотреть на дело с этой точки зрения, то, конечно, самодержавие...» и т. д.

29 декабря. Воскресенье. Еду к министру иностранных дел в здание министерства, где празднуется столетний юбилей учреждения министерства. Начинается с молебна, а вслед за тем идут завтракать в залах министерской квартиры. Сидящий возле меня Сабуров провозглашает тост за здоровье министра и вслед за тем предлагает ему поступить в члены нового клуба. Принятие Ламздорфом этого предложения

вынуждает меня ехать к председателю графу Павлу Сергеевичу Строганову, который с вывихнутой рукой сидит в своем наполненном картинами доме на углу Сергиевской и Моховой улиц. Поговорив с полчаса о художественных коллекциях и вообще художественном движении в Европе, отправляюсь к старикам Бобринским и по дороге останавливаюсь у И. Н. Дурново, чтобы осведомиться о его здоровье, но, к невеликому с моей стороны удовольствию, меня принимают. Этот мудрый и доблестный муж старается меня уверить, что страдает гастрическим расстройством, но при этом выражает удивление тому, что правая рука слушается его, а левая не исполняет его желаний. Очевидно, что он разбит параличом, и что Россия освобождается от его услуг.

Бобринского нахожу тоже не в блестящем положении. Он страдает все усиливающимися припадками удушья, знаменующими в глазах моих приближение конца. Высоконравственный, безукоризненно честный, благородный человек.

30 декабря. Понедельник. В общем собрании Государственного совета утверждение сметы государственных доходов и расходов на 1903 год. При рассмотрении сметы этой в Департаменте государственной экономии высказано опасение, что продолжение теперешней политики министра финансов должно привести нас к разорению. Присутствуя в общем собрании, Витте должен был произнести речь, представляя объяснения к смете и, конечно, также на заключение Департамента экономии. Он умно повернул дело иначе и высказал полное согласие с заключением Департамента экономии, подтверждая, что налоги достигли таких размеров, что умножать их невозможно, а, следовательно, и невозможно увеличивать расходы; что бюджет в течение десяти лет с одного миллиарда достиг двух миллиардов и, несмотря на то, не перестают возникать новые требования, кои по сделанному им, Витте, в присутствии Государя императора подсчету достигают ежегодной прибавки в двести пятьдесят миллионов рублей; что так продолжать невозможно и что он, Витте, весьма желал бы, чтобы господа министры приняли решение не умножать расходов. Одной из главных опасностей для государственного бюджета он выставлял постройку стратегических железных дорог, кои доход от эксплуатации железных дорог, дававший сорок миллионов дохода, превратили в сорокапятимиллионный дефицит по этой статье. Куропаткин возражает весьма неубедительно, Витте отвечает ему весьма сильно, Лобко поддерживает довольно бесцветно необходимость соблюдения бережливости. Обо всем этом решают представить Государю специальный журнал.

Новыми членами Государственного совета назначаются: сенатор Фукс, почтенный, но бесцветный чиновник; Петров – начальник почтового управления и при том очень плохой начальник. На место Куломзина, также перешедшего в Совет, назначается Нольде, бойкий, способный товарищ Танеева.

Заезжаю к Витте, нахожу его в мрачном настроении. Вести дела все труднее и труднее. Государь почитает себя непогрешимым и долженствующим действовать по своим личным вдохновениям, в чем и выражается самодержавие!.. Последствием этого невозможные в смысле государственного управления выходки. Например: пред отъездом Витте из Ливадии Государь спросил его за завтраком его мнение об учреждении Особого главного управления по делам судостроения и судоходства. Витте отвечал так: «Это было бы все равно, что отрезать от цельного организма отдельный орган, например, от человеческого тела один палец, и желать, чтобы он жил самостоятельной жизнью». Государь замолчал. Вслед за тем [Витте] уехал, но тотчас по прибытии в Петербург фельдъегерь привез ему из Ливадии указ об учреждении для Александра Михайловича Главного управления по делам судостроительства¹!! Другой образчик проявления самодержавных воззрений. Настало время празднования столетних юбилеев учреждениям императора Александра I. Праздновали юбилей Государственного совета, Комитета министров. Ни на том, ни на другом Государь не открыл рта, но между этими двумя юбилеями пришлось праздновать юбилей Пажеского корпуса. Здесь послышались от Государя любезности, посыпался ряд чрезвычайных наград, последовали дворцовые приемы, многообразные торжества. Не ясно ли, что государственные советники – неприятные в исполнении самодержавных импровизаций (большей частью случайно нашептанных), а пажи – слепые исполнители каких бы то ни было приказаний; а что, следовательно, насколько последние заслуживают всякой симпатии, настолько первые ни на какое сочувствие права не имеют.

Разговариваем и о Совещании. Взгляды Витте делаются все более и более разумными. Пройдя практическую школу на министерском кресле, он отступает от литературно-канцелярского поклонения всяким общинническим бредням и более и более с каждым днем убеждается, что без твердо обеспеченного права собственности не могут успешно жить и работать никакие гражданские общества. Между прочим выражает мысль, что в настоящее время следовало бы восстановить действие 165 статьи, то есть предоставить каждому крестьянину право

¹ Имеется в виду Главное управление торгового мореплавания и портов.

выкупать в полную собственность свой надел. Витте убежден, что с уничтожением круговой поруки уничтожится общинное владение. Журнал Государственного совета об этом мероприятии лежит с весны у Государя, который не решается ни утвердить его, ни отвергнуть, а обещал Витте собрать на днях совещание для выяснения долженствующего быть принятым решения.

31 декабря. Вторник. Обычный еженедельный завтрак с главами нашего училищного управления: Боткин, Котов, Бобринский. Обсуждение текущих дел. Наши филиальные учреждения. Счастливое для нас удаление Ковалевского, который нахально требовал от нас денег на выдумываемые им, посторонние нашим целям учреждения, Тимирязевым, человеком и культурным, и нравственно порядочным¹.

В 2 часа — у глубокомудрого графа Шереметева, празднующего двадцатипятилетие основанного его тестем князем Павлом Петровичем Вяземским Общества любителей древней письменности. Шереметев читает отчет, то есть перечисление напечатанных Обществом документов, а затем представители разных обществ и учреждений, не исключая какого-то клуба, именующегося русским, читают свои поздравления и пожелания. Ребяческое чванство и комичное самолюбие. Избегая во всем этом участвовать, я в качестве учредителя Общества дал Шереметеву шесть тысяч рублей, но ни одного раза не был на заседаниях Общества, а сегодня, удалясь от торжественно официального — стола, усаживаюсь в качестве зрителя и слушателя с дамами возле хозяйки, которую знал ребенком.

В 4 часа приходит ко мне Коковцов. Его разговор, как, впрочем, и он сам, ничего выдающегося не представляет. Между прочим рассказывает, что министр юстиции Муравьев на последнем докладе просил Государя назначить членами Государственного совета сенаторов Фукса и Таганцева, но Государь довольно жестко отвечал ему, что право назначения членов Государственного совета принадлежит исключительно ему, что он не уступает его никому, не исключая председателя Совета великого князя Михаила Николаевича.

Вообще это самодержавствование получает тревожные размеры. Образчиком тому служит обращение с великим князем Павлом Александровичем, который почитался любимым дядей императора. Я не стану говорить об исключении из службы. Его прировняли к великому князю Михаилу Михайловичу, когда, быть может, следовало сделать менее

¹Так в оригинале.

огласки; но вопиющим представляется распоряжение о личном его имуществе. Павел Александрович получил в наследство от отца три миллиона рублей. Будучи весьма бережливым, чтобы не сказать скупым, он умножил этот капитал до цифры семь миллионов. Три миллиона он успел перевести за границу, а после свадьбы с Пистолькорс он захотел перевести и остальные четыре миллиона, но Государь не только воспротивился такому распоряжению, а даже приказал не давать ему и процентов с этого капитала. Напрасно министр двора Фредерике старался доказать ему незаконность и несправедливость такого распоряжения; Государь отвечал ему, что это его семейное дело, подлежащее его личному решению. Фредерикс просил выслушать мнение императрицы, но она, прослушав доклад Фредерикса, сказала: «Mon opinion est que l'Empereur peut faire ce qu'il veut!..»¹

¹ «По моему мнению, император может делать то, что пожелает» (фр.).

1903

ЯНВАРЬ

1 января. Среда. Выход в Зимнем дворце. У императора вид усталый, измученный, быть может, отчасти вследствие боли, причиненной нарывом в ухе¹; взгляд его совсем не прежний; чувствуется жестокость и подозрительность, коих прежде не было. Императрица вдовствующая, или, как ее в последнее время стали прозывать, «злобствующая», сняла траур и заменила серые, фиолетовые одеяния категорически голубым платьем. Молодая императрица, шествующая с германским наследным принцем², в красном бархатном платье с весьма грубой и неизящной вышивкой. Никаких сенсационных новостей, милостей не слышать. Членами Государственного совета назначены: Фукс, сенатор Первого департамента Сената, тот самый Фукс, в назначении коего Государь отказал министру юстиции и который попал, вероятно, вследствие дружеских сношений с Плеве, которому он мог понадобиться и для того, чтобы провести начальника почтового управления Петрова – битую бездарность. Князю Вяземскому, который напомнил о себе поднесением на высочайшее благотворительное благораспоряжение свое жалованье, разрешено снова присутствовать в Совете. При этом надо вспомнить, что два года тому назад Государь, делая ему строгий выговор, прочитанный во всех ротах и эскадронах русской армии, сказал, что никогда не простит ему, что он солгал ему, Государю, а когда в Особом совещании, судившем Вяземского, было решено сделать ему строгий выговор, то кто-то из членов сказал, что после получения выговора Вяземский, конечно, подаст в отставку, то великий князь Алексей Александрович сказал: «Такой негодяй никогда об отставке просить не будет». Можно

¹2 января Николай II записал в дневнике: «Спал отлично и встал поздно на положении полубольного. В 10 часов утра и в 10 часов вечера приходили доктора, и Симановский ковырял в моем ухе и моем носу. Есть улучшение, но придется еще порядочно посидеть дома». На следующий день: «Сегодня начались недоразумения в правом ухе, против которого и обратились усилия Симановского» (Дневники Николая II. С. 707).

²Имеется в виду Фридрих Вильгельм Виктор Август Эрнст Прусский.

думать, что для таких людей всегда готово место в высших правительственных сферах.

На выходе Витте получает очень лестный рескрипт. Подойдя к кучке членов Совета, в которой находился и я, Витте выражает свое по поводу рескрипта удовольствие, а затем на вопросы о его путешествии в Маньчжурию заявляет, что для отвращения висящих над нами там бед нам следует убираться оттуда во что бы то ни стало как можно скорее. Относительно Сибирской железной дороги Витте (специалист по железнодорожному делу) заявляет, что участок между Томском и Иркутском на протяжении семисот восьмидесяти верст построен так, что его нужно целиком перестроить и что даже путешествовать по нем теперь представляет серьезную опасность.

Узнав о болезни великого князя Владимира Александровича, еду к нему, но получаю от врача его С. С. Боткина успокоительные известия.

2 января. Четверг. Пишу великому князю Алексею Александровичу записку с просьбой назначить заседание состоящего под его председательством совещания для обсуждения вопроса о передаче нашему училищу центральной части Соляного городка.

3 января. Пятница. Заезжаю узнать о положении Владимира Александровича, больного воспалением легких, но благодаря вражде ко мне его супруги мне не удастся его видеть. Осматриваю выставку ученических работ в нашем ученическом училище. Дело растет и движется, несмотря на косность среды, в коей приходится трудиться. В новом клубе баллотируется министр иностранных дел Ламздорф не без опасности быть забаллотированным. Приезжает наследный германский принц.

4 января. Суббота. Заседание Департамента законов. Голицын с большой развязностью и небольшим красноречием настаивает на учреждении Батумской области¹. Почтенный, добросовестный труженик Череванский отвергает необходимость такого учреждения, особенно ввиду последнего заседания общего собрания Совета, в коем установлена необходимость крайней бережливости. Фриш не обращает внимания на заявление Череванского и хочет перейти к рассмотрению представления Голицына по параграфам. Я настаиваю на необходимости иметь

¹ Батумская область была учреждена из входивших в состав Кутаисской губернии Артвинского и Батумского округов. См.: Всеподданнейший отчет за сессию 1902–1903. С. 7.

всегда в виду постановление общего собрания, выраженное в отдельном журнале, Государю представленном, и соглашаюсь на рассмотрение представления Голицына только ввиду заявлений министров и Министерства финансов и внутренних дел, его поддерживающих, и в качестве особого исключения. Все это требую записать в журнал, что заставляет морщиться храброго председателя.

5 января. Воскресенье. В 10 часов у Плеве в роскошно убранных Сипягиным палатах Кочубеевского дворца, что на Фонтантке близ Летнего сада. Разговор между нами приблизительно следующий:

Я: «Я приехал к Вам, чтобы слышать от Вас Ваше мнение о том, в каком положении мы теперь находимся». *Плеве:* «По моему мнению, положение серьезное, но безвыходное. Конечно, нельзя пренебрегать тем, что в России, за исключением небольшого числа людей, получающих значительное содержание и имеющих случай быть удостоенными высочайшей улыбкой, все население поголовно недовольно правительством. С этим надо считаться, и изменить это желательно, но, к сожалению, в средствах к достижению такого изменения нет никакого согласия между министрами. Необходимо было бы некоторое объединение основных взглядов, но этого достигнуть невозможно. Мне удастся заключать со своими сотоварищами отдельные сепаратные договоры, которые стесняют мою деятельность, ставят меня в затруднительное положение по отношению к остальным коллегам, но не достигают цели объединения правительственной власти. Конечно, прежде всего министру внутренних дел следовало бы идти дружно с министром финансов, но Витте такой человек, с которым для меня это трудно. Прежде всего, наши характеры столь различны. Он так решителен, быстр в исполнении своих взглядов, я же по натуре чрезвычайно осторожен и потому медлителен. Я, по русской пословице, десять раз примерю, прежде чем отрезать».

Я: «Но, может, довольно примерять и три раза вместо десяти».

Стараясь возвратить разговор на почву деловитости, удаляясь от личностей, я высказываю мысль, что за последние месяцы произошло в России приблизительно то же, что на первых порах деятельности Лорис-Меликова, — через состоящую под его председательством Верховную комиссию¹, — произошло некоторое ослабление натянутости, созданной безумным Сипягиным. Значительную в этом роль играет обильный урожай, но, конечно, и мероприятия, как возвращение из ссылки множества

¹ Имеется в виду Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

невиновных и маловиновных лиц, сделанные местным людям Сельскохозяйственным совещанием запросы и т. п. Все это открыло клапан для сгушавшегося пара, угрожавшего взрывом, но этой оказией [?] необходимо воспользоваться».

Плеве отвечал: «Без сомнения, необходимо выказать правительственное воздействие, которое в течение последних тридцати лет в России не существовало, несмотря на то, что для десятков миллионов людей, подвластных правительству, накопились новые интересы, новые потребности, требовавшие направления, урегулирования. Мне говорил Иван Николаевич Дурново, что Вы ему высказывали обо мне такое суждение, что я социалист, которого к серьезному государственному делу не следует подпускать».

Я: «Никогда я с Дурново о Вас не говорил. Это человек, которого я презираю, потому что он всю жизнь кувырчался пред властными людьми, чтобы достигнуть высокого положения». *Плеве*: «Он очень добрый человек». *Я*: «Быть может, но я и не говорю, что он зол; говорю только, что он не заслуживает никакого уважения».

После новой попытки с вопросов личных вернуться к вопросам принципиальным и сказать мне, какая же программа, по его мнению, должна бы быть принята правительством, *Плеве* снова парирует атаку словами: «Я знаю, Александр Александрович, что Вы индустриалист».

На это я отвечаю, что тут опять недоразумение, что я ничуть не приверженец исключительно той или другой отрасли человеческого труда, но что я считаю необходимым дать людям возможность трудиться свободно, по их собственному [желанию], не возлагая на правительство обязанность учить население тому, что и как они должны делать, обеспечивая им неприкосновенность права собственности, защиту от произвола и возможность пользоваться плодами честного труда на каком бы то ни было поприще, не исключая и промышленности, и не становясь несколько на точку исключительного поощрения индустриализма.

Разумеется, коснувшись промышленности, разговор опять переходит на Витте и его недостатки как государственного деятеля. В итоге разговор этот подкрепляет мое мнение о *Плеве*: это человек умный, в деле полицейском опытный и в этом видящий спасение, чуждый ясным и светлым идеалам, ограничивающийся в государственной деятельности второстепенными маневрами, а еще более личными комбинациями. Его девизом может служить извращенная английская поговорка: "Man по measures" ¹.

¹ «Человек недействия».

6 января. Понедельник. Крещенский выход в Зимнем дворце. Повинуясь объявленному повесткой приказанию туда ехать, думая отделяться одним поклоном проходящему высочайшему шествию, но членов Государственного совета оказывается так мало, что поневоле отстаиваю обедню. Мне удастся напасть на великого князя Алексея Александровича и напомнить ему о необходимости созвать совещание о Соляном городке. Во все время обедни он не находится в церкви, а уходит курить куда-то. То же самое с половины обедни делает Николай Николаевич. Подобное публичное нарушение элементарных великокняжеских обязанностей я вижу в первый раз.

Заезжаю к Победоносцеву, который непрерывно вздыхает о всем происходящем. В особенности негодует на приказание возвести в святые Серафима. Такое святопроизводство к празднику, выдуманное этими вредоносными черногорками и подкрепленное дармштадтской принцессой, может наделать много хлопот. На первый раз уже отпущено сто пятьдесят тысяч рублей на празднование этого торжества¹. На мой вопрос Победоносцеву, примет ли он председательство в Комитете министров, если таковое будет ему предложено, Победоносцев утверждает, что откажется, прибавляя, что одним из главных поводов уже будет желание сохранить роскошную занимаемую им квартиру, то есть дом на Литейной улице, некогда принадлежавший Нарышкину и памятный блестящими праздниками.

¹Инициаторами канонизации выступили Николай II и Александра Федоровна. Витте отметил, что «Их Величества желали возведения Серафима Саровского в святые еще в 1902 г.». Летом этого года Победоносцев рассказал ему, что был приглашен на завтрак к императору и императрице, во время которого Александра Федоровна «возбудила вопрос о желательности признания Серафима Саровского святым» (Витте. Т. I. Кн. 2). 11 января 1903 года комиссия под председательством митрополита Московского Владимира (Богоявленского) произвела освидетельствование останков Серафима Мошнина. Император лично интересовался вопросом. 21 января он записал в дневнике: «Принимал князя Ширинского-Шихматова, который только что вернулся из Саровской пустыни, куда он ездил с комиссией от Святейшего Синода для обретения мощей отца Серафима» (Дневники Николая II. С. 709). Результаты освидетельствования излагались в секретном всеподданнейшем докладе, которые, однако, вскоре стали широко известны читающей публике. Поскольку существовали ожидания «нетленности» мощей, каковой обнаружено не было, митрополиту Петербургскому Антонию (Вадковскому) пришлось выступить с заявлением, в котором он констатировал факт сохранности «остова» Саровского старца и выразил мнение, что наличие нетленных мощей не обязательно для прославления (Прибавления к Церковным ведомостям. 1903. № 2, С. 984). Деянием от 29 января 1903 г. Святейший Синод объявил старца Серафима святым преподобным.

Державин мог бы сказать:

«Где пиршеств раздавались крики,
Там ныне сонм поповской клики»¹.

7 января. Вторник. Еженедельный училищный завтрак. На выставке ученических работ небывалый прилив посетителей. Германский наследный принц простудился и захворал². Его желание было потанцевать на придворном бале, но Государь отказал удовлетворить желание на том основании, что до большого трехтысячного бала, назначенного на пятнадцатое число, не будет в Зимнем дворце танцевальных увеселений. Таким образом, принцу пришлось веселиться в стенах Германского посольства, но и тут встретилось затруднение. Германский император приказал своему послу Альвенслебену непременно познакомить поближе принца с Витте, коего он считает выдающимся государственным человеком, а между тем в прошлом году императрица Мария Федоровна прислала сказать княгине Абамелек, что великий князь Михаил Александрович не придет к ней на вечер, если будет рисковать встретить там жену Витте. Ввиду таких трудностей Альвенслебен решил дать обед всем министрам с их женами и пригласить на этот обед наследника, а вслед за тем дать [бал] в честь наследника без приглашения на этот бал жены Витте.

Государь незадолго до переезда в Петербург захворал болями в ухе. Вызванный в Царское Село специалист Симановский застал Государя кричащим от боли и немедленно прописал успокоительное средство, но каково было его удивление, когда камердинер отказался сходить в аптеку и, несмотря на продолжавшиеся крики больного, утверждал, что это дело не его, а какого-то солдата.

На днях император был с визитом у своей матери в Аничковом дворце. Присутствовавшая при этом датчанка, знающая его с детства, сказала

¹ Измененные строки из стихотворения Г. Р. Державина «На смерть Мещерского» (1779). В оригинале:

«Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики».

² 6 января Николай II записал в дневнике: «Перед обедом узнали, что кронпринцу нездоровится и что у него жар – 39,2. В 8 часов пошли наведаться к нему. Он уже лежал в кровати в поту и жаловался на разбитость во всем теле. Надо надеяться, что эта легкая форма инфлюенции, неприятно иметь больного гостя». 7 января: «Кронпринц проспал всю ночь до 11 ½ утра. К счастью, ему гораздо лучше, лихорадки почти нет, и он был в бодром настроении. <...> Сидел у Вильгельма с 3 до 4 ½. Миша тоже был у него». 8 января Вильгельм «спал отлично и встал, оставаясь, разумеется, в своих комнатах», а 9 января он полностью «поправился» (Дневники Николая II. С. 706–707).

ему, что императрица была приятно поражена любезностью своих внушек. На это Николай Александрович рассерженным тоном отвечал: «Mais mes enfants ne sont pas farouches»¹.

На 11 февраля назначен при большом дворе костюмированный бал в русских костюмах допетровского времени.

8 января. Среда. Рассмотрение проекта межевого устава. Дело тянется с 1865 г. Писавший настоящий проект Шамшин настаивает на его принятии, а Герард, председательствующий в Соединенных департаментах, хочет снова возвратить его. Германский принц захворал простудой. Его любезное, внимательное, предупредительное обращение располагает всех в его пользу. Сидя за обедом возле императрицы Марии Федоровны, он сообщил ей, что отправляется в Новгород посетить Выборгский полк, коего шефом состоит его отец. При этом он спросил свою соседку, бывала ли она в Новгороде, и на отрицательный ее ответ предложил ей отправиться туда вместе. Мысль поехать в свите принца очень позабыла Марию Федоровну. Вечером заезжает ко мне профессор Платонов, с которым толкуем о своих исторических интересах. Между прочим он упоминает о своих занятиях с великой княжной Ольгой Александровной и Михаилом Александровичем. Описывает их характер так: Ольга необыкновенно прямодушна, искренна, ненавидит ложь и всячески протестует против лицемерности, условную жизнь ее окружающую. Исходя из весьма чистого источника, такое настроение, конечно, приводит часто к столкновениям и недоразумениям. Михаил Александрович имеет чрезвычайно сильную волю и без торопливости, с неуклонной твердостью достигает раз намеченной цели. К сожалению, умственно ленив, пристрастен ко всякого рода механическим трудам и произведениям, да еще к лошадям и вообще спорту. Говоря о своих гатчинских поездках, Платонов упоминает о двух шкафах, хранящихся там и запечатанных императрицей Марией Федоровной для сохранения находящихся в этих шкафах бумаг. Быть может, бумаги эти не что иное, как мои десятилетние донесения императору Александру III о делах Государственного совета, донесения, коих, по отзыву Марии Федоровны, невозможно было отыскать, тогда как Александр III незадолго до смерти говорил мне, что они хранятся в гатчинском его кабинете.

9 января. Четверг. Заседание Департамента экономии. Товарищ министра финансов Алексей Оболенский защищает представление

¹ «Но ведь мои дети не дикие!» (фр.).

о разрешении министру финансов делать практические в больших размерах опыты употребления денатурализованного спирта¹. Совет отказывает в таком разрешении на том основании, что изобретение еще не сделано окончательно. Такой отказ основан более на возбужденной Витте против себя ненависти, чем на серьезном отношении к изобретению, которое могло бы иметь весьма значительные результаты для нашей зерновой производительности. Из Совета еду навесить хворающего Фриша. Этот трудолюбивый, но съедаемый честолюбием чиновник страдает легкими и при теперешних морозах не выходит из плевритов, воспалений и т. п., страшно хворает, но крепко держится за свое председательское кресло, дающее ему возможность доставлять разные чиновные выгоды и его детям, и другим родственникам.

10 января. Пятница. Завтрак со Шванебахом, вновь назначенным представителем Министерства финансов в совете нашего рисовального училища, коего финансы, впрочем, находятся в блестящем положении. Из шести миллионов я сделал десять с половиной, не считая постройки музея, обошедшегося почти в два миллиона, и наполнения его предметами, представляющими ценность, в пять или шесть.

Бал у великого князя Михаила Николаевича в честь германского принца, сначала в честь его назначенный, потом отмененный и затем снова заказанный.

11 января. Суббота. Заходит Пален. Разговариваем о том, что германский посол напрасно обиделся тем, что наследник²

29 января. Среда. В три часа дня совещание у великого князя Алексея Александровича о Соляном городке. Нападение Петрова, Макарова, Куропаткина, Ермолова. Мысль Александра II о цикле музеев. Рассказ Алексея Александровича. Желание С. П.³ устроить больницу. Александр II, чтобы от этого избавиться, назначает Алексея Александровича почетным председателем Музея прикладных знаний.

¹ 12 марта 1903 г. в «целях расширения сбыта спирта и отбросов спиртоочистительного производства» министр финансов получил «в виде опыта» право в течение трех лет «разрешать безакцизный отпуск этих продуктов в денатурированном виде для технических надобностей, а также для санитарных, дезинфекционных и медицинских целей». См.: Всеподданнейший отчет за сессию 1902–1903. С. 52.

² Так в оригинале.

³ Так в оригинале.

Витте меня поддерживает. Добиваюсь того, чего прошу одиннадцать [?] лет.

Витте у меня. Трудность его положения. Плеве. Его содержание. Покушение. Императрица Александра Федоровна. Говорит, что не принимает его жены, потому что опасается обвинения в заискивании.

30 января. Четверг. Вечером у А. Сабурова собираются Шамшин, Шидловский, Пален, П. Сабуров, А. Оболенский. Обсуждают основу проекта, внесенного Плеве, об реорганизации полиции¹. Выбранные сотские заменяются стражниками очередных [?] солдат [?]. Министр внутренних дел предоставляет право учреждать наемные команды для подавления беспорядков; увеличение расхода на двенадцать миллионов рублей.

31 января. Пятница. С А. Долгоруким в училище осматриваем большой зал ввиду желания императрицы устроить выставку художественных произведений. Вечером чтение «Julien l'Apostat»².

1 февраля. Суббота.

В 1 час в Государственном совете заседание Соединенных департаментов. Обсуждается проект Плеве о реформе полиции. Перед заседанием Плеве заявляет мне, что если сущность проекта будет сохранена, то подробностями он готов жертвовать. Согласно сему введение полицейских стражников признается мерой временной, подлежащей согласованию с должествующим последовать преобразованием всего губернского управления, учреждение команд разрешается лишь с испрошением каждый раз разрешения Комитета министров. Обед у германского посла Альвенслебена. Знакомят с Тартвигом [?] – умный человек.

2 февраля. Воскресенье. Бал для увеселения внучки Бобринских. По преимуществу ее сверстницы и приятельницы. Ужин на сто девяносто персон. Особый успех присланных из Парижа для котильона вещей.

3 февраля. Понедельник. В Государственном совете отложено на неделю рассмотрение в общем собрании [...] [...] [...] ³ Генерал Рооп сделал одиннадцать замечаний, рассмотрение коих в общем собрании

¹ Речь идет о законе 5 мая 1903 г., по которому был учрежден институт уездной полицейской стражи, заменивший сельскую полицию.

² «Юлиан Отступник» (фр.).

³ Несколько слов неразборчиво.

несколько испугало великого князя Михаила Николаевича. В совещании Рооп берет назад свои замечания, не представлявшие, впрочем, ничего существенного. Читаю дело о несостоятельности Белосельского пятнадцатимиллионного актива, в том числе на 9 миллионов¹. Уфимских земель, оцененных вдвое против действительной стоимости. Пассив около шестнадцати миллионов. Просят о назначении опеки, то есть о дозволении не платить долгов, а сверх того, о выдаче субсидий в два миллиона восемьсот тысяч рублей. Ходатайство передано на рассмотрение в Финансовом комитете², который откладывает его рассмотрение до выяснения вопроса.

О том, какое влияние все это может иметь на настроение работающих на заводе крестьян³.

4 февраля. Вторник. Скандальная история: писавший по заказу Вите журнальные статьи некто Гурьев, будучи членом правления какого-то банка, склонил это правление к принятию предложения какого-то еврея Шалита [?] о покупке острова. Голодая для расширения на нем петербургских кварталов. Покупная цена назначена один миллион, из коих триста тысяч поднесены императрицей Александрой Федоровной для постройки рабочего дома, за что и получено выражение высочайшей благодарности. Между чем: правление одумалось, и сделки не состоялось, а Шалит представил доказательства тому, что платил значительные суммы Тураеву в качестве взятки.

6 февраля. Четверг. За обедом в клубе Владимир Александрович рассказывает следующее: когда была окончена постройка Исаакиевского собора, священники собора просили Государя Александра Николаевича поместить в соборе образ, находящийся в маленьком домике Петра Великого. Государь отказал, но согласился поместить в соборе образ равным образом принадлежавший Петру Великому и находившийся в ризнице Зимнедворцовой церкви; на этом образе находился венчик, украшенный драгоценными камнями и в особенности очень большим бриллиантом. Владимир Александрович неоднократно предупреждал священников, что этот венчик будет украден, что и случилось. На днях ночью воры, разломав окно, проникли в церковь и похитили этот самый венчик.

¹ Так в оригинале.

² Так в оригинале.

³ Это предложение написано на другой странице с пометкой: «К понедельнику».

11 февраля. Вторник. Рассказ М. М. Голицыной об отъезде Филиппа и данных ему четырехстах тысячах на открытие прививки против сифилиса.

12 февраля. Среда. Был Иксуль.

13 февраля. Четверг. Был Куракин.

15 февраля. Суббота. Великий князь Владимир Александрович рассказывает, что вообще анархистская пропаганда сильно распространяется в подчиненных ему войсках.

17 февраля. Понедельник. Был великий князь Владимир Александрович. Рассказ о заговоре против Плеве.

21 февраля. Пятница. Все время продолжаю хворать и не могу ехать в Соединенное присутствие, где слушается законопроект о вознаграждении рабочих за увечье¹. Оболенский энергично говорит против, доказывая, что при строгости устанавливаемых для фабриканта правил ответственности страхование будет невозможно.

22 февраля. Суббота. Заезжает великий князь Михаил Николаевич. Собирается по требованию врача за границу. К делам Совета очень равнодушен. Главные заботы: здоровье и интересы семейства. Великая Княгиня Александра Иосифовна внезапно ослепла.

Великий князь говорит, что осталось три флигель-адъютанта императора Николая: 1) он, 2) князь Паскевич, умирающий, и князь Крапоткин, которому восемьдесят шесть лет.

24 февраля. Воскресенье. Заходит Кауфман. Умный [?] энергичский товарищ графа Протасова – Бахметева, за свои качества преследуемый своей начальницей императрицей Марией Федоровной. Потом Балашев. С ним разговор о деле Белосельского, разоренного глупым

¹ 2 июня 1903 г. были утверждены «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности». «Правила» вводили ответственность промышленников за смерть рабочих и увечья на производстве, а также фиксировали обязанность оказывать помощь пострадавшему. Предприниматель мог избежать уплаты определенного законом вознаграждения пострадавшему или членам его семьи, если он доказывал свою невиновность.

управлением уфимских заводов. Просит о даровании двух миллионов восьмиста тысяч рублей для поддержания [...] ¹ родового владения, тогда как оно от купца Мясникова перешло к его дочери Козицкой, выдав свою дочь за Бекос [?] [...] ².

25 февраля. Вторник ³. Вчера в общем собрании Государственного совета докладывалось дело о введении земства в Западных губерниях ⁴. Согласно представлению Сипягина, в земские чины будут не выборные, а назначенные правительством. Пален говорит, что такие порядки существуют в Турции, но Европа, в том числе и Россия, требует уничтожения их в Македонии. По докладу Плева отвергли ходатайство о железной дороге [?] Балинского ⁵.

27 февраля. Четверг. В газетах манифест, обещающий исполнять программу Александра III ⁶. Это на девятом году царствования? Заходят Пален и Шидловский. В Государственном совете слух, что манифест внушен Мещерским ⁷. Во вторник в 4 часа Государь вызвал Плева и приказал

¹ Так в оригинале.

² Здесь предложение, большая часть слов которого не читается.

³ Так в оригинале.

⁴ 2 апреля 1903 г. император утвердил «Положение об управлении земским хозяйством в девяти западных губерниях».

⁵ В 1902 г. П. И. Балинский предложил проект метрополитена в Москве. Основные идеи его проекта были использованы при строительстве метро в 1930-х гг.

⁶ Имеется в виду манифест от 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В манифесте говорилось о стремлении хранить «вековые устои» Российской империи, но также в нем провозглашались значительные преобразования. Манифест декларировал свободу вероисповедания. Также говорилось о намерении привлечь представителей общества к пересмотру крестьянского законодательства, отменить круговую поруку, расширить деятельность Крестьянского банка. При констатации неприкосновенности общинного строя отдельным группам крестьян был обещан выход из общины. См.: ПСЗРИ. № 22581. С. 113–114.

⁷ Исследования Ю. Б. Соловьева и Б. В. Ананьича показали, что Мещерский в действительности был вдохновителем и автором проекта данного манифеста (См.: *Соловьев Ю. Б.* К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 1979. Т. 11. С. 192–205; *Ананьич Б. В.* О тексте манифеста 26 февраля 1903 г. (из архива В. П. Мещерского) // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 1983. Т. 15. С. 156–169). По мнению М. М. Леонова, участие Мещерского в подготовке манифеста стало одной из главных причин распространения слухов о невероятном влиянии редактора «Гражданина» на императора. Далее исследователь утверждает, что эти слухи привели к ухудшению отношений Николая II и Мещерского и уменьшению влияния последнего (*Леонов М. М.* Указ. соч. С. 112–113).

ему представить к подписанию в 12 часов вечера. Плеве кое-что исправил. Подозревают махинацию Витте против Плеве.

МАРТ

3 марта. Понедельник. Заседание Соединенных департаментов по представлению министра юстиции об изменениях в судебном уставе. Муравьев предлагает ввести повсеместно участковых судей из юристов и, отправляясь от них, создать полную судебную иерархию. Не имеет мужества коснуться ни земских начальников, ни крестьянской волостной юстиции. Сабуров тщетно настаивает на необходимости если не слить, то по крайней мере согласовать эти различные сферы, относящиеся к одному и тому же народу правосудия.

Визит А. Н. Нарышкиной вследствие ее требования меня видеть все по вопросам кустарной промышленности. Ее рассказы о безобразиях в Тамбовской губернии фон дер Лауница в отношении предводителя дворянства.

Получив от какого-то кустаря какое-то его произведение для поднесения Александре Федоровне, Нарышкина послала его обер-гофмейстерине Голицыной для поднесения Ее Величеству; но Ее Величество отвечала, что такой предмет должен быть представлен ей через Собственную ее канцелярию.

4 марта. Вторник. Глазной врач Тихомиров рассказывает следующее. Прошлой осенью предсказатель [?] погоды Демчинский был представлен великому князю Александру Михайловичу. В разговоре Демчинский, рассказав свою жизнь, остановился на том, что, служа в земстве, он убедился в его пользе и во вреде, наносимом чиновничеством, иллюстрируя это многочисленными фактами. Государь поручил ему представить записку, которая очень понравилась и, как говорят, имела влияние на издание манифеста.

Вечером Сельскохозяйственное совещание. Весьма многие члены отсутствуют, идет речь о хлебных залежах. Вызванные в качестве экспертов начальники железнодорожных управлений говорят дело. Министр путей сообщения князь Хилков говорит пустяки. Витте в угнетенном настроении. Ему ставят в вину слишком [многое].

Большие расходы на постройку железных дорог, утверждая, что деньги нужнее на войско и чиновников.

5 марта. Среда. В 3 часа у Государя в Зимнем дворце вследствие его приказания устроить годичное собрание исторического общества в субботу. Разговор о только что отпечатанном мной шестом томе словаря. Выражаю удивление, что он успел уже посмотреть на этот, присланный накануне, том. Разговор о значении истории для Государя. Доволен биографией двух великих князей. Я настаиваю на светлой личности князя Кочубея, культурного, трудолюбивого, энергичного, истинного служителя царю и народу без всякого подобострастия ни пред тем, ни пред другим. Заслуги князя Смоленского. Государь выражает удовольствие на то, что люди всех сословий находят одинаково беспристрастную оценку в словаре. Докладываю о новых членах общества. Очень одобряет Мышлаевского, несколько менее Ключевского, читает его курс истории. Восхищается характеристикой Алексея Михайловича. Советую прочесть Иоанна Грозного и Петра Великого, но не читать Екатерину II, которой Ключевский не понимал. По поводу предполагаемых на собрании чтений Государь рассказывает, что Ламздорф в бумагах о путешествии Николая Павловича в 1844 году в Англию¹ нашел след его переговоров с Англией о турецких делах. Государь разрешает мне брать из его библиотеки мемуары графа Корфа². Государь выражает свое одобрение напечатанному мной тому переписки русского и французского правительств своими представителями после падения Бонапарта. Я восхищаюсь в особенности депешами Поццо ди Борга³, говорю, что доселе высшим представителем дипломатических бумаг почитались депеши кардинала д'Осса. На мой взгляд, депеши Поццо стоят выше, обещаю в нынешнем году издать еще том такой переписки; попутно отмечаю, что Александр I имел в эту тяжелую эпоху около себя главнейшими деятелями людей иноземного происхождения: Поццо – немец [?] ⁴ [...]⁵, что я нахожу это настоящей национальной политикой: брать людей отовсюду, лишь бы их труд был бы

¹ В июне 1844 г. Николай I панес визит в Англию с целью обсудить с британскими первыми лицами формы и перспективы партнерства в восточном вопросе. Переговоры прошли вполне гладко и обнадеживающе. Стороны констатировали взаимную заинтересованность в сохранении статус-кво в Османской империи. В условиях крайне напряженных тогда отношений с Францией и США англичане были рады получить заверения Николая I о его готовности уважать жизненно важные интересы Великобритании.

² Мемуары Корфа частью напечатаны в «Русской старине» в 1899–1904 гг.

³ Имеется в виду К.-А. Поццо ди Борго.

⁴ В оригинале слово неразборчиво, похоже на «нем.». К.-А. Поццо ди Борго был из корсиканских дворян.

⁵ Слово неразборчиво.

полезен России. Просидев три четверти часа, ухожу, принося глубокую благодарность за добрый прием.

8 марта. Суббота. В 9 часов вечера годовичное собрание Исторического общества в Зимнем дворце. После прочтения скучной записки, сообщенной Ламздорфом, о переговорах, веденных Николаем I в 1844 году в Лондоне о судьбе христианского населения после падения Турции, великий князь Владимир Александрович восклицает: «Как же Нессельроде и Бруннов не объяснили Николаю Павловичу, что его разговоры с Абердельном [?] не обязывали английское правительство?» Государь обращается вполголоса ко мне: «Действительно, отчего же они этого не сделали?» Я: «Из подобострастия, опасаясь вызвать хотя бы краткое неудовольствие».

В конце заседания мудрый великий князь Константин Константинович под заглавием выписки из мемуаров отца читает рассказ о том, как Александр Николаевич, быв командиром Гвардейского корпуса, бранил полковых командиров до воров [...] ¹.

9 марта. Воскресенье. Вите в бешенстве, и есть отчего. Государь тайком от него, но с согласия Ламздорфа покровительствует некоему Безобразову, набрав шайку разбойников, дерется с китайцами и предлагает завоевать Корею.

10 марта. Понедельник. В общем собрании Совета проходит при полном молчании уничтожение круговой поруки ².

В Гражданском департаменте судебная реформа. Я ухожу и в сенях встречаю Плеве, на его вопрос, почему я ухожу, отвечаю, что доколе он не придет к соглашению с Муравьевым относительно положения земских начальников, до тех пор не стоит заниматься представлениями Муравьева. Плеве: «Со временем придем к соглашению». Я: «А до того времени я своего времени терять не хочу».

11 марта. Вторник. У Победоносцева. Говорит, что написал Государю письмо о невозможности читать манифест в церквах.

15 марта. Суббота. Заседание Сельскохозяйственного совещания. Хлебные залежи. Хилков утверждает, что надо лишь устроить магазины

¹ Слово неразборчиво.

² Закон об отмене круговой поруки был обнародован 12 марта 1903 г. Подробнее см.: Всеподданнейший отчет за сессию 1902–1903. С. 37–39.

для хранения хлеба на станциях, а что время пребывания хлеба на станциях для отправителей неважно.

?!

О водяных сообщениях. Опять Хилков, утверждает, что водяные сообщения содержатся в порядке, но что попасть на реки действительно трудно за отсутствием пристаней и подъездных путей.

За равнодушие к такому порядку вещей Витте распекает его как мальчишку, несмотря на присутствие многих мелких чиновников, в том числе подчиненных Хилкова.

16 марта. Воскресенье. Общее собрание с пустыми разногласиями. Кадетские школы.

19 марта. Среда. Гражданский департамент. Представление государственного секретаря Коковцова об уменьшении в Совете числа дел об отпр[...]¹ частной собственности, вызванное неудовольствием Государя, что ему приходится подписывать так много указов.

20 марта. Четверг. За болезнью глаз с трудом могу писать [?].

У И. Н. Дурново. Хотя разбитого параличом, но зубами цепляющегося за свое председательское в Комитет министров кресло.

Завтрак у великого князя Михаила Николаевича, уезжающего в Канн к дочери подышать свежим воздухом.

21 марта. Пятница. Великий князь Владимир Александрович уехал вчера в Канн по настоянию сына Кирилла, чтобы присутствовать при отказе его дочери великой княгини Марии Александровны жениться на ней вследствие категорического запрещения Государя².

¹ Слово неразборчиво.

² Речь идет о великом князе Кирилле Владимировиче, который хотел жениться на разведенной принцессе Виктории Мелите Саксен-Кобург-Готской. Николай II не дал разрешения на заключение брака. Тем не менее 8 октября 1905 г. они поженились в Тегернзе (Бавария). За три дня до заключения брака император Николай II лишил Кирилла всех прав члена императорской фамилии, включая права наследования престола. Решение императора было обусловлено тем, что невеста не собиралась принимать православной веры. Кроме того, брак, заключенный между двоюродным братом и сестрой, противоречил православным канонам и не допускался гражданским правом Российской империи. После свадьбы супруги жили в Париже. 15 июля 1907 г., после того, как Виктория приняла православие, Николай II признал этот брак и присвоил Виктории титулы великой княгини Виктории Федоровны и императорского высочества.

22 марта. Суббота. В Департаменте законов дело по представлению Плева об уничтожении в Петербурге городского самоуправления¹. Вызваны бывшие городские головы: Лихачев, Корф, Ратьков, все трое говорят прекрасно. Нынешний Лелянов, лепечущий весьма жалко. Бобринский, бывший 25 [?] гласным и 152 губернским предводителем².

В междуудейственное чаепитие говорю Плева: «Как Вы можете допускать такое столпление в день открытия Серафимских мощей, ведь это прям в руку анархистам?» – «О, попробуйте убедить в этом Его Императорское Величество и еще более Ее Величество, которая думает таким путем получить сына» (sic).

24 марта. Понедельник. В Соединенном присутствии Комитета министров и Департамента экономии рассматривается постановление Особого совещания под председательством Сольского по железной дороге из Богословского округа на общую сеть. Верховский на объявленное ему председателем запрещение говорить о существе, а ограничиться рассмотрением направления, испросить о сем указаний Государя. Тотчас после большого у нас обеда еду [к] Михаилу Николаевичу. Застаю его потерявшим надежду на успех. Пишу Государю, прося меня выслушать.

25 марта. Вторник. Получаю от Государя разрешение приехать в Царское Село в пятницу в 3 часа пред самым его отъездом в Москву. Вечером совещание с председателем Комитета Дурново. Показывает доклад, который везет на следующий день.

26 марта. Среда. В Государственном совете Городовое положение. В Сельскохозяйственном совещании вопрос о хлебной торговле.

¹ В итоге 8 июня 1903 г. была проведена реформа городского самоуправления в Санкт-Петербурге. Наиболее существенным изменениям подверглось избирательное право и избирательная система. В связи с увеличением срока полномочий гласных Городской думы с четырех до шести лет половина их состава заменялась через каждые три года путем новых выборов. Значительно расширился контингент избирателей за счет получивших право голоса состоятельных квартиросъемщиков. Новый избирательный закон вернул разрядную систему выборов: теперь стало два разряда. Первый разряд составляли крупные налогоплательщики (уплачивавшие совместно одну треть общей суммы сборов, вносимых всеми избирателями); ко второму разряду были причислены все остальные избиратели.

² Так в оригинале.

28 марта. Пятница. Еду в Царское Село в 3 часа. В Александровском дворце у Государя. Объявляет, что по докладу Дурново дал такую резолюцию: «Вопрос о дозволении Богословскому округу произвести изыскания и определить стоимость сооружения постройки железной дороги, соединяющей Богословский округ с общей сетью, считаю окончательно разрешенным постановлением Особого совещания 14 июня 1902 года». Усердно благодарю Его Величество. Он мне делает легкий упрек в том, что я никогда ему не говорил об этом деле; присовокуплял слова: «Хотя, впрочем, я это очень ценю». Желаю ему приятного в Москве отдохновения. Ответ: «Да, не будет министров». Еще раз благодарю и в особенности за то, что он не уведомил меня письменно, как того первоначально хотел, но дозволил к нему приехать и выслушать из его уст, несмотря на отъезд в тот самый день и вероятное множество всяких надоеданий. Возвращаюсь в Петербург в одном вагоне с Зенгером, который очень озабочен предстоящим осуществлением полученных от Государя указаний.

АПРЕЛЬ

10 апреля. Четверг. Вечером совет Рисовального училища. Отрядные успехи Иваново-Вознесенского филиального нашего училища.

14 марта. Понедельник. В Общем собрании за отсутствием Сольского председательствует Фриш, аккуратный чиновник, помнящий наизусть всякие номера статей Свода законов и самые разнообразные справки. В Соединенных департаментах Дисциплинарный устав. Восстаю против узаконения процедуры удаления от должности не иначе, как после отказа со стороны виновного подать просьбу об отставке. К крайнему моему удивлению, статью вычеркивают, не возразив мне ни слова.

15 апреля. Вторник. В Комитете министров после двухчасового прения происходит разногласие: четырнадцать утверждают постановление Особого совещания, двенадцать предлагают произвести новые изыскания на Кизел. Невероятные презренные интриги Абамелека в надежде получить железную дорогу.

16 апреля. Среда. Городское положение.

Обедают: Новый американский посол Маккормик, по мнению которого Россия в экономическом развитии находится на той же ступени, как Америка сто лет тому назад, и должна бы следовать ее примеру

мероприятий на пути усовершенствования. Ермолов, Тернер, Сабуров, Шидловский, Бобринские.

17 апреля. Четверг. Витте подавал в отставку вследствие получения от великого князя Александра Михайловича дерзкого письма.

Ужасные зверства. В Кишиневе избиение евреев зверскими злодействами, чтобы предотвратить политическую агитацию. Плеве направляет неудовольствие на экономическую сферу, иначе говоря, дает волю социальной революции, которая страшнее политической¹.

Минск. Еврейка Мария Владимировна, царствующая над жидами с разрешения министра внутренних дел.

18 апреля. Пятница. Заезжаю к Палену. Известия от сына губернатора в Вильне все того же характера. Обед в клубе с великим князем Владимиром Александровичем.

19 апреля. Суббота. Опять Городское положение. Почти ни одной статьи проекта нельзя оставить без переделки. Товарищ министра внутренних дел Зиновьев – жалкое ничтожество. Захожу к великому князю Владимиру Александровичу: страшно исхудал, грустен, не хочет ехать в Боден [?] несмотря на требования врачей. Предпочитает идти навстречу смерти.

Вечером Сельскохозяйственное совещание. Биржевые суды. Реформа биржи. Герард тщетно настаивал на том, что это далеко от подлежащего нам вопроса о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

21 апреля. Понедельник. Общее собрание Государственного Совета под председательством Фриша. Пустейшие дела. После того Дисциплинарный устав. Ввиду усердного старания чиновников выработать для своих собраний брешь [?], уменьшающую и без того слабую ответственность их, я заявляю, что в этих заботах забывают русский народ, утопающий в море бюрократической безответственности и безнаказанности.

23 апреля. Среда. В 9 часов 50 минут по железной дороге на царском поезде в Царское Село во; во время обедни ожидание в нижнем этаже в зале, прилегающем к церкви.

¹ Кишиневский погром – еврейский погром, произошедший 6–7 апреля 1903 г. в столице Бессарабии Кишиневе. В ходе погрома было убито около 50 человек, искалечено около 600 (представителей различных национальностей), повреждено около трети всех домостроений города.

После обеда наверху поздравление Их Величеств, то есть поклон с целованием руки старой и молодой императриц и поклон с рукопожатием императору. Завтрак в большом зале за круглыми десятиперсонными столами, удостоенные сего придворные дамы, Государственный совет, первые чины двора, государева свита, Уланский полк, коего император состоит шефом, конвой. После завтрака высочайшие мужи поспешно удаляются в курильню, и толпа приглашенных стоит, безмолвно ожидая, что одна из императриц удостоит разговором тех, кои побойчее, выдвигаются вперед¹.

24 апреля. Четверг. Государю послан журнал Комитета с разногласием. Вечером генерал Петров с проектом нового здания в Соляном городке рядом с предполагаемой нами постройкой.

25 апреля. Пятница. Тщетное ожидание высочайшей резолюции.

26 апреля. Суббота. По ничтожеству дел не еду в заседание Департамента законов. Вечером Сельскохозяйственное совещание. Вопрос о мелком кредите. Между Витте и Плеве горячие прения относительно сословного, то есть крестьянского, кредита. Плеве настаивает на том, чтобы кредит этот был поставлен в зависимость от губернской администрации. Витте, страшась влияния Плеве, подчиняется этому бессмысленному требованию.

27 апреля. Воскресенье. Управляющий делами Комитета министров Нольде получает от Государя журнал с нижеследующей надписью: «Разделяю мнение и заключение меньшинства. Нахожу необходимым производство дальнейших изысканий как в южном, так и в западном направлениях; при этом для удешевления линии представить варианты обоих направлений для широкой и узкой колеи ввиду чисто местного значения сооружаемой железной дороги».

От Нольде еду к председателю Дурново. Соглашается на мою просьбу не объявлять резолюцию в следующий вторник.

28 апреля. Понедельник. Общее собрание. Присутствует наследник Михаил Александрович. Заставляю его дать мне обещание, что он прочитает в пятом томе моего биографического словаря жизнеописание Князя В. П. Кочубея, а если найдет время, то и князя Смоленского.

¹ Так в оригинале.

Опять Дисциплинарный устав. Обсуждение 480 статьи о праве увольнения начальством негодных чиновников без объяснения причин. Поголовная защита сих последних.

29 апреля. Вторник. Завтрак с Бобринским, Боткиным, Котовым. Получаю от Государя мое письмо с испрошением аудиенции, на котором его отметка: «Прощу Вас приехать 30 апреля в 2 ½ часа».

Вечером совещание у Тернера по делу о распространении русских учреждений на возвращенную от Бессарабии полосу земли.

30 апреля. Среда. В 2 ½ часа в Царском Селе в Александровом дворце у Государя. Выходит в кабинет с довольно невеселым выражением лица. *Я:* «Позвольте прежде всего благодарить Ваше Величество за то, что Вам угодно было меня принять. Обращаюсь к Вам как к верховному держателю судеб Отечества и в целом, и в отдельных мелких единицах, как я». *Государь:* «Держателем судеб один Бог». *Я:* «Я разумею судеб административных, управительных, относящихся к повседневной жизни». *Государь:* «Я догадываюсь, о чем Вы хотите говорить». *Я:* «Разумеется, о Богословском деле. Вам угодно было обратить внимание на этот отдаленный и преисполненный природных богатств уголок нашего Отечества. Созванное по повелению Вашему год тому назад совещание признало необходимым построить железную дорогу, связующую округ с общей железнодорожной сетью. Заключение это было утверждено Вашим Величеством и объявлено Богословскому обществу. Одновременно министр финансов предложил производить изыскания, министр путей сообщения потребовал сумму, необходимую для инспекции. Государственный контроль, сокращая предназначенный от казны заказ рельсов, указал на рельсы для предполагаемой дороги, делаемые как на правительственный заказ. Возможно ли было сомневаться в том, что дорогу надлежит строить и притом, ввиду краткости на севере строительного периода, строить как можно скорее. Я воспитывался при императоре Николае и служил ему четыре года; меня учили и приучили смотреть на царское слово как на Божественную заповедь. Не ожидая окончания всех формальностей, приступлено было к заготовлению материалов, рельсов и т. п. В настоящее время израсходовано около миллиона. Министр финансов по получении заключения комиссии внес дело в Соединенное присутствие Комитета министров и Департамент экономики. Какими соображениями он руководствовался, я не понимаю. По русской пословице: «Ум хорошо, а два лучше», а я прибавлю, что

двадцать два гораздо хуже. В Комиссии началась разногласица и, по мнению одиннадцати членов, решено все дело приостановить, начав изыскания от Богословской на Луньевскую дорогу через Кизеловский округ, принадлежащий Абамелек-Лазареву. Между тем изыскания эти уже были произведены четыре года назад, но доказали, что дорога сия должна бы вследствие трудностей при переходе через Урал обойтись почти вдвое дороже, чем линия на Косьву [?]. Изыскания эти были в свое время рассмотрены и в Министерстве финансов, и в Министерстве путей сообщения, и в Государственном контроле, но вследствие отказа Богословского округа участвовать в постройке подобной дороги дело оставлено без дальнейшего движения. Лазарев знал, что при новом серьезном рассмотрении этих изысканий они не получат дальнейшего хода, и потому до наступления времени хранил глубокое молчание. Но пред самым докладом стал рассылать всем членам присутствия записки, искусно отредактированные, а в самый день доклада по его проискам газета «Новое время»¹ доставила исполненную клеветы на управление Богословским округом статью. И вот внезапно в среде присутствия возник вопрос, о котором не было и речи в деле о сооружении Богословской железной дороги. Посудите, Государь, в каком я нахожусь положении, и скажите, заслужил ли я это». Государь отвечал: «Конечно, нисколько». После некоторого молчания он сказал: «Необходимо что-нибудь сделать, но что именно?» После нового молчания я сказал: «Государь, у меня висит портрет императрицы Екатерины Великой, подаренный ей Потемкиным и приобретенный мной от Победносцево́й, рожденной Энгельгардт. Под портретом этим надпись, очевидно сочиненная Потемкиным:

„Тебе дано в удел желание правоты

И мощь к творению, чего желаешь ты“.

Уверены ли Вы в моей правоте?» *Государь*: «Да». — «В таком случае я не сомневаюсь, что мощь Ваша выведет меня из беды». *Государь*: «Я думаю, что можно возратить все дело в Комитет министров для нового рассмотрения». *Я*: «Это поведет к новым сомнениям и придирам. Может быть, Ваше Величество соблаговолили бы вызвать кого-либо для подробного Вам доклада об этих изысканиях?» *Государь*: «Я позову Ивана Николаевича (Дурново, председателя Комитета)». *Я*: «Его здоровье так плохо, что для него поездка по железной дороге крайне утомительна. Может быть, Вам угодно было бы вызвать Нольде, нового управляющего

¹ «Новое время» — газета, которая выходила в 1868–1917 гг. в Петербурге (Петрограде). С 1881 г. печаталось два издания — утреннее и вечернее. Принадлежали разным издателям. В 1876–1912 гг. газету возглавлял А. С. Суворин.

делами Комитета?» Государь: «Это мой личный выбор». Я: «С этим выбором нельзя довольно Вас поздравить. Я его почти не знаю, но кроме хорошего ни от кого о нем не слыхал».

После выражения мной глубокой моей благодарности снова настало молчание, но так как Государь не прерывал аудиенции, то я стал говорить о другом и, конечно, прежде всего о делах Исторического общества. Сообщил, что полковник Зайончковский взялся писать биографию Николая I для моего словаря. Государь был очень доволен этим известием. Наконец, я сказал: «Государь, посмотрите, какая отличная погода, отпустите меня и идите гулять». Он отвечал: «Нет, я буду ездить верхом». Мы встали, я еще раз поблагодарил и уехал.

МАЙ

1 мая. Четверг. Годичный обед в новом клубе.

В 10 ½ вечером приезжает ко мне Нольде. Был вызван в Царское Село к 2 ½ часам. Выслушав его объяснение, Государь сказал: «Никогда не должно стыдиться, когда сознаешь сделанную ошибку». Затем старая резолюция была изорвана, и вместо нее *Государь* написал, что соглашается с большинством. Я попросил Нольде как можно скорее сообщить новую резолюцию подлежащим министрам.

2 мая. Пятница. В Государственном совете начинается рассмотрение законопроекта об учреждении избираемых рабочими старост. Петербургские фабриканты поголовно отвергают проект. Провинциальные говорят под страхом навлечь на себя неудовольствие властей и в особенности московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Превосходно говорит Лопухин, директор Департамента полиции. Я начинаю допрашивать его, возможно ли что-нибудь сделать до уничтожения безумной организации рабочих союзов, в Москве допущенной; но перепуганный председатель Чихачев спешит объявить, что заседание закрыто. Вечером скучное совещание у Чихачева с Герардом, Тернером и Качаловым о мелком кредите.

3 мая. Суббота. В Департаменте законов дело о раздаче орошенных [в] Туркестанской области земель исключительно переселенцам. На заявление товарища министра финансов, что земли эти должны оставаться в руках туземцев, потому что производство хлопка имеет государственную важность для России. Господа Семенов, Куломзин, Стишинский

утверждают, что всех туземцев следует прогнать, а всю Туркестанскую землю отдать русским переселенцам!

Вечером Сельскохозяйственное совещание. Обсуждается проект устройства мелкого крестьянского кредита.

4 мая. Воскресенье. В 3 часа у Плеве по семейному делу, защита от шантажа. Получаю записку, поданную Государю Абамелеком, исполненную лжи.

5 мая. Понедельник. Общее собрание только, ничтожные дела.

Свидание в Канцелярии прошений с Будбергом, который прелюбезно предлагает взять на себя переговоры с Маро [?], не сомневаясь, что достигнет развода посредством успенского пожертвования [?].

6 мая. Вторник. В 9 часов 50 минут отъезд в Царское Село. Сажусь в вагон великого князя Михаила Николаевича. Сообщаю ему новости: назначены [в] члены Совета генерал Пантелеев – ничтожность, Шевич – друг Мещерского, Толь – недурной человек, но в этом случае изображающий венок, возлагаемый рукой Плеве на могилу графа Д. А. Толстого. От таких назначений Совету мало пользы. Отставной полковник Безобразов тоже недурной человек, но опасный болтун, получивший задними ходами доступ к Государю и сбивающий его с толку. В вопросах Дальнего Востока назначен статс-секретарь [?]. Самое печальное назначение – генерал-адъютантом градоначальника Клейгельса, который по формально произведенному прокурором Петербургского окружного суда следствию категорически обвиняется в злоупотреблениях, особенно в воровстве. Великий князь очень рад тому, что один из сыновей его назначен генерал-адъютантом¹. После обедни обычное поздравление, причем император благодарит меня за прекрасный портрет Екатерины, мной ему подаренный. На обратном пути вижу в вагоне с Николаем Николаевичем, который без умолку сообщает изукрашенные рассказы о его подвигах в прошедшем.

7 мая. Среда. Департамент законов. Плеве произносит длинную речь, преисполненную тумана, через который виднеется однако его желание сформировать из рабочего фабричного класса особое сословие, организованное чиновниками, полагая, что чиновники эти поведут его, как вздумают, тогда как нет сомнения, что эта социальная организация угрожает

¹ Речь идет о великом князе Николае Михайловиче.

бедствиями, крупными беспорядками, если не гибелью всему нашему общественному строю. Произнеся свою речь, Плеве оставляет представителем своим Стишинского и уезжает в Царское Село, где в этот день совет у Государя¹. На совете под председательством Государя заседают министры Витте, Плеве, Ламздорф, а также волонтеры Безобразов, Александр Михайлович, Абаза и офицер Генерального штаба Вогак; последние трое предлагают свои планы относительно воинственной с Китаем и Японией политики, основывая ее на штыках (sic). Выслушав их, Государь, который месяц тому назад утвердил миролюбивую программу, представленную тремя министрами – Ламздорфом, Витте и Куропаткиным, говорит, что он сознается в своей ошибке и решается переходить к наступательному образу действий. В этих видах адмирал Алексеев будет назначен заместителем. Ему посылается телеграфное приказание сообщить все это Куропаткину, который на днях приезжает в Порт-Артур.

8 мая. Четверг. В ночь умер Штендман, служивший при мне тридцать шесть лет сначала библиотекарем, а потом секретарем Исторического общества. Человек, не обладавший особенными дарованиями, но в высшей степени честный, добросовестный, прилежный труженик. Обед с детьми и внучатами.

9 мая. Пятница. В Совете продолжение рабочего вопроса. Горячие споры с товарищем министра финансов Оболенским по вопросу об обязательности выбора рабочими старост, несмотря на то, что первая статья законопроекта гласит, что инициатива допущения таких выборов принадлежит самому фабриканту. За обедом в клубе великий князь Владимир сообщает, что Плеве просил у него войск на 20 мая, ожидая беспорядков. Великий князь обещал ему тринадцать сотен казаков. Замечаю ему, что при стотридцатитысячном в Петербурге фабричном населении подобная цифра, по моему мнению, недостаточна.

10 мая. Суббота. В 2 часа в Екатерининской лютеранской церкви погребение Штендмана.

Вечером заседание Сельскохозяйственного совещания. Оканчивается рассмотрение проекта о мелком кредите.

12 мая. Понедельник. Общее собрание. В 3 часа обед [у] великого князя Владимира Александровича, который сообщает, что Плеве просил

¹7 мая Николай II записал в дневнике: «После чая у меня состоялось второе совещание по делам Дальнего Востока» (Дневники Николая II. С. 728).

у него войск на 16 число. Великий князь обещал ему тринадцать сотен казаков при условии, что ими будет распоряжаться военное, а не гражданское начальство. Заключаю, что тринадцать сотен казаков мало на сто тридцать тысяч фабричного населения¹. Обедают еще Сабуров, Балашов, Родзянко. Вечером вист.

14 мая. Среда. Витте сообщает, что получил от Плеве уведомление, что фабричные рабочие будут отпущены на праздник двухсотлетия² с сохранением заработной платы. Плеве предлагает ему сделать такие же распоряжения относительно рабочих на подведомственных министерскому начальству [?] заводах. Витте обижен, будучи министром промышленности и торговли.

Вечером [в] 8 ½ часов заседание Департамента промышленности. Первое вечернее заседание за мое двадцатилетнее в Совете служение. Дела пустые, и медленность их производства имеет причиной исключительно медлительность председателя Чихачева.

15 мая. Четверг. Завтракает А. М. Абаза. Излагает свои мысли о нашей роли на Крайнем Востоке. Настаивает на нашей ошибке во время китайской войны. По его мнению, нам надо было сблизиться с Японией и получить от нее хороший незамерзающий порт. Мы, напротив, сблизились с Китаем, который представляет не плотную могущественную массу, а разношерстную толпу часто не имеющих ничего общего народностей. В пятитысячелетнюю вражду между Китаем и Японией первая³ всегда оставалась побежденной. Так будет и на будущее время. Вторая ошибка – занятие Порт-Артура, для сохранения коего нам пришлось строить железную дорогу, трудно защищаемую. Третья ошибка – обещание очистить Маньчжурию. Необходимо исполнить обещание, но точно так же необходимо поставить вдоль Маньчжурской дороги тысяч шестьдесят хорошего войска. Одновременно необходимо охранять Маньчжурию от вторжения иностранных элементов, сохранив для русских людей огромные богатства, в Маньчжурии находящиеся. Все это, – говорит Абаза, – мое личное мнение, но я хорошо понимаю, что таково восторжествовавшее на совете заключение. Больше, – говорит Абаза, – я не вправе говорить, подкрепляя тем мое предположение.

¹ Половцов повторил информацию, приведенную им 9 мая.

² Имеется в виду двухсотлетие основания Санкт-Петербурга, которое отмечалось 16 мая.

³ Так в оригинале.

16 мая. Пятница. Превосходный летний день проводим в Царском Селе вдали от поглощенного гульбищной [?] толпой Петербурга.

17 мая. Суббота. Возвращаемся в Петербург. Дорогой разговор с Кони, характерный анекдот про императора Николая I, который, произведя маневры в Чугуеве, предал на месте смертной казни под видом усиленного минсрутена [?] духоборца, отказавшегося стать на колени. Вечером Сельскохозяйственное совещание.

18 мая. Воскресенье. У Победоносцева. Рассказывает, что посылал чиновника Ширинского-Шахматова для надлежащих приготовлений в Саровской пустыни. Оттуда Ширинский-Шахматов явился с докладом [к] Константину Петровичу¹. Императрица держала его два часа, рассматривая планы приготовленных для предстоящего торжества жилищ. Строятся дома, ожидается прибытие сотен тысяч народа, который окажется беззащитным от могущей настичуть его непогоды. Все это в самую рабочую пору и с руки анархистам, которые будут иметь невежественную толпу, расположенную [к] восприятию самых нелепых толков и возбуждений.

19 мая. Понедельник. Еду к великому князю Михаилу Николаевичу, чтобы объяснить ему значение представления² о вознаграждении рабочих за увечья. Завтракаю с ним в новом клубе.

В общем собрании Совета веду сильную атаку против законопроекта, голосуют за проект сорок два, за предлагаемую мной поправку – восемнадцать. Поправка заключается лишь в том, чтобы фабрикант или заводчик мог защищаться от ответственности не только в случае злого умысла со стороны рабочего, но также и в случае грубой с его стороны неосторожности. Великий князь соглашается со мной против всех министров, кажется, в первый раз в жизни.

22 мая. Четверг. В 2 часа Сельскохозяйственное совещание. Грандиозный проект Витте о сооружении путей железно-шоссейных, грунтовых. Большинство присутствующих нападает на чрезмерную обширность предположения. Витте защищается тем, что сбережений делать невозможно. Деньги уходят на пустые замыслы, а потому он предполагает тратить их на дороги, без которых немислимо самое элементарное

¹ В оригинале здесь не совсем понятное сокращение «К.П. В.В.».

² В оригинале здесь еще сокращение «М.Н.»

благосостояние страны. Обедают Куракин, Балашов, Всевожский, Витте, граф Келлер.

23 мая. Суббота. В общем собрании Совета дело о реформе Петербургского городского самоуправления. Говорю против немедленного допущения к участию в нем квартирантов без предварительного выяснения статистикой численности и могущего произойти отсюда влияния этого доселе неведомого элемента.

Моя речь не по шерсти слушателям. Со мной соглашаются лишь двое из пятидесяти четырех присутствующих.

Вечером Сельскохозяйственное совещание. Продолжение проекта о подъездных путях.

4 июня. Среда. Похороны Дурново¹.

7 июня. Суббота. Уезжаю в Гагры.

¹ 4 июня Николай II записал в дневнике: «В 10 ¼ отправились на 'Александрии' в Петербург и с пристани в экипажах в Александро-Невскую лавру. Были на отпевании И. Н. Дурново, который был похоронен тут же на кладбище» (Дневники Николая II. С. 734).

1904

ЯНВАРЬ

3 января. Суббота. В 12 ½ часов – выезд из Monte-Carlo train de luxe¹ с переменной вагона.

5 января. Мышь в Варшаве².

6 января. В 11 ½ часов приезжаем в Петербург, где только накануне выпал снег, но еще не установлен санный путь. Петербург занят забаллотировкой Безобразова в Новом клубе. Настроение более мирное. Как кажется, войны с Японией не будет.

7 января. Среда. Исполняя поручение великого князя Михаила Николаевича, еду к графине С. А. Бобринской и графу Сольскому.

8 января. Четверг. Завтракают Боткин, Котов, Бобринский. Обсуждение дел Училища, которые идут весьма удовлетворительно.

Обед с детьми и внучками.

В 5 часов приезжает великий князь Владимир Александрович; в восхищении от своего путешествия в Англию. Severak³ [?]. Прием, оказанный двенадцатилетней девочкой. Думает, что войны с Японией не будет. Смерть принцессы Гессенской⁴. Может, болезнь??

9 января. Пятница. В 2 часа – годичный акт нашего Рисовального училища. Выставка произведений учеников. В 5 часов в клубе, вист с Владимиром Александровичем. Тяжелое впечатление, произведенное указом по крестьянскому вопросу⁵.

¹ Поезд класса люкс (*фр.*).

² Так в тексте.

³ Вероятно, имеется в виду Деода де Северак.

⁴ Так в тексте.

⁵ Имеется в виду указ «Об учреждении губернских совещаний по пересмотру законодательства о крестьянах» от 8 января 1904г. В этом акте, несмотря на

10 января. Суббота. Заходит Платонов, толкуем о делах Исторического общества. В 2 часа – у Витте, история его отставки. Теперешнее положение дел. В 3 ½ часа – у Юсупова, в 4 ½ – у Балашова. Вечером – сельскохозяйственное совещание, предложение комиссии Коковцова скинуть двадцать миллионов ежегодных выкупных платежей.

11 января. Воскресенье. В 2 часа у Боткина; превосходная коллекция. В 3 часа – в Рисовальном училище, которое показываю притесняющему нас государственному контролеру Лобко.

5 часов – чтение русских журналов.

12 января. Понедельник. Не еду в пустое заседание общего собрания Совета. Заходят граф Шереметев, Пален и Алексей Оболенский, Александр Долгорукий с многочисленными ходатайствами для устраиваемой в стенах нашего училища на пользу Патриотического общества выставки.

Чтение второго тома «Истории жизни и царствования Николая I» Шильдера¹.

13 января. Вторник. Завтрак с Котовым и Боткиным; надоедание Елены Георгиевны Мекленбургской по поводу выставки, устраиваемой ею в нашем училище.

Простудился и сижу дома, слушая чтения Форсмана.

Заходит Шидловский и Иксуль. Узнаю, что Сольский предлагал Государю назначить членом Государственного совета великого князя Николая Михайловича. Но Государь отказал на том основании, что в императорском семействе есть члены, по старшинству своему имеющие более прав.

14 января. Среда. Обедают Куракины. Спорные вопросы о наследстве имущества и титула князя Паскевича.

15 января. Четверг. Визит Павлу Строганову, председателю Нового клуба. Долгое сиденье у Победоносцева, не прерываемое никаким посетителем, как бывало во время его влиятельного положения.

Объяснение с Тимашевым, управляющим Государственным банком.

обещание облегчения выхода из общины отдельным крестьянам, констатировалась необходимость сохранить сословный строй и неотчуждаемость крестьянских земель.

¹ См.: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903.

Заезжает Витте. Его вражда с Плеве. Он думает, что войны с Японией не будет теперь; что Япония займет Корею, что мы это допустим, но что будем продолжать вооружение, что Япония и Россия будут все более друг против друга щетиниться и что война через несколько времени сделается неминуемой.

Вечером Хитрово.

16 января. Пятница. В 3 часа у графа Строганова. Комитет клуба: Родзянко, Юсупов, я. Обсуждается поступок Павла Демидова, который насильно ворвался в клуб после узаконенного для закрытия ночью часа. Решают сделать ему разъяснение и внушение. В «Правительственном вестнике» напечатан высочайше утвержденный доклад Плеве о закрытии тверского земства и замене земских деятелей правительственными чиновниками. Главным внушителем таких мер все тот же отвратительный Мещерский.

17 января. Понедельник. Заседание Департамента законов. Обсуждается представление Плеве о назначении всем волостным писарям по триста рублей годовичного жалованья. Дело откладывается для рассмотрения совокупно с вопросом о скидке выкупных платежей.

Вечером Сельскохозяйственное совещание. Ничтожные дела, представленные ничтожным Ермоловым о вывозе молочных продуктов и повышении пошлины на хмель.

18 января. Воскресенье. У Боткина в его доме на Васильевском острове. Превосходная коллекция итальянских вещей, собранная им в молодости; в последнее время он покупает византийские эмали, в числе коих у него много фальшивок.

У Всеволжского¹ в Зимнем дворце, в здании Эрмитажного павильона. Подведомственный Всеволжскому Эрмитаж в полном застое.

У Палена; толкуем о печальном ходе дел. Плеве уговаривает Мещерского принять портфель министра народного просвещения, а за его отказом хочет провести на этот пост некоего Штюрмера, оставившего незавидную репутацию в Новгородской и Ярославской [губерниях], где был губернатором. Приходит Куропаткин, рассказывает путешествие в Японию и излагает свой взгляд на теперешнее положение.

19 января. Понедельник. Совет Исторического общества: Сергеевич, Мартенс, Кобеко, Дубровин. Решают назначить Чечулина секретарем

¹ Так в тексте.

общества на место умершего Штендмана. Вести дело делается для меня все более и более затруднительным.

При Александре III являлись безвозмездные и бескорыстные труженики, как, например, Бычков, Грот и другие. Их поддерживало внимание Государя; теперь всякий труд надо оплачивать деньгами, коих общество не имеет в изобилии.

Трехтысячный бал в Зимнем дворце. Мне представляется некий князь Путятин, помощник помощника гофмаршала Бенкендорфа. Цель знакомства – убедить меня в необходимости выхлопотать казенное помещение для Исторического общества, а по примеру Исторического общества получить таковое же помещение для Генеалогического общества, коего Путятин состоит главным деятелем. Как сильный аргумент выставляет то, что он обедает у Государя и после обеда разговаривает с ним в кабинете!

Ужинаю между графиней Альвенслебен, женой германского посла, весьма приятной собеседницей и обер-гофмейстериной Голицыной, совершенно противоположного характера.

20 января. Вторник. В 2 ½ у великого князя Сергея Михайловича. Он сообщает известия о здоровье отца. Рассказывает, как вчера на бале великий князь Владимир Александрович разобрал Плева, который сделал распоряжение о высылке какой-то французской актрисы вследствие ходатайства Лярского, опасавшегося, что на ней женится сын его. Сын этот – гусар, и распоряжение Плева возбудило негодование как в офицерах гусарского полка, так и великом князе. «Вы это сделали, – сказал он Плева, – потому что за спиной Лярского стоит Безобразов».

Навещаю больного Палена, у которого застаю Рихтера.

21 января. Среда. У туркестанского генерал-губернатора Иванова. Почтенный, честный и в полном смысле слова человек. Разговор о богатствах Средней Азии. На днях получены известия о том, что в Ферганской области открыты нефтяные источники. Имеющая быть оконченной Оренбург-Ташкентская железная дорога будет иметь огромное и не только стратегическое, но и экономическое значение. Разговор о моем старшем сыне, который искусно исполнил на границах Афганистана данное ему щекотливое поручение, причем провел шесть недель верхом на лошади, странствуя по Памирским высотам.

22 января. Четверг. Слышал такой рассказ: на днях близкий Государю человек стал убеждать Государя, что война с Японией будет иметь

последствием революции в России. На это император отвечал, что Плеве утверждает обратное и переменял разговор.

В 5 часов в клубе вист с великим князем Владимиром Александровичем. Обед у графини Клейнмихель с Юсуповым.

23 января. Пятница. В 9 часов спектакль в Эрмитаже; четвертый акт «Мефистофеля» Бойто¹. Музыка и исполнение превосходны; во время антракта Их Величества обходят присутствующих и разговаривают с ними, в том зале, что помещается над мостиком через Зимнюю канавку. Государь любезно разговаривает со всеми иностранными послами и лишь в отношении японского посланника ограничивается молчаливым рукопожатием.

К ужину веду и сажаю за стол императрицы обер-гофмейстерину княгиню Голицыну. Весь прием оканчивается в 12 часов, что весьма благо-разумно. Куропаткин говорит мне, что темная туча, в которой появляется Мефистофель, похожа на ту японскую тучу, которая на нас надвигается и которую мы ожидаем, укрепляясь и усиливаясь. Таково сегодня политическое положение.

24 января. Суббота. В Департаменте законов представление председателя Особого совещания о децентрализации Платонова. Представление содержит лишь предположения об освобождении нескольких министров от рассмотрения нескольких ничтожных бумаг. А. Сабуров тщетно старается доказать необходимость расширения рамок [...] ² долженствующего подлежать рассмотрению нашему. Фриш останавливает его, оставаясь верным девизу: «Мелкота и ничтожество». Ухожу после трехчасового слушания изложения чиновничьих взглядов.

В 8 ½ часов – Сельскохозяйственное совещание. Проекты Ермолова об улучшениях, на которые желает получить казенные миллионы: лесоразведение, болотоосушение, борьба с оврагами. Говорится много пустого. Председатель Витте говорит непрерывно.

25 января. Воскресенье. В «Правительственном вестнике» обнародовано заявление Японии о прекращении дипломатических с нами сношений³. Продолжительный разговор с Алексеем Оболенским. У Сольских

¹ Имеется в виду опера А. Бойто «Мефистофель».

² В оригинале пропущено слово.

³ 23 января 1904 г. министр иностранных дел Японии Дзютаро Комура телеграфировал послу в Петербурге «прекратить настоящие бессодержательные переговоры», «ввиду промедлений, остающихся большей частью необъяснимыми»,

застаю принцессу Евгению Максимилиановну и П. Сабурова. Продолжительный и оживленный разговор о злобе дня. Флигель-адъютант граф Шереметев, вернувшись домой после дежурства при Государе, передает его слова, что война объявлена.

26 января. Понедельник. Вследствие моего разговора с управляющим Министерством финансов Романовым относительно журнала совещания под председательством великого князя Алексея Александровича об отдаче средней части Соляного городка нашему училищу является ко мне делопроизводитель, чиновник Министерства финансов. Настаиваю на немедленном представлении журнала высочайшему утверждению для того, чтобы закрепить мое соглашение с Куропаткиным, не ожидая соглашения с Техническим обществом. В общем собрании Совета пустые дела, кратчайшее заседание; присутствует наследник; в залах стоят кучками члены Совета, толкуя о войне и об отставке министра народного просвещения Зенгера, вызванной резолюциями Государя на последних докладах Зенгера.

Городские слухи: что Государь уезжает в Москву, что между японским и русским флотами произошло столкновение, что назначенный на вторник бал не отменяется, но будет последним в этом сезоне праздником.

27 января. Вторник. Завтрак с Боткиным и Котовым. Во 2-м часу получается повестка о прибытии к 3 ½ в Зимний дворец к молебну о ниспослании победы в начинающейся войне с Японией. Бал отменяется. Вследствие приготовлений к нему Концертный и Николаевский залы загромождены, и высочайший выход совершается через западную половину, то есть через комнаты, выходящие окнами на площадь. Толпы собравшихся столь велики, что я с большим трудом добираюсь до церкви, куда должны собраться члены Государственного совета. Император, видимо, взволнован внезапным нападением японцев¹. На обратном его шествии множество военных приветствуют его восторженными кликами. Всеобщее осуждение морского начальства за то, что дали японцам сделать неожиданное нападение; хотя, конечно, подробно судить об этом отсюда трудно.

и прервать дипломатические отношения с Россией (Романов. С. 65). 24 января 1904 г. Япония официально объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией.

¹ В ночь на 27 января 1904 г. японская эскадра напала на русские корабли на рейде Порт-Артура.

28 января. Среда. Заседание совета училища. Отпор Министерству финансов по поводу требуемых с нас на школу в селе Красном денег без предоставления нам права следить за ходом учебного в ней дела. В 5 часов комитет Нового клуба со Строгановым, Юсуповым и Бибиковым. В 8 часов дома; обход в честь прусского посла Альвенслебена, который, впрочем, внезапно отозван к великому князю Константину Константиновичу.

После обеда квартет Чайковского и Бетховена; новое известие одно, что потоплен один японский броненосец.

29 января. Четверг. Императрица Александра Федоровна вызывает мою жену, чтобы: 1) благодарить ее за участие в устройстве выставки художественных предметов в залах нашего Рисовального училища на пользу школ Патриотического общества, императрицей председательствуемого, и 2) чтобы объявить, что сбор с этой выставки получает другое назначение, а именно: отдан будет вдовам и сиротам павших на возгорающейся войне.

В 1 час в Государственном совете молебен и торжественное заседание, в коем постановляется поднести Государю адрес. Ближе знакомые с положением лица утверждают, что нас ожидают в предстоящей войне великие трудности. Мы к ней не приготовлены, японский флот лучше знает морское дело, чем наш; при неудачах китайцы присоединятся к японцам; пути сообщения для нас не обеспечены, угля нет, Сибирская дорога малосильна и т. д.

Годичное собрание в Новом клубе, где получается известие о том, что вышедшая из Владивостока эскадра уничтожила восемь больших японских транспортов и 3 крейсера, везших войска. В Чемульпо два судна – «Кореец» и «Варяг» – взорваны собственным экипажем, спасшимся на французский корабль¹.

30 января. Пятница. В 2 часа Особое совещание. Победоносцев доказывает бесполезность разъяснения законодательным порядком права работать в праздничные дни. Энергически ему возражаю, настаивая на необходимости такого законодательного, а не министерски-циркулярного

¹ Перед началом русско-японской войны канонерская лодка «Кореец» и бронепалубный крейсер I ранга «Варяг» находились в качестве стационаров в корейском порту Чемульпо. 27 января 1904 г. оба вступили в сражение с японской эскадрой. Чтобы не допустить захвата японцами, «Варяг» был затоплен, а «Кореец» взорван. Экипажи приняты на борт французского крейсера «Паскаль».

разъяснения. Со мной соглашаются все присутствующие, и сам Победоносцев отступает от своего мнения.

Сабуров сообщает, что Сольский вместе с управляющим Министерством финансов и государственным секретарем соображали возможность сокращения расходов на нынешний год. Сбережения эти вместе с остатками от доходов в прошедшем и текущем годах из присоединения 300-миллионного фонда дают на первое время достаточные средства для ведения войны. Обо всем этом на днях будет судить Финансовый комитет. Заезжаю в клуб, где никаких новых военных известий не нахожу.

31 января. Суббота. У Витте. Он, видимо, чувствует себя обиженным, что отстранен от всякого участия в обсуждении являющихся необходимыми финансовых мер. Считает невозможным усиление выпуска кредитных билетов без одновременного закрытия размены их на золото; весьма мрачно смотрит на ближайшее будущее. Туркестанский генерал-губернатор Иванов, располагавший¹ пробыть в Петербурге еще месяц, внезапно уезжает в Ташкент, где состоится мобилизация Туркестанского военного округа в видах угрозы англичан со стороны Индии. Известия с морского театра войны продолжают быть печальными.

ФЕВРАЛЬ

1 февраля. Воскресенье. Из Богословских заводов получается телеграмма о призыве на войну значительного числа заводских рабочих. Война с первых же дней дает себя чувствовать всем сторонам народной жизни. У графа Сольского разговор на эту тему; он надеется, что войну удастся локализовать Манчжурией и Кореей. Сообщаю ему, что один генерал, желавший служить в Манчжурии, получил при представлении Государю следующий ответ: «Вы мне нужнее в Туркестане, пора с оружием в руках положить конец английским козням».

У графа Палена: он в мрачном отчаянии при виде того, что происходит и чего еще надо ожидать. В клубе нахожу известие, что русский крейсер «Боярин» наткнулся на русскую мину и взлетел на воздух.

2 февраля. Понедельник. Сажу целый день дома.

¹ Так в тексте.

3 февраля. Вторник. Завтрак с Котовым, Боткиным и Бобринским. Сбор с устраиваемой в училище выставки обращен на пользу жертв войны. Совет училища постановляет не останавливаться ни перед какими расходами при устройстве той выставки.

Плеске, которому остается жить самое короткое время¹, назначен членом Государственного совета. Кандидатами на пост министра финансов называют Коковцова, Лобко, Рухлова. Министром народного просвещения назначают директора Псковского Кадетского корпуса Шильдера². Несколько лет тому назад я его знал мелким офицером Семеновского полка, взятым в воспитатели великого князя Алексея Михайловича. После смерти этого ребенка Шильдер был назначен инспектором в Александровский лицей. Назначение состоялось по ходатайству Мещерского.

4 февраля. Среда. Общее собрание Государственного совета. Сольский объявляет, что по повелению Государя он, при участии управляющего Министерством финансов Романова и государственного секретаря Коковцова, рассмотрел сметы всех министерств на 1904 год и сделал сокращения на сто тридцать семь миллионов. Замечания министров на эти предположения будут рассмотрены в Департаменте экономии при участии всех министров. Заседание проходит в том, что почти по всем подлежащим рассмотрению в этот день делам отвергаются все сколько-нибудь значительные ассигнования. Сидящий возле меня Ванновский говорит мне, что следовало бы членам Государственного совета отказаться от своего жалования на военные издержки. В ответ на это я ему рассказываю, что в 1854 году, при открытии Восточной войны³, Безобразов и Дурасов, сенаторы общего собрания, в коем я служил секретарем, сделали это предложение, и император Николай в ответ сказал, что они дураки. Встречаю человека, видевшего Рихтера после свидания его с Государем. Этот прекрасный и душевно преданный Государю

¹ Плеске был болен раком.

² Об этом же 2 февраля в своем дневнике сообщил Куропаткин: «Витте рассказывал, что Государь предлагал Мещерскому быть министром народного просвещения. Отказался. Указал на генерал-майора Шильдера, директора Псковского кадетского корпуса» (Куропаткин. С. 111). Слухи не оправдались – назначение В. А. Шильдера министром народного просвещения так и не состоялось. В апреле 1904 г. пост получил В. Г. Глазов.

³ Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг. Велась коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства против России. Завершилась поражением последней.

человек, обливаясь слезами, сказал нашему общему знакомому: «Это – конец династии, это – гибель России».

Вечером – квартет.

5 февраля. Четверг. Во время заседания Департамента государственной экономики Коковцов был вызван к Государю. Возвратясь оттуда в Совет, он объявил, что назначен министром финансов. Карьера Коковцова такова: в бытность мою государственным секретарем открылась вакансия помощника статс-секретаря. Школьный товарищ мой, честнейший и благороднейший человек, сенатор Репинский, горячо рекомендовал мне Коковцова, не желавшего более служить в тюремном управлении под начальством Галкина, которого Коковцов при свидании со мной выставлял в весьма черном свете. Я решился назначить Коковцова помощником статс-секретаря. Впоследствии он сделался товарищем министра финансов. Когда зашла речь о переходе Плеве с должности государственного секретаря в министры Великого княжества Финляндского, то, опасаясь назначения государственным секретарем Стишинского, я, вследствие просьбы Витте, рекомендовал великому князю Михаилу Николаевичу в преемники Плеве Коковцова. Вакансия государственного секретаря открылась, однако, лишь по назначении Плеве министром внутренних дел. Теперь ему противопоставлялись кандидаты на пост министра финансов Философов и Шванебах. Коковцов – человек умный, способный, трудолюбивый, годный для ведения дел текущих, но никак не государственных. Характер его не имеет ничего доблестного; ни к каким высшим идеалам он не в состоянии стремиться. Он полон подобострастия и низкопоклонства, прикрываемых подобием суровости.

6 февраля. Пятница. Заезжает Нольде просить о содействии проведению в государственные секретари Кауфмана. Заявляю о своем в этом отношении бессилии. Приезжает Витте; говорим о современных делах; между прочим рассказывает, что получил от великого князя Алексея Александровича такую записку: «Государь никогда не простит Вам той твердости и откровенности, с которой Вы полгода тому назад предсказывали ему в моем присутствии те несчастья, которым мы ныне подвергаемся».

В числе кандидатов на государственного секретаря упоминается князь Алексей Оболенский. Куропаткин назначен командующим войсками Манчжурии, Макаров – командующим эскадрой, находящейся в Порт-Артуре. Алексееву повелено переехать в Харбин. Приходит Кауфман, служивший при мне во время моей ревизии, потом в Государственной канцелярии, а затем рекомендованный мной в товарищи главноуправляющего

учреждениями императрицы Марии, откуда ушел вследствие недостойных интриг; честный и способный к трудовой жизни человек, едет уполномоченным от Красного креста в Манчжурию. Был бы весьма рад назначению в государственные секретари. В 5 часов вист в клубе с великим князем Владимиром Александровичем. Новых известий нет. Вечером обсуждаю с сыном Петром (который при первом известии о войне заявил о своем желании ехать в действующую армию), куда ему ехать – в Манчжурию к Куропаткину или в Туркестан к Иванову.

7 февраля. Витте рассказывает, что 6 месяцев тому назад он предостерег Государя, предсказывая все те несчастья, коим мы теперь подвергаемся, и так как это заявление лишь разгневало Государя, то Витте чрез близкое к императрице Марии Федоровне лицо передал ей сущность своего взгляда. Императрица вызвала великого князя Алексея и министра иностранных дел Ламздорфа, которые оба подтвердили то, что сказал Витте. Теперь, когда он уволен от обязанностей министра финансов и предсказания его начали осуществляться, императрица вызвала его и выслушала его объяснения. Витте уведомляет, что Сольский обещал ему включить в число кандидатов на должность государственного секретаря Алексея Оболенского.

8 февраля. Воскресенье. В «Правительственном вестнике» напечатан указ о назначении Куропаткина командующим войсками Манчжурии с увольнением от должности военного министра. Такое самопожертвование со стороны Куропаткина выставит его благородный характер в настоящем свете и на некоторое время заставит молчать его многочисленных врагов.

Витте уведомляет меня запиской, что Сольский обещал ему включить в число кандидатов на должность государственного секретаря Алексея Оболенского и просит меня поддержать эту кандидатуру перед великим князем Михаилом Николаевичем. Одновременно узнаю, что Сольский сегодня же везет к Государю указ о назначении Иксуля. В 6 часов я у великого князя Владимира Александровича, который искренне и глубоко удручен нынешними событиями. Рассуждает весьма здраво о наших неудачах; не сомневается, что, хотя бы ценой огромных жертв, мы победим Японию, но что в результате никакой для России пользы и выгоды Европой допущено не будет. Вильгельм, ненавидящий Англию, заверяет в том, что на него мы можем рассчитывать. Великий князь передает мне письмо князя Вяземского о смерти Пушкина, замечательное по благородству чувств и смелости их выражения.

Вечером заходит Кауфман, имевший также надежду на получение государственно-секретарской должности. Он уезжает уполномоченным Красного креста в Иркутск. Рассказывает мне, что в бумагах своего дяди нашел записку Скобелева, изучающую возможность похода в Индию. Записку эту он представил Государю.

9 февраля. Понедельник. Сегодня составлен указ о назначении Иксуля государственным секретарем. Назначение это делает честь Сольскому. Иксуль – человек очень благородный, честный, трудолюбивый, весьма скромный и, быть может, поэтому оставшийся доселе в пренебрежении. Он солидный труженик, не имеющий ничего блестящего и потому отвечающий требованиям главных петербургских политических деятелей, которым талантливый и энергичный секретарь был бы не по душе и не замедлил бы быть очернен в глазах Государя, как я это испытал во времена Каткова, Толстого, Мещерского при Александре III. Приходит Иксуль. Назначение его сделано по представлению Сольского, предварительно испросившего согласия великого князя Михаила Николаевича. Иксуль намеревается взять в товарищи Харитонова, статс-секретаря Гражданского департамента. Выбор также весьма удачен.

Приходит Коковцов. Рассказывает, что Государь, вызвав его в четверг, объявил ему о назначении его министром финансов и при этом сказал, что кандидатов было много, но что он с самого сначала твердо решил назначить его – Коковцова. Поехав к Сольскому объявить о своем назначении, Коковцов уговорил его представить в государственные секретари Иксуля, несмотря на то, что Сольский хотел первоначально назначить Рухлова, который долго был статс-секретарем Департамента экономии, председателюсвумого Сольским.

10 февраля. Вторник. Еженедельный завтрак с Котовым и Боткиным. Заезжаю в училище, чтобы заявить о желании, чтобы наши витрины с вещами, посланными на выставку, были поставлены на более скромное место, чем то, которое им отведено. У Ванновского: продолжительный разговор о современных событиях. Он с недоверием относится к боевым свойствам японской армии; по его мнению, японцы пылки, но не стойки, особливо в случае неожиданных событий. Не считает возможным, чтобы Порт-Артур сделался Севастополем¹; думает, что

¹ Речь идет о том, что Порт-Артуру не удастся стать вторым Севастополем. В ходе Крымской войны Севастополь оборонялся с сентября 1854 по август 1855 гг. и отвлек на себя крупные силы Англии и Франции.

война продлится около года и кончится разбитием японцев, но без всякого для нас возмездия за наши победы, при невозможности для нас, за недостатком флота и симпатий со стороны Англии и Америки, преследовать японцев на их территории.

11 февраля. Среда. В Соединенных департаментах проект журнала о дисциплинарном производстве. Мною заявлено мнение о бесполезности и вреде предполагаемых дисциплинарных присутствий. При таком мнении остаюсь один. Во время заседания приносят телеграмму об одержанной будто бы над японцами победе; после проверки оказывается, что все дело сводится к отбитию четырех миноносок, нападавших на «Ретвизан», и к потоплению четырех пароходов, долженствовавших заградить вход в Порт-Артур.

12 февраля. Четверг. Получено известие, что японцы вторично напали на Порт-Артур и были отбиты. Куропаткину дан лестный рескрипт по случаю назначения командующим в Манчжурии¹.

13 февраля. Пятница. Заезжает Чихачов. По его мнению, мы должны немедленно отправить из Кронштадта эскадру на усиление нашего флота, действующего против Японии. Затем необходимо класть второй путь на Сибирской железной дороге, а также всеми силами ускорить постройку Вологдо-Вятской дороги, так чтобы к северу России представлялась возможность от Вятки через Пермь, Тюмень, Иртыш и Обь достигать Омска, не усиливая обременения Сибирской железной дороге. В клубе. Витте опровергает такое предложение и думает, что практичнее было бы восстановить рядом с железной дорогой старый Сибирский почтовый тракт.

Вечером слушаю чтение Звегинцова о Корее, в которой он долго странствовал.

15 февраля. Воскресенье. В 2 ч. – в училище. В 2 ½ приезжают Их Величества². Осматривают выставку, причем каждый экспонент дает объяснение относительно выставленных им предметов. Особенно замечательна коллекция, принадлежащая графу Вильчеку, который сам ее

¹ Так в тексте.

² Николай второй записал 15 февраля в дневнике: «В 2 ½ поехали в Музей Штиглица на открытие выставки исторических и драгоценных вещей. Осматривали ее в течение полутора часа с большим интересом. Масса красивых предметов. Вернулись домой к чаю» (Дневники Николая II. С. 790).

привез. Богатство и изобилие роскошных художественных предметов поразительны. Особенно замечательны предметы, принадлежащие герцогам Мекленбургским, графине Шуваловой, великому князю Алексею Александровичу, графу Шереметеву. Осмотрев часть предметов, Их Величества поднимаются во второй этаж, где в Большом советском зале приготовлен чай. Жена моя и я удостоиваемся приглашения к столу Их Величеств. Государь, на мой вопрос о его здоровье отвечает, что его и здоровье, и настроение очень хороши. Упоминает о войне, не сомневается в успешном ее исходе, не скрывая от себя и трудностей. И он, и императрица выражают большое удовлетворение по поводу успеха выставки. Из нашего дома выставлены четыре витрины: а) старинное серебро, б) старинная черная бронза, в) китайские вазы (Cloisonné¹) и г) старинные кружева, а также старинные, расписанные миниатюрами рукописи и роскошные старинные переплеты из моей библиотеки, унаследованной мной от графа Кушелева-Безобразова. Осмотр выставки продолжается до 5 часов и оканчивается выражением чрезвычайной в отношении нас обоих благодарности.

16 февраля. Понедельник. Умер П. С. Ванновский. Добрый и честный человек, но без всяких широких государственных видов.

17 февраля. Вторник. На днях представлялся Государю таврический губернатор Трепов. Государь выражал ему свое удовольствие о том, какие чувства выражались во всех частях России по поводу возникшей войны; Трепов несколько неуместно сказал, что с такими же чувствами Россия встретит и поход в Индию. Государь отвечал, что за последние дни отношения к Англии изменились и войны с ней опасаться нечего.

Вследствие возникшего у Государя сомнения о какой-то дате Куропаткин представил Государю свой дневник, в котором записывает все, что говорится при личных его докладах. Там Государь встретил хвалебные выражения относительно его самого, императрицы и детей и попросил оставить этот дневник у себя на некоторое время. Когда вслед за тем Сахаров возбудил сомнения о той же дате, то Государь доверил ему этот дневник, в котором Сахаров нашел о себе самые нелестные отзывы. Последствием этого была горячая ссора между Куропаткиным и Сахаровым.

Шванебах рассказывает, что по обязанности служебной в качестве товарища министра земледелия он имел в руках соображения,

¹ Изделие из клуазоне (перегородчатой эмали) (фр.).

представленные Государю Безобразовым, о том, как следует покорить Манчжурию и Корею и как управлять ими.

18 февраля. Среда. Заседание Департамента законов. Проект об устройстве дисциплинарных присутствий в ограждение чиновников от суровости их начальства. Тщетно борюсь с единодушным стремлением своих коллег еще усилить безответственность и безнаказанность бюрократии, удручающей жизнь и труд русского народа. Профессору Таганцеву, составителю проекта, говорю, что соглашусь с ним, когда он мне покажет ту хартию, которая была дарована татарским баскакам на безответственное утеснение русских. Остаюсь один при своем мнении. Вечером дома квартет. Приезжает граф Вильчек, чрезвычайный любитель и знаток искусства, привезший на нашу выставку свою богатейшую коллекцию. Человек в высшей степени культурный, любезный, благовоспитанный.

19 февраля. Четверг. У Лобко: сообщает, что рекомендовал Философова на пост министра финансов. Я, с своей стороны, не могу не сочувствовать установлению крайне лестной репутации Философова, которого, служа государственным секретарем, взял на службу прямо из университета и мог оценить его выдающиеся качества. Лобко рассказывает, что на вопрос Государя Драгомирову, что он думает о назначении Клейгельса в Киев, Драгомиров отвечал: «Клейгельс неглуп, не вор и не немец». Так как Клейгельс – немец, да еще, кажется, из жидов, то понятно значение высказанной оценки.

У Ермолова. Несмотря на то, что он своей карьерой обязан Витте, Ермолов горько его осуждает и утверждает, что мы ему обязаны теперешними затруднениями. В ряду высказываемых обвинений упоминает о создании города Дальнего, на что отпущено было 28 миллионов, имевших целью воздвигнуть многочисленные постройки, большинство коих стоит пустыми за недостатком населения. Еще анекдот о Драгомирове: на вопрос Государя, опасно ли земство для самодержавия, Драгомиров отвечал: «Для какого самодержавия? Для Вашего – нисколько, а для нашего – опасно».

20 февраля. Пятница. У графа Ламздорфа. Прощальный обед Куропаткину; приглашены Витте, Гессе, Покотилев и другие, старавшиеся мирным соглашением и уступками, гораздо меньшими, чем впоследствии, требованиям Японии предотвратить наступившее теперь бедствие¹.

¹ Так в тексте.

21 февраля. Суббота. У Коковцова. Излагает мне свой финансовый план ввиду войны, долженствующей быть продолжительной и в особенности ввиду могущих возникнуть европейских осложнений. Он полагает, что последние могут сделать необходимым прекращение металлического размена. Я думаю, что эта необходимость может наступить и ранее.

Вечером Сельскохозяйственное совещание. Обсуждается проект умножения и улучшения всяких в России дорог, на которые, конечно, требуются многие миллионы, о коих при наступившей войне напрасно и думать.

Рассказ обер-церемониймейстера графа Гендрикова, состоящего при императрице Александре Федоровне: на одном из последних приемов к Гендрикову подошел адмирал Скрыдлов и спросил его, думает ли он, что для него (Скрыдлова) обязательно высказать пред императрицей то, что он считает необходимым для пользы Отечества. Гендриков, разумеется, дал утвердительный ответ. Через несколько минут Скрыдлов вышел от императрицы красный, взволнованный. Когда вслед за тем Гендриков зашел к императрице, то она сообщила ему, что Скрыдлов бросился перед ней на колени, умоляя ее сменить Алексеева, как опасного для успеха на Востоке человека; через несколько дней после сего Макаров назначен командующим эскадры в Тихом океане, куда предназначался Скрыдлов.

Клейгельс для переезда в Киев просил о выдаче ему пособия в пятьдесят тысяч рублей. По собранным в петербургских банках сведениям, оказалось, что у него лежит на текущем счету более одного миллиона, но тем не менее пятьдесят тысяч были ему выданы.

Жена вновь назначенного начальником штаба к Алексееву Жилинского сообщала мне, что в день отъезда мужа, три недели тому назад, в Монголии находились 145-тысячные войска, кроме оккупационного корпуса в Порт-Артуре. С тех пор ежедневно приходит туда две тысячи человек, так что численность армии приближается к двумстам тысячам. Серьезные действия начнутся лишь в августе месяце, когда у нас будет четыреста тысяч человек.

23 февраля. Понедельник. По инициативе московского губернского предводителя дворянства князя Трубецкого в Москве собрались все губернские предводители дворянства. Они приглашали и главнейших представителей дворянского землевладения в Царстве Польском, но генерал-губернатор воспротивился. Собрание это обсуждало сущности формы пожертвований на пособия жертвам войны, а затем избранная

ими депутация представила Государю как выражение их чувств, так [и] сожаление о том, что польское дворянство не могло участвовать в их съезде, а также заявление о том, что в наше время невозможно рассматривать разосланные Министерством внутренних дел проекты преобразования крестьянского управления.

За недостатком дел в общем собрании Государственного совета нет доклада. В Департаменте экономии рассматривалось предположение о сокращении расходов. Все министры изъявляют согласие, исключая великого князя Александра Михайловича, который через своего товарища Рухлова отказывается от сокращения по своему ведомству на том основании, что производящиеся у него по этому ведомству работы доставляют деньги народу. Главным доводом к этому выставляется то странное соображение, что итог государственных расходов достиг двух миллиардов, а так как в народе обращается всего полтора миллиарда денежных знаков, то итог этот должен быть по возможности увеличен. Это не государственные речи, а ребяческий лепет.

Обед у германского посла с Рихтером.

24 февраля. Вторник. В петербургской городской думе открываются большие денежные злоупотребления бывшего градоначальника Клейгельса. За многие годы им не представлено никаких денежных расчетов о расходах вверенных ему сумм; многие постановления думы, не соответствовавшие его интересам, были оставлены им без всякого внимания; новый состав думы будет требовать возбуждения ответственности. В Сенате рассматривается обвинение Клейгельса в том, что он своевольно посадил в больницу сумасшедших женщину, неоднократно признанную врачами вполне здоровой.

Моему двоюродному брату Андрею, ротмистру Кавалергардского полка, предложено ехать главноуполномоченным распорядителем суммы в два миллиона, пожертвованной императрицей Александрой Феодоровной в пособие больным и раненым воинам.

25 февраля. Среда. В Зимнем дворце у Государя. В приемной Плеве с представителями ежедневной прессы Сувориным и Столыпиным ожидают быть принятыми для поднесения адреса. После них Государь принимает меня. Разговор о делах Исторического общества. Назначение на место умершего Штендмана секретарем Чечулина. Предположение дать обществу помещение в архиве Государственного совета. Назначение годичного собрания на 10 марта. Говорим еще о Рисовальном училище, о необходимости отдать ему центральную часть Соляного городка,

выходящую на Фонтанку. Никаких серьезных вопросов не затрагиваю и после получасового разговора ухожу.

26 февраля. Четверг. Общество Красного креста, состоящее в заведывании императрицы Марии Федоровны, более и более теряет общественное доверие вследствие своей беспорядочности и все усиливающегося чиновничьего характера. Рассказывают, что в последнюю китайскую войну было отправлено в действующую армию на триста тысяч рублей белья. Посылка пришла по заключении мира, и вместо чем оставить ее госпиталям Сибири, начальство Красного креста вытребовало ее обратно в Петербург, где она хранилась до тех пор, пока сделалась негодной. Во время африканской войны¹ Мария Федоровна вследствие своих английских родства и симпатий послала такой же запас белья англичанам, воевавшим с бурами. На этот раз никаких известий об окончательной участи этой посылки не было получено, и посылка обратно не вернулась.

По тем или другим соображениям императрица Александра Федоровна организует посылку больным и раненым воинам самостоятельно и отдельно от Красного креста. Как слышно, на это ассигнуется два миллиона из Кабинета и два миллиона из сумм Удельного ведомства. Последнее распоряжение производит неудовольствие среди некоторых членов императорской фамилии, утверждающих, что капиталы Удельного ведомства составляют собственность членов императорской фамилии, а не Государя.

Впрочем, расходование сумм Удельного ведомства на другие цели, чем содержание императорской фамилии, уже имело место, как, например, в Мургабе, принадлежащем лично Государю, и в Беловежской пуше.

27 февраля. Пятница. Заседание совета Рисовального училища. Вновь созданный в Министерстве финансов Отдел художественного образования силится брать у нас деньги и устраивает школы и мастерские, не допуская нас к руководительству в них ходом обучения. Мы категорически этому противимся и на этот раз отказываем в ходатайстве относительно Красненской школы серебряной чеканки.

Получаются дурные известия из Порт-Артура.

28 февраля. Суббота. Заседание Департамента относительно засорения Волги. Обсуждается предположение о допущении к плаванию

¹ Речь идет об англо-бурской войне 1899–1902 гг.

по ней лишь железных баржей и пароходов. Председатель комиссии, дело это изучавшей, недальновидный генерал Петров противится такому предложению. Этот Петров – виновник укладки 18-фунтовых рельсов¹ на Сибирской дороге². Любимая им дешевизна всегда дорого обходится.

В 8 ½ Сельскохозяйственное совещание. Проект о средствах к улучшению дорог. Предполагается передать их земству. Разногласие о том, передавать ли земствам постройку местных железных дорог. Плеве заявляет, что год тому назад он соглашался с этим мнением, заявленным Витте, бывшим министром финансов; ныне соглашается с мнением противоположным, заявленным новым министром финансов.

29 февраля. Воскресенье. Свидание с Философовым, товарищем государственного контролера. Человек по своим нравственным, душевным качествам, высокому образованию и трудолюбию решительно выходит из ряда своих сверстников.

Вечером у княгини Дарьи Петровны Оболенской. Многочисленное родственное собрание, напоминающее рассказы Льва Толстого о московской жизни.

Приезжает ко мне начальник архива Государственного совета Панчулидзева, отставной кавалергардский офицер, пишущий историю Кавалергардского полка³, по-видимому, добродетельный, но весьма недалекий человек. Говорят, что в написании кавалергардской истории принимает значительное участие Бильбасов. Так или иначе, он заслужил большое расположение Государя, который, говоря о назначении его начальником архива Государственного совета, сказал мне: «Это – мой личный выбор». Излагаю Панчулидзеву мое предположение об отводе Историческому обществу помещения в архиве. Предложение это Панчулидзева принимает с радостью.

В Петербурге за последнее время чрезвычайно умножилось число adeptов спиритизма. Кружки их собираются для выслушания сообщений мнимых духов и заявлений умерших людей. Под влиянием таковых пишутся, бессознательно для пишущих, целые откровения и пророчества.

¹ Так в тексте.

² Во время строительства Сибирской железной дороги обнаружилась нехватка средств, и пришлось изменить в худшую сторону технические нормы. В связи с этим были проложены облегченные 18-фунтовые рельсы вместо 21-фунтовых. Следствием стала низкая пропускная способность дороги, что повлекло за собой сложности в снабжении во время войны. В 1904 г. пришлось приступить к работам по усилению дороги: постройке второго пути, замене 18-фунтовых рельс на 20-фунтовые и др.

³ См.: *Панчулидзева С. А.* История кавалергардов. Т. 1–4. СПб., 1899–1912.

Вот резкий образчик такого сорта проявлений. В одном из таких наиболее выдающихся кружков получено было на днях такое предсказание: «Нынешняя война будет продолжительной, будет сопровождаться большими несчастьями и не ограничится теперешним театром, а усложнится войной еще с другими государствами. Несчастья для нынешнего Государя – влияние его жены. Жизнь его не будет продолжительной. Преемник его, Михаил Александрович, будет иметь славное царствование. Он залечит раны, нанесенные России теперешними событиями, но сын его будет человек посредственный, а потому персонал загробного мира решил, что для счастья России необходимо воплощение в потомстве Михаила Петра Великого, что со стороны последнего составляет, по понятиям спиритов, большое самопожертвование. Из четырех дочерей нынешнего императора одна лишь младшая будет выдающаяся личность».

МАРТ

1 марта. Понедельник. Решено устроить посылку находящимся в действующей армии солдатам подарков от императрицы Александры Федоровны, которая, очевидно, руководится примером королевы Виктории в бурскую войну. Каждому находящемуся в рядах действующей армии воину будет послан небольшой тюк, содержащий полезные для него предметы, не могущие быть выданы ему интендантством, а именно: рубашка, портянка, кусок кожи, ножницы, ножик, шило, табак, спички и т. п.

Мой двоюродный брат Андрей назначен уполномоченным для исполнения этого поручения императрицей Александрой Феодоровной. При этом главная цель заключается в том, чтобы по возможности достигнуть популярности для императрицы среди войска.

Разговаривая со мной, Витте сообщает мне, что один из близких Государю людей Д.¹ передавал ему, что Государь отзывался о нем так: «Мое мнение о нем ни в чем не изменилось, но то, что я теперь сделал (смещение с поста министра финансов), по теперешним обстоятельствам было необходимо».

2 марта. Вторник. В Совете панихида по Ванновскому. Доклад ничтожных дел. Рядом со мной сидит Чертков, очень занятый тем, что его посадили ниже Соломона. Я стараюсь утешить его тем, что, хотя они и произведены во 2-й класс в один день, 15 мая 1883 года, но Соломон

¹ Так в тексте.

раньше его был произведен в 3-й класс; этот факт однако не утешает Черткова, и он остается обиженным.

Приезжает ко мне великий князь Николай Михайлович, по обыкновению взволнованный и преисполненный сплетен и всякого рода осуждений. По-видимому, хочет чего-то добиться в Историческом обществе, но, зная его как интригана и вообще не внушающего доверия человека, я всячески стараюсь молчанием отделаться от него.

3 марта. Среда. Еду на Каменный остров к принцессе Елене Георгиевне Альтенбургской. Несмотря на то, что в этот день у нее бывает прием, застаю ее в одиночестве и просиживаю полчаса в довольно пустом разговоре, покауда не является мне на смену новый посетитель.

Вечером чтение Fustel de Coulanges'a¹.

5 марта. Пятница. Еду с государственным секретарем Иксулем осматривать архив Государственного совета с тем, чтобы устроить там не только хранилище бумаг, документов и книг общества, но также и комнату для заседаний Совета. Панчулидзе с чрезвычайной предупредительностью указывает на полную возможность исполнить мое желание, одобренное уже Государем.

6 марта. Суббота. Заседание Соединенных департаментов. Представление Ермолова об отнятии у туркестанских туземцев земель в пользу русских переселенцев откладывается до окончания теперешних военных и политических осложнений; равным образом не дается хода никаким предположениям, требующим сколько-нибудь значительных расходов.

Вечером не еду в заседание Сельскохозяйственного совещания, которое с каждым днем делается более и более анахронизмом.

7 марта. Воскресенье.

У Коковцова. Слушаю его соображения и предположения относительно вызываемых войной финансовых затруднений. Одобряю его взгляды, отличающиеся трезвостью, практичностью и осторожностью. Прогуливаясь по Каменному острову, смотрю на катанье с гор, устроенных на даче моего сына для увеселения моих внучат.

8 марта. Понедельник. Заседание в общем собрании Совета. Рассматривается представление министра внутренних дел «Об учреждении

¹ Фюстель де Куланж (фр.).

совета и главного управления по делам местного хозяйства и управления главного врачебного инспектора»¹. Витте долго говорит против редакции, определяющей компетентность совета в таких выражениях, что министр внутренних дел может захватить дела всех министров. Рооп предлагает, чтобы члены совета были избираемы земскими и дворянскими собраниями, а не назначаемы министром внутренних дел из числа лиц, входящих в состав земских и дворянских собраний. С ним соглашаются десять человек, в том числе Рихтер и Драгомиров. Ясное доказательство, что в общем сознании усиливается убеждение о невозможности ограничиваться чиновничьим управлением, что необходимо привлекать людей независимых и связанных с местными интересами, для них более знакомыми и дорогими, чем для чиновников. Я не вотирую с Роопом потому только, что его предложение импровизировано и недостаточно разработано. Во всяком случае, факт такого голосования чрезвычайно знаменателен. Это – первый шаг по пути, доселе чуждому советским прениям.

10 марта. Среда. В 9 часов вечера в Зимнем дворце, в Малахитовой гостиной годовичное собрание Исторического общества. Собираются великий князь Владимир Александрович, великий князь Николай Михайлович, граф Ламздорф, граф Шереметев, профессор Платонов, Сергеевич, члены Государственного совета Кобеко, Куломзин, генерал Мышлаевский, Шумигорский, Павлов, Дашков (известный собиратель портретов и рукописей), генерал Дубровин, профессор Мартенс, Чечулин. В 9 часов ровно входит Государь; я в качестве председателя встречаю его у дверей. Он заявляет мне, что желает предложить в члены Панчулидзева, недавно назначенного директором архива Государственного совета. Я отвечаю, что при этом Государь мог бы объявить собранию, что он повелел отвести обществу помещение в архиве, и таким образом не было бы отступления от принятого обществом правила принимать в члены только лиц, оказавших обществу содействие своими трудами. Государь обходит всех членов, говоря с каждым в отдельности, и затем открывается заседание. Новый секретарь Чечулин читает отчет, мной составленный, за истекший год. Я произношу похвальное слово умершему секретарю Штендману. Затем происходит чтение, ничего выдающегося не представляющее. Государь сам читает принесенное им письмо князя Васильчикова императору Николаю в 1831 году, содержащее горькую

¹ В итоге 22 марта 1904 г. в составе Министерства внутренних дел было создано Главное управление по делам местного хозяйства вместо упраздненного хозяйственного департамента.

критику на тогдашний порядок управления, основанный исключительно на чиновниках, безмерно злоупотреблявших своей властью. Император довольно сердито отвечает, что критиковать легко, а находить людей безупречных чрезвычайно трудно. Понимая смысл этих писем, я поспеваю заявить, что Васильчиков – выходящий из ряда по своему доблестному характеру человек; обращаю внимание на письмо его к Николаю Павловичу в 1829 году, в коем он чрезвычайно смело указывает Государю его ошибки в ведении войны 1828 года¹ как, например, недостаточная численность армии, разделение ее на две части, присутствие императора в части, командуемой фельдмаршалом Сакеном и т. д. В кампанию 1828 года сделаны были указанные Васильчиковым исправления, последствием чего и был Адрианопольский мир. Заседание кончается в 11 ½ часов. Уходя, Государь берет меня в сторону и выражает желание, чтобы в залах нашего Рисовального училища допущена была выставка русских портретов.

Я отвечаю, что его приказание будет исполнено, но он настаивает на том, что в этом случае не может приказать, а только выражает желание. Говорим о теперешней выставке, и Государь сожалеет, конечно, со слов императрицы о недостаточной доходности этой выставки. Я замечаю, что причина тому – низкий уровень экономического и культурного уровня и что, конечно, в этом отношении поможет только время, прибавляя, что на моей памяти в этом отношении русский народ сделал большие успехи. Государь горячо хвалит качества русского народа и в доказательство указывает на то спокойствие и твердость, с которой принята народом японская война.

11 марта. Четверг. Чилийская республика предлагает нам купить флот, как говорят, довольно многочисленный и в хорошем состоянии; отправлен морской офицер для освидетельствования. В Средиземном

¹ Имеется в виду русско-турецкая война 1828–1829 гг. Непосредственным поводом к началу войны послужило восстание греков против Турции в 1821 г. Турция переживала внутренний кризис, усиленный греческой революцией 1821–1829 гг. Правительства Великобритании и Франции, опасаясь усиления влияния России на Балканах, выступили в 1827 г. совместно с ней в поддержку восставших греков, но после победы союзного флота в Наваринском сражении противоречия между союзниками усилились. Воспользовавшись ситуацией, султан призвал к «священной войне» против России. Война, продолжавшаяся с сентября 1828 г. по апрель 1829 г., завершилась поражением Турции. По Адрианопольскому мирному договору России отошло Кавказское побережье Черного моря; Греция получила независимость, а Сербия, Молдова и Валахия – автономию.

море погибла одна миноноска. Гибель эту приписывают дурной постройке наших судов вследствие чрезвычайного воровства, распространенного в морском ведомстве.

12 марта. Пятница. Заходит Победоносцев; несмотря на проповедуемое им равнодушие к тому, что происходит в Зимнем дворце, цель его посещения – разузнать о подробностях последнего нашего заседания. Рассказывает, что на днях к нему вечером приехал граф Шереметев посоветоваться, как отклонить предложение, сделанное Государем, портфеля министра народного просвещения орловскому губернатору Кристи, который после полуторачасовой у Государя аудиенции уехал в Москву, заявив Шереметеву, что ни по прежней карьере гусарского офицера, ни по состоянию здоровья не может принять этого поста¹. Победоносцев посоветовал написать Государю письмо с изложением причин отказа. Шереметев принял этот совет и на другой день уехал в Москву: передать его Кристи.

13 марта. Суббота. Скучное заседание о предупреждении загрязнения Волги. Вечером концерт на выставке в нашем училище. Публики мало, и сбор ничтожный, так как, хотя концерт дается по инициативе Ее Величества, но сама она на нем не присутствует.

14 марта. Воскресенье. Приезжают ко мне великий князь Николай Михайлович и Дашков (П. Я.) посоветоваться о задуманной ими выставке русских портретов в нашем училище. Предлагаю им пригласить члена нашего совета Боткина и директора училища Котова. Получена хорошая телеграмма о вторичном уничтожении гренадеров, высланных японцами для заграждения выхода из Порт-Артура.

15 марта. Понедельник. Общее собрание Совета. Вечером у меня собираются члены Совета: Сабуров, Шамшин, Тернер, граф Игнатъев, Икскуль, Гончаров, Оболенский, Шевич, Толь. Рассуждают о том, как воспротивиться намерению председателя Гражданского департамента Герарда возвать дело министру юстиции без рассмотрения.

16 марта. Вторник. Занятия с Красовским. Приготовления к заседанию Финансового комитета.
Вечером квартет.

¹ 27 февраля 1904 г. Николай II записал в дневнике: «Виделся с Кристи; предложил ему Министерство народного просвещения» (Дневники Николая II. С. 792).

17 марта. Среда. В Государственном совете. Председатель Герард предлагает ряд вопросов, разрешение коих считает необходимым как руководство для министра юстиции при возвращении ему проекта межевого устава. Я настаиваю на необходимости решить это дело в Совете, учредив для этого совещание, особливо ввиду того, что бесплодная переписка и хроническая пересылка этого дела продолжается уже 45 лет. Мне удается склонить к этому и Герарда, и его противников, требовавших непременно рассмотрения по параграфам обширного Межевого устава, составленного Шамшиным.

В 9 часов заседание Финансового комитета у графа Сольского. Коковцов представляет свои предположения о финансовых мерах, вызываемых войной. Меры разумны, осторожны, умеренны. Прежде всего, настаивает на необходимости сохранить золотой размен. Витте в продолжительной и блестящей речи настаивает на том же, доказывая, что прекращение размена не удерживает золота в правительственных кассах, а, подрывая кредит правительства, прекращает одновременно прилив золота.

Лобко делает замечание, доказывающее недостаток познаний по этому предмету.

18 марта. Четверг. В 2 часа у Лобко продолжительный разговор. В 5 ½ часов у Коковцова, где застаю Тимирязева и настаиваю на скорейшем поднесении к утверждению Государя журнала, состоявшегося год тому назад в совещании великого князя Алексея Александровича о передаче нашему училищу центральной части здания Соляного городка, выходящего на Фонтанку.

19 марта. Пятница. В Совете представление Ермолова о разъяснении Государственным советом закона относительно продажи недр земли отдельно от поверхности. Поводом к тому служит дело Кожина с бельгийской компании и решение Кассационного департамента Сената, по делу сему состоявшееся. Соединенные департаменты единодушно отвергают это представление, принятие коего могло бы повести к пересмотру решений Кассационного сената.

20 марта. Суббота. В Департаменте законов отстаиваю представление Сельскохозяйственного совещания о категорическом разрешении всякому работать в праздничные дни. Товарищ синодального обер-прокурора пробует дать изложению уклончивую форму, но со мной единогласно соглашается все соединенное присутствие.

Вечером слушаю чтение Зайончковским начатой им истории Восточной войны 1854 года¹.

Говорят, что великий князь Николай Николаевич добивается быть назначенным начальником Главного штаба с подчинением ему Военного министерства. Это произвело бы большое неудовольствие в армии, неудовольствие, можно сказать, опасное в настоящее время. В комитете о постройке судов на добровольные приношения под председательством великого князя Александра Михайловича, как слышно, допускаются большие злоупотребления.

21 марта. Воскресенье. Визиты, между прочим, Е. А. Нарышкиной. Выдающаяся по своим душевным, нравственным качествам. Разговор о современных, во многом прискорбных событиях.

Вечером слушаю чтение Зайончковского.

22 марта. Понедельник. Визит Дашкову. В его доме на Михайловской площади большие комнаты, наполненные гравюрами, картинами, рисунками, рукописями, относящимися до русской истории. Застаю хозяина в обществе пяти гражданских и военных любителей всего этого. В квартире царствует невероятный хаос и беспорядок. Общество сосредотачивается около стола, покрытого чашками, стаканами и бутылками. Заявляю Дашкову, что согласен принять Комитет выставки портретов и Эрмитажного хранителя Сомова, но никак не Дягилева или Бенуа.

Вечером доклад приехавшего с Урала инженера Экарева.

23 марта. Вторник. Еженедельный завтрак членов совета Рисовального училища. В 3 часа на исторической художественной выставке. Предметы весьма замечательны, но публики очень мало.

На днях один из высших петербургских чиновников получил от влиятельного по своему положению американца письмо, в котором излагается такой взгляд, что американцы полны сочувствия к русскому населению, но столь враждебны к русскому правительству, что в настоящей войне желают успеха японцам в надежде, что неблагоприятный для России исход войны изменит ее правительственные порядки.

Вечером слушаю чтение Зайончковского. Говоря о Комитете Добровольного флота, председательствуемом великим князем Александром Михайловичем, Зайончковский, сам того не замечая, сообщает нелестные для своего председателя факты.

¹ См.: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб., 1908–1913.

25 марта. Четверг. Утром у Коковцова.

Вечером у Сольского. Разговор с обоими до известной степени удовлетворителен.

Генерал Родзянко рассказывает, что накануне обедал в Английском клубе с Розеном, бывшим посланником в Японии, который говорил, что японцы давно решились вести с нами войну; что всего более их раздражила отдача концессии на Ялу¹, в чем они увидели наложение нами руки на Корею.

26 марта. Пятница. Продолжительный визит Палену, который на днях уезжает в деревню, чтобы избежать празднования своего пятидесятилетнего служебного юбилея. Рассказывает, что лифляндский губернатор Пашков представил Государю об опасности позволять в прибалтийских губерниях воспитывать детей дома, ограничиваясь выдержанием экзамена на последних курсах гимназии. В этом Пашков оставался верен взглядам Делянова. Государь отметил, что он не видит в этом ни вреда, ни нарушения законного порядка.

27 марта. Суббота. Утром у великого князя Николая Михайловича. Заявляет, что отказывается от устройства выставки портретов в нашем музее, который мог бы вмещать не более четырехсот пятидесяти портретов, тогда как сотрудники великого князя предлагают собрать полторы тысячи портретов. Передает сообщение лица, близкого к Плеве, что он рассчитывает на войну как на средство прекратить внутреннее движение, особенно при соблюдении теперешней его суровой внутренней политики. Толкуем о наших исторических делах. Даю ему указание относительно бумаг Нессельроде. Он уезжает на днях обратно к отцу в Cannes².

В 5 часов у Балашова, который читает мне письма своего брата, находящегося в Порт-Артуре в качестве представителя Красного креста. Факты интересны, но рассуждает неглубокомысленно.

Заутреня в Зимнем дворце. Императорское семейство в полном сборе, крупная служебная новость одна: назначение Пузыревского членом

¹ Имеются в виду лесные концессии на реке Ялу, на границе между Китаем и Кореей. Получены 9 сентября 1896 г. у корейского правительства купцом Ю. И. Бринером сроком на двадцать лет. В 1901 г. концессия была продана «Русскому лесопромышленному товариществу», за которым стоял А. М. Безобразов. В 1903 г. российское правительство активизировало освоение концессий, в частности, началось строительство военных дорог, лесных складов и др. Эта деятельность выходила за рамки обычной коммерческой и была воспринята в Великобритании и Японии как попытка укрепить военное присутствие России на севере Кореи.

² Канны (фр.).

Государственного совета с должности начальника штаба Варшавского военного округа. Ему обещано было место командующего войсками Киевского округа, но, по проискам Драгомирова, такое назначение не состоялось. Пузыревский – выдающийся по своим военным способностям и познаниям человек. Казалось бы, теперь не время таких людей устранять от военной службы. Подхожу христосоваться с императором и императрицами вторым по старшинству. В этот вечер Государь написал доблестному Мещерскому дружеское письмо, начинающееся словами «Мой старый друг!»

Окончив христосование, еду расписываться у великих князей и достигаю дома в 2 часа.

29 марта. Понедельник. Юсупов назначен командиром Кавалергардского полка, чего давно добивался; думаю, главным образом потому, что это избавляет его от адъютантства при великом князе Алексее Александровиче. Юсуповы переезжают из своего великолепного дворца, что на Мойке, в скромные каморки полковой казармы у Таврического сада. После заутрени я встретил в Зимнем дворце флигель-адъютанта Дашкова, состоящего при наследнике Михаиле Александровиче. На мой вопрос о том, как подвигается умственное и учебное развитие сего последнего, Дашков отвечает мне: «Можно ли что-нибудь сделать из юноши, который с утра до ночи пришит к юбкам своей мамы?»

Мой двоюродный брат Андрей, отъезжающий в Манчжурию с поручением императрицы Александры Федоровны в числе других офицеров Кавалергардского полка, шефом коего состоит императрица Мария Федоровна, приносит ей поздравление. Она раздавала поздравлениями пасхальные яйца, произведенные фарфоровым заводом. Когда подошел Андрей, то она после продолжительного искания взяла и подарила ему яйца желтого цвета, цвета предательства.

30 марта. Вторник. Обычный училищный завтрак.

Вечером оканчиваю слушанье чтения замечательной книги Le Bon'a¹.

31 марта. Среда. В 3 часа разговор с Иксулем. Получается ужасное известие о гибели броненосца «Петропавловск», а вместе с ним Макарова, командовавшего эскадрой. Сын великого князя Владимира Кирилл с изумительным счастьем спасся от смерти².

¹ По всей видимости, имеется в виду Гюстав Лебон.

² 31 марта Николай II записал в дневнике: «Утром пришло тяжелое и невыразимо грустное известие о том, что при возвращении нашей эскадры к [Порт-]

АПРЕЛЬ

1 апреля. Четверг. В 2 часа совещание у Палена относительно разрешения представления министров внутренних дел и юстиции о восстановлении судебного порядка для рассмотрения политических дел, кои ныне оканчиваются единообразно ссылкой, согласно высочайше утвержденному докладу двух вышепоименованных министров. Последние три года число ссылок с ежегодной цифры девятьсот дошло до пяти тысяч. Очевидно, так продолжать нельзя, не говоря о том, что нельзя из Государя делать палача. Новый проект содержит много аномалий и несообразностей, но, по всей вероятности, будет утвержден, несмотря ни на какие, хотя бы и вполне справедливые, замечания в среде Совета.

Вечером музыка. Моя старшая дочь – Оболенская – прекрасно играет квинтет Шумана.

2 апреля. Пятница. Приезжает ко мне от Сольского чиновник Кобелякский с журналом бывшего под председательством Сольского совещания, касавшегося Богословского дела. Обращаю его внимание на излишнее доверие к заявлениям Ермолова, министра земледелия, человека ничтожного, окруженного бесчестными людьми, злоупотребляющими его доверием. Указываю на факты, вполне доказанные и потому не подлежащие сомнению.

Обедаю с великим князем Владимиром Александровичем в клубе. Он успокоен полученными о здоровье сына известиями.

3 апреля. Суббота. Вследствие внезапной болезни [Фриша] мне приходится председательствовать в Соединенных департаментах. Два представления Ермолова, в защиту коих он произносит длинные речи, возвращаются ему как не выдерживающие самой снисходительной критики. Равным образом возвращают Маркевичу, представителю Человеколюбивого общества, представление о даровании чинов и связанного с ними служебного положения 516 лицам, числящимся в этом обществе в числе благотворителей. Я рассказываю, как три императора – Николай, Александр II и Александр III – в комитетах, устроенных для рассмотрения

Артуру броненосец „Петропавловск“ наткнулся на мину, взорвался и затонул, причем погибли – адмирал Макаров, большинство офицеров и команды. Кирилл, легко раненый, Яковлев – командир, несколько офицеров и матросов, все раненые, – были спасены. Целый день не мог опомниться от этого ужасного несчастья» (Дневники Николая II. С. 797).

чиновного вопроса, твердо высказывали волю об уничтожении чинов и замене их должностями. Напоминаю о том, что и ныне особая Комиссия для начертания устава гражданской службы высказала мнение о необходимости связать чины с должностями, не допуская для чина отдельного от должности существования. В виду сего я заявляю, что не считаю возможным дать ход представлению Человеколюбивого общества. Мнение мое единогласно принято Соединенным присутствием.

5 апреля. Понедельник. Общее собрание. Дела многочисленные, но пустые; общее впечатление – унылость и страх относительно будущего. Всякие затруднения представляются невероятными и многочисленными, а между тем государственный механизм, ведущий высшие государственные дела, по устройству своему не внушает доверия. Самые важные мероприятия следуют одно за другим без коллегиальных обсуждений. Ни о каких у Государя советах ничего не слышно; отдельные личности, как, например, Александр Михайлович, всеми презираемый Мещерский, ничтожный аферист Безобразов, имеют тайный доступ и влияют на ход дел государственных, от коих зависит судьба русского народа, – все это более и более проникает не только в средние, но и низшие классы и не может не иметь грозных последствий.

6 марта. Вторник. Обычный училищный завтрак. Разговор о богатых старинных предметах, открытых в Киево-Печерской лавре, и для приобретения коих не хватает денег ни в Археологической комиссии, ни в Эрмитаже.

8 апреля. Четверг. Отдаю визит Орлову-Давыдову. Нахожу его весьма озабоченным отовсюду получаемыми известиями. Краткий момент поднятия в русском населении воинственного духа начинает уступать место неудовольствию во всех классах населения; разумеется, анархисты пользуются этим для возбуждения низших классов не только против правительства, но также и против классов имущественных. Окончание войны непременно возбудит внутри России серьезные замешательства.

9 апреля. Пятница. Обед в клубе с великим князем Владимиром Александровичем. Никогда не видал я его столь задумчивым, столь унылым, несмотря на всю природную его веселость, часто близкую к легкомыслию.

10 апреля. Суббота. В Государственном совете продолжительные прения об отводе сибирским казакам места по берегам Иртыша. Военное

министерство настаивает на этом, особливо ввиду теперешней войны. Затруднение заключается в том, что в этой же полосе кочуют киргизы. Слушается проект закона о переселении, выработанный комиссией под председательством Куломзина. Облегчение переселения и дарование переселенцам таких больших льгот и поощрений с постоянным указанием, что это делается ввиду сгущения населения, и происходящая для него отсюда малоземельность столь велики, что в народе должно укрепляться убеждение, что правительство обязано давать ему землю откуда бы то ни было, соразмерно численности населения. Я говорю, что такой порядок действий правительства представляется опасным в будущем, и по возможности намекаю на то, что подобные теории отзываются социализмом, но, разумеется, мои слова не вызывают ни сочувствия, ни даже трудного опровержения. Вечером интересный концерт произведений Чайковского, исполненный оркестром под управлением Никиша.

11 апреля. Воскресенье. Второй концерт Никиша.

12 апреля. Понедельник. Ничтожное общее собрание. Третий концерт Никиша.

13 апреля. Вторник. Ежедневный училищный завтрак. Продолжительный визит графу Палену, который, несмотря на свои лета и удаление от серьезной служебной деятельности, принимает горячее участие в делах Государственного совета.

14 апреля. Среда. Занятия с Красовским по делам Совета. Его интересные рассказы о ходе дел в Городской думе, преобразованной последним законом.

Заседание Соединенных департаментов. Законопроект по производству дел о политических преступлениях. Муравьев говорит блестяще, но недобросовестно. Министр юстиции может ли настаивать на том, чтобы какие бы то ни было преступления были изъяты из ведения судебной власти и переданы власти административной? Пален рассказывает, как в бытность его министром юстиции был введен порядок, разросшийся до теперешней неурядицы. Он и члены Совета настаивают на передаче дел общим судам. Плеве совершенно неожиданно к этому присоединяется и говорит прекрасно.

15 апреля. Четверг. В Соединенных департаментах представление министра внутренних дел о стеснении права крестьян покупать земли

иначе, как с зачислением их в неотчуждаемую массу. Члены Государственного совета поголовно оппонировали, и дело возвращается министру внутренних дел.

16 апреля. Пятница. В Соединенных департаментах представление Сельскохозяйственного совещания об учреждении мелкого крестьянского кредита. Витте произносит блестящую речь, утверждая, что у нас смешивают дело кредитное с деяниями благотворительности, что притом кредит возможен только в отношении лиц, имеющих твердую собственность, которой крестьяне не имеют; что позаймствования сумм из сберегательных касс каким бы то ни было кредитным учреждениям, не исключая Государственного банка, ни в каком случае немыслимо¹. Несмотря на оппозицию продувного, но малоуважительного Стишинского, присутствие на стороне Витте. Слушая его, вспоминаю слова Петра Шувалова, который, будучи после Берлинского трактата удален от всяких дел, говаривал мне: «On m'a pris, quand j'étais fruit vert et on me renvoie, quand j'étais devenu fruit mûr»².

В этот день возвратились герои с «Варяга» и «Корейца»; их встречали не только народная толпа, но войско, поставленное на пути их шествия; в Зимнем дворце приветственные речи, георгиевские кресты и парадный завтрак³.

17 апреля. Суббота. В Совете довольно пустое заседание Департамента законов. Вечером у нас обед в честь приехавших из заграницы Баятинских.

18 апреля. Воскресенье. В домово́й церкви графа Воронцова-Дашкова свадьба его племянника Нарышкина с приемной дочерью Витте. Присутствует толпа приглашенных.

¹ Так в тексте.

² Меня призвали на службу, когда я был совсем молодым, и уволили, когда я стал опытным» (*фр.*)

³ 16 апреля Николай II писал в дневнике: «Из Севастополя прибыли командиры, офицеры и команды «Варяга» и «Корейца». Их встречали торжественно, как подобает героев: по всему Невскому шпалерами стояли войска и военно-учебные заведения. В 11 ½ они прибыли к Зимнему; я их обошел и затем они прошли церемониальным маршем. Наверху в Белой зале приняли всех офицеров. Молебен был отслужен в Георгиевской зале. Обед для нижних чинов был приготовлен в Николаевской зале на 620 чел. Обойдя столы, пошли в Концертную к завтраку. После этого долго разговаривали с офицерами. Разошлись в 3 ½. Подъем духа был большой» (Дневники Николая II. С. 800).

19 апреля. Понедельник. Завтрак у Горчакова во вновь построенном им доме на Петербургской стороне возле Лицея. Обширный роскошный дом с садом. Главное убранство составляют картины, полученные им по наследству от отца.

20 апреля. Вторник. К училищному завтраку приезжает Бобринский и сообщает ужасные вести о поражении нашем при Ялу¹. Известие это приводит в уныние все петербургское население. Обедают дети и внуки в честь отъезжающего в Манчжурию с поручениями императрица Александры Федоровны моего двоюродного брата Андрея.

21 апреля. Среда. В Государственном совете продолжается рассмотрение законопроекта о мелком кредите.

Вечером у меня несколько товарищей по Государственному совету для выслушания заявляемого мной особого мнения по переселенческому делу.

22 апреля. Четверг. В Совете. Мелкий кредит без всякой будущности, а еще более без всякой современности.

23 апреля. Пятница. По случаю военных несчастий нет приема в Царском Селе, что освобождает нас от тяжелого и бессодержательного путешествия. В клубе великий князь Владимир Александрович рассказывает, что Государь был прошлую ночь на охоте и убил 6 глухарей².

24 апреля. Суббота. В Департаменте законов. Вследствие поданного мной особого мнения слушается вновь проект переселенческого закона. Мнение мое принимается единогласно, а первоначальный проект

¹ Бой на реке Ялу (Тюренченский бой) – сражение на пограничной реке Ялу у города Цзюляньчэн между русскими и японскими войсками, состоявшееся 18 апреля 1904 г. Первое значительное сражение русско-японской войны. Завершилось поражением русских войск. 21-го апреля. Среда. 19 апреля Николай II записал в дневнике: «От Куропаткина пришло несколько донесений с подробностями боя 19 апреля, в котором участвовало 5 стрелковых полков с 4 батареями и более 3-х дивизий японцев с большим количеством артиллерии. После полного обхода нашего левого фланга отряду генерала Кашталинского пришлось отступить. К сожалению, кроме огромных потерь людьми, орудия и пулеметы были оставлены на позиции ввиду того, что все лошади были перебиты. Тяжело и больно!» (Дневники Николая II. С. 801).

² Николай II отметил в дневнике, что убил 5 глухарей (Дневники Николая II. С. 801).

отвергается столь же единогласно. Приехавший опровергать меня Плеве отступает пред моим мотивированным заявлением, что практикуемая и предлагаемая проектом бесконечная раздача земли крестьянам имеет последствием ослабление, а не усовершенствование их труда, и что в конце концов подобная политика должна принести к ниспровержению всего общественного и государственного строя.

25 апреля. Воскресенье. Все утро в изучении дел Государственного совета при помощи Красовского. Никаких новых известий с театра войны, по счастью, не получено.

МАЙ

31 мая. Понедельник. Последнее заседание общего собрания Государственного совета. В числе объявляемых Совету высочайших резолюции обращает общее внимание резолюция, положенная Государем на мнение по делу об учреждении какой-то сельскохозяйственной школы. Согласно представлению Ермолова, Государственный совет дает преимущества и чиновные отличия людям, в этой школе курс окончившим. Государь написал приблизительно следующее: «Зачем это делать? По моему мнению, никакие учебные заведения не должны давать чинов или вообще каких бы то ни было преимуществ, а ограничиваться выдачей дипломов на ученые степени. Согласно с сим, мной преподаны указания министру народного просвещения». Из числа докладываемых дел большие прения возбуждает лишь представление министров юстиции и внутренних дел о передаче судебным местам дел о государственных преступлениях. В последние годы число таких дел, оканчиваемых соглашением этих двух министров и утверждаемых Государем, достигло огромных размеров. Административно высланных таким порядком было до пяти тысяч человек, из коих в Сибирь — девятьсот. При обсуждении нового проекта закона произошло разногласие по двум вопросам: 1) о рассмотрении менее важных дел в окружных судах, а не в судебных палатах. Такое предложение было сделано в департаменте графом Паленом и принято большинством; 2) о сохранении гласности для таких дел, что было опять заявлено графом Паленом и принято меньшинством.

В общем собрании последовали единогласные заключения: по первому вопросу против большинства, а по второму — согласно с меньшинством. В этом же заседании прочитана государственным секретарем от Государя благодарность Сольскому за умелое и успешное

председательствование в истекшую сессию. Сольский, в свою очередь, благодарит членов, своими трудами и содействием доставивших ему монаршую благодарность.

Обедают перед всеобщим отъездом из Петербурга дети и внучата.

ИЮНЬ

1 июня. Вторник. Обычный училищный завтрак. Заехав проститься с дочерью Бобринской, нахожу у нее князя Орбемани, назначенного командиром вновь образованной на Кавказе кавалерийской бригады. Он рассказывает, что три кавказских уроженца зарезались с отчаянья потому, что для них уже не было вакансий в вновь сформированных полках.

Вечером в 9 часов заседание Финансового комитета у Сольского. Коковцов докладывает свой проект о выпуске на сто пятьдесят миллионов рублей билетов Государственного казначейства. Разумеется, ничего иного сделать нельзя ввиду крайней надобности денег на военные потребности.

Коковцов жалуется на непомерные военные расходы, превосходящие всякое предвиденье; в доказательство приводит две полученные им в последнее время от военного министра бумаги.

В одной Сахаров просит пятнадцать миллионов для неотложной будто бы постройки железной дороги в той территории, которая ныне занята японцами. В другой уведомляет, что в смете расходов до 1 июня вкралась ошибка — забыли внести сумму двадцать миллионов рублей.

2 июня. Среда. Вечером приезжает ко мне Глазов — новый министр народного просвещения. Говорит о встречаемых им трудностях, о чем выражаю ему свое соболезнование. Он, по-видимому, человек весьма честный, правдивый, твердый, но не имеющий ни сведений, для его должности необходимых, ни понятия о том, с кем и в каких сферах ему придется бороться. Сомневаюсь, чтобы он долго сохранил этот пост.

3 июня. Четверг. В 1 час — чтение журналов последнего заседания в общем собрании Совета. Всеобщее унылое настроение вследствие грустных известий, с театра военных действий полученных. Проезжая мимо Яхт-клуба и увидя перед подъездом коляску великого князя Алексея Александровича, захожу в клуб, чтобы переговорить с ним о скорейшем разрешении столь долго длящегося вопроса о передаче нашему

училищу средней части Соляного городка, выходящей на Фонтанку. Узнаю здесь, что финляндский генерал-губернатор Бобриков сегодня ранен двумя пулями¹.

4 июня. Пятница. Получено известие о смерти Бобрикова. Он был человек во всех отношениях грубый, лишенный культуры, умный, в денежном отношении не заслуживающий доверия. Исчезновение его из ряда политических деятелей нельзя почесть потерей.

Чертков рассказывал мне на днях, что когда ему предложено было занять место финляндского генерал-губернатора, то он в разговоре с Государем отказался от принятия этого поста, выставляя причинами тому свои лета, здоровье и суровость характера. При этом Чертков сказал Государю, что на такое место легко найти кандидатов, и назвал ему десять таких. В числе этих десяти был и Бобриков. Государь возразил: «Он слишком необразован для занятия такого поста». Несмотря на то Бобриков был назначен финляндским генерал-губернатором несколько дней спустя. В числе кандидатов Чертков называл еще Петра Павловича Дурново. На вопрос о предшествовавшей его карьере Чертков заявил, что он был губернатором двух губерний и управлял Департаментом уделов. Государь отвечал, что никогда его не видал и вовсе не знает.

5 июня. Суббота. В 2 часа совет Рисовального училища, которое, несмотря на всякие административные препятствия, продолжает процветать и идти вперед. Сегодня открыли постоянную выставку гипсовых моделей и орнаментов с продажей таких за ничтожную цену. Это облегчит и преподавание рисования вообще, и в особенности архитектурную отделку жилых и всякого рода иных строений. Эта выставка будет подобием в малых размерах Парижского музея в Трокадер. В двадцать лет мне удалось из пяти миллионов, оставленных бароном Штиглицем, сделать одиннадцать и в то же время из доходов выстроить новый музей, стоивший один миллион девятьсот тысяч, и наполнить его художественными предметами на сумму вдвое большую. Страшусь одного, что после моей смерти чиновничество наложит свою хищническую руку на эти сокровища и извратит тот путь, по которому они приносят теперь и должны приносить в будущем гораздо большую пользу Отечеству.

¹ 3 июня 1904 г. Н. И. Бобриков был тяжело ранен чиновником Э. В. Шауманом. Террорист тут же застрелился. В ночь на 4 июня 1904 г. Бобриков скончался. 3 июня Николай II записал в дневнике: «Получил скверную весть о том, что в Бобрикова стреляли в здании Сената и что он тяжело ранен» (Дневники Николая II. С. 808).

Обед у дочери Оболенской на Каменном острове. За обедом рассказывают, что молодой граф Александр Орлов-Давыдов, женатый на Зографо, буквально плачет о том, что, состоя прaporщиком в запасе и приписавшись к Оренбургскому уезду, столь далеко стоящему от западной границы, всегда почитавшейся под наибольшей угрозой войны, ныне призван к явке в Манчжурскую армию и, о ужас, зачислен в артиллерийскую бригаду.

19 июня. Суббота. В 10 ½ часов вечера уезжает на войну мой сын Петр, блистательно окончивший первым курс Военной академии. Из числа окончивших курс в этом году 25 человек во главе 69 командированы в распоряжение главнокомандующего в Манчжурии Алексева.

20 июня. Воскресенье. Визит французскому послу Compard'у¹. По первому впечатлению — посредственный чиновник, от которого в течение получаса мне не удалось слышать ни одного достойного примечания слова. Обедаем у дочери Оболенской на Каменном острове. На днях она получила от своего старшего сына из пензенского имения письмо с описанием той тягостной неурядицы, того хаоса, при которых производится мобилизация. Письмо это она сообщила брату своего мужа, Коте, который передал его содержание в разговоре Государю и, как кажется, вследствие этого послано несколько флигель-адъютантов с поручением наблюдать за производством мобилизации и донести о том императору.

На место Бобрикова назначен князь Иван Оболенский, бывший Харьковским губернатором и отличившийся тем, что немедленно по получении известия об аграрном движении крестьян отправился во главе наскоро собранных казаков на место, где происходил бунт, и, подвергнув телесному наказанию бунтовщиков, положил конец этой вспышке. Вследствие этого он подвергся нападению анархиста, замышлявшего убить его, но не успевшего в этом. Оболенский был отставным моряком. Ему дан чин адмирала. Конечно, должен сожалеть, что он назначается как бы вследствие того, что приобрел репутацию приверженца крупных мер. Как слышно, он хочет взять себе в помощники директора Департамента полиции Лопухина, который пользуется во всех отношениях безупречной репутацией.

Получаю от председателя Богословского горнозаводского общества Хитрово телеграфное уведомление, что по осмотре стоящейся

¹ Имеется в виду Морис Бомпар.

Богословской железной дороги он получил твердую уверенность, что не позже нынешней осени откроет по этой дороге движение.

22 июня. Вторник. У великого князя Владимира Александровича: сын его Борис в переписке с братом Андреем уведомляет его, что Куропаткин встречает со стороны Алексеева постоянные препятствия и неприятности. Владимир Александрович, вследствие назначения финляндским генерал-губернатором Оболенского, делается начальником Финляндского военного округа, который присоединяется к петербургскому округу. В этот самый день он отправляется в Петербург, чтобы в среду вместе с Государем осматривать укрепления, сооруженные по обоим¹ сторонам Финского залива, так, чтобы перекрестным огнем препятствовать приближению неприятельского флота к Кронштадту.

23 июня. Среда. Заезжаю к Победоносцеву, который очень доволен тем, что ему отведены в старом дворце комнаты, в коих прежде жили дети великого князя Павла Александровича, возле гауптвахты и окнами на двор. Победоносцев стареет, хилеет, брюзжит, никем не посещается, новостей никаких не знает, погружен в чтение английских научных книг исторического и философского содержания.

ИЮЛЬ

13 июля. Вторник. Провождая время в тяжелых впечатлениях ужасной во всех отношениях японской войны, приходится слышать мало заслуживающего быть занесенным на эти страницы. Среди редких сколько-нибудь заслуживающих внимания разговоров попадают, однако, изредка довольно характерные. Так, например, граф Толь, бывший петербургский губернатор, а ныне член Государственного совета, вследствие особенного покровительства Плеве, который считает, что в лице Толя, жена того на дочери графа Толстого, он – Плеве – выражает пред публикой свою благодарность графу Толстому за оказанное ему – Плеве – покровительство, граф Толь рассказал мне следующее: когда он был петербургским губернатором, а Иван Николаевич Дурново – министром внутренних дел, то вследствие ходатайства петербургского вице-губернатора Демидова Толь просил Дурново о назначении Демидова губернатором. Ходатайство это было категорически отвергнуто министром.

¹ Так в тексте.

Когда через несколько месяцев Толь вновь заявил просьбу Демидова, то Дурново повторил, что об этом не может быть речи и что если Демидов опять начнет просить о губернаторском назначении, то Дурново просто уволит его от службы. Через несколько времени Дурново вызвал Толя к телефону и спросил его: «Хочет ли он назначить Демидова олонечким губернатором?» Удивленный Толь отвечал, что Демидов в отпуске, но что его можно немедленно вызвать. Так и было сделано. Возвратившийся в Петербург Демидов принял назначение. Вслед за тем Дурново выразил Толю необходимость назначить в петербургские вице-губернаторы из наиболее выдающихся вице-губернаторов других губерний или предводителей дворянства. Согласно этому указанию Толь принялся за памятную книжку и остановился на двух вице-губернаторах и одном предводителе. Соображения свои Толь приехал докладывать министру. Каково было его удивление, когда на первые же об этом слова Дурново рассерженным тоном сказал ему: «Да я не трех, а 333-х кандидатов могу назвать. И с чего Вы взяли, что это Ваше право; вице-губернаторов всегда назначал сам министр внутренних дел». Озадаченный таким приемом, Толь отвечал, что он сделал это по желанию, выраженному самим Дурново, и, раскланявшись, собирался уходить. Дурново переменил тон, сказал ему, что это была шутка, и стал разбирать пригодность предложенных ему кандидатов. Всех троих он забраковал: одного, потому что был женат на купчихе, другого, потому что предполагает его вскоре губернатором назначить (хотя никогда этого впоследствии не сделал), третьего, потому что не считает его довольно опытным. Толь заявил, что он готов принять всякое лицо, избранное министром, но с одной оговоркой, чтобы то не был военный. «А вот именно военного я и намерен Вам назначить, — продолжал Дурново, — это полковник Коссач. Это человек, выходящий из ряда по своим достоинствам, способный, трудолюбивый в такой степени, что он будет все делать, а Вы может жить покойно». Толь заявил, что он желает продолжать работать сам и не нуждается в человеке, который был бы, так сказать, его заместителем, но, разумеется, подчинился. Вскоре оказалось, что Коссач — сумасбродный, нежественный, ни на какое дело не пригодный человек. Толь тщетно пробовал возложить на него самые скромные обязанности: Коссач решительно ни на что не был годен.

Однажды, сидя в своем кабинете поздно вечером, Толь был вызван к телефону петербургским градоначальником Валем, который просил позволения приехать немедленно для переговоров о важном деле. Приехавший вслед затем Валь рассказал, что в этот день ему сообщил по телефону вице-губернатор Коссач приглашение немедленно приехать

к нему – Коссачу. Как ни странно была такая выходка, тем не менее Валь отправился к Коссачу и услышал от него приблизительно следующее: «Вы – русский дворянин, Вы – русский генерал, а потому я ожидаю от Вас, что Вы будете говорить мне всю правду. Зачем Вы меня преследуете? Я окружен Вашими шпионами, не могу сделать ни одного шага без них, посмотрите – вот даже в моих комнатах все около меня бегают зайчики, вот за этими дверьми стоит моя жена, которая подслушивает все то, что у меня здесь, в кабинете, говорится. А ведь все это происходит оттого, что она любовница Ивана Николаевича Дурново». Заявления подобного рода продолжались еще несколько времени, после чего Валь удалился, а затем, придя к заключению, что Коссач – сумасшедший, приехал к Толю, чтобы сообщить ему об этом происшествии. На другой день Толь поехал к Дурново, чтобы передать ему сообщение Валя, конечно, смягчая или опуская то, что касалось самого Дурново. Выслушав его, этот доблестный министр сказал, что это доказывает лишь временное нервное расстройство Коссача и что надлежит дать ему отпуск для отдохновения. Отпуск этот был дан Коссачу, который разошелся со своей женой, но продолжал доселе оставаться вице-губернатором, ничего не делая и получая казенную квартиру и пять тысяч рублей содержания.

Подобные грязные поступки, конечно, встречаются везде и преимущественно в среде чиновников, для которых, по несчастью, служба и ее материальные выгоды представляются прежде всего средством удовлетворения всякого рода appetitов; но, как ни призадуматься, когда представителем таких взглядов и деяний является человек, в течение двух царствований в продолжение почти двадцати лет стоявший на высших ступенях управления, человек, не имевший никакого образования, никаких убеждений, поставлявший главной задачей своей деятельности угодливость пред сильными, человек, для которого правда не существовала. Ему покровительствовали и император Александр III, и императрица Мария Федоровна, и министр внутренних дел граф Игнатьев, взявший его в товарищи, и, наконец, граф Толстой, которого он был ближайшим помощником во все время управления Толстым Министерством внутренних дел. К нему благоволил и император Николай, назначивший его председателем Комитета министров, возложивший председательствование в комиссиях, обсуждавших признаваемые в то время важнейшими государственные вопросы. К нему благоволила и императрица Александра Федоровна, по единому слову коей он начал устраивать бессмысленные дома трудолюбия, для сооружений коих он произвольно взял пятьсот тысяч рублей из продовольственного капитала,

скопленного в поте лица своего русским мужиком. Мимоходом упомяну, что при этом он хвалился, что эти дома трудолюбия будут не хуже парижских *ateliers nationaux*¹.

Можно ли после этого удивляться грустному ходу отечественных событий, когда во главе их становятся подобных людей?

17 июля. Суббота. Вот что рассказывает Стефаниц, служащий в Конторе правления Надежды Михайловны, об убийстве Плеве, последовавшем 15-го числа: когда Стефаниц шел утром в 10-м часу с Варшавского вокзала, он заметил присутствие на мосту многих полицейских, в том числе пристава, а по обе стороны моста – на набережной Обводного канала – двух конных городовых. Пройдя на Измайловский проспект и сделав на нем несколько шагов, он услышал за собой сильнейший взрыв, от которого его отбросило в сторону, и, оглянувшись, он увидел при въезде на мост огромный столб дыма и огня, поднимавшийся выше Варшавского вокзала. Когда он рассеялся по истечении двух минут, то на мосту стояли лошади, но не было и следа везомой ими каре[ты].

¹Национальные мастерские (*фр.*).

1905

СЕНТЯБРЬ

15 Сентября. Четверг. В 8 часов утра возвращается Витте, успешно заключивший мир с Японией. Первый его визит был графу Сольскому, который рассказывал мне, что Витте приехал в весьма удрученном и нервном состоянии. Его положение в Портсмуте было так тяжело, что [он] иногда рыдал по ночам, будучи приведен в столь великое нервное расстройство. По его словам, он достиг успеха потому, что основал свою политику на господствовавших в американском народе чувствах. Он начал с того, что уступил Японии все то, что общественное в Америке мнение почитало подлежащим уступке, но когда остался неразрешенным один вопрос о трехмиллиардной контрибуции, то американцы стали кричать, что со стороны японцев недостойно идти из-за денег на кровопролитие. Такое мнение в Америке сделалось до того господствовавшим, что Рузвельт перестал поддерживать необходимость уплаты контрибуции и даже написал Микадо, что его дальнейшее упрямство лишит Японию поддержки со стороны и американской нации, и со стороны его самого, Рузвельта. Такое заявление имело последствием отказ Японии от своего денежного требования.

В течение трех дней после заключение мира Витте не получал от Государя никакого уведомления, а затем получил довольно сухую телеграмму, за которой последовали телеграммы более приветливые.

Такое сообщение согласно с тем, что записано мной в этом дневнике относительно разговора Государя с американским послом Мейером и последствиях этого разговора.

16 сентября. Витте вызван в Биорке, где плавает император с своим семейством. Ему выслана яхта «Стрела», чтобы туда его доставить.

17 сентября. Витте пожалован в графы. Это известие очень волнует петербургскую публику, не исключая моих товарищей по Государственному совету, собравшихся в так называемое «совещание Сольского» для обсуждения на этот раз порядка выборов в члены Думы мужиков, населяющих Сибирь.

Во время перерыва заседания Фриш рассказывает, что получил из Риги письмо, сообщающее ему невероятный пример анархистического зверства. Бедняга ремесленник, кормивший трудом свое семейство, за отказ прекратить работу был вытаснен на улицу, посредине которой ему отрубили обе руки.

18 сентября. Воскресенье. Осматриваю недавно оконченный устройством Зоологический музей Академии наук. Все сделано превосходно и содержится в примерной чистоте и порядке.

Вечером занимаюсь с Шмеманом проектом об учреждении кабинета и объединения министерской деятельности¹, необходимость коего чувствуется теперь ввиду появления на свет Государственной думы и отвергавшегося до сих пор приверженцами безответственного насилия бюрократии.

19 сентября. Заезжаю к новому графу. Рассказывает, что в проезд его через Париж Рувье просил его при свидании с германским императором постараться уладить мароккский раздор² между Францией и Германией. Витте сначала отказался вмешиваться в дело, русским

¹ Манифестом от 6 августа 1905 г. император Николай II учредил Государственную думу в качестве законосовещательного органа. Разработка положения о выборах возлагалась на министра внутренних дел А. Г. Булыгина. В соответствии с принятыми положениями право голоса получали только крупные собственники недвижимых имуществ, крупные плательщики промыслового и квартирного налога, а также — на особых основаниях — крестьяне. Объявление о создании «Булыгинской думы» вызвало сильное недовольство в обществе, многочисленные митинги и забастовки, которые в конце концов вылились во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку. Выборы в эту Думу так и не состоялись.

² Первый Марокканский, или Танжерский кризис — острый международный конфликт, продолжавшийся с марта 1905 г. по май 1906 г. Возник на почве спора Франции с Германией относительно контроля над султанатом Марокко. В XIX в. французам удалось овладеть Алжиром и Тунисом. В начале 1905 г., когда Франция готовилась к захвату Марокко, в Танжер неожиданно прибыл немецкий император Вильгельм II. Он предложил султану заключить оборонительный союз. Обостряя ситуацию в Марокко, немецкие дипломаты рассчитывали провить на прочность франко-русский союз, тем более что все силы России были в то время брошены на завершение войны с Японией. Французы предлагали немецкой стороне деньги в качестве компенсации за Марокко вкуче с уступкой нескольких небольших колоний в экваториальной Африке. Немецкое правительство не желало идти на компромисс. В итоге была созвана Альхесираская конференция в Испании. На конференции, продолжавшейся с 15 января по 7 апреля 1906 г., Германия оказалась в дипломатической изоляции (поддержку

правительством ему не порученное, тем более что у него не было с собой шифра, но когда вслед за тем к нему явился германский посол Радолин и сообщил ему всю переписку по мароккскому вопросу, а Бюлов уведомил его, что приедет из Баден-Бадена в Берлин для свидания с ним, то Витте решился взяться за это дело. Бюлов, объясняя сущность раздора с Францией, дал понять Витте, что все могло бы уладиться, если бы не военная партия, противящаяся соглашению, чего лица, окружающие императора, не решаются ему говорить. Вильгельм принял Витте чрезвычайно любезно в своем охотничьем замке близ Эйдкунена. Целое утро разговор шел о Японии и Америке, но в конце этой беседы и после того, как Витте получил от императора в подарок его портрет, он нашел возможность заговорить о мароккском деле, которое он изложил в новом для императора свете. Вильгельм слушал его очень внимательно, и когда Витте кончил свою речь, то Вильгельм сказал ему: «Вы совершенно правы, я с Вами соглашаюсь», — а затем взял лист телеграфной бумаги и написал Бюлову депешу с приказанием немедленно покончить с мароккским вопросом.

Витте говорит, что ввиду того, как дела идут в Петербурге, он собирался уехать на зиму в Сицилию, но после оказанной ему милости останется здесь. С большой горячностью говорит о необходимости преобразовать Государственный совет, дополнив его состав выборным элементом, об устройстве кабинета с премьером, которым, как кажется, рассчитывает сделаться.

20 сентября. В 9 часов вечера собираются у меня А. Сабуров, Голубев, Иксуль, Манухин, Харитонов, Будберг, чтобы поговорить о проекте объединения министров¹ под председательством первого министра.

ей оказала только Австро-Венгрия) и вынуждена была отступить. Установление французского протектората над Марокко было отложено.

¹ Здесь и далее Половцов описал ряд заседаний и разговоров относительно проекта создания Совета министров. Вопрос об организации подобного органа, который мог бы объединить усилия министров, поднимался представителями высшей бюрократии неоднократно в течение 1905 г. Проекты на эту тему подготовили по поручению Витте чиновники Государственной канцелярии и министр финансов В. Н. Коковцов. Поводом к началу совещаний, о которых идет речь ниже, стала анонимная записка, которую передал в Особое совещание для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил под председательством графа Д. М. Сольского сам Николай II. В этой комиссии, созданной 6 августа 1905 г., сосредоточилась вся преобразовательная деятельность власти того периода. В сентябре 1905 г. обсуждение реформы Совета министров было передано в «домашние совещания» под председательством Сольского. Ниже Половцов описал пять заседаний (20, 21,

21 сентября. В 9 часов вечера у графа Сольского с той же целью: Фриш, Манухин, Иксуль, Витте, Голубев, Таганцев, Коковцов, Трепов, А. Сабуров, я. Прежде всех говорит Витте, выставляет серьезность положения.

«Враги правительства, – говорит он, – сплочены и организованы. Дело революции быстро подвигается. Мы находимся сегодня уже в том положении, в коем находилось французское правительство через год после созыва Генеральных штатов¹, и никакого плана, никакой твердости в отпоре революционного движения мы не имеем. Самые невероятные факты совершаются у нас на глазах, а между тем представители правительственной власти смотрят на эти факты сложа руки и ничего не предпринимая. В Москве собралось самозванное правительство, состоящее из людей, выбранных ими самими. Таких самозванных правительств большое число по всей России; они распространяют анархию, публикуют и рассылают в народ прокламации, угрожают отечеству распадением его, соблазняют массы обещаниями насытить их аппетиты, угрожающие самым элементарным идеалам, лежащим в основе гражданских обществ, и все это продвигается быстро вперед, не встречая сколько-нибудь организованного со стороны правительства отпора. По моему мнению, прежде всего надлежит объединить власть, министрам принадлежащую. Министры должны быть соединены в одно целое, в один Совет, который, имея председателя, обсуждал бы программу долженствующих быть принятыми мер, обязательных для каждого отдельного министра после принятия их Советом. Всякое различие мнения должно быть устраняемо в заседаниях Совета; министры, несогласные с господствующим мнением председателя, не должны сохранять своих постов. Словом, должен быть учрежден так называемый в других государствах кабинет с председателем, именуемый также первым министром. На обязанности этого председателя должна лежать рекомендация Государю лиц, имеющих надлежащие для занятия министерского поста качества и разделяющих политические взгляды, одобренные Государем. Дела высшего государственного

26, 28 и 29 сентября). Четыре прошли дома у Сольского, одно – у Половцова. В заседаниях принимали участие А. А. Сабуров, И. Я. Голубев, С. С. Манухин, Э. В. Фриш, Витте, Н. С. Таганцев, Коковцов, Ф. Ф. Трепов и др.

¹ Речь идет о событиях Великой французской революции. Неспособность власти выйти из затруднительного финансового положения вынудила правительство объявить о созыве Генеральных штатов. Между тем четкая программа действий не была разработана королем и его окружением. Созыв Генеральных штатов в мае 1789 г. не привел к разрешению конфликта. В июле началось восстание в Париже.

управления должны оставаться в ведении нынешнего Комитета министров в теперешнем его составе¹.

Второй мерой должно быть преобразование Государственного совета».

На этом месте речь Витте была прервана председателем графом Сольским, в квартире коего происходило это совещание. Сольский обратился к присутствовавшим с просьбой высказать свое мнение по поводу произнесенных Витте слов. Настало молчание, продолжавшееся несколько минут. Прерывая это молчание, я сказал, что разделяю мнение Витте о необходимости организовать кабинет, но что не соглашаюсь с ним относительно сохранения нынешнего Комитета министров. «По моему мнению, дела, рассматриваемые теперь Комитетом, должны быть распределены между другими учреждениями, а именно: Государственным советом, Сенатом и отдельными министрами. К разрешению этих дел нет основания привлекать председателей департаментов Государственного совета, на которых эти обязанности были возложены императором Александром I в 1812 году, когда он желал организовать нечто похожее на временное правительство по случаю отъезда его – Государя – к армии. В делах, ныне рассматриваемых Комитетом, находятся многие, имеющие характер законодательный. Как могут участвовать в них председатели, долженствующие разбирать законодательные дела в Государственном совете?»

Витте прерывает меня, заявляя, что он согласен со мною и что, конечно, большинство дел, рассматриваемых Комитетом министров, должно быть передано другим учреждениям и министры не должны быть обременяемы пустыми делами.

Вслед за тем говорит Таганцев. Он утверждает, что, проведя несколько месяцев в деревне, он убедился в том, что в провинции никто не верит больше правительству, потому что заявления и обещания правительства не исполняются; не исполняются потому, что местные чиновники всех степеней и рангов руководствуются исключительно своими фантазиями и произволом. Так, например, манифест о свободе совести на деле никакого применения не имеет, и раскольники преследуются по-прежнему.

Ковковцов опровергает сказанное графом Витте. Он утверждает, что для объединения министерского управления нам нет надобности прибегать к подражанию иностранному государству. Достаточно будет для достижения этого объединения, не уничтожая личных всеподданнейших докладов министров, предоставить председателю Комитета министров присутствовать при всех докладах, кои министры делают

¹ Первоначально Витте планировал создать объединенное министерство на базе Комитета министров. Подробнее см.: Ремнев. С. 15.

Государю. Таким образом, председатель будет в состоянии наблюдать за тем, чтобы министры действовали в одинаковом между собой направлении. Комитет министров в теперешнем его виде желает сохранить неприкосновенным, признавая это необходимым для разрешения дел высшего управления, соглашаясь при этом передать некоторые дела в другие учреждения.

Сольский заявляет, что мнение Витте и Коковцова не противоречивы и могут быть согласованы редакцией. По обыкновению Фриш вторит председателю, но Витте категорически утверждает, что между ним и Коковцовым полное разногласие.

После того говорит Трепов, выражающийся всегда с большой ясностью, откровенностью и определенностью. Он заявляет, что вследствие отсутствия согласия между министрами он часто находится в полном недоумении о том, чего желает правительство, а вследствие того и в недоумении о том, что ему самому делать надлежит. Признает необходимым как можно скорее установить единство министров с председателем во главе этого Совета. Он повторяет то, что сказано было Витте, что революционные силы сплочены, организованы и успешно и быстро подвигаются вперед, что нас ожидает, несомненно, кровопролитный переворот, которому одни полицейские силы, конечно, не могут противостоять. В пример своего бессилия и беспомощности он приводит, что ему в настоящее время хорошо известна шайка анархистов, которая, израсходовав свои средства, решила ограбить почту, проходящую по степной, открытой со всех сторон, дороге. По существующему порядку он будет в состоянии задержать эту шайку только тогда, когда она убьет почтальона и ямщика, почту сопровождающих. На днях в одном губернском городе было собрание, подражавшее собранию московскому. В нем участвовали три податных инспектора, о чем Трепов уведомил министра финансов, но последний оставил его уведомление без последствий.

На это Коковцов возражает, что он не мог уволить этих инспекторов потому, что председательствовавший на собрании предводитель дворянства не подвергся никакому взысканию.

А. Сабуров говорит, что он вполне соглашается с тем, что говорил Витте, но что существует еще другая сторона предлагаемой реформы, а именно — чтобы проектируемый Совет министров и кабинет не сделались всеильными, безответственными, бесконтрольными.

Я решаюсь несколько укорительно обратиться к присутствующим, останавливая их внимание на том, что, по заявлению Трепова, над нами висит грозная туча, на нас надвигается гидра, с которой надо бороться; между нами должна идти речь о том, какой инструмент, какое оружие

могут быть признаны довольно сильными, крепкими, чтобы одержать победу; вот в чем заключается задача, требующая нашего разрешения.

После нескольких слов, сказанных Голубевым, Сольский обращается к Витте, прося продолжать начатую им речь.

Витте говорит о необходимости преобразовать Государственный совет, утверждая, что Совет, вследствие пополнения его лицами, того не заслуживавшими, потерял во всех классах населения всякое к себе уважение. Во дни, протекшие со дня моего возвращения, я видел многих великих князей, и все они со смехом говорили о Государственном совете. По моему мнению, рядом с членами, Государем назначенными, должны быть избираемы в одинаковом числе члены Совета.

Эти выбранные члены должны быть взяты из среды дворянства, духовенства, купечества и промышленного класса, а равно должны быть допущены делегаты от высших учебных заведений.

24 сентября. Суббота. Заседания совещания Сольского относительно устройства выборов в Государственную думу на Кавказе. Министр внутренних дел Булыгин, внесший представление, настаивает на том, чтобы это представление было рассмотрено. Я утверждаю, что в настоящее время, когда весь Кавказ охвачен революционным пламенем, не должно быть и речи об устройстве там выборов в Государственную думу. Меня поддерживает Шванебах. Витте, в душе своей согласный со мной, не хочет делать неприятности Воронцову, предлагает потребовать от наместника дополнительных сведений, указав ему на многочисленные замечания, кои в это заседание сыплются от большинства членов.

По окончании заседания захожу к Витте в его кабинет председателя Комитета министров и выслушиваю от него следующий любопытный рассказ о его поездке в Америку: «После первого заседания я телеграфировал Государю, что Камура представил мне такие-то требования и что я на эти требования отвечал то-то. Эта телеграмма весьма не понравилась в Петергофе, где не ожидали, что я буду давать ответы, не испросив указаний. Неприятное впечатление смягчилось тем, что я прибавил, что никакой надежды на мир не имею. Такое мнение я высказал и впоследствии, и это привело меня к успешному результату. С самого начала переговоров Рузвельт не переставал писать мне письма на ту тему, что Россия должна уступить Сахалин и заплатить трехмиллиардную контрибуцию. Я отвечал на эти письма сначала мягко, но потом более и более резко, так что, наконец, Рузвельт отозвался обо мне, что я *impertinent man*¹, так

¹ Дерзкий человек (англ.).

и обратился чрез американского посла в Петербурге Мейера к Государю. Между тем переговоры привели к соглашению по всем главным вопросам; оставался вопрос денежный и вопрос о Сахалине, который Япония требовала целиком, а Россия уступала лишь наполовину. Между тем американское общественное мнение, имеющее огромное значение в глазах тамошнего правительства, было сначала весьма враждебно к России, но когда Россия уступила во всех главных вопросах и оставался лишь один денежный вопрос, то общественное мнение поворотилось против Японии, готовой проливать кровь исключительно из-за денежных барышей. Такое общественное настроение сделалось до того сильным, что политические друзья Рузвельта, восемь сенаторов в различных штатах, стали писать ему письма с предварением, что общественное мнение угрожает повернуться против него и его переизбрания в президенты, если переговоры не окончатся миром. Тогда Рузвельт переменял фронт и стал требовать от Микадо, чтобы он отказался от трех миллиардов и половины Сахалина. Микадо созвал свой тайный совет, на котором пять человек (Ито и его друзья) были за мир, а девять за войну. Микадо согласился с пятью. Телеграмма об этом была послана Комуре чрез министра иностранных дел, но Комура отказался ее исполнить, покуда не получил приказания от самого Микадо. Вследствие возникшей поэтому проволочки наш император несколько гневно телеграфировал Витте, чтобы он оканчивал переговоры и немедленно выезжал из Портсмута. Так как согласие Микадо было получено, то Витте отвечал в Петергоф так: «Повеление Вашего Величества исполнено, переговоры кончены, мирный договор мной подписан, и я немедленно выезжаю». На такую телеграмму он от Государя в течение трех дней не получал известия. На четвертый день ему было телеграфировано: „Сердечно благодарю Вас за успешное исполнение возложенного на Вас поручения“. Затем никаких сношений до прибытия Витте в Биорки, где ему оказан любезный прием и даже отданы военные почести».

26 сентября. Понедельник. Собрание у Сольского для обсуждения проекта об объединении министерства. Коковцов настаивает на необходимости сохранить Комитет министров, несмотря на учреждение Совета министров. Витте, а потом я оспариваем это. А. Сабуров поддерживает Коковцова на том основании, что учреждаемый нами Совет министров, не имея ответственности пред палатой, как в других странах, делается полновластным и деспотичным. Я утверждаю, что придача пяти председателей Государственного совета и пяти лиц, заведующих второстепенными управлениями, не изменит положения. Спор между

Витте и Коковцовым делается острым в вопросе о том, должен ли председатель Совета министров заведовать каким-либо министерствам или можно быть просто председателем, как того желает Коковцов, который и остается один при своем мнении. Все остальные полагают, что председатель может управлять или не управлять министерством, но в последнем случае должен иметь титул министра без портфеля, чтобы являться в Государственную думу и в Государственный совет и отстаивать мнения кабинета.

28 сентября. Среда. Собрание у Сольского. Снова выступает Коковцов, и на этот раз с успехом. Он отстаивает необходимость сохранения существующего ныне Комитета министров, несмотря на учреждение Совета министров. По непонятным для меня закулисным побуждениям Витте, согласившийся первоначально со мной, переходит на сторону Коковцова, и параграф о том, что Комитет должен сохраниться лишь на время, исключается из мемории. Я подчиняюсь распоряжению председателя, который имеет право исключить из предметов обсуждения тот или другой вопрос, но заявляю, что не изменяю высказанного мной мнения.

Постановляют, что Комитет сохраняется для всех дел, кои не перейдут от него к Совету, вновь создаваемому, то есть ко всем делам, в коих нарушается закон и нарушение это покрывается высочайшим повелением. Точно так же сохраняются личные всеподданнейшие доклады по предметам, не относящимся до других министров, с тем, чтобы о содержании таких докладов было сообщаемо Совету министров.

Весьма бурное заявление со стороны Витте возбуждает его желание, чтобы в меморию об учреждении Совета министров было включено постановление об упразднении комитета под председательством Горемыкина для изучения крестьянского вопроса и высшего совещания для направления аграрной политики, также под его председательством. Оба учреждения созданы 6 мая по проискам Горемыкина с одновременным уничтожением Совещания об улучшении сельского хозяйства¹, которое состояло под председательством Витте. То была месть Горемыкина за то, что Витте отнял у него портфель министра внутренних дел и назначил на его место злосчастного Сипягина². В решительной предложенной Витте форме Сольский не решается удовлетворить желание

¹ Имеется в виду Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

² Здесь Половцов упомянул о событиях, связанных с отставкой Горемыкина в 1899 г., к подготовке которой был причастен и Витте. После Горемыкина пост министра внутренних дел получил Сипягин, сторонник Витте.

Витте, а обещает представить об этом Государю особый доклад. Витте справедливо утверждает, что студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающейся на нас крестьянской пугачевщиной, а что для предотвращения ее всего лучше, тотчас по собрании Думы, передать ей крестьянский вопрос в форме тех обширных материалов, кои были собраны состоявшей под председательством его, Витте, сельскохозяйственной комиссией. Несомненно, такое распоряжение создаст пьедестал для памятника Витте, но сомневаюсь, чтобы вышел толк из такого обсуждения.

Между прочим Витте рассказывает, что к нему на днях приехал прямо с доклада Государя Шванебах и привез составленный им проект поселить в Сибири часть армии, сражавшейся в Маньчжурии. Высочайше повелено внести дело в Комитет министров, тогда как оно подлежит рассмотрению Государственного совета и вопреки закона никакого предварительного сношения с другими министрами не сделано.

На это Коковцов рассказывает, что морской министр Бирилев лучше распоряжается. Уехав с Государем кататься в шкерах¹, он присылает оттуда распоряжения и уведомления самого разнообразного свойства, основываясь на уполномочиях, им от Государя полученных. Коковцов требует копии с таких уполномочий, но никогда их не получает.

29 сентября. Четверг. Последнее частное у Сольского собрание. Коковцов опять защищает необходимость сохранения для министров права личного доклада по делам, не касающимся других министров, с тем, что лично докладывающий министр будет сообщать Совету копии со своих докладов, он же настаивает на необходимости сохранить всецело Комитет министров в теперешнем его виде. К моему удивлению, Витте внезапно переходит на его сторону². Сольский, приверженец компромиссов и недомолвок, предлагает исключить параграф, устанавливающий уничтожение Комитета министров. Все с ним соглашались, но я заявляю ему, что признаю за ним как министром право подвергать или не подвергать обсуждению тот или иной вопрос, но что не изменяю своего мнения о необходимости уничтожить Комитет министров ныне же.

¹ Шкеры – берег, морское побережье, густо усеянное островками, с тесными проливами, проранами.

² Интересно, что Коковцов в своих воспоминаниях не только не упомянул о каком-либо единстве с Витте, но и напротив утверждал, что министр придирался к каждому его слову, спорил с ним во всем; причем позволял себе весьма грубые выражения в адрес министра финансов (Коковцов. С. 91–94).

30 сентября. Заседание Финансового комитета у Сольского, на которое не еду, потому что докладывается ходатайство Богословского общества о необходимости пособить из Государственного банка для расчета с рабочими вследствие созданных войной денежных затруднений. Коковцов представляет лживые донесения начальника Уральского горного округа о том, [что] будто бы для окончания производящихся там работ нужно еще четыре миллиона, вследствие чего комитет и отказывает в просимом пособии.

ОКТЯБРЬ

1 октября. Заезжает Витте. Крайне мрачно настроен. Положение ужасно, почти безнадежно. Спасти может только диктатор, но где его взять. Отвечаю, что его нужно взять из стоящих иерархически во второй линии, но по личным достоинствам значительно превосходящих Линевица и Куропаткина, как, например, Зарубаев и Самсонов.

3 октября. Понедельник. В совещании Сольского слушается представление Булыгина о разрешении прессе во время выборов свободно говорить и о Государственной думе, и о кандидатах для избрания в члены. Граф Витте горячо защищает это мероприятие как необходимое, чтобы убедить население в искренности правительства относительно деятельности Думы, тем более что такая свобода существует во всех конституционных государствах. После издания рескрипта 12 декабря¹ население было разочаровано тем, что правительство вслед за данными обещаниями реформ как бы пожелало не исполнять своих обещаний и как будто отнимало одной рукой то, что было даровано другой. Так, например, вслед за обещанием полной свободы совести, о чем состоялся манифест, отредактированный в Комитете министров под его, Витте, председательством, назначена была комиссия для определения порядка исполнения этого манифеста; председателем комиссии назначен граф Игнатъев, убеждения коего совершенно противоположны взглядам его, Витте. Необходимо убедить население, что правительство пойдет дальше в полном согласии с Думой. Отсутствие такого убеждения в народе

¹ Речь идет о высочайшем указе Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. Указ провозглашал расширение прав земств и городских дум, страхование рабочих, эмансипацию иппородцев и иноверцев, устранение цензуры.

поведет непременно к великим бедствиям. Поэтому считает необходимым не только принять предложения Булыгина, но еще и предпослать им предисловие с выражением взгляда правительства на необходимость освобождения прессы в настоящем случае.

Таганцев считал бы необходимым не относить такого заявления исключительно ко времени избрания членов Думы, а сделать такое заявление относящимся вообще ко взглядам правительства.

Кобеко, председатель Комиссии о свободе печати, удостоверяет, что выработанный комиссией проект не представляет ничего нового, а воскрешает лишь закон 1864 года, по которому административной власти предоставляется право задерживать всякое вновь появившееся печатное произведение и передавать прокурорской власти дальнейшее преследование. Такое заявление, конечно, не имеет ничего общего с представлением Булыгина.

Коковцов переносит вопрос в более широкую сферу. Он обращает внимание на ту необузданность, которая отличает теперь всю русскую прессу, и удивляется, что со стороны правительства не принимается тех мер, кои указаны в законе, а именно: сообщение судебной власти для подвергнутия¹ законом установленному наказанию.

Сольский в качестве председателя старается ограничить прения пределами булыгинского представления.

Фриш указывает на то, что в новом уголовном уложении на все, о чем идет речь, существуют подробные правила, но, к сожалению, уголовное уложение не введено в действие.

Министр юстиции Манухин весьма слабо защищает судебное ведомство, обвиняемое в бездеятельности.

Игнатъев полагает, что существующих законов достаточно, если только их применять для всякого проступка издателей; что современная разнузданность журналистики такова, что нет надобности расширять ее свободу и что поэтому он не считает возможным принять предложения Булыгина, а соглашается с мнением, высказанным пред тем Победоносцевым о том, что никаких мер в этом отношении принимать не следует.

После краткого перерыва представление Булыгина утверждается совещанием.

Затем приступают к обсуждению проекта об объединении министров и установлении должности первого министра. Вите повторяет большую часть того, что им было сказано в частном на дому у Сольского

¹Так в тексте.

собрании, заканчивая свою речь тем, что не следует ожидать от объединенного министерства полного переворота в ходе правительственных дел, а лишь улучшения канцелярского делопроизводства. Такое заключение вытекает из того, что кабинет будет организован далеко не так, как в западных конституционных государствах. При этом он намекает на то, что первому министру не дается тех прав, кои должны бы были ему принадлежать, и что вообще сегодня трудно предугадать, какой появится Дума, а, следовательно, и какие будут ее отношения к Совету министров.

Герард довольно неудачно приводит справку о борьбе Бисмарка с прусским парламентом в 60 – х годах как бы в доказательство того, что кабинет, несогласный с парламентом, может рассчитывать на поддержку народа. Коковцов в продолжительной речи расточает похвалы идее объединения, которую, как кажется, представляет себе в виде какого-то присутственного места (с докладами, протоколами и т. п.). Опасение, что объединение будет больше внешнее, Коковцов отклоняет тем, что всякий раз, когда произойдет в Совете разногласие, не согласившиеся с премьером министры будут увольняемы и таким образом рядом увольнений будет достигаться объединение, которое из механического будет переходить в химическое.

Верховский очень остроумно оспаривает, чтобы не сказать осмеивает, заявление Коковцова, доказывая, что предлагаемый им образ действий никогда не поведет к тому объединению, которое желательно для создания твердой правительственной власти.

Граф Игнатьев указывает на необходимость уничтожения всяких других комитетов и совещаний, ныне существующих, имея предметами ведомства дела, долженствующие перейти в заведывание Совета министров, начиная с самого Комитета министров.

Граф Сольский заявляет, что это, несомненно, так, но что это должно совершиться постепенно, по мере передачи дел, заведываемых этими комитетами, в другие учреждения.

Я выражаю желание, чтоб такое рассмотрение и такая передача последовали без потери времени и, во всяком случае, до созыва Думы, так как в противном случае Дума станет разбирать эти вопросы, причем возникнут горячие прения и нападки на правительство, допуславшее подобный порядок вещей.

4 октября. Вторник. Продолжается рассмотрение проекта о Совете министров. Витте повторяет то, что мы слышали уже на частных у Сольского совещаниях, а именно, что нужно сильное правительство, чтобы

бороться с анархией; что необходимо внушить обществу уверенность, что правительство не будет продолжать давать одной рукой, а отнимать другой рукой, как, например, по вопросу о свободе совести состоялось постановление в Комитете министров под председательством его, Витте, и тотчас вслед за тем назначена комиссия под председательством графа Игнатьева, убеждения коего, как всем известно, совершенно противоположны убеждениям Витте. Говорится это по адресу Победоносцева, который сидит рядом с Витте.

Начинаются горячие и продолжительные прения о том, можно ли в тексте закона о Совете министров сказать, что взамен Совета, учрежденного в 1861 году¹, ныне учреждается Совет министров, в коем, в случае отсутствия Государя, председательствует назначенное им лицо, коему присваивается название «первого министра». Против этого первого министра восстают многие, утверждая, что в отсутствие палаты и создающегося в ней большинства первый министр будет визирем, ограничивающим самодержавие. На это возражают, что ограничение самодержавия не может иметь места там, где самодержец может во всякое время уволить первого министра.

Много говорят о том, как достигнуть единства в Совете министров.

Коковцов наивно утверждает, что механическое между министрами единство достигается тем, что при каждом разномнении кого-либо из членов с мнением первого министра член этот будет увольняем, и таким образом постепенно механическое единство обратится в химическое. Ему опять очень остроумно отвечает Верховский, обвиняя говоривших в недостатке прямоты и искренности.

Так как прения ведутся довольно сбивчиво и снова возвращаются к вопросу об отмене или неотмене Совета 1861 года, то я высказываю мнение, что двух Советов министров существовать не может, что для достижения цели, к которой стремятся при учреждении нового Совета, — создания крепкой правительственной власти — надо сохранить один Совет без допущения в него иных лиц, кроме министров, а что касается ныне существующего государева Совета, то, конечно, Государю можно советоваться с кем ему будет угодно и всякая его воля, после совещания или без всякого совещания выраженная, будет для нас священна, но что формальное существование теперешнего Совета рядом с тем, который ныне создается, ослабит его, не поможет достигнуть крепкого правительства.

¹С 1861 г. Совет министров существовал как совещательный орган по общегосударственным делам под председательством императора. Заседания не были регулярными и назначались каждый раз императором.

Такое смелое заявление вызывает глубокое молчание.

В конце заседания пересматривается еще раз проект закона о частных собраниях.

6 октября. Обедают: княгиня Салтыкова, Всеволожский, Куракин. Крупная новость: новая графиня Витте после многолетнего ожидания была принята в Петергофе императрицей Александрой Федоровной. Князь Николай Долгорукий назначен комендантом Императорской главной квартиры на место Олсуфьева, переселяющегося в Москву и получающего заведывание тамошними дворцами.

Сходки, стачки, всякие толпивые¹ собрания продолжают и умножаются.

На днях недалевидный министр путей сообщения князь Хилков вызвал в Петербург представителей главных линий железных дорог для обсуждения проекта пенсионной кассы. Когда лица эти собрались, то князь Хилков выслал им чиновника Покотилова, чтобы председательствовать. Съехавшиеся не только прогнали этого председателя, но даже заперли его в соседнюю комнату, а затем [выбрали] председателя из среды своей, сделали ряд постановлений о бездарных, бестолковых и эгоистичных распоряжениях князя. Хилкова.

9 октября. Старший сын великого князя Владимира Александровича Кирилл Владимирович женился на своей двоюродной сестре, дочери великой княгини Марии Александровны, находившейся сначала за герцогом Гессен-Дармштадтским, братом императрицы Александры Федоровны. За таковой проступок высочайше повелено лишить Кирилла Владимировича флигель-адъютантского звания, исключить из службы и даже первоначально приказано отнять великокняжеское достоинство; но, как говорят, такого разжалования не последовало вследствие настояний морского министра Бирилева, который доказал Государю, что такое суровое наказание могло бы быть наложено лишь на государственное преступление, тогда как здесь может идти речь лишь о нарушении дисциплины.

Великий князь Алексей Александрович втихомолку уехал за границу и остановился в Гамбурге. Ему сопутствовала актриса балета. Так как в Гамбурге находился германский император, то великий князь Алексей Александрович просил его быть принятым, но император отвечал, что принять его не может [и] отдать ему визит вследствие его сожительства.

¹ Так в тексте.

Из Парижа, где Алексей Александрович имеет квартиру и где купил дом для балета, ему дали знать, чтобы он не приезжал, потому что может подвергнуться на улице освистанию толпы.

Исходящие из Москвы железные дороги, за исключением Петербургской, подверглись стачкам со стороны служащих, так что всякое по ним движение прекращено.

Говорят, что Витте, собираясь быть первым министром, вошел в сношение с вожаками революционных партий, чтобы избежать на первых же порах созыва Государственной думы противодействия их самому факту существования Думы. По его мнению, надо идти к полному конституционному порядку и с первого же дня обращаться с Думой как [со] второй палатой, приступив не медля к реформе Государственного совета по типу первой, старшей, палаты.

11 октября. Вторник. В 9 часов вечера собрание на квартире у Сольского для обсуждения проекта преобразования Государственного совета¹. Витте настаивает на необходимости преобразовать Совет и иметь его готовым ко дню созыва Думы. По его мнению, надо ввести выборный элемент так, чтобы половина членов по-прежнему назначалась Государем, а другая половина избиралась населением. Конечно, в основе устройства Совета должна лежать мысль о привлечении представителей лучших, высших стремлений, людей выдающихся и независимых, но сделать это весьма трудно, особенно ввиду краткости остающегося для сего времени: ввиду сего предлагается возложить на выборщиков в Думу избрание и членов Совета. Граф Пален восстает против такого порядка, невиданного и неслыханного ни в каком государстве. Герард, твердо изучивший прусскую конституцию, цитирует ее почти целиком. Чихачев вместе с Паленом настаивает на необходимости военной силой прекратить беспорядки, прежде чем делать какие-либо реформы, являющиеся теперь уступками пред буйствами толпы. Фриш повторяет то, что говорят другие, желая представить это как бы своим измышлением. Сольский старается всех мирить, что оказывается категорически невозможным.

¹ Параллельно с вопросом о создании Совета министров в уже упомянутом выше совещании Сольского обсуждался проект о реформировании Государственного совета. Основная мысль преобразования была высказана Витте: он предлагал сократить количество членов Совета и изменить порядок формирования этого органа – ввести выборный элемент. По его плану, половина членов должна по-прежнему назначаться императором, другая половина – избираться.

12 октября. В Мариинском дворце последнее заседание для обсуждения проекта об объединении министров. Вследствие заявления государственного контролера Лобко о том, что он не считает возможным включать государственного контролера в число министров, составляющих Совет и подчиненных первому министру, Витте отвечает ему грозной речью: «Заявляю, что ни в каком государстве не существует контролера, занимающегося не наблюдением за правильностью счетоводства, а критикой всех остальных министров под предлогом наблюдения за счетоводством». Лобко заявляет, что это неверно, и прения принимают резкий характер. Коковцов опять возвращается к заявленной им мысли о механическом слиянии министров в одно твердое целое.

Граф Игнатьев и Стишинский упорствуют в том, что первый министр будет у нас верховным визирем. На графа Ламздорфа нападает Верховский с требованием, чтобы назначение дипломатических агентов подвергалось обсуждению Совета министров. На пространное изложение Верховского Ламздорф дважды отвечает словами: «будет неудобно». Витте вступается за безгласного своего друга и в длинной речи дельно возражает Верховскому.

Я забыл сказать, что в начале заседания Сольский прочитывает записку, полученную им от Государя, с требованием как возможно скорее покончить с этим делом. Вследствие сего Сольский тотчас по окончании заседания телеграфирует Государю, что его повеление исполнено.

13 октября. После нашего обсуждения вопроса о советской реформе Витте написал Государю, что Чихачев настаивал на суровом усмирении беспорядков и что может быть Государь выберет в первые министры Чихачева, коего взгляды расходятся со взглядами его, Витте.

Чихачев был вызван Государем в Петергоф. На мой вопрос, каким он нашел Государя, Чихачев сказал мне, что ничего особенного он не заметил, исключая того, что Государь сказал ему, между прочим, что готов дать конституцию.

В этот же день вечером Витте получил от Государя телеграмму, поручавшую ему собрать под своим председательством министров с тем, чтобы, объединив их, энергически действовать против крамолы.

14 октября. Пятница. В 9 часов вечера на квартире у Сольского. Втрочное обсуждение предположений относительно реформы Государственного совета. В ожидании приезда графа Витте садятся за обычный, покрытый зеленым сукном стол, но жданный гость не появляется,

не прислав даже извинения. Вследствие того более важные параграфы остаются без обсуждения. В продолжительный антракт между прениями я заявляю мысль о необходимости учредить наподобие французского Conseil d'Etat¹ нечто вроде отдельного от других коллегий Кодификационного присутствия, на которое и возложить обязанность редактировать подробно законы, кои будут постановляться Государственной думой, Государственным советом, а равно постановления Совета министров, имеющие предметом как внесение в Думу законодательных проектов, так и разъяснения применения законов и административных, циркулярных обязательных постановлений. Предложение мое принимается единодушно присутствующими.

15 октября. Суббота. Пустое заседание в Департаменте законов. Ожидают волнений. По улицам двигаются многочисленные конные и пешие патрули.

16 октября. Воскресенье. Узнаю, что в Петергофе идут интриги против назначения Витте. Подозреваю в том Игнатьева. Государь вызвал Горемыкина, чтобы расспросить его, в каком положении будет находиться его Землеустроительный комитет², который между тем совещание Сольского единодушно посягает уничтожить. Вероятно, чтобы утешить Горемыкина, Государь предлагает графу Витте взять Горемыкина в министры внутренних дел!? Разумеется, Витте должен был отказать в продолжительной, как говорят, четырехчасовой беседе, которую он имел вчера с царем. Ко всему этому примешивается великий князь Николай Николаевич, который прискакал на перекладных из Тулы (из-за железнодорожной стачки) и настаивает на самых энергических мерах против стачечников.

17 октября. Понедельник. Узнаю, что в субботу в Петергофе было совещание. Под председательством Государя заседали: Витте, великий князь Николай Николаевич, Рихтер и Фредерикс. Обсуждались условия, поставленные Витте для принятия должности первого министра. Великий князь Николай Николаевич, получив, как говорят, более подробные сведения об анархии, сильно поддерживал Витте, так что после четырехчасовых прений условия Витте были приняты; но в воскресенье Витте получил в Петербурге телеграмму от Фредерикса с уведомлением,

¹ Государственный совет (*фр.*).

² Имеется в виду Особое совещание о мерах по укреплению крестьянского землевладения.

что представленный от Витте манифест подписан Государем, но с некоторыми незначительными изменениями, по всей вероятности, внушенными Горемыкиным. Витте немедленно возвратился в Петергоф и объявил, что не допускает возможности какого бы то ни было изменения, вследствие чего манифест был подписан в первоначальном виде. Как слышно, Таганцев отказался от предложенного ему портфеля министра народного просвещения; на место Коковцова будет, вероятно, назначен Тимирязев. Обер-прокурором Святейшего синода, на место Победоносцева, назначается князь Алексей Оболенский.

18 октября. В «Правительственном вестнике» напечатан манифест, выражающий намерение Государя положить конец смуте и, как средство к тому, учреждение объединенного министерства и назначение Витте первым министром¹. Здесь же объявляется, что Государственная дума увеличится гласными, которых будет предоставлено избрать классам населения, не получившим доселе представительства, а также что на будущее время никакой закон не будет издаваться без предварительного одобрения Думы². Этими последними словами категорически даруется конституция.

Одновременно с манифестом печатается всеподданнейший доклад Витте, довольно пространно излагающий его взгляд на необходимость дальнейших реформ и вообще начал, на коих должно быть основано управление. Обнародование этих документов принято петербургским населением весьма радостно. Толпы народа с криками «ура» расхаживают по улицам, и в особенности перед Зимним дворцом собирается многотысячная масса людей. В противоположность им ходят толпы с красными знаменами, ведомые преимущественно студентами, произносившими зажигательные речи. В 3 часа в Мариинском дворце молебен с прочтением манифеста. Вчера вечером, во время заседания Городской думы, получен ею корректурный лист газеты с текстом манифеста. По предложению председателя Красовского – телеграмма Государю с выражением благодарности царю свободного народа.

¹ Половцов допустил ошибку. Рескрипт о назначении Витте председателем Совета министров был издан 19 октября 1905 г.

² Речь идет о манифесте «Об усовершенствовании государственного порядка», более известном как Манифест 17 октября. Его текст разработан Витте. Данный документ вместе с манифестом от 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» конституировал институт, без одобрения которого не могли вступать в силу законы Российской империи. Также манифест предоставлял гражданские права и свободы: неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

19 октября. Среда. В «Правительственном вестнике» объявлено об увольнении Победоносцева от должности обер-прокурора Синода и генерала Глазова от должности министра народного просвещения. Этим начинается объединение министерства. На место Победоносцева будет назначен князь Алексей Оболенский. Пост министра просвещения был предложен профессору Таганцеву, который от него отказался¹.

По улицам, несмотря на дождливую погоду, движутся многочисленные толпы, одна часть коих носит трехцветное знамя, другая – знамя красное. Между теми и другими происходят столкновения, оканчивающиеся даже убийствами. В Технологическом институте заперлась толпа, отказавшаяся очистить здание института, которое и было окружено войсками. Из одного из окон была выброшена бомба, которая убила шесть солдат Семеновского полка. Товарищи их бросились в институт и арестовали четырех евреев, виновников преступления. Узнавши об этом, анархическая толпа, собравшаяся на Невском проспекте, пошла на выручку этих убийц. На Загородном проспекте она встречена была отрядом Семеновского полка, который преградил ей дальнейшее шествие; но толпа не послушалась воспрещения идти дальше, пренебрегла предупреждением, что будет употреблена военная сила, и вслед за тем был дан залп, сопровождавшийся человеческими жертвами. При этом был убит приват-доцент Тарле², предводитель этой шайки, известный тем, что за последние годы читал в университете лекции о революциях, происшедших в различных государствах.

В 3 ½ часа торжественное заседание в Сенате, где я не бывал двадцать три года. Чтение манифеста, молебн, подписание адреса, представляемого Государю.

Узнаю, что изменение в первоначальном проекте манифеста, представленного графом Витте, имело предметом исключение из текста дарование прав евреям. Объяснение по этому предмету было возложено на князя Николая Оболенского, в чем он и успел.

20 октября. Вчера заехал к Рихтеру, который рассказывает следующее: в пятницу вечером он получил приглашение ехать в Петергоф на пароходе, отходившем из Петербурга в 8 ½ часа утра. Вместе с ним ехал великий князь Николай Николаевич, который принял очень горячее участие в совещании, под председательством Государя происходившем,

¹ Пост министра народного просвещения получил И. И. Толстой.

² Записанный Половцовым слух об убийстве Е. В. Тарле не соответствует действительности. 18 октября 1905 г. Тарле участвовал в митинге у Технологического института, но был только ранен.

отстаивая всецело заявления и требования, предъявленные графом Витте, который с большой откровенностью настаивал на том, что о самодержавии больше не может быть речи и что необходимо категорически дать конституцию. Четвертый член собрания, министр двора Фредерикс, молчал и скорее был свидетелем, чем участником. Витте хотел ограничиться опубликованием его всеподданнейшего доклада, долженствовавшего получить высочайшее утверждение и содержать изложение перемены в политике и в государственном строе. Рихтер настоял на том, чтобы подобное заявление исходило от имени Государя и имело форму манифеста. Прения были продолжительны и, в конце концов, привели к удовлетворению всех требований Витте. На обратном пути в Петербург все поместились на одном пароходе. Разговаривая со своими спутниками, Рихтер сказал, что из Петергофа по телефону вызваны к Государю барон Будберг, главноуправляющий Канцелярией прошений, и Горемыкин. Известие это очень встревожило графа Витте. И действительно, как оказалось, лица эти были вызваны для участия в изменении редакции манифеста, по инициативе Витте составленного.

21 октября. Пятница. Торжественное заседание в общем собрании Государственного совета. Председатель Сольский говорит со свойственной ему плавностью длинную речь и в заключение предлагает послать императору телеграмму с выражением наших чувств. Рооп просит дополнить телеграмму упоминанием о том, что Государственный совет надеется трудиться при участии представителей выборного элемента. Поправка эта принимается присутствующими.

Обед в издыхающем новом клубе.

Ужасные известия со всех сторон. Финляндия в полной революции В Иркутске чернь провозгласила временное правительство, от которого город был освобожден войсками, присланными из Харбина Линевичем. Во всех углах России льется кровь. Против последнего движения, созданного рабочими и так называемой интеллигенцией, начинает выступать мужицкая контрреволюция, отвергающая ограничение царской власти и желающая верить в распространяемый анархистами слух, что господа ограничили власть царя за то, что он хотел отдать их землю крестьянам.

23 октября. Воскресенье. Анархисты должны были сегодня с большой торжественностью хоронить своих товарищей, погибших в последних схватках с войсками, но отменили задуманную церемонию вследствие приказа Трепова, который, как слышно, намерен покинуть свой пост,

не считая возможным продолжать службу, потому что Витте слишком податлив и уступчив перед мятежниками.

Навещаю разбитого параличом графа Орлова-Давыдова, который лежит в постели, окруженный иконами и ярко освещенным портретом императрицы Марии Федоровны.

24 октября. Понедельник. Граф Пален рассказывает со слов покойного графа Рейтерна следующее. Перед коронацией императора Александра III бывший в то время министром внутренних дел граф Игнатъев предложил Государю Земский собор в Москве. Для обсуждения этого предложения было собрано совещание у Государя в Гатчине. Перед открытием заседания Государь позвал к себе в кабинет Рейтерна и просил его высказать свое мнение относительно проекта Игнатьева. Рейтерн отвечал, что Земский собор можно собрать только в том случае, если вслед за тем предполагается дать представительное правительство, так как одним Собором ограничиться будет невозможно. Вслед за тем взошли другие приглашенные: Игнатъев, Победоносцев, Островский. Государь начал заседание с того, что обратился к Игнатьеву с вопросом о том, считает ли он, что за Собором должно последовать установление народного представительства. Игнатъев отвечал отрицательно. На что Государь возразил, что в письме своем Игнатъев указывал ему на необходимость такого хода событий. Игнатъев заявил, что он этого не писал, но Государь пошел в соседнюю комнату и принес оттуда письмо Игнатьева, категорически говорившее о народном представительстве. Понятен исход подобного совещания. Когда Рейтерн уходил, то Игнатъев был удержан на некоторое время в кабинете Государя, а вслед за тем, уезжая вместе с Рейтерном, сказал ему: «Je suis congédié»¹.

26 октября. Среда. Разговор с Алексеем Оболенским: Витте в больших трудностях для составления кабинета. Теперь ведет переговоры с представителями московской партии, предлагает Гучкову Министерство промышленности и торговли, Шилову – государственный контроль, князю Трубецкому – Министерство народного просвещения. Необходимо расширить требования для выборов в думу. Допустить специальные выборы рабочих, адвокатов, окончивших курс в высших заведениях, и т. п. – равнозначительно ниспровержению всякого порядка. Оболенский предлагает территориальные выборы без всякого ценза, полагая, что крестьяне выберут преимущественно лучших землевладельцев. Это

¹ «Меня отправили в отставку» (фр.).

кажется мне сомнительным. Трепов покидает место генерал-губернатора и министра полиции, почитая, что его участие будет вредить кабинету. Великий князь Николай Николаевич назначается на место великого князя Владимира Александровича¹ и будет энергично бороться с какими бы то ни было беспорядками.

Завтракает у нас посланник в Копенгагене Извольский. Рассказывает главные черты своего пребывания посланником в Японии. У него на глазах создавались армия и флот, предназначавшиеся для войны с Россией. Обо всех таковых приготовлениях Извольский писал министру иностранных дел Ламздорфу, который не обращал на его донесение внимания, полагая, что это составляет обязанность военного агента, а между тем военным агентом был Ванновский, попавший на эту должность исключительно потому, что он был племянником военного министра. Ванновский ничего не сообщал Извольскому на том основании, что военные приготовления не касаются дипломата, так что Извольскому приходилось собирать эти сведения от военных агентов иностранных держав и преимущественно Франции. Сам Ванновский утверждал и в разговорах, и в своих донесениях правительству, что войска Японии не заслуживают никакого внимания и будут уничтожены при первой с нами схватке. В 1904 году Извольский посылал в Петербург предложенные Японией самые умеренные условия для заключения мирного договора, но условия эти были неоднократно отвергаемы Государем, а у ничтожного Ламздорфа не доставало мужества ни для того, чтобы настаивать на их принятии, ни для того, чтобы серьезно просить об увольнении от должности. Настоящего, твердого, разумного правительства в России не было – и вот причина наших бедствий и на войне, и теперь, после войны.

Товарищ государственного контролера Философов, прекрасный в нравственном и умственном отношении человек, взятый мной на службу в Государственную канцелярию вскоре после окончания им университетского курса, сообщает мне, что Лобко, испросив у Государя свою отставку, просил о назначении Философова членом Государственного совета. Государь изъявил на то свое согласие и поручил Лобко сообщить о том Сольскому, который возразил, что уже и так число членов Совета достигает ста пятнадцати, когда, по новому проекту учреждения Совета, число назначенных Государем членов не должно превосходить ста. Вследствие такого сообщения я отправляюсь к Алексею Оболенскому, который говорит мне, что Витте намерен предложить Философову

¹ 26 октября 1905 г. великий князь Николай Николаевич (Младший) был назначен главнокомандующим войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа.

место государственного контролера, если от него откажется москвич Шипов, коему оно предложено.

На другой день, свидевшись с Философовым, вполне одобряю его намерение настаивать на том, чтобы должность государственного контролера была выделена из «кабинета», а сверх того советую Философову непременно ознаменовать свою деятельность в должности государственного контролера устройством счетной палаты (Cour des comptes) на существующем в европейских государствах порядке. Философов вполне со мной согласен и, по получении вслед за тем предложения Витте, ставит ему оба эти условия, кои Витте и принимает.

27 октября. Пятница. Узнаю, что по ходатайству Сольского Государь подписал указ о назначении Коковцова председателем Департамента экономии Государственного совета, но Витте узнал о том, написал Государю письмо, заявляя, что ни он, ни министры, составляющие председательствуемый им Совет, не будут ездить на заседания в председательствуемый Коковцовым департамент, вследствие чего назначение было заменено чином действительного тайного советника¹.

¹ Коковцов подтвердил эту информацию в мемуарах. Во время аудиенции у императора по поводу отставки с поста министра финансов Николай II сообщил Коковцову: «Я решил назначить Вас на вакантную должность председателя Департамента экономии, которую занимал граф Сольский. Я знаю, что этим доставлю и ему большую радость. Поезжайте к нему и попросите завтра же прислать мне указ о Вашем назначении». После разговора с императором Коковцов поехал к государственному секретарю Иксулю. Последний «очень обрадовался» «приказанию Государя» и сообщила, что «через час указ будет у графа Сольского» и попросил вновь назначенного поехать к нему предупредить. При этом Иксуль прибавил: «Как бы не пронюхал об этом граф Витте до подписания указа». На следующий день, 21 октября, барон Иксуль сообщил Коковцову, что «после переговоров графа Сольского накануне с графом Витте, последний решил дослать Государю письмо, с просьбой отменить» назначение, «из уважения к заслуженным членам Государственного совета, имеющим гораздо большие права <...> на занятие должности председателя Департамента экономии, и обещал сообщить ему, Иксулю, ответ Государя тотчас после его получения». 24 октября во время аудиенции император сказал барону Иксулю: «Передайте графу Сольскому, что я серьезно обдумал мое решение раньше, нежели решил назначить Коковцова на вполне заслуженный им пост, и не понимаю, почему это назначение так не нравится графу Витте». В тот же день Витте отправил Николаю II особый всеподданнейший доклад. 25 октября этот доклад был возвращен Сольскому вместе с указом о назначении Коковцова членом Государственного совета. В тексте дневника Коковцов привел и полный текст доклада Витте императору: «Председатель Государственного Совета, статс уведомил меня о состоявшемся решении Вашего Императорского Величества

28 октября. Суббота. Зайдя к Палену, нахожу его в горячем разговоре с Шидловским о том, что по поводу имеющего рассматриваться в общем собрании Совета представления о сложении с крестьян двадцати миллионов выкупных платежей следовало бы сложить всю остающуюся непогашенной донине сумму в семьдесят миллионов и сделать это именно теперь, чтобы оказать милость крестьянам, почитающим себя обиженными Манифестом 17 октября, а тем самым расположить их в пользу правительства до наступления выборов, равно как и избежать того, чтобы такая щедрота оказана была не Государем, а имеющей собраться Думой. Пален и Шидловский просят меня переговорить об этом с Витте.

30 октября. Понедельник. В 6 часов вечера у Витте. Застаю его с видом весьма усталым и озабоченным. Передаю ему высказанные Паленом и Шидловским мысли относительно сложения всей суммы числящихся сегодня платежей. Витте отвечает, что он на это не может согласиться, не нарушив равновесия бюджета; что такое представление в Государственном совете вызовет сильные нападки и прежде всего со стороны Коковцова. Сократив по возможности свой визит, удаляюсь.

Н О Я Б Р Ь

4 ноября. В среду заходит покинувший пост министра земледелия Шванебах. По его мнению, нас ожидают ужасные катастрофы. Витте намеревается [увеличить] число выборщиков в Государственную думу, прибавив избирателей от фабричных рабочих, от лиц, получивших

назначить председателем Департамента экономии бывшего министра финансов, статс-секретаря Коковцова. Считаю своим долгом поэтому, довести до сведения Вашего Императорского Величества, что по положению статс-секретаря Коковцова и по его личному характеру такое назначение представляется безусловно нежелательным. Если Вашему Величеству угодно будет оставить это назначение в силе, то ни я, ни мои товарищи по Совету Министров, со всем вероятием, не будут иметь возможности посещать заседания Департамента экономии и вынуждены будут замещать себя своими товарищами или другими членами Министерства. Между тем по тому важному значению, которое при надлежит Департаменту Государственной экономии до собрания Государственной думы, едва ли можно допустить подобное отчуждение министров от этого важного установления. Ввиду сего и в предупреждение явного ущерба для дел государственного управления от такого обстоятельства я считаю своим долгом довести об изложенном до сведения Вашего Императорского Величества». (Коковцов. С. 102–105).

высшее образование, от лиц, обладающих городским цензом, заменить втрое меньшим [?], чем первоначально предполагалось для Государственной думы. Таким образом, число избирателей в Петербурге вместо теперешней цифры шесть тысяч достигнет сто тридцать тысяч. Все они с наступлением выборов будут иметь право собраний для обсуждения вопросов, до выборов касающихся. Начнется буйство беспредельное, которое может окончиться разгромом и разграблением города. Витте силится найти поддержку в какой-нибудь части революционной партии, но вместо того более и более попадает в зависимость от людей, в коих надеется найти опору. Положение не только тревожное, но угрожающее.

Александр Оболенский рассказывает, что по приглашению брата своего Алексея ездил к Витте и успел убедить его отказаться от редакции проектированного им манифеста, в коем прямо говорилось, что крестьяне нуждаются в земле и что Государь заботится о том, чтобы им таковую доставить.

В четверг появляется манифест, написанный Витте в смысле, совершенно противоположном тому, что он мне говорил во вторник. Еду в этот день в Царское Село, чтобы навестить великого князя Владимира Александровича. Нахожу его постаревшим на десять лет со дня последнего нашего свидания. Рассказывает следующее: недавно старший сын его Кирилл приехал из-за границы и объявил родителям и Государю, что женился на своей двоюродной сестре, дочери великой княгини Марии Александровны, разведенной жене герцога Гессен-Дармштадского, родного брата императрицы Александры Федоровны. В ответ на такое сообщение император прислал к великому князю Владимиру министра императорского двора барона Фредерикса объявить, что Кирилл Владимирович лишается звания флигель-адъютанта, морского чина и великокняжеского достоинства с приказанием выехать из России в двадцать четыре часа. В минуту отъезда Кирилла из Царского Села фельдъегерь привез ему еще приказание не возвращаться более в Россию никогда.

Владимир Александрович ничего не отвечал на такое послание, но, встретив на железнодорожной станции приехавшего вскоре вслед за тем германского принца и проводив его в Петергоф к Государю, он воспользовался этим случаем, чтобы объявить Государю, что так как сын его Кирилл был опозорен, то он, Владимир, как отец опозоренного сына не считает возможным оставаться на службе и просит отставки. Несмотря на убеждения Государя не настаивать на таком решении, Владимир Александрович остался при своем заявлении. Прошло три недели без всякого ответа, несмотря на то, что великий князь послал военному министру формальное прошение об отставке. Через три недели

он получил от Государя весьма сухую записку с уведомлением, что отставка ему дана и что на место его главнокомандующим войсками Петербургского округа назначен великий князь Николай Николаевич.

5 ноября. Пятница. Заседание для рассмотрения проекта преобразования Государственного совета. Витте произносит блестящую речь, заявляя, что для подавления революции недостает войска, которое находится в Маньчжурии и затруднено в обратном шествии препятствиями, воздвигнутыми на Сибирской железной дороге. Первому подвигающемуся обратно в Европейскую Россию корпусу, состоящему под командой генерала Плеве, приходится штыками очищать путь и оставлять большую часть своих солдат на линии, чтобы обеспечить следующим за ним корпусам беспрепятственный проход, так что из восьми полков, корпус составляющих, он приведет домой лишь два полка. При таких обстоятельствах Витте должен искать опоры в умеренной партии населения, и вся его надежда сосредоточивается на Государственной думе, в которой Витте весьма однако сомневается, чтобы удалось ее созвать. Тирания демагогии, по мнению Витте, должна скоро сделаться невыносимой для населения.

7 ноября. Воскресенье. Еще заседание о реформе Совета. Приходится слушать невероятные наивности. Витте хочет созвать выборное собрание, долженствующее составлять вторую половину Государственного совета. Он думает, что одно то, что явятся люди, избранные населением, достаточно будет, чтобы служить опорой правительству. Полное пренебрежение к условиям таких выборов, ценз ничтожный, гарантии независимости никакой. Это будет вторая Государственная дума с примесью старых чиновников и генералов. Спорят о ничтожных подробностях, но главных сторон не видят и не понимают. У меня сердце щемит при мысли о том, какая пошлая толпа наполнит изящные залы, мной для русского парламента некогда устроенные.

9 ноября. Среда. Приезжают ко мне московский губернатор, предводитель дворянства князь Трубецкой и петербургский – граф Гудович, чтобы посоветоваться о том, как ходатайствовать в совещании Сольского о предоставлении дворянству [права] избирать своих представителей в будущей состав Государственного совета. Сообщаю им, что я уже делал без успеха подобное заявление в последнее заседание совещания и советую ехать с ходатайством к Сольскому, а также и к Палену. Навещаю Победоносцева, которого застаю в весьма мрачном настроении, горько осуждающего все,

что около нас происходит. Я соглашаюсь с ним во многом, но утверждаю, что теперешние наши несчастья созданы главным образом самим правительством, в котором за последние два царствования все более и более укреплялось убеждение, что многомиллионным народом можно управлять чиновниками, представителями безграничного произвола, распространяющегося на все отрасли человеческого существования. Развивая эту мысль, я заканчиваю тем, что все поголовно почитают его, Победоносцева, виновником наших теперешних несчастий, потому что он отговорил Александра III отказаться от исполнения подписанного его отцом и им самим акта о допущении в среду Государственного совета сорока представителей земства для заявлений о нуждах провинции и участия в законодательстве. Слова мои очень задевают Победоносцева. Он утверждает, что никогда не видал этого акта, несмотря на то, что цесаревич Александр дважды приказывал Лорис-Меликову показать этот акт ему, Победоносцеву. На мое предположение, что осуществление тогдашнего предположения, по всей вероятности, постепенно развивая участие выборных в трудах правительства, [предотвратило] бы теперешние бедствия наши и быть может даже спасло бы нас от несчастной японской войны, Победоносцев возражает, что весь проект Абазы и Лорис-Меликова имел целью отдать власть в их руки. Можно было бы прибавить, что, по мнению Победоносцева, власть должна была перейти в его руки, что, впрочем, и произошло на несчастье России.

Посылаю Государю три новых тома моего биографического словаря на буквы «О», «П», «Ч».

11 ноября. Пятница. Еще заседание совещания графа Сольского о реформе Государственного совета. Предлагаю среднюю меру относительно власти Совета, заключающуюся в том, чтобы первый отказ Совета согласиться с Думой не отнимал у последней права возобновлять свое постановление в следующую сессию; причем вторичное постановление Думы могло бы получить силу закона в случае согласия верховной власти даже и при несогласии Совета. Витте, отвергавший в последнем заседании значение Совета, внезапно заявляет, что Совет должен иметь во всем одинаковые с Думой права. Такое заявление делает излишним мое старание спасти компромиссом хоть часть советской власти.

Рассматривается вопрос о допущении в Думу представителей дворянства. С первого слова чиновники оказывают поголовное сопротивление. После речей Алексея Оболенского и Палена оппозиция ослабевает, но граф И. И. Толстой, новый министр народного просвещения, начинает доказывать, что заявление, представленное графу Сольскому

московскими и петербургскими губернскими предводителями, не подкрепленное ходатайствами губернских дворянских собраний, не может служить основанием для включения в число членов Государственного совета представителей от дворянства. Я ему возражаю, что ни о каких ходатайствах не может быть речи, что все проектируемые ныне изменения начертаны Советом без каких бы то ни было с чьей-либо стороны ходатайств, а потому нет основания делать в этом отношении исключение для дворян.

В заключение решают допустить в Совет двенадцать членов от дворянства.

17 ноября. Вечером приезжает ко мне Пален, по просьбе коего отправляюсь вместе с ним к Андрею Сабурову, чтобы уговориться относительно совещания у Государя, на которое мы все трое получили приглашение. Пален, со слов Витте, сообщает, что предметом совещания будет обсуждение недостаточно энергической деятельности судебной власти в преследовании политических преступников.

Члены Совета министров с присоединением членов Государственного совета: Палена, Фриша, Сабурова, Голубева и меня отправляются в Царское Село по царской ветке с экстренным поездом. С Царкосельский станции в придворных каретах достигаем Александровского дворца. Через многочисленные залы достигаем угловой гостиной, во всю длину коей поставлен покрытый зеленым сукном стол. По стенам висят картины: одна, кажется, Невиля, изображает тянувшийся вереницей конный полк с песельниками¹, другая – портрет царствующей императрицы, третья – портрет Марии-Антуанетты с ее детьми. Сопоставление этих двух портретов во дни теперешней смуты нельзя признать удачным. У одного из окон стоят ширмы, в коих вставлены четыре медальона гобеленовских ковров. Медальоны эти куплены мной в Париже у известного продавца ковров Бракенъе. Они изображают монограмму «АПР». Предполагая, что эти ковры заказаны были для кресел, предназначавшихся для императора Петра II, я купил их и подарил ныне царствующему императору. Предположение мое подтвердилось виденным мной у Юсупова в Москве портретом Петра II с изображением такого кресла. В 3 часа ровно взошел император и, обойдя присутствующих, пожимая каждому из них руку, сел на председательское место и обратился к нам с краткой речью, весьма гладко произнесенной, в которой высказал ту мысль, что в теперешнее смутное время правительство, желая

¹ Песельник – то же, что и песенник, то есть исполнитель песен.

по возможности избегать насильственных мер, рассчитывает прежде всего на содействие судебной власти, но, к сожалению, не находит в ней поддержки. Судебные следователи не обнаруживают виновных, прокурорская власть не находит поводов к обвинению, сами суды часто оправдывают лиц, очевидно виновных, и даже встречаются случаи, когда во всех этих лицах высказывается не только равнодушие, но симпатия к политическим преступникам. Обращаясь к лицам, сегодня призванным, и в особенности к юристам – членам Государственного совета, Государь просит высказать ему с полной откровенностью, что могло бы быть сделано для достижения успешного правительству со стороны судебной власти содействия. Пален с большой горячностью и полной искренностью соглашается с тем, что следственная часть плоха, что таковой она была и в то время, когда он, Пален, был министром юстиции, то есть почти сорок лет тому назад; что помогать следователям должна полиция, но она еще хуже, чем следователи, и требует коренного изменения. Относительно прокуроров Пален думает, что деятельность их во многом зависит от воздействия на них генерального прокурора.

Фриш долго, пространно говорит об уголовных законах, об их применении, о том, когда и какие законы были изданы, цитирует даты, тексты и тому подобное, но вся эта болтовня направлена лишь к тому, чтобы выставить в блестящем свете его познания, его опытность и прочее, но не убеждает в том никого, не доказывает ничего и наводит лишь на собрание туман и тоску.

Витте говорит довольно сдержанно, настаивая на том, что правительство не находит поддержки в судебной власти, которая освобождает политических преступников от всякого преследования. Он настаивает на том, что прокуратура сделалась бы более энергичной, если бы министр юстиции побуждал ее к тому.

Министр внутренних дел Дурново говорит в том же смысле, но гораздо решительнее, резче. Он упоминает о забастовке в подчиненном ему почтово-телеграфном ведомстве, заявляя, что никаких уступок забастовщикам не сделает.

Андрей Сабуров, испытанный криминалист, говорит мягко и возлагает надежду на успокоение в зависимости от созыва Государственной думы.

Министр юстиции Манухин произносит длинную речь, весьма красноречиво защищая чинов судебного ведомства от возводимых на них обвинений. Манухин признает недостатки деятельности судебных следователей, исходящие из неудовлетворительности самого учреждения, но категорически отвергает справедливость и даже достоверность фактов, выставляемых против чинов прокуратуры и суда. Люди эти получают

нищенское содержание, число их не отвечает обширности, многочисленности взваливаемых на них дел. Необходимо и умножить судебный персонал, и усилить присвоенные ему оклады. Бывший министр юстиции Муравьев в своем представлении исчислял эту прибавку к нынешнему ежегодному расходу в девять миллионов, а ему, Манухину, удалось после продолжительных у министра финансов Коковцова ходатайств получить лишь сто рублей.

Граф Пален полагает, что вместе с увеличением содержания судебных чинов необходимо усилить полицию и ее средства.

Голубев в добавление ко всему сказанному считает полезным пересмотреть устав уголовного судопроизводства и сократить некоторые ныне существующие для действий прокуроров и судей сроки.

Я заключаю из всего, мной слышанного, что улучшение теперешнего порядка необходимо и что средства к улучшению заключаются в том, чтобы найти лучших людей и умножить ими ряды служащих в судебном ведомстве. Эта задача для министра юстиции достижима, чем для других министров, потому что в свое сорокалетнее существование применение судебных уставов выработало в судебном сословии нравы, взгляды, служебную и житейскую практику для многочисленной группы людей, среди коих министр юстиции и может найти опытных и честных деятелей; конечно, материальное положение людей сих должно быть обеспечено совсем иначе, чем сегодня, так как от этих отцов семейства нельзя требовать аскетического самопожертвования. К этому, разумеется, должно прибавить, что направление, даваемое высшей властью министра юстиции, может и должно придавать его подчиненным, в особенности лицам прокурорского надзора, энергию и силу, недостаток коих чувствуется.

После сего Витте, Пален, Дурново говорили вторично все в том же смысле. Заседание кончилось почти в семь часов; Государь еще раз обошел всех присутствовавших, пожимая каждому руку. Меня почему-то он поблагодарил за то, что я говорил, правда, довольно продолжительную речь. Я извинился за присылку в теперешнее суетливое время трех толстых вновь вышедших томов моего биографического словаря. Он отвечал, что этот словарь никогда его не покидает, и прибавил, что не успел еще прочитать рекомендованные мной биографии князя Потемкина-Таврического.

В 9 часов заседание Финансового комитета у Сольского.

За невозможностью сделать заграничный заем выпускаем на сто пятьдесят миллионов пятипроцентных облигаций. Кои за невозможностью поместить на рынке дисконтируем в Государственном банке.

22 ноября. Вследствие полученного Сольским от Государя письма, в коем выражается повеление, чтобы постановления Совета министров восходили на высочайшее утверждение через Государственный совет, причем высказывается мысль, что таким путем дела получают законный и твердый ход, собираемся в общее собрание Государственного совета для рассмотрения проекта временных правил относительно повременных печатных изданий¹, достигнувших после манифеста 17 октября необузданной наглости.

Вследствие высказанного Государем желания, чтобы дело это было рассмотрено в одно заседание, сидим с 1 часа до 7 ½ и исполняем возложенную на нас задачу. Поправки, сделанные Советом, многочисленны, и принимаются кабинетом беспрекословно. Рельефный инцидент возбуждается графом Паленом. Он предлагает, чтобы частное обвинение журнальной редакции в клевете могло быть предъявляемо не в месте нахождения редакции, а в месте получения оскорбленным журнального листка, содержащего клевету. Такой порядок введен три года тому назад в Германии, и Пален справедливо ожидает, что такое правило во многих случаях обуздает бесцеремонную ложь журналистов. Юристы, и во главе их Фриш, Таганцев, Манухин, восстают против предложения Палена и не принимают его серьезно. Председатель Сольский равным образом не придает делу важности, но тем не менее приказывает отбирать голоса. К общему удивлению, с Паленом соглашаются пятьдесят девять членов, а против него тринадцать. Сольский, видя такую неудачу, не объявляя результата баллотирования, прерывает заседание в пользу чаепития.

В антракте Сольский и Витте тщетно стараются уговорить Палена отступить от своего предложения. По возобновлению заседания Сольский заявляет, [что] вопрос должен бы быть предложен в более выработанной форме, и спрашивает министра юстиции, сколько понадобилось бы времени для такой обработки. Манухин отвечает, что на это необходимо три или четыре недели. Тогда Сольский приказывает вновь отобрать голоса. Пален встает и, обращаясь к Сольскому, весьма громко говорит: «Ваше сиятельство, я присутствую в Совете тридцать восемь лет и никогда еще ничего подобного не видал». Другие члены его поддерживают, и Сольский должен взять назад свое предложение. Витте заявляет, что Совет министров соглашается с Паленом.

¹ 24 ноября 1905 г. правительство утвердило «Временные правила о печати», в соответствии с которыми вводились некоторые ограничения относительно свободы слова и печати по Манифесту 17 октября 1905 г.

24 ноября. Еду в Царское Село навестить великого князя Владимира Александровича. Нахожу его в весьма угнетенном и унылом состоянии. Сообщает, что имел объяснение с императрицей Александрой Федоровной все по этому несчастному делу Кирилловой свадьбы; что сегодня приглашен в первый раз обедать у Их Величеств; что не получает писем от великой княгини (которая преспокойно веселится в Париже); что его адъютант Татищев (весьма милый человек) назначен состоять при германском императоре; описывает свою невеселую жизнь, наполненную чтением и прогулками; глубоко горюет о положении Отечества, сознавая весь его ужас.

Возвращаясь, встречаю государева библиотекаря Щеглова, который сообщает о некоторых вновь сделанных им в семейном архиве открытиях.

25 ноября. В ночь со среды на четверг произошло поблизости от нас на Большой Морской в казарме флотских экипажей следующее.

Помещавшийся в этой казарме 14-й флотский экипаж в виду чрезвычайной его распушенности решено было перевести в Кронштадт, где применяется военное положение. Матросы этого экипажа наотрез отказались исполнить такое приказание. Тогда в три часа ночи казарма была окружена Семеновским, Измайловским и Стрелковым полками с пулеметами под командой великого князя Николая Николаевича. Главные зачинщики были арестованы. В числе их оказались один студент, а другой участник редакции газеты «Новая жизнь»¹. Всего матросов было около шестисот, и их перевезли на баржах в Кронштадт. Сегодня возвратился адмирал Дубасов.

¹ «Новая жизнь» – первая легальная газета РСДРП (б); выходила с 27 октября по 3 декабря 1905 г. в Петербурге. Издателями были Н. М. Минский и М. Ф. Андреева. В редакцию «Новой жизни» входили В. И. Ленин, В. А. Базаров, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский и др. видные большевистские деятели. А. М. Горький активно участвовал в издании газеты. Закрыта 2 декабря 1905 г.

1906

ЯНВАРЬ

30 января. Возвращаемся из Монте-Карло, где провели шесть недель. Превосходная летняя погода освободила меня от начавшегося в Петербурге припадка подагры.

По приезде нахожу состояние дел хуже, чем мог ожидать. Витте в качестве председателя Кабинета царствует и после побед, одержанных в Москве Дубасовым, перебросился из нерешительности и слабости в крутые меры, главным виновником коих, впрочем, Дурново. На вопрос мой, как смотрит Витте на это положение, он отвечает мне, что события показали, что: 1) Россия прежде всего остается верной монархическому началу; 2) что можно вполне полагаться на верность армии.

Этот взгляд, очевидно, служит основой новой его политики.

ФЕВРАЛЬ

14 февраля. У Государя в Царском Селе совещание для рассмотрения проекта преобразования Государственного совета в верхнюю палату и согласное с сим изменение учреждения Государственной думы. Собираемся в Большом дворце и размещаемся в зале, стены коего покрыты картинами, около большого стола в нижеуказанном порядке¹.

Государь, как всегда, открывает заседание краткой, но хорошо сказанной речью. Первый, возбудивший жаркие прения, вопрос заключается в том, следует ли непременно установить равенство числа назначенных правительством и выбранных членом Совета. Игнатьев, Дурново, Стишинский — желают не устанавливать этого правила, а первоначально назначить равное число, но с тем, чтобы впоследствии, если бы представилась необходимость, иметь большинство голосов для отвергнутия постановления Думы, то Государь мог бы умножить число членом Совета.

¹ В машинописной копии оригинала имеется отметка: «В тексте рисунок с обозначением мест присутствовавших на совещании». Сам рисунок отсутствует. Оригинал дневника за 1906 г. не сохранился.

Я, разумеется, говорю против такого предложения, настаивая на том, что уже и теперь в населении раздаются жалобы на то, что правительство не держит своих обещаний, а если будет принято предложение Игнатьева, что, то несомненно, Думе будет угрожать полное ничтожество. Закрываю напоминанием о том, что Думу 6 августа¹ уже пришлось переделывать 17 октября и в день нашего заседания. Если принять мнение Игнатьева, то, конечно, и Государственный совет, сегодня реформируемый, придется также переделывать. Какое же доверие должно внушать населению такое шаткое законодательство? Меня отлично поддерживают Верховский и Александр Оболенский.

Второй, возбудивший горячие споры, вопрос относился к тому: должно ли непременно собирать одновременно Думу и Совет? Большинство почитало такое требование излишним. Витте доказывает, что такое требование сократит, стеснит деятельность законодательных палат. Пален опасался, что при отсутствии условия одновременности правительство вздумает довольствоваться одной Думой, не созывая Совета. Я думал, напротив, что в случае отсутствия Думы законодательные постановления Кабинета могли бы восходить к Государю через Совет, хотя бы обладавший одним совещательным голосом. Государь согласился с большинством. Третий вопрос – допущение публики в залы заседаний – возбудил горячие споры, не был разрешен положительно.

Заседание длилось от двух до семи часов, с кратким перерывом для чаепития, но не вставая со стула.

Среда². Продолжительное заседание в общем собрании Государственного совета, посвященное рассмотрению дополнительных правил к закону о свободе печати. Витте и Дурново настаивают в особенности на пресечении злоупотреблений гравюрами, посвященными карикатурам, направленным против Государя и наивысших представителей власти.

Четверг³. Второе заседание у Государя в Царском Селе. Витте начинает с того, что возвращается к отвергнутому перед тем предложению Алексея Оболенского о том, чтобы в случае несогласия Государственного совета с Государственной думой последней представлено было право представлять Государю императору состоявшееся в ней постановление. Оболенский предлагал, чтобы в случае вторичного рассмотрения дела Думой постановления ее, большинством в две трети голосов состоявшиеся, не подлежали более внесению в Государственный совет. Витте,

¹ Имеется в виду Булыгинская дума.

² Так в тексте.

³ Так в тексте.

не отстаивая такого крайнего правила, ограничивался тем, чтобы дело рассматривалось вновь и следовало законному течению. Пален, Дурново, Верховский, Коковцов энергически восстают против предложения Витте. Я говорю в том же смысле, как и они, настаивая на том, что такое замаскированное всесилие Думы равнозначно уничтожению Совета. Забавно, что Витте основывал свою речь на том, что необходимо устранить всякое препятствие между царем и народом, утверждая, что никакой конституции Государь не давал, так как никакой присяги не приносил, а что просто установил такой порядок законодательства и управления, который считал наилучшим и который ежечасно снова изменять может. После двухчасовых прений Государь делает перерыв, сопровождаемый чаепитием. В это время около него находятся Пален и я.

Пален говорит ему: «Мне семьдесят шесть лет, я скоро умру и не увижу последствий того, ежели бы предлагаемая мера была принята, но завещаю Вас, что это была бы гибель монархического начала. А говорить, что Вы не дали конституции, значит куртизанить. Вы дали конституцию и должны ее сохранить. До сих пор мы погибали от всесилия бюрократии, а с принятием предлагаемой меры потонем в демагогическом всесилии». Государь после этого краткого обмена мыслей показывает мне портфель князя Лобанова, оставшийся в вагоне, где он скончался, портфель, который Государь сохранил с находившимися в нем бумагами. Это написанный рукой Лобанова доклад по дипломатическому вопросу.

По возобновлении заседания Государь объявляет, что он соглашается с мнением большинства, иначе говоря, отвергает заявление Витте.

Продолжительные прения возбуждает заявление Витте о необходимости уничтожить Комитет финансов. Я напоминаю о том, что этот Комитет был создан Александром I для секретного обсуждения главнейших финансовых мер, а лишь впоследствии перестал быть секретным и стал обсуждать разные ходатайства и иные несметные расходы. Такое изменение и расширение компетентности Комитета финансов произведено самим Витте, который, быв министром финансов, находил удобным прикрываться посторонним авторитетом, сегодня ему ненужным. Моя мысль была – сохранить Комитет для секретных, то есть неофициальных совещаний, но Витте и Верховский пошли войной на кабинет, который предположено уничтожить, хотя и не договорено вполне.

В конце заседания я обращаю внимание на то, что вновь создаваемые учреждения: Дума, Государственный совет, Совет министров, министры, когда будет идти речь об их представлениях, должны будут иметь для сего людей, обладающих специальными и техническими сведениями, а также опытностью. Говорю, что сегодня нельзя импровизировать

такое учреждение, как французский Conseil d'Etat¹, но что необходимо иметь это в виду и впоследствии издать нечто в этом роде.

В момент откланивания Государь подходит ко мне и спрашивает меня, можно ли назначить собрание Исторического общества. Я отвечаю, что к этому представляются некоторые трудности, потому что главные деятели перемерли, типографии бастуют, и печатание томов нашего издания подвигается медленно, но что я прошу несколько дней, чтобы обдумать, как поступить и исполнить желание Его Величества.

Пятница. Скучное заседание Соединенных департаментов о том, в каких размерах допустить немецкий язык в частных учебных заведениях Прибалтийского края. Захожу к великому князю Владимиру Александровичу, который уезжает завтра в Канну², чтобы привезти оттуда свою супругу, уже три месяца там проживающую, несмотря на тяжелую, перенесенную здесь великим князем в это время болезнь.

19 февраля. Воскресенье. Отдаю визит Ермолову, который сообщает, что пишет книгу, направленную против господствующего взгляда на современный так называемый аграрный вопрос. Ермолов разделяет мой взгляд на то, что аграрного вопроса не должно существовать, что после того, как с крестьян скинуты выкупные платежи и, значит, земля принадлежит им в полную собственность, правительство не должно более вмешиваться в их взаимные поземельные отношения; им должна быть предоставлена полная свобода действий и труда, пускай создадутся богатые и бедные, и могущая между ними возникнуть борьба, оставляя в стороне правительство, укрепит его положение, в противоположность теперешнему порядку умножит русскую производительность, иначе говоря, обогатит ныне ежедневно беднеющую Русь.

Заходит ко мне эфемерный московский генерал-губернатор П. П. Дурново. Рассказывает, как после четырехмесячного генерал-губернаторства приехал 19 октября в Петербург и имел свидание с министром внутренних дел П. Н. Дурново для испрошения усиления своей власти. П. Н. Дурново отвечал ему, что об этом он должен просить Государя. 22 октября он имел аудиенцию у Государя, который в течение 2 часов внимательно выслушивал его и даже записывал его требования. По возвращении домой Дурново нашел бумагу, подписанную министром внутренних дел 19 октября и уведомлявшую его, П. П. Дурново, что он уволен от генерал-губернаторских обязанностей.

¹ Государственный совет (фр.).

² Так в тексте.

ВЕСНА

4 марта. Суббота. Еду в Царское Село к Государю. Речь идет о годовом собрании Исторического общества. Заявляю, что за смертью в последние годы главных сотрудников нет значительных материалов для прочтения в заседании, что Ключевский, на которого я рассчитывал, отказался приехать из Москвы; что Платонов обещал поговорить о первых годах царствования Михаила Федоровича, а Мышлаевский – о состоянии русского войска в конце царствования Алексея Михайловича; что Ламздорф сообщил краткую записку о критике, которой подверглись мероприятия Петра Великого тотчас после его смерти и притом со стороны главнейших его сотрудников. Настаиваю на трудности вести дело при полном равнодушии, чтобы не сказать нерасположении к нему общества. И наш сборник, и мой словарь почитаются реакционерными и не только не встречают сочувствия в печати, но и не раскупаются почти вовсе. Утешаться можно лишь тем, что эти сто тридцать четыре тома установили верный, правдивый взгляд на нашу историю.

Я перехожу к записке об уничтожении чинов, которая была передана Государю Рихтером, а прислана мной ему из Монте-Карло вовсе не для представления Его Величеству. При этом рассказываю мое отношение к этому делу приблизительно так: по назначении меня государственным секретарем 1 января 1883 года я находился в большой милости у Государя. Между прочим я назначен был членом Комитета об упорядочении чиновпроизводства. В первое же заседание я объявил председателю Комитета Танееву, что чины следует не упорядочить, а упразднить, ограничься табелью должностей. Комитет со мной согласился и в этом смысле был написан журнал, который заслужил полное одобрение Государя. Каханов и я занялись составлением законопроекта, в основе коего лежало упразднение чинов и замена их классными должностями. По окончании проекта я, не полагая никаких надежд на Танеева, предложил внести дело в Государственный совет, где надеялся в качестве государственного секретаря чего-нибудь достигнуть, но все министры, исключая Шестакова (морского) и графа Воронцова-Дашкова, оказали сильное сопротивление. Я пошел к Государю (Александру III) и доложил ему о том. Он отвечал мне: «Не обращайтесь никакого внимания; если Вы останетесь одни при своем мнении, то я соглашусь с Вами». На это я отвечал, что никогда не решусь поставить Государя в противоречие со всеми его министрами. Дело это и отложил, надеясь найти удобное время, чтобы его провести, но такого времени не представилось. При назначении Воронцова председателем

Наградного комитета я передал дело ему, но он прислал мне бумагу, написанную его делопроизводителем Кривенко, в совершенно противоположном смысле тому, что говорил Воронцов прежде. Затем сочинили какой-то комитет, в котором дело и лежит доселе, когда протекло двадцать три года с того времени, когда я возбудил этот вопрос.

Сознавая трудность быстрого принятия этой меры, я предлагал Государю не стесняться чинами в своих назначениях и начать такой образ действия теперь же при назначении членов Государственного совета, кои таким образом уничтожили бы повод к обвинению Государственного совета в том, что он будет сборищем чиновников, кои задушат Государственную думу.

Государь одобрил такой взгляд, но сказал только, что привести его в действие будет очень трудно.

От Государя захожу к генералу Трепову, коего застаю весьма мрачно настроенным и ожидающим великих анархических бедствий.

9 марта. Четверг. В 8 ½ часов отправляюсь в Царское Село по императорской железнодорожной ветке в сопровождении своих сочленов Исторического общества числом пятнадцать. Собираются в Александровском дворце, в угловой гостиной, где на стенах висят два портрета: один – царствующей императрицы, а другой – Марии Антуанетты. Прохожу в коридор, по коему император должен придти. В одну из дверей, выходящих в этот коридор, выносят стол, на коем Их Величества только что отобедали. Тут на расстоянии нескольких шагов стоят часовые: придворный араб (со множеством медалей), скороход с высокой шапкой, украшенной перьями, дежурный камердинер, дежурный гоф-фурьер; проходят туда и назад простые лакеи. Через несколько минут выходит Государь в мундире стрелкового батальона, надетом на красную рубашку с высоким воротом. Я успеваю доложить Его Величеству, что Победоносцев, бывший вице-председатель, не приехал и отказывается от этой должности, что совет предлагает на его место Куломзина. По выходе в гостиную Государь обходит всех присутствующих, здороваясь и пожимая всем руки. Затем я читаю отчет о деятельности общества, напоминаю об умерших членах и их трудах. После того Платонов представляет очерк первых лет царствования Михаила Федоровича и приписывает малоуспешность этого царствования неудачному выбору людей, окружавших царя, взятых преимущественно из сподвижников тушинского вора¹. Так как по окончании этой лекции настало молчание, то

¹ «Тушинский вор» – прозвище, данное Лжедмитрию II его противниками, по названию села Тушино, резиденции, где он находился в 1608–1610 гг.

я поспешил сказать, что сообщение весьма интересно, а вслед за мной Государь спросил, откуда эти сведения почерпнуты. Платонов отвечал: из подлинных исторических актов. После Платонова генерал Мышлаевский рассказал, как в конце царствования Алексея Михайловича русская армия была наполнена иностранными генералами и офицерами, признанными в Отечестве негодными. Число таковых в 1676 году насчитывалось в Москве до девятьсот пятидесяти.

Потом Куломзин прочитал записку о критике петровских реформ сотрудниками только что умершего преобразователя. Записка составлена по приказанию Ламздорфа чиновниками Государственного архива, заимствована из журналов Верховного тайного совета и снабжена заключительным послесловием, которое, по убеждению мудрого министра иностранных дел, должно сопровождать всякий архивный документ.

Я прочитал письмо королевы Гортензии к императору Александру I, не имеющее в себе ничего примечательного, кроме характерной оценки адресата.

В двенадцатом часу уезжаем тем же путем. Перед отъездом Государь напоминает, что в прошлом году заседания не было, а я извиняюсь в том, сваливая всю вину на подагру, удержавшую меня на берегу Средиземного моря.

В субботу, **11 марта**¹, в 3 часа были Государем вызваны в Царское Село по телефону: Пален, Голубев, Шванебах и Коковцов (последнего приглашение не достигло). Первым трем Государь предъявил представленный ему журнал Комитета финансов, который возбуждал в нем сомнение. Журнал этот, составленный по представлению Витте, отменял теперешний порядок рассмотрения дел в Комитете и вводил Комитет в ряд присутственных мест с твердо определенным кругом предметов ведомства. Государь передал этот журнал Палену с поручением передать его Сольскому для пересмотра этого вопроса в новом заседании Комитета. **13 марта**², в понедельник, состоялось это вторичное заседание, в котором я участвовал. Началось с речи Витте, который настаивал на том, что важнейший теперь вопрос должен иметь предметом заключение займа, так как за 1905 год у нас дефицит в сто восемьдесят восемь миллионов, в 1906 году необходимо израсходовать четыреста восемьдесят восемь миллионов на ликвидацию войны, и что этот расход должен быть произведен до открытия Думой своей деятельности, которая может прежде всего направиться на исследование причин

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

войны, размеров произведенных войной расходов и т. д. После такого заявления Витте вынул из кармана телеграмму, только что полученную им от Фальера, с уведомлением, что заем возможен лишь в том случае, если русское правительство категорическим актом заявит, что оно имеет право заключать займы без участия в том Думы до тех пор, пока она не собралась. Комитет постановил: вопрос этот выделить из прежнего журнала и требование французского правительства удовлетворить в форме указа, адресованного на имя министра финансов.

Переходя к обсуждению устава Финансового комитета, Витте и Коковцов настаивают на необходимости издания такого устава (доселе не существовавшего) ввиду вновь созданных учреждений и в особенности Думы и Совета министров, когда после разрешения Думой займа подробности заключения этого займа должны будут рассматриваться Советом министров, составленным из невежественных в финансах членов Совета, вследствие чего полезно будет предварительное в Финансовом комитете рассмотрение таких подробностей. Пален и я настаиваем на том, что в Учреждении Государственной думы необходимо упомянуть о ее правах по разрешению займа, а не ограничиваться упоминанием об этом вскользь в уставе Финансового комитета. Остаемся в меньшинстве.

18 марта. Суббота. В Департаменте законов с присоединением прочих департаментов докладывается под моим председательством представление Витте о том, чтобы после состоявшегося сложения с крестьян выкупных платежей предоставить каждому желающему требовать выделения в его собственность состоявшего в его владении земельного надела. *Витте* утверждает, что предлагаемая им мера необходима не только в экономическом, но и политическом отношении, что приведение ее в действие положит предел угрожающим великими бедствиями аграрным беспорядкам. Оппонентами выступают защитники общественного владения: прежде всего П. П. Семенов, бывший секретарь Я. И. Ростовцева, Игнатъев, Стишинский, Горемыкин и прочие. Все они утверждают, что такое дело должно непременно быть предоставлено Думе, где его будут обсуждать сами крестьяне. На это Витте заявляет, что ему хорошо известно, какие элементы войдут в Думу, что массы крестьян, кои туда появятся, будут заняты одной мыслью, одним требованием — получить откуда бы то ни было прибавку земли, что крестьянской массой будут руководить всякие авантюристы, кои, обещав им земные блага, поведут их куда угодно. Вот почему желательно до появления Думы установить возможность независимой, отдельной, личной, единичной земельной собственности. Большинство [в количестве] двадцати одного

против семнадцати настаивают (отказываются?)¹ от рассмотрения вне-сенного Витте проекта, о чем я весьма сожалею.

Приехавший из Финляндии Герард рассказывает следующее: вызванный три месяца тому назад Государем, он категорически отказался от принятия места финляндского генерал-губернатора, но Государь столь усиленно настаивал, что Герард согласился.

После двухмесячного пребывания в Финляндии Герард приехал в Петербург с представлением о назначении комитета для выработки правил об имеющем собраться Сейме. При этом Герард представил список лиц, долженствовавших составить этот комитет.

Государь оставил список у себя и затем назначил совсем других лиц с председателем Фришем, который был душой тех драконовских постановлений, кои произвели финляндскую смуту. Герард подал просьбу об увольнении от должности генерал-губернатора.

30 марта. Четверг. В 9 часов вечера в Мариинском дворце под председательством Сольского совещание относительно необходимости пополнить Государственный совет новыми членами ввиду предстоящей его реформы. Присутствуют: Витте, Фриш, Чихачев, Голубев, Иксуль и я.

Сольский заявляет мысль о необходимости сохранить хоть часть ныне заседающих в Совете членов, удалив тех, кои неспособны принимать участие в прениях. Для достижения сего предполагается установить, что на каждый год Государь назначает членов присутствующих и членов неприсутствующих, подобно тому как это делается в Сенате. Чихачев заявляет, что он считает установление такого образа действий обидным для членов Совета, кои должны быть назначаемы пожизненно и не должны быть лишены участия в занятиях Совета, иначе как по судебному приговору за совершенные ими преступления. На это прочие члены возражают, что назначенные члены Совета должны составлять не только контингент, представляющий элемент уравнивания либеральной выборной группы, но еще и противодействующую увлечениям Государственной думы силу. Для достижения таких целей должно по возможности привлечь в ряды правительственных членов людей, способных говорить, полемизировать, возражать против заявлений и нападок со стороны и Думы, и правительственных членов. *Vumme* утверждает, что, по его мнению, из теперешних восьмидесяти пяти членов, заседающих в общем собрании, не более пятнадцати способны произносить речи, а потому удаление значительного числа немозаседающих в Совете

¹ Так в тексте.

необходимо. По сделанному им подсчету, из теперешнего состава нельзя сохранить более шестидесяти. Согласно сему, Витте представляет набросанный им список кандидатов. Я заявляю, что, по моему мнению, надо иметь в виду нелишенное некоторого основания распространенное в обществе обвинение против правительства в том, что преобладание в Государственном совете бюрократического элемента будет парализовать деятельность Государственной думы и что поэтому полезно было бы назначить членов Совета не из чиновников, а из людей, преследовавших другие карьеры и прежде из таких, кои принимают участие в общественном движении последнего времени. Такие люди, по моему мнению, должны быть известны председателю Совета министров.

Витте говорит, что таких людей он не знает.

Голубев обращает внимание на то, что выборы в члены Совета производятся выборщиками, то есть такими лицами, кои могли сами, по мнению общества, попасть в члены Совета. Таких лиц насчитывается восемьдесят два, а потому изучение составляющих эту цифру людей дало бы материал для избрания в члены Совета.

Витте берется изучить этот список, но затем читает имена тех, кои, по его мнению, подходили бы под требования избрания. Прежде всего он называет профессоров: *Ключевского*, *Сергеевича*, против коих никто не возражает, киевского профессора *Бударова* (неизвестный присутствующим), *Пихно* – редактор газеты «Киевлянин», прежде либерал, а ныне консерватор, женившийся вторым браком на дочери своей первой жены. Витте настаивает на том, что это обстоятельство никакого значения не имеет. Витте упоминает еще о трех или четырех одесских, казанских, петербургских профессорах, включая даже и профессоров Духовной академии, но *Сольский*, а за ним и другие настаивают на том, что профессоров довольно уже и без того. Не отступая от мысли, что для Совета всего важнее иметь говорунов, Витте называет адвокатов: *Плевако* и *Арсеньева*. Совещание их не отвергает, но сомневается в том, чтобы Государь согласился на назначение Плевако. Имя *Стасюлевича* (редактора «Вестника Европы») принимается одобрительно. Имя *Скальковского* отвергается единогласно и громогласно. Переходя к сенаторам, Витте называет *Лукьянова*.

Я присовокупляю *Евреина*, который принимается. Витте настаивает на назначении *Милютина*, которое отвергается всеми. *Сольский* предлагает *Соломона*, директора лицея, который также отвергается. Говорят о *Кони*, но останавливаются перед тем, что он будет говорить не для Совета, а для газет и их читателей, о *Гучкове*, который желателен. Но едва ли примет.

Таким образом составляется список приблизительно в двадцать человек, после чего начинается разговор об отношениях между Думой и Советом, а главное о том, чего следует ожидать от Думы.

Витте говорит, что Дума будет враждебна правительству и что такая враждебность есть следствие политики министра внутренних дел Дурново. До московских событий, говорит Витте, я пользовался доверием Государя и достигал того, чего желал, хотя иногда с большим трудом. «Так, например, мне стоило большого труда добиться того, чтобы в Москву был послан Семеновский полк, которого требовал Дубасов. После московского успеха Дурново стал принимать жестокие, излишние, часто ничем не оправдывавшиеся меры. Никакие мои протесты, никакие ходатайства ни к чему не служили, Государь всегда держал сторону Дурново. Меня ругали и продолжают ругать революционеры, в то же время ругали и продолжают ругать консерваторы. Со дня собрания Думы я должен выйти в отставку, потому что я не могу защищать перед ней действия Дурново. Не могу еще и потому, что нервы мои совсем расстроены, я не сплю более двух часов, я не могу вскрыть письма без дрожания рук, являсь в Думу, я могу там сойти с ума или выкинуть какую-нибудь глупость. Я должен удалиться куда-нибудь на покой. Если меня спросят, кто должен быть моим преемником, то я рекомендовал бы Акимова, министра юстиции, или Философова, государственного контролера, который выходящий из ряду человек».

На этом совещание кончилось, и мы разошлись после полуночи. В среду, **29 марта**, граф Пален получил от Государя записку с поручением составить проект церемониала открытия Государственной думы. Он немедленно написал, что желал бы выслушать словесные от Государя указания, вследствие чего и был вызван в Царское Село, где нашел еще и Иксуля. Оказалось, что Государь считал возможным открыть Думу без его присутствия, а затем принять членов Думы у себя, вроде того, как он принимает чиновников. Пален заявил Государю, что почти во всех конституционных государствах Государь открывает законодательную сессию, принимая обе палаты у себя во дворце и произнося речь с высоты трона, что поэтому, по мнению Палена, Государь должен принять Государственный совет и Государственную думу в Зимнем дворце. Пален считал необходимым, чтобы приему предшествовал торжественный въезд в городе. Государь на это, по-видимому, согласился.

1 апреля. Суббота. В 9 часов вечера на квартире у Сольского заседание Комитета финансов для обсуждения вопроса о новом займе вследствие полученной из Парижа депеши от Коковцова. Витте повествует

ход переговоров приблизительно так: в феврале месяце им был вызван из Парижа директор банка de Paris et des Pays-Bas¹ по имени Нестле. Во избежание толков он был помещен в царскоесельском дворце великого князя Владимира Александровича и после нескольких свиданий с Витте увез приблизительно установленные условия. Но окончательное соглашение встретило ряд неожиданных препятствий, главным из коих, конечно, было революционное в России движение. После достигнутого Дубасовым московского умирения дело стало двигаться, но внезапная перемена французского министерства и уход Рувье, весьма преданного русскому правительству, затормозили успех. По наущению англичан и русских революционеров французский кабинет стал требовать доказательств, что русский император имеет право заключить заем, не дожидаясь сбора Думы и ее санкции. По счастью, французы приняли за достаточное доказательство выданное на эту тему профессором Мартенсом удостоверение. Вслед за тем стряслась новая беда – алгезирасские переговоры все затягивались, и, к довершению несчастья, глупый посланник наш в Париже Нелидов выкинул невероятную пошлость. Получив от Ламздорфа депешу, указывающую ему образ действий, коему надлежало следовать, Нелидов прежде даже сообщения этой депеши министру иностранных дел показал ее сотруднику французской газеты «Temps», который поспешил огласить содержание ее в своей газете. При этом он сообщил лишь первую часть этой депеши, касавшуюся нашего содействия Франции, и умолчал о второй части, исполненной благожелательных фраз по адресу Германии, не имевших, впрочем, серьезного значения. Император Вильгельм разбесился и запретил подписку на наш заем в Германии, запретил даже немецким банкирам участвовать в происходивших по сему предмету в Лондоне переговорах и этим уменьшил наш заем на пятьсот миллионов франков. Несмотря на все это, удалось занять два с половиной миллиарда франков. Я забыл упомянуть, что наши революционеры послали в Париж депутацию хлопотать об отказе со стороны Франции. Во главе этой депутации стояли князь Павел Долгорукий и граф Нессельроде.

6 апреля. Четверг. Совещание в Маринском дворце об окончательной редакции «Учреждения Государственного совета». Витте заявляет, что необходимо включать в текст, что Государь имеет право спросить совета у Государственного совета в чрезвычайных событиях. Ему отвечают, что отныне Государственный совет делается исключительно законодательной палатой, а не законосовещательным органом. Я один поддерживаю мнение этого несимпатичного и враждебного в отношении

¹ Парижа и Нидерландов (фр.).

меня человека, поддерживаю потому, что, по моему мнению, в случае распухания Думы могут настать такие обстоятельства, кои потребуют чрезвычайных мероприятий, кои в глазах страны будут приняты с большим доверием, если будут поддержаны авторитетом Государственного совета, а не Кабинетом, составленным из ничтожных людей вроде тех, кои составляют его ныне.

Я поддерживаю мысль о необходимости учредить нечто вроде французского Conseil l'Etat для редактирования как законопроектов, так и законов в окончательной форме. Предлагаю на первое время учредить такую коллегия в Государственной канцелярии. Все соглашались со мной в необходимости такого учреждения, но никто не решается его создать. Нерешительность и вялость, свойственные бездарности!

8 апреля. Суббота. Последнее заседание Департамента законов. Продолжается семь часов: с часу до восьми. Выздоровевший Фриш отлично знает докладываемые дела и удивляет меня своей неутомимостью.

10 апреля. Понедельник. Общее собрание Государственного совета. Узнаю кое-какие подробности о бывшем накануне в Царском Селе совещании, на которое я вследствие вражды составлявшего список Витте не был приглашен. Всего более говорили и спорили о первой статье нынешнего первого тома Свода законов, именуемой императора монархом «неограниченным». Накануне заседания Государь принимал Горемыкина, который убеждал его оставить неприкосновенными теперешние законы, доколе не выяснится характер и деятельность Думы, а затем изменить основные законы согласно обстоятельствам. Заседание началось с того, что Государь заявил, что его предки дорожили сохранением титула «неограниченный», что в настоящее время он получает многочисленные адреса различных групп населения, просящих о сохранении неприкосновенным самодержавия, и потому он встречает сомнения относительно уничтожения слова «неограниченный». Горемыкин с безграничным низкопоклонством отстаивал вышеприведенное, накануне заявленное им мнение. Граф Пален настаивал на необходимости категорически разрешить этот вопрос и исключить не имеющее более места слово «неограниченный». Вслед за ним великий князь Николай Николаевич заявил, что Государь в манифесте 17 октября добровольно отказался от неограниченности своих прав и что в настоящее время не может быть сомнения в том, что слово «неограниченный» должно быть уничтожено. Великий князь Владимир Александрович поддержал заявленное Николаем Николаевичем мнение, и Государь после нескольких минут молчаливого размышления с ними согласился.

Нашлись куртизаны, кои утверждали, что Государь имеет право не только издать ныне новые Основные законы, но и изменять их по своему усмотрению. Более честные люди утверждали, что он должен иметь лишь инициативу в возбуждении вопросов об изменении Основных законов, но это самое изменение должно совершаться лишь в установленном законами порядке.

Возвратились члены совещания из Царского Села в Петербург в четвертом часу ночи.

15 апреля. Суббота. Захожу утром к великому князю Владимиру Александровичу. Одновременно со мной входит государственный секретарь барон Икскуль для прочтения журнала заседания, состоявшегося под председательством Владимира Александровича для обсуждения изменений в «Учреждении об императорской Фамилии», называемых новыми законодательными установлениями. Членами заседания были великие князья Константин Константинович, Николай Николаевич, Александр Михайлович и Андрей Владимирович. Всех их заботит необеспеченность их положения вследствие несоблюдения закона 5 апреля 1797 года, установленного императором Павлом. За последние годы были по приказанию императоров Александра III и ныне царствующего Николая II взяты значительные суммы из удельного фонда, так, например: куплено Мургабское имение, принадлежащее царствующему императору, обошедшееся в несколько миллионов; во время японской войны взято два миллиона, кои от имени императрицы Александры Федоровны будто бы пожертвованы на вспомоществование пострадавшим воинам, но в действительности израсходован лишь один миллион, а второй оставлен в распоряжении императрицы, устривающей на эти деньги больницу и что-то вроде школы для кормилиц; на днях управляющий уделами князь Кочубей получил приказание купить за два с половиной миллиона имение, оставшееся после великого князя Сергея Александровича, заплоченное¹ им один миллион, не приносящее никакого дохода и завещанное им великой княгине Елизавете Федоровне.

Великий князь Александр Михайлович настаивал на том, что великие князья менее обеспечены теперь в своих правах, чем остальные подданные.

Министр двора барон Фредерикс, нравственно прекрасный, но весьма невежественный человек, имел неосторожность заявить на этом заседании, что Государь имеет право распоряжаться удельным достоянием по своему усмотрению.

¹ Так в тексте.

Разговаривая обо всем этом с великим князем, я настаивал на необходимости устроить семейный совет из трех старейших членов семейства с присоединением одного или двух заслуженных, обладающих юридическим образованием сановников, чтобы служить посредствующей между императором и императорской Фамилией инстанцией.

Заседание общего собрания Государственного совета. Торопливо разрешаются сорок пять дел ввиду быстро приближающегося открытия Государственной думы.

16 апреля. Воскресенье. Совещание графа Сольского. Оставляются без внимания несколько ходатайств об умножении числа членов Думы без разрешения избирать таковых, предоставлением [?] такового права выбора просящим о том городам и местностям.

17 апреля. Понедельник. Последнее заседание общего собрания Государственного совета в дореформенном составе. Председательствует граф Сольский, присутствуют восемьдесят пять членов. По секрету сообщают друг другу, что Витте уволен от должности премьера¹. Заседание продолжается с 2 до 7 ½ часов; разрешается более сорока дел, причем многие серьезные, как, например, сокращение срока военной службы², проходят без всяких споров, а другие, ничтожные, как, например, дарование прав Московскому лицу цесаревича Николая, возбуждают горячие и продолжительные прения. В конце заседания граф Сольский передает высочайшую благодарность за понесенные Советом труды, на что члены отвечают благодарственной Государю телеграммой. Затем граф Пален обращается к Сольскому, заявляя ему внушенное членам уважение к его заслугам в тридцатилетнее в Совете служение, коего Пален был свидетелем в течение тридцати восьми лет. Постановляют послать телеграмму старейшему из членов Совета графу Милютину, состоящему в это должности сорок пять лет.

¹26 апреля Богданович записала в дневнике: «Поражены все, что царь отпустил Витте и дал ему такой теплый рескрипт. По словам А. И. Петрова, царь за пять дней до отставки Витте говорил, что видеть его не может, не хочет, чтобы он оставался премьером» (Богданович. С. 386). Витте писал в воспоминаниях, что императорская чета отнеслась к нему «в высокой степени милостиво». Николай II «при крайне милостивом рескрипте» пожаловал Витте орден Александра Невского с бриллиантами, «причем в рескрипте были отмечены» «особые заслуги» Витте «по прекращению революционной смуты» (Витте. Т. I. Кн. 2. С. 728).

²26 апреля 1906 г. был принят закон о сокращении сроков службы в сухопутных войсках и во флоте. В мирное время в сухопутных войсках, в пехоте и пешей артиллерии срок действительной службы составил три года. В других родах войск срок действительной службы был четыре года. Во флоте срок действительной службы составлял пять лет.

По предложению принца Александра Петровича Ольденбургского во время заседания снимают с нас фотографию на память потомству.

18 апреля. Вторник. Отставка Витте от премьерства дело решенное. Он написал Государю письмо, выставляя невозможность для него отстаивать действия Дурново, отличавшиеся излишней и часто бесполезной жестокостью. Государь отвечал письмом, выразившим согласие на испрашиваемое увольнение.

20 апреля. Четверг. В Совещании графа Сольского (sic), обсуждая мероприятия относительно Финляндии, предложенные совещанием под председательством (sic). Я настаиваю на несвоевременности [этих мер], кои должны возбудить с одной стороны Финляндию, а с другой – долженствующую собраться через несколько дней Государственную думу. Напоминаю, что Финляндия¹ досталась нам как последствие Тильзитского мира² и Эрфуртского свидания³ в совокупности

¹ Великое княжество Финляндское вошло в состав Российской империи в результате Фридрихсгамского мирного договора, завершившего русско-шведскую войну 1808–1809 гг.

² Тильзитский мир – договоры между Францией и Россией и Францией и Пруссией, подписанные в Тильзите 25 июня и 9 июля 1807 г. после победы наполеоновских войск в русско-пруско-французской войне 1806–1807 гг. (Четвертая коалиция). По франко-русскому мирному договору Пруссия теряла следующие территории: земли по левому берегу Эльбы отходили ко вновь создаваемому Вестфальскому королевству, округ Котбус – к Саксонии, Данциг (Гданьск) становился вольным городом, округ Белостока передавался России; земли, присоединенные ранее к Пруссии по разделам Польши, составляли Варшавское герцогство. Александр I признавал изменения, произведенные Наполеоном I в Европе, обязывался заключить перемирие с Турцией и вывести русские войска из Молдавии и Валахии и др. В подписанном одновременно секретном трактате участники договора обязывались совместно вести войну против любой державы. В случае отказа Великобритании от русского посредничества, непризнания Великобританией свободы морей и невозвращения ею Франции колоний, захваченных после 1805 г., Россия обязывалась разорвать с Великобританией дипломатические отношения и фактически примкнуть к континентальной блокаде. По франко-прускому мирному договору Пруссия наряду с территориальными уступками обязывалась сократить армию, выплатить контрибуцию и вступить в систему континентальной блокады. Тильзитский мир не мог разрешить противоречий между Францией и Россией, которые привели к войне 1812 г. С ее началом мир потерял силу.

³ Эрфуртский конгресс (Эрфуртский съезд) – переговоры между Наполеоном и Александром I, проходившие в период с 27 сентября по 14 октября 1808 г. в Эрфурте. Их результатом стало подписание союзного договора между императорами, который, однако, впоследствии не соблюдался.

с Венским конгрессом, возведших Россию на высшую ступень могущества; что настоящее наше положение совсем иное и прибавлять осложнения к великому числу ныне существующих было бы весьма неосторожно.

Решают ограничиться учреждением в Петербурге комитета, составленного из финляндцев, избранных финляндским Сенатом, и русских, назначенных Государем, для того чтобы высказывать перед ним свое мнение о представляемых на государево утверждение касающихся Финляндии, могущих затрагивать русские интересы мероприятиях.

Посылаю Государю пришедший мне в голову проект речи, которую ему придется произнести при созыве Государственной думы и Государственного совета. Проект этот таков:

«Изволением Божественного Промысла принял я наследие предков моих, под скипетром коих создавалась великая, могущественная Россия. Постоянно прилагая усилия свои к неуклонному успешному и в будущем ходу государственной и народной жизни Отечества, я убедился, что участие в законодательной деятельности избранных населением тружеников, близкое их знакомство с нуждами народными благотворно повлияют на совершенство законов, эту основу благополучия для всякой страны.

Ныне в собравшихся передо мной членах Государственного совета и Государственной думы я приветствую начало осуществления моего пожелания. Я вижу залог успешного ведения столь многочисленных миллионов людей по пути нравственного усовершенствования, связанного с улучшением материального их быта.

Молю Бога о ниспослании вам неослабевающих для вершения трудов ваших сил, да настанет время, когда Родина воздаст должную хвалу за усовершенствования в существовании ее, содействием Вашим произведенные.

Да будет России навсегда памятен сегодняшний день».

Проект этот я послал при записке, просившей о безусловном сокрытии моего имени.

22 апреля. Суббота. В Государственном совете чтение журналов последнего заседания; последнее собрание в прелестной ротонде Маринского дворца. Обедают у нас: великий князь Владимир Александрович, супруги Шиповы, супруги Шаховские, Сабуров, государственный секретарь Иксуль, граф Толь, дочь Бобринская. Разумеется, только и разговоров, что про предстоящее открытие Думы.

24 апреля. Воскресенье. Получается известие о покушении на Дубасова. Известию этому аплодировали в собрании партии Народной свободы¹ – люди, требующие от правительства уничтожения смертной казни.

25 апреля. Вторник. В залах Мариинского дворца раут. Приглашены теперешние члены Государственного совета и вновь избранные, согласно новому закону. Большинство последних, против неосновательных ожиданий правительства, оказываются не революционерами, а весьма благомыслящими людьми. Я подхожу ко всякому из них, коего не знаю, называю себя и начинаю разговариваться. Вся толпа съехавшихся весьма оживлена. Председатель Сольский, не могущий двигаться без больших усилий, не встает с кресла. В конце двенадцатого часа все разъезжаются.

Новый кабинет окончательно составлен: председатель – Горемыкин², человек неглупый, честный, без особых выдающихся достоинств, несколько поверхностный, не особенно усидчивый в работе, почитающийся специалистом крестьянского дела, потому что долго служил в крестьянских учреждениях Царства Польского, а затем обер-прокурором сенатского департамента, ведающего крестьянские дела³. Потерял пост министра внутренних дел по проискам Витте и отмщающий ему сегодня тем, что занимает его место премьер-министра. Министром иностранных дел назначен Извольский, замечательный по уму и способностям, на место постыдного, бездарнейшего Ламздорфа, виновника наших политических бедствий. Министром финансов *Коквцов*, ярый чиновник с ограниченными способностями, но искусно достигающий личных своих целей при помощи неумолкаемой болтовни, испещренной громкими, закругленными фразами. В бытность его в прошлом году в Москве на съезде заводчиков он получил от них прозвище Граммофон, а в бытность в Париже для заключения займа, когда он вышел от Рувье, с коим имел деловое

¹ Речь идет о конституционно-демократической партии (партия кадетов, Партия Народной свободы) – одной из основных политических партий в России в 1905–1917 гг. Ключевыми пунктами ее программы были требования введения конституции с ответственным перед народными представителями министерством, принудительного выкупа в пользу крестьян части частновладельческих земель и др. Среди лидеров – П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, В. Д. Набоков и др.

² Витте писал, что назначение Горемыкина состоялось «по рекомендации все-сильного в то время дворцового коменданта, а в сущности говоря, полудиктатора – генерала Трепова» (Витте. Т. I. Кн. 2. С. 729).

³ Так в тексте.

совещание, то последний сказал вновь входившему посетителю: «Voilà un homme, comme vous n'en avons pas en France. Il a parlé sans arrêter pendant une heure sans rien dire du tout»¹. Министром Юстиции Щегловитов, очень даровитый, сравнительно молодой профессор, бывший обер-прокурор Сената, а теперь товарищ министра. Министром народного Просвещения – *Кауфман*, хорошо мне известный, так как я взял его на службу вскоре после окончания им лицейского курса. Он сопровождал меня во время сенаторской ревизии², а затем был взят мной в Государственную канцелярию, откуда по моей рекомендации перешел в товарищи графа Протасова, главноуправляющего учреждениями императрицы Марии. Кауфман нравственно прекрасный, бесспорно даровитый человек, доказавший свою энергичность, трудясь в качестве одного из главных деятелей Красного Креста в последнюю войну³.

Министром путей сообщения назначен *Шауфус* – бездарный чиновник, на место выдающегося своими взглядами, опытностью и распоряжениями *Немешаева*, удаление коего принесет чувствительные потери. Министром внутренних дел назначен саратовский губернатор Столыпин, коего все хвалят, но о коем ничего сказать не имею. Он заменяет Дурново, который своей энергией принес, несомненно, большую пользу делу подавления революции. Он не собирался уходить, но новый кабинет не пожелал нести за действия его ответственность перед новой Думой. Дурново уволен с любезным рескриптом, званием статс-секретаря и, как говорят, подарком [в] двести тысяч рублей⁴.

¹ «Такого человека, как Вы, во Франции нет. Он говорил без остановки в течение часа и так ничего толком и не сказал (*фр.*)».

² В 1880–1881 гг. Половцов осуществил ревизию Киевской и Черниговской губерний.

³ Витте характеризовал большинство членов Кабинета Горемыкина противоположным образом. Коковцов, по его мнению, «несомненно являлся одним из наиболее подходящих кандидатов на пост министра финансов». Щегловитов – «самое ужасное назначение из всех назначений министров после моего (Витте. – *О. Г.*) ухода». Кауфман – «никогда не имел решительно никакого касательства» к Министерству народного просвещения. «Будучи сам лицеистом, Кауфман об университетской жизни понятия не имел; от всякой науки был довольно далек <...> человек неглупый и весьма порядочный, что уже доказывает тем, что ни он не мог ужиться со Столыпиным, ни Столыпин не мог переварить его направления, чуждого полицейского сыска и полицейского возмездия» (Витте. Т. I. Кн. 2. С. 729, 733).

⁴ 21 апреля Богданович записала в дневнике: «Дурново сделан статс-секретарем. Под счастливой звездой родился Дурново! После всех произведенных им репрессий, арестов ушел он целым и невредимым из Министерства внутренних дел» (Богданович. С. 385).

27 апреля. Четверг. К часу приезжаю в Зимний дворец, с подъезда бывшего Государственного совета, и прохожу Эрмитажный павильон, где собираются члены реформированного Государственного совета. Отсюда нас вскоре проводят через Романовскую портретную галерею в Георгиевский тронный зал. По правую сторону от трона становится Государственный совет, а по левую – члены Думы. Большое число из них одеты в черные сюртуки, рабочие и крестьяне в высоких сапогах и нередко в серых армяках, значительное меньшинство во фраках и белых галстуках. Возле думцев, ближе к трону, становятся сенаторы, облеченные в красные мундиры. Возле Государственного совета почетные опекуны, статс-секретари, государева свита, а за ней в самой глубине зала, на устроенном для сего возвышении помещается дипломатический корпус.

В 1 $\frac{3}{4}$ входит император, предшествуемый первыми чинами двора, а за ним обе императрицы и многочисленные великие князья. Что касается великих княгинь, то они проходят внутренними комнатами и через дверь, по правую сторону трона находящуюся, входят на возвышение, для них устроенное, где к ним присоединяются обе императрицы после того, как оканчивается отслуженный в середине комнаты молебен, и Государь медленным шагом поднимается к трону и садится на него. На одной из ручек трона наброшена мантия, по одну сторону стоит генерал Рооп, держащий государственный меч, по другую – граф Игнатъев, держащий государственное знамя; на четырех табуретах разложены: корона, скипетр, держава и государственная печать. Все эти государственные регалии хранятся в Москве, в Оружейной палате, откуда и привезены для настоящего торжества. По водворении тишины Государь читает поданную ему министром императорского двора речь, читает очень внятно¹. Речь эту, по словам Горемыкина, Государь написал сам, заимствовав многое из нескольких представленных ему проектов. Тотчас после чтения раздаются звуки военного оркестра, играющего народный гимн «Боже, царя храни», а благомыслящая часть присутствующих начинает кричать «ура», препятствуя тем господам Петрункевичу, Родичеву и т. п. исполнить приписываемое им намерение отвечать Государю на его речь. Процессия медленным шагом возвращается во внутренние покои, и вся церемония совершается и оканчивается с чрезвычайным

¹ См.: Речь императора Николая II на открытии Государственной думы // Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 74–75. Н. С. Таганцев писал, что речь «произвела на всех тягостное впечатление» (*Таганцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг.* Пг., 1919. С. 35–36).

достоинством и успехом¹. Успеху этому, впрочем, содействовала превосходная жаркая солнечная погода и множество войск, расположенных на площадях и окружающих дворец улицах.

Государь вслед за тем возвратился на пароходе в Петергоф. А членов Думы на четырех пароходах отвезли в Таврический дворец.

28 апреля. Пятница. В 2 часа первое заседание нового Государственного совета в здании, принадлежащем петербургскому дворянству, на углу Михайловской улицы и Михайловской площади. Залы Маринского дворца оказываются не довольно просторными и потому в ожидании постройки нового зала для помещения верхней палаты она будет собираться на Михайловской площади. По требованию председателя Сольского правительственные члены являются в мундирах, а выборные, мундиров не имеющие, во фраках и белых галстуках. Церемония начинается с молебна, отслуживаемого митрополитом, который вслед за тем усаживается среди членов Совета. Затем Сольский прочитывает слабейшим голосом речь, событию приличествующую, но которой никто не слышит. Вслед за сим начинается подписывание членами присяги. Подписывание это длится чрезвычайно [долго]; между тем Сольскому приходят сообщить, что князь Кугушев собирается заявить о необходимости включить в предполагаемый ответный на государеву речь адрес требование о даровании амнистии всем политическим преступникам. Перепуганный таким неожиданным сообщением Сольский немедленно объявляет заседание закрытым и приглашает Палена, Рихтера, П. П. Дурново, (?)², князя Трубецкого (московского предводителя

¹ 27 апреля император Николай II записал в дневнике: «Знаменательный день приема Государственного совета и Государственной думы и начала официального существования последней. <...> В час и $\frac{1}{4}$ начался выход в Георгиевскую залу. После молебна я (сказал) прочел приветственное слово. Государственный совет стоял справа, а Дума слева от престола. Вернулись тем же порядком в Малахитовую. <...> Приехали домой в 4 $\frac{1}{2}$. Занимался долго, но с облегченным сердцем, после благополучного окончания бывшего торжества». Дневник Николая II. С. 258–259. Богданович писала в тот же день: «Сегодня открытие Думы, творится великий исторический переворот в земле Русской; царь как будто хочет уверить и себя, и всех, что остается самодержавным, а на самом деле – нет. Дума только что успела открыться, только что вошла в зал заседаний, еще не выбрала председателя, как уже явилась протестующая, требовательная речь Петрункевича об амнистии всех политических. Сегодня нам многие говорили, что царь, когда шел в зал, был очень удручен, расстроен. Молодая царица – тоже, лицо у нее было все в красных пятнах. Царица-мать лучше собою владела. Но когда царь вошел на трон, когда читал речь, тогда он овладел собой и своим голосом и читал громко, внятно» (Богданович. С. 386).

² Так в тексте.

дворянства), Шипова, Корфа, меня для обсуждения того, что следует делать. Прения самые бестолковые, самые путаные. Решают собрать Совет в полном составе для разрешения вопроса об адресе. Вечером еду по приглашению Трубецкого на председательствуемое собрание членов Государственного совета (по преимуществу выборных).

Заседание происходит в одной из комнат, смежных с большой залой дворянского собрания. Толкуют о том, что должно быть сказано в ответном на государеву речь адресе. Всего более говорится об амнистии, которую требуют некоторые члены и во главе их князь Кугушев. Большинство за амнистию, но не распространяя ее на уголовные преступления. Трубецкой председательствует очень дурно или, правильнее говоря, совсем не председательствует; всякий говорит, что ему вздумается, и ни к каким заключениям не приходит.

29 апреля. Суббота. В Мариинском дворце Пален и я собираем около тридцати членов Совета, преимущественно из выборных, для обсуждения вопроса об адресе¹. Председательствую я. Отставной министр внутренних дел Дурново в обстоятельной и длинной речи рассказывает, какое влияние на революцию имела амнистия, и настаивает на том, что новая амнистия должна иметь те же последствия. Большинство присутствующих поддерживают его мнение, и только четверо связанных своими заявлениями в заседании, происходившем накануне, сохраняют за собой право окончательно высказать свое мнение.

30 апреля. Воскресенье. В 2 часа в Мариинском дворце частное заседание всех членов Совета. Председателем выбирают опять Трубецкого, и вследствие того прения расползаются безрезультатно во все стороны. Витте, под предлогом обсуждения вопроса об амнистии, представляет оправдание своей политики, никого ни в чем не убеждая. П. П. Дурново с свойственной ему тусклостью речи вступает в прения. Князь Косаткин бросает ему упрек в том, что он, будучи московским генерал-губернатором, вступил в переговоры с толпой крамольников, несших красные флаги. Шипов возобновляет свое предложение о ходатайствовании перед Государем об изменении только что изданных им Основных законов, а также о том, чтобы министры избирались из среды господствующего в Государственной думе большинства. Профессор Багалея бездарно

¹21 апреля Богданович записала в дневнике: «Говорили сегодня насчет амнистии. Оказывается, семьдесят тысяч человек арестованных. Говорят, что Столыпин в пользу амнистии. По-видимому, Столыпин – и нашим и вашим; утром он – либерал, вечером – наоборот» (Богданович. С. 385).

и бестолково выставляет ряд требований, кои, по его мнению, Совет должен заявить Государю в ответ на его речь. Все это длится до 6 часов; результатов не достигается никаких, и продолжение заседания отлагается на следующий день.

1 мая. Частное заседание всех членов Государственного совета в Маринском дворце. Все тот же вопрос об амнистии и все то же вялое председательствование Трубецкого. Блестящая, полная не только таланта, но глубокого, горячего патриотического чувства речь Ф. Д. Самарина, отвергающего мысль об амнистии. Речь прерывается и заканчивается аплодисментами и одобрительными возгласами слушателей. После прерыва Витте, внезапно переменяв фронт, заявляет, что он не понимает цели собрания и что если бы он знал, что заседание будет безрезультатно, то есть что не произойдет голосования, то не приехал бы на это заседание (он забывает о том, что говорил и делал накануне). Я возражаю, что заседание полезно как средство для сближения между выборными и коронными, что голосование не может иметь места без вреда для предстоящего публичного собрания. Председатель ставит вопрос о том, голосовать или не голосовать. Большинство отвечает отрицательно. Ораторы левой стороны отказываются говорить. Заседание закрывается. Витте не достигает цели.

Годичный обед в Новом клубе, где чувствуешь себя все более и более не на месте. Старые приятели перемерли и заменены военной молодежью.

2 мая. Вечернее собрание у Гончарова. Собираются противники «амнистии». Пален, два брата Игнатьевых, Шамшин, Косаткин, Ромер, Ёкшапар, Струков, Нарышкин, Пантелеев, несколько выборных членов, фамилии коих мне неизвестны. Заседание длится до второго часа ночи.

3 мая. Скучнейшее, безжизненное заседание Совета под председательством Фриша, растерянного внезапно, нечиновничьей атмосферой, в которой он внезапно очутился. Сольский сидит в стороне, как будто он приехал на театральное представление. Цель заседания — избрание членов в три комиссии: 1) для написания адреса, 2) для написания наказа, 3) для проверки правильности выборов. Избрание предлагается листами, а подсчет избранных до того глупо сложный, что, продержав нас в ожиданиях более двух часов, Фриш объявляет, что он убеждается, что это продлится до ночи, а потому распускает собрание до 9 часов вечера.

Расходящиеся члены смеются над председателем, которому оказались необходимыми столь продолжительные мозговые усилия, чтобы убедиться в таком простом факте.

Вечерние газеты помещают сообщение, что заседание было скучно до того, что бронзовая статуя императрицы Екатерины II начала зевать. В десятом часу съезжаются вновь и проводят время в избрании членов в три комиссии: а) для написания адреса Государю, б) для проверки выборов, в) для составления наказа.

4 мая. Четверг. В час собирается заседание членов консерваторов для одобрения адреса, написанного и исправленного Самариным, с опущением требования амнистии, лежащего в основе адреса, составленного большинством членов комиссии согласно требованиям большинства членов Совета. Вечером в 8 ½ часа заседание Совета, продолжающееся до 2 ½ часов ночи, в зале Дворянского собрания.

5 мая. Пятница. Голосование. Большинство голосов отвергают адрес, составленный Самариным и поддерживаемый сорока семью членами. Когда переходят к рассмотрению адреса большинства по параграфам, то Самарин предлагает поправку, заключающуюся в том, чтобы амнистию, составляющую спорный пункт, распространить не только на либералов, перешедших законные пределы, но и на монархистов, увлекшихся защитой своих убеждений до нарушения законного порядка.

Шипов отвергает такое предложение как несогласное со смыслом предлагаемого его единомышленниками адреса. Манухин, бывший министр юстиции, утверждает, что такого представления не существует. Бывший тульский губернатор Арсеньев рассказывает, как он был свидетелем того, что толпа с красными флагами, распевая революционные песни, встретила толпу, несшую портрет Государя и распевавшую «Спаси, Господи, люди Твоя»; как между обеими группами произошла схватка, окончившаяся избиением революционеров и судебным преследованием для монархистов, коим едва ли можно отказать в распространении амнистии. Предложенную Самариным поправку предлагают баллотировать и по требованию либералов в форме переключки всех присутствующих. Этим путем они полагали запугать баллотирующих, но, к удивлению, на их стороне оказывается сорок восемь голосов, на нашей – восемьдесят восемь.

6 мая. Рождение императора. В 9 часов утра отправляюсь по экстремному поезду в Петергоф. Из членов Государственного совета приглашены

лишь статс-секретари, числящиеся как бы равными в чине с генерал-адъютантами. По приезде в Старый дворец вижу человека во фраке и галстуге, одиночно блуждающего по гостиным. Оказывается, что это — Муромцев, председатель Государственной думы. При входе в церковь он проходит на первый план лиц, стоящих за императорской Фамилией, и не отступает [ни] на шаг от Фриша, в Государственном совете председательствующего. После обедни приносятся поздравления, то есть поклон и пожатие руки императора, поклон и рукоцелование императрицы. Порядок шествия таков: придворные дамы, статс-секретари и министры, председатель Государственной думы, первые чины двора, государева свита, прочее офицерство. Завтракают в Большом Петровском зале за круглыми столами с букетами цветов посреди каждого стола. Сiju возле графини Бенкендроф: умна, злоречива, словоохотлива, смеется до упаду. Витте, с которым я больше двух месяцев не разговариваю, подходит ко мне, выражая желание приехать ко мне. Я ему отвечаю, что опасаюсь, что его убьют, но он отвечает, что не боится более этого и настаивает на необходимости меня видеть. Опять какая-нибудь проделка. Знакомлюсь с Зарубаевым и Даниловым — маньчжурскими героями. Возвращаюсь опять с Паленом. Его позвали после завтрака в Малую гостиную, куда императорские величества, к сожалению, удалились, вместо того чтобы разговаривать со своими гостями, и здесь император выразил ему благодарность за то, что Пален настоял на необходимости открыть сессию новых законодательных палат торжественным приемом и тронным приветствием. Благодарность эта знаменательна тем, что со времени ходынского несчастья, в течение одиннадцати лет, Пален был в немилости за то, что, проведя следствие, указал на виновных, заслуживших наказания. С нами в вагоне граф Шереметев, который сокрушается о всем происходящем и отказывается ездить в Государственный совет. Вслед за приездом домой приезжает к нам Зарубаев. Се — человек. Ум, энергия, сдержанность, прямота, не говоря о мужестве, прозорливости и многих качествах, отличающих полководца.

7 мая. Узнаю, что прошлой осенью возбуждение в гвардейских полках против революционеров сделалось до того сильным, что полковые командиры, собравшись у петербургского градоначальника, предварили его об угрожающей опасности военной контрреволюции. Градоначальник уведомил об этом главнокомандующего Петербургским военным округом великого князя Николая Николаевича, который собрал полковых командиров и убеждал их не допускать восстания, обещая, что он первый

станет во главу движения, когда увидит в том необходимость. Вслед за тем Николай Николаевич поехал к Витте – объяснить ему опасность положения. Немедленно вслед за тем начались аресты и энергические меры, прекратившие раздражавшую революцию.

8 мая. Понедельник. Продолжительное скучное заседание в Маринском дворце под председательством Голубева. Комиссия, избранная для начертания наказа, по чиновничьему обычаю переворачивает каждую запятую, тогда как для столь нового учреждения невозможно все предвидеть, а следует начертить главные линии, предоставив жизни их заполнить, тем более что наказ – не закон, а может быть изменен ежечасно самим Советом.

9 мая. Один из бесчисленных праздников, обедняющих русскую землю. По приглашению Юсуповых обедал с ними и великим князем Владимиром Александровичем и Марией Павловной в помещении Нового клуба. Пиршество протекает нескладно.

10 мая. Среда. Второе заседание комиссии о наказе. Горячие споры о комиссиях. Чиновники никак не могут понять необходимость учреждения комиссии о торговле и промышленности. Тимирязев тщетно силится доказать эту необходимость.

В «Правительственном вестнике» напечатан указ об увольнении Сольского от обязанности председателя Государственного совета. Он, наконец, понял, что эта должность ему не по силам. Витте всеми силами добивается попасть в председатели или хотя бы в вице-председатели. Всеобщая к нему ненависть и особенно вражда Горемыкина, вероятно, помешают этому новому для России бедствию.

11 мая. Четверг. Навещаю Сольского, который, по-видимому, доволен, но друзья дома утверждают, что графиня горюет о том, что лишается надежды быть статс-дамой.

Визит Извольскому, которого застаю за ежедневным изготовлением посылаемой Государю пачки полученных за сутки донесений иностранных агентов. Депеши эти возвращаются в тот же день в 9 часов вечера. Посылка эта сопровождается запиской, до известной степени предотвращающей непредвиденные и подчас опасные резолюции.

Обедают граф Бенкендорф со своей графиней, М. М. Голицын, Сабуров, Платон Оболенский. Петергоф и Государственная дума с многочисленными характерными анекдотами сосредотачивают на себе разговор.

12 мая. Пятница. Заседание комиссии о начертании советского наказа. Горячие прения из-за пустяков. Надо торопиться, чтобы Совет мог заседать, а между тем конца и края нельзя предвидеть. Вечером заседание у Гончарова. Решительно отказываюсь от председательства. Игнатьев выступает с требованием, чтобы адрес, редактированный Самариним и изложенный в форме особого мнения, был подписан всеми голосовавшими (хотя и тайной подачей голосов), а затем представлен председателю Государственного совета для включения в протокол и представления Государю. Я заявляю, что нахожу это несогласным с «Учреждением Государственного совета», допускающим представления лишь мнения большинства, а не меньшинства. Меня поддерживают Пален, Шамшин и сам председательствующий Гончаров, так что предложение Игнатьева, желавшего главным образом довести до сведения Государя о своих верноподданнических чувствах [отклоняется]. Рассуждают о письме Трубецкого к Фришу с выражением желания, чтобы допущены были частные заседания всего Государственного совета для выработки программы занятий и изучения вопросов, кои надлежит поставить на очередь. Решают письмо Трубецкого игнорировать, а для установления хода занятий избрать бюро, долженствующее на будущее время следить за тем, что готовить в Думе, и сообразно с этим направлять занятия членов группы.

13 мая. Суббота. В Государственной думе первый министр Горемыкин произносит речь, которая, содержа программу кабинета, должна служить ответом на дерзкий адрес, представленный Государю императору Думой¹. Речь Горемыкина безупречна. Возражения, представленные жожаками Думы, возмутительны по своей грубости².

¹ В адресе, принятом членами Думы 5 мая 1906 г., были выдвинуты требования импийности политических заключенных, реального осуществления политических свобод, всеобщего равенства, ликвидации казенных, удельных и монастырских земель. И. Л. Горемыкин отверг все требования Государственной думы. Та, в свою очередь, провела резолюцию о недоверии правительству, потребовав его отставки.

8 мая Богданович записала в дневнике: «Царь отклонил прием депутации от Думы с адресом, с Муромцевым во главе; сказано Думе, чтобы прислала этот адрес, скорее — ответ, через Министерство двора. Есть люди, которые толкуют, что якобы многие члены Думы опасаются, что вместо дворца за этот ответ попадут в крепость» (Богданович. С. 388).

² Богданович записала 13 мая: «Переживаем критическую минуту — сегодня, в три часа, первая встреча двух враждебных сторон — думы и кабинета. Как Кабинет справится со своей задачей, сумеет ли он осадить думу? Клейгельс сказал уверенно про Горемыкина, что ответ его Кабинета будет твердый. По сведениям, ответ этот писали Крыжановский, Стремоухов и Гурко». На следующий день

14 мая. В воскресенье ожидают беспорядков и держат наготове военные силы, но предосторожности оказываются излишними. Отдаю визит митрополиту в Александро-Невской лавре.

15 мая. Понедельник. Заседание комиссии. Продолжительные прения о пустяках. Председатель Голубев – прекрасный человек, но постоянно вмешивается в споры, вместо чем руководить ими. Заходит новый государственный контролер Шванебах, который со времени своего назначения гораздо более мрачно смотрит на события.

16 мая. Вторник. В Мариинском дворце по просьбе государственного секретаря Иксуля председательствую в совещании архитекторов, рассуждающих о том, как поместить Государственный совет. Принимают мою мысль о постройке отдельного здания во дворе. Поручают архитектору сделать согласно с этим заказ.

17 мая. Среда. Опять заседание комиссии о наказе. Дело продвигается очень медленно. Много говорят члены, а еще более председатель. В заседание не является Куломзин, уведомивший, что его здоровье требует деревенского отдохновения. В действительности он получил приказание уехать за слишком горячее поддержание требования политической амнистии, включенное в адрес Государю, Советом поставленный.

18 мая. Четверг. Получаю известие о стачке рабочих на Сосьвинском горном заводе.

она отметила: «Зашедший вчера из заседания думы Замятнин рассказал, что Горемыкин читал негромко ответ Совета министров. <...> Первым из министерской логи уехал барон Фредерикс, затем Извольский, через час после них ушел Кокковцов, совсем раскрасневшийся от злости. Остальные министры остались до 7 часов. Муромцев никого не останавливал. Столыпин, уходя в 7 часов из думы, сказал, что могло быть еще хуже, что могли шикать, чего не было. Горемыка то же самое высказал». Мнения относительно происшедшего высказывались самые разнообразные, та же Богданович отметила 15 мая, что Клейгельс был «доволен твердой речью Горемыкина». Далее она продолжила: «По мнению Клейгельса, если дума будет продолжать идти по теперешнему пути, то придется ее распустить, так как она выходит из предела своих полномочий». Также она привела высказывание А. П. Никольского на этот счет: если бы министром внутренних дел был не Столыпин, то «следовало бы непременно распустить думу и одновременно начать новые выборы, но чтобы министр внутренних дел руководил этими выборами, иначе новые выборы дадут еще более отрицательные результаты». По мнению И. К. Максимовича, с роспуском думы должен был разгореться «всюду пожар», необходимым он считал «прийти с ней в соглашение» (Богданович. С. 390).

19 мая. Пятница. В Государственной думе Стишинский и Гурко говорят речи против принятого Думой проекта о наделении крестьян землей с нарушением права собственности. Речь Гурко чрезвычайно замечательна по талантливости оратора.

В заседании нашей комиссии обсуждаются права председателя в отношении злоупотребляющих словом ораторов. Я отстаиваю авторитет председателя и достигаю некоторого результата. Ходит слух, что зловредный Сольский уговорил Государя назначить председателем Совета Коковцова. Если слух этот подтвердится, то не миновать большому скандалу.

25 мая. Четверг. Вчера окончилось обсуждение проекта наказа Государственному совету. Председателем Совета назначен Фриш, о канцелярских достоинствах которого я неоднократно здесь упоминал. Вице-председателем назначен Голубев, имеющий огромные достоинства: трудолюбие, добросовестность, юридические познания, терпение. Как председатель он слишком говорлив, что отчасти объясняется его вне председательствования молчаливостью и одиночеством, последствиями физической его неполноты, отзывающейся Азией. О широте воззрения, об избытке чувства, о художественности слова, охватывающего душу, объятую внезапным впечатлением, не будет и следа.

26 мая. Пятница. Заседание Совета для выслушания заключения комиссии о правильности выборов в члены Совета. Утверждаются все. Прения лишь по вопросу о выборах профессоров, в коих участвовали профессора – иностранные подданные. Председателем первого департамента Совета на место Голубева назначен Андрей Сабуров, почтеннейший во всех отношениях, благороднейший человек.

27 мая. Суббота. Стишинский приезжает ко мне за сведениями о честности товарища министра Никитина. Эти сведения он мог бы получить от весьма многих.

28 мая. Воскресенье. У Извольского. Жалуются на недостаток людей. (О Ламздорфе, его креатурах и созданных им порядках говорить стыдно. Правительства не существует. Кабинет Горемыкина – сходбище ничтожных людей, которые ожидают событий, но не в состоянии ни их предвидеть, ни их направлять. Кабинет решил единогласно предать суду четырнадцать членов Думы, подписавших призывающее к беспорядку

воззвание¹. Меморию, о сем написанную, послали к подписи Государю, который, по счастью, ее задержал. Между тем назначили председателем первого департамента Сабурова, который доказал, что для предания суду нет законного основания. Тогда кабинет отказался от своего постановления.

30 мая. Вторник. В 2 часа заседание Комитета финансов на квартире у графа Сольского, в небольшом доме на Гагаринской улице, рядом с мраморным домом, построенным графом Кушелевым-Безбородко, а ныне принадлежащим княгине Юрьевской. Предмет обсуждения: поддержание банка, устроенного русским правительством в Тегеране, для поддержания нашего влияния и, в особенности, нашей торговли с Персией. Коковцов со свойственным ему павлиньим чванством высказывает много общих мест и закругленных фраз, довольно бессодержательных. Извольский обращает внимание на то, что мы стараемся установить союз с Англией и что наша политика в Персии должна с этим соотносываться. Сабуров справедливо замечает, что в таком случае мы должны отказаться от претензии запрещать Персии строить иные железные дороги, кроме тех, кои будут служить ввозу наших товаров. Шванебах поддерживает справедливость такого взгляда. В заключение соглашаются с тем, чтобы продолжать прежнюю политику сообразно теперешним средствам, но никак не рассчитывая на то, что попытка эта может быть продолжительна. Заключение довольно наивно и недалекновидно. Вечером в Мариинском дворце совещание с архитекторами. Настаиваю на том, чтобы строить дворец для верхней палаты с отдельным павильоном в саду.

31 мая. Мне стукнуло 74 года. С двух до 5 ½ заседание совета в Рисовальном училище. Результаты превосходят ожидания во всех отношениях.

И Ю Н Ъ

4 июня. Воскресенье. В 2 часа у Горемыкина (премьера) в бывшем Кочубеевском дворце, а в последние годы жилище двух убиенных [?] министров внутренних дел (Сипягина и Плеве). Горемыкин очень обескуражен, прокликает Витте, который манифестом 17 октября и законом

¹ 26 мая Богданович записала: «Madame Максимович сказала, что ее муж не согласился привлечь к суду группу девятнадцати членов Думы, которые напечатали в газетах революционное воззвание к рабочим. Максимович говорит, что привлечь к суду этих лиц должен Сенат» (Богданович. С. 392).

2 декабря собрал не палату депутатов, а грязные подонки населения, сплотившиеся в разбойничью шайку. Теперь не остается ничего иного, как распустить Думу, затем созвать ее вновь, повлияв всеми возможными средствами на выборы, а если это не поможет, то вновь распустить Думу и издать новый избирательный закон¹. Горемыкин решил приняться за энергичные меры начиная с прессы.

Все это легко сказать.

Оправданием такому образу действий может служить сделанное мне на днях Зарубаевым заявление, что он может отвечать за армию еще три месяца, но не более.

7 июня. Во время бытности барона Модеста Корфа государственным секретарем в Государственном совете рассматривалось перешедшее из Сената за разногласием дело о майорате. Одной из споривших сторон был родственник Корфа, против коего, и не без основания, высказывалось большинство и сенаторов, и членов Совета. Из числа последних лишь двое заявили мнение в пользу Корфа. Мнения Совета были изложены государственным секретарем Корфом так, что император Николай согласился с двумя членами против всех остальных. Князь Васильчиков, бывший в то время председателем Совета, при первой возможности отделился от барона Корфа, назначив его членом Государственного совета и заменив его Бахтиным. Граф К. И. Пален, рассказывавший мне это, слышал все, здесь записанное, от своего дяди графа Петра Петровича Палена, состоявшего в большой дружбе с Васильчиковым.

8 июня. Четверг. Еду в Государственную думу. Слушаю речи министра внутренних дел Столыпина и министра юстиции Щегловитова. Отвечают им крайне дерзко члены Думы князь Урусов, Винавер, Набоков. Выношу тяжелое впечатление. Дума ничего более, как сборище жадных искателей своего личного благополучия. Все зиждется на достижении эгоистических в разных смыслах целей. Бедная Россия должна отсюда [ждать] великих бед.

¹ Это мнение было весьма распространено. 6 июня Богданович отметила, что В. Ф. Дейтрих высказал такую позицию по вопросу: «<...> если распустить Думу, то новых выборов при теперешней системе избрания в Думу назначить нельзя, что еще худшие люди будут избраны; что надо выработать новый избирательный закон; что следовало также назначить выборы в январе, что тогда Витте в своих революционных целях отложил их до марта, но что настоящую Думу нельзя оставлять, что это напоминает Конвент» (Богданович. С. 392–393).

9 июня. Приехавшая в Петербург после продолжительного пребывания в Петергофе Е. А. Нарышкина, пользующаяся особым расположением Их Величеств, рассказала мне, что в частных разговорах с императрицей и императором она часто слышала от первой, что переживаемое ими время тяжело, как всякое время великих преобразований, но обещает счастливые году ее сыну, а от второго, что он сделал все, что считал возможным, но что теперь считает необходимым предаться терпению.

13 июня. Вторник. Посещаю Сольского, который уезжает в Баден-Баден. На вопрос его, кто виноват в наших теперешних несчастиях, я категорически отвечаю: Александр III, который по вступлении на престол вследствие назиданий Победоносцева, Каткова и Ко отверг утвержденное и отцом его, и им самим предложение созвать представителей земства для сотрудничества с Государственным советом и, будучи человеком ограниченного ума и упрямого характера, стал коверкать законодательство Александра II, не понимая, что делает. Сына своего не воспитал, так что он, вступив на престол, под влиянием отцовских креатур продолжал действовать в их смысле, что и не могло не привести нас к теперешнему ужасному положению.

Сольский соглашается с таким взглядом и вспоминает, что за несколько дней до смерти императора Александра II было созвано у наследника в Аничковом дворце совещание под его председательством. Решено было принять проект, представленный Лорис-Меликовым, поручив ему доложить этот проект Государю, который утвердил этот доклад в воскресенье утром, за два часа до своей смерти. Великий князь Константин Николаевич рассказывал Сольскому, что после смерти императора он, великий князь Константин Николаевич, перечитывая аккуратно веденный им дневник, нашел, что 4 апреля 1866 года он докладывал своему брату о необходимости введения представительного правления, что Государь выразил на это согласие, и обрадованный Константин Николаевич поехал председательствовать в Государственный совет, куда вскоре вслед за тем приехал герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский и сестра его, принцесса Баденская, сообщить, что в Государя стреляли.

Навещаю Дубасова в приобретенном и устроенном им доме на Сергиевской улице. Рассказывает чудесное его спасение; уезжает отдохнуть за границу; сообщает, что видел Горемыкина и министра внутренних дел Столыпина. В принципе решено распушение Думы, но полагают, что надо дать ей время утратить всякое к себе уважение. В этом смысле подана Государю записка от «кабинета» министров.

17 июня. Суббота. Вечером заседание «правой» у Гончарова. Обсуждается вопрос о том, как отнестись к полученному от «партии центра» приглашению вступить в их среду, причем сообщена их программа. Различие этой программы от нашей заключается в том, что устанавливается «дальнейшее развитие конституционных учреждений» в противность Основным законам, а также равноправие не только различных территорий, но еще и отдельных племен, территорий не имеющих, то есть евреев. Этим двух пунктов «правая» не принимает, соглашаясь во всем остальном действовать заодно с «центром». Предлагают изложить согласно сему программу для сообщения ее «центру». Я решительно встаю против такого писания и настаиваю на том, что довольно словесного по сему предмету объяснения. Со мной соглашаются присутствующие. Князь Косаткин и граф Олсуфьев настаивают на том, что Совет не может продолжать своего постыдного бездействия, а необходимо должен приступить к разработке законов и тем выставить свое превосходство перед Думой, занимающейся исключительно пересыпанными бранью запросами. Снискав репутацию деловитости, Совет окажет услуги правительству в случае распухания Думы. Мнение это не лишено основания.

ИЮЛЬ

5 июля. Среда. Бесконечное чтение советских дел, многочисленность и продолжительность советских заседаний, слабость зрения — все это вместе взятое оправдывает допускаемые мной на этих страницах пробелы; а между тем события, и притом ужасные, ежедневно надвигаются одно за другим. Газеты испещрены известиями о грабежах, захватах, убийствах; Государственная дума претендует играть роль национального Конвента, а нисколько не законодательной палаты. Она рассылает во все стороны своих агентов, чтобы организовать вооруженное восстание. Она требует увольнения нынешнего горемыкинского кабинета и замены его министрами, взятыми из думской среды. Правительство ни на какие энергические меры не решается; армия возвращается до того, что ближайший к Государю Преображенский полк переходит на сторону революционеров; по улицам затруднительно ходить вследствие преследований и нападений безработных и так называемых хулиганов; со всех сторон скопляются грозные во всех отношениях тучи.

6 июля. Четверг. Заседание Государственного совета. Выборы членов постоянных комиссий. Несмотря на мой отказ, меня избирают в финансовую комиссию. Ходят слухи о прениях Государственной думы, которая сонамеревается¹ издать манифест чуть не об уничтожении монархического правления. Члены Думы разъезжают по всей России и возбуждают население к вооруженному восстанию.

7 июля. Пятница. Вечернее собрание у Гончарова для выслушания отчета о заседании Комиссии по вопросу об отмене смертной казни. В комиссии мнения разделились: профессор Вернадский один отстаивал целиком постановление Думы, семь человек сохраняли смертную казнь в редких случаях, а четыре члена – Гончаров, Самарин, Нарышкин, Косаткин – всецело отвергали проект Думы. Самарин читает весьма талантливо, пространно и обстоятельно изложенное им свое мнение. В собрании подвергается обсуждению лишь один вопрос: следует ли сохранить смертную казнь для людей, покушающихся на жизнь членов императорской Фамилии. На сделанный мне по сему вопросу я отвечал, что «такое сохранение будет понижением нравственного величия». Гончаров и его единомышленники решаются высказать свое мнение так: что отмена смертной казни в этом случае уместна, но ввиду теперешних обстоятельств ныне последовать не должна.

9 июля. Появляется указ о распусчении Думы. В ожидании беспорядков Петербург наполняется войсками, но беспорядков никаких не происходит. Депутаты в значительном числе (около трехсот) уезжают в Выборг, откуда издадут манифест, вызывающий народ на сопротивление правительству².

¹ Так в тексте.

² Манифест, упомянутый Половцовым, получил название Выборгского воззвания. 9 июля 1906 г. группа депутатов разогнанной Государственной думы составила в Выборге обращение «Народу от народных представителей». Воззвание призывало к пассивному сопротивлению властям: не платить налоги, не ходить на военную службу и т.д. По воспоминаниям члена кадетской партии А. В. Тырковой-Вильямс, из кадетов только один Е. И. Кедрин исполнил наказ Выборгского воззвания, отказавшись платить налоги (*Тыркова-Вильямс А. В.* Кадетская партия). 16 июля против подписавших «Воззвание» бывших членов Государственной думы было начато уголовное преследование: сто шестьдесят бывших депутатов были преданы суду Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты.

11 июля Богданович писала об этих событиях следующее: «Говорили сегодня, что члены Думы бежали в Выборг и оттуда выпустили прокламацию к народу, но собрание их там скоро было разогнано. В Лондоне членов Думы, поехавших

10 июля. Понедельник. Захожу к Горемыкину, от которого узнаю, что распускание Думы последовало по его представлению, но увольнение его самого от обязанностей председателя Совета министров было совершенно неожиданно, точно так же, как увольнение Стишинского от обязанностей министра земледелия и князя Ширинского-Шахматова от обязанностей обер-прокурора Синода.

Зашедший к Горемыкину одновременно со мной министр финансов Коковцов рассказывает, что вследствие влиятельных настояний генерала Грепова Государь решил образовать кабинет из конституционно-демократической думской партии. Окончательные об этом переговоры велись с профессором Милюковым, который пожелал привлечь в состав министерства и поляков, во главе коих стоял граф Иосиф Потоцкий. Совещание по сему предмету последовало в одном из смежных с Думой ресторанов. На поставленный Милюкову вопрос о том, какая была бы его программа, он отвечал: «Наша программа Вам известна: амнистия, отмена смертной казни, равноправие». — «А аграрный вопрос?» — спросил Потоцкий. «Это для нас вопрос политический, а не социальный», — отвечал Милюков. «Какими средствами, — спросил Потоцкий, — Вы будете достигать своих целей? Ведь, вероятно, Вы начали бы с того, что уволили бы всех нынешних генерал-губернаторов, губернаторов, жандармов, полицмейстеров, военачальников?» — «Конечно, — отвечал Милюков, — но ведь можно будет набрать других». «Но в таком случае это будут исполнители новых насильственных мероприятий, а не защитники свободы». — «Да, но уж хотя бы и один день, да мой день!»

Последние слова были доведены до сведения Его Императорского Величества, что и спасло Россию от горестного нового эксперимента.

Вечером собрание членов союза защиты неприкосновенности поземельной собственности (на Моховой в политическом клубе). Председательствовал князь Васильчиков. Много безрезультатной болтовни.

Я забыл упомянуть, что Горемыкин рассказал мне, что по его докладу Государем назначено было для Государственного совета вакантное время по 1 октября, но что когда об исполнении этого высочайшего повеления было сообщено Фришу, то он заявил, что откажется от председательствования в Совете, если вакантное для Совета время не будет продолжено до 20 февраля, что и было сделано по докладу Столыпина.

на парламентский конгресс, принимают с большими овациями. Узнав о роспуске Думы, они хотели уехать, но англичане их задержали, при этом явилась какая-то статья, заранее подготовленная англичанами, что если бы даже эти члены и не состояли в данное время членами Думы, все-таки они могут быть в заседаниях» (Богданович. С. 393).

12 июля. Вечернее собрание у Гончарова, который предлагает собравшимся членам «правой» составить программу того, что правительство должно сделать. Я заявляю, что прежде следовало бы спросить премьера, примет ли он такое заявление, а потому и не соглашаюсь с предложением Гончарова.

13 июля. Четверг. Еду к великому князю Михаилу Николаевичу завтракать на его дачу Михайловское. Вот уже три года, как он разбит параличом и не владеет ни левой рукой, ни левой ногой, говорит с трудом, но в мыслях и словах не сбивается. За столом присутствуют три сына: Николай – умный, злословливый и ничем серьезным не занимающийся, Георгий – настоящий жидок, только и думающий, как бы зашибить копейку, назначенный заведующим музеем императора Александра III и творящий там величайшие пошлости, Сергей – выходящий из ряда своим трудолюбием на поприще артиллериста, заслуживший полное сочувствие и одобрение своих сотоварищей, исполняет номинально возложенные на отца обязанности генерал-фельдцейхмейстера. Тут же супруга Георгия Михайловича, дочь греческого короля, довольно вульгарная и обыкновенная во всех отношениях женщина, и ее приятельница. Обе они, сидя по обеим сторонам хозяина дома, не перестают болтать по-гречески, что я нахожу довольно неуместным. После завтрака великий князь зовет меня к себе в кабинет, где мы вспоминаем прошлое и вздыхаем о настоящем. От великого князя заезжаю в Петергоф. Захожу к Трепову, которому излагаю свой взгляд на теперешнее положение. Настаиваю на том, что необходимо немедленно взяться за крестьянский поземельный вопрос и от имени Государя прежде всего объявить крестьянам, что за уничтожением выкупных платежей каждый член общины делается полным собственником своего надела. Такое установление должно установить полное право собственности, которое делается оплотом против революции. Одновременно необходимо при посредстве Крестьянского банка облегчить крестьянам приобретение земель, облегчить фактами, а не одними проектами и канцелярскими разглагольствованиями, и, в-третьих, облегчить переселение, которое нам желательно не только с точки зрения крестьянского благоденствия, но и политического закрепления за Россией ее окраин, особливо восточных. Выслушав меня, Трепов отвечал, что государь вполне разделяет эти мысли. Я настаивал на том, что их необходимо привести в исполнение.

От Трепова заезжаю к министру двора барону Фредериксу, которому говорю приблизительно то же самое и выслушиваю то же самое.

Кончаю свой выезд посещением внука Оболенского, жена коего, графиня Бобринская, должна на днях родить.

14 июля. Пятница. Не еду в заседание у Гончарова, где за отсутствием предмета занятий вздумали обсуждать те советы, которые следует преподать правительству. Тщетно стараюсь доказать членам «правой» неуместность такого образа действий. Гораздо разумнее поступает «центр», ведомый поляками и по внушению последних заявивший кабинету, что готов принять участие во всяких законодательных проектах, кои пожелают поручить ему, «центру».

21 июля. Пятница. Захожу к Шванебаху, который прочитывает мне превосходно написанное им письмо Государю с изложением теперешнего положения, требующего непременно принятия энергических мер.

В 2 ½ часа в Мариинском дворце заседание Комитета финансов для обсуждения представления министра финансов Кокковцова о выпуске билетов казначейства на номинальную сумму пятьдесят миллионов для пособия голодающим вследствие сильного неурожая в центре и на востоке России. Столыпин говорит очень умеренно и прилично. Его товарищ, Гурко, хотя и чересчур развязен в своих внешних формах, тем не менее весьма дельно излагает тягость наступающего бедствия.

23 июля. Воскресенье. Петербург наполнен войсками. По улицам ходят многочисленные патрули. Большинство фабрик и заводов забастовало. Ночью были в разных частях города значительные пожары. Обещанная Думой общая забастовка, однако, не состоялась, тем не менее повсеместные грабежи и убийства принимают страшные размеры.

24 июля. Понедельник. На днях у министра двора барона Фредерикса был обед, на который приглашены были почти все главнейшие служащие, а именно: гофмаршал граф Бенкендорф, командующий конвоем князь Трубецкой, комендант Трепов, помощник начальника походной канцелярии князь Орлов, обер-шталмейстер Гринвальд и мой двоюродный брат Половцов. Кроме двух последних, служивших в кавалергардах, все остальные из конногвардейцев. Из числа последних недоставало еще: Николая Долгорукого, Николая Оболенского, Александра Мейендорфа, находящегося в отпуску. Между кавалергардами и конногвардейцами существовало при дворе корпоративное соревнование, которое в нынешнее царствование дает перевес вторым.

25 июля. Вторник. Заезжаю к великому князю Николаю Михайловичу, который отделал себе квартиру в отцовском дворце во вкусе *empire*¹. По обыкновению говорит много, зло, преувеличенно. Между прочим рассказывает, что Их Величества проводят вечера то у одной, то у другой из черногорок. У Станы в Знаменском или у Милицы в Сергиевском. У первой занимаются спиритизмом, а у второй в какую-то расположенную в саду башню им приводят всяких самых разношерстных людей.

На днях Стана написала обер-прокурору Синода Ширинскому-Шихматову записку, уведомляя его, что хотя Государь и разрешил по его докладу отпуск четырем архиереям, но что после того разрешил ей уведомить обер-прокурора, что по ее ходатайству он берет разрешение назад.

26 июля. Среда. Еду с Извольским в близкий сердцу моему архив Государственного совета. Извольский желал бы поместить в нем Государственный архив, находящийся ныне в жалком помещении нижнего этажа Министерства иностранных дел. Сообщаю ему, что именно для этого мной построена вторая часть здания, выходящая на Зимнюю Канавку. Желаю ему успеха, но весьма в том сомневаюсь.

31 июля. После непрерывной теплой, солнечной в течение трех месяцев погоды внезапно настает холод и дождь. На улице видны лишь забастовавшие рабочие да пешие и конные патрули, ни одного сколько-нибудь щеголеватого экипажа не встречается; газеты наполнены известиями о повсеместных грабежах и убийствах. Прошло две недели со дня распускания Думы, и новый кабинет² еще ничем не заявил о своих намерениях; а между тем следовало поспешить дать понять народу, что правительство не только не потеряло, но, напротив, много выиграло удалением негодяев, Думу наполнявших. Следовало бы как можно скорее выступить от лица Государя в земельном относительно

¹ Амбир (*фр.*).

² После роспуска Государственной думы и кабинета Горемыкина 8 июля 1906 г. П. А. Столыпин был назначен председателем Совета министров (с сохранением должности министра внутренних дел). Он пригласил в новый кабинет популярных парламентских и общественных деятелей, принадлежавших к конституционно-демократической партии и «Союзу 17 октября». Министерские посты первоначально предлагались Д. Н. Шипову, князю Г. Е. Львову, А. И. Гучкову и др., но переговоры завершились неудачей. Столыпин настоял на отставке главноуправляющего землеустройством и земледелием А. С. Стишинского и обер-прокурора Святейшего Синода князя А. А. Ширинского-Шихматова при сохранении всего остального состава предшествующего кабинета И. Л. Горемыкина.

крестьян вопросе, прекратив канцелярские обещания и чиновничьи переписки. В Петергофе не отдают себе отчета о положении, в коем находятся. Постоянные колебания, противоречащие одно другому распоряжения, нерешительность, недоверчивость, сеансы мистицизма у этих двух злосчастных для России черногорок – вот в чем проходит время. вот что заставляет забывать о существовании императорской власти, что придает храбрость угнетающим наше несчастное Отечество врагам порядка и мирного успеха.

Прохворав несколько дней и заплатив дань моей мучительнице-подагре, выезжаю подышать свежим воздухом, если можно назвать свежим петербургский воздух, и навещаю графа Николая Игнатьева, только что возвратившегося из деревни. Игнатьев рассказывает, что был у Государя и уговорил его дать ход американским предпринимателям, предлагающим без всяких со стороны правительства пособий построить железную дорогу для соединения Владивостока с Россией, минуя Маньчжурскую территорию.

АВГУСТ

1 августа. Город полон рассказом о том, что на вчерашнем маневрировании в Красном Селе двух полков около командовавшего маневром великого князя Николая Николаевича прожужжали три пули, якобы по небрежности попавшие в ружья стрелявшего холостыми зарядами, если не ошибаюсь, Измайловского полка.

7 августа. В последние четыре дня в Красном Селе производились маневры в весьма, впрочем, ограниченных размерах. Государь и императрица для присутствования на них выезжали из Царского Села. Все прошло благополучно. Местность была усеяна полицейскими в самых разнообразных костюмах. Государь, переезжая по своему усмотрению с места на место, очутился на одном пункте, на котором полиция не ожидала его появления. Тут ближайшие из лиц его свиты выдвинулись так, чтобы предотвратить возможность приближения какой бы то ни было неизвестной личности.

Мой внук Оболенский, участвовавший в качестве вольноопределяющегося в Уланском полку, будучи отряжен на разведки¹, наткнулся на неприятельский патруль и, избегая плена, среди ночи поскакал во весь

¹Так в тексте.

опор и наткнулся на извозчика, которому переломал экипаж, а себе – бедро. На другое утро императрица Александра Федоровна в качестве шефа Уланского полка навестила Оболенского, лежавшего в перевязке.

10 августа. Четверг. Похороны члена Государственного совета Тернера. То был весьма почтенный, скромный, мало одаренный труженик, посвятивший себя исключительно изучению финансовой науки. Он дослужил в министерстве до должности товарища министра в бытность министром Вышнеградского. О назначении этом говорили, что оно напоминает ту лампаду, которую воры вешают в своем притоне перед образом. Впоследствии Тернер достиг высокой должности члена Департамента экономии в Государственном совете, а по назначении Сольского председателем Совета Тернер попал в председатели Департамента экономии. Ничего выдающегося, блестящего Тернер никогда не представлял, но пользовался вполне заслуженным уважением лиц, его знавших.

1907

МАЙ

Проведя зиму в Saint-Roman, выдержав там сильный припадок подагры, а затем уничтожение катаракты. Или, правильнее говоря, извлечение хрусталика из правого глаза, возвращаюсь в Петербург **4 мая**.

Застаем Петербург, а с ним и всю Россию в крайнем, тяжелом, можно сказать, грозном положении. Государственная дума – не что иное, как центр ежедневно распространяющейся, повсеместно усиливающейся, в самых варварских формах проявляющейся революции.

6 мая. В 9 часов 40 минут с экстренным поездом в Царское Село. Сажу в вагоне с Дурново (обиженным, что исключен из присутствующих членов Совета), с Балашевым и Оболенским. После продолжительного во дворце ожидания выход из церкви и принесение поздравлений Их Величествам. Удастаиваюсь приветливого слова от доказавшей мне свою ненависть Марии Федоровны. Возвращаюсь в вагоне с Гончаровым и Извольским, Заезжаю к старухе графине Софье Андреевне Бобринской, удрученной поведением ее старшего сына, а моего зятя – первостепенного негодяя¹. Является Фигнер с докладом о независимых делах Богословского округа.

7 мая заходит ко мне Пален. Рассказывает, что ему пришлось участвовать в комитете, назначенном для обсуждения вопроса о том, лишает ли свадьба великого князя Кирилла Владимировича права вступления на престол². Четыре члена признали, что лишает и главным образом на том основании, что Государь может «будто бы» лишить престола

¹ Имеется в виду А. А. Бобринский.

² В 1906–1907 гг. на секретных совещаниях был поставлен вопрос о возможности лишения прав престолонаследия всего потомства великого князя Кирилла Владимировича. 15 июля 1907 г., после того как жена великого князя Виктория приняла православие, Николай II признал брак, присвоил супруге Кирилла титул «великой княгини Виктории Федоровны», а родившейся от этого брака дочери Марии Кирилловне – титул княжны крови императорской. Это решение стало ответом на ходатайство отца Кирилла, великого князя Владимира Александровича. 14 апреля 1909 г. Кириллу Владимировичу были возвращены все права члена императорской Фамилии.

всякого члена своего семейства. Семеро и в том числе Пален были противоположного мнения. Государь утвердил мнение четырех.

4 мая¹. Приезжаем из Монте-Карло. Разговор с Андреем. Пасхальные поздравления Витте и Дурново. Орлов, Гейделов², смотр финляндских новобранцев, бомба. Фредерикс. Преображенский полк. Иксуль. Акимов. Занятия Государственного совета. Предание суду Гурко. Лишение престолонаследия. Комитет. Задняя мысль о представлении престола дочерям. Куракин о Витте.

5 мая. Бог, администрация и т. д. Чамоф о Совете. Алеша Оболенский. Великий князь Владимир Александрович.

6 мая. В 9 часов 40 минут по экстренному поезду в Царское Село. В вагоне Дурново, Балашев. Об. В Царском Селе в коляске с Васильчиковым. Впечатление о нем. Комната № 3. Выход. Поздравления. Завтрак. Обратный путь с Извольским и Гончаровым. Старуха Бобринская. Клуб. Разговор с Фигнером.

7 мая. Приезжает Пален. Рассказ о предположении изменить порядок³. Заезжаю к Гончарову. Семейный обед. Экстренное заседание Государственного совета. Неудачный адрес Манухина.

8 мая. Вторник. Корвин-Милевский. Училищный завтрак. Договор. Вечернее заседание. *Ивицкий*.

9 мая. Среда. Свидание с Философовым. Вечернее заседание в Маринском дворце. Акимов.

10 мая. Четверг. В 11 часов у великого князя Владимира Александровича. Жендро. Николай Николаевич. Мотивы лишения права престолонаследия великого князя, мнение О. О. Чертовой.

В 5 часов у великого князя Николая Михайловича. Исторические побасенки и сплетни о подмене тела Александра I.

Толь рассказывает дело Гурко – Лидваль⁴.

¹ Здесь и далее Половцов нередко делал краткие записи, которые по всей видимости планировал конкретизировать, но этого не произошло.

² Так в тексте.

³ Так в тексте.

⁴ Речь идет об так называемой афере Гурко–Лидваля. В 1906 г. в России пачался голод. Император выделил государственные средства на закупку хлеба для его бесплатной раздачи. Министр внутренних дел П. А. Столыпин поручил осуществить закупку хлеба В. И. Гурко. Последний заключил договор на поставку

11 мая. Пятница. У Всевожского П. Н. Дурново. Обед в клубе.

12 мая. Суббота. У Витте. Его представление в Финансовом комитете о бюджете. О представлениях Коковцова относительно финансового положения.

Основные законы. Ковалевский. Императрица Александра Федоровна. Рассказ Бирюлева. Свадьба Танеевой. Черносотенная политика. Князь Путятин.

Великий князь Владимир Александрович обедает у нас, Левенгорн, Сабуров, Балашев.

13 мая. Воскресенье. У Палена. Карамзин.

14 мая. Понедельник. Визит Толю. Сенатская реформа.

15 мая. Вторник. Завтрак с Боткиным и Котовым. Заседание Финансовой комиссии. Семейный обед в 9 часов у Гончарова. Речь Дурново, Стишинского. Поголовная оппозиция проекту сенатской реформы.

16 мая. Среда. Письмо Коковцова. Разговор с Хилковым.

17 мая. Четверг. У Коковцова. Вечером объяснение с Стратоновичем.

18 мая. Пятница. Обед в клубе с великим князем Владимиром Александровичем. Рассказ Палена о Н. П. Мейендорфе.

19 мая. Суббота. Заседание Совета о реформе Сената. Речи министра юстиции, Дурново, Сабурова, Косаткина, Манухина.

Рассказ о [...] ¹.

20 мая. Понедельник. Заседание комиссий законодательной и финансовой. Председатель Череванский. Вызов мне Витте. Новые покушения: молочница, адская машина. О Мещерском: назначен [...] ². Мещерского, кумир... ³

10 миллионов пудов зерна с Э. Лидвалем. Получив казенные деньги, Лидваль выполнил первую поставку, затем поставки хлеба прекратились. Гурко и Лидваль были преданы суду. Гурко получил отставку с поста товарища министра внутренних дел. Дело поручило широкую огласку. Между тем Гурко был помилован, а в 1910 г. назначен камергером.

¹ Слово неразборчиво.

² Слово пропущено в тексте.

³ Так в тексте.

22 мая. Вторник. Обычный училищный завтрак. В училище заседание Финансового комитета с Михаилом Шидловским, который вводит новую бухгалтерию. Хилков о [...] ¹. Входит Витте: анекдоты о царе. Записки Сипягина. Предложение Витте быть послом.

23 мая. Среда. Заседание Совета отменено. У Палена. Малешевский. Директор Кредитной канцелярии. Веер у графини Нирод.

24 мая. Четверг. Продолжительное заседание двух комиссий о канцелярии Думы. Вечером Финансовый комитет. Присутствует Витте, Философов, Шипов, Коковцов, Голубев, Шванебский ², Сабуров. Заем в пятьдесят миллионов.

25 мая. Пятница. Разговор с уезжающим в Богословск Фигнером. Клубный еженедельный обед.

26 мая. Суббота. Продолжительный визит Долгоруким. Встречаю страшно устаревшую княгиню Паскевич. Только и разговоров, что Государственная дума. Пойманный у Мраморного дворца злоумышленник.

27 мая. Воскресенье. Завтрак у Юсуповых. Их [...]. Продолжительный разговор с Философовым. Его назначение министром финансов. Интрига Сольского для назначения Коковцова ³.

Визит Дубасовым. Его и ее личности.

28 мая. Выставка автомобилей, разнообразно, для России ново ⁴. Продолжение интриг Старынкевича в Богословской администрации. У Палена: Витте рассказывает указ 12 декабря 1904 года. Большинство созданных Государем советников уверяли его, что хотя, конечно, созыв представителей и необходим, но что они будут иметь лишь совещательный голос, но что Витте настаивал на том, что эти представители непременно будут иметь голос решительный. Чтобы избежать разногласия, был исключен параграф, содержащий по сему предмету определение. Игра в жмурки.

¹ Слово пропущено в тексте.

² Слово пропущено в тексте.

³ Половцов допустил здесь ошибку. В. Н. Коковцов занимал пост министра финансов с 26 апреля 1906 г. по 30 января 1914 г.

⁴ 19 мая 1907 г. открылась первая в России автомобильная выставка – Международная выставка автомобилей, двигателей, велосипедов и спорта. Она проходила в Петербурге, в Михайловском манеже. Инициатором выставки изначально выступило французское автомобильное издание L'Auto, имевшее опыт организации подобных выставок в ряде европейских стран.

Витте рассказывает, что во время проживания в Балтийских шхерах император Вильгельм уговорил Николая Александровича подписать такой документ, которого содержание Витте не решился нам передать, но который не только имел бы для России ужасные последствия, но навеки обесчестил бы самого русского императора. Документ этот за отсутствием министров был контрассигнован адмиралом Бирюковым. О существовании такого документа Витте узнал от Ламздорфа и тотчас стал доказывать Государю всю угрожающую гибельность этого документа. Государь согласился с таким взглядом, но уничтожить документ представлялось трудным. Вильгельм настаивал на том, что то, что подписано, должно быть исполнено. По счастью, документ должен был войти в силу после ратификации договора с Японией. Объявлено было, что в случае отказа Вильгельма Россия не ратификует¹ только что подписанный договор.

Исходной точкой этого «документа», как утверждает Витте, был его разговор с Вильгельмом в последний его приезд в Россию. Предметом разговора было указание Витте на то, что Европа дряхлеет вследствие непрерывного между европейскими державами раздора, слабеет, тогда как территории и народы в разных частях земного шара усиливаются и становятся более и более угрожающими спокойствию и даже существованию Европы.

Выход для России из теперешнего трудного положения Витте видит в немедленном роспуске Думы и изменении избирательных законов².

¹ Так в тексте

² Вопрос о роспуске Государственной думы активно обсуждался в верхах – на официальных совещаниях, как отметил П. Х. Шванебах, с мая 1907 г. Интересно, что Витте в воспоминаниях умолчал о собственном желании разгона Думы. Более того, он утверждал, что когда барон Фредерик обратился к нему за советом, как следовало бы поступить в создавшейся ситуации, то последний Витте неудачно пошутил, указав на портрет Александра Третьего: «Воскресите его!» Далее он писал весьма категорично о Столыпине: «Все время проявлялось явное разногласие между деятельностью правительства и деятельностью Государственной думы. Было ясно, что так дело идти не может. А потому Столыпин начал разрабатывать вопрос о том, каким образом сделать так, чтобы под благовидным предлогом распустить Вторую Государственную думу и затем, в случае разгона Второй думы, решить вопрос, как поступить: собрать ли Третью думу или же сделать Coup d'Etat государственный переворот» (Витте. С. 1). Шванебах, напротив, утверждал, что Столыпин до последнего старался сохранить Думу: «<...> мне все более и более представлялось, что нужен будет какой-нибудь из ряда выходящий скандал, дабы его (Столыпина. – О. Г.) вынудить расклещиться с Думой. Насколько в Столыпине живо было думофильство, это доказывают, между прочим, крайне бестактные замечки его брата

Витте осуждает Коковцова за то, что для уравнивания бюджета он включил в чрезвычайные расходы содержание новых воинских частей, кои по заявлению военного министра останутся навсегда. Выяснение этой лжи отразится на кредите нашем без сомнения.

Витте написал книгу о том, какие события, или скорее распоряжения руководивших событиями, предшествовали японской войне или справедливо вызвали ее.

30 мая. Среда. Завтрак с Боткиным и Котовым. Решаем устроить в своем Рисовальном училище литейную мастерскую. Общее собрание Государственного совета. В зале Дворянского собрания. Рассматривается законопроект о реформе Сената; говорят: Витте довольно жалко, Платонов – дельно, но не красно, Таганцев – превосходно, Стишинский гладко, но по-чиновнически; князь Касаткин с чрезвычайной развязностью, но не деловитостью. Заседание оживленное, но мало подвинувшее вопрос.

31 мая. Четверг. Мне сегодня минуло 75 лет. Заседание Финансового комитета о штатах думской канцелярии. Рассказ Череванского.

И Ю Н Ъ

1 июня. Государственная дума распущена к великому удовольствию всей публики¹. Столыпин прочитал Думе обвинение пятидесяти пяти членов в заговоре, имевшем целью ниспровержение правительства

Александра» (Шванебах. С. 632). Шванебах также отметил, что «не утратившая смысл печать вопила о неработоспособной Думе – о „Думе народного невежества“, как пазвал ее граф Бобринский, и о необходимости изменения нелепого выборного закона» (Шванебах. С. 631). Между тем недавний союзник Витте И. И. Толстой (занимал пост министра народного просвещения в правительстве Витте) 1 июня записал в дневнике: «Сегодня, несмотря на многочисленные предсказания, Государственная дума еще существует и работает. А вот правительство поймет, что для него же выгоднее, чтобы так продолжилось» (Толстой. С. 128).

¹ И. И. Толстой записал 2 июня: «Пришедшие вечером газеты принесли важную и неожиданную новость: вчера, 1 июня <...> министерство внесло в Государственную думу заявление о пятидесяти пяти членах социал-демократической партии, требуя исключения их из состава Думы и разрешения на арест шестнадцати из них вследствие открытых при обыске в квартире депутата Озоли документов, доказывающих революционную деятельность партии и пропаганду в войсках. <...> Требование министерства предъявлено в такой форме, что ясно

и провозгласить¹, обвинение, подкрепленное подобным следствием весьма ловкого судебного следователя². Дума просила дать ей двадцать четыре часа на изучение вопроса, выдавать или не выдавать правительству обвиняемых.

2 июня³. Суббота. Через сутки Дума объявила, что ей нужно еще двое суток для размышления, но в ночь на третье число она была распущена указом, данным Сенату⁴.

установление альтернативы – или выдать сочленов, или идти на немедленный роспуск Думы. Государственная дума заседала до полуночи и кончила тем, что избрала комиссию, которой поручила рассмотреть вопрос и представить свое заключение Думе. На эту работу комиссии дано двадцать четыре часа времени. Судя по газетам, большинство кадетов склоняется к мысли удовлетворить требование министерства и тем спасти Думу; к этому решению примыкают правые и октябристы; большинство может, однако, образоваться только в том случае, если к ним примкнут сорок человек польского кола; последние, по-видимому, решили или воздержаться от подачи голосов, или вотировать против предложения министерства. Таким образом, сегодня решается судьба Второй Государственной думы, и, вероятно, решится она в смысле ее смерти» (Толстой. С. 129).

¹ Так в тексте.

² 1 июня председатель Совета министров П. А. Столыпин потребовал от Государственной думы исключения из числа депутатов и привлечения к следствию пятидесяти пяти членов социал-демократической фракции и немедленного ареста шестнадцати из них по обвинению в заговоре против правительства. Государственная дума создала комиссию с намерением рассмотреть обвинение, но 3 июня социал-демократическая фракция была арестована (передана суду в ноябре 1907 г.).

³ В ночь с 1 на 2 июня необходимые правительственные акты для роспуска Государственной думы были отпечатаны в обстановке повышенной секретности и утром 2 июня отправлены в Петергоф на утверждение Николаю II. Поздно вечером кадетские депутаты В. А. Маклаков, П. Б. Струве, М. В. Челноков и С. Н. Булгаков, ранее имевшие неофициальные контакты со Столыпиным, отправились к нему для обсуждения вопроса о роспуске. Столыпин еще раз предложил принять условия правительства и, получив отказ, заметил: «<...> только запомните, что я вам скажу: это вы сейчас распустили Думу» (Маклаков. С. 247).

3 июня И. И. Толстой записал в дневнике: «Рассуждали о думских делах. Я утверждал, что роспуск ухудшит положение правительства, так как бороться с революцией оно обязано как при Думе, так и без нее. Конечно, самым выгодным для правительства и для страны решением возникшего вопроса было бы согласие Думы пожертвовать своими революционными сочленами; тогда, вероятно, Дума обеспечила бы себе пятилетнюю плодотворную работу, организовав устойчивое благоразумное большинство, избавившись от наиболее мешающего организационной работе элемента и предупредивши опасность резкой реакции. Надеяться на такой исход трудно» (Толстой. С. 129).

⁴ 3 июня 1907 г. был опубликован указ о роспуске Второй Государственной думы и манифест, в котором Дума обвинялась в затягивании рассмотрения

В субботу же в Государственном совете было оживленное прениями заседание, посвященное обсуждению проекта реформы Сената. Проект отвергнут семидесятью пятью голосами против семидесяти одного.

3 июня. Воскресенье. Свидание с Хилковым, который, будучи представителем английского общества Siberian mining Co, посылает этой компании предложение войти в богословское дело.

Заседание совета Рисовального училища, которое ежедневно увеличивает свое достояние, несмотря на возводимые на меня клеветы.

Обедает у нас, между прочим, Горемыкин, участвовавший в суждениях Совета министров относительно последнего роспуска Думы. Горемыкин поражен нерешительностью и трусливостью членов кабинета.

4 июня. Понедельник. Совещание о постройке зала для заседаний общего собрания Государственного совета. Коковцов комически выставляет свои заслуги на пользу финансов и по возможности суживает просимые у него деньги на постройку, сознавая невозможность продолжать заседания в зале Дворянского собрания.

5 июня. Вторник. В 2 часа собрание Государственного совета для выслушания указа о приостановлении занятий Государственного совета до 1 ноября. По прочтении этого указа государственным секретарем Иксулем председатель Акимов провозглашает: «Да здравствует Государь Император!» На это члены отвечают криками «ура», причем председатель Акимов почему-то раскланивается на все стороны. Обещаю у дочери Оболенской на каменноостровской, принадлежащей старшему сыну моему даче.

6 июня. Среда. Приезжает мой старший сын, генеральный консул в Бомбее, откуда он ехал до Петербурга двадцать два дня. Навещаю отъезжающую в деревню (Смелу) старую графиню Бобринскую (Софью Андреевну). Вечером разговор с горным инженером Ивицким,

законопроектов и в том, что некоторые из ее членов участвовали в заговоре против правительства. Пришедшие в Таврический дворец депутаты обнаружили, что он закрыт, охраняется полицией, а на дверях прикреплен императорский текст манифеста о роспуске Думы. Изменение избирательного закона без утверждения Государственной думы и Государственного совета представляло собой прямое нарушение статьи 87 Основных государственных законов, поскольку в чрезвычайном порядке нельзя было менять положение о выборах в Государственную думу. Это дало основание считать произошедшее «третьеиюньским переворотом».

прослужившим два года в Америке для изучения горнозаводской деятельности.

7 июня. Четверг. Приезжает проститься Корвин-Милевский (лидер польской в Государственном совете партии ¹). Поляки чрезвычайно обижены тем, что новое Положение о выборах ² очень уменьшило число польских депутатов. Отдавая визиты, слышу от достоверных людей следующие рассказы:

1) Дочь великого князя Павла Александровича помолвлена со шведским принцем. Государь принял на себя труд известить отца невесты о помолвке с разрешением ему приехать на свадьбу. Под влиянием своей жены (разведенная Пистолькорс) великий князь отвечал из Парижа,

¹ Группа польских депутатов в Государственной думе называлась польским колом. Депутаты, образовавшие коло, принадлежали к Национально-демократической партии Польши, Партии реальной политики и Партии прогрессивной политики.

² Избирательный закон («Положение о выборах в Государственную думу») был практически переписан заново. Основной целью всех изменений стало стремление уменьшить представительство в Думе тех социальных групп и национальностей, представители которых в Первой и Второй думах проявили себя оппозиционно. Избиратели-горожане разделялись на две курии, с высшим и низшим имущественными цензами, норма представительства более обеспеченных горожан была выше. Резко сократилось количество городов, выбирающих депутатов отдельно от своих губерний. Существенно уменьшилось представительство Кавказа и Привислинских губерний (Царства Польского). Полностью лишились представительства в Думе все жители Средней Азии, кочевые киргизы и калмыки, жители Якутской области. Русское население Остзейских губерний и Царства Польского стало выбирать депутатов по отдельной курии, с большей нормой представительства, чем коренное население. Но самая главная новация заключалась в том, что депутаты на квотируемые избирательные мандаты крестьянской (волостной) и рабочей курий теперь избирались не своими куриями, а общим губернским избирательным собранием, большинство в котором всегда составляли совместно землевладельцы и горожане первой курии. С. Е. Крыжановский подготовил несколько вариантов закона. Принятый проект, как он рассказал в воспоминаниях, при обсуждении дела в Совете был назван «бесстыжим». Он писал, что закон «дал в руки правительства сильное и гибкое орудие для влияния на выборы и открыл возможность – конечно, при благоразумном применении – создать народное представительство, достаточно уравновешенное и чуждое крайностей как в сторону красного, так и в сторону черного радикализма». Также Крыжановский отметил, что закон вызвал множество «нападков» со всех сторон: «левые поносили его за передвижение тяжести выборов на основу консервативного представительства, правые – за сохранение в составе Думы левого крыла», отдельные политики «обвиняли его одновременно и в том и в другом» (Крыжановский. С. 609–610).

что он или получит разрешение приехать со своей женой, или вовсе не приедет.

2) Виновником «Манифеста 17 октября» был тогдашний первый министр Витте, он действовал под впечатлением страха угрожавшей лично ему опасности. Чтобы достигнуть своей цели, он уговорил великого князя Николая Николаевича (с которым он состоит в дружеских отношениях) убедить Государя, что бойцы готовившейся революции сильнее войск, коими могло в то время располагать правительство.

9 июня. Пятница. Вечером собираются у Гончарова члены «правой» для бесцельного рассмотрения нового Положения о выборах. Зиновьев представляет длинный, но лишенный ясности доклад. Говорят много, но безрезультатно. Хозяину дома Гончарову подносят эмалированную братину¹ работы прославившегося Фаберже.

10 июня. Суббота. Приходит ко мне граф Пален, очень состарившийся, удрученный семейными несчастиями и народными бедствиями. Вместе горюем о том ужасном положении, в которое вовлечено Отечество непростительным легкомыслием своих правителей. Пален прочитал написанную Витте записку о причинах японской войны и роли петербургского правительства в ее ходе. Пален в ужасе от сделавшихся ему известными фактов. Витте увез за границу свою записку с тем, чтобы передать ее на хранение своему зятю Нарышкину, секретарю посольства в Брюсселе.

Петербург удивлен полным спокойствием после роспуска Думы. Вызванные из Красного Села четыре полка возвратились в лагерь.

11 июня. Воскресенье. Сажу целое утро над корректурой листов своего словаря. Времена таковы, что его никто знать не хочет, а мне его бросить не хочется. Выпущены в свет двенадцать томов, из которых восемь находятся под типографскими прессами.

12 июня. Понедельник. Приезжает Авдаков, горный инженер по воспитанию, председатель съезда горнопромышленников, выборный член Государственного совета. Горюет о положении наших финансов, нашего бюджета, о том, что Коковцову не по силам обязанности министра финансов. Ужасается тому, что наше железнодорожное строительство

¹Братина – сосуд для питья, предназначенный, как указывает само название, для братского, товарищеского питья. Братина имела вид горшка с крышкой, была медной или деревянной.

завлекло нас в девятимиллиардный долг, по которому приходится платить триста миллионов процентов, а что управление казенными железными дорогами так плохо, что вместо дохода дороги дают нам двести миллионов убытка. Авдаков собирается по возобновлении наших советских занятий поднять вопрос о необходимости упорядочить железнодорожное управление и прежде всего соединить его в одних руках, тогда как сегодня оно разделено между двумя министрами. Семейный обед.

13 июня. Вторник. Захожу проститься с Паленом, который имеет храбрость ехать на лето в свое разоряемое крестьянами поместье.

14 июня. Среда. Навещаю Горемыкина, который сетует на теперешние порядки. В особенности на ту непростительную быстроту, с которой было написано Положение о выборах. Писал его товарищ министра внутренних дел Крыжановский, который громогласно заявляет, что вся работа стоила ему один день и две ночи¹. Препровождая это положение на рассмотрение Совета министров, Государь написал Столыпину, что, быть может, следует выслушать мнение Государственного совета или избранных из среды его нескольких членов. Мнение это поддерживали Горемыкин, Коковцов и Шванебах, но большинство членов и в особенности председатель были против такой меры. Сколько я мог понять, Горемыкин был вызываем Государем для выслушания его мнений по главным вопросам, получившим законодательное разрешение. Горемыкин постоянно высказывался в весьма консервативном смысле, но Государь уступал требованиям людей, кои, подобно Витте, запугивали его революционным движением. Горемыкин опасается, что предстоящей Думой или преемницей ее будет истребовано министерство, из думских делегатов составленное, которое, без сомнения, поведет к самому ужасному перевороту.

15 июня. Четверг. Заходит Алексей Оболенский, приехавший из Англии, которой восхищается. Он видел по приезде Столыпина, который приходится ему близким родственником. На мой вопрос, как он понимает политику Столыпина, он отвечает, что хороший рыбак никогда не выдергивает разом удочку, на которую попалась форель, а предварительно утомляет ее продолжительным подергиванием. Так поступает и Столыпин в отношении революционеров.

Вечер с Фигнером, возвратившимся из Богословска.

¹ Крыжановский в воспоминаниях сообщил, что составил проект (по эскизным вариантам) за двое суток (Крыжановский. С. 609).

16 июня. Пятница. У Шванебаха, который таким образом рассказывает свою историю об увольнении от должности государственного контролера: между ним и председателем Совета министров Столыпиным уже давно чувствовалось различие убеждений по отношению к революционному движению. Столыпин предпочел постепенное, не крутое подавление анархии и терроризма. Шванебах, напротив, считал необходимым сильным воздействием положить конец подымавшейся неурядице. Шванебах, предвидя необходимость роспуска еще не собравшейся Думы, доказывал Государю, что уже заранее следовало заготовить план мероприятий, долженствовавших сопровождать роспуск Думы. К числу таких мероприятий Шванебах относил изготовление нового закона о выборах и непременно рассмотрение этого закона или Государственным советом или группой избранных для сего из среды Совета лиц. При обсуждении в Совете министров порядка роспуска Думы три лица – Горемыкин, Шванебах и Коковцов – заявили это мнение; остальные (со Столыпиным во главе) признавали излишним такое рассмотрение и сочли достаточным постановление Совета министров. Вследствие такого разномыслия Столыпин представил Государю об увольнении Шванебаха и Коковцова от должностей. Государь согласился на увольнение Шванебаха, но признал необходимым сохранить Коковцова, доказавшего свою способность управлять этой частью, несмотря на чрезвычайные трудности, созданные событиями.

Шванебах прочитал мне очень любезное письмо, полученное им по этому случаю от Государя.

17 июня. Суббота. Управляющий Государственным банком Тимашев приезжает объясняться по поводу назначений в управление Богословским округом, назначений, исходящих от Старынкевича – великого интригана и бездарного администратора.

18 июня. Воскресенье. Приезжает Голубев проститься перед отъездом за границу. Честный, благородный, но узкий труженик.

26 июня. Понедельник. Свидание с управляющим Государственным банком Тимашевым. Тупой и узкий ростовщик казенных денег, преследующий одну цель – обогатить Государственное казначейство, а никак не русский народ.

Заезжает ко мне великий князь Сергей Михайлович, только что возвратившийся с Кавказа. Сообщает свои впечатления: Кавказ, за исключением татар, занимающихся грабежами, ищет отложиться от России.

К последнему роспуску Думы население вполне равнодушно. Армия, за редкими исключениями, еще не развращена политически. Анархия прививается к солдатам лишь в крепостях, где рабочие смешаны с солдатами, вместе с ними производящими работы. Вообще за последнее время чувствуется значительное улучшение в настроении общества. Столыпину великий князь приписывает огромные заслуги.

Об отце своем, проживающем в Гатчине у императрицы Марии Федоровны, великий князь сообщает самые грустные известия в смысле быстро разрушающегося не только здоровья, но и всего существа.

1908

МАРТ

Возвратясь из Франции, где выдержал воспаление и нестерпимые боли в груди, попадаю на продолжительную серию жестоких морозов, продолжающихся более трех месяцев.

В начале марта температура делается сносной.

5 марта. За болезнью Сольского мне приходится председательствовать в Комитете финансов, заседающем у меня на квартире. Присутствуют: Витте, Коковцов, Голубев, Шванебах, Сабуров, Харитонов. Рассматриваются два дела, внесенные Коковцовым: первое – о несостоятельности банкира Полякова, второе – о прекращении выпуска шестипроцентных билетов для выкупа крестьянами земель.

По первому делу Голубев настаивает на том, [что] уже в 1901 году несостоятельность Полякова признана Финансовым комитетом¹, но к исполнению такого постановления не сделано ровно ничего. Сверх того, принадлежащие Полякову банки не сохранили и четверти своего основного капитала, хотя уменьшение на одну четверть достаточно для объявления несостоятельности. Сверх того, согласно закону, в 1906 году состоявшемуся, подобные дела не подлежат рассмотрению Финансового комитета.

Министр финансов Коковцов заявляет, что принятие мнения Голубева должно повлечь за собой огромный крах во всей России, так как должны лопнуть не только три банка, но еще и семьдесят зависящих от них филиальных банковых контор. Прочие члены поддерживают это мнение. Я настаиваю на том, что постановление Финансового комитета не должно служить подкреплением или утверждением постановлений совета Государственного банка и мнения Коковцова, а лишь заявлением, что комитет со своей стороны не усматривает оснований к подтверждению того или другого мнения. Коковцов краснеет и бесится на то, что нет речи об утверждении его мнения, сводящегося на нуль.

¹ Так в тексте. Имеется в виду Комитет финансов.

9 марта. В 6 часов в Царском Селе у Государя для испрашивания приказаний относительно годовичного собрания Исторического общества. Прием крайне любезный, доходящий до того, что хозяин дома сам достает из-под стола по неловкости моей уроненные очки. После одобрения всего, мной доложенного об Историческом обществе, разговариваем о Думе, о необходимости прибегнуть к каким-либо мероприятиям, разграничивающим законы от административных, хотя и утвержденных верховной властью, мер. Государь вполне согласен.

11 марта. В 8 часов вечера в Царское Село на годовичное собрание Исторического общества. Заседание начинается ровно в 9 часов в угловом зале Александровского дворца под председательством Государя, по правую сторону коего сидят великие князья Владимир Александрович и Николай Михайлович, а по левую — я в качестве председателя общества. В зале висят: на одной стороне портрет царствующей императрицы, а на другой портрет королевы Марии-Антуанетты?¹

Секретарь Чечулин читает отчет о деятельности общества, Платонов — записку о существовавшем в допетровской России обычае обмениваться частыми письмами, генерал Мышлаевский на основании найденных в Сухаревой башне документов излагает порядок, установленный Петром, для составления армий, или, правильнее, для выбора и выдвинутия способных и отодвинутия бездарных людей, великий князь Николай Михайлович читает три письма императрицы Елизаветы Алексеевны, преисполненные и доблестных чувств, и справедливой оценки окружающих ее людей.

Заседание кончается в 11 часов, и в 12 не без усталости достигаю Большой Морской.

АПРЕЛЬ

18 апреля. В 6 часов вечера еду в Царское Село по экстренному поезду на императорской железнодорожной ветке. Со станции до Царскосельского старого дворца собираются лица, приглашенные к парадному обеденному столу по случаю приезда шведского короля², прибывшего для присутствования на праздновании свадьбы сына с дочерью великого князя Павла Александровича.

¹ Так в тексте.

² Имеется в виду Густав V.

В 7 ½ часов по выходе императорской Фамилии с многочисленными иностранными, принадлежащими к царствующим семействам гостями садятся за обеденный стол, накрытый в Большом зале. Стол накрыт покоем приблизительно так¹:

Всего приглашенных около трехсот. Государь и король говорят речи о значении союза обоих государств. Зал очень красиво освещен множеством электрических огней. К сожалению, сгоревший потолок заменен очень плохой картиной. По окончании обеда все переходят в соседнюю комнату, где их величества делают, что называется, «cercle», то есть разговаривают с более или менее избранными из числа присутствующих. В частности, шведскому королю представляются министры с председателем Совета министров во главе. Церемония эта довольно продолжительна. Ровно в полночь достигаю своего жилища. В вагоне сижу с генералом Поливановым и министром народного просвещения Шварцем, которые расточают мне любезности, говоря о нашем рисовальном училище. Именуемый себя министром промышленности и торговли Шипов убегает от разговора на эту тему.

20 апреля. Поездом в 1 час 30 минут еду в Царское Село, чтобы участвовать в праздновании бракосочетания великой княжны Марии Павловны со шведским принцем Вильгельмом. В вагоне встречаю П. Н. Дурново, который, пробыв короткое время министром внутренних дел, своей энергией положил конец почтовой стачке и тем самым содействовал прекращению революции или, как было принято говорить, освободительному движению. Дурново жалуется на то, что после увольнения от обязанности министра внутренних дел он в течение двух лет не видал императора.

На царскосельской станции усаживаюсь в ямскую карету, коих значительное число было выписано из Москвы для приглашенных ко двору. Достигнув Большого дворца, отправляюсь прямо в церковь, где уже собран дипломатический корпус. В три часа вступает императорская Фамилия, и начинается весьма продолжительная церковная церемония, после которой в том же торжественном порядке отправляются в верхний этаж, где совершается, впрочем, довольно быстро, церемония лютеранского бракосочетания. Чтобы отдохнуть после столь продолжительного стояния на ногах, я отправляюсь к себе на дачу, где мне удастся поспать часа полтора. В 7 ½ часов парадный обед в Большом зале, начинающийся с того, что митрополит читает молитву. Мне приходится

¹ В машинописной копии оригинала имеется отметка: «Изображено пером расположение стола и мест присутствующих». Сам рисунок отсутствует. Оригинал дневника за 1908 г. не сохранился.

[сидеть] подле священника, начальствующего над всем придворным духовенством и отправляющего церковную службу в домашней церкви Государя в Александровском дворце. С другой стороны возле меня сидит жена шведского посланника, ни в каком отношении из себя ничего особенного не представляющая, но не выказывающая никаких дурных чувств. После обеда все присутствующие рассыпаются по многочисленным залам дворца. В одиннадцатом часу, когда Большой зал освобождается от загромождавших его столов, церемониймейстеры приглашают в него вернуться и расположиться вдоль стен так, чтобы в середине комнаты осталось пустое пространство, в котором русское царское семейство и все многочисленные иностранные принцы и принцессы исполняют танец, именуемый «польский», под звуки музыки, заимствованной из оперы «Жизнь за царя»¹; так как все танцующие или, скорее, шествующие, и мужчины, и женщины, одеты в весьма богатые и притом разнообразные костюмы, то все это в связи с прекрасной архитектурой, сильным освещением представляет очень красивое, художественное зрелище. В 12 часу разъезжаются по домам.

22 апреля. Вторник. Вечером в Маринском дворце председатель Акимов собирает двадцать два члена для предварительного обсуждения вопроса о том, что удобнее: обсуждать ли бюджетные сметы обеих палат одновременно, целиком или поодиночке. Все признают последний способ предпочтительным.

23 апреля. Среда. В 9 часов утра снова отправляюсь в Царское Село поздравлять императрицу Александру Феодоровну по случаю ее именин. Продолжительная обедня с прекрасным пением хора придворных певчих! После обеда принесение поздравлений. Посредине одной из зал стоят: обе императрицы и среди них император; поздравители целуют руку у каждой из императриц и жмут руку императору. Вдовствующая императрица, весьма нерасположенная ко мне, спрашивает меня: «Comment vont vos jambs?»² На что я отвечаю: «Très bien. Madame, je n'ai qu'à les remercier de m'avoir rendu possible mon pelerinage d'aujourd'hui»³. Завтракают в Большом зале за небольшим круглым столом. Я сижу возле

¹ «Жизнь за царя» – опера М. И. Глинки в четырех актах с эпилогом. В опере рассказывается о событиях 1612 г., связанных с походом польской шляхты на Москву. Автор либретто – Е. Ф. Розен.

² «Как Ваши ноги?» (*фр.*).

³ «Прекрасно, Ваше Величество, мне остается только поблагодарить их за то, что они сделали возможным мое сегодняшнее путешествие» (*фр.*).

фрейлины Тютчевой, надзирающей за двумя старшими девочками. Говоря о четырехлетнем наследнике, она рассказывает, что этот ребенок отличается большой твердостью воли. На днях он попросил Тютчеву отпустить на прогулку с ним двух старших его сестер. Тютчева отвечала ему, что согласна, но под условием, чтобы они не опоздали к уроку в 4 часа. «Я Вам это обещаю, — отвечал ребенок, — а Вы знаете, что я держу свои обещания. Если они вздумают опаздывать, то я их прогоню».

24 апреля. Четверг. В 8 часов отправляемся в Царское Село, где серия празднеств оканчивается вокальным концертом в большом зале. Выбор музыки хорош, но голоса плохие, толпа огромная, все празднество со включением и ужина тянется весьма долго; трудности для достижения кареты, а потом вагона — великие. Приезжаем домой на Морскую в 3 ½ часа, порядочно усталые.

25 апреля. Пятница. Министр финансов¹, произнося речь в Думе, сказал: «Слава Богу, у нас нет парламента». Эта фраза вызвала со стороны членов Думы резкие возражения и возбудила сильные толки в городе.

26 апреля. Суббота. Сижу в своем богословском правлении, где назначенные управляющим Государственным банком Тимашевым администраторы творят невероятные дела. Вечер у Гончарова на собрании правой фракции. Генерал Унтербергер очень хорошо говорит о постройке Амурской железной дороги. Хозяин дома и председатель по обыкновению неумолкаемо излагает свои обильные, но неблестящие воззрения и изложения фактов.

27 апреля. Воскресенье. Празднование у Долгоруких свадьбы младшей их дочери с Кочубеем, одним на трех сыновей давно умершего милого Василия Аркадьевича, смягчавшего тяжелые для меня часы, проведенные мной в Киеве во время моей сенаторской ревизии. На свадьбе присутствует вдовствующая императрица Мария Феодоровна. Галерная улица, в коей находится дом Долгоруких, наполнена конными вооруженными жандармами. Заехав к Палену, встречаю у него Горемыкина, который, вспоминая проведенные им в должности министра внутренних дел дни, между прочим рассказывает, как 12 октября 1905 года во время сильно распространившейся стачки он, Горемыкин, получил приказание явиться к Государю в Петергоф на следующий день в 6 часов вечера. На другом

¹ Имеется в виду В. Н. Коковцов.

утро он послал взять место в железнодорожном поезде, но получил в ответ уведомление, что никакие поезда не ходят. Тогда он обратился к морскому министру с просьбой [дать] для той же цели пароход. Отсюда Горемыкину равным образом было отвечено, что никакого парохода ему дать невозможно. Не видя другого средства, Горемыкин нанял ямскую четверку и отправился в карете по Петергофскому шоссе. Путешествие было невеселое; дорога была в дурном состоянии, а проезжая мимо Путиловского завода, пришлось переносить брань рабочих и даже кидание камней. По прибытии в Александрию, после допроса, сделанного Горемыкину дежурным на гауптвахте офицером, он в сопровождении этого офицера добрался до домика, обитаемого императором и императрицей. Все встречавшиеся Горемыкину придворные слуги выражали ему удивление о том, как он мог добраться до Петергофа. После разговора с Государем Горемыкин пошел к Трепову, который стал укорять его за то, что он уговаривает Государя оказывать твердое сопротивление ввиду той опасности, коей Государь подвергался. Свою настойчивость Горемыкин оправдывал тем, что, по его мнению, Государь находился в полной безопасности, потому что хотя революционеры и объявили, что они шестидесятитысячной толпой пойдут для разгрома в Петергоф, но в Петергофе находись два заслуживающих доверия полка, а в Петербург была по требованию Горемыкина отдана одна кавалерийская дивизия и две артиллерийские батареи, кои в случае движения толпы должны были устремиться на толпу с тылу, и, таким образом, с обоих концов пути между Петербургом и Петергофом был бы открыт смертельный для толпы огонь.

28 апреля. Вторник. Обычный завтрак с Боткиным и Котовым, представителями интересов рисовального училища.

30 апреля. Среда. Весьма продолжительное, хотя и пустословное, заседание Государственного совета. Свадьба моей старшей внучки Екатерины с Миклашевским, офицером Кавалергардского полка, коего все без исключения очень хвалят.

МАЙ

1 мая. Четверг. Годичный обед в Новом клубе, куда отправляюсь для того, чтобы не оставить великого князя Владимира Александровича в толпе молодежи. Юсупов произносит заздравные тосты и речи; мне приходится ему отвечать.

2 мая. Сижу целый день дома за советскими делами.

3 мая. Скучные визиты. Обед и партия бриджа. В числе приглашенных американский посол Гидель, который заметно сформировался своим петербургским пребыванием.

4 мая. Воскресенье. Обед с дочерью Бобринского, которая в четырнадцать месяцев выдала замуж своих трех дочерей. Вечер с П. С. Елачичем за советскими делами.

5 мая. Понедельник. Кончаю чтение пятого тома переписки Петра Великого. Что за радость видеть, что бывают на земном шаре такие люди!

6 мая. Вторник. В 9 часов в парадном мундире отправляюсь в Царское Село. В вагоне Андрей (мой двоюродный брат) читает мне произнесенную накануне Столыпиным в Думе речь об отношениях наших к Финляндии. Встретив его во дворце, весьма искренно поздравляю его с успехом во всех отношениях. После обедни поздравления празднующего день своего рождения императора. Завтракаю возле умной и приятной собеседницы графини Олсуфьевой. На обратном пути в вагоне с Владимиром Треповым толкуем о необходимости освободиться от гончаровской тирании¹. В 8 часов парадный обед у великого князя Владимира Александровича в честь испанского инфанта. После обеда балалаечный концерт.

В этот день мой двоюродный брат Андрей Петрович назначается флигель-адъютантом. Он служит в военно-походной канцелярии, и его начальник, министр императорского двора барон Фредерике, уже два года сряду просил Государя о таком назначении, но Государь всякий раз отвечал, что он сам определит время такого отличия. 6 мая утром назначен был флигель-адъютантом сын умершего Линевица, и только под вечер, убедясь, что никто ему не повторяет прежнего ходатайства, Государь сюрпризом для всех назначил Андрея своим флигель-адъютантом. Выразительная черта характера!

25 мая. Их Величества едут на свидание с английским королем и королевой. Первоначально решено было ехать морем и встретиться с Эдуардом и Александрой в Ревельском порту, где и должны простоять вместе тридцать шесть часов. Вследствие дурной погоды и нездоровья императрицы Александры Феодоровны решено ехать по железной дороге.

¹ Имеется в виду С. С. Гончаров, возглавлявший Группу правых в Государственном совете в 1906–1908 гг.

С собой увозят всех четырех государевых детей, из коих четвертый, наследник престола Алексей, не достигший пятилетнего возраста, отличается чрезвычайной остротой ума¹. На днях этот ребенок, видя, что часовой не отдает ему чести, подошел к нему и спросил причину неотдания чести. Караульный молчал. «Я вижу, – продолжал ребенок, – что ты знаешь устав, запрещающий часовому разговаривать». Тем не менее, вернувшись домой, он пошел к отцу с жалобой. Император объяснил ему, что часовые держат заряженные ружья и потому не берут на караул.

«Зачем же меня об этом не предупредили?» – сказал наследник.

29 мая. Вечером в Мариниском дворце генерал Сухотин читает лекцию о необходимости постройки Амурской дороги; после этого чтения члены правой группы собираются в бывшем [зале] Департамента законов и постановляют не собираться на будущее время нигде, как в этом зале; одновременно избирают депутацию – Нарышкина, Толя и Шевича – для уведомления об этом Гончарова с просьбой продолжать свое председательствование.

Чтение Суботина. Собрание группы.

30 мая². В Совете говорят, что при свидании двух монархов Эдуард обещал нашему императору: а) добиться открытия для нашего флота свободного прохода через Дарданеллы; 2) устроить приобретение для нашего флота стоянки и угольной станции в Тихом океане; 3) повлиять на английских банкиров в смысле доставления нам денег, потребных для построения Амурской дороги.

В течение целого дня продолжают довольно скучные речи. Последнюю перед обедом произносит П. П. Семенов, который внезапно падает под ударом паралича. Очень хорошо говорит Коковцов, и несколько слабее обыкновенного Столыпин. Не привыкший к вежливому обращению, наш председатель Акимов очень грубо прекращает речь Пихно, достигшую получасового предела, а членам, заявившим желание, чтобы речь Пихно продолжалась, Акимов отвечает довольно резко, что их возгласы не имеют на него влияния. Корвин-Милевскому, упомянувшему о значительном предстоящем нам на нужды войска

¹ Так в тексте. По всей видимости Половцов допустил ошибку – речь идет о шестерых детях императора.

² Так же в дневнике имеются краткие заметки за этот день: «30 мая. Результаты свидания. Амурская дорога. Дума и Совет. Паралич Семенова. Петергофские похождения. Вечернее заседание. Грубость и невежество Акимова. Рассказ Англова. Отказ Гончарова».

расходе, Акимов также воспрещает касаться этого предмета; Милевский сходит с кафедры, заявляя, что привык, чтобы ему диктовали, что писать, но никак не то, что говорить. В вечернем заседании происходит голосование, значительным числом утверждающее постановление Думы о постройке Амурской дороги¹.

31 мая. Утреннее и вечернее заседания об Амурской дороге. Хорошие речи Коковцова и Столыпина. Слабые речи Витте, Стаховича, Милевского, Ковалевского. Вследствие газетных статей Акимов меняет тон.

¹ Коковцов подробно описал в воспоминаниях обстоятельства, связанные с утверждением этого проекта: «Лично Столыпин и весь Совет министров, не исключая меня, отнесся к этому представлению как делу величайшей государственной важности. У всех на памяти была <...> русско-японская война». Всем было ясно, что при новом столкновении с Китаем или Японией России необходима еще одна железная дорога. Кроме того, правительство и Думу «засыпал» телеграммами и приамурский генерал-губернатор Унтербергер, «настаивая в чисто паническом тоне о том, что война с Японией неизбежна в самом ближайшем будущем». Как утверждал Коковцов, для всех была очевидна «необходимость постройки Амурской дороги и с точки зрения положительных соображений, свободных от угрозы» положению России на Дальнем Востоке. Государственная дума «быстро рассмотрела правительственный законопроект», одобрив его. Со вниманием отнесся к этому делу и Николай II. Также Коковцов привел описание одного из заседаний Государственного совета, на котором обсуждался вопрос. Граф Витте выступил категорически против проекта. Он нашел этот проект «не только неразработанным, но и совершенно ненужным, непосильным для казны и способным отвлечь внимание России от других, более нужных, железнодорожных сооружений и различных насущных задач, каковы — усиление нашей армии после разгрома ее в Маньчжурии. <...> Постепенно разгораясь, он обратился в мою сторону с прямым вызовом и притом в самой резкой форме, говоря, что теперь стало гораздо труднее защищать интересы казны, когда и министр финансов, вместо того чтобы возражать против явно непосильных для государства расходов, разрешаемых с небывалой легкостью, без всякой проверки каких бы то ни было расчетов, идет навстречу случайному настроению Государственной думы, вместо того чтобы восстать всей силой своего авторитета против совершенно ненужных трат». Витте раскритиковал проект, наговорив «массу всевозможных соображений самого неожиданного свойства, доказывавших прежде всего, что он просто не вчитался в законопроект, совсем не ознакомился с докладом Государственной думы и этим только облегчил задачу правительства по защите проекта». Пока Витте произносил речь, к Коковцову подошел председатель Государственного совета М. Г. Акимов, «вообще недолюбливавший его», и попросил «ответить на все нападки, так как министр путей сообщения (Н. К. Шауфус. — О. Г.) вообще крайне слаб в полемике». Коковцов так и сделал. Поддержали Витте и «высказали свои соображения, но чрезвычайно слабые по содержанию, только Романов, Пихно и Никольский, а в голосовании еще прибавилось семь голосов». Большинство поддержали проект. То же произошло и в общем собрании (Коковцов. С. 321–325).

ДЕКАБРЬ

24 декабря. После смерти жены моей, последовавшей 9 июля 1908 года, я в августе месяце уехал во Францию и на короткое время в Англию. В середине октября я в сопровождении моей дочери графини Бобринской и врача Олимпия Владиславовича Кондратовича водворился на своей любимой даче Saint Roman. С вековыми оливковыми деревьями, чудесными видами с одной стороны на Средиземное море, а с другой – молчаливыми Альпами с соседними этого моря¹. Невроз и страшные мучительные удушья стали отступать перед усилиями Кондратовича, и через три месяца я почувствовал силы и желание вернуться в Петербург. Тем временем меня навестили на несколько дней сначала старший, а потом меньшей из сыновей; а за четыре недели до отъезда в Отечество ко мне присоединилась и старшая дочь моя, княгиня Оболенская, один из сыновей коей Алексей был помолвлен с дочерью князя Петра Николаевича Трубецкого, в прежнее время московского губернского предводителя дворянства, а ныне назначенного членом Государственного совета по назначению от правительства.

Проездом через Париж я покончил переговоры с большой и мощной группой англичан, пожелавших вступить в Богословское горнозаводское общество, занимающее обширную территорию в Пермской губернии.

Мы поехали по железной дороге, доставляющей путешественников из Парижа в Петербург отличными вагонами, наполненными русскими и иноземными для всех нас спутниками. В числе их были и дамы, запасшиеся многочисленными рассказами. В особенности блистала таковыми графиня Тышкевич. Она сказала мне, что сын ее в последнюю японскую войну был удостоен всяких военных отличий. Особенно интересовали ее похождения императорской Фамилии и, в частности, подробности оставления великим князем Алексеем Александровичем наследства.

К удивлению, великий князь Алексей Александрович не оставил большого наследства; в процентных бумагах у него было два миллиона, из коих один должен был уйти в оплату долгов. У него был побочный сын², и в бумагах великого князя оказались черновики писем, адресованных к этому сыну с твердо выраженной волей оставить этому сыну все свое состояние, но воля эта не получила окончательного исполнения, и потому несчастный юноша остался без гроша.

¹ Так в тексте.

² Имеется в виду А. А. Белевский.

Точно так же и французская актриса балета¹ сохранила лишь полученные от великого князя бриллианты и подаренный им незначительный дом. Братья – наследники Алексея Александровича – Владимир и Павел Александровичи настаивают на том, что они имеют исключительное право наследства. И до сих пор кормят Балетту исключительно обещаниями. К графине Тышкевич появился некий Хитрово, объявивший, что по преданности своей к Алексею Александровичу он, Хитрово, примет участие в погребальной церемонии, но когда он появился на железнодорожной станции, то ему объявлено было, что для него нет места. То же самое объявлено было графине Молен-Фельс, морганатической супруге великого князя, которой сказали, чтобы она искала места в каком-либо другом поезде. У великого князя была собрана большая коллекция художественных предметов, в особенности табакерок. Алексей Александрович не раз говорил мне, что он намеревается оставить эту коллекцию Императорскому эрмитажу, но ничего подобного не сделал, и будет [ли] что-либо сделано в этом смысле – совершенно неизвестно.

Рассказывают, что великая княгиня Мария Павловна по получении известия о смерти Алексея Александровича немедленно отправилась в дом великого князя и обшарила все доступные ей ящики, стараясь найти некоторые скандальные письма; в бумагах она нашла между прочим написанные великим князем крупным шрифтом Двенадцать Евангелий Страстной недели. Она с презрением бросила этот манускрипт в сорный ящик и затем отдала его одному из адъютантов великого князя по просьбе последнего. В комнатах оказалось довольно значительное число мелких художественных предметов, которые великая княгиня раздала своим сыновьям.

Великая княгиня находится в весьма затруднительном денежном положении. В городе распространился слух, что управляющий Государственным банком Тимашев предъявил ей к уплате многочисленные счета ее, накопившиеся от ежегодных путешествий, счета эти достигали громадной цифры [в] полтора миллиона. Мария Павловна разыграла роль чрезвычайного удивления – накопление долгов вследствие дурного управления². Она послала за министром императорского двора, и когда сей добродушный и честнейший человек барон Фредерикс, рассказывавший мне это приключение, появился к ней, то она потребовала от него, чтобы он вывел ее из денежных затруднений,

¹ Имеется в виду Э. Балетта.

² Так в тексте.

какими бы то ни было способами. Разумеется, Фредерикс рассказал все Государю, и дело до сих пор не подвинулось нисколько.

Не меньше грустные другие приключения гораздо более важной женской персоны. Безграничная любовь императрицы Александры Федоровны к дочери статс-секретаря Танеева довели ее до того, что она (то есть императрица) проводит со своей любимицей весь день в маленьком домике, с этой целью купленном. Туда направляются монахи, гадалки, спиритки-медиумы и так далее. Полиция захотела разузнать происхождение и свойство этих лиц, но ей было в этом категорически отказано. Говорят, что такое времяпровождение¹ близко к помешательству и что на днях жители этого домика будут подвергнуты наблюдению психиатра.

На другой день по прибытии в Петербург, 23 декабря, я отправился в Мариинский дворец для участия в заседании Государственного совета. А еще более для того, чтобы посмотреть на вновь выстроенную залу для заседаний общего собрания. Зал действительно удался как размерами, так и размещениями и президиума, и членов публики, размещенной в различных трибунах. Зал так обширен, что весьма большая картина, написанная Репиным и изображающая заседание Совета в день празднования его столетия, представляется миниатюрной, а не изображающей членов в натуральную величину². В этот день заседание ничего интересного не представляло, речи были довольно тусклы, а обращения к собранию председателя Акимова, как всегда, отличались некоторой суровостью, как будто выражавшей твердость его убеждения о важности несомых им обязанностей. Заседание продолжалось почти два часа и отличалось большой бесцветностью.

25 декабря. Приезжает ко мне мой внук Алексей Оболенский со своей невестой княжной Любовью Трубецкой. Изображают из себя олицетворение счастья во всех отношениях.

27 декабря. Недавно (не помню, какой день) праздновался праздник Семеновского полка. По обыкновению от Государя была послана поздравительная телеграмма. Жадные всякой новостью журналисты явились на праздник и старались выведать от молодых офицериков редакцию этой телеграммы. Не обратив особенного внимания на это ходатайство, юные офицеры, вероятно желая отделаться от докучливых писак, передали им

¹ Так в тексте.

² Речь идет о картине И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения».

текст телеграммы, исполненный не только ошибок, но и безграмотности. На другой день исправлявший обязанности начальника военно-походной канцелярии двоюродный мой брат Андрей Половцов показал Его Величеству искаженный текст его поздравления. Государь приказал оставить этот промах без всякого внимания. Между тем начальник Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич приехал в Семеновский полк, собрал не только офицеров, но и высшее начальство, то есть полкового, бригадного, дивизионного и корпусного командиров, стал кричать на них и грубо объявил, что не считает возможным служить с людьми, так непростительно относящимися к службе. Полковой командир Зуров тотчас объявил великому князю, что в такой выходке он, Зуров, видит для себя препятствие к продолжению службы и немедленно подал просьбу об отставке. Великий князь, разумеется, обо всем донес Государю, который вызвал Зурова и старался убедить его не покидать службы, но Зуров остался при заявлении, что великий князь нанес поругание его чести и что поэтому он, Зуров, не изменит принятого им решения.

Посланный¹ в качестве сенатора-ревизора второй сын графа К. И. Палена в Туркестанскую область принялся за порученное ему дело с чрезвычайной строгостью и в краткое время не только предал суду, но отрешил от должностей весьма большое число служивших там чиновников. Только что назначенный туда генерал-губернатор Мищенко старался уговорить Палена несколько уменьшить его суровость, доказывая, что для него, Мищенко, при таких порядках делается невозможным продолжать только что начатое им дело управления малоизвестной ему страной; Пален стоял на своем, и вскоре окончательно поссорившиеся представители власти обратились оба одновременно к Государю с просьбой об их увольнении. Государь, надеясь обоим склонить к заключению мира, послал обоим собственноручные письма по этому делу, но даже высочайшее вмешательство не помогло, и оба potentата остаются доселе на боевых один против другого позициях.

28 декабря. Заезжаю к Н. Балашеву. Остаюсь у него очень долго, выслушивая его рассказы. Он в душе добрый и честный человек, но безмерно высокого мнения о себе самом в противоположность его весьма невысокому росту. Будучи племянником князя Паскевича, женившись

¹ Эта запись не датирована.

на дочери графа А. П. Шувалова, присвокупив к этому весьма большое состояние и весьма сильное желание дойти до «степеней высоких», он, не отличаясь ни обширными познаниями, ни какой бы то ни было служебной опытностью, состоит в числе членов Государственного совета по назначению. Возвышение это, как я слышал, последовало так: он был членом совета Министерства внутренних дел и носил одновременно весьма скромное придворное звание. При помощи графа Воронцова он внезапно попал в первые чины двора и, получив это отличие, обратился к князю с просьбой выпросить ему должность члена Государственного совета по той причине, что, получив звание первого чина двора, он не может оставаться более членом совета Министерства внутренних дел. Неизменно любезный князь Мирский исполнил его желание, доложив о том Государю, который не отказал в своем согласии. Покладливый¹, незадорный, ничем особенно не отличающийся, Балашев вскоре снискал дружелюбное расположение своих товарищей и стал попадать во всякие комиссии, соглашаясь обыкновенно с мнением большинства. Об успехах своих на поприще законодательной деятельности он говорил весьма пространно, но, признаюсь, сообщил мне весьма мало нового, а подчас сильно ошибался в изложении юридических и исторических фактов и оценок.

29 декабря. Навещаю князя А. С. Долгорукого. В молодости он отличался большой красотой; будучи сыном князя С. А. Долгорукого, женатого не на графине Апраксиной и занимавшего высокое положение статс-секретаря у принятых прошений, находясь в близком родстве почти со всеми наиболее родовитыми фамилиями, А. С. Долгорукий быстро совершил блестящую придворную карьеру, достигнув высокой должности обер-гофмаршала, женись на дочери графа Петра Павловича Шувалова. Не получив большого образования, но одаренный умом, большой проницательностью, глубоким познанием великосветских обычаев и вообще человеческого сердца, он всегда пользовался расположением знакомых и близких ему лиц. Ныне, достигнув старости, он продолжает быть *persona gratissima*² при высочайшем дворе, вследствие чего на него и детей постоянно сыплются всякие милости и награды. Выслушиваю его оценку петербургских деятелей и отечественных событий. Все, что он говорит, отличается справедливостью в существе и большой умеренностью во внешней форме. Нового не узнаю ничего, но слышу подтверждение известных мне фактов и справедливость заслуженной ими

¹ Так в тексте.

² Особа личность, пользующаяся доверием (*лат.*).

оценки. Сообща Долгорукому о достигнутом мной относительно Богословска соглашении с англичанами, он допрашивает меня до мелких подробностей и удивляется, как я мог достигнуть подобного успеха.

31 декабря. Делаю визит Трубецким, графиня очень словоохотлива, много рассказывает о своих путешествиях, а хозяин прибавляет к тому много подробностей о своих обширных в России поземельных владениях. Тут же мой внук Алексей Оболенский со своей невестой, дочерью хозяев. Все происходит весьма чинно, хотя и оживленно. При отъезде Трубецкой садится со мной в карету и сетует на то, что виденный им список назначаемых завтра членов Государственного совета по назначению содержит имена исключительно реакционеров.

1909

ЯНВАРЬ

1 января. Четверг. Согласно приказанию Трубецкого, первая страница «Правительственного вестника» наполнена именами ультраконсерваторов. Выбор этот, очевидно, принадлежит председателю Совета Акимову. Он не обладает никаким талантом, исходя из той точки зрения, что на Совете лежит обязанность вотировать непременно согласно видам правительства, считает революционером каждого члена, который позволяет себе иметь иные взгляды, чем составляющие кабинет министры. Такой взгляд представляет великую опасность, так как составившееся подобным путем в Государственном совете большинство может дойти до того, что станет отвергать все не нравящиеся постановления Думы, а такой образ действия не может не повлечь за собой конфликта между Советом и Думой и великими¹ по всей России беспорядками². К сожалению, Акимов и ему подобные деятели не понимают навлекаемые ими на Россию несчастья.

2 января. Свидание с директором нашего Рисовального училища, главным образом, для избрания людей, долженствующих заместить лиц, покидающих служебные школьной иерархии места.

В 4 ½ часа еду к великому князю Владимиру Александровичу, переселившемуся вчера из Царского Села. Разговор намеренно довольно пустой. Великий князь очень занят вопросом о наследстве после его брата Алексея, внезапно скончавшегося в Париже; денег осталось немного, приблизительно один миллион, но место, на котором расположен дом и сад великого князя, по размерам своим представляет значительную ценность, а именно два миллиона семьсот тысяч рублей. В доме находятся собранные покойным художественные вещи и в том числе коллекция табакерок, которую великий князь, как он мне сам говорил, предназначал Эрмитажу. В бумагах его нашлись черновые писем его побочному сыну Белевскому, в коих он категорически обещал

¹Так в тексте.

²Так в тексте.

ему отдать в собственность после его смерти все, что ему принадлежало. Настоящего завещания он, однако, не оставил, а потому, как мне сказал великий князь Владимир Александрович, Белевскому будет назначен лишь пожизненный доход в пятьдесят тысяч марок, а все недвижимое и движимое имущество поступит в собственность находящихся в живых братьев его Владимира и Павла.

Великий князь отзывается с восторгом об охотах своих в императорских парках по соседству с Варшавой. С разрешения Государя великий князь имел с собой шестерых приглашенных и уничтожил неисчислимое количество дичи.

Заезжаю в Мраморный дворец к старой фрейлине графине Келлер, великой приятельнице моей покойной жены.

5 января. Понедельник. Обед с Андреем. Сообщает, что Комитет государственной обороны постановил, что для усиления его средств необходимо продать все расположенные в городе Петербурге военные казармы и тем выручить значительные денежные средства для обороны.

6 января. Во вторник заезжаю к Голубцову. Разговор о переменах, произведенных 1 января в составе Государственного совета. В списке, утверждаемом Государем, исключены имена Сольского, Бутовского, Стевена, Аничкова, Иксуля (старшего). Сольский перемещен в число членов Совета, не присутствующих вследствие своей дряхлости и болезненности. Аничков точно так же, Иксуль вследствие умственного расстройства, но Бутовский и Стевэн исключены лишь по нерасположению председателя Акимова. Нерасположение это основано на том, что, по мнению Акимова, которое он мне высказывал, члены Совета должны высказывать лишь мнения, согласные с видами правительства, а между тем Бутовский и Стевэн сопротивлялись ассигнованию миллионов, необходимых для постройки четырех броненосцев.

На место выбывших из числа назначаемых для присутствия членов Государственного совета поступили генерал Олив, председатель опекунского совета, страдающий серьезной болезнью, князь Куракин – почетный опекун, имевший случай неоднократно высказать царю ультрареакционные взгляды, Бехтеев – единомышленник последнего, председатель уголовного кассационного департамента Сената Шрейбер, сенатор Зверев и государственный секретарь барон Юлий Александрович Иксуль фон Гильдебандт. Олив назначен по ходатайству императрицы Марии Федоровна, Куракин и Бехтеев – по рекомендации министра земледелия Кривошеина, Шрейбер и Зверев – по выбору Акимова,

Иксукуль – вследствие просьбы его освободиться от обязанностей государственного секретаря при таком председателе, как Акимов. Такое бесцеремонное исключение членов из числа присутствующих произвело взрыв негодования в стенах Совета.

Когда Акимов приехал к графу Палену, то был встречен восклицанием Палена о том, какой вред достоинству и значению Совета приносит такое распоряжение, влекущее за собой даже понижение самого достоинства монарха. На это Акимов отвечал, что такое распоряжение последовало совершенно неожиданно для него, а между тем в последних числах декабря по пути в Царское Село он встретил в вагоне графиню Шувалову, рожденную графиню Воронцову, и сказал ей, что члены Государственного совета обращаются с ним так, что он их прочит 1 января. При этом он указал на портфель с бумагами для доклада Государю.

7 января. Посещает меня Куракин. Рассказывает, что представлялся в этот день Государю, который ему три раза сказал, что Акимов, как председатель Совета, – клад.

Обедают у меня мой внук Алексей Оболенский со своей невестой княжной Трубецкой. По-видимому, союз их обещает быть счастливым.

8 января. Приезжает мой сын Петр из Ташкента, где он в течение года командовал пехотной ротой в качестве последнего испытания до поступления в Генеральный штаб. Заходит Алексей Дмитриевич Оболенский, со свойственным ему юмором говорит о печальном ходе дела в Государственном совете и о грустных, чтобы не сказать непристойных, выходках председателя Акимова; сообщает, что он, Оболенский, и Таганцев были включены Акимовым в список лиц, долженствовавших быть исключенными из числа членов, присутствовавших в Совете.

Посещаю Зиновьева, петербургского губернатора, весьма честного и добросовестного исполнителя своих обязанностей.

9 января. Заупокойная литургия и панихида в церкви Мариинского дворца. Приезжает ко мне Голубев, товарищ председателя Государственного совета. Очень возмущен поведением Акимова и, казалось бы, охотно покинул свой теперешний пост, но считает необходимым отложить на некоторое время исполнение этого своего желания.

12 января. Приезжает С. С. Гончаров. Заявляет мне, что не участвовал и не будет участвовать ни в одном из собраний правой партии, доколе в ней председательствует Дурново. Обсуждаем возможность

выделения из этой партии группы умеренных. Гончаров считает необходимым отложить исполнение этого предположения до окончания имеющих последовать в нынешнем году новых выборов.

Обедает Иксуль, с которым разговор на ту же тему. Лидерство Дурново решительно противно всякому благомыслящему и благочувствующему члену партии.

13 января. Приезжает Горемыкин, только что выздоровевший от тяжелой болезни. Тоже вполне согласен в необходимости отделаться от Дурново, но, к сожалению, на днях уезжает лечиться в Германию.

Приходит Шмеман (?)¹ все с тем же указанием большего числа правой партии составить группу, независимую от Дурново.

14 января. Заседание Совета, посвященное почти исключительно отмене порто-франко во Владивосток². Талантлива речь Ковалевского; ухажу до конца заседания, утомленный после плохо проведенной ночи (легкий припадок удушья).

15 января. Министр промышленности и торговли Шипов уволен от этой должности с назначением членом Государственного совета. Он изображает из себя полнейшее во всех отношениях ничтожество. Первоначальными повышениями он обязан Витте, у которого состоял прислужником; назначение министром последовало по проискам Коковцова, который опасался отдать это министерство лицу, которое могло бы со временем перейти на пост министра финансов. Назначенный на место Шипова Тимирязев изображает из себя единицу средней величины. Он не лишен ни познаний, ни некоторой опытности в поручаемом ему деле, так как он пробыл десять лет коммерческим агентом русского Министерства финансов в Берлине. Будучи женат на отставной танцовщице, он, как и все люди, подвергнувшиеся подобному приключению, повернул в левую сторону, и это отзывается на его политической карьере. В итоге он весьма неглупый, образованный, начитанный, в случае надобности трудолюбивый человек и, без сомнения, во всех отношениях гораздо выше Шипова.

Разговор с Цейдлером и Шелгуновым о возможности все медное производство в Богословске вести на коксе, что дает значительное увеличение

¹ Так в тексте.

² Порто-франко (от *итал.* porto franco – свободный порт) – порт, пользующийся правом беспощлиного ввоза и вывоза товаров. Во Владивостоке этот режим действовал с 1861 по 1909 гг.

древесного топлива для железного производства. Разговор с лесничим Вульвиусом, сущность коего приводит к заключению, что как ни велика площадь вырубаемого леса, но тем не менее произрастающий на этой площади лес может удовлетворять потребности двух железодельных заводов, но ни в коем случае не может удовлетворить одновременно потребности медного производства, а потому потребление кокса для производства меди представляется делом крайней необходимости.

16 января. Продолжительный визит и оживленный разговор с княгиней Ольгой Петровной Долгорукой. Она очарована имевшим место накануне большим обедом у Их Величеств в Царском Селе. Хотя императрица Александра Федоровна и принимала участие в этом пиршестве, чествовавшем императора Вильгельма II, но не произносила ни единого слова, а после обеда выразила желание, чтобы присутствовавшие дамы по возможности собрались в кучки так, чтобы отделаться возможно кратчайшим с ними разговором. Вечером Елачич читает доклад Красовского о выделе крестьянам земельных наделов.

17 января. Перед обедом заезжаю к дочери Анне, которую застаю за приготовлениями к принятию приглашенных на имеющую последовать свадьбу ее сына с княжной Трубецкой.

18 января. Свадьба моего внука Алексея Оболенского с княжной Трубецкой. Разумеется, уклоняюсь от присутствия на этой церемонии, после окончания коей новобрачные приезжают ко мне, чтобы проститься перед отъездом их за границу. В этот же самый вечер перед ними заезжает ко мне моя внучка Миклашевская, только что выздоровевшая от кори и долженствующая родить в самом непродолжительном времени.

20 января. Навеща старшего сына во вновь занятой им квартире в Галерной улице. В 7 часов обед с Елачичем и выслушивание его доклада о незначительных делах, имеющих быть доложенными на следующий день.

21 января. Среда. Разговор с Чечулиным, который напрасно принимает защиту злоупотребляющего моей снисходительностью редактора одного из томов моего словаря – Модзалевского. В два часа заседание Государственного совета. Все пустейшие дела, покуда дела серьезные плеснеют¹ в неприличной и часто неприличной болтовне членов

¹ Так в тексте.

Государственной думы. Высочайшим указом назначен послом в Рим князь Николай Сергеевич Долгорукий. Человек умный, энергичный, но доказавший свою дипломатическую неспособность во время пребывания в Персии в качестве посланника. Последнее время он состоял товарищем или помощником министра двора барона Фредерикса.

Визит Куракина. Излагает очень бледные взгляды на деятельность Государственного совета. Стараюсь говорить о старинных вещах, об участии дворянского землевладения.

22 января. Четверг. Навещаю внучку графиню Шереметеву. Они дышат семейным счастьем, которое усилилось недавним появлением на свет первого ребенка.

Вечером разговор с Шелгуновым, умный, энергичный человек, которому не следует оказывать безграничного доверия.

Как бы то ни было, но он в короткое время совершенно изменил порядок и результат управления Богословским округом.

23 января. Пятница. Сильный холод лишает меня обычной утренней прогулки в автомобиле на Каменном острове. Посетители: приехавший из Москвы мой зять князь А. Оболенский, Корвин-Мелевский по обыкновению словоохотлив и довольно верный в своих оценках людей и событий, М. П. Боткин, долго пролежавший в Мариинской больнице после тяжелой операции.

Четверг¹. Убийство Шелгунова (?).

Пятница – Годабский.

Среда – Совет, назначение Рухлова.

Вторник – инженер каменноугольных копей.

Понедельник – был у Палена. Встречаю Щеглова. Приготовил некоторые бумаги для прочтения в наше заседание.

Пристаю к нему с просьбой издать букв моего словаря (В, Г, Е, Д, М), которые я изготвить не успею.

В воскресенье семейный обед.

¹Здесь и далее – так в тексте, краткие заметки.

Приложение (отрывки из дневника)

1888

МАЙ

<...> увольнение от обязанностей военного министра или сойдет с ума.

После заседания великий князь Владимир Александрович заходит пить чай и долго болтает о современных пустяках с отличающими его умом и незнанием жизни.

20 мая. Пятница. Спуск корабля «Память Азова». Чудесная погода, прелестная картина выставленных по Неве военных судов, а против места спуска множество украшенных флагами пароходов и лодок, наполненных публикой.

22 мая. Воскресенье. Простудившись на спуске, лежу в постели.

23 мая. Понедельник. Так как великий князь Михаил Николаевич уже переехал на дачу в Стрельну, то понедельничный завтрак происходит не у него, а у Гагариных, откуда отправляемся в Совет. Докладывается множество дел, из коих лишь одно – о реформе прибалтийской полиции – вызывает¹ прения. Товарищ министра внутренних дел Шебеко по приказанию графа Толстого настаивает на замене слова «отчинная полиция» словом «местная полиция». Так как против этого восстают Пален и другие, то великий князь, во избежание разногласия, которое почитается несчастием, поручает статс-секретарю Железникову найти редакцию, то есть изложить постановление о полиции так, чтобы не было ни того, ни другого слова.

Министр финансов Вышнеградский заявляет, что в новом законе о премиях за вывозимый²

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

И Ю Н Ъ

6 июня

<...> Savoir s'ennyer [?]. Je me suis permis de le dire également au Grand Duc Alexis l'année dernière pendant nos chasses aux environs de Paris, car on peut dire en plein aire bien plus que l'on ne dirait dans des chambres¹.

В заключение, чувствуя, что я наговорил, быть может, слишком много тяжелых для ее непривычного уха суждений, я перевел разговор на цесаревича и воспользовался случаем высказать о близком ей члене ее семейства самые лестные отзывы, без тени лжи или подострастия. Поблагодарив императрицу за ее снисходительное выслушивание моей болтовни, выхожу в приемную и ожидаю очереди, чтобы войти в кабинет Государя, где многоречивый Вышнеградский занимает хозяина своим еженедельным докладом.

У Государя: *Он*: «Вы скоро собираетесь уезжать?» *Я*: «Как скоро получу от Вашего Величества последнюю меморию». Государь: «А сколько Вы пришлете мне еще меморий?» *Я*: «Одно дело, Государь, представляет большую важность. Это дело об ограничении ссылки. По этому делу в Совете произошло разногласие; я не буду писать Вам извлечения, но позволяю себе просить Ваше Величество с особым вниманием прочитать разные мнения. Положение Совета в этом вопросе было довольно своеобразно. Министр внутренних дел в представлении своем особенно настаивал на том, что оно основано на непременной Вашей воле, то же самое повторял на заседаниях его товарищ, сам министр внутренних дел на заседания не приезжал. Совет сбавил по возможности размер первоначальных предположений министерства; но, признаюсь, на мои глаза даже и в настоящем ее виде мера эта представляется весьма сомнительной. Вам известен, Государь, несовершенный порядок отправления правосудия в наших судебных местах, наиболее закоснелые, но искусные в изворотах преступники ускользают от наказаний, и висевшая над ними угроза административной ссылки уничтожится. Последствием такой меры будет, что ссылка относительно таких личностей будет продолжаться, но только распоряжением правительственной власти, и неудовольствие, падавшее на крестьянские общества, будет падать теперь на Ваше правительство, то есть на Вас, Государь».

Государь: «Это все тюремное управление, желающее строить тюрьмы».

¹Я позволил себе сказать об этом великому князю Алексею в прошлом году во время нашей охоты около Парижа, поскольку на улице можно сказать гораздо больше, чем в комнатах (*фр.*).

Я: «Именно. Вы помните последнее представление, имевшее целью забрать все суммы, скопившиеся от штрафов, налагаемых мировыми судьями, с тем, чтобы на эти суммы строить центральные тюрьмы, когда по закону эти деньги предназначаются для устройства мест заключения при мировых съездах. Постройка больших тюрем всегда обращает на строителей внимание и начальства, и публики, обещает награды и повышения; вот главные чиновничьи побуждения тюремного управления. Повторяю Вашему Величеству просьбу внимательно прочитать разногласие по этому делу».

В заключение я попросил у Государя разрешения приехать несколько позже, чем срок моего отпуска, который оканчивается 15 октября.

Уходя, я встретил в приемной миниаютирного [?] дома в Александрии гофмаршала князя Владимира Оболенского, который стал убедительно уговаривать меня употребить все мое влияние на великого князя Владимира Александровича с тем, чтобы он по возможности умерил характер пышности и торжества, с коим собирается путешествовать, возбуждая против себя население, которое по этому случаю подвергается поборам, долженствующим покрывать расходы пиршеств, вменяемых в заслугу губернаторам, городским главам и другим предприимчивым личностям, обращающим все это на пользу своего самолюбия, если не больше.

На следующее утро ко мне приехал другой брат Оболенский – Платон, гофмейстер великого князя – с той же просьбой, утверждая, что весь подымаемый при путешествиях великого князя шум исходит от его начальника штаба Бобрикова, который ищет в этом случае отличиться и прежде всего выставить самого себя. Бобриков отлично ведет свою военную часть, но за тем он хлыщ в душе, без всяких правил честности или порядочности.

Отрывок черновика записки Александру III об устройстве музея для рабочих

<...> тому как помещена. Коллекция Базилевского не принесет пользу народу. Если бы Вам, Государь, угодно было приобрести Штицеровские [?] вещи, то крайне желательно было бы устроить музей для русского рабочего.

До меня доходил слух, что есть предположение устроить музей русской школы живописи в доме, занимаемом ныне министром государственных имуществ. Позвольте мне сказать, что для помещения картин дом этот вовсе непригоден. Он весь на сводах, освещение сверху невозможно без большой ломки. Совсем иное было бы дело, если бы в этом доме поместить музей художественных предметов, кои по размерам своим нашли бы соответственное и притом безопасное помещение.

Само собой разумеется, что подобное приобретение и устройство такого музея было бы делом общегосударственным и никак не должно бы было быть отнесено на суммы Министерства Императорского двора.

Предметы, принадлежащие Эрмитажу, могли бы быть выставлены в таком музее без передачи права собственности на них.

Подобное устройство имело бы ту выгоду, что эти высокохудожественные образцы сделались бы доступными русскому рабочему, тогда как покуда они хранятся в залах императорского дворца, этого сделать нельзя.

От себя, что высказываемые здесь предположения не нашли бы никакого сочувствия в правительствующих сферах, что все это задумано¹.

Весьма вероятно, что сказанное здесь будет не по сердцу представителям высших правительственных сфер.

Без сомнения, слова мои не были бы одобрены большинством влиятельных моих современников, но и не к ним обращаю речь свою.

Еще раз извиняюсь перед Вашим Величеством за докучливость. Извиняюсь, но не каюсь, потому что буду слишком счастлив, если мне удастся хотя бы микроскопически содействовать к успеху одного из таких мероприятий, кои увековечивают памятных народу Государей, какими были Петр I, Екатерина II и, позвольте прибавить, будет Александр III.

¹ Здесь зачеркнуто: «быть может».

**Черновик письма императору Александру III
о заседании Департамента экономии
(6 декабря 1890 года)**

Почитаю обязанностью довести до сведения Вашего Императорского Величества о некоторых подробностях вчерашнего заседания Департамента экономии, могущих подать повод к неверному их толкованию.

Слушалось в присутствии министра государственных имуществ дело о кредите на аренды служащих.

Товарищем государственного контролера был возбужден вопрос о том, что ассигнуемая по этой статье сумма расходуется с нарушением определенительно существующих на этот предмет сметных правил, так как из ассигнованной по этой статье суммы 2000000 рублей расходуется лишь 1600000 рублей, остаток же не возвращается в казначейство, а остается в заведывании министра государственных имуществ, что резко противоречит коренному правилу о единстве государственной кассы.

Министр государственных имуществ заявил, что такой порядок установлен по высочайшей Вашего Величества воле, что он, статс-секретарь Островский, ввиду возбужденного контролем вопроса испрашивал указаний Вашего Величества и что Вам, Государь, угодно, чтобы установленный по сему предмету порядок оставался без изменения.

Председатель Абаза сказал, что, без сомнения, воля Вашего Величества священна и к какому бы предмету ни относилась, всегда будет исполнена в точности, но что если, несмотря на неоднократные высочайшие повеления о том, чтобы министры не входили к Государю императору с представлениями по вопросам, находящимся на рассмотрении Совета, министр государственных имуществ испросил специальное на сей предмет высочайшее повеление, то повеление сие должно быть объявлено в установленной на сие законной форме, а никак не в форме словесного от министра сообщения. Обращаясь к существу вопроса, Абаза находил справедливым замечание государственного контроля.

Министр государственных имуществ возражал, что если из двухмиллионного кредита откладывается ежегодно около 400 тысяч, то этим несколько не нарушаются интересы лиц, на государственной службе состоящих, потому что он, Островский, всегда старается удовлетворить ходатайства прочих министров, отказы же бывают последствием подробной оценки каждого данного случая Вами самими, Государь. В противоположность такому заявлению в Совете замечено было, что двухмиллионный на аренды кредит существует еще со времени императора Николая, что с тех пор число чиновников почти утроилось [?], а между тем арендный кредит сократился; что все это не может не делаться

известным служилому сословию, не может не отразиться на нем; что ввиду всего здесь высказанного было бы гораздо правильнее и проще отделить арендную [сумму] от суммы, расходуемой на известное [?] Вашему Величеству употребление.

Разумеется, никто не решился делать постановление, идущее сколько-нибудь в разлад с существом высочайшей воли, упомянутой лицом, имеющим доступ к Вам, Государь; кредит был утвержден со скромной оговоркой, чтобы министры финансов, имуществ и государственный контролер изобрели в течение года внешнюю на расход этот форму в согласии с контрольными правилами.

Позвольте мне, Государь, исполняя тяжелый служебный долг свой донесения Вам об обстоятельствах щекотливых, но долженствующих быть известными Вам в надлежащем их виде, позвольте мне присовокупить свою мысль, приученную высказываться перед Вами с полной откровенностью.

Необходимо ли сохранять порядок, сложившийся исторически раздачи арендной суммы?

В давно прошедшее время раздавали арендные имения чиновникам, потом вследствие измененных историей обстоятельств земельные угодия заменялись денежными выдачами, заведывание коими осталось в прежнем ведомстве, но почему же один только из начальников отдельных управлений сделался оценщиком служебной деятельности подчиненных другим министрам лиц? Не имеет ли этот порядок большие неудобства: аренд в действительности никаких не существует, остались одни денежные награды. И почему же не уделить каждому ведомству пропорционально принадлежащую ему сумму с тем, чтобы каждый министр докладывал о своих подчиненных непосредственно Вашему Величеству?

Не было ли бы это¹ еще одно средство для Вас, Государь, узнавать о заслугах людей из прямого источника, не устранился ли бы тогда порядок обращающих благодарность награжденного к лицу, непризванному судить о трудах его, а горечь при неполучении награды к священной особе Вашей, Государь, долженствующей в глазах подданных Ваших быть по преимуществу источником благ и милостей.

Быть может, когда-нибудь или даже по поводу настоящего дела вопрос этот мог бы подвергнуться обсуждению какого-либо совещания.

Позвольте заверить Вас, Государь, что кого бы Вы в такое совещание ни назначили, всякий из слуг Ваших, имеющий мужество не обвиняясь, высказывать перед Вами правду, скажет приблизительно то, что я дерзаю писать Вам. Беда та, что вследствие неизмеримой высоты положения Вашего еще немногие знают, как легко говорить Вам правду.

Государственный секретарь Половцов

¹ Так в тексте.

Запись из дневника

20 декабря¹. Получаю от великого князя Владимира Александровича следующее письмо:

«Краснея, но вместе с тем преисполненный благодарности, возвращаю Вам, любезный Александр Александрович, мой затянувшийся [?] в долгий ящик долг. Тем не менее я продолжаю считать себя в долгу перед Вами. Если прилагательное „денежный“ Вам претит, то может быть другое, а именно: „сердечный“ не будет отвергнуто Вами.

Искренно Вас уважающий
Владимир».

Немедленно отвечаю:

«Не знаю, почему Ваше Высочество могли иметь какой-либо повод краснеть. Людские отношения не измеряются аршинами [?] или рублями, а исключительно нравственным мерилом. В этом случае предложение [...]»² сделанное от чистого сердца и Вами принятое точно так же, ни с той, ни с другой стороны ни в чем нарушено не было и, несмотря на то, что около всего дела была нравственная грязь, она ни Вас, ни меня не коснулась.

Точно так же не признаю я, чтобы Вы были сколько-нибудь моим сердечным должником. Прилагательное принимаю с радостью, но существительное – нет. В делах, где двигателем сердце, нет места дебету и кредиту. В таких делах давать столь так же [?] отратно, а может быть и более, чем получать.

Вы мне ничем не обязаны с первого дня моего с Вами сближения (двадцать два года тому назад). Я испытывал постоянно особенное удовольствие в том, чтобы высказывать Вам с безграничной искренностью все то, что считал справедливым и для Вас полезным. Не думаю, чтобы когда-либо личные побуждения руководили мной в сношениях с Вами. Я всегда делал так, как делаю сегодня, говорил, не задумываясь, [...]»³ перед

¹ Год отсутствует.

² Здесь и далее слово или несколько слов пропущено, так как небольшой кусок страницы оторван.

³ Нет слова.

Вами то, что думал, то, что чувствовал. Богом данная Вам даровитая, отзывчивая натура невольно увлекала меня в сношениях с Вами гораздо более, чем с другими людьми.

Не мне, а Вам знать, что вышло из этих, по-видимому, в добром смысле человеческих отношений.

Конечно, они отрывочны и почти ничтожны рядом со всем складом житнетечения, всего [...] ¹обыденности. Если Вам угодно, однако, сегодня, после двадцати двух лет, закрепить за ними квалификацию «сердечный», то без сомнения признательности останутся не на Вашей стороне, а на [моей].

Вашего и т. д. ²»

¹ Нет слова.

² Так в тексте.

Аннотированный указатель имен

Абаза Александр Аггеевич (1821–1895) – государственный деятель, примыкал к группе «либеральных бюрократов», гофмейстер двора великой княгини Елены Павловны. Государственный контролер (1871–1874), председатель Департамента государственной экономии Государственного совета (1874–1880), министр финансов (1880–1881). Ушел в отставку в знак протеста против манифеста императора Александра III «О незыблемости самодержавия». Член Государственного совета (1883) – 17, 50, 51, 59, 94, 113, 131–133, 139, 309, 495, 579.

Абаза Алексей Михайлович (1853–1915) – контр-адмирал. В 1902 г. назначен в свиту Его императора, затем помощником начальника Министерства торгового мореплавания и портов. С 1903 г. управляющий Особым комитетом по делам Дальнего Востока. Пользовался правом личного доклада Николаю II – 371, 423, 424.

Абаза Николай Саввич (1837–1901) – государственный деятель. С 1890 г. член Государственного совета. В том же году назначен в Департамент законов, в 1900 г. – в Департамент промышленности, наук и торговли. Председатель Комиссии для обсуждения вопроса о мерах к поддержанию дворянского землевладения (1891), председатель Особой комиссии для разработки законопроектов по колонизации и оживлению Черноморского побережья (1895–1897) – 215, 264, 268.

Аллерберг Александр Васильевич (1860–1915) – пензенский губернатор (1898–1903), псковский губернатор (1903–1911). С 1911 петербургский (с 1914 петроградский) губернатор. Председатель Псковского археологического общества – 59, 301.

Акимов Михаил Григорьевич (1847–1914) – действительный тайный советник (1907), статс-секретарь (1908). С 1899 г. сенатор Уголовного кассационного департамента. С декабря 1905 по апрель 1906 г. министр юстиции. С 1906 г. член Государственного совета, председатель Государственного совета (1907–1914) – 23, 511, 543, 548, 557, 561–562, 563, 565, 569, 570, 571.

Александр I Павлович (1777–1825) – российский император (1801), прогектор Мальтийского ордена (1801), великий князь Финляндский

(1809), царь Польский (1815), старший сын императора Павла I и Марии Федоровны – 77, 144, 165–166, 225–226, 230, 249, 277, 279, 302–303, 308, 319, 336, 354, 396, 412, 472, 501, 507, 516, 542.

Александр II Николаевич (1818–1881) – российский император (с 1855 г.). Женат (с 1841 г.) на великой княгине Марии Александровне (1824–1880), урожденной принцессе Максимилиане-Вильгельмине-Августине-Софии-Марии Гессен-Дармштадтской. Погиб от рук народовольцев 1 марта 1881 г. – 19–20, 25, 48, 49, 50, 59, 76, 91, 119, 127, 132, 143, 165, 185, 193, 194, 208, 209, 212, 218, 249–250, 255, 280, 281, 302, 308, 322–323, 326, 332, 339, 352, 384, 406, 408, 532.

Александр III Александрович (1845–1894) – российский император (с 1881 г.). Второй сын цесаревича и великого князя Александра Николаевича (императора Александра II) и его супруги Марии Александровны. Стал наследником престола после смерти в 1865 г. старшего брата Николая. Проводил мирную внешнюю политику, за что получил от современников наименование «царя-миротворца». Был женат с 1866 г. на великой княгине Марии Федоровне – 15, 19, 26, 28, 29, 45, 46, 50, 52, 54, 55, 58, 60, 68, 74, 79, 88, 89, 93, 98, 99, 110–116, 121, 122, 127, 132, 133, 134, 147, 138, 139, 142, 143, 144, 161, 168, 176, 178, 192, 197, 200–203, 206, 208, 210, 212–214, 216, 227, 232, 237–238, 241, 252, 258, 260, 280, 281, 293, 303, 309, 311, 312, 317, 326, 366, 379, 380, 388, 405, 410, 430, 438, 455, 466, 489, 495, 505, 514, 532, 536, 544, 578, 663, 679.

Александр Михайлович (1866–1933) – великий князь, четвертый сын великого князя Михаила Николаевича. С 1894 г. женат на великой княгине Ксении Александровне. Близкий друг детства императора Николая II. Флигель-адъютант (1886). Контр-адмирал Свиты императора (1903). Вице-адмирал (1909), генерал-лейтенант, генерал-адъютант (1909) Свиты императора Николая II, адмирал (1915). Закончил Морское училище (1885) мичманом. С 1885 г. был зачислен в Гвардейский экипаж и служил на флоте. С 1900 г. председатель Совета по делам торгового мореплавания, в 1902–1905 гг. Главноуправляющий торгового мореплавания и портами, председатель Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования (1904), а затем возглавил отдел воздушного флота при этом комитете – 28, 74, 122, 178, 180, 195, 224, 227, 235, 238, 240, 248, 287, 312, 380, 396, 411, 417, 423, 443, 452, 456, 514, 641, 679.

Александра (1844–1925) – королева Английская (1901–1910). Урожденная Александра Каролина-Мария-Шарлотта-Луиза-Юлия принцесса Датская, старшая сестра императрицы Марии Федоровны. Супруги

принца Уэльского Альберта-Эдуарда (с 1901 г. короля Великобритании Эдуарда VII) – 560.

Александра Иосифовна (1830–1911) – великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская Александрина-Фридерика-Генриетта-Паулина-Марианна-Элизабет. Супруга (с 1848 г.) великого князя Константина Николаевича – 87, 90, 98, 104, 409.

Александра Петровна (1838–1900) – великая княгиня, урожденная принцесса Александра-Фридерика-Вильгельмина Ольденбургская. Супруга (с 1856 г.) великого князя Николая Николаевича старшего. Ее брак фактически распался в конце 1870-х гг. В 1889 г. приняла иночество с именем Анастасия. Основательница Киевского Покровского монастыря и госпиталя при нем – 27, 153–254,

Александра Федоровна (1872–1918) – российская императрица. Урожденная принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская, дочь великого герцога Людвиг IV и принцессы Алисы Английской. Внучка императрицы Великобритании Виктории I, внучатая племянница императрицы Марии Александровны. Воспитывалась при английском дворе. С ноября 1894 г. жена императора Николая II, от брака с которым имела пять детей. С 1896 г. попечительница и председательница Женского патриотического общества. После начала Первой мировой войны находилась во главе Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, семей раненых и павших воинов. С мая 1915 г. возглавляла Особый комитет по оказанию помощи русским военнопленным. После Февральской революции содержалась под стражей в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге. Расстреляна вместе с семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. – 99, 177, 282, 325, 343, 344, 354, 363, 365, 383, 385, 403, 407, 408, 411, 433, 442, 443, 444, 446, 454, 466, 482, 493, 500, 514, 540, 543, 557, 560, 565, 573.

Алексеев Евгений Иванович (1843–1917) – по слухам, внебрачный сын императора Александра II. Окончил Морской кадетский корпус (1863). В 1863–1867 гг. участвовал в кругосветном плавании на корвете «Варяг». С 1878 г. командир крейсера «Африка». Морской атташе во Франции (1883–1888). С 1886 г. командир крейсера «Адмирал Корнилов». Сопровождал наследника престола, будущего императора Николая II, в путешествии на Дальний Восток (1891). Помощник начальника Главного морского штаба (1892–1895), начальник Тихоокеанской эскадры (1895–1897), вице-адмирал (1899), генерал-адъютант Свиты императора (1901), адмирал (1903). В 1899–1903 гг. главнокомандующий войсками Квантунской области и морскими силами

на Тихом океане. Наместник Его Величества на Дальнем Востоке (1903–1905). В начале русско-японской войны главнокомандующий всеми вооруженными силами России, действующими против Японии. В июне 1905 г. смещен с указанных должностей и назначен членом Государственного совета. С апреля 1917 г. в отставке – 356, 423, 436, 442, 463, 464.

Алексеев Николай Александрович (1852–1893) – московский предприниматель, благотворитель, политик, организатор городского хозяйства. Из купеческой династии Алексеевых. В 1885–1893 гг. – городской голова Москвы. Алексееву Москва обязана строительством современных систем водопровода, канализации, школ и больниц – 180.

Алексей Александрович (1850–1908) – великий князь, четвертый сын императора Александра II, генерал-адъютант (1880), вице-адмирал (1882), адмирал (1888). Член Государственного совета (1881), главный начальник флота и морского ведомства (1881–1905), член Комитета министров. После разгрома российского флота в Цусимском бою подал в отставку со всех постов (1905) – 76–77, 86, 88, 110, 143, 149, 177–178, 180, 194, 196, 197, 240, 262, 272, 275, 286, 325, 356, 372, 390, 399, 400, 403, 406, 440, 451, 454, 461, 482–483, 563–564.

Алексей Михайлович (1875–1895) – великий князь, шестой сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Фёдоровны. Числился в Морском училище – 55.

Альберт Эдуард см. Эдуард VII

Альвенслебен Фридрих Иоганн (1836–1913) – граф, прусский дипломат. С 1882 по 1901 г. состоял посланником в Гаге, Вашингтоне и Брюсселе. Германский посол в Петербурге (1901–1905) – 344, 404, 407, 430, 433

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) – прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург, автор сатирических стихотворений. Сотрудник газеты «Новое время» (1892–1899). В 1902–1903 гг. в ссылке в Минусинске, в 1904 г. – в Вологде. В ссылке под псевдонимами сотрудничал в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Руси», «Русском слове» и других газетах. В 1904–1916 гг. в эмиграции (Франция, Италия), издавал журнал «Красное знамя» – 326.

Анненков Михаил Николаевич (1835–1899) – русский генерал, строитель Закаспийской железной дороги. В 1863 году принимал участие в усмирении польского мятежа. Во время войны 1877–1878 г.

был членом Временного исполнительного комитета по передвижению войск – 139, 140.

Арсеньев Алексей Александрович (1849–1914) – юрист, с 1886 по 1905 г. губернский предводитель дворянства (Тульская губерния). С 1898 г. член Особого совещания по делам дворянского сословия. С 1904 г. являлся членом Особого комитета по делам земельного кредита. С 1905 г. член Государственного совета – 373, 510, 524.

Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832–1915) – контр-адмирал Свиты императора (1877), вице-адмирал (1887), генерал-адъютант (1896). Адмирал (1900). Окончил Морской кадетский корпус. Адъютант великого князя Константина Николаевича. Директор Морского корпуса (1882–1896), член Адмиралтейств совета (с 1896), член Государственного совета (с 1901). Воспитатель великих князей Сергея и Павла Александровичей – 291.

Луэрбах Александр Андреевич (1844–1916) – горный инженер. В 1864–1867 гг. по поручению Горного департамента занимался поисками каменного угля на Самарской луке. В 1868 г. был избран адъюнкт-профессором Горного института по кафедре минералогии. С 1876 г. начал заниматься консультациями по горнозаводским делам. Инициатор первого (1874) и активный участник последующих съездов промышленников Юга России – 163, 205, 181.

Биденская, принцесса – см. Мария Максимилиановна

Балашев Николай Петрович (1840–1931) – член Государственного совета (1905). В 1891 г. был назначен членом Совета Министерства внутренних дел. В 1904 г. получил придворный чин обер-егермейстера – 96, 25, 239, 315, 409, 541, 542, 543, 566–567.

Балетта Элиза – артистка французской труппы императорского Михайловского театра, любовница великого князя Алексея Александровича – 564.

Балинский Петр Иванович (1861–1925) – архитектор. Служил в Технико-строительном комитете при МВД. По его проектам сооружен ряд производственных комплексов и больничных зданий. Автор проекта метрополитена в Санкт-Петербурге. Разработал схему внеуличных скоростных железных дорог для обеих столиц. В 1902 г. составил проект московского метрополитена. Основные идеи его проекта метро в Москве были использованы при строительстве 1930-х гг. – 410.

Балмашев Степан Валерианович (1881–1902) – член партии социалистов-революционеров, студент Казанского, а затем Киевского университетов, убийца Д. С. Сипягина – 353, 358, 359, 370.

Баранов Эдуард Трофимович (1811–1884) – генерал-адъютант, граф. Начал службу в лейб-гвардии Измайловском полку, был командирован на Кавказ, где принял участие в военных действиях. В 1866 г. назначен лифляндским, эстляндским и курляндским генерал-губернатором и командующим войсками Рижского военного округа, в том же году – генерал-губернатором северо-западных губерний и командующим войсками Виленского военного округа. В 1868 г. назначен членом Государственного совета, в 1881 г. – председателем Департамента государственной экономии. Председательствовал в «Барановской» комиссии для исследования железнодорожного дела. Результатом ее работ явился общий устав российских железных дорог – 46, 132.

Барятинский Александр Владимирович (1870–1910) – князь, старший сын князя Владимира Анатольевича Барятинского (1843–1914). С 1901 г. был женат на светлейшей княжне Екатерине Александровне Юрьевской (1878–1959), морганатической дочери императора Александра II – 377–378.

Барятинский Александр Иванович (1815–1879) – князь. Кавказский наместник (1856–1862). Генерал-фельдмаршал – 201, 616.

Безобразов Александр Михайлович (1855–1931) – офицер Кавалергардского полка. Полковник, статс-секретарь (май 1903–1905, сохранял пост статс-секретаря до 1914 г.). После отставки в 1890-е гг. служил в иркутском отделении Главного управления государственного коннозаводства. Член Особого комитета по делам Дальнего Востока (1903–1905). В 1896 г. составил записку, в которой указывал на неизбежность войны с Японией, и предлагал под видом коммерческих предприятий провести мирное завоевание Кореи. Пользуясь доверием и поддержкой императора Николая II, добился в начале 1903 г. приостановки эвакуации русских войск из Маньчжурии и учреждения наместничества на Дальнем Востоке. Поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг. привело к краху его политической карьеры. В 1916 г. – попечитель церковно-приходской школы в Петрограде – 20, 413, 423, 427, 430, 441, 453, 456.

Беккариа Чезаре (1738–1794) – итальянский мыслитель, публицист, правовед и общественный деятель эпохи Просвещения – 162.

- Белевский (Белевский-Жуковский) Алексей Алексеевич (1871–1932) – граф, незаконнорожденный сын великого князя Алексея Александровича. Адъютант великого князя Сергея Александровича. Шталмейстер – 325, 563, 569–570.
- Белосельский-Белозерский Константин Эсперович (1843–1920) – русский генерал, крупный землевладелец и заводчик. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1881 г. короткое время был адъютантом наследника цесаревича – будущего императора Александра III. В 1895 г. вышел в запас, в 1896 г. вновь вернулся на службу в чине генерал-майора с зачислением в Свиту императора. Состоял членом совета Главного управления коннозаводства – 225, 408, 409.
- Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815–1898) – князь, государственный деятель Германии, первый рейхсканцлер Германской империи (1871–1890). Осуществил объединение Германии. Провел ряд социальных реформ. Один из главных организаторов Тройственного союза 1882 г., направленного против Франции и России. При этом считал, что война с Россией была бы крайне опасной для Германии – 73, 408, 673.
- Бобриков Николай Иванович (1839–1904) – окончил Академию Генерального штаба (1865). Генерал-майор Свиты императора (1878), генерал-лейтенант, начальник штаба Петербургского военного округа (1884–1898), генерал от инфантерии (1897), генерал-адъютант (1898) Свиты императора, генерал-губернатор Финляндии и командующий войсками Финляндского военного округа (август 1898–1904). Сторонник ограничения финляндской автономии. Член Государственного совета (1900). Убит в Гельсингфорсе террористом Ейгеном Шауманом, сыном бывшего финского сенатора – 263, 289, 313, 352, 353, 354, 361, 462, 463, 577, 636.
- Бобринская Надежда Александровна (1865–1920) – графиня, вторая дочь А. А. Половцова, астроном. Работала в Пулковской обсерватории. В 1901 г. получила коррекцию орбиты малой планеты (300) Геральдина, открытой незадолго до этого – 9, 37, 319, 461, 517, 560, 563.
- Бобринская Надежда Алексеевна (1884–1896) – вторая внучка А. А. Половцова – 10, 179, 182.
- Бобринская Софья Андреевна (1829–1912) – графиня, урожденная графиня Шувалова, жена Александра Алексеевича Бобринского – 91, 244, 262, 317, 395, 427, 541, 542, 548.

Бобринский Александр Алексеевич (1823–1903) – граф, обер-гофмейстер – 91, 244, 262, 317, 395.

Бобринский Алексей Александрович (1852–1927) – граф, обер-гофмейстер, председатель Императорской археологической комиссии в 1886–1917 гг., депутат III Государственной думы, с 1912 г. член Государственного совета (по назначению), в 1916 г. товарищ министра внутренних дел, затем министр земледелия. Зять А. А. Половцова – 37, 80, 179, 383, 541.

Бобринский Владимир Алексеевич (1824–1898) – русский государственный деятель. Министр путей сообщения (1869–1871) – 88.

Богарне З. Д. – см. Лейхтенбергская З. Д.

Боголепов Николай Павлович (1846–1901) – профессор римского права (1878–1895) и ректор Московского университета (1883–1887 и 1891–1893); попечитель Московского учебного округа (1895–1898). Министр народного просвещения (1898–1901), автор «Правил» об отдаче «кра мольной» части студенчества в солдаты. Убит эсером Карповичем – 28, 237, 242, 275, 287.

Бомпар Морис (1854–1935) – французский дипломат, посол в России (1902–1908) – 463.

Боткин Михаил Петрович (1839–1914) – русский художник, академик исторической живописи, гравер, искусствовед, археолог, коллекционер и меценат. Тайный советник – 80, 271, 278, 321, 351, 372, 397, 419, 427, 428, 429, 432, 435, 438, 450, 543, 546, 559, 574.

Боткин Сергей Сергеевич (1859–1910) – русский врач и коллекционер, старший сын Сергея Петровича Боткина – 400.

Бракенъе – продавец ковров – 496.

Бреверн Егор Иванович – тайный советник. Служил во II Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, с 1862 г. был членом комиссии по подготовке проекта судебной реформы – 46

Бринер Юлий Иванович (1849–1920) – купец первой гильдии и почетный гражданин г. Владивостока, первооткрыватель тетюхинских рудных месторождений. Один из основателей Общества изучения Амурского края – 453.

Бриц – врач, у которого А. А. Половцов лечился в Монтекарло – 244, 275

- Будберг Александр Андреевич, фон (1854–1914) – барон. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1879 г. на службе в Министерстве внутренних дел. В 1883 г. помощник начальника канцелярии Императорской Главной квартиры. С 1899 г. главный управляющий Канцелярией по принятию прошений на Высочайшее имя приносимых (1899–1913). Член Государственного совета (1904). Статс-секретарь (1908), сенатор – 422, 470, 488.
- Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919) – министр внутренних дел (январь – октябрь 1905 г.), статс-секретарь (1913), обер-шенк Императорского двора (1916) – 469, 474, 478, 479, 502.
- Бунге Николай Христианович (1823–1895) – экономист, профессор (с 1850), академик Петербургской Академии наук (1890), ректор Киевского университета (1859–1862, 1871–1875, 1878–1880). Наставник (1886–1889) цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II). Товарищ министра финансов (1879–1881), министр финансов (1881–1886), председатель Комитета министров (1887–1895). Инициатор отмены подушной подати. Учредил Крестьянский банк для помощи крестьянам в покупке земли. Выступал за протекционистскую политику и правительственные субсидии отечественной промышленности – 17, 66, 68, 78, 88, 97, 113, 116, 119, 120, 121, 123, 137, 138, 162, 188, 271.
- Буркене Франсуа Адольф (1799–1869) – барон, французский дипломат. Посол Франции в Турции (1841–1848) – 182.
- Бычков Афанасий Федорович (1818–1899) – русский историк, археограф, библиограф, палеограф. Академик Петербургской Академии наук (1869), директор Императорской публичной библиотеки (1882–1899 гг.), член Государственного совета (1890) – 230, 279, 430.
- Бюлер Федор Антонович (1821–1896) – барон, директор Московского главного архива Министерства иностранных дел, член Археографической комиссии – 141.
- Валь Виктор Вильгельмович, фон (1840–1915) – генерал от кавалерии (1904), член Государственного Совета (1904). Санкт-Петербургский градоначальник (1892–1895) Виленский губернатор (1901–1902) – 223, 371, 465–466.
- Ванновский Петр Семенович (1822–1904) – из дворян Минской губернии. Гофмейстер. Участвовал в Венгерской кампании (1849). Участник Крымской (1853–1856) и русско-турецкой (1877–1878) войн. Генерал

- от инфантерии (1883), генерал-адъютант Свиты императора (1878). Военный министр (1881–1897). Расследовал причины студенческих беспорядков 1899 г. Министр народного просвещения (1901–1902). Член Государственного совета (1898) – 14, 20, 55, 79, 123, 137, 194, 214, 236–237, 253–254, 287, 289, 290, 291–292, 304, 305, 308, 309, 314, 319, 351, 356, 357, 358, 367, 371, 435, 438, 440, 446, 490.
- Велепольский Сигизмунд Александрович (1833–1902) – граф, маркиз на-Мирове-Гонзаго-Мышковский, шталмейстер, управитель княжества Ловичского. Обер-егермейстер – 92, 98, 100, 101, 215.
- Вердер Бернгард-Франц-Вильгельм, фон (1823–1907) – генерал-лейтенант германской армии, военный уполномоченный в Петербурге (1869–1886), посол в России (1892–1895) – 95, 128, 129, 133, 134, 136, 286.
- Верховский Владимир Владимирович (1849–1910) – действительный тайный советник (1905). Служил в канцелярии Первого департамента Сената и Министерстве юстиции. Директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов (1883–1889). Член Совета министра финансов (1889). Товарищ главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии (1890). Член Государственного совета (1896), входил в группу центра – 108, 138, 257, 267, 415, 480, 481, 484, 502, 503.
- Виктория Федоровна (1876–1936) – великая княгиня. Урожденная принцесса Виктория-Мелита Саксен-Кобург-Готская. В первом браке (1894–1901) жена великого герцога Эрнста Людвиг Гессен-Дармштадтского (брата императрицы Александры Федоровны). В 1905 г. вопреки канонам Православной Церкви вышла замуж за своего кузена великого князя Кирилла Владимировича. Брак был признан императорской фамилией только в 1907 г. Летом 1917 г. с семьей уехала в Финляндию. В эмиграции – 414, 541, 606.
- Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) – германский император и прусский король с 1888 г. по ноябрь 1918 г. Вступил на престол после смерти своего отца – императора Фридриха III (1831–1888). Его матерью была старшая дочь английской королевы Виктории I принцесса Виктория (1840–1901). Был женат (с 1881 г.) на принцессе Августе-Виктории Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Августенбургской (1858–1921) После свержения с престола бежал в Голландию. Жил в эмиграции – 56, 73, 94–95, 100, 127, 129, 134, 136, 169, 172–174, 195, 256, 270, 273, 312, 382, 404, 437, 469–470, 512, 545, 573, 653.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – граф (с 1905 г.). Министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903). Председатель Комитета министров (1903–1905), Совета министров (1905–1906) – 5, 7, 10–12, 20, 22–23, 25, 26, 39, 44, 51–53, 64, 68, 71, 72, 74, 78, 79, 83, 84, 90, 91, 92, 102, 104, 105, 106, 108, 109, 117, 119, 120–122, 124, 125, 133, 137, 139, 140, 141, 147, 148, 176, 186–188, 190, 191, 194, 195, 204–206, 208, 213, 217, 218, 224, 228, 230, 232, 235, 236, 242, 245, 251–253, 255–259, 261–267, 270–271, 274–276, 285, 287, 291–294, 299, 301, 307, 308, 312–317, 319, 321, 329–339, 342, 345, 346–348, 351, 357, 358, 359, 361, 362, 365, 367–370, 377, 380, 384, 388, 395, 396, 397, 400–404, 406–408, 411, 413, 414, 417, 418, 423, 424–426, 428, 429, 431, 434–437, 439, 441, 445, 446, 448, 451, 458, 468–499, 501–503, 507–513, 515, 516, 518, 519, 522, 523, 525, 526, 530, 531, 542–546, 550, 551, 554, 562, 572, 591, 621, 626, 638, 695, 701.

Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский; 1848–1918) – митрополит Киевский и Галицкий. В 1898–1912 гг. митрополит Московский. В 1992 г. канонизирован Русской православной церковью – 216, 403, 521, 556.

Владимир Александрович (1847–1909) – великий князь, третий сын Александра II, генерал от инфантерии (1880), сенатор (1868), член Государственного совета (1872), президент Академии художеств (1876–1909), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905) – 8, 10, 14–15, 20, 29, 31, 32, 45, 49, 51, 57–75, 76, 78, 80, 87, 89, 95, 98, 103, 104, 113, 117, 118, 123, 128, 130, 133, 134, 135, 141, 143, 163, 167, 169–173, 178, 196, 230, 245, 248, 249, 272, 274, 282, 285, 286, 288, 291, 295, 315, 339, 340, 343, 348, 353, 356, 361, 364, 367, 384, 387, 390, 391, 393–394, 400, 408, 409, 413, 414, 417, 423, 427, 430, 431, 437, 448, 455, 456, 459, 464, 482, 490, 493, 500, 504, 512–514, 517, 526, 541, 542, 542, 555, 559, 560, 564, 569–570, 575, 577, 581.

Власовский Александр Александрович (1842–1899) – с 1881 г. второй помощник варшавского обер-полицмейстера. Полицмейстер Риги. В 1892 г. назначен московским обер-полицмейстером. Укрепил дисциплину нижних чинов полиции города, провел модернизацию пожарного парка. Привлечен к суду по Ходынскому делу и был признан виновным. Уволен от должности в июле 1896 г. – 179.

Воронцов – см. Воронцов-Дашков И. И.

- Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916) – граф. Начальник царской охраны, один из личных друзей императора Александра III. Генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант Свиты императора (1875). Министр Императорского двора и уделов (1881–1897). Член Государственного совета (1897). Председатель Российского Красного креста (1904–1905). Наместник на Кавказе (1905–1915) – 55, 75, 81, 94, 97, 100, 105–106, 128, 169, 179, 180, 193, 200, 201–202, 204, 215, 237, 238, 289, 301, 333, 458, 474, 505–506, 567.
- Воронцова-Дашкова Елизавета Андреевна (1845–1924) – урожденная графиня Шувалова, статс-дама. Супруга (1867) графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова. Была близка к императорской семье Александра III. Председатель общества «Исаакиевское православное братство» – 97, 128, 202, 238, 341, 345–346, 375, 571.
- Всевожский Иван Александрович (1835–1909) – егермейстер, директор Императорских театров в 1881–1899 гг. – 179, 426, 429, 543.
- Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895) – математик, инженер, преподаватель Михайловской артиллерийской академии и Политехнического института, профессор Технологического института, ученый в области механики. Активный деятель ряда акционерных обществ, управляющий Министерством финансов (1887), министр финансов (1888–1892). Член Государственного совета (1886) – 14, 15, 44, 51, 52, 83, 86, 105, 132–133, 137, 138, 257, 290, 317, 540 575, 576.
- Вяземская Екатерина Павловна – см. Шереметева Е. П.
- Гаммершмидт Рудольф Бернардович – купец первой гильдии, коммерции советник. Совладелец и распорядитель торгового дома «Р. Гаммершмидт» (мануфактурная торговля) в Петербурге – 163.
- Ганото Габриель (1853–1944) – французский политический деятель, министр иностранных дел (1894–1898) – 173.
- Гейден Логгин Логгинович (1806–1901) – граф. Флигель-адъютант Свиты императора (1832), генерал-адъютант (1849), контр-адмирал Свиты императора (1842), адмирал. Член Александровского комитета о раненых – 94, 290, 314.
- Генрих Омальский (1822–1897) – принц Орлеанский Генрих-Евгений-Филипп-Людовик, герцог Омальский, младший сын французского короля Луи-Филиппа I. Глава партии орлеанистов. Французский генерал и историк – 57.

- Георг (1869–1957) – граф Корфский, принц Греческий и Датский, сын короля Греции Георга I. Кузен императора Николая II, с которым был очень дружен и в юности участвовал вместе с ним в большом морском путешествии на Восток – 381–382.
- Георгий Александрович (1871–1899) – великий князь, второй сын императора Александра III. Лейтенант Гвардейского экипажа, флигель-адъютант Свиты императора (1891). Почетный член Академии наук, Русского Археологического общества, Московского общества испытателей природы. Почетный председатель Русского астрономического общества. Вместе с цесаревичем Николаем принимал участие в морском заграничном путешествии в 1890–1891 гг., но по состоянию здоровья вернулся Россию. После вступления на престол Николая II являлся наследником цесаревичем – 105, 237, 238, 239.
- Георгий Михайлович (1863–1919) – великий князь, третий сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны. Женат (с 1900 г.) на Марии Георгиевне, принцессе Греческой. Флигель-адъютант (1883). Полковник (1896). Генерал-майор с зачислением в Свиту императора (1903). Генерал-лейтенант и генерал-адъютант (1909) Свиты. Генерал от инфантерии. В годы Первой мировой войны состоял при Ставке Верховного главнокомандующего, ездил с особой миссией в Японию (1915–1916) – 55, 122, 130, 178, 264, 278, 536, 667.
- Герард Николай Николаевич (1838–1929) – с 1876 г. сенатор. В 1884–1886 гг. главноуправляющий учреждениями императрицы Марии. С 1898 г. член Государственного совета. В 1905 г. назначен генерал-губернатором Финляндии, при нем введен в действие новый устав Сейма 1906 г. – 191, 229, 333, 341, 345, 366, 405, 417, 421, 450, 451, 480, 483, 509.
- Гессе Петр Павлович (1846–1905) – флигель-адъютант Свиты императора (1875). Командир лейб-гренадерского Эриванского полка (1882). Свиты генерал-майор (1889). Генерал-лейтенант (1896), генерал-адъютант (1896) Свиты императора. Комендант Императорской Главной квартиры (1888–1896), дворцовый комендант (1896–1905). Принадлежал к ближайшему окружению императора Николая II – 25, 296, 307, 354, 361, 380, 389–390, 441.
- Гирс Николай Карлович (1820–1895) – русский дипломат, занимал различные дипломатические посты в Египте, Турции и Персии (1863–1867), Швейцарии (1867–1872), Швеции и Норвегии (1872–1875). Товарищ

министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом Министерства иностранных дел (1875–1882). Сенатор, статс-секретарь (1879). Министр иностранных дел (1882–1895) – 10, 17, 94, 97, 99, 103, 117, 125–127, 129, 148, 183–184.

Глазов Владимир Гаврилович (1848–1918) – генерал-майор (1891). Командир лейб-гвардии Московского полка (1893–1895). Начальник штаба Гвардейского корпуса (1895–1899). Генерал-лейтенант (1899), начальник штаба Финляндского военного округа (1899–1901), начальник Николаевской академии Генерального штаба (1901–1904). Министр народного просвещения (1904–1905). Помощник командующего войсками Московского военного округа (октябрь 1905–1906). Генерал от инфантерии (1907) – 435, 461, 487.

Глебов Александр Иванович (1722–1790) – генерал-аншеф и генерал-прокурор. Участвовал в русско-турецкой войне 1737–1739 г., окончил ее поручиком. В 1775 г. член комиссии, судившей Пугачева, а затем – генерал-губернатор Белгородской и Смоленской губерний с совмещением должности генерал-кригскомиссара. В начале октября 1775 г. при обнаружении серьезных злоупотреблений был отстранен от должности – 303.

Голицын Григорий Сергеевич (1838–1907) – князь. Флигель-адъютант Свиты императора (1871), Свиты генерал-майор (1873), генерал от инфантерии (1896), генерал-адъютант (1897) Свиты императора. Командир лейб-гвардии Финляндского полка (1871–1876), наказной атаман Уральского войска и военный губернатор Уральской области (1876–1885), управляющий гражданской частью на Кавказе (1896–1904). Сенатор (1885), член Государственного совета (1893). Был назначен состоять при императоре (1905) – 54, 169, 170, 171, 212, 400, 401.

Голицына Мария Михайловна (1836–1910) – урожденная Пашкова; светлейшая княгиня. Муж (с 1857 г.) – светлейший князь Владимир Дмитриевич Голицын (1815–1888). Обер-гофмейстерина двора императрицы Александры Федоровны – 409, 411, 430, 431.

Голубев Иван Яковлевич (1841–1918) – член Государственного совета (1895). Действительный тайный советник (1901). Председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета (1905). Вице-председатель преобразованного Государственного совета (1906). Статс-секретарь (1910) – 28, 138, 229, 470, 471, 474, 496, 498, 507, 509, 510, 526, 528, 529, 544, 552, 554, 571.

- Гончаров Сергей Сергеевич (1843–1918) – старший председатель Тифлисской судебной палаты (1884). Сенатор (1891). Член Государственного совета (1900–1911). С 1906 г. один из лидеров правых в Государственном совете. В 1911 г. вышел в отставку в знак протеста против позиции П. А. Столыпина по вопросу о введении земства в западных губерниях. Занимался предпринимательской деятельностью. Расстрелян большевиками в 1918 г. – 23, 326, 327, 366, 450, 523, 527, 533, 534, 536, 537, 541, 542, 543, 550, 558, 560, 561, 571–572.
- Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – ученый-правовед, статс-секретарь Его Величества (1910), сенатор (1894), член Государственного совета (1899). Вице-губернатор Полоцкой (1866) и Келецкой (1869–1873) губерний Царства Польского. Обер-прокурор Второго департамента Сената (1890). Министр внутренних дел (1895–1899). Председатель Совета министров (24 апреля – 8 июля 1906, 1914–1916) – 9, 22, 23, 176, 204, 207, 217, 236, 237, 242, 244, 352, 354, 476, 485–486, 488, 508, 513, 518, 519, 520, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 535, 539, 548, 551, 552, 558, 559, 572.
- Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) – светлейший князь, дипломат. Первые дипломатические шаги были предприняты им на постах секретаря посольства в Лондоне (1824), поверенного в делах во Флоренции (1829), советника посольства в Вене (1832). Будучи представителем при Германском союзе (1850), он стремился укрепить влияние России на дела второстепенных германских государств. Представлял Россию на Венской конференции 1855 г. После Парижского конгресса 1856 г. был назначен министром иностранных дел. В 1867 г. получил чин государственного канцлера. В 1871 г. добился подписания Лондонской конвенции, позволившей России иметь на Черном море военный флот и строить военно-морские базы – 127, 182, 385.
- Грейг Самуил Алексеевич (1827–1887) – служил в Морском министерстве, в 1866 г. назначен товарищем министра финансов М. Х. Рейтерна. Генерал-адъютант (1867), генерал от инфантерии (1874). С 1874 г. государственный контролер. В 1878–1880 гг. министр финансов. С 1880 г. член Государственного совета – 131, 309.
- Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907) – один из основателей и главных идеологов черносотенного движения. С 1880 г. сотрудничал с «Московскими ведомостями». С 1896 г. по 1907 г. был редактором-издателем этой газеты. В 1905 г. создал Русскую монархическую партию. В 1906–1907 гг. один из главных организаторов четырех

Всероссийских съездов русских людей. Автор «Руководства монархиста-черносотенца» – 52.

Грот Константин Карлович (1814–1897) – самарский губернатор в 1853–1861 гг. В 1861–1863 гг. член комиссии по устройству крестьянских учреждений под председательством Н. А. Милютина. В 1861–1869 гг. директор Департамента податей и сборов Министерства финансов. Участвовал в составлении положения о земских учреждениях (1864) и нового городского положения (1870). С 1870 г. член Государственного совета. В 1881–1882 гг. заведующий тюремным ведомством на правах министра. Основатель и создатель системы попечения над слепыми в России – 123, 366.

Грот Яков Карлович (1812–1893) – российский филолог. Профессор Гельсингфорсского университета (1840). С 1858 г. академик, с 1889 г. вице-президент Российской Императорской академии наук – 146, 279, 430.

Гурко Владимир Иосифович (1862–1927) – публицист, член Русского Собрания, сподвижник П. А. Столыпина; действительный статский советник. С 1906 г. – товарищ министров внутренних дел П. Н. Дурново, затем Столыпина. Был привлечен к суду за заключение невыгодной сделки на поставку зерна с купцом Э.Лидвалем. Входил в Прогрессивный блок – 527, 529, 537, 542–543.

Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) – генерал-фельдмаршал (1894). Выпускник Пажеского корпуса (1846), участник Крымской кампании, командовал гусарским Мариупольским и лейб-гвардии Конно-гренадерским полками. Флигель-адъютант Свиты императора (1860), Свиты генерал-майор (1867). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Временный петербургский генерал-губернатор (1879–1880), генерал-губернатор Одессы (1882–1883), варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского округа (1883–1894). Член Государственного совета (1886) – 91, 92, 100, 103, 366.

Гурко Николай Иосифович (1874–1898) – лейтенант, сын фельдмаршала И. В. Гурко, покончил жизнь самоубийством – 222–223.

Дашков Дмитрий Яковлевич (1853–1924) – назначен состоять при вдовствующей императрице Марии Феодоровне (1897). Генерал-майор по гвардейской кавалерии (1904), зачислен в Свиту императора (1909). Состоял при вел. кн. Михаиле Александровиче (1897–1909). Председатель Комитета Исторического музея – 321, 364, 454.

Дашков Павел Яковлевич (1849–1910) – коллекционер. Номинально числился на государственной службе, дослужившись до чина действительного статского советника и должности помощника статс-секретаря Государственного совета. Однако по большей части занимался собиранием исторических документов, гравюр, редких книг и рукописей из различных частных архивов. Владелец крупной коллекции. В 1900 г. стал действительным членом Российского исторического общества, в 1903 г. был избран действительным членом Академии художеств – 249, 255, 448, 450, 452.

Дейтрих Владимир Федорович (1850–1920) – служил в Сенате, затем на судебных должностях в провинции. С 1888 г. прокурор, с 1889 г. председатель Санкт-Петербургского окружного суда. С 1894 г. прокурор, с 1898 г. старший председатель Санкт-Петербургской судебной палаты. С 1902 г. помощник финляндского генерал-губернатора. С 1905 г. член Государственного совета. Действительный тайный советник (1914). С 1 января 1917 г. вице-председатель Государственного совета. В дни Февральской революции арестован, содержался в Петропавловской крепости – 531.

Делянов Иван Давыдович (1818–1897) – камергер (с 1849 г.), граф (1888). Сенатор (1856). Директор Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (1861–1882), товарищ министра народного просвещения (1866–1874). Член Государственного совета (1874). Статс-секретарь, министр народного просвещения (1882–1897) – 79, 107, 110, 134, 212, 366, 453.

Дервиз Дмитрий Григорьевич, фон (1829–1916) – сенатор, член Государственного совета, действительный тайный советник (1902). Один из авторов Судебной реформы 1864 г. – 51, 71, 344.

Дмитрий Александрович (1901–1980) – князь императорской крови, четвертый сын великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны – 312.

Дмитрий Константинович (1860–1919) – великий князь, сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, двоюродный дядя Николая II. Флигель-адъютант (1880). Генерал-майор (1896). Генерал-адъютант Свиты императора, генерал от гвардейской кавалерии. В 1897–1905 гг. главноуправляющий Государственного коннозаводства. В своем дворце в годы Первой мировой войны устроил лазарет для раненых. Почетный член Императорского Географического общества. С лета 1918 г. в заключении в Петропавловской крепости – 98, 199, 394.

Долгорукая Екатерина Михайловна (1847–1922) – княжна, с 1880 г. светлейшая княгиня Юрьевская; вторая, мorganатическая, супруга императора Александра II – 19, 255.

Долгорукий Александр Сергеевич (1841–1912) – князь. Генерал-майор Свиты императора, обер-церемониймейстер Императорского двора (1883). Член Государственного совета – 88, 135, 210, 321, 346, 407, 428, 567.

Долгорукий Николай Сергеевич (1840–1913) – князь. Участник кампаний 1859–1861, 1876–1879 гг. Флигель-адъютант (1867). Полковник (1876). Генерал-майор (1886). Военный агент при германском императоре (1879–1886), посланник в Персии (1886–1889). Генерал-лейтенант по армейской пехоте (1896). Генерал-адъютант Свиты императора (1896). Посол в Италии (1909–1912) – 87, 103, 106–107, 210, 482, 537, 574.

Долгорукий Павел Дмитриевич (1866–1927) – политический деятель, один из лидеров Конституционно-демократической партии, член II Государственной думы – 512.

Дубасов Федор Васильевич (1845–1912) – участник русско-турецкой войны 1877–1878, командир флотилии мелких судов (1877), занимавшийся установкой минных заграждений на Дунае. Флигель-адъютант Свиты императора (1878). Впоследствии командующий Тихоокеанской эскадрой (1897–1899), вице-адмирал (1899), адмирал (1902), председатель Морского технического комитета (1901–1905). Генерал-адъютант (1905) Свиты императора. В 1905 г. руководил подавлением крестьянского движения в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях. С ноября 1905 по июль 1906 года – московский генерал-губернатор, организатор разгрома Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Член Государственного совета (1906), член Совета государственной обороны (1907) – 500, 501, 511, 532, 544.

Дубровин Николай Федорович (1837–1904) – академик, историк, с 1893 г. непременный секретарь Императорской Академии наук – 141, 230, 232, 249, 279, 281, 229, 448.

Дурново Иван Николаевич (1834–1903) – черниговский предводитель дворянства. Екатеринославский губернатор (1871–1882). Статс-секретарь, товарищ министра внутренних дел (1882–1885), главным образом правящий Собственной Ее Императорского Величества канцелирий по учреждениям императрицы Марии (1886–1889). Министр внутренних дел (1889–1895). Председатель Комитета министров

(1895–1903) – 10, 22, 27, 28, 61, 62, 64, 68, 71, 72, 75, 78, 79, 81, 82, 88, 101, 114, 117, 122, 137, 140, 164–165, 175, 202–203, 206–208, 211, 215, 217–219, 224, 228, 232, 240–241, 252, 258, 266, 287, 315, 317, 327–328, 339, 350, 352, 361, 364, 380, 393, 395, 402, 414, 415, 416, 418, 420, 426, 464–466.

Дурново Петр Николаевич (1845–1915) – с 1872 г. занимал должности товарища прокурора Владимирского и Московского окружных судов и Киевской судебной палаты. С 1881 г. управляющий судебным отделом Департамента полиции. В 1884–1893 гг. директор Департамента полиции. В 1900–1905 гг. – товарищ министра внутренних дел. В 1905 г. назначен министром внутренних дел (1905–1906) и членом Государственного совета – 497, 498, 501, 502, 504, 511, 516, 519, 541, 542, 543, 556, 571, 572.

Дурново Петр Павлович (1835–1918) – генерал от инфантерии. Участник Крымской войны, харьковский губернатор (1866–1870), московский губернатор (1872–1878), управляющий Департаментом уделов (1882–1884), московский генерал-губернатор (15 июля – 24 ноября 1905) – 504, 521, 522.

Екатерина II Алексеевна (Великая; 1729–1796) – российская императрица (1762–1796), урожденная принцесса София-Августа-Фредерика, дочь Христиана, герцога Ангальт-Цербстского – 144, 165, 282, 302, 339, 578, 636, 642, 647, 649, 652, 659, 663, 678, 680, 687, 689, 697.

Елена Павловна (до принятия православия принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская; 1806–1873) – великая княгиня, супруга великого князя Михаила Павловича. Меценат, благотворительница, одна из основательниц Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. С конца 1840-х до 1873 г. организовывала вечера («четверги»), на которых обсуждались вопросы политики и культуры, литературные новинки. Собиравшийся на «четвергах» кружок великой княгини Елены Павловны стал одним из центров общения государственных деятелей – разработчиков и проводников Великих реформ – 84, 131, 583.

Елизавета Маврикиевна (1865–1927) – великая княгиня, урожденная принцесса Элизабета-Августа Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская. С 1884 г. супруга великого князя Константина Константиновича. Во 1918 г. покинула Россию – 178.

Елизавета Федоровна (1864–1918) – великая княгиня, урожденная принцесса Элизабет-Александра-Луиза Гессен Дармштадтская, сестра

императрицы Александры Федоровны. С 1884 г. супруга великого князя Сергея Александровича, в 1891 г. приняла православие. Основательница и настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве (1909). В апреле 1918 г. по распоряжению ВЧК была выслана в Пермь, затем в Екатеринбург и 20 мая в Алапаевск – 198, 514.

Ермолов Александр Сергеевич (1847–1917) – с 1883 г. директор Департамента неокладных сборов. С 1893 г. министр государственных имуществ, с 1894 г. (после преобразования министерства) и до 1905 г. министр земледелия и государственных имуществ. Статс-секретарь (1903). Член Государственного совета (1905). Ученый-аграрник, автор ряда научных трудов – 28, 53, 83, 86, 242, 248, 250, 251, 283, 288, 289, 293, 330, 333, 334, 345, 347, 348, 370, 375–376, 379, 406, 417, 429, 441, 447, 451, 455, 460, 504.

Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918) – генерал от кавалерии, варшавский генерал-губернатор, начальник Генерального штаба (1911–1914), с 1914 г. командующий войсками Варшавского военного округа. С начала Первой мировой войны главнокомандующий Северо-Западным фронтом, позднее смещен и назначен представителем Ставки при главном командовании англо-французского союзного фронта – 442.

Зенгер Григорий Эдуардович (1853–1919) – филолог, профессор, ректор Московского университета (1897–1899), товарищ министра народного просвещения (1901), министр народного просвещения (1902–1904) – 357, 358, 378, 416, 432.

Зиновьев Иван Алексеевич (1835–1917) – русский дипломат. Посланник в Персии (1876–1883), директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1884–1890), посланник в Стокгольме (1891–1897), посол в Константинополе (1897–1909). Член Государственного совета по назначению (1909) – 381.

Зиновьев Александр Дмитриевич (1854–1931) – тайный советник (1906), шталмейстер. Санкт-петербургский губернский предводитель дворянства (1897). Член Государственного совета (1911–1917) – 207, 363, 366, 373, 571.

Зиновьев Николай Алексеевич (1839–1917) – русский государственный деятель. В 1902–1904 гг. был товарищем министерства внутренних дел при В.К. Плеве. С 1904 г. член Государственного совета. Действительный тайный советник (1906) – 417, 550.

Зографо Мария Михайловна – см. Орлова-Давыдова М. М.

Иващенко Анатолий Павлович (1842–1906) – товарищ министра путей сообщения (1892), товарищ министра финансов (1892–1897). Член Государственного совета – 11, 124, 187.

Игнатъев Алексей Павлович (1842–1906) – граф (1877), флигель-адъютант Свиты императора (1865), генерал от кавалерии (1898), генерал-адъютант (1881) Свиты императора. Член Государственного совета (1896). Иркутский (1885–1889) и Киевский, Подольский и Волынский (1889–1896) генерал-губернатор. В 1905 г. председатель Особых совещаний об охране государственного порядка и по вопросам веротерпимости, член Особого совещания по обсуждению законопроекта о Государственной думе. Убит эсером С. Ильинским. Брат Н. П. Игнатъева – 360, 478, 479–481, 484, 485, 501, 502, 508, 520, 523, 527.

Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) – граф (1877), дипломат, общественный и государственный деятель. Флигель-адъютант Свиты императора (1855), генерал-майор (1860), генерал-адъютант Свиты императора (1860), генерал-лейтенант (1865), генерал от инфантерии (1878). Военный атташе в Лондоне (1856–1857). Чрезвычайный посланник в Пекине (1859). Директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1861–1864). Русский посол в Османской империи (1864–1877). Министр государственных имуществ (1881), министр внутренних дел (1881–1882). Член Государственного совета (1877). Председатель Славянского благотворительного общества с 1888 г. Брат А. П. Игнатъева – 49–50, 51, 79, 83, 84, 94, 99, 101, 113–114, 115, 202–203, 310, 466, 489, 523, 539.

Извольский Александр Петрович (1856–1919) – дипломат. Секретарь миссии в Бухаресте (1882) и Вашингтоне (1885), посол в Ватикане (1890–1895), министр-резидент в Ватикане (1894–1897), русский посланник в Белграде (1897), Мюнхене (1897–1899), Токио (1899–1903), Копенгагене (1903–1906), министр иностранных дел (1906–1910), чрезвычайный и полномочный посол во Франции (1910–1917), член Государственного совета по назначению (1909–1917). В мае 1917 г. вышел в отставку. Жил в эмиграции – 10, 269, 490, 518, 526, 528, 529, 530, 538, 541, 542.

Иксуль фон Гильденбандт Александр Александрович (1840–1912) – барон. Действительный тайный советник (1899), член Государственного Совета (1899). Брат Ю. А. Иксуля фон Гильденбандта – 360, 450, 570.

Иксульф фон Гильденбандт Юлий Александрович (1853–1918) – барон. Государственный секретарь (1904–1909). Член Государственного совета (1909) – 355, 358, 409, 428, 437, 438, 447, 454, 470, 471, 491, 509, 511, 514, 517, 528, 542, 548, 570–572.

Имеретинский Александр Константинович (1837–1900) – светлейший князь. Флигель-адъютант Свиты императора (1867), генерал-адъютант (1878). В 1863 г. принимал участие в подавлении польского восстания, затем был начальником штаба командующего войсками, собранными в Варшаве. С 1873 г. начальник штаба Варшавского военного округа. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1879–1881). Член Государственного совета. Главный военный прокурор и начальник Главного военно-судного управления (1881–1892). Варшавский генерал-губернатор (с 1897 г.). – 47, 48, 49–51, 80, 99–100, 108, 186, 191, 212, 215, 345.

Иоанн Кронштадтский (1829–1908) – протоиерей и настоятель Андреевского собора в г. Кронштадте, получивший широкую известность благодаря своему пастырскому служению. Духовный писатель. Канонизирован Русской православной церковью (1989) – 98, 391.

Исаков Николай Васильевич (1821–1891) – генерал-адъютант. В 1846–1848 гг. принимал участие в экспедициях на Кавказе, в 1849 г. – в Венгерском походе. Во время Крымской войны (1853–1856) участвовал в обороне Севастополя. В 1859–1863 гг. попечитель Московского учебного округа. В 1863–1881 гг. начальник военно-учебных заведений – 85–86.

Кази Михаил Ильич (1839–1896) – капитан 1-го ранга, служил в «Русском обществе пароходства и торговли», управляющий Балтийским судостроительным и Механическим заводами (1876–1893). Член Совета мануфактур и торговли Министерства финансов (1893–1896). Председатель Императорского Технического общества – 17, 25, 31–32, 86, 119, 124, 125, 160, 162.

Кальноки Густав (1832–1898) – граф, государственный деятель и дипломат Австро-Венгрии. С 1871 г. представитель при Ватикане, с 1874 г. посланник в Дании, в 1880 г. посол в России, в 1881–1895 гг. министр иностранных дел. Был сторонником союза с Германией. Боролся против политики России на Балканах, укрепляя австро-венгерское влияние в Румынии, Сербии и Болгарии. В 1882 г. участвовал в создании Тройственного союза, в 1884 г. – в продлении «Союза трех императоров», в 1887 – в создании Средиземноморской Антанты – 126.

- Каляев Иван Платонович (1877–1905) – член партии социалистов-революционеров, террорист, убийца великого князя Сергея Александровича – 623.
- Капнист (Стембок-Фермор) Надежда Алексеевна (1864 – ?) – жена П. А. Капниста – 392, 393.
- Капнист Петр Алексеевич (1840–1904) – русский дипломат, граф. Закончил юридический факультет Московского университета. Был дипломатическим агентом в Риме, советником посольства в Париже, посланником в Гааге. Посланник в Нидерландах (1884–1891). В 1892 г. назначен сенатором, в 1895 г. – послом в Вене – 126, 184, 392, 393.
- Карно Мари-Франсуа Сади (1837–1894) – французский инженер и политик. В 1879 г. назначен министром общественных работ. В 1887 г. избран президентом Франции. 24 июня 1894 г. после произнесения приветственной речи на выставке в Лионе смертельно ранен итальянским анархистом С. Касерио – 58, 87.
- Карпович Петр Владимирович (1874–1917) – убийца министра народного просвещения Николая Павловича Боголепова – 275.
- Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист. В 30-е гг. примыкал к кружку Н. В. Станкевича, был близок с В. Г. Белинским, А. И. Герценом. Сотрудничал в «Московском наблюдателе» (1838–1839) и «Отечественных записках» (1839–1841). В 1850–1855, 1863–1887 гг. редактировал газету «Московские ведомости», в 1856–1887 гг. издавал журнал «Русский вестник» – 26, 115, 132, 212, 247, 274, 303, 438, 532.
- Кауфман (Кауфман-Туркестанский с 1914 г.) Петр Михайлович – сенатор (1898). С 1906 г. член Государственного совета. В 1906–1908 гг. министр народного просвещения. В 1915 г. назначен главноуполномоченным Красного креста при Верховном главнокомандующем – 11, 409, 436, 438, 519.
- Каханов Иван Семенович (1825–1909) – генерал от артиллерии, Петровский губернатор, виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор, член Государственного совета (1893) – 186–188.
- Каханов Михаил Семенович (1833–1900) – статс-секретарь, действительный тайный советник (1880). В 1861 г. назначен Ярославским вице-губернатором. Управляющий делами Комитета министров (1872–1880); член Верховной распорядительной комиссии. Член Государственного совета (1881), заседал в Департаменте государственной

экономии. Председательствовал в «Особой комиссии для составления проектов местного управления» – Кахановской комиссии (1881–1885) – 123, 505.

Кирилл Владимирович (1876–1938) – великий князь, двоюродный брат Николая II. В 1905 г. против воли императора и вопреки канонам Православной церкви женился на двоюродной сестре, великой княгине Виктории Федоровне. Брак был признан императорской фамилией в 1907 г. Участник русско-японской войны, служил на броненосце «Петропавловск». При подрыве на mine и гибели броненосца великий князь получил контузию. В годы Первой мировой войны в действующей армии, командир Гвардейского флотского экипажа и начальник Морского батальона. Контр-адмирал (1915) Свиты императора. В дни Февральской революции до отречения Николая II привел Гвардейский экипаж в Государственную думу и поддержал Временное правительство – 414, 454–455, 482, 493, 500, 541.

Клейгельс Николай Васильевич (1850–1916) – участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Флигель-адъютант (1878). Полковник (1882). Занимал должности командира эскадрона, Варшавского обер-полицмейстера (1888–1895), Санкт-Петербургского градоначальника (1895–1903), Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора (1903–1905). Генерал-майор (1892), генерал-лейтенант (1899), генерал от кавалерии (1910), генерал-адъютант (1903) – 223, 237, 290, 296, 300, 301, 330, 422, 441, 442, 443, 527, 528.

Клопов Анатолий Алексеевич (1841–1927) – с 1872 г. чиновник Министерства путей сообщения, где занимался железнодорожной статистикой. Титулярный советник (1876). В 1881 г. покинул службу, оставаясь причисленным к министерству, и занимался статистическими исследованиями хлебной торговли и др. в различных местностях России. С 1898 г. исполнял статистические исследования причин неурожаев по поручению Николая II, которому был рекомендован великим князем Александром Михайловичем. С этого времени вплоть до февраля 1917 г. посылал письма и записки по различным вопросам непосредственно императору. Получил право обращаться лично к царю с откровенными посланиями о настроениях в стране. После Февральской революции жил в имении в Новгородской губернии – 224, 227.

Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918) – российский государственный деятель, историк, библиограф. В 1901 г. назначен членом Государственного совета. В 1902 г. директор Императорской публичной

библиотеки, значительно увеличившей при нем свой бюджет. С 1890 г. член-корреспондент Академии наук по разряду историко-политических наук. Автор трудов «Цесаревич Павел Петрович», «Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811–1843» – 230, 429, 448, 479.

Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) – граф (с 1914). Статс-секретарь Департамента государственной экономики (1891), помощник государственного секретаря (1895). Товарищ министра финансов (1896–1902). Государственный секретарь (1902–1904). Министр финансов (1904–1905, 1906–1914), председатель Совета министров (1911–1914). Член Государственного совета (1905). Во время Первой мировой войны крупный банковский деятель. С 1918 г. в эмиграции – 10, 355, 358, 360, 367, 397, 414, 428, 435, 436, 438, 442, 447, 451, 453, 461, 470, 471, 472, 473, 475–481, 484, 486, 491–492, 498, 503, 507, 511, 518, 519, 528–530, 535, 537, 543, 544, 546, 548, 550–552, 554, 558, 561–562.

Коломнин Алексей Петрович (1849–1910) – юрист, присяжный поверенный, автор статей по юридическим вопросам. Один из директоров Литературно-артистического кружка – 56.

Комура Дзютаро (1855–1911) – барон. Министр иностранных дел Японии (1901–1906, 1908–1911). Подписал Портсмутский мирный договор с Россией (1905) – 431, 475.

Константин Константинович (1858–1915) – великий князь, второй сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны. Двоюродный брат императора Александра III. Женат (с 1884 г.) на великой княгине Елизавете Маврикиевне. Флигель-адъютант (1878). Командир лейб-гвардии Преображенского полка (1891–1900). Генерал-майор (1894), назначен в Свиту императора (1898). Генерал от инфантерии по гвардейской пехоте (1907), генерал-адъютант Свиты императора (1901). Президент Российской Академии наук (с 1889 г.). В 1899 г. возглавлял Пушкинский юбилейный комитет. Президент Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Императорского православного Палестинского общества. В 1900–1910 гг. главный начальник военно-учебных заведений, с 1910 г. генерал-инспектор военно-учебных заведений. Поэт, драматург, переводчик. Литературный псевдоним – К. Р. (Константин Романов) – 27, 141–142, 147, 178, 187, 192, 199, 230, 240, 253, 259, 268, 329, 344, 394, 413, 433, 514.

- Константин Николаевич (1827–1892) – великий князь, генерал-адмирал, второй сын императора Николая I и Александры Федоровны – 49, 248, 259, 294, 299, 532.
- Корф Модест Андреевич (1800–1876) – граф, директор Императорской публичной библиотеки (1849–1861), председатель Бутурлинского комитета, почетный член Петербургской Академии наук (1852). Автор мемуаров, напечатанных в «Русской старине» в 1899–1904 гг. – 166, 277, 377–378, 412, 531.
- Корф Павел Леопольдович (1836–1913) – барон. В 1868–1878 гг. был председателем Петербургской губернской земской управы. В 1878–1881 гг. – петербургский городской голова. В 1885–1894 гг. являлся президентом Императорского Вольного экономического общества. Член Государственного совета от петербургского земства (1906–1912). Примыкал к партии центра – 415, 522.
- Котов Григорий Иванович (1859–1942) – архитектор. С 1889 г. преподавал в Академии художеств. В 1891–1893 гг. был архитектором для ремонтных работ по зданиям Академии художеств. С 1893 г. действительный член и член Совета Академии художеств. В 1896–1917 гг. директор Училища технического рисования А. Л. Штиглица – 278, 324, 351, 397, 419, 427, 428, 432, 435, 438, 450, 543, 546, 559.
- Кривошеин Аполлон Константинович (1833–1902) – министр путей сообщения (1892–1894). Уволен по докладу государственного контролера Т. И. Филиппова, в котором обвинялся в серьезных злоупотреблениях – 44, 90–91, 116–117, 119–120, 122, 123, 570.
- Кривский Павел Александрович (1829–1905) – земский деятель. В 1876–1887 гг. предводитель саратовского губернского дворянства. В 1878 г. получил должность шталмейстера Императорского двора – 207, 211, 371.
- Кристи Григорий Иванович (1856–1911) – егермейстер. Дмитриевский уездный предводитель дворянства. Орловский (1901–1902) и московский (1902–1905) губернатор – 450.
- Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935, Париж) — русский государственный деятель, юрист. Тайный советник (1907), статс-секретарь (1916). Автор и разработчик ряда важнейших государственных актов, в том числе избирательных законов 1905 и 1907 гг. Государственный секретарь (1911–1917). Редактор «Русской летописи» – 23, 527, 549, 551, 701.

Ксения Александровна (1875–1960) – великая княгиня, старшая дочь императора Александра III. С 1894 г. супруга великого князя Александра Михайловича. Во время Первой мировой войны принимала активное участие в организации военных госпиталей и их работе. После Февральской революции со своей семьей и матерью на положении ссыльных проживала в имении Ай-Тодор в Крыму. В апреле 1919 г. покинула Россию – 74, 103, 105, 121–122, 178, 195, 224, 238, 312, 385, 662.

Куломзин Анатолий Николаевич (1838–1923) – государственный деятель, историк. С 1868 г. служил в канцелярии Комитета министров. В 1880–1883 гг. товарищ министра государственных имуществ. Действительный тайный советник (1892), статс-секретарь. В 1883–1902 гг. занимал пост управляющего делами Комитета министров, одновременно с 1893 г. был управляющим делами Комитета Сибирской железной дороги. С 1902 г. член Государственного совета. С 1914 г. председатель Романовского комитета для призрения сирот сельского состояния. В 1915–1917 гг. председатель Государственного совета. Член Русского географического общества, председатель первого Съезда представителей губернских ученых архивных комиссий, помощник председателя Русского исторического общества – 119, 141, 230, 267, 333–334, 393, 421, 448, 457, 506–506, 526.

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – начальник Закаспийской области и командующий войсками Закаспийской области (1890–1897). Военный министр в 1898–1904 гг. Генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902) Свиты императора. Во время русско-японской войны (февраль – октябрь 1904 г.) командующий Маньчжурской армией, а затем главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке. После неудачного Мукденского сражения в марте 1905 г. был смещен с поста главнокомандующего, понижен в командовании, получив лишь одну из армий. Член Государственного совета (1906). Участник Первой мировой войны – 8, 11, 26, 27, 39, 214, 216, 222, 230, 235, 241, 253–254, 256–257, 259, 262, 274, 276, 285–286, 291, 292, 299, 301, 312–314, 356–357, 360, 380, 395, 406, 423, 429, 431, 432, 435–437, 439, 440, 459, 464, 478.

Кшесинская Матильда Феликсовна (с 1921 г. Романовская-Красинская; 1872–1971) – балерина Мариинского театра в 1890–1917 гг. Гражданская жена великого князя Сергея Михайловича. С 1902 г. в гражданском браке с великим князем Андреем Владимировичем. В 1911–1912 гг. выступала в антрепризе «Русский балет Дягилева» за границей. Эмигрировала во Францию в 1920 г. В 1935 г. была пожалована

титолом светлейшей княгини Романовской-Красинской. За границей продолжала балетную деятельность. Организовала балетную студию в Париже – 101, 300–301, 310.

Ламздорф Владимир Николаевич (1844–1907) – граф, дипломат. Директор Канцелярии МИД в 1880–1897 гг., товарищ министра (1897–1900) и министр (1900–1906) иностранных дел, отстаивал умеренный курс дальневосточной политики России, был противником развязывания русско-японской войны. Член Государственного совета (1906) – 8, 10, 95, 98, 126, 183, 184, 274, 280, 282, 283, 310, 312, 360, 381–383, 392, 394, 400, 412, 413, 423, 437, 441, 448, 484, 490, 505, 507, 512, 518, 529, 545.

Ланн Луи Гюстав (1838–1907) – маркиз, граф де Монтебелло, посол Франции в России (1891–1902) – 81, 106, 180, 382–383.

Лебон Гюстав (1841–1931) – французский психолог, социолог, антрополог и историк, создатель социальной психологии – 454.

Лжедмитрий II (ум. 1610) – самозванец, выдававший себя за якобы спасшегося царя Дмитрия (Лжедмитрия I) в период Смутного времени.

Лейхтенбергская Зинаида Дмитриевна (1856–1899) – графиня Богарне (с 1878 г.), светлейшая герцогиня (с 1889 г.). Родная сестра Михаила Дмитриевича Скобелева. Морганатическая жена (с 1878 г.) герцога Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского, кн. Романовского, который вел свое происхождение от Евгения Богарне, сына первой жены Наполеона I Бонапарта – Жозефины Богарне – 197, 206, 325.

Лейхтенбергский Георгий Максимилианович (1852–1912) – герцог, князь Романовский, сын герцога Максимилиана-Евгения Лейхтенбергского (1817–1852) и великой княгини Марии Николаевны, женат первым браком (с 1879 г.) на герцогине Терезии Ольденбургской (1852–1883). Вторым браком (в 1889–1906 гг.) был женат на Анастасии Николаевне, урожденной княжне Черногорской Стане, с которой развелся. Флигель-адъютант (1876). Генерал-майор Свиты императора (1904). Генерал-адъютант (1910) – 380.

Лейхтенбергский Николай Максимилианович (1843–1891) – князь, генерал от кавалерии (1890). Генерал-майор Свиты императора (1865). В 1868 г. вступил в морганатический брак с Н. С. Анненковой, что вызвало неудовольствие императора. Был вынужден покинуть Россию – 585.

- Лессепс Фердинанд Мари виконт, де (1805–1894) – французский дипломат, инженер, автор проекта и руководитель строительства Суэцкого канала – 56.
- Леохар – древнегреческий скульптор IV в. до н. э., который в 350-е годы работал со Скопасом над скульптурным убранством Мавсолея в Галикарнасе. Резцу Леохара приписываются такие статуи, как Аполлон Бельведерский, Диана Версальская и Ганимед Ватиканский – 323.
- Ли Хун-чан (1823–1901) – китайский государственный деятель, генерал-губернатор провинции Чжили (1870–1895), фактический руководитель внешней политики Китая, дипломатический представитель на коронации Николая II – 270.
- Линевич Николай Петрович (1838–1908) – участник подавления боксерского восстания в Китае в 1900–1901 гг. и русско-японской войны 1904–1905 гг. Генерал от инфантерии (1904), генерал-адъютант (1905), командующий 1-й Маньчжурской армией (1904), главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке (март 1905 – январь 1906) – 478, 488, 560.
- Лихтенштейн Франц, фон (1853–1938) – принц, князь. Австрийский дипломат, посол в России (1894–1898) – 118, 125, 126, 133.
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896) – князь. Орловский губернатор (1866). Товарищ министра внутренних дел (1867–1878), статс-секретарь. Посол в Константинополе (1859–1863, 1873–1879), Лондоне (1879–1882), Вене (1882–1895) и Берлине (1895). Министр иностранных дел (1895–1896). Автор трудов по истории, генеалогии – 10, 18, 28, 50, 87, 92, 95, 100, 123, 124–130, 133–136, 139, 141–142, 148, 149, 166, 167, 169, 172–174, 176, 182–185, 209, 257, 268, 270, 283, 503.
- Лобко Павел Львович (1838–1905) – участник кампании 1877–1878 гг. Генерал-майор (1881). Помощник начальника канцелярии Военного министерства (1881–1884). Начальник канцелярии Военного министерства (1884–1898). Генерал-лейтенант (1889). Член Государственного совета (1898). Государственный контролер (1899–1905). Генерал от инфантерии (1900). Генерал-адъютант (1905) – 253, 254, 258, 308–309, 342, 395, 428, 435, 441, 451, 484, 490.
- Ломен Николай Николаевич (1843–1909) – флигель-адъютант Свиты императора (1893). Командир фрегата «Память Азова», на котором цесаревич Николай путешествовал на Дальний Восток. Капитан императорских яхт «Полярная Звезда» и «Штандарт». Контр-адмирал

Свиты императора (1894). Флаг-капитан Его Императорского Величества (1893–1905). Вице-адмирал (1901). Генерал-адъютант Свиты императора (1901). Адмирал – 160.

Лопухин Алексей Александрович (1864–1928) – в 1886 г. поступил на службу в судебное ведомство. С 1896 г. на службе в Министерстве юстиции. С 1889 г. прокурор Московского окружного суда. В 1902–1905 гг. директор Департамента полиции – 330, 421, 463.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888) – военный и государственный деятель. В 1852 г. назначен начальником Терской области. В войну с Турцией 1877–1878 гг. командовал отдельным корпусом. В 1880 г. назначен начальником Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Министр внутренних дел (1880–1881) – 19, 50–51, 58, 59–60, 113–114, 132, 203, 293, 401, 449, 532.

Макаров Степан Осипович (1848–1904) – флотоводец, океанограф. Флигель-адъютант Свиты императора (1878). В 1886–1889 гг., командуя корветом «Витязь», совершил кругосветное плавание. В 1890 г. произведен в контр-адмиралы, а в 1896 г. – в вице-адмиралы. Главный инспектор морской артиллерии (1891–1894), командующий эскадрой Средиземного моря (1894–1899). В 1894–1896 гг. совершил второе кругосветное путешествие. Предложил построить и руководил строительством ледокола «Ермак». В 1899 и 1901 гг. совершил на нем арктические плавания. В начале русско-японской войны командовал Тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре. Погиб при взрыве на mine броненосца «Петропавловск» – 86, 256, 436, 442, 455.

Маккормик Роберт (1849–1919) – американский дипломат, посол в России (1902–1905) – 416.

Манасеин Николай Авксентьевич (1835–1895) – сенатор (1880). В 1885–1894 гг. министр юстиции и одновременно генерал-прокурор Правительствующего Сената. С 1894 г. член Государственного совета – 74–75, 167.

Мансуров Николай Павлович (1830–1911) – самарский губернатор (1863–1865). В 1880–1883 гг. являлся управляющим делами Комитета министров. С 1883 г. член Государственного совета – 71.

Манухин Сергей Сергеевич (1856–1922) – юрист, сенатор (1902), генерал-прокурор Российской империи (1905), министр юстиции (21 января – 16 декабря 1905 г.). Член Государственного совета (1905).

В 1912 г. возглавил комиссию, расследовавшую обстоятельства Ленского расстрела – 361, 470, 471, 479, 497–499, 524, 542, 543.

Мария Александровна (1824–1880) – российская императрица. Урожденная принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария Гессен-Дармштадтская. Супруга императора Александра II. Принимала большое участие в организации женского образования. Содействовала открытию женских учебных заведений (гимназий). По ее инициативе были организованы женские епархиальные училища, общество Красного креста и ряд благотворительных обществ – 8, 19, 103.

Мария Александровна (1853–1920) – единственная дочь императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Герцогиня Саксен-Кобург-Готская. Замужем (с 1874 г.) за вторым сыном королевы Великобритании Виктории I герцогом Альфредом Эдинбургским, наследовавшим с 1893 г. титул вел. герцога Саксен-Кобург-Готского. Тетя императора Николая II – 414, 482, 493.

Мария Антуанетта (1755–1793) – королева Франции, младшая дочь императора Франца I и Марии-Терезии. Супруга короля Франции Людовика XVI с 1770 г. С начала Французской революции вдохновительница контрреволюционных заговоров и интервенции. Осуждена Конвентом и казнена на гильотине – 496, 506, 555.

Мария Георгиевна (1876–1940) – великая княгиня, урожденная греческая принцесса, дочь короля Греции Георга I. Супруга (с 1900 г.) великого князя Георгия Михайловича – 264, 536.

Мария Павловна старшая (1854–1920) – великая княгиня, урожденная принцесса Мария-Александрина-Елизавета-Элеонора Мекленбург-Шверинская. Замужем (с 1874 г.) за великим князем Владимиром Александровичем. С 1909 г. президент Академии художеств. В соответствии с дворцовой иерархией, была третьей дамой в Российской империи после обеих императриц. В годы Первой мировой войны возглавляла «Комитет по снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых на родину из всех лечебных заведений империи». После Февральской революции некоторое время находилась под домашним арестом в Кисловодске. Жила в эмиграции в Швейцарии и Франции – 87, 90, 101, 130, 178, 196, 274–275, 285, 356, 526, 556, 564.

Мария Федоровна (1847–1928) – российская императрица. Дочь Датского короля Христиана IX, принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмара. С 1866 г. супруга наследника цесаревича, великого князя Александра Николаевича (с 1881 г. императора Александра III), мать императора

Николая II. Осуществляла высшее управление учреждениями Ведомства императрицы Марии. По ее инициативе возникли Мариинские женские училища для малообеспеченных девушек-горожанок, являвшиеся промежуточной ступенью между начальными школами и средними учебными заведениями. В годы Первой мировой войны на свои средства организовывала санитарные поезда и госпитали в Киеве. После Февральской революции вместе с дочерью, великой княгиней Ксенией Александровной, и ее мужем, великим князем Александром Михайловичем, находилась на положении ссыльной в Крыму. В конце марта 1919 г. эмигрировала – 14, 44, 46, 58, 60, 61, 98, 99, 103, 122, 134, 135, 176–177, 192, 195, 201, 203, 205, 206, 215, 238, 241, 269, 276, 293, 296, 310–312, 316, 320, 340, 343, 364–367, 371, 383, 387, 390, 404, 405, 409, 437, 444, 454, 466, 489, 539, 553, 558, 570, 643.

Марков Павел Алексеевич (1841–1913) – в июне 1882 г. назначен сенатором и товарищем главноуправляющего Собственной Его Императорского величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии. В 1883 г. занял пост товарища министра юстиции, неоднократно временно управлял министерством. В апреле 1901 г. назначен членом Государственного совета, в 1902–1903 гг. присутствовал в Департаменте гражданских и духовных дел – 38, 291.

Маркус Владимир Михайлович (1826–1901) – сенатор, член Государственного совета – 51, 253, 256, 266.

Маркус Федор Михайлович (1828–1898) – член Государственного совета, товарищ главноуправляющего Кодификационным отделом – 51, 186–187.

Мартенс Федор Федорович (1845–1909) – российский юрист-международник. Автор фундаментального труда в области международного права «Современное международное право цивилизованных народов» (1882), дипломат, член Совета Министерства иностранных дел (1881). Один из организаторов созванных по инициативе Николая II Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг., вице-президент Европейского института международного права (1885), член «Постоянной палаты третейского суда» в Гааге – 141, 230, 229, 448, 512.

Мекленбург-Стрелицкая Екатерина Михайловна (1827–1894) – дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны. С 1851 г. супруга герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого старшего (1824–1876) – 84–85.

- Мекленбург-Стрелицкая Елена Георгиевна (1857–1936) – герцогиня, дочь Георга Мекленбург-Стрелицкого и великой княгини Екатерины Михайловны, правнучка императора Павла I, в замужестве принцесса Саксен-Альтенбургская (1891 г.) – 428.
- Мекленбург-Стрелицкий Георг-Август-Эрнест-Адольф-Карл-Людвиг (1824–1876) – герцог, второй сын Георга, великого герцога Мекленбург-Стрелицкого и Марии Гессен-Кассельской. Состоял на военной русской службе в чине генерал от артиллерии (1861). Генерал-адъютант (1860) и генерал-инспектор стрелковых батальонов – 85.
- Менгден Владимир Михайлович (1825–1910) – барон, секретарь Марии Александровны, герцогини Саксен-Кобург-Готской. Член Государственного совета – 245.
- Меренберг София Николаевна (1868–1927) – в замужестве графиня де Торби. Морганатическая супруга великого князя Михаила Михайловича – 55, 192.
- Месмахер Максимилиан Егорович (1842–1906) – русский архитектор – 90, 141, 178, 182.
- Мецгер Иоганн Георг – известный массажист. Изучал медицину в Амстердаме и Лейдене, где в 1863 г. получил степень доктора медицины – 72, 86.
- Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – князь, действительный статский советник, камергер, известный журналист и беллетрист. По матери внук Н. М. Карамзина. Редактор-издатель газеты «Гражданин» – 11, 26, 82, 117, 132, 175, 203, 247, 257–358, 365, 367, 369, 371, 378–379, 381, 390, 410, 422, 429, 435, 436, 454, 456, 543.
- Милица Николаевна (1866–1951) – великая княгиня, дочь черногорского князя Негоша (в 1910–1918 гг. – короля Николая I Петровича Негоша), сестра великой княжны Анастасии Николаевны. С детского возраста проживала в России вместе с четырьмя сестрами, окончила Смольный институт. Жена (с 1889 г.) великого князя Петра Николаевича. После Февральской революции супруги проживали в имении Дюльбер в Крыму. Летом 1918 г. подвергались домашнему аресту. С 1919 г. в эмиграции – 380, 383, 385, 388, 391, 538.
- Мильеран Александр (1859–1943) – французский государственный и политический деятель, адвокат – 349.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – граф с 1878 г., военный и государственный деятель. Участник кампаний 1839, 1843–1844, 1859–1860, 1877–1878 гг. Полковник (1847). Генерал-майор (1854), назначен в Свиту императора (1855). С 1856 г. начальник Генерального штаба Кавказской армии при князе А. И. Барятинском. Генерал-лейтенант (1858). Генерал-адъютант (1859) императора Александра II. Военный министр (1861–1881). Генерал-фельдмаршал (1898). Почетный член Императорской Академии наук, член Государственного совета 48–51, 59, 113, 114, 132, 214, 510, 515.

Мирский см. Святополк-Мирский Петр Дмитриевич.

Михаил Александрович (1878–1918) – великий князь, младший брат Николая II, генерал-адъютант Свиты императора, генерал-лейтенант (с 1916 г.), член Государственного совета. В 1899–1904 гг. (до рождения цесаревича Алексея Николаевича) – наследник престола. В 1898–1911 гг. служил в гвардии. Против воли императора в 1912 г. заключил за границей морганатический брак с Наталией Сергеевна Вульферт (урожд. Шереметьевской, в первом браке Мамонтовой, во втором – Вульферт, 1880–1952), которой позднее (в 1916 г.) был дарован титул графини Брасовой. Некоторое время был вынужден с семьей проживать за границей, так как Николай II запретил ему возвращаться в Россию, уволил с занимаемых должностей и подписал указ о передаче в опеку его имущества. С началом Первой мировой войны ему было дозволено вернуться. На фронте в Галиции командовал Кавказской (Дикой) конной дивизией, позднее – 2-м кавалерийским корпусом. В конце 1916 г. назначен генералом-инспектором кавалерии. 3 марта 1917 г. отказался принять российский престол до решения Учредительного собрания – 105, 238, 249, 273–274, 321, 329, 404, 405, 419, 425, 427, 436, 437, 438, 446, 454, 663.

Михаил Михайлович (1861–1929) – великий князь, второй сын великого князя Михаила Николаевича. Двоюродный дядя императора Николая II. В службу вступил 7 октября 1881 г. Командовал ротой Его Величества в лейб-гвардии Егерском полку. Полковник (1910). Флигель-адъютант (1881, 1910) Свиты императора. 14 февраля 1891 г. вступил в морганатический брак с внучкой А. С. Пушкина Софьей Николаевной Нассауской, графиней Меренберг де Торби (1868–1927), дочерью графини Натальи Александровны Пушкиной-Дубельт-Меренберг и принца Николая-Вильгельма Нассауского. По распоряжению императора великий князь был исключен со службы и проживал за границей. В 1909 г. император Николай II простил своего двоюродного дядю, ему возвратили звание флигель-адъютанта (1910),

но в Россию он уже не вернулся. Во время Первой мировой войны поступил секретарем на службу к генерал-лейтенанту Н. С. Ермолову – военному представителю России в Англии – 55, 90, 192–193, 244, 397.

Михаил Николаевич (1832–1909) – великий князь, четвертый (младший) сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, дядя Александра III. Женат (с 1857 г.) на великой княгине Ольге Федоровне, урожденной принцессе Цецилии-Августе Баденской. Участник кампаний 1854–1855, 1863–1864, 1877–1878 гг. Флигель-адъютант Свиты императора (1850). Генерал-майор (1852). Генерал-лейтенант (1856), генерал-адъютант (1856), генерал от артиллерии (1860), генерал-фельдмаршал (1877), генерал-фельдцейхмейстер (глава артиллерии с 1852 г.). Участник Крымской войны. В 1863–1881 гг. наместник на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа (1865–1881) и главнокомандующий Кавказской армией во время русско-турецкой войны (1877–1878). С 1881 по 1905 г. председатель Государственного совета, член Комитета министров. Оставил пост по болезни и жил во Франции – 10, 11, 17, 26, 28, 38–39, 44, 46, 54, 55, 64, 66, 74, 76–78, 84, 104, 110, 119, 121–122, 137, 168, 178, 187, 190, 192, 198–199, 210, 212, 214, 215, 217, 240, 244, 252, 263–264, 266, 276, 280, 281, 284, 286, 288, 290, 291, 295, 297, 310, 332, 337, 341, 355, 376, 394, 397, 406, 408, 401, 414, 415, 422, 536, 575.

Монтебелло, граф см. Ланн Луи Гюстав, граф де Монтебелло.

Моренгейм Артур Павлович (1824–1907) – барон, дипломат. В 1882–1884 гг. чрезвычайный и полномочный посол России в Великобритании. Действительный тайный советник (1886). В 1884–1897 гг. чрезвычайный и полномочный посол России во Франции. С 1897 г. член Государственный совета – 56–57, 128, 184.

Мосолов Александр Александрович (1854–1939) – участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Заведующий канцелярией Министерства Императорского двора (1900–1902). Флигель-адъютант (1901). Генерал-майор (1902) с назначением в Свиту императора. Генерал-лейтенант по гвардейской кавалерии (1908), начальник канцелярии Министерства Императорского двора и уделов (1900–1916), затем – чрезвычайный посланник и полномочный министр в Румынии (с ноября 1916 г.). Участник Белого движения. В эмиграции во Франции и в Болгарии – 197, 199, 371.

Муравьев Михаил Николаевич (1845–1900) – граф, дипломат, камергер (1880), гофмейстер. Секретарь посольства в Стокгольме, Берлине, Гааге, Париже. Посланник в Копенгагене (1893–1897). Министр

иностранных дел (1897–1900) – 26, 28, 108, 128, 186, 191, 206, 213, 235, 241, 253, 257, 268–271, 283, 320.

Муравьев Николай Валерианович (1850–1908) – статс-секретарь, товарищ прокурора Петербургской судебной палаты (1879–1881), прокурор Петербургской судебной палаты (1881–1884), прокурор Московской судебной палаты (1884–1891), обер-прокурор уголовного департамента Сената (1891–1892), государственный секретарь (1892–1893), министр юстиции (1894–1905). На него было возложено расследование Ходынского дела. Новое расследование было поручено бывшему министру юстиции графу К. И. Палену, обер-церемониймейстеру при коронационных торжествах. Пален установил, что в катастрофе была виновата главным образом московская полиция. Позднее посол в Риме (1905–1908) – 26, 28, 46, 91, 98, 116, 139, 140, 168, 180, 206, 224, 238, 242, 247, 252, 260–262, 282, 284, 286, 297, 300, 330, 347, 367, 376, 397, 411, 413, 457, 498.

Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904) – в 1864 г. назначен сенатором, заседал в Первом отделении 3-го департамента Сената, затем в Гражданском кассационном департаменте. С 1867 по 1876 гг. состоял начальником Собственной Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского, активно участвовал в реформировании гражданского управления края. В 1878–1885 гг. занимал должность министра юстиции. С 1882 г. председательствовал в Особом комитете для составления проекта Гражданского уложения. В 1884 г. совместно с Э. В. Фришем руководил работой Комитета по пересмотру действующих уголовных законов и разработке нового Уголовного уложения – 46, 92, 94, 113, 531.

Нассауская Софья Николаевна см. Меренберг С. Н.

Нарышкин Эммануил Дмитриевич (1813–1902) – обер-гофмаршал с 1881 г. По слухам, побочный сын императора Александра I. Обер-камергер Императорского двора (1884) – 319.

Нарышкина Александра Николаевна (1839–1919) – сестра известного профессора Бориса Николаевича Чичерина. С 1871 г. супруга Эммануила Дмитриевича Нарышкина. Статс-дама императриц (с 1910), почетная попечительница школы Императорского женского патриотического общества; известная благотворительница и покровительница народных художественных промыслов – 379, 411.

Нарышкина Елизавета Алексеевна (1838–1928) – урожденная княжна Куракина. Обер-гофмейстерина императрицы Александры Феодоровны,

статс-дама и кавалер-дама Высочайшего двора. Являлась председателем Петроградского дамского благотворительного тюремного комитета, убежища имени принца Ольденбургского для женщин, отбывавших наказание в местах заключения, Общества попечения о семьях ссыльных-каторжан и приюта для арестантских детей – 117, 316, 321, 341, 452, 532.

Нелидов Александр Иванович (1835–1910) – дипломат, советник посольства в Константинополе (1874–1877), директор дипломатической канцелярии при штабе действующей армии (1877–1878), посол в Константинополе (1883–1897), Риме (1897–1903), Париже (1903–1910) – 79, 126, 133, 194, 512.

Нелидова Ольга Дмитриевна (1839–1918) – жена дипломата А. И. Нелидова – 126.

Никиш Артур (1855–1922) – венгерский дирижер, один из основоположников современной школы дирижирования – 457.

Николай I Павлович (1796–1855) – российский император (с 1825 г.). Третий сын императора Павла I и его второй супруги Марии Федоровны – 77, 90, 118, 144, 166, 249–250, 282, 302, 305, 326, 355, 377, 409, 412, 413, 419, 421, 425, 428, 435, 448, 449, 455, 466, 531, 579.

Николай Константинович (1850–1918) – сын великого князя Константина Николаевича. Выпускник Академии Генерального штаба. Был объявлен сумасшедшим и выслан в Оренбург – 39, 294.

Николай Михайлович (1859–1919) – великий князь, старший сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, двоюродный дядя Николая II. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Генерал-адъютант Свиты (1903) императора, генерал от инфантерии по гвардейской пехоте, с 1884 по 1903 г. – на различных командных должностях в армии, в том числе командующий Кавказской гренадерской дивизией (1897). Историк. Председатель Императорского русского географического (с 1892 г.) и Императорского русского исторического (с 1910 г.) обществ. Доктор философии Берлинского университета (1910–1914), доктор русской истории Московского университета (с 1915 г.). Занимался изучением эпохи императора Александра I, автор работ по истории России и международных отношений конца XVIII – начала XIX вв. В годы Первой мировой войны находился при Верховном главнокомандующем и выполнял отдельные поручения. После убийства Г. Е. Распутина находился в ссылке в своем имении Грушевка. Приветствовал Февральскую

революцию. Расстрелян большевиками – 249, 355, 394, 422, 428, 447, 448, 450, 453, 536, 538, 543, 555.

Николай Николаевич младший (1856–1929) – великий князь, старший сын великого князя Николая Николаевича старшего, двоюродный дядя Николая II. Генерал-адъютант Свиты императора (1894), генерал от кавалерии (1901), председатель Совета государственной обороны (1905–1908), командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914). В начале Первой мировой войны и после отречения от престола Николая II являлся Верховным главнокомандующим (20 июля 1914–23 августа 1915, 2–11 марта 1917 г.). После Февральской революции находился в ссылке в крымском имении Дюльбер. С 1919 г. в эмиграции – 240, 254, 260, 390–391, 394, 403, 452, 485, 487, 490, 494, 500, 513, 514, 525–526, 539, 542, 550, 566.

Николай Николаевич старший (1831–1891) – великий князь, российский военный и государственный деятель, третий сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, генерал-фельдмаршал (1878). Военную службу начал в 1851 г. в лейб-гвардии Конном полку. Член Государственного совета (1855) и почетный член Императорской академии наук. В 1867 г. назначен главнокомандующим войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был главнокомандующим действующей армией на Балканах. По окончании войны, 16 апреля 1878 г., пожалован званием генерал-фельдмаршала и уволен по болезни от должности главнокомандующего действующей армией – 27, 47–50, 55, 121, 253–254.

Нольде Эммануил Юльевич (1854–1909) – барон, член Государственного совета по назначению, в 1902–1906 гг. управляющий делами Комитета министров – 11, 213, 396, 418, 420, 431, 436.

Оболенская Александра Александровна (1851–1943) – княгиня; урожденная графиня Апраксина. Близкий друг императрицы Марии Федоровны. Жена флигель-адъютанта гофмаршала князя Валериана Сергеевича Оболенского-Нелединского-Мелецкого (1848–1907). Устроительница санитарного поезда, детского приюта и богадельни в Царском Селе. В эмиграции – 98, 386.

Оболенская Анна Александровна (1861–1917) – княгиня, старшая дочь А. А. Половцова, жена А. Д. Оболенского – 37, 315, 455, 463, 548, 563.

Оболенская Дарья Петровна (1823–1906) – княгиня, урожденная княжна Трубецкая, жена Д. А. Оболенского – 289, 445.

- Оболенский Александр Дмитриевич (1847–1917) – князь, пензенский губернский предводитель дворянства в 1882–1888 гг., обер-прокурор Второго, а затем Первого департаментов Сената в 1892–1895 гг., член Государственного совета, зять А. А. Половцова – 37, 345, 493, 502, 574.
- Оболенский Алексей Александрович (1883–1942) – князь, второй внук А. А. Половцова – 542, 563, 565, 568, 573.
- Оболенский Алексей Дмитриевич (1855–1933) – князь, шталмейстер. В 1895 г. назначен управляющим Государственным дворянским земельным и крестьянским поземельным банками. С 1897 г. товарищ министра внутренних дел, принимал участие в пересмотре Положения о крестьянах и руководил комиссией по вопросу о предельном земельном обложении и др. В 1902–1905 гг. товарищ министра финансов. В апреле 1905 г. был назначен членом Государственного совета, где примкнул к группе центра. С октября 1905 г. по апрель 1906 г. в правительстве графа С. Ю. Витте занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода – 8, 10, 11, 206–207, 208, 218, 296, 320, 361, 384, 405, 407, 409, 423, 428, 431, 436, 437, 486, 487, 489, 490, 495, 502, 551.
- Оболенский Иван Михайлович (1853–1910) – князь. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., вышел в отставку в звании лейтенанта (1881). Симбирский предводитель дворянства. Херсонский (1897–1902) и харьковский губернатор (1902–1903). Известен был жестокостью при подавлении крестьянских беспорядков в 1902 г. в Харьковской губернии. Шталмейстер, генерал-лейтенант адмиралтейства (1903), генерал-адъютант Свиты императора (1904). Финляндский генерал-губернатор (1904–1905) – 463, 464.
- Оболенский Николай Дмитриевич (1859–1912) – князь, флигель-адъютант Свиты императора (1890), штабс-ротмистр (1891) лейб-гвардии Конного полка. Полковник (1898), генерал-майор лейб-гвардии Конного полка (1904), генерал-майор Свиты (1906), позднее генерал-адъютант, служил в Министерстве Императорского двора с 1902 г. Контролер Министерства императорского двора (1902–1905). Управляющий Кабинетом Его Императорского Величества (1904–1909). Затем состоял при вдовствующей императрице Марии Федоровне – 487, 537.
- Обручев Николай Николаевич (1830–1904) – генерал-адъютант (1878), генерал от инфантерии (1887). С 1867 г. член и управляющий делами Военно-учебного комитета, профессор Николаевской академии Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начальник Главного штаба (1881–1897). Член Государственного совета (1897), почетный член Императорской Академии наук – 80, 194, 254.

- Озеров Александр Петрович (1818–1900) – действительный тайный советник, обер-гофмейстер (1880) – 193.
- Олсуфьев Александр Васильевич (1843–1907) – граф. Флигель-адъютант. Заведующий Двором великого князя Георгия Александровича в Абас-Тумане. Начальник канцелярии Императорской главной квартиры (1885–1895). Генерал-майор, генерал-адъютант Свиты императора (1896). Помощник командующего Императорской главной квартирой (1895–1905) – 482, 533.
- Омальский, герцог – см. Генрих Омальский
- Орлов-Давыдов Александр Анатольевич (1869—1935) – граф, статский советник, землевладелец Рязанской волости – 463.
- Орлов-Давыдов Анатолий Владимирович (1837–1906) – граф, флигель-адъютант Свиты императора (1864), обер-гофмейстер (1882), обер-шталмейстер (1891), генерал-лейтенант, заведующий Московской дворцовой частью – 328, 456, 489.
- Орлова-Давыдова Мария Михайловна – жена А.А. Орлова-Давыдова – 463.
- Остен-Сакен Николай Дмитриевич фон дер (1831–1912) – граф, дипломат, русский посланник в Баварии и Гессене (1884–1895), посол в Берлине (1895) – 28, 41, 128, 134, 139, 249, 382.
- Островский Михаил Николаевич (1827–1901) – министр государственных имуществ в 1881–1893 гг. С 1893 г. председатель Департамента законов Государственного совета – 25, 43–44, 53, 85, 86, 110, 115, 234, 245, 250, 268, 309, 489, 579.
- Павел I Петрович (1754–1801) – российский император (с 1796 г.) – 77, 193, 227, 301, 393.
- Павел Александрович (1860–1919) – великий князь, младший сын императора Александра II. Генерал-адъютант (1897) Свиты императора, генерал от кавалерии. Состоял в первом браке (1889–1891) с греческой принцессой Александрой Георгиевной. После смерти жены вступил (в 1902 г.) в морганатический брак с Ольгой Валериановной Пистолькорс (позднее получившей титул княгини Палей). В связи с этим некоторое время вынужден был жить за границей. Вернулся в Россию в начале Первой мировой войны. С этого времени находился на фронте. После революции в отставке, вел частную жизнь. С лета 1918 г. в заключении в Петропавловской крепости. Расстрелян – 198, 325–326, 340, 376, 387, 394, 398, 564.

- Павлов Николай Михайлович (1835–1906) – русский писатель, историк, публицист – 231, 335, 336, 448.
- Палей Ольга Валериановна (1865–1929) – княгиня (1915). Урожденная Карнович, по первому браку фон Пистолькорс. С 1902 г. морганатическая супруга великого князя Павла Александровича. После 1919 г. в эмиграции – 325–326, 394, 398, 549.
- Пален Константин Иванович фон дер (1830–1912) – граф. С 1855 г. служил в канцелярии Государственного совета. Вице-директор Департамента исполнительной полиции Министерства внутренних дел. С 1864 г. псковский губернатор. Министр юстиции (1867–1878). Член Государственного совета (1878), статс-секретарь. В 1896 г. был назначен верховным маршалом при короновании императора Николая II. Расследовал причины Ходынского дела. Обер-камергер (1904) – 14, 73, 88, 91, 92, 94, 100, 128, 134, 180, 193–194, 213, 232, 254, 259, 261, 263, 269, 276, 290, 293, 305, 315, 320, 327, 341, 345–346, 353–354, 366, 379, 394, 406, 407, 410, 417, 428, 429, 430, 434, 453, 455, 457, 460, 483, 489, 492, 494–499, 502, 503, 507, 508, 511, 513, 515, 521, 522, 523, 527, 531, 541–544, 550, 551, 558, 566, 571, 574, 575.
- Пален Петр Петрович (1778–1864) – граф, генерал-адъютант – 269, 531.
- Перетц Егор Абрамович (1833–1899) – участник разработки реформ 1860–1870-х гг. Государственный секретарь в 1878–1882 гг., впоследствии член Государственного совета. Действительный тайный советник (1883) – 46, 77, 123.
- Петр I Алексеевич (Петр Великий, 1672–1725) – русский царь (с 1682 г., единолично правил с 1689 г.), российский император с 22 октября 1721 г. – 14, 90, 167, 209, 271, 280, 303, 308, 408, 412, 446, 505, 507, 560, 578, 641.
- Петр Николаевич (1864–1931) – великий князь, второй сын великого князя Николая Николаевича старшего, двоюродный дядя Николая II. Женат (с 1889 г.) на Милице Николаевне, урожденной княжне Черногорской. Генерал-лейтенант (1908), генерал-адъютант Свиты императора. В годы Первой мировой войны состоял при Ставке Верховного главнокомандующего, а при переводе брата, великого князя Николая Николаевича на Кавказ последовал за ним – 254, 380.
- Петров Николай Павлович (1836–1920) – генерал-майор (1878). Генерал-лейтенант (1888). Член Государственного Совета, инженер-генерал (1900), профессор Петербургского технологического института,

товарищ министра путей сообщения (1892–1900), председатель комиссии для исследования состояния железных дорог, образованной в 1908 г. – 445.

Петровский Сергей Александрович (1846 – ?) – служил в архиве Министерства юстиции. С 1873 по 1878 г. читал в Московском университете лекции по русскому праву, в 1875 г. получил степень магистра государственного права за диссертацию «О Сенате в царствование Петра Великого». С 1880 г. был сотрудником «Московских ведомостей», позже – вторым редактором, а после смерти М. Н. Каткова, с 1887 г. до 1896 г., – редактором-издателем этой газеты – 52, 117.

Пистолькорс О. В. – см. Палей Ольга Валериановна.

Пистолькорс Эрик-Гергард Августович, фон (1853–1935) – адъютант великого князя Владимира Александровича (1894). Служил в лейб-гвардейских Конном и Кавалергардском Ее Величества полках. Генерал-майор (1907). Был женат на Ольге Валерьяновне Карнович (во втором браке замужем за великим князем Павлом Александровичем, с 1915 г. княгиня Палей), с которой развелся. После революции 1917 г. в эмиграции 324–326, 387.

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – директор Департамента полиции (1881–1884). Сенатор (1884). Товарищ министра внутренних дел (1885–1894), государственный секретарь (1894–1899), статс-секретарь Великого княжества Финляндского (1900–1902), министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов (1902–1904). Убит террористом Е. С. Сазоновым – 8, 18, 25, 26, 28, 68, 76, 78, 101, 110, 137, 139, 176, 204, 210–213, 215, 218–219, 234, 244, 252, 263, 278, 281, 297, 326, 327, 333, 337, 338, 353–355, 357–361, 363–365, 367–369, 371, 374, 389–390, 399, 401–402, 407, 409–411, 413, 415, 417, 418, 422, 423–424, 429–431, 436, 443, 445, 453, 457, 460, 464, 467, 494, 530.

Плеске Эдуард Дмитриевич (1852–1904) – директор кредитной канцелярии Министерства финансов (1892–1894), управляющий Государственным банком (1894–1903), управляющий Министерством финансов (1903–1904). Член Государственного совета (1904) – 106, 367, 435.

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – профессор-юрист кафедры гражданского права Московского университета (1860–1865), сенатор (1868), статс-секретарь. Учитель права у великого князя Владимира Александровича и наследников престола, будущих императоров Александра III и Николая II, их ближайший советник. Обер-прокурор Святейшего Синода (1880–1905) – 15, 16, 26, 28, 29, 31, 46, 52,

53, 59, 75, 78, 91, 94, 96, 100, 110, 111, 113, 115, 116, 117, 132, 141, 147, 167, 176, 195, 200, 203, 203, 208, 209, 212, 213, 218, 224, 229, 234, 238, 242, 244, 245, 252, 253, 254, 260, 273, 274, 277, 279, 282, 285, 286, 289, 294, 301, 302, 311, 326, 328, 383–387, 403, 413, 425, 428, 433, 450, 464, 479, 481, 486–487, 489, 494–495, 532.

Половцов Александр Александрович младший (1867–1944) – шталмейстер, статский советник, товарищ министра иностранных дел. Старший сын Александра Александровича Половцова старшего (1832–1909) – 37, 45, 74.

Половцов Анатолий Викторович (1849–1905) – историк, чиновник земского отдела Министерства внутренних дел, заведующий общим архивом Министерства императорского двора – 220.

Половцов Петр Александрович (1874–1964) – генерал-лейтенант, командующий войсками Петроградского военного округа в 1917 г., с 20 октября 1917 г. военный губернатор и командующий войсками Терской области, с ноября по январь 1918 г. главнокомандующий войсками Терско-Дагестанского края, с 1919 г. жил во Франции, с 1922 г. – в Монако – 37, 45, 74, 292, 393, 437, 463, 571.

Половцова Надежда Михайловна (до замужества – Июнева; 1843–1908) – по слухам, внебрачная дочь великого князя Михаила Павловича, воспитанница барона А. Л. Штиглица, жена А. А. Половцова – 24, 37, 57, 164, 220, 222, 321, 324, 343, 344, 340, 563, 570.

Поццо ди-Борго Карл-Андрей (1764–1842) Осипович – граф, русский дипломат (1764–1842) – 412.

Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – русский литературовед, этнограф. Академик Императорской Академии наук (1898), вице-президент Академии наук (1904); двоюродный брат Н. Г. Чернышевского. С 1863 г. сотрудничал в журнале «Современник», с 1867 г. – в «Вестнике Европы» – 249, 279, 282.

Радолин-Радолинский Гуго фон (1841–1917) – граф (с 1888 г.). Немецкий дипломат, посол Германии в Константинополе (1892–1895), Петербурге (1895–1900), Париже (1900–1910) – 470.

Рачковский Петр Иванович (1851–1910) – русский полицейский администратор. Действительный статский советник, глава заграничной агентуры Департамента полиции в Париже, вице-директор Департамента полиции в 1905–1906 гг. – 388–390.

- Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890) – граф, в 1860 г. занял должность заведующего делами Финансового комитета и вошел в состав Редакционных комиссий по освобождению крестьян. В 1862–1878 гг. министр финансов – 38, 46, 49, 53, 131, 489.
- Ренненкампф Павел-Георг Карлович фон (1854–1918) – генерал-адъютант (1912) Свиты императора, генерал от кавалерии (1910). Участвовал в кампании 1900 г. в Китае и в русско-японской войне. В начале Первой мировой войны командовал 1-й армией Северо-Западного фронта. После Февральской революции был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость – 116, 136.
- Репин Илья Ефимович (1844–1930) – художник, живописец, график – 4, 376, 565.
- Рибо Александр Феликс Жозеф (1842–1923) – французский политический деятель, по профессии адвокат – 57, 128.
- Рихтер Оттон Борисович (1830–1908) – участник кампаний 1849, 1853, 1856–1858, 1877–1878 гг. Полковник (1857), флигель-адъютант (1859), состоял при наследнике цесаревиче Николае Александровиче с 1858 г., позднее генерал-майор (1864), генерал-лейтенант (1872), генерал от инфантерии (1886), генерал-адъютант (1871). Командующий Императорской главной квартирой (1881–1898) и глава Комиссии прошений (1884–1895). Член Государственного совета (с 1887 г.). С 1898 г. был назначен состоять при императоре – 99, 122, 128, 134, 140, 178, 202, 232, 233, 293, 311, 341, 354, 430, 435, 443, 448, 485, 487, 488, 505.
- Розенбах Николай Оттонович (1836–1901) – генерал от инфантерии. В 1881 г., будучи произведен в генерал-лейтенанты, был назначен начальником штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. В 1884–1889 гг. туркестанский генерал-губернатор. С 1891 г. член Государственного совета – 53, 137.
- Романов Петр Михайлович (1851–1911) – товарищ министра финансов (1897–1904). Один из ближайших сотрудников С. Ю. Витте. Член Государственного совета (1905) – 432, 435.
- Рооп Христофор Христофорович (1831–1917) – генерал от инфантерии, с 1864 г. начальник штаба Харьковского военного округа. С 1866 г. начальник штаба Московского военного округа. С 1890 г. член Государственного совета. После реформы Государственного совета член группы правых, в 1914 г. перешел к внепартийным – 66, 93, 213, 407–408, 448, 488, 520.

- Рухлов Сергей Васильевич (1852–1918) – с 1903 г. товарищ главноуправляющего торговым мореплаванием. С 1905 г. член Государственного совета. В 1909–1915 гг. министр путей сообщения – 435, 448, 443, 574.
- Саблер Владимир Карлович (с 1915 г. Десятовский, 1847–1929) – состоял личным секретарем при великой княгине Екатерине Михайловне. Камергер (1880). Юрисконсульт Святейшего Синода (с 1881 г.), затем управляющий его канцелярией (1883–1892). Сенатор (1896). В 1892–1905 гг. товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, с 1905 г. в отставке. Член Государственного совета (1905). Обер-прокурор Святейшего Синода (1911–1915). После отставки отошел от политической деятельности – 321.
- Сабуров Андрей Александрович (1837–1916) – статс-секретарь. С апреля 1880 г. по март 1881 г. управлял Министерством народного просвещения, затем заседал в Первом и Гражданском кассационных департаментах Сената и был первоприсутствующим в Четвертом департаменте. В 1899 г. назначен членом Государственного совета. Основатель Российского общества защиты женщин. Председатель Петроградского дома милосердия – 245, 261, 288, 315, 329, 333, 334, 343, 356, 359, 360, 366, 373, 380, 394, 407, 411, 417, 424, 431, 434, 450, 470, 471, 473, 475, 496–497, 517, 529, 530, 543–544, 554.
- Сабуров Петр Александрович (1835–1918) – дипломат, собиратель античного искусства. Член Государственного совета (1900). Действительный тайный советник (1901) – 407, 432.
- Сазонов Егор Сергеевич (1879–1910) – член партии социалистов-революционеров, террорист, убийца В. К. Плеве – 624.
- Сазонов Георгий Петрович (1852 – после 1934) – статистик и публицист, коллежский секретарь. В 1899–1902 гг. главный редактор газеты «Россия» – 326.
- Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857–1914) – князь, участник кампании 1877–1878 гг. Флигель-адъютант (1877). Полковник (1884). Начальник штаба 3-й гренадерской дивизии (1886–1890). Предводитель дворянства Харьковской губернии (1890–1897). Генерал-майор (1895). Пензенский губернатор (1895–1897). Екатеринославский губернатор (1897–1900). Генерал-лейтенант по Генштабу (1901). Товарищ министра внутренних дел (1900) и командир отдельного корпуса жандармов (1900–1902). Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор (1902–1904). Генерал от кавалерии (1903). Генерал-адъютант

- Свиты императора (1904). Министр внутренних дел (1904–1905). После январских событий 1905 г. подал в отставку – 354.
- Сеид-Абдул-Ахад-Хан (1857 или 1859–1910) – эмир Бухарский (с 1885 г.). Генерал-адъютант (1902), генерал от кавалерии (1900) – 340.
- Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (до 1906 г. Семенов, 1827–1914) – географ, ботаник, статистик, государственный и общественный деятель. Вице-председатель Императорского Русского географического общества (с 1873 г.) и президент Русского энтомологического общества (с 1889 г.). Почетный член Императорской академии наук (1873) и Академии художеств (1874). Сенатор Второго (крестьянского) департамента Сената (с 1882 г.). Член Государственного совета (с 1897 г.). Член Русского горного общества (1900) – 23, 333, 341, 344, 367, 370, 421, 508, 561.
- Серафим Саровский (в миру Прохор Сидорович Мошнин, 1754–1833) – иеромонах Саровской пустыни, великий русский святой старец. Канонизирован в 1903 г. – 386, 403, 415, 638.
- Сергеевич Василий Иванович (1835–1911) – историк права. В 1871 г. защитил диссертацию на степень доктора и в том же году назначен профессором, а в 1872 г. занял кафедру истории русского права в Санкт-Петербургском университете. С 1897 по 1899 г. ректор Санкт-Петербургского университета. С 1 января 1907 г. член Государственного совета по назначению. Автор трудов «Вече и князь» и др. – 141, 230, 236, 237, 281, 386, 403, 415, 429, 448, 510.
- Сергей Александрович (1857–1905) – великий князь, четвертый сын императора Александра II, дядя императора Николая II. Флигель-адъютант Свиты императора (1876). Генерал-адъютант Свиты императора (1891), генерал от инфантерии, генерал-лейтенант (1896), член Государственного совета. С 1884 г. муж великой княгини Елизаветы Федоровны (урожденной принцессы Элизабет-Александры Гессен-Дармштадтской), старшей сестры императрицы Александры Федоровны. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Командир лейб-гвардии Преображенского полка (1887–1891). 26 февраля 1891 г. назначен московским генерал-губернатором, с 1896 г. командующий Московским военным округом. 4 февраля 1905 г. убит эсером И. П. Каляевым в Москве взрывом бомбы около Никольских ворот Кремля, похоронен в Чудовом монастыре – 16, 28, 79, 110, 179, 180, 181, 197, 232, 240, 242, 251, 260, 275, 284, 287, 291, 297, 304, 319, 325, 339, 347, 348, 349, 351, 353, 358, 372, 379, 391, 421, 514, 650, 663.

Сергей Михайлович (1869–1918) – великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича, двоюродный дядя Николая II. Генерал-адъютант (1908) Свиты императора, генерал от артиллерии (1914). Участник Первой мировой войны. В январе 1916 г. был назначен полевым генералом-инспектором артиллерии при Верховном главнокомандующем. Много сделал для улучшения русской артиллерии, инициатор усиления (и фактического создания) в русской армии скорострельной артиллерии. Добился резкого улучшения подготовки канониров. Одновременно в январе – июне 1915 г. председатель созданной Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части. После Февральской революции отправлен в отставку. Убит с великими князьями Романовыми, великой княгиней Елизаветой Федоровной и их приближенными в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. под Алапаевском – 284, 300–301, 430, 552.

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) – московский губернский предводитель дворянства (1884–1886), харьковский вице-губернатор (1886), курляндский генерал-губернатор (1888–1891), московский губернатор (1891–1893). Товарищ министра государственных имуществ (1893–1894). Товарищ министра внутренних дел (1894–1895). Главноуправляющий Канцелярией прошений (1895–1899). Министр внутренних дел, шеф жандармов (1899–1902). Убит эсером С. В. Балашевым – 25, 68, 79, 140, 169, 171, 175, 176, 203, 206, 215, 232–234, 249, 252, 258, 260–262, 264, 266–268, 286, 291, 292, 295, 296, 300, 301, 307, 313, 317–318, 320, 326, 330, 332–334, 337–340, 345, 347, 348–353, 357–359, 361, 363, 364–366, 370, 371, 374, 378, 380, 381, 390, 401, 410, 476, 530, 544.

Скрыдлов Николай Илларионович (1844–1918) – участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командовал миротворческой эскадрой на Крите (1898–1900). Командир отдельного отряда судов Балтийского флота (1895–1896), совершившего поход в германский порт Киль. Командовал Черноморским флотом (1902–1904). После гибели адмирала Макарова вновь был назначен командующим Тихоокеанской эскадрой (1904–1905). С июня 1906 г. продолжал службу на Черном море. Адмирал (1909). Казнен в Петрограде во время красного террора – 442.

Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910) – граф (с 1902 г.). Государственный секретарь (1867–1878). Статс-секретарь. Государственный контролер (1878–1889). Член Государственного совета (1889), председатель Департамента законов, затем Департамента государственной экономики Государственного Совета. Председатель Комиссии

для разработки законоположения о новых парламентских учреждениях, председатель Государственного совета и Комитета финансов (1905–1906) – 10, 11, 46, 47, 77, 78, 82, 83, 94, 102, 104, 105, 119, 121, 125, 137, 139, 141, 147, 176, 187, 190, 191, 210, 218, 229, 230, 234, 252–253, 259, 264–266, 277, 278, 282, 286, 293, 301, 309, 315, 319, 321, 327, 328, 342, 365, 369, 380, 415, 416, 427, 428, 431, 434, 437, 438, 451, 453, 455, 460, 461, 468, 469, 470, 471, 472–480, 483, 484, 485, 488, 490, 491, 494, 495, 498, 499, 507, 509–511, 515, 516, 518, 521, 523, 526, 529, 530, 532, 540, 544, 554, 570.

Сомье Альфред – меценат и промышленник, владелец замка Во-ле-Виконт – 57.

Сталь (Стааль) Егор Егорович (1824–1907) – барон, дипломат, посланник в Вюртемберге (1871–1884), посол в Англии (1884–1902) – 128, 133, 135, 183–184, 320.

Старицкий Егор Павлович (1825–1899) – действительный тайный советник, член Государственного совета – 46.

Старынкевич Константин Сократович (1858–1906) – полковник (1896). Штаб-офицер для особых поручений при министре внутренних дел (1899–1900). Олонецкий вице-губернатор (1900–1902). Курляндский вице-губернатор (1902–1903). Генерал-майор по гвардейской конной артиллерии (1903). Томский (1903–1904) и харьковский губернатор (1904–1905) – 544, 552.

Стишинский Александр Семенович (1851–1922) – с 1896 г. товарищ государственного секретаря, в 1899–1904 гг. товарищ министра внутренних дел. В кабинете И. Л. Горемыкина (1906) главноуправляющий землеустройством и земледелием. При назначении П. А. Столыпина председателем Совета министров был уволен от должности главноуправляющего по настоятельной просьбе премьера. С 1904 г. член Государственного совета, где принадлежал к группе правых – 206, 215, 233, 363, 365, 421, 423, 436, 458, 484, 508, 529, 535, 538, 543, 546.

Строганов Павел Сергеевич (1824–1911) – граф, камергер с 1868 г., гофмейстер (1874), обер-шенк (1894) – 80, 315, 321

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) – государственный деятель, археолог, меценат, коллекционер. С 1831 г. был военным губернатором в Риге, затем в Минске (1831–1832). Генерал-адъютант (1835), генерал-лейтенант и сенатор (с 1837 г.), член Государственного совета

- (с 1856 г.). Воспитатель великих князей Александра Александровича (впоследствии императора Александра III) и Владимира и Алексея Александровичей – 59, 322, 395, 428, 429, 433.
- Таганцев Николай Степанович (1843–1923) – юрист, криминалист, государственный деятель. В 1870-х гг. участвовал в Комиссии о тюремном преобразовании. В 1890 г. назначен председателем Комиссии для составления предварительных предположений о пересмотре проекта финляндского уголовного законодательства, в 1894 г. – членом Комиссии для пересмотра российского судебного. С 1887 г. Состоял сенатором Кассационного департамента Сената, а с 1897 г. – первоприсутствующим в этом департаменте. С 1906 г. член Государственного совета – 327, 343, 441, 471, 472, 479, 486, 487, 499, 520, 546, 571.
- Тамерлан (1336–1405) – среднеазиатский завоеватель, сыгравший существенную роль в истории Средней, Южной и Западной Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси. Выдающийся полководец, эмир (с 1370 г.). Основатель династии и империи Тимуридов со столицей в Самарканде – 226.
- Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1896). Приват-доцент (1900). В 1913–1918 гг. одновременно профессор университета в Юрьеве – 487.
- Татаринов Валериан Алексеевич (1816–1871) – один из проводников Великих реформ. Статс-секретарь (с 1858 г.), действительный тайный советник (1860 г.). Государственный контролер (1864–1871) – 131.
- Татищев Сергей Спиридонович (1846–1906) – дипломат, историк и публицист, брат А. А. Половцова по материнской линии. В 1881–1883 гг. состоял чиновником особых поручений при министрах внутренних дел. Выйдя в отставку, сотрудничал с журналами «Русский вестник», «Новое время» и др. – 134, 135, 371.
- Татищев Александр Иванович (1763–1833) – граф, генерал от инфантерии, военный министр (1824–1827) – 303.
- Тимашев Сергей Иванович (1858–1920) – банкир и финансист. Действительный статский советник (1895), тайный советник (1904). Член Государственного совета (1911). В Государственном совете примыкал к группе центра, затем к внепартийному объединению – 49, 428, 552, 558, 564.

- Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – член Государственного совета (1866), сенатор. Обер-прокурор Святейшего Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889). Почетный член (1866) и президент Императорской Академии наук (1882–1889) – 14, 26, 62, 101, 150, 153, 168, 203, 211, 212, 219, 232, 247, 275, 303, 422, 438, 466.
- Толстой Иван Иванович (1858–1916) – государственный деятель, нумизмат и археолог. С 1886 г. член Императорской археологической комиссии. С 1893 г. вице-президент Академии художеств. Министр народного просвещения (1905–1906), городской голова Петербурга-Петрограда (1912–1916) – 80, 375, 486, 495, 546–547, 575.
- Толь Сергей Александрович (1848–1923) – граф, обер-егермейстер (1914). В 1889–1903 гг. санкт-петербургский гражданский губернатор. С 1903 г. член Государственного совета. Активный деятель монархической организации «Русское собрание» – 422, 450, 464–466, 517, 542, 543.
- Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) – участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Генерал-майор по армейской кавалерии (1900) с зачислением в Свиту императора (1903). Московский обер-полицмейстер (1896–1905). С января 1905 г. петербургский генерал-губернатор, с 24 мая того же года – товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов, с 26 октября дворцовый комендант Петергофа – 81, 198, 318, 319, 343, 347, 348, 353, 488, 490.
- Трепов Федор Федорович (1854–1938) – генерал-адъютант (1909), генерал от кавалерии (1908). Брат председателя Совета министров России в 1916 г. А.Ф. Трепова. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Полковник (1884). Волынский губернатор (1896–1898). Генерал-лейтенант по армейской кавалерии (1901). Киевский губернатор (1898–1903). Во время русско-японской войны начальник санитарной части Маньчжурской армии (1904–1905). В 1908–1914 гг. Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор. Член Государственного Совета по назначению (1905) – 471, 473, 506.
- Трубецкой Георгий Иванович (1866–1926) – князь. Флигель-адъютант Свиты императора (1902). Участник русско-японской войны. Состоял в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке (1904–1906). Генерал-майор с зачислением в свиту Его Величества (1907). Командир Собственного Е.И.В. Конвоя (1906–1914), помощник коменданта Императорской главной квартиры (1914) – 178, 371, 537.

- Трубецкой Петр Николаевич (1858–1911) – князь, московский губернский предводитель дворянства (1892–1906). Действительный статский советник (1896) – 207, 363, 371, 373, 379, 442, 494, 521–523, 563, 568.
- Урусов Сергей Николаевич (1816–1883) – князь, с 1864 г. товарищ обер-прокурора Святейшего Синода и статс-секретарь. В 1867 г. управляющий Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии и временно исполняющий обязанности министра юстиции и генерал-прокурора. С 1872 г. председатель Департамента законов Государственного совета. Действительный тайный советник (1872) – 46, 277.
- Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921) – князь, камер-юнкер. Востоковед, публицист и поэт. Служил в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Редактор-издатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1896–1917), друг юности наследника цесаревича Николая Александровича. Участник длительного заграничного путешествия цесаревича на фрегате «Память Азова». Председатель правления Русско-китайского банка и Китайско-Восточной железной дороги – 124.
- Фальер Арман (1841–1931) – президент Франции (Третья республика, 1906–1913) – 508.
- Фердинанд I (1861–1948) – болгарский князь (1887–1908), болгарский царь (1908–1918). Урожденный принц Саксен-Кобург-Готский Фердинанд-Максимилиан-Карл-Мария. Сын принца Августа Саксен-Кобург-Готского и Клементины, принцессы Бурбон-Орлеанской. Присутствовал на коронации императора Николая II в мае 1896 г. в Москве. Женат первым браком на Марии-Луизе, принцессе Бурбон-Пармской. Вторым браком (с 1908 г.) женат на принцессе Элеоноре Рейс-Кестриц (1860–1917). В Первой мировой войне выступил на стороне Германии и Австрии. Отрекся от престола в пользу сына Бориса после поражения Болгарии (1918) и бежал в Германию – 384, 392.
- Филиппов Третий Иванович (1825–1899) – сенатор (1883), товарищ государственного контролера (1878–1889), государственный контролер (1889–1899), член Государственного совета (1889). Духовный писатель и публицист – 53, 79, 105, 116, 120, 121, 139–140, 187.
- Философов Дмитрий Александрович (1861–1907) – шталмейстер Императорского двора (1905), государственный контролер (28 октября 1905–23 апреля 1906 г.), член Государственного Совета (1906), министр

- торговли и промышленности (с 27 июля 1906–6 декабря 1907 г.) – 436, 441, 445, 490–191, 511, 542, 544.
- Флешье Валентен Эспри (1632–1710) – французский проповедник и писатель, принадлежал некоторое время к иезуитскому ордену – 156.
- Флоке Шарль Томас (1828–1896) – французский ученый, политик и государственный деятель. Возглавлял кабинет министров Франции в 1888–1889 гг. – 56.
- Фонтон Николай Антонович (? – 1902) – гофмейстер. Посланник в Португалии в 1885–1891 гг., в Румынии в 1892–1895 гг. – 134.
- Фредерик Владимир Борисович (1838–1927) – граф, генерал-адъютант Свиты императора, генерал от кавалерии (1900), крупный помещик, член Государственного совета. В 1897–1917 гг. министр Императорского двора и уделов, командующий Императорской главной квартирой. В дни Февральской революции по распоряжению Временного правительства был арестован, после прихода к власти большевиков в эмиграции – 169–171, 178, 269, 300, 311, 314, 360, 387, 398, 485, 488, 493, 511, 528, 536, 542, 545, 565, 574.
- Фриш Эдуард Васильевич (1833–1907) – сенатор, управляющий Кодификационным отделом Государственного совета (1883–1893), председатель Департамента гражданских и духовных дел (1897), председатель Департамента законов (1900), председатель Государственного совета (1906–1907) – 27, 46, 186, 229, 233, 245, 266, 282, 287, 360, 363, 380, 400, 406, 416, 417, 431, 455, 469, 471, 473, 479, 483, 496, 497, 499, 509, 513, 523, 525, 527, 529, 535.
- Фукс Эдуард Яковлевич (1834–1909) – юрист, сенатор, общественный деятель. Прокурор Московского окружного суда (1866). В декабре 1877 г. назначен сенатором, присутствующим в Уголовном кассационном департаменте. Первоприсутствующий Особого присутствия Правительствующего Сената (1881), член Государственного совета (1903) – 25, 396–397, 399.
- Фюстель де Куланж Ньюма Денни (1830–1889) – французский историк – 447.
- Харитонов Петр Алексеевич (1852–1916) – статс-секретарь (1911), сенатор (1906), член Государственного совета (1906), действительный тайный советник (1913), государственный контролер (1907–1916) – 438, 470, 554.

Хилков Михаил Иванович (1834–1909) – князь, статс-секретарь, обер-гофмаршал. Министр общественных работ, путей сообщения, торговли и земледелия в Болгарии (1882–1885). В 1885–1895 гг. занимал ответственные посты на российских железных дорогах. Министр путей сообщения (1895–1905). Член Государственного совета (1905), сенатор, почетный член Императорской Академии наук – 23, 28, 119, 124, 139, 210, 263, 411, 413, 414, 482, 543, 544, 548, 561.

Хлопов – см. Клопов А.А.

Цветаев Иван Владимирович (1847–1913) – филолог-искусствовед, профессор Московского университета (с 1877 г.). Основатель и директор Музея изящных искусств имени императора Александра III – 216.

Чакрабон (1883–1920) – принц, второй сын сиамского короля. Николай II, еще будучи наследником, познакомился с ним во время своего морского путешествия на Восток. Принц в начале 1900-х гг. поступил в Императорский Пажеский корпус. Вместе с ним учились сиамцы Най-Пум (ок. 1884–1947) и Малапа. По окончании курса специальных классов корпуса принц и Най-Пум 10 августа 1902 г. были произведены в корнеты Гусарского Его Величества полка. Принц окончил курс первым по успеваемости и был занесен на мраморную доску Пажеского корпуса. Был пажом императрицы Александры Федоровны. После выпуска из Пажеского корпуса успешно учился в Николаевской академии Генерального штаба – 319.

Чевкин Константин Владимирович (1802–1875) – генерал-адмирал, главноуправляющий путями сообщения в 1853–1862 гг., председатель Департамента государственной экономии Государственного совета в 1863–1872 гг. и председатель Комитета по делам Царства Польского в 1872 г. – 131.

Черевин Петр Александрович (1837–1896) – флигель-адъютант Свиты императора (1867), генерал-майор, генерал-адъютант (1882). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Близкий друг императора Александра III, начальник его дворцовой охраны, командир Собственного Его Императорского Величества конвоя (1876–1880). Товарищ главноуправляющего III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1878–1880), товарищ министра внутренних дел (1880–1883) – 135, 171, 176, 307, 310, 354.

Чертков Михаил Иванович (1829–1905) – участник кампаний 1849, 1854, 1855, 1857–1860, 1877 гг. Флигель-адъютант Свиты императора (1855). Генерал-майор с назначением в Свиту императора (1860).

- Генерал-адъютант (1869), генерал-лейтенант (1868). Киевский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа (1879–1881). Член Государственного совета. Варшавский генерал-губернатор (1900–1905) – 104, 290, 292, 293, 346, 446, 447, 462.
- Чечулин Николай Дмитриевич (1863–1927) – историк, археограф, коллекционер. Магистр русской истории (1892). Доктор русской истории (1896). Принадлежал к «петербургской школе» историков. Автор книги «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II» и др. Член Императорского Русского исторического общества, Археографической комиссии, Московского археологического общества, Общества любителей древней письменности, Русского географического общества. В 1894–1899 гг. помощник редактора и секретарь редакции «Журнала Министерства народного просвещения» – 448, 555, 573.
- Числова Екатерина Гавриловна (1845–1889) – артистка балета, возлюбленная великого князя Николая Николаевича старшего – 27, 199, 240, 254.
- Чихачов (Чихачев) Николай Матвеевич (1830–1917) – адъютант генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича (с 1860 г.). Директор-распорядитель Русского общества пароходства и торговли, контр-адмирал Свиты императора (1869), генерал-адъютант (1893), адмирал, начальник Главного морского штаба (1884–1888). Морской министр (1888–1896). Член Государственного совета (с 1896 г.). Председатель Департамента промышленности и торговли (1901–1905) – 125, 286, 315, 321, 333, 341, 344, 346, 347, 380, 421, 424, 439, 483, 484, 509.
- Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) – оперный певец, в 1896–1899 гг. солист «Товарищества частной оперы» С. И. Мамонтова в Москве. С 1899 г. пел в Большом театре в Москве, с 1906 г. еще и в Мариинском театре в Санкт-Петербурге. Исполнял главные партии классического репертуара, русские песни и романсы. Концертировал по стране. Участвовал в «Русских сезонах» С. П. Дягилева за рубежом. В 1918 г. художественный руководитель Мариинского театра, в 1919 г. – его директор – 340.
- Шауман Эйген (Евгений Владимирович) (1875–1904) – финский чиновник, террорист. Смертельно ранил генерал-адъютанта Н. И. Бобрикова – 462.
- Шванебах Петр Христианович (1848–1908) – тайный советник (1896), исправляющий должность главноуправляющего землеустройством и земледелием (31 мая 1905–26 октября 1905). Член Государственного

- Совета (1905), государственный контролер (1906–1907) – 290, 406, 436, 440, 474, 477, 492, 507, 528, 530, 545, 546, 551, 552, 554.
- Шебеко Николай Игнатьевич (1834–1904) – генерал от кавалерии. В 1871 г. произведен в генерал-майоры и назначен губернатором Бессарабии. С 1887 г. товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов. С августа 1887 г. (по другим данным – с 1890 г.) сенатор. С 1895 г. член Государственного совета по Департаменту гражданских и духовных дел. В 1900 произведен в генералы от кавалерии – 12, 14, 577.
- Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) – граф. Флигель-адъютант (1881). Московский губернский предводитель дворянства (1885–1897). Обер-егермейстер (1903). Член Государственного совета (1900). Обер-егермейстер Императорского двора (1904) Археолог и историк, председатель Общества любителей древней русской письменности (1877), председатель Императорской Русской Археографической комиссии (1900–1917), основатель и председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, председатель Археографической комиссии (1900). Почетный член Академии наук (1890), действительный член Академии художеств. Редактор журнала «Старина и новизна», автор работ по истории России XVI–XVII вв – 97, 99, 131, 141, 203, 206, 215, 230–231, 248, 263, 333, 352, 371, 375, 397, 428, 432, 440, 448, 450, 525.
- Шереметева Екатерина Павловна (1849–1929) – урожденная княжна Вяземская. Супруга (с 1868 г.) графа С. Д. Шереметева – 203.
- Шестаков Иван Алексеевич (1820–1888) – флотоводец и государственный деятель, адмирал. В 1872–1881 гг. морской агент в Италии и Австро-Венгрии. В 1881 г. председатель Кораблестроительного отдела Морского технического комитета. В 1882–1888 гг. управляющий Морским министерством, адмирал (1888) – 505.
- Шидловский Михаил Владимирович (1856–1918) – генерал, командующий эскадрой воздушных кораблей в Первую мировую войну – 544.
- Шидловский Николай Владимирович (1843–1907) – сенатор, член Государственного совета (1895). Председатель Комиссии для выяснения причин недовольства рабочих и изыскания мер к устранению таковых (1905) – 8, 28, 78, 79, 136–137, 139, 229, 257, 261, 268, 292, 315, 407, 417, 428, 492.

Шильдер Владимир Александрович (1855–1925) – генерал. Директор Пажеского корпуса и Александровского лицея – 435.

Шильдер Николай Карлович (1842–1902) – историк, полковник, флигель-адъютант Свиты императора. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор монографий об императорах Павле I, Александре I и Николае I. Начальник Инженерной академии (1866) и Инженерного училища в Санкт-Петербурге. Генерал-майор. В последние годы жизни директор Императорской публичной библиотеки (1899), редактор журнала «Русская старина» (1892–1893), член-корреспондент Академии наук (1900) – 11, 91, 225, 230, 231, 232, 249, 282, 301, 307, 355, 377, 428.

Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) – один из лидеров земского движения конца XIX – начала XX вв. В октябре 1905 г. ему был предложен пост государственного контролера, но он отказался, как и другие общественные деятели, войти в состав кабинета С. Ю. Витте. В ноябре 1905 г. Шипов стал одним из учредителей и первым председателем центрального комитета партии «Союз 17 октября» (октябристов). В 1906–1909 был членом Государственного совета от московского земства – 491, 538.

Шипов Иван Павлович (1865–1919?) – директор департамента Государственного казначейства (1902–1905), управляющий делами Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905). Министр финансов (1905–1906), торговли и промышленности (1908–1909), управляющий Государственным банком (1913–1917) – 335, 522, 524, 544, 556, 572.

Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862–1930) – князь. Руководил подготовкой торжеств, связанных с прославлением преподобного Серафима Саровского (1902–1903). Тверской губернатор (1903–1905). Гофмейстер, обер-прокурор Святейшего Синода (апрель – июнь 1906), член Государственного совета (1906). Один из организаторов Русского собрания и Союза русского народа. Вице-председатель Императорского Православного Палестинского общества. В эмиграции с 1920 г. В 1928 г. был председателем президиума Монархического съезда в Париже – 403, 425, 535, 538.

Шишкин Николай Павлович (1830–1912) – посланник в Швеции и Норвегии (1886–1890), товарищ министра иностранных дел (с 1891 г.). Член Государственного совета – 79, 126, 133, 134, 136, 183, 185, 191, 194.

Штендман Георгий Федорович (1836–1903) – историк, секретарь Императорского Российского исторического общества. Чиновник Государственной канцелярии, член Археографической комиссии – 142, 227, 230, 243, 252, 279, 281, 423, 430, 443, 448.

Штиглиц Александр Людвигович (1814–1884) – барон, управляющий Государственным коммерческим банком (1860–1866), председатель Петербургского биржевого комитета, придворный банкир, меценат. На его средства в Санкт-Петербурге в 1879 г. было открыто Училище технического рисования – 28, 33, 34, 37, 38, 81, 86, 177, 178, 321, 322, 660, 667, 680.

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) – в 1892 г. был причислен к Министерству внутренних дел. Новгородский (1894–1896) и Ярославский (1896–1902) губернатор. Директор Департамента общих дел МВД (1902–1904). Член Государственного совета (1904). Председатель Совета министров (20 января – 10 ноября 1916 г.), одновременно министр внутренних дел (3 марта – 7 июля 1916 г.), министр иностранных дел (7 июля – 10 ноября 1916 г.). После Февральской революции был арестован и доставлен в Таврический дворец. Затем содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Умер в тюремной больнице – 429.

Шувалов Павел Андреевич (1830–1908) – граф, дипломат. Флигель-адъютант (1859). Генерал-майор с назначением в Свиту императора (1864). Генерал-адъютант (1871). Генерал-лейтенант (1873). Генерал от инфантерии (1887). Участник кампаний 1849, 1854–1855, 1863, 1877–1878 гг. Командир лейб-гвардии Семеновского полка (1864–1867). Начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1867–1877). Командир Гвардейского корпуса (1881–1885). Посол в Берлине (1885–1894). Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками округа (1894–1896). Член Государственного совета (1896) – 79–80, 88, 94, 95, 100, 103, 105, 108, 125, 129, 139, 150, 183.

Шумигорский Евгений Севастьянович (1857–1920) – историк – 227, 248, 280, 282–283, 448.

Эдуард VII (1841–1910) – король Великобритании и Ирландии (с 1901 г.). Урожденный принц Уэльский Альберт Эдуард, старший сын королевы Виктории I, наследник престола. Был женат (с 1863 г.) на старшей сестре императрицы Марии Федоровны – датской принцессе Александре – 96, 560.

- Эйленбург Филипп (1847–1921) – политик и дипломат Германской империи, граф, с 1900 г. князь. Посол в Вене в 1894–1902 гг. Был одним из ближайших личных друзей императора Вильгельма II – 136.
- Эллис Александр Вениаминович (1825–1907) – генерал от инфантерии (1892). Член Оружейного отдела Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления (1883). Член Военного совета (1889–1906). Комендант Санкт-Петербургской крепости (1896) – 96–97.
- Юсупов Феликс Феликсович старший (Сумароков, 1856–1928) – князь (с 1891 г.), урожденный граф Сумароков-Эльстон. С 1882 г. женат на княжне Зинаиде Николаевне Юсуповой. Генерал-лейтенант, командир Кавалергардского полка (1904–1908), начальник Московского военного округа и главнокомандующий в Москве (1915). После 1917 г. в эмиграции – 428, 429, 431, 433, 454, 496, 526, 544, 559.
- Яновский Кирилл Петрович (1822–1902) – ученый и педагог. С 1871 г. помощник попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. В 1878–1900 гг. попечитель Кавказского учебного округа. Под его руководством подготовлен «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Почетный член Императорской Академии наук (1891) и Академии художеств, член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии – 291.

Указатель географических названий, мест и сооружений

Австро-Венгрия (Австро-Венгерская монархия) – дуалистическое государство, состоявшее из двух частей (Австрийской империи, или Цислейтании, и королевства Венгрии, или Транслейтании), самостоятельных в государственном отношении и связанных единой династией и общностью ряда учреждений. Создана в 1867 г. в результате преобразования Австрийской империи (монархии Габсбургов) на основе соглашения между Австрией и Венгрией.

Адмиралтейство в Санкт-Петербурге – здание Главного адмиралтейства. Заложено как корабельная верфь в 1704 г. императором Петром I, которому принадлежал основной замысел сооружения. Перестраивалось в 1727–1738 гг. архитектором И. К. Коробовым, в 1806–1823 гг. архитектором А. Д. Захаровым. Здесь размещались Морское министерство, Главный морской штаб, Гидрографическое управление, а также Морской музей.

Академия (Академия Генерального штаба) – основана в 1832 г. в Санкт-Петербурге. В 1855 г. получила название Николаевской академии Генерального штаба (в память императора Николая I). В 1909 г. – Императорская Николаевская военная академия. Выпускала офицеров с высшим военным образованием и офицеров-геодезистов. Первоначально располагалась в столице на Английской набережной, дом 32, а с 1901 г. – на Суворовском проспекте, дом 32.

Ай-Тодор – мыс на южном берегу Крыма в Гаспре, в 8,5 км к юго-западу от Ялты. Замыкает с запада Ялтинскую бухту. Здесь находилось одно из самых крупных великокняжеских имений с тем же названием (приобретено великим князем Михаилом Николаевичем в 1869 г., позднее перешло по наследству к великому князю Александру Михайловичу).

Академия наук в Санкт-Петербурге (с 1836 г. Императорская Санкт-Петербургская академия наук) – высшее научное учреждение Российской империи. Основана в 1724 г. указом императора Петра I, открыта Екатериной I в 1725 г. Вначале располагалась в доме П. П. Шафирова на Городском острове, с 1728 г. – на Васильевском острове в здании

Кунсткамеры и стоявшем рядом дворце царицы Прасковьи Федоровны. В 1783–1789 гг. архитектор Дж. Кваренги построил новое здание на Университетской набережной, дом 5.

Академия художеств в Санкт-Петербурге (с 1764 г. Императорская Академия художеств) – государственное учреждение в области изобразительных искусств и архитектуры, являлась также высшей художественной школой. Основана в 1757 г. по проекту И. И. Шувалова. Первоначально размещалась в особняке Шувалова на Садовой улице. В 1764–1788 гг. для академии было построено специальное здание (Университетская набережная, дом 17; архитекторы А. Ф. Кокоринов и Ж. Б. Валлен-Деламот).

Александрия в Петергофе – дворцово-парковый ансамбль. Одна из резиденций российских императоров в 1830–1917 гг. (с 1825 г. – Собственная Его Императорского Величества дача). Названа в честь императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I. В 1826–1829 гг. по личному указанию императора здесь построен летний дворец в готическом стиле (так называемый Коттедж; архитектор А. Менелас). В 1826–46 гг. садовый мастер П. И. Эрлер обустроил пейзажный романтический парк. Недалеко от «Коттеджа» была построена «Ферма» (1829–1831 гг.) с коровником, комнатами для пастухов, кухнями и кладовыми. Вплоть до 1859 г. она перестраивалась архитектором А. И. Штакеншнейдером, была приспособлена под летний дворец императора Александра II. Одна из самых оригинальных построек – Готическая капелла, домашняя церковь царской семьи (во имя св. Александра Невского). Последнее крупное сооружение – 4-этажный Нижний (или Новый) дворец императора Николая II. Он чаще назывался Нижней дачей, так как располагался на берегу моря, в северо-восточном углу парка. Здесь 30 июля 1904 г. родился наследник цесаревич Алексей Николаевич.

Александровский дворец – заложен в 1792 г. по распоряжению Екатерины II и строился к бракосочетанию ее внука, великого князя Александра Павловича (будущего императора Александра I). В мае 1796 г. строительство было завершено. Архитектурный проект Александровского дворца принадлежит архитектору Д. Кваренги, работы велись под наблюдением зодчего П. В. Неелова. В последующей отделке и перестройке интерьеров участвовали архитекторы Л. Руска, К. Макер, С. Черфолио, А. А. Тон, В. П. Стасов, Д. Е. Ефимов и др. С 1904 г. Александровский дворец стал постоянной резиденцией императора Николая II. В начале XX в. во дворце происходили многие важные события, связанные с русской государственной жизнью: приемы

послов и иностранных деятелей, празднования юбилеев – 300-летия Дома Романовых и 200-летия Царского Села.

Александровская – железнодорожная станция вблизи одноименной деревни и Царского Села. Построена в ходе сооружения отдельной ветки Варшавской железной дороги, соединившей Царское Село с Санкт-Петербургом (1857 г.).

Алекسانдро-Невская лавра в Санкт-Петербурге – мужской монастырь (лавра с 1797 г.). Основан в 1710 г. в память победы князя Александра Ярославича над шведами в 1240 г. Архитектурный ансамбль лавры, созданный на основе замысла архитектора Д. Трезини (1715 г.), включает Благовещенскую церковь, Троицкий собор, ряд корпусов, в том числе Духовской, Федоровский, Митрополичий. На территории монастыря находятся Лазаревское, Никольское и Тихвинское кладбища. При лавре действовала (действует и в настоящее время) Санкт-Петербургская духовная академия (с 1809 г.).

Америка Северная – материк в Западном полушарии, соединенный Панамским перешейком с материком Южная Америка.

Английская набережная в Санкт-Петербурге – по левому берегу Большой Невы, между Сенатской площадью и Ново-Адмиралтейским каналом. Возникла в начале XVIII в. в нижнем течении Большой Невы. Данное название появилось во второй половине XVIII в. в связи с тем, что на набережной проживали английские подданные, находилось английское посольство и англиканская церковь Иисуса Христа.

Англия – см. Великобритания.

Аничков дворец – резиденция наследников российского престола в Санкт-Петербурге. Дворец построен в 1741 г. по проекту архитектора Ф. Б. Растрелли. Название дворца идет от соседства со слободой, некогда населенной батальоном морской рабочей команды под началом капитана Аничкова. Дворец являлся столичной резиденцией Александра III и его семьи. После переезда императора Николая II с семьей на постоянное жительство в Царское Село здесь проживала вдовствующая императрица Мария Федоровна и ее младшие дети.

Артиллерийском училище – см. Михайловское артиллерийское училище.

Архангельский собор Кремля – построен в 1505–1509 гг. итальянским архитектором Алевизом Новым. Служил местом захоронения всех великих князей и царей Москвы и России начиная с Ивана Калиты.

Археологический институт – см. Русский археологический институт.

Афганистан – государство на Среднем Востоке, основанное в 1747 г. Ахмад-шахом Дуррани со столицей в Кандагаре. При его сыне Тимур-шахе (1773–1793) столица государства была перенесена в Кабул. Благодаря своему стратегическому положению в центре Евразии, в XIX в. Афганистан стал ареной борьбы между Британской и Российской империями.

Баболовский дворец в Царском Селе – построен в 1785 г. для Григория Потемкина в Баболовском парке.

Бавария – государство в составе Германской империи (с 1871 г.), королевство (с 1806 г.). До распада в 1918 г. управлялось домом Виттельсбахов.

Баден-Баден (официальное название до 1931 г. – Баден) – город-курорт на территории современной немецкой земли Баден-Вюртемберг. Местные жители называли город «Баден в Бадене» (Баден – также регион) для того, чтобы отличать его от соседних поселений с одноименным названием. Так возникло сегодняшнее двойное название «Баден-Баден». Известен своими горячими источниками. В начале XIX в. здесь было открыто первое в Германии казино. Русская мода на отдых в Баден-Бадене возникла после брака между великим князем Александром Павловичем (будущим императором Александром I) и баденской принцессой Луизой (будущей императрицей Елизаветой Алексеевной).

Балтийская железная дорога – соединяла Петербург с портами Ревелем и Балтийским портом. Частная, позднее казенная железная дорога. Существовала с 1870 по 1907 гг. Проходила по территории Петербургской и Эстляндской губерний.

Балтийский завод – одно из крупнейших судостроительных и машиностроительных предприятий России. Основан в 1856 г. купцом М. Е. Карром и инженером М. Л. Макферсоном. В 1874 г. завод стал собственностью акционерного общества, с 1895 г. находился в ведении Морского министерства. Предприятие преимущественно занималось строительством военных кораблей. В 1901 г. завод приступил к систематическому строительству подводных лодок, в 1906 г. организован специальный отдел подводного плавания.

Батум – административный центр одноименного округа, входившего в состав Кутаисской губернии, с 1903 г. – центр Батумской области, местопребывание военного губернатора.

- Биорке – финский остров в северо-восточной части Финского залива.
- Болеарские острова – небольшой архипелаг на западе Средиземного моря.
- Болье – город французского департамента Коррез на реке Дордонь.
- Большой театр в Москве – основан в 1776 г. на Петровской улице. Театр дважды горел. Затем новое здание было построено К. И. Росси на Арбатской площади. Однако и оно, будучи деревянным, сгорело в 1812 г., во время нашествия Наполеона. В 1821 г. началось строительство театра на изначальном месте архитектором О. И. Бове по проекту ректора Академии художеств А. А. Михайлова. В 1825 г. театр открылся представлением «Торжество муз». В 1842 г. он перешел под руководство петербургской дирекции Императорских театров.
- Бухара – столица Бухарского ханства и местопребывание эмира. Город лежит на левом берегу реки Зеравшан, на канале Шахруд (Шахри-руд).
- Бухарский эмират – государство, существовавшее с 1785 по 1920 г. в Азии на территории современных государств Таджикистана, Узбекистана и части Туркмении. 1868 г. попал в вассальную зависимость к Российской империи и получил статус ее протектората.
- Варшава – в 1815–1915 гг. столица Царства Польского (в составе Российской империи). Стоит на реке Висла. Ныне – столица Польши.
- Варшавская железная дорога – см. Петербурго-Варшавская железная дорога.
- Ватиканские (Рафаэлевые) ложи – знаменитая галерея на втором этаже Ватиканского дворца в Риме. В каждом своде из 13 лож галереи написано по четыре картины на сюжеты, заимствованные из Ветхого и Нового Заветов. Автором композиций этих 52-х картин, известных под названием «Рафаэлевской Библии», является итальянский художник эпохи Возрождения Рафаэль Санти, а исполнены работы были его учениками (Дж. Романо, Фр. Пенни и др.).
- Великий Сибирский путь (современное название – Транссибирская железнодорожная магистраль) – железная дорога через Евразийский континент, соединяющая Москву и Санкт-Петербург с Владивостоком. Исторически Великий Сибирский путь – это участок от Челябинска до Владивостока, который строился с 1891 по 1916 г. В начале 1891 г. был создан Комитет по сооружению Сибирской железной дороги, в который вошли министры внутренних дел, государственных имуществ,

финансов и путей сообщения, государственный контролер, позднее – военный министр и управляющий Морским министерством. В том же году началось строительство. Работы производились одновременно с двух сторон: от Челябинска и от Владивостока. В 1893 г. строительство дороги шло на трех участках: Челябинск – Омск (Западно-Сибирская дорога), Обь – Иркутск (Средне-Сибирская дорога), Владивосток – Графская (Южно-Уссурийская дорога). 1 июля 1903 г. Великий Сибирский путь введен в строй на всем его протяжении. Окончательно строительство было завершено в декабре 1916 г.

Великобритания – европейское государство, расположенное на двух больших островах (Великобритания и Ирландия) и многочисленных малых островах (Гебридские, Оркнейские, Шотландские, Сицилийские, Нормандские, Мэн и др.). Объединяла три старых королевства – Великобританию, Шотландию и Ирландию. Вместе с колониями во всех частях света носила название Британской империи.

Вена – город-резиденция династии Габсбургов и столица Священной Римской империи германской нации (с XV в.). С 1804 г. – столица Австрийской империи, с 1867 г. – Австро-Венгрии.

Венецианский зал – один из залов Музея декоративно-прикладного искусства при Центральном училище технического рисования барона А. Л. Штиглица, называется также залом Тьеполо, решен в духе одного из залов дворца Дожей в Венеции (в стиле итальянского Возрождения).

Во-ле-Виконт – замок, построенный в XVII в. генеральным контролером финансов Франции времен Людовика XIV Николя Фуке. Дворец отличался невероятной роскошью. В конце XIX в. замок купил промышленник и любитель искусства Альфред Сомье, который превратил Во-ле-Виконт в один из наиболее выдающихся частных музеев Франции.

Вологдо-Вятская железная дорога (Вологодско-Вятская) – построена на средства государственной казны в 1901–1906 гг. Проведена через Буй – Галич – Шарью – Котельнич. В 1906 г. объединена с Петербурго-Вологодской железной дорогой в Северные железные дороги.

Выборгский полк (Выборгский 85-й пехотный полк) – сформирован в 1700 г. в Новгороде как солдатский Ивана Кулома полк. В 1727 г. – Выборгский пехотный полк. В 1865 г. присвоен № 85. С 1888 г. – 85-й пехотный Выборгский Его Императорского и Королевского Величества Императора Германского и Прусского Вильгельма II полк. С 19 июля 1914 г. – 85-й пехотный Выборгский полк.

Гагаринская улица в Санкт-Петербурге – проходит от Невы (Дворцовая набережная, в настоящее время – набережная Кутузова) до Пантелеймоновской улицы (в настоящее время улица Пестеля).

Гатчина – город в 45 км на юго-запад от Петербурга, недалеко от Царского Села. Гатчинский дворец был наиболее отдаленной от столицы и любимой резиденцией императора Александра III. Именно там прошла большая часть детства цесаревича Николая Александровича. После восшествия на престол Николая II в Гатчине продолжали жить члены императорской семьи – вдовствующая императрица Мария Федоровна с младшими детьми. Дворец состоит из прямоугольного в плане трехэтажного корпуса. Он представлял собой два огромных каре (они носят название Арсенального и Кухонного), соединенных между собой украшенной пилястрами вогнутой двухэтажной галереей и двумя пятигранными башнями, которые возвышались по углам каре.

Гатчинский дворец (Большой Гатчинский дворец) – императорская резиденция в г. Гатчина. Дворец построен в 1766–1781 гг. по проекту А. Ринальди для фаворита Екатерины II графа Г. Г. Орлова. В 1783 г. Гатчина была подарена императрицей сыну – цесаревичу Павлу Петровичу, будущему императору Павлу I, а после смерти последнего которого в 1801 г. перешла во владение его вдовы, императрицы Марии Федоровны. Затем Гатчина принадлежала царствующим монархам, начиная с Николая I.

Гатчинский Николаевский сиротский институт – основан вдовствующей императрицей Марией Федоровной в 1803 г. как воспитательный дом. В 1837 г. преобразован в сиротский институт для воспитания сыновей военных обер-офицеров и гражданских чиновников. В 1855 г. институт назван Николаевским в память его основателя – императора Николая I. В 1848 г. при нем был учрежден женский пансион, который в 1867 г. преобразован в женскую гимназию.

Гельсингфорс – столица Великого княжества Финляндского (в составе Российской империи с 1809 г. в соответствии с Фридрихсгамским мирным договором). Современное название – Хельсинки.

Глазго – крупнейший торговый и фабричный город Шотландии (в графстве Ланарк). Центр шотландской хлопчатобумажной промышленности.

Горный институт в Петербурге – первое высшее техническое учебное заведение в России. Основан указом императрицы Екатерины II 21 октября 1773 г. с целью подготовки инженерных кадров для развития горнозаводского дела. Сначала назывался Горным училищем.

В 1804 г. преобразован в Горный кадетский корпус, затем в 1834 г. – в Институт Корпуса горных инженеров. С 1866 г. – Горный институт (в настоящее время – Санкт-Петербургский государственный горный институт имени Г. В. Плеханова (технический университет)).

Гродненский гусарский полк – сформирован в июне 1806 г. в городе Торопец Псковской губернии на основе пяти эскадронов, отчисленных от Александрийского, Ольвиопольского и Изюмского полков. Боевое крещение получил в январе 1807 г. в сражении при Прейсиш-Эйлау.

Грязе-Царицынская железная дорога – построена в 1868 г. для обеспечения железнодорожного сообщения центра страны с югом.

Грязи – в настоящее время город в Липецкой области. В конце XIX в. – пристанционный поселок, возник в связи со строительством Воронежско-Козловской, Орловско-Грязской и Грязе-Царицынской железных дорог во второй половине XIX в. Относился к Липецкому уезду Тамбовской губернии.

Губертусшток – охотничий замок германского императора в провинции Бранденбург, в 19 км от Эберсвальде.

Дворцовая набережная – набережная на Неве, находится в центре Санкт-Петербурга по левому берегу от набережной Кутузова до Адмиралтейской набережной.

Дерптский университет (Тартуский университет) – университет в Дерпте в Лифляндской губернии, основан шведским королем Густавом II Адольфом в 1632 г. на территории Ливонии. В XVIII в., после присоединения Эстляндии к России, не действовал, но был вновь открыт Александром I в 1802 г.

Дижон – главный город бывшего герцогства Бургундского, потом провинции Бургундии (Франция). Расположен в 326 км к юго-востоку от Парижа, у восточного склона Кот-д’Ор, при впадении Сюзон в Уш и при Бургундском канале, соединяющем систему Соны и Роны с Сенной.

Екатеринослав – губернский город Екатеринославской губернии при реке Днепр, станция Екатерининской железной дороги. Ныне – Днепрпетровск на Украине.

Екатеринославская губерния – административно-территориальная единица Российской империи. Граничила на севере с Полтавской и Харьковской губерниями, на востоке – с Областью Войска Донского, на юге – с Азовским морем и Таврической губернией, на западе – с Херсонской

губернией. В административном отношении Екатеринославская губерния составляла сначала часть Новороссийской губернии (образована в 1764 г.) под названием Екатерининской провинции. В 1783 г. образовано Екатеринославское наместничество, в 1803 г. – Екатеринославская губерния. В ее состав входили Александровский, Бахмутский, Верхнеднепровский, Екатеринославский, Мариупольский, Новомосковский, Павлоградский и Славяносербский уезды.

Жокейский клуб – элитный привилегированный клуб в Париже, ведет свою историю с 1834 г.

Загородный проспект – проспект в центре Санкт-Петербурга. Проходит Владимирской площади до Забалканского (ныне Московского) проспекта. Большая загородная дорога появилась в начале 1730-х гг. на месте старинной пешеходной тропы, ведущей к Екатерингофу. Загородной она называлась, поскольку в первой половине XVIII в., когда южная граница города проходила по Фонтанке, прилегающие территории были загородными. Официальное название было учреждено в 1739 г. Комиссией о Санкт-Петербургском строении.

Западно-Сибирская железная дорога – построена в 1892–1896 гг. за счет средств казны. Проходила по территории Оренбургской, Тобольской, Томской, Иркутской губернии и Акмолинской области. В 1900 г. вместе со Среднесибирской железной дорогой вошла в состав Сибирской железной дороги.

Зимняя канавка – канал в Санкт-Петербурге, соединяющий Большую Неву и Мойку в районе Зимнего дворца. В 1783–1787 гг. на месте дворца императора Петра I было построено архитектором Д. Кваренги классическое трехэтажное здание Эрмитажного театра. Чтобы соединить новое здание со Старым Эрмитажем, через канал была перекинута высокая арка-галерея. В 1782–1784 гг. набережные канавки были закованы в гранит и украшены строгими решетками, выполненными по проекту скульптора И. Ф. Дункера. Набережная Зимней канавки в XVIII в. называлась Почтовой, так как неподалеку располагался Почтовый двор.

Зимний дворец (Зимний) – императорский дворец в Санкт-Петербурге на Дворцовой набережной, с 1732 г. до 2 марта 1917 г. – официальная зимняя резиденция российских императоров. Возведен в 1762 г. При императрице Екатерине II здесь были сооружены зимний сад, Романовская галерея и др. Тогда же завершилось формирование Георгиевского зала.

Золотая Царицына палата (Золотая палата) – дворцовая постройка XVI в. в Московском Кремле. Свое название получила после того, как в конце XVI в. стены Царицыной палаты расписали золотом. Фасад палаты выходит на Соборную площадь, наличники его окон выполнены под влиянием архитектуры Ренессанса. Возведение в 1636 г. над палатой Верхоспасского собора потребовало укрепления ее сводов железными связями.

Зоологический музей Академии наук в Санкт-Петербурге – основание музею положил император Петр I, который приобрел в 1698 г. в Голландии значительное количество птиц, рыб и насекомых. Эти коллекции были привезены в Санкт-Петербург, помещены в библиотеке старого Летнего дворца и значительно увеличены. В 1716 г. коллекция была пополнена другими собраниями. В 1766 г. зоологические коллекции были переведены в новое здание Кунсткамеры (здание академической библиотеки). С 1896 г. музей располагается в новом здании на Стрелке Васильевского острова.

Измаильский уезд – административная единица в Бессарабской губернии. Уездный город – Измаил.

Иерусалим – древний город на Ближнем Востоке. Первые поселения датируются IV тысячелетием до н. э. В 1516–1917 гг. находился под властью Османской империи.

Ильинское – село Звенигородского уезда Московской губернии, вотчина великого князя Сергея Александровича. Принадлежало князьям Голицыным, приобретено императрицей Марией Александровной, которая открыла здесь в 1865 г. мужское училище (в 1880 г. открыто и женское). Обе школы содержались на средства великих князей.

Императорская академия художеств – см. Академия художеств.

Императорская публичная библиотека – библиотека в Санкт-Петербурге. Основана в 1795 г. высочайшим повелением императрицы Екатерины II. Открытие состоялось 2 января 1814 г. Библиотека была открыта для всех, независимо от социального положения.

Императорское училище правоведения – перворазрядное закрытое учебное заведение в Петербурге для подготовки детей потомственных дворян к службе в судебной области. Основано в 1835 г. по инициативе и на средства принца П. Г. Ольденбургского.

Индия – британская колония в Южной Азии на полуострове Индостан. Территория Индии омывается Индийским океаном, Аравийским

морем и Бенгальским заливом. В 1858 г. Индия была объявлена владением британской короны. Это положило конец правлению английской Ост-Индской компании. В 1877 г. королева Англии Виктория была провозглашена императрицей Индии. Во второй половине XIX в. Индия являлась важнейшим рынком сбыта товаров английской промышленности и источником сырья.

Испания – королевство на Пиренейском полуострове. В состав королевства также входят Балеарские и Питиузские острова на Средиземном море.

Италия – государство на Апеннинском полуострове с большими островами Сицилией и Сардинией. В 1860 г. территория Италии была в основном объединена вокруг Сардинского королевства (с 1861 г. – Итальянское королевство), в 1870 г. был присоединен Рим.

Кавказ – регион на границе Европы и Азии, между Черным, Азовским и Каспийским морями. Состоит из Кавказских гор (Большого Кавказа) и прилегающих к ним областей Северного Кавказа (Предкавказья) и Южного Кавказа (Закавказья).

Кавказский учебный округ – учрежден в 1848 г. В состав входили Бакинская, Елизаветпольская, Кутаисская, Тифлисская, Черноморская, Эриванская и Ставропольская губернии, Батумская, Дагестанская, Карсская, Кубанская, Терская и Закаспийская области, Сухумский и Закатальский округа.

Казанская губерния – образована в 1708 г. в ходе административно-территориальной реформы Российской империи, начатой императором Петром I. Основу составила территория Казанского царства. Столица губернии стала впоследствии центром учебного (1805 г.) и военного (1826 г.) округов.

Казанская площадь – площадь в Санкт-Петербурге. Расположена между Казанской улицей и набережной Екатерининского канала (в настоящее время канал Грибоедова).

Казанский собор – собор в Санкт-Петербурге; строился в 1801–1811 гг. под руководством архитектора А. Н. Воронихина. Один из фасадов собора выходил на Невский проспект, другой – на Екатерининский канал (в настоящее время канал Грибоедова).

Казино (Казино-дю-Монте-Карло) – первый игорный дом в Европе и одно из старейших и игорных заведений.

Каменный остров – расположен на севере Санкт-Петербурга, между Большой и Малой Невками и речкой Крестовкой. С 1765 г. – в собственности императорской фамилии. Екатерина II подарила его наследнику престола цесаревичу Павлу Петровичу. При императорах Александре I и Николае I превратился в центр светской жизни. При Николае II на острове появились многочисленные дачи.

Канн – город во французском департаменте Приморских Альп, на северо-востоке оконечности Напульского залива, курорт.

Киао-Чау – порт в бухте Цзяо-чжоу на полуострове Шаньдун, расположенный на территории германской колонии в Цинском Китае.

Киев – губернский город Киевской губернии (с 1797 г.), на правом берегу Днепра. С начала X в. был столицей Киевской Руси. В 1667 г. был уступлен Польшей России на один год, а в 1686 г. – навсегда.

Киево-Печерская (Печерская) лавра – мужской монастырь в Киеве. Основан в 1051 г. преподобным Антонием Печерским. Сооснователем Печерского монастыря стал один из первых учеников Антония – преподобный Феодосий Печерский. В 1598 г. получил статус лавры. Крупный религиозный и культурный центр: в нем велось летописание, составлен сборник житий монахов «Киево-Печерский патерик», действовали иконописная мастерская, типография, школа.

Киевская губерния – образована в 1708 г. Большая часть ее территории состояла из частей Киевского и Брацлавского воеводств, присоединенных от Польши (1793 г.). Расположена по среднему течению реки Днепр.

Киевский военный округ – создан в ходе военной реформы Д. А. Милютина, существовал в 1862–1917 гг. Включал территории Киевской, Волынской, Подольской, с 1888 г. – Курской, Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний. Возглавлял округ командующий войсками округа, ему подчинялись все войска, военные заведения и военные чины округа. Командующий войсками часто одновременно занимал должность Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора.

Киевский университет (Киевский Императорский университет святого Владимира) – основан указом Николая I 8 ноября 1833 г. на базе закрытых после Польского восстания 1830–1831 гг. Виленского университета и Кременецкого лицея. В соответствии с уставом университет подчинялся не только министру народного просвещения, но и попечителю округа. В 1834 г. существовал лишь философский факультет.

В 1835 г. открыт юридический факультет, а в 1841 г. – медицинский. В 1850 г. философский факультет был разделен на историко-филологический и физико-математический факультеты. В составе этих четырех факультетов университет работал до 1918 г.

Киль – портовый город на территории современной немецкой земли Шлезвиг-Гольштейн, расположен на берегу Кильского залива Балтийского моря. В 1866 г. прусский король распорядился о перемещении сюда военно-морской базы из Данцига – после этого город начал быстро развиваться и расти. Тогда же была открыта Королевская (с 1871 г. – Императорская) верфь. В 1882 г. состоялась первая Кильская неделя – известная парусная регата, частым гостем которой впоследствии стал германский император Вильгельм II.

Китай – государство в Центральной и Восточной Азии. Имеет древнюю историю. Первое китайское государство Шан-Инь возникло в конце XIV в. до н. э. С XVII в. – в составе маньчжурской империи Цин. В результате Синьхайской революции 1911 г. была провозглашена Китайская Республика.

Колымажный двор в Москве – в XVII–XVIII вв. здесь хранились царские экипажи – колымаги. В 1912 г. на месте Колымажного двора был открыт Музей изящных искусств имени императора Александра III (с 1937 г. – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина).

Константинополь – город на берегах пролива Босфор, морской порт. Столица Османской империи. Современное название – Стамбул.

«Континенталь» – отель в центре Парижа, где останавливались монархи и другие высокопоставленные персоны, в том числе члены императорской фамилии.

Контрэксвиль – бальнеологический курорт во Франции.

Копенгаген – столица и крупнейший город Дании, расположен на острове Зеландия.

Корея – государство в Юго-Восточной Азии. В XVI–XIX вв. Корея проводила политику самоизоляции. После русско-японской войны Япония установила протекторат над Кореей, а в 1910 г. аннексировала ее и превратила в свою колонию.

Кулики – имение семьи Половцовых в Тамбовской губернии.

Кронштадт – город-крепость. Основан в 1703 г. на острове Котлин в Финском заливе, недалеко от устья Невы. База учебно-артиллерийского и учебно-минного отрядов, водолазной и машинной школ Балтийского флота. Гарнизон Кронштадта насчитывал в 1917 г. свыше 30 тысяч военнослужащих.

Курляндия – герцогство, существовавшее в западной части современной Латвии, на территории исторической области Курземе с 1562 по 1795 г. При третьем разделе Польши (март 1795 г.) Курляндия была присоединена к Российской империи, где на ее территории была образована Курляндская губерния.

Курляндская губерния – одна из трех прибалтийских губерний Российской империи. Губернский город – Митава (ныне – Елгава). Образована на территории Курляндии после присоединения ее к России в ходе третьего раздела Польши (1795 г.).

Курская губерния – административно-территориальная единица Российской империи, находилась в центрально-черноземной полосе Европейской России. Административным центром являлся город Курск (с 1779 г.).

Летний сад в Санкт-Петербурге – парковый ансамбль, памятник садово-паркового искусства первой трети XVIII в. Заложен по повелению и первоначальному плану Петра I в 1704 г. в стиле голландского барокко. С 1752 г. был открыт для публики по воскресеньям и в праздничные дни. В 1771–1784 гг. со стороны Невы установлена знаменитая решетка (авторы – архитекторы Ю. М. Фельтен и П. Е. Егоров), один из символов Санкт-Петербурга.

Либава (Любава, Либау) – портовый город Курляндской губернии, на берегу Балтийского моря, на песчаной косе, отделявшей Либавское озеро от моря. Важный торговый пункт в Прибалтийском крае. Ныне – Лиепая в Латвии.

Либаво-Роменская железная дорога – соединяла Либавский порт на Балтийском море с городом Ромны (Полтавская губерния). Сооружена в 1871–1874 гг. частной компанией, была выкуплена казной в 1891 г.

Ливадия – царское имение в Крыму, в 3 км от Ялты, летняя резиденция императорской семьи. Раскинулось на южном берегу Крыма на склоне горы Могаби, обращенном к Ялте и Черному морю. Имение было приобретено императором Александром II для своей супруги императрицы Марии Александровны.

- Лион – крупный город во Франции, административный центр региона Рона-Альпы, департамента Рона. Расположен при слиянии рек Рона и Сона.
- Лондонский South Kensington museum – см. Музей Виктории и Альберта в Лондоне.
- Лифляндская губерния – средняя из трех прибалтийских губерний Российской империи, располагалась на берегу Рижского залива Балтийского моря. В 1721 г. присоединена к России.
- Лондон – столица Великобритании, крупнейший город на Британских островах.
- Луга – уездный город в Санкт-Петербургской губернии (с 1781 г.).
- Лужский уезд – административная единица Санкт-Петербургской губернии (с 1781 г.). Уездный центр – Луга.
- Ляодунский полуостров – в северо-восточной части Китая между Ляодунским и Западно-Корейским заливами Желтого моря.
- Ляоян – город в северо-восточном Китае. В августе 1904 г. в районе Ляояна произошло одно из крупнейших сражений русско-японской войны.
- Магдебург – главный город прусской провинции Саксония, одна из важнейших крепостей Германской империи, расположена на трех рукавах Эльбы.
- Маньчжурия (Манджурия) – часть Китайской империи. В 1644 г. маньчжуры взяли Пекин, основали новую династию Цин и стали управлять всем Китаем. Ослабление цинского правительства после японо-китайской войны 1894–1895 гг. привело к усилению русского влияния в Маньчжурии. Притязания Японии на Маньчжурию и Корею и отказ Российской империи вывести оттуда свои войска повлекли за собой русско-японскую войну 1904–1905 гг. В итоге российское влияние в Маньчжурии было заменено японским.
- Максимилиановская больница – лечебница для проходящих, одно из популярнейших лечебных заведений в Санкт-Петербурге, бывшее «Общество посещения бедных». Состояло под покровительством герцога Максимилиана Лейхтенбергского, почему и названа в 1853 г. «Максимилиановской». Расположена по адресу: Максимилиановский переулок, дом 2. Именно в Максимилиановской лечебнице, августейшей покровительницей которой являлась великая княгиня

Елена Павловна, впервые стали оказывать специализированную врачебную помощь.

Малахитовая гостиная – Малахитовый зал Зимнего дворца, отделанный по проекту архитектора А. П. Брюллова в 1839 г. Все колонны, пилястры и каминны зала облицованы уральским малахитом.

Мариенбад – курорт в Австрии, в северо-восточной Богемии.

Мариинский дворец в Санкт-Петербурге – расположен на Исаакиевской площади. Построен в 1839–1844 гг. по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера. Назван в честь дочери Николая I, великой княжны Марии Николаевны. Стал подарком к ее свадьбе с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. После смерти Марии Николаевны дворец передан Государственному совету. Здесь проходили заседания совета, кроме того, разные этажи дворца занимали Государственная канцелярия, Комитет министров, Канцелярия прошений и Военное министерство.

Мартиник, Мартиника – остров из центральной части архипелага Малые Антильские острова, расположенного в Карибском море Атлантического океана.

Мекленбург – название двух великих герцогств в составе Германской империи, Мекленбург-Шверина и Мекленбург-Стрелица, расположенных на берегу Балтийского моря.

Митава – столица Курляндской губернии.

Михайловская площадь – площадь, расположенная в Санкт-Петербурге между Инженерной и Итальянской улицами. Ансамбль площади создан по проекту архитектора К. Росси в первой половине XIX века.

Михайловский дворец – великокняжеский дворец в центре Петербурга. Строился в 1819–1825 гг. под руководством архитектора К. Росси для младшего сына императора Павла I – Михаила Павловича. Во второй половине XIX в. дворец служил зимней резиденцией герцога Георга Августа и дочери Михаила Павловича – Екатерины Михайловны. После ее смерти дворец был выкуплен в казну (в 1895 г.), здесь разместился Музей императора Александра III (в настоящее время Государственный русский музей).

Михайловский (Инженерный) замок – бывший императорский дворец в центре Санкт-Петербурга. Своим названием дворец обязан находящемуся в нем храму святого Михаила Архангела. Проект был разработан

архитектором В. И. Баженовым по поручению императора, желавшего сделать его своей главной резиденцией. Заложен в 1797 г. Строительством руководил архитектор В. Ф. Бренна. 8 ноября 1800 г., в день святого Архангела Михаила, замок был торжественно освящен, но работы по его внутреннему убранству еще продолжались до марта 1801 г. Расположен у истока реки Мойки из Фонтанки. Изначально был со всех сторон окружен водой: Воскресенский и Церковный каналы, ныне засыпанные, превращали территорию замка в искусственный остров. Попастъ в него можно было только через три подъемных моста. Вскоре после переезда в резиденцию, в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., Павел I был убит. С 1819 г. здесь находилось Главное (с 1855 г. – Николаевское) инженерное училище. Замок был переименован в Инженерный.

Михайловский манеж в Санкт-Петербурге – комплекс, построенный архитектором В. Ф. Бренна в 1800 г. Перестроен в 1824 г. К. Росси. Использовался гвардейскими полками для подготовки парадов и других целей. Располагался на Манежной площади, дом 2.

Михайловское артиллерийское училище – первая специальная артиллерийская школа в России. Располагалось в здании (архитектор Л. А. Витовский) на Арсенальной набережной, дом 15.

Михайловское (Михайловка) – дворцово-парковый ансамбль XIX в. на Петергофской дороге, принадлежавший императорской семье. С 1834 г. имение великого князя Михаила Николаевича. Проект дворца был подготовлен в 1850 г. архитектором А. И. Штакеншнейдером.

Монголия – страна в Средней Азии. С XVII в. находилась в составе китайской империи Цин. Обрела независимость в 1911 г.

Монтекарло (Монте-Карло) – город в княжестве Монако на берегу Средиземного моря, знаменит своими игорными домами.

Морская (Большая Морская) улица в Санкт-Петербурге – одна из главных улиц города. Проходит от Дворцовой площади до пересечения Мойки и Крюкова канала. В XIX в. здесь селились банкиры, купцы и другие богатые люди.

Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге – открыт в конфискованном у князя Меншикова дворце по указанию императрицы Анны Иоанновны в 1732 г. В 1796 г. архитектором Ф. И. Волковым был разработан проект нового здания корпуса (на месте старого – набережная Большой Невы, дом 17). Сразу же начались строительные работы, продолжавшиеся до 1799 г. В 1840-х и в 1890-х гг. производились

капитальные ремонты, при которых частично изменялась планировка и отделка интерьеров.

Морской музей – создан в 1709 г. как Модель-камера, где хранились корабельные чертежи и модели. В 1805 г. – Морской музей. В 1900–1904 гг. экспозиция музея была значительно расширена. В 1908 г. получил имя Петра Великого.

Моршанск – уездный город (с 1779 г.) на севере Тамбовской губернии.

Москва – первопрестольная столица России. Впервые упомянута в летописи под 1147 г., с XIV в. – центр Великого княжества Владимирского. С перенесением столицы в Санкт-Петербург (в 1712 г.) сохранила значение второй столицы.

Москва-река – главная река города Москвы, левый приток реки Оки (бассейна Волги). Вытекает из Старьковского болота на склоне Смоленско-Московской возвышенности.

Московская губерния – образована в 1708 г. Губернский город – Москва. С 1802 г. включала 13 уездов: Богородский, Бронницкий, Верейский, Волоколамский, Дмитровский, Звенигородский, Клинский, Коломенский, Можайский, Московский, Подольский, Рузский и Серпуховской.

Московский Кремль – древнейшая часть города, крепость. Расположен на Боровицком холме – мысе при впадении реки Неглинной в Москву-реку. В 1156 г. построены первые укрепления общей протяженностью около 850 м и площадью около 3 га. С 1264 г. – резиденция князей Москвы. В 1339 г. построены стены и башни из дуба. Во второй половине XIV в., при великом князе Дмитрие Ивановиче, деревянные стены заменены белокаменными. Во второй половине XV в. Кремль перестраивался с участием итальянских зодчих. Центром его стала Соборная площадь с расположенными на ней Успенским, Благовещенским и Архангельским соборами, Грановитой палатой и колокольней Иван Великий. В XVII–XIX вв. на территории Кремля шло активное строительство светских зданий.

Московский (Николаевский) вокзал в Санкт-Петербурге – здание возведено в 1847–1851 гг. по проекту архитектора К. А. Тона (при участии Р. А. Желязевича), является «близнецом» построенного им же Николаевского вокзала в Москве.

Московский уезд – образован в 1775 г. в составе Московской губернии. После крестьянской реформы 1861 г. разделен на волости (к началу

1917 г. их было 15). В 1864 г. появились органы земского самоуправления – уездное собрание и управа. В XVIII – начале XX в. территория Московского уезда постоянно сокращалась из-за включения ее частей в черту города.

Московский университет – первый российский университет. Основан по инициативе и плану М. В. Ломоносова в 1755 г. Указ императрицы Елизаветы Петровны предусматривал создание 3 факультетов (юридического, философского и медицинского), 10 кафедр и 2 гимназий. Первые лекции были прочитаны в 1755 г.

Московско-Брестская железная дорога – частная железная дорога, в июле 1896 г. выкуплена в казну. Правление находилось в Петербурге, управление в Москве. Имела одну линию Москва – Брест. Посредством Варшавско-Тереспольской железной дороги соединяла Москву с Варшавой и со всей Средней Европой.

Московская (Николаевская) железная дорога – имеется в виду Московская (или Николаевская) железная дорога, которая соединяла Петербург с Москвой. Официальное открытие движения по всей железной дороге состоялось 1 ноября 1851 г. В 1868 г. железная дорога была передана Главному обществу российских железных дорог, но 1 января 1894 г. снова выкуплена правительством. К 1894 г. к железной дороге присоединены Путиловская (или Портовая), Новоторжская и Ржево-Вяземская ветви, в 1895 г. – Боровичская железная дорога.

Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве – инициатором создания музея выступил в 1893 г. заслуженный профессор Московского университета, доктор римской словесности и историк искусства И. В. Цветаев. Он же стал первым его директором (1911–1913 гг.). Музей создан на основе Кабинета изящных искусств и древностей университета как учебно-вспомогательное и публичное хранилище слепков и копий с классических произведений мирового искусства. Датой основания музея считается 17 августа 1898 г. В этот день на бывшем Колымажном дворе, близ Храма Христа Спасителя на Волхонке, состоялась закладка созданного на общественные средства музея. С 1937 г. – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Мраморный дворец – дворец, расположенный на Миллионной улице в Санкт-Петербурге. Построен в 1768–1785 гг. по проекту А. Ринальди в стиле классицизма по заказу императрицы Екатерины для ее

фаворита графа Г. Г. Орлова. В XIX в. дворец являлся родовым домом великих князей Императорской фамилии из ветви Константиновичей. В 1840-х гг. здание реставрировал и отделявал по своему проекту архитектор А. П. Брюллов.

Музей Виктории и Альберта в Лондоне – первый и крупнейший в мире музей декоративно-прикладного искусства. Музей был основан в 1852 г. Обладает крупнейшей в мире экспозицией предметов декоративно-прикладного искусства: изделиями из стекла, фарфора, керамики, драгоценных металлов, текстиля и др.

Музей декоративно-прикладного искусства – музей при Центральном училище технического рисования барона А. Л. Штиглица. Училище было основано в 1876 г. рескриптом Александра II на средства, пожертвованные тестем Половцова бароном А. Л. Штиглицем. При училище постепенно сформировались художественно-промышленный музей и библиотека. Барон Штиглиц, будучи богатым человеком, постоянно снабжал училище средствами и в своем завещании оставил ему большую сумму. Половцов принимал активное участие как в создании училища, так и в формировании музея. Свидетельством этому служат его многочисленные дневниковые записи о длительных зарубежных поездках, во время которых он приобретал редкие вещи для музея. Они изобилуют заметками о просмотрах различных коллекций, о визитах к антикварам и переговорах с ними о покупке различных произведений искусства. Начало музейному собранию было положено летом 1879 г. во время длительного заграничного путешествия, которое предпринял Половцов. Результатом этой поездки стало приобретение музейных экспонатов и учебных пособий. В 1881 г. состоялось торжественное открытие музея Училища барона А. Л. Штиглица. Вскоре музей превратился в уникальное собрание прикладного искусства и приобрел самостоятельное значение.

Музей кустарных промыслов – один из музеев, размещавшихся в здании Соляного городка. Отдельное здание музея построено в 1901–1903 гг. по проекту П. П. Трифанова.

Музей прикладного искусства в Берлине – открылся в 1868 г. Здесь собраны экспонаты всех стилей, от поздней Античности до современности: мебель, костюмы, гобелены по эскизам Буше, венецианское стекло, мейсенский фарфор, ювелирные украшения и т. д.

Мургаб – военное укрепление при пересечении реки Бартанг и Памирского тракта, основанное в 1893 г. (Памирский пост).

Мургаб – река в Закаспийской области и Афганистане. Длина реки 978 км, площадь бассейна 46,9 тыс. кв. км.

Мургабское имение – императорское имение, расположенное в юго-восточной части Мервского оазиса, образовано по высочайшему повелению от 6 августа 1887 г. из земель по течению реки Мургаба, вблизи Султанбентской плотины. В имении были расположены хлопковый завод и храм, созданный архитекторами А. В. Щусевым и художником М. В. Нестеровым.

Надеждинский сталерельсовый завод на Урале – завод Половцова и его жены Надежды, названный по ее имени в Богословском горном округе. Завод был заложен 29 мая 1894 г. и стал наиболее крупным на Урале.

Нарышкинский дом – особняк Нарышкиных в Санкт-Петербурге, расположенный на Сергиевской улице, дом 29. Дом Нарышкиных, называемый также домом Трубецкого, построен в середине XVIII в. В разное время им владели А. П. Ганнибал, сенатор И. И. Неплюев. В 1874 г. здание выкупил князь В. Нарышкин.

Нева – река в Санкт-Петербургской губернии, вытекает из Ладожского озера, соединяет Финский залив с обширным внутренним бассейном, состоящим из озер Ладожского, Онежского, Ильменя и др. Получила свое название от слова «Нево», или «Нев» – древнего финского названия (означает «море») Ладожского озера.

Невский проспект – главная улица Санкт-Петербурга. Название проспекта получил от Александро-Невского монастыря.

Нерчинск – город, основанный в 1653 г. казаками сотника П. И. Бекетова под названием Нерчинский острог. Расположен на левом берегу реки Нерча, в 7 км от ее впадения в Шилку (бассейн Амура) и в 305 км к востоку от Читы. Место политической каторги и ссылки.

Нижний Новгород – губернский город Нижегородской губернии (с 1717 г.), расположен у слияния рек Оки и Волги. Основан в 1221 г. князем Юрием Всеволодовичем с целью оградить его владения от мордвы и болгар.

Николаевская железная дорога – см. Московская железная дорога.

Николаевский дворец – резиденция великого князя Николая Николаевича в глубине сквера на Благовещенской площади Санкт-Петербурга. Строился в 1853–1861 гг. А. И. Штакеншнейдером. При дворце имелись манеж и церковь, освященная во имя иконы «Всех скорбящих

Радость», с подклетом наподобие пещеры Гроба Господня. После смерти владельца в 1894 г. приобретен казной для размещения женского института великой княгини Ксении Александровны.

Николаевское инженерное училище – одно из исторических названий военно-учебного заведения российской императорской армии. В 1855 г. главное инженерное училище названо Николаевским. По окончании трехлетнего курса выпускники получали звание инженерного прапорщика со средним общим и военным образованием (с 1884 г. инженерного подпоручика). В числе преподавателей училища были Д. И. Менделеев (химия), Н. В. Болдырев (фортификация), А. И. Квист (пути сообщения), Г. А. Леер (тактика, стратегия, военная история). С 1823 г. училище располагалось в Михайловском замке, получившем в честь училища второе название Инженерный.

Нюрнберг – город в Германии. Впервые упоминается в 1050 г. В 1803 г. стал вольным имперским городом, но в 1806 г. был присоединен к Баварии.

Обводной канал – самый крупный канал в Санкт-Петербурге. Берет начало от реки Невы в районе Александро-Невской лавры и доходит до реки Екатерингофки.

Одесса – уездный город Херсонской губернии, крупный порт на Черном море. Ныне – на территории Украины.

Одесская железная дорога – первый участок дороги от Одессы до Балты начал действовать в 1865 г. В 1878 г. вошла в состав акционерного общества Юго-Западных железных дорог.

Оренбург – губернский город Оренбургской губернии (с 1744 г.), на правом берегу реки Урал. Первоначально (в 1735 г.) был основан в устье реки Ори, предназначался для защиты от кочевников и был укреплен. В 1739 г. было решено перенести Оренбург на новое место (Красную гору). В 1742 г. город был заложен в третий раз.

Оренбург-Ташкентская железная дорога – железнодорожная линия, соединяющая Среднеазиатскую железную дорогу со всей сетью железных дорог России. Строительство велось с 1900 г. одновременно из обоих концов. В январе 1906 г. железнодорожная линия Ташкент – Оренбург вступила в строй.

Орловские ворота – Орловские (Гатчинские) ворота на границе Екатерининского парка, у выезда на дорогу, ведущую в Гатчину, бывшее

имение генерал-фельдцейхмейстера Г. Г. Орлова. Были воздвигнуты в 1777–1782 гг. Автором архитектурного проекта Орловских ворот, утвержденного Екатериной II в 1771 г., стал А. Ринальди.

Оружейная палата в Кремле – известна с начала XVI в., в ее состав входили царские мастерские, производившие оружие, одежды, сосуды и другие вещи. С 1806 г. – в новом здании, с 1831 г. – музей. Основу собрания составили веками хранившиеся в царской казне и патриаршей ризнице драгоценные предметы, выполненные в кремлевских мастерских, а также полученные в дар от посольств иностранных государств.

Павловск – пригород Санкт-Петербурга, в котором находились царские резиденции. Возник позже всех остальных пригородов (в 1777 г.). Фактически примыкал к Царскому Селу. Павловский парк раскинулся на большой территории, достигавшей 600 га и отличался разнообразием пейзажей.

Пажеский корпус (Пажеский Его Императорского Величества корпус) в Санкт-Петербурге – элитное учебное заведение. С 1810 г. помещался в комплексе зданий на Садовой улице, д. 26 – бывшем дворце графа М. И. Воронцова (раньше здесь находился капитул Мальтийского ордена).

Палермо – главный город итальянской провинции Палермо, расположен на северном берегу Сицилии, при Палермском заливе.

Памир – обширное высокое нагорье в Средней Азии, расположенное в верховьях Амударьи и Тарима, между Тянь-Шанем на севере и Гиндукушем на юге.

Памятник Александру III в Москве – сразу после смерти императора Александра III (1894 г.) был объявлен конкурс на сооружение памятника монарху. В качестве главного архитектора был назначен московский зодчий А. Н. Померанцев, автор Верхних торговых рядов, производителем работ стал инженер-архитектор К. А. Грейнерт, для строительства был привлечен скульптор А. М. Опекушин. Комитет по сооружению памятника возглавил великий князь Сергей Александрович; после его смерти – великий князь Михаил Александрович. В качестве места была выбрана площадка перед Храмом Христа Спасителя на Пречистенской набережной. Установленный на ней памятник был обращен лицом к Москве-реке. Открыт и освящен 30 мая 1912 г. (работы продолжались 12 лет).

Париж – столица Франции, расположена на обоих берегах реки Сены.

Парижская Академия наук – основана в 1666 г. Людовиком XIV по предложению Жан-Батиста Кольбера. В XVII–XVIII вв. являлась одним из ведущих научных центров Европы.

Певческий мост – мост в Санкт-Петербурге. Певческий мост перекинут через реку Мойку, ведет от Дворцовой площади к Певческой капелле. От нее он и взял свое название. В 1834 г. на этом месте по проекту О. Монферрана был построен деревянный мост. 24 октября 1840 г. состоялось торжественное открытие нового чугунного Певческого моста. Первым по нему проехал император, таким образом открыв переправу для движения транспорта и пешеходов. Ширина переправы составила 72 метра, Певческий мост стал одним из трех самых широких мостов в Санкт-Петербурге.

Педагогический музей военно-учебных заведений в Санкт-Петербурге – размещался в зданиях Соляного городка (с 1871 г.). Учрежден в 1864 г. по инициативе начальника военно-учебных заведений генерала Н. В. Исакова. Быстро стал крупным научным центром. В 1881 г. при музее созданы общедоступные классы музыки и гимнастики. Позднее начала работу первая в стране лаборатория экспериментальной педагогической психологии.

Петербургско-Варшавская железная дорога (Варшавская железная дорога) – построена за счет российской казны в соответствии с императорским указом. Проходила через Гатчину, Лугу, Псков, Остров, Динабург, Вильно, Гродно, Белосток. Вводилась в эксплуатацию участками. В постоянную эксплуатацию введена в 1862 г. В 1907 г. Петербургско-Варшавская железная дорога вошла в состав Северо-Западных железных дорог.

Петергоф – уездный город Санкт-Петербургской губернии. Император Петр I в 1711 г. начал строить здесь дворцовые здания по образцу версальских. При императоре Николае I построены дача Александрия, церковь святых апостолов Петра и Павла, деревянный театр, павильоны Царицын, Ольгин и др. В 1849 г. в Петергоф переведено из Ораниенбаума уездное управление, и уезд переименован в Петергофский. В царствование императора Александра III начата постройка новой придворной церкви. С конца XIX в. императорская семья проводила здесь часть лета.

Петропавловская крепость («крепость») – находится в центре Санкт-Петербурга, на Заячьем острове, заложена в 1703 г. В комплекс зданий входят фортификационные сооружения, Петровские и Невские ворота,

Монетный двор. Со второй четверти XVIII в. ряд помещений крепости использовался как политическая тюрьма.

Петропавловский собор Петропавловской крепости – усыпальница российских императоров и членов Императорской фамилии начиная с Петра I.

Поворино – железнодорожная станция в Воронежской области по Грязе-Царицынской линии (в XIX – начале XX в. относилась к Воронежской губернии).

Политехнический институт – основан в 1899 г. Архитектор Э. Ф. Виррих создал институтский городок, состоявший из учебных, жилых и хозяйственных зданий, образовавших внутренние дворы и проезды. В 1902 г. начались занятия на экономическом, электромеханическом, кораблестроительном и металлургическом отделениях. В 1907 г. открылись новые отделения: инженерно-строительное, механическое и химическое. В декабре того же года состоялись первые защиты выпускных работ. В 1909 г. при кораблестроительном отделении были созданы курсы воздухоплавания.

Полтава – губернский город Полтавской губернии (с 1802 г.), на реке Ворскле.

Полтавская губерния – образована в 1802 г. в связи с ликвидацией Малороссийской губернии.

Польша (Царство Польское) – территория в Европе, находившаяся в унии с Российской империей в 1815–1915 гг.

Порт-Артур (Люйшунь) – город и незамерзающий порт в Китае, в провинции Ляонин, на южной оконечности полуострова Ляодун, на берегу Желтого моря. По китайско-русской конвенции 1898 г. передан России в аренду сроком на 25 лет. Русская военно-морская крепость, база 1-й Тихоокеанской эскадры. Оборона Порт-Артура во время русско-японской войны (с 27 января по 20 декабря 1904 г.) началась с нападения японского флота на корабли эскадры и последующих бомбардировок города. Крепость выдержала 4 штурма японцев. Здесь сохранились кладбища русских воинов.

Портсмут – город в штате Нью-Гемпшир (США). Стал широко известен в 1905 г., после того как 23 августа 1905 г. здесь был подписан мирный договор между Российской империей и Японией, завершивший русско-японскую войну.

Потсдам – резиденция прусского короля в Бранденбургской провинции.

Первые упоминания о Потсдаме относятся к 993 г. В 1660 г. город был выбран охотничьей резиденцией Фридриха Вильгельма I, принца Бранденбурга. Дворцы и парк Сан-Суси знамениты своими английскими садами и интерьерами в стиле рококо.

Пруссия – государство в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. С 1871 г. – в составе Германской империи. Пруссия образовалась на базе курфюршества Бранденбург. В 1834 г. был создан охвативший многие германские государства таможенный союз, руководящая роль в котором принадлежала Пруссии. Войны Пруссии (с Данией, Австрией, Францией) привели к созданию в 1871 г. Германской империи.

Псков – губернский город (с 1776 г.) при впадении реки Псковы в реку Великую. Один из древнейших русских городов, существовал уже в IX в.

Псковская губерния – административная единица Российской империи. Губернский город – Псков. Существовала с 1796 г.

Пудость – железнодорожная станция на Балтийской железной дороге к северу от Гатчины.

Путиловский завод – основан по указу императора Павла I в 1801 г. как казенный чугунолитейный завод, выпускавший артиллерийские снаряды. В 1868–1880 гг. заводом владел российский предприниматель Н. И. Путилов, по фамилии которого предприятие получило наименование.

Рапти – родовое имение А. А. Половцова в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии.

Ревель – губернский город Эстляндской губернии на южном берегу Финского залива, при Ревельской бухте. Военный и торговый порт. В 1710 г. перешел к России. Ныне столица Эстонии – Таллин.

Ремплин – замок, фамильное имение герцогов Мекленбург-Стрелицких (в герцогстве Мекленбург-Стрелиц).

Рейн – самая крупная река Германии и один из важнейших судоходных путей Западной Европы.

Рига – губернский город Лифляндской губернии (с 1796 г.), важнейший после Санкт-Петербурга и Одессы портовый город России при реке Западной Двине, в 10 верстах от впадения ее в Рижский залив.

Рим – один из старейших городов мира, древняя столица Римской империи. В 1861–1946 гг. – столица Итальянского королевства. Ныне – столица Итальянской республики.

Рисовальное училище («наше рисовальное училище» и т. д.) – см. Центральное училище технического рисования имени барона А. Л. Штиглица.

Рокебрюн-Кап-Мартен – престижный курорт во Франции на Лазурном берегу.

Россия (Российская империя) – государство, существовавшее в 1721–1917 гг. Империя была провозглашена по итогам Великой Северной войны Петром I Великим. Столицей Российской империи стал сначала Санкт-Петербург (1713–1728 гг.), потом Москва (1728–1730 гг.), затем снова Санкт-Петербург (1730–1917 гг., в августе 1914 г. переименован в Петроград). Была третьим по площади из когда-либо образованных государств (после Монгольской и Британской империй) – простиралась от Северного Ледовитого океана на севере до Черного моря на юге, от Балтийского моря на западе до Тихого океана на востоке. Глава государства – император всероссийский.

Румыния – королевство в Европе, образовавшееся из Валахии и Молдавии (Дунайских княжеств) на левом берегу Дуная, в нижнем его течении, и Добруджи на правом берегу Дуная. Возникло в качестве вассального государства Османской империи в 1859 г. в результате объединения двух Дунайских княжеств. Независимость провозглашена в 1877 г. в связи с началом русско-турецкой войны. Ныне – Румынская республика.

Русский музей имени императора Александра III в Санкт-Петербурге – самый обширный музей русского искусства в мире, находился в здании Михайловского дворца. Основан Николаем II в память об отце – императоре Александре III. Управление делом создания музея было возложено на великого князя Георгия Михайловича, на имя которого 7 марта 1898 г. (в день открытия музея) был дан высочайший рескрипт, изъявлявший благодарность.

Рязанская губерния – административно-территориальная единица Российской империи (с 1796 г.). Располагалась на склонах Алаунской плоской возвышенности.

Рязань – губернский город Рязанской губернии на реке Трубезь. Город Переяславль-Рязанский основан в 1095 г. В 1890 г. было построено

здание железнодорожного вокзала. Рязань стала крупной станцией на железнодорожном пути, соединявшем Москву с Казанью и всем юго-востоком России.

Саблино – железнодорожная станция на пути из Санкт-Петербурга в Москву в 40 км от столицы.

Садовая – одна из центральных улиц Санкт-Петербурга. Проходит через исторический центр города от 1-го Садового моста через Мойку близ Марсова поля до места соединения канала Грибоедова и Фонтанки. Своим названием Садовая улица обязана тому, что первый ее участок от Невского проспекта был проложен до Апраксина переуллка, где в то время (1739 г.) располагались многочисленные особняки и усадьбы с обширными садами и огородами. В разное время отдельные участки улицы назывались Большая и Малая Садовая, Покровская и Широкая улицы. Название Садовая установилось за всей улицей 16 апреля 1887 г.

Санкт-Петербург (Петербург) – столица Российской империи и губернский город Санкт-Петербургской губернии. Расположен в дельте Невы, при впадении ее в Финский залив. Основан императором Петром I в 1703 г. на отвоеванной в ходе Северной войны территории. С августа 1914 г. – Петроград.

Санкт-Петербургская губерния (с августа 1914 г. – Петроградская) – создана в 1710 г. на основе Ингерманландской губернии. Из Санкт-Петербургской губернии в 1727 г. выделена Новгородская губернии в составе пяти провинций. В 1780 г. Санкт-Петербургская губерния была разделена на семь уездов: Санкт-Петербургский, Шлиссельбургский, Софийский, Рождественский, Ораниенбаумский, Ямбургский, Нарвский. В 1873 г. в Санкт-Петербурге учреждено градоначальство, в связи с чем столица вышла из подчинения губернской администрации.

Сан-Ремо – город и зимняя климатическая станция в итальянской провинции Порто Маурицио, на берегу Генуэзского залива). В XIX в. – излюбленное место отдыха русской аристократии.

Саратовская губерния – административно-территориальная единица Российской империи (с 1797 г.).

Санкт-Петербургское общество врачей-гомеопатов – создано в 1868 г. Пользовалось поддержкой императорской семьи и находилось под покровительством высших слоев духовенства. Первоначально общество занималось только научной деятельностью. В дальнейшем одной из важнейших его целей стала благотворительность (открытие

больниц, лечебниц, бесплатное распространение лекарств). С 1872 г. общество издавало «Журнал Санкт-Петербургских врачей-гомеопатов».

Севастополь – военно-портовый город и отдельное градоначальство на юго-западной оконечности Таврического полуострова. Известен под именем Херсонеса с VI в. до н. э. В 1804 г. назначен главным портом Черноморского флота, в 1826 г. обращен в первоклассную крепость. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. подвергся 11-месячной осаде, был практически полностью разрушен. С 1856 г. стал вновь отстраиваться и вскоре приобрел торговое значение. В 1871 г., после отмены статьи Парижского трактата о нейтрализации Черного моря, снова стал местом базирования Черноморского флота.

Сергиевская улица – улица в центре Санкт-Петербурга, проходящая от набережной реки Фонтанки до Потемкинской улицы. Современное название – улица Чайковского.

Сибирская железная дорога – см. Великий сибирский путь.

Сибирский почтовый тракт – дорога, соединявшая Центральную Россию с Сибирью. Обустройство тракта началось в 1730 г. и было закончено в середине XIX в., до этого из-за отсутствия дорог в Сибирь добирались в основном речными путями. Тракт был самой длинной в мире сухопутной дорогой, но это был наиболее короткий путь, связывавший восточные окраины России с ее центром. По нему шел весь поток торговых перевозок из России в Сибирь, Китай и обратно. Он проходил из Москвы через Муром, Козьмодемьянск, Казань, Осу, Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Тару, Каинск, Кольвань, Томск, Енисейск, Иркутск, Верхнеудинск, Нерчинск до Кяхты (на границе с Китаем). В начале XIX в. путь тракта изменился на более южный: от Тюмени он шел через Ялуторовск, Ишим, Омск, Томск, Ачинск и Красноярск до Иркутска и далее, как ранее. Кроме торговых перевозок по тракту проезжали люди разного чина и звания, от этапа к этапу пешком передвигались партии ссыльных. Создание тракта было связано с развитием в Российской империи почтовой связи. Большую роль в его создании сыграл руководитель второй Камчатской экспедиции Витус Беринг.

Сибирь – все азиатские владения России, за исключением Закавказья, Закаспийской области и Туркестана. В 1821 г. был учрежден Сибирский комитет. В 1822 г. Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства – Западное и Восточное.

Смела – город Черкасского уезда Киевской губернии. Расположен на левом берегу реки Тясмин.

Сокольничий парк – парк для всеобщего гулянья, расположенный на территории города Москвы, образованный в 1878 г. на месте Сокольничей и Оленей рощ.

Соляной городок – комплекс зданий в центре Санкт-Петербурга. В 1870 г. здесь проходила Всероссийская промышленная выставка. Затем здания были переоборудованы под культурно-просветительский центр, в состав которого входили Музей прикладных знаний и павильоны Русского технического общества, Сельскохозяйственный и Кустарный музеи.

Спала – императорское имение в Варшавской губернии.

Средиземное море – межматериковое море Атлантического океана, соединяющееся с ним на западе Гибралтарским проливом.

Средняя Азия (устаревшее название – Западный Туркестан) – историко-географический регион на западе Центральной Азии. Ныне – территория Узбекистана, Туркмении, Киргизии, Таджикистана и Казахстана.

Стокгольм – столица Швеции (с 1634 г.). Расположена на восточном побережье озера Меларен. Впервые упоминается в 1252 г.

Стрельна – поселок в окрестностях Санкт-Петербурга (в 19 км от города), на южном берегу Финского залива, на реке Стрелке. В начале XVIII в. император Петр I задумал создать здесь загородную резиденцию, «русскую Версалию». В 1711–1717 гг. построен деревянный дворец Петра I. Затем – Большой (Константиновский) дворец, заложен Стрельнинский (Константиновский) парк (архитекторы Ж.-Б. Леблон и Н. Микетти, площадь свыше 140 га). В 1722 г. Петр I подарил дворец своей дочери Елизавете. Роль загородной резиденции перешла к Петергофу, а Стрельне была отведена роль «путевой резиденции», однако до 1917 г. она принадлежала Императорской фамилии.

Строгановский дворец – дворец Строгановых, построенный по проекту архитектора Ф. Б. Растрелли в 1753–1754 гг., один из образцов русского барокко.

Строгановское училище в Москве – основано графом С. Г. Строгановым в 1825 г. и первоначально именовалось «Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам». В 1860 г. – Строгановское училище технического рисования. В 1892 г. переехало в специально перестроенное под его нужды здание (улица Рождественка, дом 11).

Суджа – уездный город Курской губернии.

- Таврическая губерния** – самая южная из губерний Российской империи. Возникла в результате деления Новороссийской губернии в 1802 г. на три части.
- Таврический дворец** в Санкт-Петербурге – построен в 1783–1789 гг. (архитектор И. Е. Старов) для князя Г. А. Потемкина-Таврического. В 1797 г. по указу Павла I дворец был превращен в казармы Конногвардейского полка, но после смерти императора был восстановлен как одна из царских резиденций. В 1906–1917 гг. здесь заседала Государственная дума.
- Таврический сад** – памятник садово-паркового искусства в центральной части Санкт-Петербурга. Располагается в квартале, ограниченном Кирочной, Потемкинской, Шпалерной и Таврической улицами. Сад разбит в 1783–1800 гг. английским садовым мастером В. Гульдом при строительстве Таврического дворца. В 1866 г. Таврический сад открыт для посетителей.
- Тамбов** – губернский город (с 1779 г.), расположен при впадении реки Студенца в реку Цну. Основан в 1636 г.
- Тамбовская губерния** – губерния Российской империи. Губернский город – Тамбов. Находилась в восточной половине Центральной земледельческой области Европейской России.
- Танжер** – крупный портовый город в Марокко. Находится на северном побережье Марокко, омывается Гибралтарским проливом.
- Ташкент** – главный город Сырдарьинской области и Туркестанского генерал-губернаторства, а также центр Ташкентского уезда в составе Сырдарьинской области. Местопребывание генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа, станция Среднеазиатской железной дороги, административный и торгово-промышленный центр русских среднеазиатских владений. По состоянию на начало XX в. в Ташкенте проживали около 200 тысяч жителей.
- Тверь** – губернский город (с 1775 г.) Тверской губернии, расположен при впадении рек Тверцы и Тьмаки в реку Волгу. Известен с XII в.
- Театр комической оперы (Théâtre de l'Opéra-Comique)** – французский музыкальный театр. Основан в 1715 г. в Париже. В XIX в. театр стал крупным центром национального оперного искусства.
- Технологический институт (Технологический университет)** – Санкт-Петербургский практический технологический институт был основан

в 1828 г. по приказу императора Николая I. С 1896 г. институту присвоено имя императора Николая I. Главный корпус был построен в 1831 г. на Московском проспекте.

Тифлис – губернский город Тифлисской губернии (с 1801 г.), местопребывание главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа, административный, торгово-промышленный и культурный центр Кавказского края и в особенности Закавказья. Ныне – Тбилиси, столица Грузии.

Троице-Сергиева лавра – мужской монастырь. Расположен к северо-востоку от Москвы. Основан около 1345 г. преподобным Сергием Радонежским, который возвел здесь деревянный храм в честь Святой Троицы и устроил малую обитель. В 1540–1550 гг. обитель превратилась в мощную крепость, окруженную высокой каменной стеной с башнями, что позволило ей успешно выдержать польскую осаду в 1608–1610 гг. В 1744 г. монастырь получил статус лавры. С 1814 г. – местопребывание Московской духовной академии. К началу XX в. лавра располагала богатым собранием рукописей и книг, а также богатейшей ризницей с уникальным собранием церковных древностей.

Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры – построен в 1422 г., здесь находится рака с мощами преподобного Сергия Радонежского.

Тулон – одна из важнейших военных гаваней Франции, первоклассная крепость, коммерческий порт; расположен на берегу одноименного залива.

Туркестан – исторический регион Центральной Азии, населенный народами тюркского происхождения. Его часть (на территории Западного Туркестана, см. Средняя Азия) была присоединена к России в 1867 г. С 1886 г. официальное название – Туркестанский край.

Туркестанский военный округ – военный округ в Средней Азии. Создан во время военной реформы 1874 г. Командующий войсками округа одновременно занимал должности Туркестанского генерал-губернатора и войскового наказного атамана Семиреченского казачьего войска. 26 декабря 1897 г. Закаспийская и Семиреченская области перешли из ведения Военного министерства и Министерства внутренних дел в ведение Туркестанского военного округа и были подчинены главному надзору туркестанского генерал-губернатора.

Турция (Османская империя) – многонациональное государство под управлением османских султанов (1299–1923 гг.). Столица – Стамбул. Занимала значительную часть Балканского полуострова, Малую Азию,

части Армении и Курдистана, Сирию, Месопотамию, западное побережье Аравии и северо-восточную часть Африки (Египет и Триполи).

Урал – географический регион, протянувшийся между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами. Основной частью этого региона является Уральская горная система. Находится на стыке Европы и Азии и является границей между этими материками. Каменный пояс Урала и примыкающие к нему возвышенные равнины Приуралья простираются от берегов Северного Ледовитого океана на севере до полупустынных районов Казахстана на юге.

Успенский собор Московского Кремля – главный храм Кремля и России. Построен в 1479 г. архитектором А. Фиорованти. Здесь совершалось венчание на царство всех русских царей и императоров.

Училище правоведения – см. Императорское училище правоведения.

Ферганская область – административная единица Российской империи с центром в городе Коканд. Была основана указом Правительствующего Сената в 1876 г. из присоединенного к России Кокандского ханства.

Финляндия – конституционное великое княжество в составе Российской империи (1809–1917 гг.), расположено на севере Европы. Ныне – Финляндская республика.

Финский залив – восточная часть Балтийского моря, глубоко вдающаяся в материк.

Фонтанка – река в Санкт-Петербурге, пересекающая центральную часть города.

Франция (Французская республика) – государство в Западной Европе.

Фреденсборг – дворец на восточном берегу озера Эсрум на датском острове Зеландия, резиденция датской королевской семьи.

Фридрихсруэ – имение отто фон Бисмарка близ Гамбурга.

Харбин – город и порт на реки Сунгари, расположен на северо-востоке Маньчжурии, в провинции Хэйлунцзян. В начале XX в. был передан китайским правительством в долгосрочную аренду Российской империи. Ныне – город в Китайской Народной Республике.

Ходынское поле (Ходынка) – местность на северо-западе Москвы. Известна с XIV в. До XVII в. Ходынский луг. В 1775 г. на Ходынке было проведено грандиозное народное гуляние по случаю окончания войны

с Турцией и заключения выгодного для России Кючук-Кайнарджийского мира. В дальнейшем неоднократно использовалось для массовых народных гуляний (в частности, во время трех последних коронаций). Во время гуляний по случаю коронации императора Николая II в мае 1896 г. здесь произошла трагедия, в результате которой в давке погибли по официальной версии 1389 человек, еще 1300 человек получили тяжелые увечья. В 1834 г. на Ходынском поле открылся ипподром. В XIX в. здесь располагались военные лагеря, а в конце столетия — Николаевские казармы. В начале XX в. на поле был построен аэродром.

Храповицкий мост — мост в Санкт-Петербурге, соединяющий набережные Адмиралтейского и Ново-Адмиралтейского каналов с Алексеевской улицей.

Царицынская линия — см. Грязе-Царицынская железная дорога.

Царское Село — дворцово-парковый ансамбль и слобода, летняя резиденция Императорской фамилии. Основано в 1710 г., город с 1808 г. На протяжении XVIII—XIX вв. в Царском Селе было воздвигнуто несколько императорских дворцов (Александровский, Екатерининский, Баболовский). С 1811 по 1843 гг. в городе находился Царскосельский лицей.

Царскосельская железная дорога — соединяла Санкт-Петербург, Царское Село и Павловск. На всем протяжении от Петербурга до Павловска (27 км) дорога была открыта в 1838 г.

Центральная Азия — обширный регион во внутриматериковой Азии, включает в себя пустынные и полупустынные равнины, плоскогорья и нагорья.

Центральное училище технического рисования имени барона А. Л. Штиглица — государственное художественное учебное заведение, расположенное по адресу: Соляная переулок, дома 13 и 15. Основано в 1876 г. (открыто в 1879 г.) вместе с начальной школой рисования, черчения и лепки по инициативе и на средства мецената барона А. Л. Штиглица (первый директор — М. Е. Месмахер). Готовило преподавателей рисования и руководителей в области прикладного искусства для средних художественно-промышленных школ.

Цепной мост — подвесной мост над рекой Дунаем, соединяющий две исторических части Будапешта — Буду и Пешт. Открыт в 1849 г., стал первым постоянным мостом через Дунай.

Чернигов — губернский город (с 1801 г.), расположен на правом возвышенном берегу реки Десны. Существовал, по-видимому, с IX в.

Черниговская губерния – образована в 1802 г. в результате раздела Малороссийской губернии на Черниговскую и Полтавскую губернии.

Черное море – внутреннее море бассейна Атлантического океана. Проливом Босфор соединяется с Мраморным морем, далее – через пролив Дарданеллы – с Эгейским и Средиземным морями. Керченским проливом соединяется с Азовским морем. По поверхности Черного моря проходит водная граница между Европой и Малой Азией.

Черноморская губерния – занимала западную часть Кавказского края и тянулась длинной и сравнительно узкой полосой вдоль северо-восточного берега Черного моря. В административном отношении причислялась к Северному Кавказу.

Шверин – город на берегу Балтийского моря в Северной Германии, где располагалась столица Мекленбург-Шверинского герцогства. Ныне – в ФРГ.

Швеция – королевство, занимающее восточную часть Скандинавского полуострова.

Шпола – имение А. А. Абазы в Киевской губернии (в настоящее время город в Черкасской области).

Эвиан-ле-Бен – курортный город во Франции, на южном берегу Женевского озера, у подножия горного массива Шабле (Савойские Альпы). Известен как минеральный курорт.

Эдинбург – главный город Шотландии.

Эйдкунен – пограничное с Россией (Вержболово) местечко в провинции Восточной Пруссии.

Экс-ле-Бен – город на востоке Франции, в Савойских Альпах, курорт.

Эрмитаж – возник в Зимнем дворце в 1764 г. как частное собрание Екатерины II, после того как в Берлине через агентов она приобрела коллекцию из 225 произведений голландских и фламандских художников. Поначалу большинство картин размещалось в уединенных апартаментах дворца, получивших французское название «Эрмитаж» («место уединения», *фр.*). В 1769 г. в Дрездене для Эрмитажа была приобретена богатая коллекция саксонского министра графа Брюля, насчитывавшая около 600 картин. Музей был открыт в 1852 г. Насчитывал богатейшие коллекции памятников древневосточной, древнеегипетской, античной и средневековой культур, искусства Западной

и Восточной Европы, археологических и художественных памятников Азии, русской культуры XVIII–XIX вв.

Эстляндия – область в Российской империи (с 1710 г.), Эстляндская губерния (с 1783 г.) Российской империи.

Юго-Западные железные дороги – Общество Юго-Западных железных дорог, образовалось в 1878 г. путем слияния Киево-Брестской, Бресто-Граевской и Одесской дорог. В 1888 г. обществу Юго-Западных железных дорог разрешено было сооружение Уманских ветвей, а в 1889 г. – Новоселицких. С 1 января 1894 г. Юго-Западные железные дороги перешли в казну.

Юго-Западный край – часть Западного края Российской империи, название трех губерний Правобережной Украины: Волынской, Подольской и Киевской. Другое название – Киевское генерал-губернаторство (1832–1915 гг.).

Юсуповский дворец – архитектурный ансамбль XVIII–XX вв., располагается на набережной реки Мойки. Дворцово-усадебный комплекс создавался на протяжении почти двух столетий. Здесь работали русские и иноземные архитекторы Ж.-Б. Валлен-Деламот, А. А. Михайлов-второй, Б. Симон, И. Монигетти, В. Кеннель, А. А. Степанов и др. С 1830 по 1917 гг. владельцами дворца и усадьбы были пять поколений рода князей Юсуповых.

Япония – островное государство в Азии; конституционная монархия.

Ярославль – губернский город Ярославской губернии, расположен при впадении реки Которости в реку Волгу, на правом берегу последней. Основан в XI в.

Яхт-клуб – Санкт-Петербургский императорский яхт-клуб. Открыт 1 мая 1846 г. по инициативе и при деятельном участии князя А. Я. Лобанова-Ростовского, избранного первым командором яхт-клуба. В начале XX в. располагался на Малой Морской улице в Санкт-Петербурге. Членами яхт-клуба были великие князья, придворные, дипломаты, высокопоставленные чиновники и гвардейские офицеры.

Casino – см. Казино.

Grand hôtel – гранд-отель в центре Парижа, построенный в 1862 г.

Hôtel de Paris – гранд-отель в Монако, расположенный в центре Монте-Карло. Был построен в 1863 г.

Указатель государственных учреждений, административных единиц и должностей

Артиллерийское ведомство – см. Главное артиллерийское управление

Верховный тайный совет – высшее совещательное государственное учреждение Российской империи в 1726–1730 гг. Создан императрицей Екатериной I как совещательный орган, фактически решал важнейшие государственные вопросы.

Военное министерство – образовано в соответствии с манифестом Александра I от 8 сентября 1802 г. в целях более оперативного руководства военно-сухопутными силами страны. 12 декабря 1815 г. Военное министерство было разделено на две самостоятельные части – Главный штаб Его Императорского Величества и собственно Военное министерство. В конце 1830-х гг. Военное министерство было централизовано сосредоточило в своей компетенции основные вопросы военного управления. Во время Первой мировой войны полевое управление войсками находилось в ведении Ставки верховного главнокомандующего.

Волостной старшина – выборное старшее должностное лицо волости, избиравшееся волостным сходом на срок не более трех лет, обладавшее административно-полицейской властью и руководившее волостным правлением. Время волостного схода и срок избрания предписывались уездным съездом. Избранные старшины должны были быть утверждены в должностях земским начальником или мировым посредником.

Волостной суд – внутренний суд волости, административной единицы крестьянского самоуправления в Российской империи, состоявший из выборных непрофессиональных судей.

Волость – административная единица крестьянского самоуправления в Российской империи. Волостное управление, осуществлявшееся сходом, старшиной, правлением и судом, регулировалось «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г.

Вольноопределяющийся – военный служащий русской или иностранной армий в XIX – начале XX века, добровольно поступавший на воинскую

службу после получения высшего или среднего (в России – и незаконченного среднего) образования. Вольноопределяющийся проходил военную службу на льготных основаниях: сокращенный срок службы, сокращенный срок выслуги в чинах, право жить вне казармы (на собственные средства), возможность по окончании срока службы держать экзамен на звание младшего офицера (в России – прапорщика) запаса.

Генерал-губернатор – высший чиновник местной администрации, стоявший во главе генерал-губернаторства (административно-территориальная единица Российской империи, включала одну или несколько губерний или областей). Обладал гражданской и военной властью. По «Учреждению для управления губерний» (1775 г.) генерал-губернатор («государев наместник») получил чрезвычайные полномочия. На пост генерал-губернатора обычно назначались армейские генералы, пользовавшиеся доверием императора.

Генеральные штаты – высшее сословно-представительное учреждение во Франции в 1302–1789 гг. Генеральные штаты являлись совещательным органом, созываемым по инициативе королевской власти в критические моменты для оказания помощи правительству. Основной их функцией было квотирование налогов. Каждое сословие – дворянство, духовенство, третье сословие – заседало в Генеральных штатах отдельно от других и имело по одному голосу (независимо от числа представителей).

Генеральный штаб – центральный орган военного управления и основной орган оперативного управления вооруженными силами. Генеральный штаб в Российской империи ведет свое начало с 1763 г., когда при Екатерине II чины квартирмейстерской части были выделены в особое учреждение, названное Генштабом и поставленное в непосредственное ведение вице-президента военной коллегии.

Главная квартира (Главная императорская квартира) – особое учреждение Военного министерства, состоявшее при императоре для принятия его личных приказаний и исполнения специальных обязанностей. В Главную императорскую квартиру входили: командующий, его помощник, все генерал-адъютанты, генералы, которые состояли при императоре, комендант Главной императорской квартиры, штаб-офицер для поручений в звании флигель-адъютанта и лейб-медик Его Императорского величества. К Главной императорской квартире принадлежали ее канцелярия и Собственный Его Императорского Величества конвой. В 1894 г. в составе Главной императорской квартиры была учреждена должность дежурного при императоре

генерала, заведовавшего дворцовой полицией и агентами и имевшего особую канцелярию. В 1896 г. эта должность была переименована в должность дворцового коменданта.

Главное артиллерийское управление – образовано в 1862 г. путем слияния Артиллерийского департамента, Штаба генерал-фельдцейхмейстера и Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета. Ведало инспекторской, технической, ученой, учебной и хозяйственной частями артиллерийского ведомства, снабжением войск и крепостей всеми видами оружия и боеприпасов, испытанием новых и усовершенствованием старых образцов оружия. Первоначально состояло из канцелярии, восьми отделений (Инспекторского, Военно-судного, Искусственного, Арсенального, Порохового и паркового, Оружейного, Крепостного, Счетного), чертежной с типографией и литографией, казначейской, экзекуторской, журнальной частей и архива.

Главное управление государственного коннозаводства) – центральное административное учреждение, созданное в 1843 г. в целях усовершенствования коннозаводства в России. В состав Главного управления государственного коннозаводства входили: Комитет государственного коннозаводства, канцелярия председателя комитета и Департамент государственного коннозаводства.

Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей – ведомство в составе Министерства финансов. Создан в 1896 г. в результате преобразования Департамента окладных сборов.

Главное управление торгового мореплавания и портов – российское государственное ведомство. Учреждено 7 ноября 1902 г. Возглавлялось великим князем Александром Михайловичем. В состав нового ведомства из Министерства финансов был передан Отдел торгового мореплавания, Совет по делам торгового мореплавания и Комитет по портовым делам. Из Министерства путей сообщения – Отдел торговых портов. Кроме того, подразделениями Главного управления были Совет главноуправляющего, Технический совет, канцелярия главноуправляющего и архив при ней, Учебный комитет по мореходному образованию и Комитет по делам о выдаче ссуд на приобретение морских торговых судов. В октябре 1905 г. Главное управление торгового мореплавания и портов вошло в состав вновь образованного Министерства торговли и промышленности.

Главное управление по делам местного хозяйства – образовано 22 марта 1904 г. в составе Министерства внутренних дел вместо упраздненного Хозяйственного департамента (со страховым комитетом

и отделом) для высшего руководства, согласования и направления деятельности местных учреждений по удовлетворению хозяйственных нужд населения. В Главное управление входили начальник, его помощник и отделы: земского хозяйства, городского хозяйства, народного здравия и общественного призрения, дорожный, страхования и противопожарных мер, а также канцелярия.

Главное общество российских железных дорог – основано в 1857 г. для постройки и эксплуатации сети железных дорог на территории Российской империи. Железнодорожные линии предполагалось проложить через 26 губерний и таким образом соединить Петербург, Москву, Варшаву, Нижний Новгород, главные судоходные реки империи и порты на Черном и Балтийском морях. По истечении почти 100 лет вся сеть железных дорог должна была перейти в собственность государства. Учредителями общества стали французские железнодорожные деятели братья Перейра, лондонские банкиры братья Беринги, петербургский банкир А. Л. Штиглиц (приемный отец жены А. А. Половцова) и др. Общество приступило к работе, но в ноябре 1861 г. выяснилось, что его средств недостаточно для сооружения всей сети, поэтому обязательства общества были ограничены сооружением Варшавской и Нижегородской железных дорог.

Городская дума – распорядительный орган городского самоуправления, созданный по Жалованной грамоте императрицы Екатерины II 1785 г. По городовому положению 1870 г. право на избрание членов думы устанавливалось в соответствии с имущественным цензом. Распорядительным органом городского самоуправления становилась городская дума в составе 180 гласных, исполнительным – городская управа. Дума избиралась на 4 года. Первые выборы состоялись в 1872 г. Городовое положение 1892 г. значительно сузило круг избирателей в пользу наиболее состоятельной части городского населения.

Государственная дума – законосовещательное, позже – законодательное учреждение Российской империи в 1906–1917 гг. Манифестом от 6 августа 1905 г., император Николай II учредил Государственную думу как «особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов».

Государственная канцелярия – канцелярия Государственного совета (существовала в 1810–1917 гг.). Учреждена Александром I как структурное подразделение Государственного совета манифестом «Образование

Государственного совета» от 1 января 1810 г. Она была образована согласно плану государственных преобразований, разработанному М. М. Сперанским, который и стал первым ее руководителем. Государственную канцелярию возглавляли государственный секретарь и его товарищ. Канцелярия делилась на отделения, во главе каждого из которых стоял статс-секретарь. Первоначально в канцелярии были отделения законов, военных дел, гражданских дел, государственной экономии, свода законов, которые соответствовали четырем департаментам Государственного совета и комиссии составления законов. Впоследствии число отделений менялось в соответствии с изменениями в структуре Государственного совета. Через Государственную канцелярию проходили все дела, требовавшие рассмотрения в Государственном совете. Дело поступало на имя государственного секретаря и после определения, подлежит ли оно ведению Совета, распределялось в соответствующее отделение канцелярии для подготовки рассмотрения в том или ином департаменте Совета. Дела докладывались на заседаниях департаментов статс-секретарями или их помощниками, а в общем собрании Совета – государственным секретарем или его товарищем. Помимо подготовки дел к слушанию, Государственная канцелярия занималась оформлением журналов заседаний департаментов и общего собрания, а также составлением извлечений из них для императора. Первоначально канцелярия располагалась в Зимнем дворце, в 1885 г. была переведена в Мариинский дворец.

Государственное казначейство – одно из трех ведомств Министерства финансов Российской империи. Государственному казначейству было определено ведомственное подчинялись центральные и местные финансовые структуры: Главное казначейство, губернские, окружные казначейства с состоящими в их ведомстве уездными казначействами. Предметами ведения казначеев в то время были: прием и хранение всех принадлежавших Государственному казначейству доходов, производство расходов и высылка сумм из поступающих в казначейство доходов, продажа всякого рода гербовой бумаги, гербовых марок, бланков, свидетельств и патентов, выдача промысловых свидетельств и бесплатных промысловых билетов, счетоводство по всем поступающим в казначейство доходам и возложенным на них расходам, а также по порученному для хранения и продажи казенному имуществу, открытие текущих счетов, размен денег, уплата процентов по купонам, перевод денег.

Государственный банк – главный банк Российской империи, учрежден в 1860 г. указом императора Александра II на основе реорганизации Государственного коммерческого банка. Государственный банк,

подведомственный Министерству финансов и Государственному контролю, был важнейшим инструментом проведения экономической политики правительства. Он являлся крупнейшим кредитным учреждением Российской империи. Со времени денежной реформы 1890-х гг. одной из главных задач банка стало регулирование денежного обращения.

Государственный дворянский земельный банк – банк ипотечного кредита, основан в 1885 г. для поддержания землевладения потомственных дворян. Помещикам выдавались ссуды под залог их земельных владений в размере 60–75 процентов от стоимости земли (в том числе обремененной долгами). Максимальный срок погашения ссуды, достигавший сначала 48 лет 4 месяца, позже был увеличен до 51 года, а затем и до 66 лет 6 месяцев. Процент, уплачиваемый по ссуде, составлял в 1880-х гг. 5–6 процентов, а к 1897 г. был снижен до 3,5 процента. Действия банка распространялись на Европейскую Россию, исключая Великое княжество Финляндское, Царство Польское, Прибалтийские губернии и Закавказье.

Государственный контроль – орган Кабинета министров Российской империи, осуществлявший контрольно-счетные и наблюдательные функции в области прихода, расхода и хранения капиталов государственного бюджета, а также бюджетов всех министерств и ведомств по отдельности. Образован на правах министерства в 1811 г. и до 1836 г. назывался Государственным управлением ревизии государственных счетов.

Государственный секретарь – начальник Государственной канцелярии, органа делопроизводства Государственного совета. Он и его товарищ готовили и докладывали дела в общем собрании Государственного совета. Государственная канцелярия также оформляла журналы заседаний и составляла извлечения из них для императора.

Государственный совет – высший законосовещательный орган Российской империи (до 1906 г.). Был создан в 1810 г. Александром I. Члены Совета делились на членов по должности (министры, главноуправляющие, которые с увольнением от должностей переставали заседать в Совете) и членов по назначению. Последние выбирались императором. Назначение фактически было пожизненным и считалось по принятым в той среде представлениям почетной отставкой с более важных постов (заседания проходили раз в неделю, но при этом члены получали значительное жалование). В первые годы существования Совета заседали около 40 человек, в 1890 г. – 60, а в начале XX в. их число приблизилось к 100. Государственный совет состоял из общего собрания (собрание

членов всех департаментов, членов, не присутствовавших в департаментах, и министров), Государственной канцелярии, департаментов и постоянных комиссий. При нем также действовали различные временные особые совещания, комитеты, присутствия и комиссии. Все дела поступали в Совет только через Государственную канцелярию на имя возглавлявшего ее государственного секретаря. Выяснив, относится ли данное дело к ведению Совета, государственный секретарь распределял его в соответствующее отделение канцелярии, которое готовило дело к слушанию в одном из департаментов. В период, о котором идет речь в дневнике, функционировали департаменты законов, государственной экономики, гражданских и духовных дел (в 1900 г. был создан Департамент промышленности, наук и торговли). Срочные дела по повелению императора могли сразу передаваться на рассмотрение в общее собрание. Решения в департаментах и общем собрании принимались большинством голосов, но император оставлял за собой право утвердить мнение меньшинства. 20 февраля 1906 г. Государственный совет реформирован. Половина членов с тех пор избирались, а другая половина по-прежнему ежегодно назначались императором.

Градоначальник – управляющий градоначальством, то есть городом с прилегавшими территориями, который по определенным причинам был изъят из-под юрисдикции губернского управления. В Российской империи к такого рода административным единицам относились Санкт-Петербург, Москва, Одесса, Севастополь и некоторые другие города. Градоначальник обладал всеми правами губернатора и назначался императором или по представлению Министерства внутренних дел.

Губернатор – непосредственный начальник губернии (или области). Объем власти губернатора зависел от того, введены ли в его губернии судебные уставы, земские учреждения и судебно-административная реформа 1889 г.

Губерния – высшая единица административно-территориального деления Российской империи, находившаяся под управлением губернатора. Впервые такое разделение было введено Петром I в 1708 г.

Губернское правление – существовавший в России с 1796 г. государственный коллегиальный орган управления губернией, обладавший исполнительными и совещательными функциями. В состав губернского правления входили губернатор, вице-губернатор, два советника и губернский прокурор, а с XIX в. – губернатор, вице-губернатор, советник и ассессор.

Губернские присутствия – судебно-административные органы на губернском уровне.

Дворянское собрание – орган дворянского самоуправления в Российской империи, существовавший с 1766 г. «Учреждение для управления губерниями» и «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. законодательно определили порядок функционирования дворянских собраний. Участниками собрания являлись представители дворянского общества данной территории. Глава дворянского собрания имел звание предводителя. Дворянские собрания занимались решением локальных общественных вопросов, а после земской реформы их компетенция сократилась до решения вопросов, касавшихся исключительно дворянства. Дворянские собрания собирались в уездах и губерниях раз в три года.

Дворянский банк – см. Государственный дворянский земельный банк.

Дворянский предводитель – см. Предводитель дворянства.

Делопроизводитель – должность государственного служащего в Российской империи.

Департамент законов – один из департаментов (1810–1906) Государственного совета. Рассматривал законопроекты в области административно-территориального устройства, судопроизводства, налогообложения, существенных реформ государственного аппарата, проекты положений и штатов отдельных государственных учреждений, промышленных, финансовых и торговых обществ, общественных организаций.

Департамент государственной экономии Государственного совета (1810–1906) – занимался вопросами финансов, торговли, промышленности и народного просвещения. Рассматривал законопроекты, связанные с развитием экономики, государственных доходов и расходов, финансовые сметы министерств и главных управлений, отчеты государственных банков, вопросы налогообложения, предоставления привилегий отдельным акционерным обществам, дела по открытиям и изобретениям.

Департамент железнодорожных дел – основан в 1889 г. в составе Министерства финансов. Заведовал железнодорожным тарифным делом и вообще всеми делами по железнодорожной части, подлежащими ведению Министерства финансов.

Департамент мануфактур и внутренней торговли – департамент в составе Министерства финансов.

Департамент неокладных сборов – см. Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей.

Департамент общих дел – департамент по управлению делопроизводством Министерства внутренних дел, создан в 1842 г. Департамент сохранил функции канцелярии Министерства внутренних дел и состоял из трех отделений. Первое отделение ведало делами по высочайшим указам. В ведении второго отделения находились дела по дворянским и купеческим выборам, по постановлениям дворянства об устройстве дворянских пансионов и домов, о назначении пенсий и других пособий служащим по делам дворянства и об их наградах. Третье отделение ведало всеми делами о преступлениях против православной веры, штатами и мундирами всех подведомственных мест, рассматривало отчеты губернаторов и градоначальников. В 1865 г. было учреждено четвертое отделение, которое вело делопроизводство по оставлению смет, отчетности и счетоводству по всему Министерству внутренних дел.

Департамент уделов – центральный орган управления удельным ведомством, возник в 1797 г. в России в соответствии с «Учреждением об Императорской фамилии». Часть казенных земель с крестьянами передавалась в собственность Императорской фамилии, и доход с них поступал на содержание членов императорской семьи.

Добровольный флот – морское судоходное общество, основанное в 1878 г. на добровольные пожертвования с целью развития отечественного торгового мореплавания и создания резерва военного флота. Первым председателем общества стал наследник престола (будущий император Александр III). Флот находился в ведении Министерства финансов, с 1883 г. – Морского министерства, с 1909 г. – Министерства торговли и промышленности. К 1914 г. имел свыше 45 судов, которые осуществляли дальние коммерческие рейсы (на Дальний Восток, в США и др.).

Дома трудолюбия – см. Попечительство о домах трудолюбия и рабочих домах.

Земская управа – губернская и уездная, исполнительный орган земского собрания в России (с 1864 г.), ведавший делами земства. По «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» (1864 г.) избиралась на три года. Председателя губернской земской управы утверждал министр внутренних дел, председателя уездной земской управы, а с 1890 г. и членов управы – губернатор. Состояли из председателя и 2–3 членов.

Земский начальник – чиновник (с 1889 г.), обладавший административной и ограниченной судебной властью над крестьянским населением и общинами волости.

Земский собор – высшее сословно-представительное учреждение Российской империи с середины XVI до конца XVII в., собрание представителей всех слоев населения (за исключением крепостных крестьян) для обсуждения политических, экономических и административных вопросов.

Земство – органы местного самоуправления в Российской империи, созданные согласно «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» (1864 г.), прежде всего земские собрания и земские управы.

Императорская археологическая комиссия – государственное учреждение Российской империи, организационный и научный центр по археологии. Основана в 1859 г. на основе Комиссии для расследования древностей (существовавшей с 1850 г. под председательством Л. А. Перовского). Подчинялась Министерству императорского двора и уделов, заседания проходили в Зимнем дворце.

Императорское женское патриотическое общество – наиболее влиятельное женское благотворительное общество Российской империи (1812–1917). Образовано указом императрицы Елизаветы Алексеевны от 29 декабря 1812 г. в Санкт-Петербурге. С 1816 г. общество начало оказывать помощь людям пожилого возраста, увечным, вдовам, сиротам, а также бедным семьям.

Императорское русское историческое общество – основано в 1866 г. в Санкт-Петербурге по инициативе А. А. Половцова (финансировал его деятельность). Пользовалось покровительством членов Императорской фамилии. Согласно уставу, задача общества состояла в том, чтобы «сбирать, обрабатывать и распространять в России материалы и документы, до отечественной истории относящиеся, как хранящиеся в правительственных и частных архивах и библиотеках, так равно и находящиеся у частных людей». Для выполнения этой задачи с 1867 г. обществом выпускались «Сборники» (всего было издано 148 сборников). Большинство публиковавшихся материалов касалось русской истории XVIII в. В работе общества принимали участие С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. Н. Костомаров и др. Серьезная работа была проведена обществом по изучению дипломатической истории России. Собраны обширные материалы (донесения послов, различные дипломатические документы и др.), относившиеся к XVII–XVIII вв. В конце XIX в. общество начало издавать «Русский Биографический

словарь» (вышло 25 томов, последний – в 1918 г.). Отчеты общества, в основном касавшиеся его издательской деятельности, регулярно публиковались в «Правительственном вестнике». Руководство осуществлял специальный совет, председателем которого был избран князь П. А. Вяземский, с 1879 по 1909 гг. этот пост занимал Половцов.

Императорское русское техническое общество – основано в 1866 г. в Санкт-Петербурге с целью содействия развитию отечественной техники и промышленности, располагалось в зданиях Соляного городка. Общество имело около десяти отделов: химической технологии и металлургии, механики и механической технологии, инженерно-строительного и горного дела, техники военного и морского дела, фотографии и ее применения, электротехники, воздухоплавания и др. Здесь работали ученые А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев, А. С. Попов, Н. Е. Жуковский, П. Н. Яблочков и др. Члены общества проводили коллективные научные исследования, организовывали съезды, лекции, курсы, выставки, участвовали в международных съездах и конгрессах. При содействии общества при фабриках и заводах открывались общеобразовательные школы и специальные классы (технические, ремесленные, рисования, черчения). С 1867 г. издавались «Записки Русского технического общества».

Инспекторский отдел Собственной Его Императорского Величества канцелярии – учрежден в мае 1894 г. для сосредоточения заведования инспекторской частью гражданского ведомства (создан взамен упраздненного еще в 1858 г. Инспекторского департамента). Штат отдела введен в действие в ноябре 1894 г. Он занимался подготовкой указов императора о назначениях и перемещениях по службе чиновников первых четырех классов, подготовкой и изданием общих приказов императора по гражданскому ведомству, осуществлял контроль за чинопроизводством и наградами, издавал ежегодный адрес-календарь, в котором публиковались списки чиновников, занимавших должности с I по VIII класс в высших, центральных и местных учреждениях.

Казачество – одно из сословий в Российской империи. С 1721 г. казачьи части находились в ведении казачьей экспедиции Военной коллегии. В том же году Петр I упразднил выборность войсковых атаманов и ввел институт наказных атаманов, назначаемых верховной властью. Последних остатков независимости казаки лишились после поражения пугачевского бунта в 1775 г., когда Екатерина II ликвидировала Запорожскую Сечь. В 1798 г. по указу Павла I все казачьи офицерские чины были приравнены к общеармейским, а их обладатели получили права на дворянство. В 1802 г. разработано первое

Положение для казачьих войск. С 1827 г. августейшим атаманом всех казачьих войск стал назначаться наследник престола. В 1838 г. был утвержден первый строевой устав для казачьих частей, а в 1857 г. казачество перешло в ведение управления (с 1867 г. Главное управление) иррегулярных (с 1879 г. – казачьих) войск Военного министерства. С 1910 г. – в подчинение Главного штаба.

Кодификационный отдел Государственного совета – создан по именному указу от 23 января 1882 г. из II отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Кодификационный отдел осуществлял издание Полного собрания законов и Свода законов Российской империи. Возглавлял отдел главноуправляющий, назначавшийся из членов Государственного совета по усмотрению императора. Глава кодификационного отдела должен был присутствовать на заседаниях Департамента законов Государственного совета и Комитета министров и имел всеподданнейший доклад у императора. Упразднен в 1893 г.

Комиссия прошений – одна из комиссий, некогда входившая в состав Государственного совета, а с 1835 г. подчиненная непосредственно императору. Существовала до 1884 г., после чего была преобразована в особую Канцелярию по принятию прошений на высочайшее имя приносимых.

Комитет министров – высший административный орган Российской империи, совещательный орган при императоре, куда входили представители высшей бюрократии. Учрежден Александром I в 1802 г. Состоял из министров, государственного казначея, главноуправляющих министерств и некоторых ведомств, с 1810 г. в него входили председатели департаментов Государственного совета, а с 1812 г. – отдельные лица по назначению монарха. На заседания Комитета министров всегда приглашался обер-прокурор Святейшего Синода. Председатель комитета назначался императором. На заседаниях Комитета министров обсуждались дела, которые министры не могли решить из-за отсутствия законов, или дела, в которых участвовало не одно ведомство, рассматривались проекты новых указов и др. С 1872 г. Комитет министров стал еще и высшей цензурной инстанцией. В 1906 г. преобразован в Совет министров.

Комитет Сибирской железной – учрежден 10 декабря 1892 г. (упразднен в 1905 г.) для общего руководства работами по сооружению Сибирской железной дороги. Председателем комитета с момента его создания был назначен цесаревич Николай Александрович, сохранивший за собой председательство после вступления на престол.

Коннозаводство – см. Главное управление государственного коннозаводства.

Консул – должностное лицо, которому поручено представляемым государством выполнение консульских функций в пределах соответствующего округа на территории государства пребывания.

Красный крест – гуманитарная организация, в Российской империи была основана в 1867 г. императором Александром II.

Крестьянский поземельный банк – государственное кредитное учреждение Российской империи 1883–1917 гг. Банк выдавал долгосрочные ссуды крестьянам на покупку частновладельческих – прежде всего дворянских – земель. Действия Крестьянского банка распространялись на всю страну (на губернии Царства Польского – с 1888 г.), за исключением Остзейского края. Находился в ведении Министерства финансов. Возглавлялся управляющим и советом (назначались министром финансов), отделениями руководили управляющие.

Крестьянское сословие – социальная группа, занятая в сельскохозяйственном производстве.

Кулаки – зажиточные крестьяне, пользовавшиеся наемным трудом, а также занимавшиеся перепродажей сельскохозяйственных товаров, ростовщичеством, посредничеством.

Купец – представитель сословия купечества, человек, занятый в сфере купли-продажи.

Лесоохранный комитет – учреждение в каждой губернии Российской империи под председательством губернатора, на которое возлагалась охрана леса. В состав Лесоохранительного комитета входили: губернский предводитель дворянства, председатель окружного суда или один из его членов, управляющий государственными имуществами, лесной ревизор и др.

Мещанство – одно из сословий Российской империи, низший разряд городских обывателей. Официально оформлено в «Жалованной грамоте городам» Екатерины II 1785 г. Мещане города объединялись в «мещанское общество». Принадлежность к этому сословию оформлялась записью в городской обывательской книге, то есть всякий мещанин был приписан к определенному городу. Звание мещанина было наследственным. Записаться в мещане мог любой городской житель, который имел в городе недвижимую собственность, занимался торговлей или ремеслом, платил подати и исполнял общественные

службы. В 1865 г. мещане были освобождены от телесных наказаний, с 1866 г. – от подушной подати. Разбогатевшие и развившие свое предприятие мещане нередко переходили в купечество, обедневшие купцы – в мещанство. В 1863 г. была отменена низшая – третья – гильдия купечества, и все купцы, приписанные к ней, были переведены в мещанство. После отмены крепостного права запись в мещане стала возможной для всех крестьян (до этого – только для государственных, то есть крестьян, которые жили на казенных землях, несли повинности в пользу государства и считались лично свободными), но при условии выхода из сельского общества и с согласия властей. С конца XIX в. усилился процесс размывания сословных границ, переход из одного сословия в другое стал проще. При этом род занятий, характерный для того или иного сословия, перестал быть необходимым. Мещанское сословие было в значительной мере пополнено за счет крестьян, которые нередко переходили в новое качество только для того, чтобы не платить подати. Они не занимались торговлей и ремеслами, а, купив дом в городе, арендовали землю и продолжали жить земледелием.

Министерство внутренних дел – центральное государственное учреждение, ведавшее вопросами внутренней политики. Образовано 8 сентября 1802 г. Подразделялось на департаменты. Функции и сферы ведения министерства постоянно расширялись. С 1805 г. губернаторы ежегодно представляли в министерство отчеты о состоянии подведомственных им губерний. На основании «Общего учреждения министерств» (25 июня 1811 г.) реформировано. В нем появились Совет министра, общая канцелярия министерства (с 1842 г. – Департамент общих дел) и несколько департаментов. В 1819 г. аппарат министерства был существенно перестроен. Департаменты ликвидированного Министерства полиции, а также его Особенная канцелярия вошли в Министерства внутренних дел. Особенная канцелярия в 1826 г. была ликвидирована в связи с учреждением Третьего отделения Собственного его императорского величества канцелярии. В связи с ликвидацией Третьего отделения в 1880 г. образован Департамент полиции. В 1905 г. в Министерстве внутренних дел создано Особое делопроизводство по выборам в Государственную думу и Государственный совет, координировавшее деятельность местных учреждений по подготовке и проведению выборов. После октября 1917 г. на базе подразделений министерства создан Народный комиссариат внутренних дел.

Министерство государственных имуществ – центральное государственное учреждение Российской империи, ведало государственными

землями и иным государственным имуществом в Российской империи, учреждено 26 декабря 1837 г. В 1894 г. преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ. В мае 1905 г. оно снова изменило профиль и статус – реорганизовано в Главное управление землеустройства и земледелия, в котором сосредоточилось осуществление столыпинских аграрных реформ. В октябре 1915 г. Главное управление вновь преобразовано в Министерство земледелия.

Министерство Императорского двора – центральное государственное учреждение Российской империи, учреждено 22 августа 1826 г. под названием Министерства Императорского двора и уделов. Объединяло все части придворного управления вне контроля Сената или какого бы то ни было другого высшего установления. Министерство возглавлялось министром двора, который находился в непосредственном ведении императора. Все повеления министр Императорского двора получал непосредственно от императора и по делам, требовавшим высочайшего разрешения, также имел право входить с докладом непосредственно к главе государства. Такое положение министерства объясняется тем, что предметы его деятельности не имели общегосударственного характера, а касались исключительно царствующего дома.

Министерство иностранных дел – центральное государственное учреждение Российской империи, ведало сношениями с иностранными государствами. Учреждено указом Александра I от 8 сентября 1802 г. (манифест «Об учреждении министерств»). При образовании министерства Коллегия иностранных дел Российской империи (продолжала существовать до 10 апреля 1832 г.) стала подчиняться министру иностранных дел. Именным указом от 10 апреля 1832 г. «Об образовании Министерства иностранных дел» Коллегия иностранных дел была упразднена, войдя в состав министерства. Министерство включало: Совет, Азиатский департамент, Департамент внешних сношений, Департамент внутренних сношений и Департамент хозяйственных и счетных дел, а также три главных архива – два в Санкт-Петербурге и один в Москве. Структура и штат министерства неоднократно менялись.

Министерство путей сообщения – центральное государственное учреждение Российской империи. Создано 15 июня 1865 г. В министерстве было создано Управление главного инспектора частных железных дорог. Под руководством первого министра путей сообщения П. П. Мельникова разработана перспективная программа развития сети железных дорог России.

Министр – должность назначавшегося императором руководителя основных центральных государственных учреждений. По Учреждению об Императорской фамилии от 5 апреля 1797 г. министр возглавлял вновь созданный Департамент уделов. По манифесту от 8 сентября 1802 г. – руководитель каждого из учреждавшихся министерств, а также трех коллегий – Военной, Адмиралтейств – и Иностранных дел. В соответствии с манифестом министры должны были непосредственно управлять своими ведомствами, ежегодно подавая императору отчет об их деятельности. Они также являлись членами образованного 1 января 1810 г. Государственного совета, а также Комитета министров. Министры осуществляли надзор за подчиненными им учреждениями и лицами, а также ежегодно составляли сметы расходов по ведомствам и подавали их в Министерство финансов и представляли ведомости о решенных и нерешенных делах в Комитет министров. Согласно учреждениям Государственной думы от 6 августа 1905 г. и 20 февраля 1906 г. министры были обязаны отвечать на заявления Государственной думы о незаконных действиях их самих и подчиненных им лиц и учреждений. В соответствии с Основными государственными законами от 23 апреля 1906 г. могли не быть членами преобразованного Государственного совета. Должность министра была упразднена по декрету II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г.

Мировой судья – должностное лицо, занимавшееся рассмотрением дел в мировом суде. Должность мирового судьи введена судебной реформой 1864 г. Мировой судья избирался уездным земским собранием, в городах – городской думой.

Мирской, волостной или сельский сход – орган местного крестьянского самоуправления в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Состоял из выборных сельских и волостных должностных лиц и крестьян-домохозяев. Осуществлял ограниченные административно-судебные, фискальные и полицейские функции, контролировался мировыми посредниками и земскими начальниками. Дела на сходе решались большинством голосом.

Морское министерство – центральное государственное учреждение, руководившее Российским императорским флотом, его строительством, комплектованием, материально-техническим обеспечением и боевой деятельностью. Создано в 1802 г. на основе Адмиралтейств-коллегии. В 1836 г. Морское министерство было объединено с Главным морским штабом, к начальнику которого перешло руководство военно-морской политикой страны, должность морского министра упразднена, а управляющий министерством стал заведовать исключительно

хозяйственными вопросами. В 1860 г. Главный морской штаб был ликвидирован. С 1885 г. во главе Морского министерства стоял главный начальник флота и морского ведомства (генерал-адмирал), управляющий министерством подчинялся последнему, но в целом пользовался общими правами министра. В 1905 г. была восстановлена должность морского министра, в 1906 г. учрежден подчиненный ему Морской генеральный штаб. Товарищ министра (должность существовала в 1802–1821 гг. и с 1906 г.) заведовал Главным управлением кораблестроения и Главным морским хозяйственным управлением. Основные учреждения Морского министерства находились в здании Главного Адмиралтейства в Санкт-Петербурге.

Московский учебный округ – создан во время реформы 1803 г. Его центральным учреждением стала ученая корпорация Московского университета, получившего в начале XIX в. автономию. Округ включал в себя Московскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Калужскую, Нижегородскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тверскую и Тульскую губернии.

Новый клуб, клуб – см. Петербургский английский клуб.

Общество железных дорог – см. Главное общество российских железных дорог.

Общество для содействия русской промышленности и торговле – возникло в 1867 г. в Петербурге при поддержке министра финансов М. Х. Рейтерна. Его учредителями стали представители крупнейшего петербургского купечества. Общество было создано как центр по изучению экономики и перспектив развития пореформенной России и стало первым всероссийским объединением предпринимателей. В соответствии с уставом общества целью его деятельности провозглашалось содействие развитию отраслей отечественной промышленности и распространению внутренней и внешней торговли России. Оно состояло из 5 отделений (общие вопросы, фабричная и заводская промышленность, торговля и торговое судопроизводство, пути сообщения и мореходство, кустарная и ремесленная промышленность). Общество имело отделения в Казани, Муроме, Екатеринбурге и Костроме и издавало «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле».

Общество добровольного флота – см. Добровольный флот.

Общество любителей древней письменности – создано по инициативе историка князя П. П. Вяземского и московского предводителя

губернского дворянства графа С. Д. Шереметева. Устав общества был утвержден 17 мая 1877 г. Целью общества было издавать славяно-русские рукописи, перепечатывать книги, сделавшиеся библиографической редкостью.

Общество поощрения художников – см. Общество поощрения художеств.

Общество поощрения художеств – общество, организованное группой меценатов (И. А. Гагарин, П. А. Кикин, А. И. Дмитриев-Мамонов и др.) с целью содействовать развитию изящных искусств, распространению художественных познаний, образованию художников и скульпторов. На гранты общества (так называемый пенсион) за границу для обучения ездили молодые художники (А. А. Иванов, К. П. Брюллов, А. П. Брюллов). Общество способствовало освобождению талантливых крепостных художников из крепостной зависимости, оказывало им материальную поддержку.

Община – после крестьянской реформы 1861 г. крестьянская община стала собственником земельных наделов, выкупаемых крестьянами у помещика. Основной функцией общины было распределение имеющегося в ее распоряжении земельного фонда между членами общества. Крестьянин, получивший в пользование земельный надел, не имел права распоряжаться своим участком без согласия членов общества, он также не мог покинуть общину. Имущество крестьянина находилось, таким образом, в полной зависимости от общины. Периодически проводились земельные переделы – перераспределение земельных наделов между членами общества. Законом от 8 июня 1893 г. земельные переделы были ограничены. Отныне их дозволялось проводить не чаще, чем через 12 лет, причем с согласия не менее двух третей домохозяев схода. Кроме того, община имела право приобретать в собственность движимые и недвижимые имущества. Также сельское общество могло отдавать свои земли в аренду и продавать их. Законом от 14 декабря 1893 г. это право общины было ограничено. В соответствии с законом запрещалось закладывать крестьянские наделные земли, а сдача надела в аренду ограничивалась пределами своей общины. По этому же закону отменялась статья 165 «Положения о выкупе», по которой крестьянин мог досрочно выкупить свой надел и выделиться из общины.

Особенная канцелярия по кредитной части – образована из Третьего отделения канцелярии министра финансов в 1824 г. Ведала делами о государственных кредитных учреждениях и внешними кредитами, вела делопроизводство Совета министра финансов по вопросам кредита

и денежного обращения, а также делопроизводство Совета государственных кредитных установлений. Помимо того, канцелярия вела переписку по реализации и погашению займов, изготовлению облигаций, платежу процентов и др. Возглавлял канцелярию директор. Ежегодные отчеты канцелярии о заграничных денежных операциях рассматривались особым Комитетом финансов при участии государственного контролера, а журналы комитета по этому предмету, равно как общие обозрения, представлялись на рассмотрение императора.

Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения – действовало при Государственном совете в 1905–1906 гг. под председательством И. Л. Горемыкина.

Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности – учреждено 22 января 1902 г. при Государственном совете под председательством С. Ю. Витте. В совещание входили министр земледелия и государственных имуществ и внутренних дел, а также другие лица по назначению императора. Председателю совещания было предоставлено право приглашать посторонних лиц с совещательным голосом. Просуществовало до 1905 г., когда вместо него было образовано Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения.

Палата депутатов Национального собрания Франции – по конституции 1875 г. законодательная власть во Франции принадлежала парламенту – Национальному собранию. Собрание состояло из палаты депутатов и Сената. Сенат избирался на 9 лет и каждые три года обновлялся на одну треть. Палата депутатов избиралась на 4 года.

Палестинское общество – научная и гуманитарная организация, основанная 21 мая 1882 г., уставными задачами которой являлись содействие православному паломничеству на Святую землю, научное палестиноведение и гуманитарное сотрудничество с народами Ближнего Востока.

Патриотическое общество – см. Императорское женское патриотическое общество.

Петербургский английский клуб – учрежден 1 марта 1770 г. и просуществовал около полутора веков. Официально это учреждение именовалось Санкт-Петербургским Английским собранием, но в обиходе чаще использовали другое название – Английский клуб. В конце 1771 г. число его членов достигло 260 человек, а к 1780 г. наплыв желающих поступить в члены клуба был так велик, что пришлось установить высшую норму – 300 человек. С началом XIX в. мода посещать

Английский клуб усилилась и продолжалась долго: быть членом клуба значило иметь светское положение. Хотя норма числа членов в 1817 г. была повышена до 350, а в 1853 г. — до 400, тем не менее в 1850-х гг. насчитывалось до 1000 кандидатов, которые по старшинству занимали открывавшиеся вакансии. Виднейшие люди стремились вступить в число членов клуба. Среди избранных были М. М. Сперанский, А. П. Ермолов, А. М. Горчаков, В. П. Кочубей, А. А. Абаза, А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, Н. И. Гнедич, В. А. Жуковский, Н. И. Греч и многие другие. А. А. Половцов состоял членом клуба в 1863–1869, 1881–1901 гг.

Попечитель — должностное лицо в Российской империи, возглавлявшее учебный округ.

Попечительство о домах трудолюбия и работных домах — основано 1 сентября 1895 г. по инициативе императрицы Александры Федоровны и ее личного секретаря графа Н. А. Ламздорфа как организация общероссийского характера, призванная координировать общественную и государственную деятельность в сфере трудовой помощи. С момента учреждения попечительства все организации трудовой помощи — как учрежденные прежде, так и возникшие позже — переходили в его ведение и были обязаны предоставлять ежегодные отчеты, а при учреждении — подавать сведения об этом. Председателем общества являлась императрица, вице-председателем состоял статс-секретарь А. С. Танеев. Комитет попечительства первоначально располагался в Зимнем дворце, позже — по адресу: Надеждинская улица, 44. Финансирование организации осуществлялось по высочайшим указам путем отчисления из сумм, находившихся в распоряжении Министерства внутренних дел и предназначавшихся на нужды общественного призрения. К моменту учреждения попечительства в его ведении по России находилось 42 организации трудовой помощи, к началу 1900-х гг. — около 140, а на 1 января 1914 г. — 282, причем число опекаемых ими лиц превышало 20 тысяч. Существовало два основных типа заведений трудовой помощи — дома трудолюбия, принимавшие добровольцев (нередко они формировались по сословному, профессиональному или образовательному признаку), и работные дома, где труд был принудительным. При домах трудолюбия нередко устраивались ночлежные дома, дешевые столовые, ясли для детей тружеников, пункты медицинской помощи и др. Особое внимание уделялось опеке безработных лиц, вышедших из больниц или освободившихся из мест заключения, а также бездомных подростков. С 1897 г. попечительство издавало журнал «Трудовая помощь».

Почетные граждане – особый привилегированный класс городских обывателей. Институт почетных граждан был введен императором Николаем I с целью ограничения получения дворянства представителями других сословий. Почетное гражданство было двух видов: личное, которое распространялось только на данное лицо и его жену, и потомственное, принадлежавшее всем нисходящим членам семьи. Существовало три способа приобретения почетного гражданства. Во-первых, по рождению право потомственного почетного гражданства приобретали дети личных дворян, дети духовенства (если они окончили полный курс в академии или семинарии), дети лютеранских и реформатских священников и т. д. Личное почетное гражданство получали дети церковнослужителей, не подходящих под вышеуказанные условия, дети чинов высшего мусульманского закавказского духовенства и др. Во-вторых, некоторые лица имели право ходатайствовать о причислении к почетному гражданству. К этой категории относились некоторые чиновники, купцы, доктора или магистры русских университетов и др. Право просить о личном почетном гражданстве принадлежало лицам, закончившим русские университеты, воспитанниками коммерческих училищ и др. В-третьих, почетное гражданство могло приобретаться по службе или по особым представлениям. Так, к личному почетному гражданству причислялись лица, получившие чин XIV класса и все высшие до девятого класса и др. До третьей четверти XIX в. почетные граждане обладали особыми правами и привилегиями. Они были освобождены от рекрутской повинности, от подушной подати, от телесных наказаний. К концу XIX в. институт почетных граждан утратил былое значение, так как в 1883 г. была отменена подушная подать, рекрутская повинность заменена всеобщей воинской повинностью в 1874 г., телесные наказания частично отменены в 1863 г., окончательно – в 1904 г.

Предводитель дворянства – выборная должность в системе сословного самоуправления дворянства и одновременно в системе местного самоуправления. Учреждена в 1785 г. «Жалованной грамотой дворянству» Екатерины II. Предводители дворянства существовали на губернском и уездном уровнях. Губернский предводитель дворянства избирался губернским дворянским собранием и утверждался императором. Уездного предводителя дворянства выбирало уездное дворянское собрание и утверждал губернатор.

Рабочие дома – см. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах.

Рейхстаг – выборный орган Германской империи, участвовавший в законодательстве, принятии бюджета и контроле за исполнительной властью. Учрежден имперской конституцией от 16 апреля 1871 г. на смену рейхстагу Северогерманского союза (17 апреля 1867 г.). Имперский рейхстаг просуществовал до 1918 г., как и Германская империя. Состоял в разные годы примерно из 370–400 депутатов. Избирался на три года, с 1888 г. – на пять лет на основе всеобщего, равного и прямого голосования по мажоритарным округам.

Русское общество пароходства и торговли – появилось в 1859 г., к концу XIX в. превратилось в крупное предприятие, игравшее значительную роль на рынке морской торговли на Черном море. Его главное управление находилось в Одессе. Уже в 1891 г. флот общества состоял из 75 судов. Позднее общество было преобразовано в Черноморское морское пароходство.

Санкт-Петербургское Общество врачей-гомеопатов – создано в 1868 г. Пользовалось поддержкой царской семьи и покровительством высших слоев духовенства. Первоначально общество планировало только научную деятельность. В дальнейшем одной из важнейших его целей стала благотворительность (открытие больниц, лечебниц, бесплатное распространение лекарств). С 1872 г. общество издавало «Журнал Санкт-Петербургских врачей-гомеопатов».

Сельский староста – выборное должностное лицо в Российской империи второй половины XIX – начала XX в., избирался сельским сходом, обладал ограниченной административно-полицейской властью.

Сельское общество – см. община.

Сенат – высший государственный орган, подчиненный императору. Учрежден Петром I в 1711 г. как высший орган по делам законодательства и государственного управления, проводил сенаторские ревизии. С первой половины XIX в. – высший судебный орган, осуществлял надзор за деятельностью государственных учреждений и чиновников, а также занимался толкованием законов. По судебным уставам 1864 г. – высшая кассационная инстанция. В 1872 г. в составе Сената учреждено Особое присутствие – высший суд по политическим делам. К концу XIX в. число департаментов Сената сократилось с двенадцати до шести. К ведомству первого департамента относились административные вопросы: издание распоряжений, разъяснение и обнародование законов, административная юстиция, дела по охране и удостоверению прав и преимуществ разных состояний и все

дела управления, превышавшие степень власти министров и главноуправляющих, поскольку они могли быть решены на основании существовавших законов и поскольку не относились к ведомству других департаментов. Второй (крестьянский, с 1884 г.) департамент ведал делами по устройству и управлению крестьянского сословия. В 1898 г. 4-й и 5-й апелляционные и Межевой департаменты были объединены в Судебный департамент. Кроме того, в состав Сената входил Департамент герольдии, который ведал делами о дворянстве и родословных книгах, о перемене фамилий. В 1866 г. учреждены два кассационных департамента – гражданский и уголовный – для заведования судебной частью в качестве верховного кассационного суда. Каждый департамент Сената состоял из определенного по штату числа сенаторов, обер-прокурора и его товарищей, канцелярии из обер-секретаря и его помощников. Помимо департаментов, в Сенате работали общие собрания: первое, второе и общее собрание кассационных департаментов. Первое состояло из департаментов первого, второго и герольдии, второе – из судебного и одного из кассационных, последнее состояло из двух кассационных департаментов. В 1906 г. в составе Сената был образован Верховный уголовный суд, рассматривавший преступления чиновников.

Сенатор – член Сената. Сенаторы назначались императором как из гражданских, так и из военных чинов, причем сенаторы, не лишаясь своего звания, могли занимать и другие должности. Исключение составляли сенаторы кассационных департаментов, которые могли назначаться только из лиц, состоявших не менее трех лет в должностях обер-прокурора, его товарища или председателя, члена или прокурора судебной палаты. Сенаторы кассационных департаментов не могли занимать никакой иной должности на службе государственной или общественной. Из сенаторов часть назначались к работе в департаментах, часть присутствовали лишь в общих собраниях, часть вовсе были освобождены от каких-либо занятий по Сенату. К числу последних обыкновенно принадлежали высшие сановники, члены Государственного совета, министры.

Собственная его императорского величества канцелярия по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, – возникла 26 февраля 1895 г. вследствие выделения из состава Императорской главной квартиры. Во главе ее стоял непосредственно подчиненный императору главноуправляющий, приравненный по правам и обязанностям к министрам. При посредстве этой канцелярии монарх осуществлял свое право помилования и другие высочайшие права.

Соединенные департаменты – собрание членов нескольких или всех департаментов.

Сход – см. Мирской сход.

Товарищ министра – помощник и заместитель министра (с 1802 г.). Первоначально не имел особого значения. Николай I предпринял попытку усилить значение товарищей министра, но министры избегали выбирать себе помощников, чтобы не ограничивать собственное влияния. К 1840 г. товарищ министра был только в военном министерстве. Отсутствие у министров заместителей на случай их болезни или отлучки вело к значительным практическим неудобствам, и в 1840 г. Николай I потребовал, чтобы каждый министр избрал себе товарища. К концу XIX в. роль товарищей министров возросла в связи с увеличением объема работы в министерствах. Некоторые товарищи заведовали отдельными ведомствами министерств. Например, товарищ министра юстиции заведовал межевой частью. Возросло и число министерских товарищей. В некоторых министерствах число их доходило до трех (Министерство внутренних дел, Министерство финансов). Должность товарища министра не имела постоянного характера и нередко учреждалась и упразднялась в зависимости от конкретной ситуации.

Уезд – низшая административная, судебная и фискальная единица в Российской империи (с 1775 г.). Россия разделялась на губернии (к концу XVIII в. их насчитывалось 50), которые в свою очередь состояли из уездов (по 20–30 тысяч душ мужского пола в каждом). С 1889 г. уезды подразделялись на 4–5 земских участков во главе с земским начальником.

Удельное ведомство – государственное учреждение Российской империи, с 1797 г. осуществлявшее управление имуществом (удельными землями, имениями, а до 1863 г. – также удельными крепостными крестьянами) императорской семьи.

Учебный округ – территориальная единица управления учебными заведениями, подведомственными Министерству народного просвещения.

Человеколюбивое общество – благотворительная организация для помощи нуждающимся, основанная 16 мая 1802 г. императором Александром I.

Список библиографических сокращений

- Богданович – *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990.
- Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II – Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009.
- Витте. Т. I. Кн. 1 – Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003.
- Витте. Т. I. Кн. 2 – Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003.
- Газенкампф – *Газенкампф М. А.* Мой дневник. 1877–1878 гг. СПб., 1908.
- Дневники Николая II – Дневники императора Николая II. 1894–1918 гг. Т. I. 1894–1904. М., 2011.
- Игнатъев – *Игнатъев А. А.* 50 лет в строю. М., 2002.
- Крыжановский – *Крыжановский С. Е.* Записки русского консерватора // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы). М., 2008. С. 609–612.
- Куропаткин – Дневник генерала А. Н. Куропаткина: отрывки из дневников, 17 ноября 1902 г. – 12 марта 1906 г. М., 2010.
- Ламздорф – *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1894–1896 гг. М., 1991.
- Лопухин – *Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний. М., 1923.
- Маклаков – *Маклаков В. А.* Вторая Государственная дума (воспоминания современника). Париж, 1939.
- Милютин – *Милютин Д. А.* Дневник генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876–1878. М., 2009.
- Мосолов – *Мосолов А. А.* При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1900–1916. М., 2006.
- Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. П. 1. – К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. Т. I. Полутом 1. М. – Пг., 1923.

- Письма Победоносцева к Александру III. Т. I – Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. I.
- Половцов. Т. I. – *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. М., 2005.
- Половцов. Т. II. – *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 2. М., 2005.
- Романов – *Романов Б. А.* Дипломатическое развязывание русско-японской войны 1904–1905 гг. // Исторические записки. № 8. М., 1940. С. 37–68.
- Симонова – *Симонова М. С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987.
- Соловьев. Самодержавие и дворянство I – *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973.
- Соловьев. Самодержавие и дворянство II – *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981.
- Толстой – *Толстой И. И.* Дневник 1906–1916. СПб., 1997.
- Шепелев – *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордены в Российской империи. Л., 1991.
- Шепелев 2 – *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999.
- Шванебах – *Шванебах П. Х.* Записки сановника // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы). М., 2008. С. 629–641.

Содержание

Источниковедческие и археографические проблемы реконструкции дневника А. А. Половцова (1893–1909 гг.)	5
А. А. Половцов (краткий биографический очерк)	37
От составителя	41
1893	43
1894	73
1895	123
1896	175
1897	186
1898	205
1899	224
1900	244
1901	275
1902	319
1903	399
1904	427
1905	468
1906	501
1907	541
1908	554
1909	569
Приложение (отрывки из дневника)	575
Аннотированный указатель имен	583
Указатель географических названий, мест и сооружений	641
Указатель государственных учреждений, административных единиц и должностей	677
Список библиографических сокращений	701

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

E-mail: fempro@mail.ru

Половцов Александр Александрович
Дневник. 1893–1909

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Ю. А. Корневская*

Корректор *И. Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя».

192171. Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

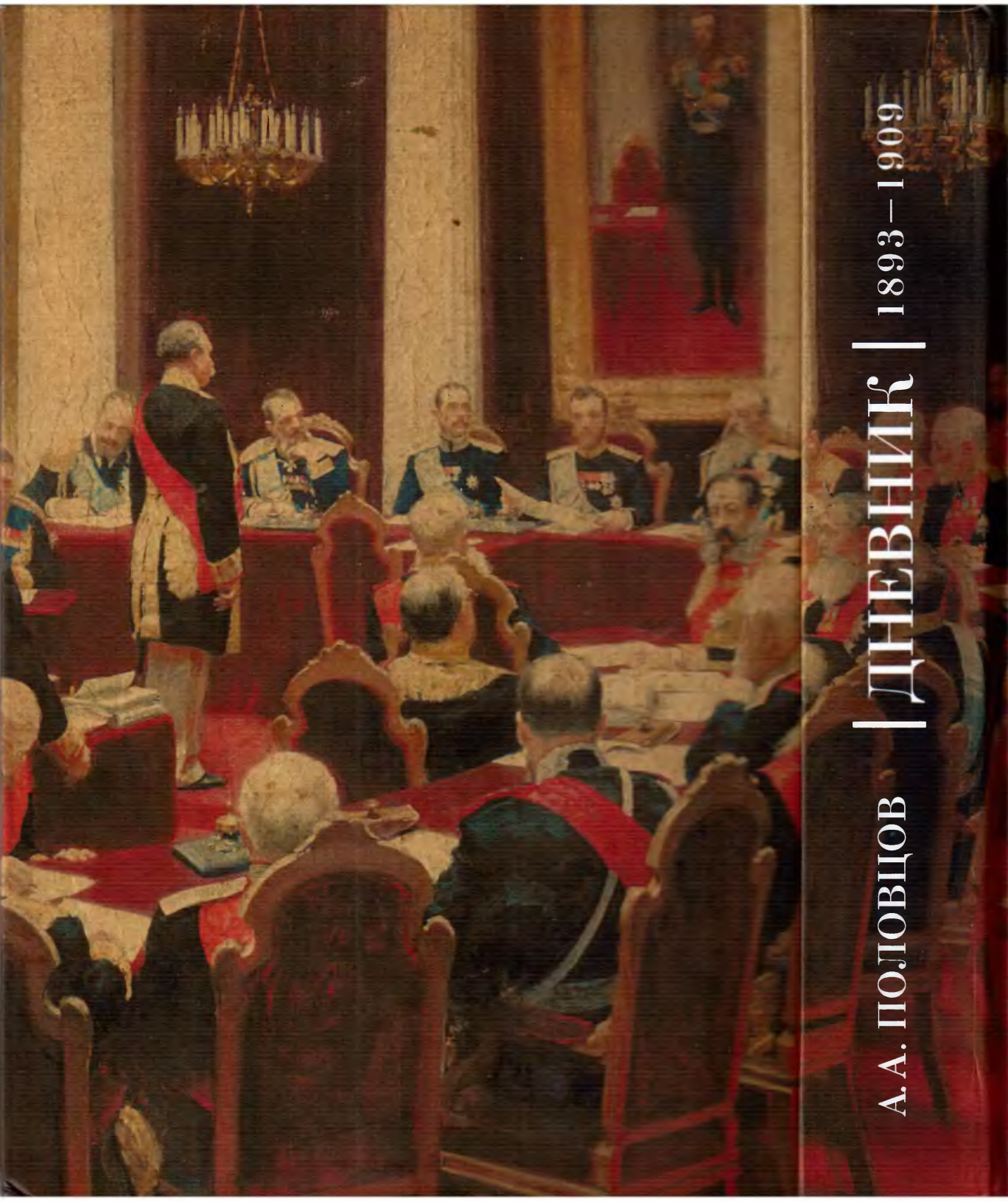
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₆. Усл. печ. л. 43,02. Печать офсетная.

А. А. ПОЛОВЦОВ

ДНЕВНИК | 1893 – 1909